Е. А. БОРАТЫНСКИЙ

Полное собрание сочинений и писем

ТОМ 1

Стихотворения 1818 — 1822 годов

Е. А. БОРАТЫНСКИЙ

Полное собрание
сочинений и писем

Е. А. Боратынский в начале 1820-х годов
Литография Ф. Шевалье

Е. А. БОРАТЫНСКИЙ

Полное собрание
сочинений и писем

ТОМ 1

Стихотворения
1818 – 1822 годов

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2002

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Б 82

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 00-04-16056*

Руководитель проекта *А. М. Песков*

Редакторы 1-го тома *А. Р. Зарецкий, А. М. Песков, И. А. Пильщиков*

Текстологическую работу провел и к публикации тексты подготовил *А. Р. Зарецкий*

Тексты 1-го тома подготовили: по рукописным источникам — *В. Н. Попов, Е. О. Ларионова, А. В. Дубровский, Е. Э. Лямина, Р. А. Евстифеева*; по печатным источникам — *Н. М. Войнова, А. Р. Зарецкий*

Текстологические примечания составили *О. В. Голубева, А. Р. Зарецкий, А. М. Песков, И. А. Пильщиков*

Комментарии подготовили *И. А. Пильщиков, О. В. Голубева, Н. Н. Мазур*

Фотографы *Б. А. Сосновский, Д. П. Эрастов*

Художник *С. А. Жигалкин*

Корректор *Е. И. Дворецкая*

Оригинал-макет выполнил *В. М. Дзядко*

В подготовке 1-го тома участвовали: *Е. Е. Давыдова, Ф. В. Дзядко, Е. В. Кизеева, В. В. Лучко, Ю. А. Пескова, Р. В. Пономарев, В. В. Расстригина, Ю. А. Сандлер*

Боратынский Е. А.

Б 82 Полное собрание сочинений и писем / Руководитель проекта А. М. Песков. — Т. 1. Стихотворения 1818—1822 годов / Ред. А. Р. Зарецкий, А. М. Песков, И. А. Пильщиков. — М.: «Языки славянской культуры», 2002. — 512 с.

ISBN 5-7859-0209-5

Настоящим томом открывается полное собрание сочинений и писем Е. А. Боратынского (1800—1844) — первое за полтора века изучения его жизни и творчества. В издании представлены все известные стихотворения, поэмы, литературно-критические и прозаические сочинения, переводы и письма Боратынского. Тексты подготовлены по прижизненным публикациям и рукописям. Все произведения заново прокомментированы.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящим томом открывается полное собрание сочинений и писем Е. А. Боратынского — первое за полтора века изучения его творчества. Единственное предыдущее издание подобного типа, выпуск которого начался в 1914 г. («Полное собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго» под редакцией М. Л. Гофмана. СПб., 1914. Т. I; 1915. Т. II), не было доведено до конца — вышли только два тома со стихотворениями и поэмами. Хотелось бы верить, что новому полному собранию сочинений Боратынского уготована лучшая судьба.

Предполагается напечатать все известные стихотворения, поэмы, прозаические сочинения, литературно-критические статьи, переводы и письма Боратынского, а также исправленный и дополненный текст «Летописи жизни и творчества Е. А. Боратынского» (1-е изд.: М., 1998).

Тексты произведений Боратынского проверены по печатным и доступным рукописным источникам. Помимо автографов и прижизненных публикаций, учитывались также авторитетные копии и посмертные публикации, в которых тексты Боратынского напечатаны по утраченным рукописным источникам. Проведенная работа позволила значительно уточнить тексты и датировки произведений Боратынского, выявить ряд автографов, считавшихся утраченными, установить, что некоторые рукописные тексты, считавшиеся автографами, являются копиями — и наоборот, обнаружить неучтенные ранее прижизненные публикации, и проч.

Все произведения прокомментированы заново и более подробно, нежели в предшествующих собраниях сочинений Боратынского.

Порядок публикации стихотворений

Большинство стихотворений Боратынский опубликовал несколько раз: сначала в периодическом издании (некоторые тексты напечатаны в журналах дважды), затем — в собраниях сочинений. Таких собраний было три: *Стихотворенія Евгенія Баратынскаго. М., 1827*; *Стихотворенія Евгенія Баратынскаго. М., 1835. Ч. I*; *Сумерки. Сочиненіе Евгенія Боратынскаго. М., 1842* — далее именуются сокращенно: *Изд. 1827*; *Изд. 1835*; *Сумерки* (полный список сокращений см. в конце настоящего тома).

Обычно, готовя стихотворение для новой публикации, Боратынский редактировал его — иногда весьма основательно: так, переделывая в 1823—1826 гг. элегию «На краткий миг пленяет в жизни радость...» (написана в 1819 — начале 1820 г.), он оставил четыре строки из шестнадцати и дописал еще четыре строки; перерабатывая в конце 1832—1833 г. «Признание» («Притворной нежности не требуй от меня...» — написано в 1823 г.), заменил тридцать строк из сорока двух.

Это обстоятельство порождает проблему эдиционной иерархии разных редакций стихотворений.

Не вызывает сомнений необходимость печатать в основном корпусе тексты поздних редакций, отражающих последние авторские решения. Но ранние редакции многих стихотворений имеют самостоятельную эстетическую и историко-литературную ценность, что позволяет сомневаться в правомерности их размещения вне основного корпуса текстов — в разделе «Другие редакции и варианты», как это принято в тех собраниях сочинений, где ранние редакции опубликованы.

Кроме того, возникает вопрос: в какой последовательности располагать тексты? Логично было бы печатать стихотворения Боратынского в той последовательности, в какой они расположены в итоговых сборниках — в Изд. 1835 (сюда вошли почти все стихотворения, опубликованные прежде в Изд. 1827) и в «Сумерках», ибо здесь представлены поздние редакции большей части стихотворений Боратынского. Но тогда многие стихотворения, не включенные в эти сборники или вовсе не публиковавшиеся при его жизни, окажутся в дополнительных разделах, что автоматически принизит их статус: например, «Размолвка», «Она», «Леда», «Вот верный список впечатлений...», «Опять весна, опять смеется луг...» <"На посев леса">, «Когда, дитя и страсти и сомненья...», «Пироскаф», «Дядьке Итальянцу» попадут в число «дополнительных» по отношению к тем, что помещены в основных разделах.

Расположение стихотворений Боратынского в хронологическом порядке создает иную проблему: хронологический порядок порождает существенные искажения — под годом сочинения ранней редакции публикуется текст поздней редакции, сочиненный на несколько лет позже соответствующей даты (например, среди стихотворений, написанных в 1823 г., печатается текст «Признания» в редакции конца 1832—1833 года).

В предшествующих изданиях стихотворений Боратынского, где они были представлены наиболее полно и подготовлены с критической проверкой по рукописным и печатным источникам, опробованы следующие способы расположения текстов:

а) Стихотворения печатаются в хронологическом порядке в ранних редакциях; тексты и варианты поздних редакций помещены в комментариях и в разделе «Другие редакции». Такой порядок принят с некоторыми исключениями М. Л. Гофманом в упомянутом выше «Полном собрании сочинений Е. А. Боратынского» 1914—1915 гг.

б) Стихотворения печатаются в хронологическом порядке в поздних редакциях; тексты и варианты ранних редакций или не публикуются (см.: Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений / Тексты подготовила Е. Н. Купреянова. Л., 1957. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е) или выборочно выносятся в раздел

«Другие редакции и варианты» (см.: Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений / Тексты подготовил В. М. Сергеев; редактор В. С. Киселев. Л., 1989. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 3-е).

в) Основной корпус издания составляют стихотворения, распределенные в той же последовательности, что и в прижизненных сборниках Боратынского, а в дополнительных разделах в хронологическом порядке напечатаны тексты, не вошедшие в прижизненные издания; ранние редакции помещены в разделе «Другие редакции и варианты».

Впервые такой способ расположения текстов избран Е. Н. Купреяновой и И. Н. Медведевой в первом советском издании произведений Боратынского (Баратынский. Полное собрание стихотворений. Т. I—II. Л., 1936. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 1-е). Тексты здесь опубликованы в таком порядке: 1) стихотворения из Изд. 1827; 2) стихотворения из Изд. 1835 (только те, что написаны после выхода Изд. 1827, но в той последовательности, в какой они напечатаны в Изд. 1835); 3) «Сумерки»; 4) стихотворения 1842—1844 гг. и стихотворения, не включавшиеся в прижизненные сборники, — в хронологическом порядке.

Л. Г. Фризман в двух изданиях, подготовленных им в «Литературных памятниках» (Е. А. Баратынский. Стихотворения. Поэмы. М., 1982) и в «Новой библиотеке поэта» (Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений. СПб., 2000), распределил тексты следующим образом: 1) стихотворения из Изд. 1835; 2) «Сумерки»; 3) стихотворения, не вошедшие в прижизненные сборники — в хронологическом порядке (этот раздел состоит из двух частей: опубликованное и неопубликованное при жизни Боратынского).

Во всех названных изданиях имеются также разделы «Коллективное» и «Dubia», а в изданиях 1914, 1989 и 2000 гг. — раздел, включающий прозаические автопереводы стихотворений на французский язык.

В настоящем издании принят следующий порядок распределения текстов по разделам:

Стихотворения 1818 — первой половины 1834 г.

«Сумерки. Сочиненіе Евгенія Боратынскаго».

Стихотворения 1835—1844 гг., не включенные в книгу «Сумерки» и написанные после ее выхода.

Детское и юношеское стихотворения.

Коллективное.

Dubia.

Прозаические автопереводы стихотворений на французский язык.

В первом разделе помещены стихотворения 1818 — первой половины 1834 г. Эти хронологические рамки определяются временем сочинения первых стихотворений (1818), опубликованных в журналах, и временем сочинения стихотворения «Вот

верный список впечатлений...», которым Боратынский собирался открыть Изд. 1835. Среди стихотворений, написанных до выхода в свет Изд. 1835 (как вошедших в это издание, так и не вошедших), только одно — «Как взоры томные свои...» — в переработанном виде (под заглавием «Новинское. А. С. Пушкину») было опубликовано Боратынским после 1835 года в книге «Сумерки».

Во всех разделах, кроме раздела «Сумерки», стихотворения печатаются в хронологическом порядке, соответствующем последовательности создания ранних редакций стихотворений. В разделе «Сумерки» сохраняется композиция этого сборника, ибо сам Боратынский определил его как самостоятельный цикл, дав ему подзаголовок *Сочиненiе* (а не *Сочиненiя*).

Сделана сплошная нумерация стихотворений.

Под каждым номером печатаются все редакции данного стихотворения в следующем порядке: сначала помещается текст, отражающий позднюю редакцию (последнюю законченную авторскую редакцию стихотворения), затем — полный текст ранней редакции. При наличии нескольких ранних редакций печатаются их полные тексты. Если известна хронология создания или публикации ранних редакций, то хронологически вторая помещается под рубрикой *Промежуточная редакция*. Если текст, представляющий собой вариант поздней редакции, не был опубликован самим Боратынским и история его создания неизвестна, он помещается под рубрикой *Вариант поздней редакции* или *Позднейшая редакция*. В *особую редакцию* выделен фрагмент стихотворения «Пора покинуть, милый друг...» (см. № 30), представленный в автографе как самостоятельный текст.

Значительная часть стихотворений, написанных до середины 1834 г., вошла в Изд. 1835, которое готовил к печати сам Боратынский. Немногие сохранившиеся автографы поздних редакций стихотворений, вошедших в Изд. 1835, датируются временем, предшествовавшим подготовке Изд. 1835. Поэтому поздние редакции стихотворений, вошедших в Изд. 1835, печатаются в настоящем издании не по автографам, а по этому изданию — как отражающему последние авторские решения.

Раздел «Другие редакции и варианты» упразднен.

Если правка, сделанная Боратынским при позднейшей переработке стихотворения, незначительна (изменены только отдельные слова), полный текст ранней редакции не печатается, а варианты ранних редакций приводятся в текстологических примечаниях.

Текстологические примечания

Под каждым стихотворением помещены текстологические примечания, включающие:

— сведения об источниках публикации стихотворений в настоящем издании, об автографах и авторитетных копиях (в основном это копии из бывших домашних архивов Боратынских, хранящиеся ныне в Пушкинском Доме и РГАЛИ);

— пояснения к датировкам стихотворений;

— ссылки на те издания и исследования, где впервые были приняты те или иные эдиционные решения, а также даны библиографические и хронологические уточнения (при упоминании таких изданий и исследований учтены только те из них, где соответствующие сведения были сообщены впервые);
— справки об истории публикации стихотворения в авторитетных посмертных собраниях сочинений.

Среди посмертных собраний сочинений Боратынского, помимо названных (полное собрание сочинений 1914—1915 гг. и полные собрания стихотворений 1936, 1957, 1982, 1989, 2000 гг.), учитывалось первое посмертное издание произведений Боратынского, подготовленное сыном поэта Львом Евгеньевичем: «Сочиненія Евгенія Абрамовича Баратынскаго». М., 1869. Многие тексты в этом издании напечатаны по рукописным источникам из домашнего архива, не всегда ясно идентифицируемым (издание, подготовленное другим сыном — Николаем Евгеньевичем: «Сочиненія Евгенія Абрамовича Баратынскаго». Казань, 1884, — является вторым, исправленным изданием вышедшего в 1869 г.).

При необходимости учитывались и другие издания, в которых произведения Боратынского публиковались по названным собраниям (до 1914 г. тексты перепечатывались преимущественно по изданиям 1869 и 1884 гг.; в советское время — по изданиям «Библиотеки поэта» и «Литературных памятников»).

Сведения, касающиеся интерпретации текстов, помещены в разделе *Комментарии*.

Датировки

Под текстами *поздних* и *промежуточных редакций* в ломаных скобках указаны, как минимум, две даты, указывающие, во-первых, на предполагаемое время сочинения стихотворения, во-вторых, на предполагаемое время переработки стихотворения. Если стихотворение перерабытывалось Боратынским несколько раз — указывается несколько дат; если стихотворение не перерабатывалось — указывается одна дата.

Под текстами *ранних редакций* отмечено только предполагаемое время сочинения стихотворения — как правило, это время, предшествовавшее первой публикации: так, если стихотворение было впервые напечатано в номере журнала, цензурное разрешение которому было дано, например, 1 апреля 1825 г., — под текстом ранней редакции ставится дата: *<До апреля 1825>*; если стихотворение было впервые напечатано в журнале, цензурное разрешение которому было дано 15 апреля 1825 г. — ставится дата: *<До середины апреля 1825>* и т.п. Датировки, основанные на других фактах (дата чтения стихотворения в Вольном обществе любителей российской словесности; дата, проставленная в автографе, и проч.), оформлены подобным же образом. Поскольку, из-за отсутствия документальных сведений, установить точное время сочинения большей части стихотворений Боратынского невозможно, настаивать на более строгих датировках в большинстве случаев не имеет смысла.

Даты *<1823—1826>*, *<1824—1826>*, *<1825—1826>*, *<конец 1832—1833>*, стоящие под текстами поздних редакций, в текстологических примечаниях не оговариваются, поскольку отсылают к одним и тем же фактам:

<1823—1826> — предполагаемое время переработки стихотворений, написанных до середины 1823 г., — для издания их К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым (издание не состоялось) и вошедших затем в Изд. 1827;

<1824—1826>, *<1825—1826>* — предполагаемое время переработки стихотворений, написанных в 1824 и 1825 гг. — для Изд. 1827;

<Конец 1832—1833> — время подготовки Изд. 1835.

О времени работы над стихотворениями, предназначенными для их публикации в издании Рылеева и Бестужева, в Изд. 1827 и в Изд. 1835 см. в конце настоящего тома «Историю подготовки стихотворений Боратынского для изданий 1827, 1835 и 1842 гг.».

* * *

Тексты печатаются с сохранением орфографии и пунктуации источников. Исправления сделаны только в тех случаях, когда правописание слов, расстановка или отсутствие знаков препинания в источниках могут быть квалифицированы как опечатки (что определяется либо немногочисленными устойчивыми орфографическими и пунктуационными нормами 1810-х — начала 1840-х гг., либо текстами других авторитетных источников данного стихотворения). Исправления оговорены в текстологических примечаниях. Цитаты, как на русском, так и на других языках, в комментариях и в текстологических примечаниях даны с сохранением орфографии и пунктуации цитируемых источников.

На начальном этапе подготовки настоящего издания важную работу провели **В. В. Байда, М. М. Брыкина, Ю. Л. Вишневецкая, О. О. Волкова, Е. А. Гурская, А. М. Долгополова, Л. В. Ерастова, О. М. Кауфман, Н. В. Крыжко, Н. С. Латышева, М. А. Летарова, Д. И. Митин, А. А. Петрова, Н. В. Сарафанова, М. А. Тимохина, Е. Н. Хворикова, А. В. Чеканова**.

При подготовке настоящего тома значительную помощь своими практическими советами и услугами оказали: **М. В. Акимова** (Москва, «Philologica»), **Т. Д. Акишина** (Москва, РГБ), **А. К. Бегинина** (Москва), **А. Ю. Бобосов** (Москва, ГЛМ), **К. Г. Боленко** (Москва, Музей-усадьба «Архангельское»), **С. Г. Бочаров** (Москва, ИМЛИ), **В. В. Варганова** (Москва), **М. Н. Виролайнен** (Петербург, Пушкинский Дом), **Н. Б. Волкова** (Москва, РГАЛИ), **Л. Я. Воронова** (Казань, Казанский университет), **М. Л. Гаспаров** (Москва, Институт русского языка РАН), **Т. П. Гончарова** (Москва, Музей-усадьба «Мураново»), **З. В. Гронская** (Моск-

ва, ГЛМ), **А. Л. Доброхотов** (Москва, МГУ), **С. А. Долгополова** (Москва, Музей-усадьба «Мураново»), **Т. И. Жигунова** (Москва, РГНФ), **А. И. Журавлева** (Москва, МГУ), **П. Р. Заборов** (Петербург, Пушкинский Дом), **И. В. Завьялова** (Казань, Музей Е. А. Боратынского), **Т. Г. Иванова** (Петербург, Пушкинский Дом), **Л. Н. Иванова** (Петербург, Пушкинский Дом), **Д. П. Ивинский** (Москва, МГУ), **А. А. Илюшин** (Москва, МГУ), **М. А. Климкова** и **А. В. Климков** (Тамбов), **Н. Н. Колесова** (Петербург, Пушкинский Дом), **Т. И. Краснобородько** (Петербург, Пушкинский Дом), **О. В. Маринин** (Москва, ГАРФ), **Г. А. Марущак** (Москва, РГБ), **В. А. Мильчина** (Москва), **Н. И. Михайлова** (Москва, Гос. музей А.С.Пушкина), **Н. Н. Невзорова** (Петербург, РНБ), **А. Я. Невский** (Москва, ГЛМ), **И. А. Новицкая** (Казань, Научная библиотека Казанского университета), **Е. Р. Обатнина** (Петербург, Пушкинский Дом), **Л. Д. Опульская-Громова** (Москва, ИМЛИ), **М. М. Павлова** (Петербург, Пушкинский Дом), **С. И. Панов** (Москва), **Н. С. Прохоренко** (Петербург, филиал Архива Академии наук), **В. А. Расстригин** (Москва, Гос. музей А.С.Пушкина), **Ф. Ш. Рысина** (Москва, Гос. музей А. С. Пушкина), **Е. В. Семенов** (Москва, РГНФ), **М. М. Сидорова** (Казань, Казанский университет), **Е. В. Скворцова** (Казань, Музей Е. А. Боратынского), **Н. И. Соболев** (Петрозаводск, Петрозаводский университет), **М. В. Строганов** (Тверь, Тверской университет), **А. Н. Судобина** (Москва, МГУ), **О. Ю. Сурова** (Москва, МГУ), **С. А. Фомичев** (Петербург, Пушкинский Дом), **Л. Г. Фризман** (Харьков, Харьковский университет), **Г. Хетсо** (**G. Kjetsaa**; Oslo, Slavisk-Baltisk Institutt), **Е. А. Усова** (Москва, Гос. музей А. С. Пушкина), **М. И. Шапир** (Москва, «Philologica»), **Н. И. Шлёнская** (Москва, НБ МГУ), **В. Г. Шпильчин** (Тамбов).

Отдельно следует вспомнить **Вадима Эразмовича Вацуро** (1935—2000). Подготовка собрания сочинений Боратынского началась еще при его жизни. Многие принципы нашего издания противоречат принципам, которые отстаивал он. Но если бы в течение 1980—1990-х гг. В. Э. Вацуро не поддерживал своими сочувственными советами и полемическими замечаниями наше изучение Боратынского, это издание не могло бы состояться.

* * *

Расположение стихотворений Боратынского в настоящем издании

Стихотворения 1818 — первой половины 1834 г.

1.1. «Взгляните: свѣжестью младой...»

1.2. Мадригалъ. Пожилой женщинѣ и все еще прекрасной («И въ осень лѣтъ — красы младой...») *Ранняя редакция*

2. Къ Алинѣ («Тебя я нѣкогда любилъ...»)
3.1. «Тебяль изобразить и ты-ль изобразима?...»
3.2. Портретъ В... («Какъ описать тебя? я право самъ не знаю!..») *Ранняя редакция*
4. Любовь и Дружба (Въ альбомъ) («Любовь и Дружбу различаютъ...»)
5. «Мы будемъ пить вино по гробъ...»
6. «Здѣсь погребенъ армейской Капитанъ...»
7. «Въ пустыхъ разщетахъ, въ грубомъ снѣ...»
8. <Эпиграмма> («Дамонъ! ты началъ — продолжай...»)
9. Къ Креницыну («Товарищь радостей младыхъ...»)
10.1. Дельвигу («Такъ, любезный мой Горацій...»)
10.2. Къ Дельвигу («Такъ, любезный мой Горацій...») *Ранняя редакция*
11. Прощанье («Простите, милые досуги...»)
12.1. «Тебѣ на память, въ книгѣ сей...»
12.2. Ш—му (Въ Альбомъ) («Пускай измаранный листокъ...») *Ранняя редакция*
12.3. «Землякъ! въ странѣ чужой, суровой...» *Вариант поздней редакции*
13. Отрывки изъ Поэмы: Воспоминанія («Посланница небесъ, безсмертныхъ даръ счастливый...»)
14.1. «И такъ, мой милый, не шутя...»
14.2. Б—му (при отъѣздѣ его въ армію) («И такъ, безпечнаго досуга...»).*Ранняя редакция*
14.3. Къ **** при отъѣздѣ въ армію («И такъ, мой милый, не шутя...») *Промежуточная редакция*
15.1. «Онъ близокъ, близокъ день свиданья...»
15.2. Элегія («Уже ли близокъ часъ свиданья!..») *Ранняя редакция*
16.1. «Поэтъ Писцовъ въ стихахъ тяжеловатъ...»
16.2. Эпиграмма («Хоть глуповатъ подъ часъ Дамонъ...») *Ранняя редакция*
17. Къ Кюхельбекеру («Прости, Поэтъ! судьбина вновь...»)
18.1. «Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой...»
18.2. Посланіе къ Б... Дельвигу («Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой...») *Ранняя редакция*
19. К—ву («Любви веселой проповѣдникъ...»)
20.1. «Разстались мы; на мигъ очарованьемъ...»
20.2. Элегія («На краткій мигъ плѣняетъ въ жизни радость...») *Ранняя редакция*
21.1. «Незнаю? милая, Незнаю!..»
21.2. <Мадригалъ>. Къ дѣвушкѣ, которая — на вопросъ, какъ ее зовутъ — отвѣчала: не знаю («Не знаю! милое не знаю...») *Ранняя редакция*
22.1. «Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ...»
22.2. Лидѣ («Твой дѣтской вызовъ мнѣ пріятенъ...») *Ранняя редакция*
23.1. Подражаніе Лафару («Свободу давъ тоскѣ моей...»)

23.2. <Элегія> («Заснули рощи надъ потокомъ...») *Ранняя редакция*
23.3. Элегія («Дремала роща надъ потокомъ...») *Промежуточная редакция*
24. Весна (Элегія) («Мечты волшебныя, вы скрылись отъ очей!..»)
25.1. Финляндія («Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца...»)
25.2. Финляндія («Громады вѣчныхъ скалъ, гранитныя пустыни...») *Ранняя редакция*
26. Финскимъ красавицамъ (Мадригалъ) («Такъ — вашъ языкъ еще мнѣ новъ...»)
27.1. «Живи смѣлѣй, товарищъ мой...»
27.2. К—ну («Живи смѣлѣй, товарищъ мой...») *Ранняя редакция*
28.1. «Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ...»
28.2. «Повѣрь, мой милой другъ, страданье нужно намъ...» *Ранняя редакция*
29.1. «Разсѣяваетъ грусть веселый шумъ пировъ...»
29.2. Уныніе («Разсѣеваетъ грусть веселый шумъ пировъ...») *Ранняя редакция*
29.3. Лагерь («Разсѣеваетъ грусть пировъ веселый шумъ...») *Позднейшая редакция*
30.1. «Пора покинуть, милый другъ...»
30.2. <Элегія> (Н. М. К.) («Пора покинуть, милый другъ...») *Ранняя редакция*
30.3. «Нельзя ль найти любви надежной...» *Особая редакция*
31.1. «Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...»
31.2. Эпилогъ («Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...») *Ранняя редакция*
32. «Младыя Граціи сплели тебѣ вѣнокъ...»
33. «Мила какъ Грація, скромна...»
34. «Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ...»
35.1. «Прощай, отчизна непогоды...»
35.2. <Элегія> («Прощай, отчизна непогоды...») *Ранняя редакция*
36. «Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найдти...»
37.1. Елизійскія поля («Бѣжитъ невѣрное здоровье...»)
37.2. Елисейскія поля («Бѣжитъ невѣрное здоровье...») *Ранняя редакция*
38. «Такъ! отставнаго шалуна...»
39. Больной («Други! радость измѣнила...»)
40.1. Пѣсня («Страшно воетъ, завываетъ...»)
40.2. Руская пѣсня («Страшно воетъ, завываетъ...») *Ранняя редакция*
41.1. «Одинъ, и пасмурный душою...»
41.2. Бдѣніе («Одинъ съ любимою мечтою...») *Ранняя редакция*
41.3. Тоска («Одинъ за чашей пуншевою...») *Ранняя редакция*
42.1. Въ Альбомъ («Вы слишкомъ многими любимы...»)
42.2. Въ Альбомъ («Вы слишкомъ многими любимы...») *Ранняя редакция*
42.3. «Вы слишкомъ многими любимы...» *Ранняя редакция*
43. «Приманкой ласковыхъ рѣчей...»

68.2. Къ Дельвигу («Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой...») *Ранняя редакция*
69.1. Г—чу («Врагъ суетныхъ утѣхъ и врагъ утѣхъ позорныхъ...»)
69.2. <Гнѣдичу отъ Баратынскаго> («Души признательной всегдашній властелинъ...») *Ранняя редакция*
69.3. Г—чу, который совѣтовалъ Сочинителю писать Сатиры («Врагъ суетныхъ утѣхъ и врагъ утѣхъ позорныхъ...») *Промежуточная редакция*
70. «Ты ропщешь, важный журналистъ...»
71. Эпиграмма («Вездѣ бранитъ поэтъ Клеонъ...»)
72. «Идилликъ новый на искусъ...»
73.1. Паденье листьевъ («Желтѣлъ печально злакъ полей...»)
73.2. Паденье листьевъ («Поблекнули ковры полей...») *Ранняя редакция*
73.3. Паденіе листьевъ («Поблекнули ковры полей...») *Ранняя редакция*
74. Лета («Душь холодныхъ упованье...»)
75.1. Размолвка («Мнѣ о любви твердила ты шутя...»)
75.2. Размолвка («Прости сказать ты поспѣшаешь мнѣ...») *Ранняя редакция*
76.1. «Желанье счастія въ меня вдохнули боги...»
76.2. Безнадежность («Желанье счастія въ меня вдохнули боги...») *Ранняя редакция*
77.1. Н. И. Гнѣдичу («Такъ! для отрадныхъ чувствъ еще я не погибъ...»)
77.2. Н. И. Гнѣдичу («Нѣтъ! въ одиночествѣ душой изнемогая...») *Ранняя редакция*
77.3. Н. И. Гнѣдичу («Столицей шумною въ изгнаньи позабытъ...») *Ранняя редакция*
78.1. Лутковскому («Влюбился я, полковникъ мой...»)
78.2. Къ ** («Влюбился я, Полковникъ мой...») *Ранняя редакция*
79. «О счастіи съ младенчества тоскуя...»
80.1. «Притворной нѣжности не требуй отъ меня...»
80.2. Признаніе («Притворной нѣжности не требуй отъ меня...») *Ранняя редакция*
81. «Когда взойдетъ денница золотая...»
82. «Когда придется какъ нибудь...»
83.1. Богдановичу («Въ садахъ Элизія, у водъ счастливой Леты...»)
83.2. Богдановичу («Въ садахъ Элизія, у водъ счастливой Леты...») *Ранняя редакция*
84. «Очарованье красоты...»
85. Она («Есть что-то въ ней, что красоты прекраснѣй...»)
86. «Мы пьемъ въ любви отраву сладкую...»
87.1. «Взгляни на звѣзды: много звѣздъ...»
87.2. Звѣзда («Взгляни на звѣзды: много звѣздъ...») *Ранняя редакция*
88.1. «Повѣрь, мой милый! твой Поэтъ...»

114. «Въ своихъ листахъ душонкой ты кривишь...»
115. Эпиграмма («Что ни болтай, а я великой мужъ!..»)
116. «Тебѣ я младость шаловливу...»
117. «Есть гротъ: Наяда тамъ въ полдневные часы...»
118.1. «Когда-бъ избрать возможно было мнѣ...»
118.2. Въ Альбомъ («Когда-бъ избрать возможно было мнѣ...») *Ранняя редакция*
119.1. «Есть милая страна, есть уголъ на землѣ...»
119.2. «Есть вожделѣнный край, есть уголъ на землѣ...» *Ранняя редакция*
120. «Откуда взялъ Василій непотѣшный...»
121. «Хотите-ль знать всѣ таинства любви?..»
122. «Окогченная летунья...»
123. «Перелетай къ веселью отъ веселья...»
124. «Не бойся ѣдкихъ осужденій...»
125. «Убогъ умомъ, но не убогъ задоромъ...»
126. «Грузинской Князь, газетчикъ руской...»
127. «Какъ сладить съ глупостью глупца?..»
128. Послѣдняя смерть («Есть бытіе; но имянемъ какимъ...»)
129.1. «Судьбой наложенныя цѣпи...»
129.2. Мара («Самовластительныя цѣпи...») *Ранняя редакция*
129.3. Стансы («Обременительныя цѣпи...») *Ранняя редакция*
130. «Прости, мой милый, такъ создать...»
131. «Мой старый пёсъ! Ты псомъ окончилъ вѣкъ!..»
132. Изъ А. Шенье («Подъ бурею судебъ, унылый, часто я...»)
133. «Люблю деревню я и лѣто...»
134. Старикъ («Вѣнчали розы, розы Леля...»)
135.1. «Какъ ревностно ты самъ себя дурачишь!..»
135.2. Эпиграмма («Какъ ревностно ты самъ себя дурачишь!..») *Ранняя редакция*
136. «Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ...»
137. «Мой даръ убогъ и голосъ мой не громокъ...»
138. «Глупцы не чужды вдохновенья...»
139. «Не подражай: своеобразенъ геній...»
140. «Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ...»
141. «Слыхалъ я, добрые друзья...»
142.1. «Тебя изъ тьмы не изведу я...»
142.2. Смерть («О смерть! твое именованье...») *Ранняя редакция*
142.3. Смерть («Смерть дщерью тьмы не назову я...») *Вариант поздней редакции*
143. При посылкѣ Бала С. Э. («Тебѣ ль, невинной и спокойной...»)
144.1. «По замѣчанью моему...»
144.2. «Когда замѣтить не грѣшно...» *Ранняя редакция*
145. К. З. А. Волконской («Изъ царства виста и зимы...»)

146. «Нѣтъ, обманула васъ молва...»
147.1. «Хвала, маститый нашъ Зоилъ!..»
147.2. Историческая эпиграмма («Хвала, маститый нашъ Зоилъ!..») *Ранняя редакция*
147.3. Ѵсторіческая Епіграмма («Хвала, мастѵтый нашъ Зоілъ!..») *Вариант поздней редакции*
148. Эпиграмма («Повѣрьте мнѣ — Фигляринъ моралистъ...»)
149. Эпиграмма («Въ восторженномъ невѣжествѣ своемъ...»)
150. «Что пользы вамъ отъ шумныхъ вашихъ преній?..»
151.1. К. А. Свербеевой («Въ небѣ нашемъ изчезаетъ...»)
151.2. Въ Альбомъ отъѣзжающей («Въ небѣ нашемъ исчезаетъ...») *Ранняя редакция*
151.3. «Я слыхалъ: звѣзда иная...» *Промежуточная редакция*
152. «Порою ласковую Фею...»
153. Отрывокъ («ОНЪ. Подъ этой липою густою...»)
154.1 «Не ослѣпленъ я музою моею...»
154.2. Муза («Не ослѣпленъ я Музою моею...») *Ранняя редакция*
155. «Чудный градъ порой сольется...»
156.1. «Когда печалью вдохновенный...»
156.2. Подражателямъ («Когда печаль свою поётъ...») *Ранняя редакция*
157. «Такъ, онъ лѣнивецъ, онъ негодникъ...»
158. Эпиграмма («Онъ вамъ знакомъ. Скажите, кстати...»)
159. Эпиграмма («Писачка въ Фебовъ дворъ явился...»)
160. «Хотя ты малой молодой...»
161. «Люблю я красавицу...»
162. «Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ...»
163. «Не славь, обманутый Орфей...»
164. «Въ дни безграничныхъ увлеченій...»
165. Н. М. Языкову («Языковъ, буйства молодаго...»)
166.1. Языкову («Бывало, свѣтъ позабывая...»)
166.2. «Плющемъ и гроздіемъ вѣнчая...» *Ранняя редакция*
167. «Кто непремѣнный мой ругатель?..»
168. Мадона («Близь Пизы, въ Италіи, въ полѣ пустомъ...»)
169. На смерть Гете («Предстала, и старецъ великой смѣжилъ...»)
170. А. А. Ф...ой («Вы дочерь Евы какъ другая...»)
171. Н. Е. Б........ («Двойною прелестью опасна...»)
172. «Храни свое неопасенье...»
173. «О, вѣрь: ты нѣжная дороже славы мнѣ...»
174. «Гдѣ сладкой шопотъ...»
175. «Своенравное прозванье...»
176. «Нежданное родство съ тобой даруя...»

177. «Дитя мое, она сказала...»
178. «Наслаждайтесь: все проходитъ!..»
179. «Къ чему невольнику мечтанія свободы?..»
180.1. «Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь...»
180.2. «Я посѣтилъ тебя, задумчивая сѣнь...» *Ранняя редакция*
181. «Когда изчезнетъ омраченье...»
182.1. «Я не любилъ ее, я зналъ...»
182.2. «Я не любилъ ее, я вѣдалъ, что другая...» *Ранняя редакция*
183. «Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье...»
184. «О мысль! тебѣ удѣлъ цвѣтка...»
185.1. «Мой неискусный карандашъ...»
185.2. «Мой неискусный карандашъ...» *Ранняя редакция*
186. К. А. Тимашевой («Вамъ все дано съ щедротою пристрастной...»)
187. «Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!..»
188. «Не разтравляй моей души...»
189. «Вотъ вѣрный списокъ впечатленій...»

«Сумерки. Сочиненіе Евгенія Боратынскаго»
190. Князю Петру Андреевичу Вяземскому («Какъ жизни общіе призывы...»)
191. Послѣдній Поэтъ («Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ...»)
192.1. «Предразсудокъ! онъ обломокъ...»
192.2. Предразсудокъ («Предразсудокъ! Онъ обломокъ...») *Ранняя редакция*
193.1. Новинское. А. С. Пушкину («Она, улыбкою своей...»)
193.2. «Какъ взоры томные свои...» *Ранняя редакция*
193.3. А. С. П.....у («Когда поэта красота...») *Промежуточная редакция*
194.1. Примѣты («Пока человѣкъ естества не пыталъ...»)
194.2. Примѣты («Пока человѣкъ естества не пыталъ...») *Ранняя редакция*
195. «Всегда и въ пурпурѣ и златѣ...»
196. «Увы! Творецъ непервыхъ силъ!..»
197.1. Недоносокъ («Я изъ племени духовъ...»)
197.2. Недоносокъ («Я изъ племени духовъ...») *Ранняя редакция*
198. Алкивіадъ («Облокотясь передъ мѣдью образъ его отражавшей...»)
199. Ропотъ («Краснаго лѣта отрава, муха досадная, что ты...»)
200. Мудрецу («Тщетно, межь бурною жизнью и хладною смертью, философъ...»)
201. «Филида, съ каждою зимою...»
202. Бокалъ («Полный влагой искрометной...»)
203. «Были бури, непогоды...»
204. «На что вы дни! Юдольный міръ явленья...»
205. Ахиллъ («Влага Стикса закалила...»)
206. «Сначала, мысль, воплощена...»
207. «Еще какъ Патріархъ не древенъ я; моей...»

Стихотворения 1835—1844 гг., не включенные в книгу «Сумерки» и написанные после ее выхода

Детское и юношеское стихотворения

Коллективное

Е. А. БОРАТЫНСКИЙ.
ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Боратынский родился 19 февраля 1800 г. в имении Вяжля Кирсановского уезда Тамбовской губернии*. Его родители — генерал-лейтенант в отставке Абрам Андреевич и Александра Федоровна — переехали в свое степное поместье за год до появления у них первенца, после того, как А. А. Боратынский оказался в немилости у Павла I.

В 1804 г. Абрам Андреевич поставил новый дом в нескольких верстах от прежнего — в урочище, называемом Мара, и отныне Мара стала центром всей вяжлинской усадьбы.

Семейство росло. К 1810 г. у Боратынских было семь детей: кроме Евгения сыновья Ираклий, Лев, Сергей и дочери София, Наталия, Варвара. Их воспитанием и обучением ведала Александра Федоровна, получившая несравненно более обширное образование, нежели ее муж. С 1805 г. вести уроки с детьми помогал гувернер-итальянец Жьячинто Боргезе, ставший вскоре почти членом семьи.

В четыре года Евгений Боратынский умел читать, а в 6 лет писать по-русски и по-французски. Первое известное сведение о его характере и поведении относится к началу 1804 г. — в одном из писем к сестре Абрам Андреевич, упоминая сына, говорит, что «это такой робенок, что в жизни моей не видывал такого добронравного и хорошего дитя» (Летопись. С. 50).

Аналогичные сведения, почерпнутые из семейной переписки старших родственников Боратынского, и его собственные детские письма показывают, что он хорошо усвоил письменные формулы вежливого обращения к старшим родственникам («Любезные мои папинька, маминька и тiотiнька»; «Ma chère maman»; «Желаю вамъ всякаго здаровья и благополучiя...»; «пакорнейше васъ благодарю...»; «цалую вашу ручку...»; «вашъ покорный и послушный сынъ...» и т. п. — см.: Летопись. С. 52—53). Но эти формулы не передают, кажется, никаких иных оттенков чувств, кроме одного — желания соответствовать своему внутрисемейному статусу послушного сына и племянника.

---

* Все упоминания о фактах жизни Боратынского основаны на сведениях, содержащихся в «Летописи жизни и творчества Е. А. Боратынского» (М., 1998); ссылки на «Летопись» сделаны только в случаях цитирования текстов по этому изданию.

Если реконструировать детское самосознание Боратынского по его позднейшим письмам 1812—1816 гг. к маменьке из Петербурга (такая реконструкция приемлема, ибо после отъезда из Мары внутрисемейный статус Боратынского как бы законсервировался), стоит добавить, что роль послушного сына предполагала одну особенность его поведения перед лицом матери (отношения с отцом не оставили следов — см.: «Мне память образа его не сохранила» — № 180*): установку на душевную искренность — установку, видимо, воспитанную и, может быть, даже требуемую Александрой Федоровной. Можно думать, что именно детское общение с маменькой послужило для Боратынского прообразом той идеальной формы душевного общения, мысль о котором будет впоследствии определять смысл его повседневного существования.

В 1808 г., спасаясь от эпидемии чумы, Боратынские переехали в смоленские имения отца Абрама Андреевича — Голощапово и Подвойское, а через год обосновались в Москве. Здесь 24 марта 1810 г. Абрам Андреевич скоропостижно умер. Попечение о его сыновьях взяли на себя его братья: 7 сентября 1810 г. Евгений и Ираклий Боратынские были зачислены в Пажеский корпус с правом оставаться до времени в семье. Александра Федоровна, пробыв с детьми в Москве еще год после смерти мужа, в мае 1811 г. вернулась в Мару. В 20-х числах апреля 1812 г. Евгения отправили в Петербург.

Проведя пять месяцев в пансионе, он был определен 9 октября 1812 г. в младший, 4-й класс Пажеского корпуса. Видимо, на протяжении первого и большей части второго года пребывания в корпусе Боратынский сохранял установку на послушание и исполнительность — осенью 1813 г. он был переведен в следующий, 3-й класс, 18 октября награжден свидетельством об успехах, а гувернеры оценивали его поведение только похвально: «нрава хорошего» (Летопись. С. 60—64).

Но во второй половине 1814 г. наступил перелом. В сентябре Боратынский был оставлен на второй год в 3-м классе, а в кондуитных записях гувернеров стали регулярно появляться отрицательные оценки: «поведения и нрава дурного; был под штрафом» (Максимов 1870. С. 203). Письма к маменьке за вторую половину 1814 — первую половину 1815 г. свидетельствуют о его уязвленном самолюбии и остром желании противопоставить повседневному корпусному существованию иной образ жизни: в сентябре — начале октября 1814 г. он пишет о любви к поэзии и намерении стать автором; в ноябре просит у маменьки разрешения вступить в морскую службу; в апреле—июне 1815 г. рассуждает о науке любви к матери как высшей ценности бытия, ради которой он готов пожертвовать всеми прочими науками:

«Наш экзамен закончен. Я остался в том же классе. <...> Нынче же, в минуты отдохновения, я перевожу и сочиняю небольшие пиесы и, по правде говоря, ничто я

---

* В настоящем очерке все тексты цитируются, независимо от источника цитаты, в современной орфографии и пунктуации. При цитировании стихотворений Боратынского указывается номер, под которым текст напечатан в настоящем издании.

не люблю так, как поэзию. Я очень желал бы стать автором. В следующий раз пришлю вам нечто вроде маленького романа, который я сейчас завершаю. Мне очень важно знать, что вы о нем скажете. Если вам покажется, что у меня есть хоть немного таланта, тогда я буду стремиться к совершенству, изучая правила».

«Осмелюсь ли вновь повторить свою просьбу, до мореплавания относящуюся? Умоляю вас, любезная маменька, согласиться на эту милость. Мои блага, вам столь дорогие, как вы сами говорите, требуют этого неотменно. Я знаю, что должно выдержать вашему сердцу, видя меня на службе столь опасной. Но скажите мне, знаете ли вы место во вселенной, вне царства Океана, где жизнь человека не была бы подвержена тысяче опасностей, где смерть не похищала бы сына у матери, отца, сестру? всюду ничтожное дуновение способно сломать хрупкую пружину, которую мы называем бытием. Что бы вы ни говорили, любезная маменька, есть вещи, подвластные нам, а управление другими поручено Провидению. Наши действия, наши мысли зависят от нас самих, но я не могу поверить, что наша смерть зависит от выбора службы на земле или на море. Как? возможно ли, чтобы судьба, определившая исход моему поприщу, исполнила свой приговор на Каспийском море и не сумела бы настичь меня в Петербурге? Умоляю вас, любезная маменька, не приневоливать мою страсть. Я не мог бы служить в гвардейцах: их слишком щадят. Когда бывает война, они ничего не делают и пребывают в постыдной праздности. И вы называете это жизнью! Нет, ничем не смущаемый покой — это не жизнь. Поверьте, любезная маменька, можно привыкнуть ко всему, кроме покоя и скуки. Я бы избрал лучше полное несчастие, чем полный покой; по крайней мере, живое и глубокое чувство обняло бы целиком душу, по крайней мере, переживание бедствий напоминало бы о том, что я существую. И в самом деле, я чувствую, мне всегда требуется что-то опасное, всего меня захватывающее; без этого мне скучно. Вообразите, любезная маменька, неистовую бурю и меня, на верхней палубе, словно повелевающего разгневанным морем, доску между мною и смертью, чудищ морских, пораженных дивным орудием, созданием человеческого гения, властвующего над стихиями. А после... я буду писать к вам сколь возможно часто обо всем, что увижу прекрасного».

«Вот уже весна, уже все улицы в Петербурге сухи, и можно гулять сколько угодно. Право, великая радость — наблюдать, как весна неспешно украшает природу. Наслаждаешься с великой радостию, когда замечаешь несколько пробившихся травинок. Как бы мне хотелось сейчас быть с вами в деревне! О! как ваше присутствие приумножило бы мое счастье! Природа показалась бы мне милее, день — ярче. Ах! когда же настанет это благословенное мгновение? Неужели тщетно я ускориваю его своими желаниями? Зачем, любезная маменька, люди вымыслили законы приличия, нас разлучающие? Не лучше ли быть счастливым невеждою, чем ученым несчастливцем? Не ведая того благого, что есть в науках, я ведь не ведал бы и утонченностей порока? Я ничего бы не знал, любезная маменька, но зато до какой высокой степени я дошел бы в науке любви к вам? И не прекраснее ли эта наука всех прочих? Ах, мое сердце твердит мне: да, ибо это наука счастья».

«Ах! когда же я буду иметь счастие обнять вас! Зачем человек, созданный Предвечным для того, чтобы наслаждаться прелестями дружбы — этого небесного признака божественной сущности человека, единственного счастья, средоточия желаний и надежд, единственного блаженства нашей преисполненной скорбей жизни; зачем человек против воли своей удаляется от всего этого, движимый чувством противуположным? Почему жалкий разум, или скорее варварское предубеждение, рожденное развращенностью века, требует от нас жертвы, противной сердцу и священному закону природы? Я чувствую, что заблуждаюсь, но как сладостно это заблуждение... оно рождается из моей любви к вам. Кто же способен устоять против его чарующего голоса? Ах, любезная маменька, если расстояния разделяют нас, то, как бы безмерны они ни были, сердце умеет их преодолевать; иллюзии, без сомнений, обманчивые, но драгоценные, всюду являют ему предмет его нежных чувств. Как сладок такой обман! Философы осуждают эти иллюзии, но чем был бы человек без этих благодетельных обманов? Как смог бы он усладить нынешние тяготы, если бы не утешался ожиданием счастья в будущем? Если мечтания так сладостны, какова-то окажется существенность? Будем надеяться, любезная маменька, что однажды мы соединимся, и да приблизит Господь этот счастливый день» (Летопись. С. 67—71; все фрагменты процитированы в переводе с французского).

По этим письмам можно понять, во-первых, то, насколько Боратынский тяготился жизнью в корпусе, во-вторых, то, что уже в 14-летнем возрасте у него обнаружилась особая душевная склонность, которую позднее он сам назовет *la passion de raisonner* — страстью к рассуждению (Материалы. С. 28). Страсть к рассуждению помогала блокировать негативные переживания (стыд, ощущение одиночества и безысходности), доказывать себе и маменьке, что он не погиб нравственно и умственно, возводить конкретную жизненную ситуацию на уровень философических обобщений.

Конфликт с учителями и гувернерами трансформировался в письмах Боратынского в философический диспут о сущности счастья и цели жизни: речь шла о ценностном соотношении «истин разума» и «заблуждений сердца» (применительно к конкретной ситуации Боратынского — об общепринятом понятии насчет необходимости получить образование в учебном заведении и о влечении души за пределы Пажеского корпуса). «Люди вымыслили законы приличия»; «философы осуждают иллюзии», — пишет Боратынский и противопоставляет мнению «людей» и «философов» свое собственное чувство, ставящее опорой убеждений «голос сердца».

В повседневном быту пажа Боратынского диспут об истинах и заблуждениях выразился противодействием корпусным порядкам. Согласно его собственному рассказу в исповедальном письме к Жуковскому (написано в конце декабря 1823), под влиянием «Разбойников» Шиллера, он образовал вместе с друзьями-пажами «общество мстителей»: «Описание нашего общества может быть забавно и занимательно после главной мысли, взятой из Шиллера, и остальным, совершенно детским его подробностям. Нас было пятеро. Мы сбирались каждый вечер на чердак после ужи-

на. По общему условию ничего не ели за общим столом, а уносили оттуда все съестные припасы, которые возможно было унести в карманах, и потом свободно пировали в нашем убежище. Тут-то оплакивали мы вместе судьбу свою, тут выдумывали разного рода проказы, которые после решительно приводили в действие. Иногда наши учители находили свои шляпы прибитыми к окнам, на которые их клали, иногда офицеры наши приходили домой с обрезанными шарфами. Нашему инспектору мы однажды всыпали толченых шпанских мух в табакерку, отчего у него раздулся нос; всего пересказать невозможно» (Летопись. С. 130).

Все кончилось тем, что, задумав отпраздновать с друзьями свое шестнадцатилетие, около 19 февраля 1816 г., Боратынский вместе с друзьями похитил у отца одного из мстителей-пажей — камергера Приклонского — 500 рублей и табакерку. Ввиду экстраординарности проступка решение о наказании принимал Александр I: Боратынский был исключен из Пажеского корпуса без права вступать в какую-либо службу, кроме солдатской.

Решение императора вышло достаточно мягким: за подобные проступки обычно сначала наказывали розгами, затем принудительно отдавали в солдаты, и даже могли лишить дворянства. Боратынский не был унижен телесным наказанием, и ему была предоставлена свобода действий — конечно, относительная свобода: формально он не был лишен дворянства, но получить документ о своем дворянстве — дворянское свидетельство — не имел права до тех пор, пока не выслужится в солдатах до первого офицерского чина.

Старшие родственники поначалу надеялись добиться императорского прощения, минуя солдатство, и в июле 1816 г. решено было на время отправить Боратынского в смоленские имения Голощапово и Подвойское под присмотр живших там дядюшек и тетушек. Те окружили племянника заботой и вниманием. Однако, несмотря на видимое рассеяние, Боратынский продолжал тяжело переживать происшедшее и, как сам вспоминал впоследствии, «впал в жесточайшую нервическую горячку», так что его «едва успели призвать к жизни» (Летопись. С. 131—132). По выздоровлении, в январе 1817 г., его отправили к маменьке в Мару. Вернувшись оттуда в сентябре в Голощапово и Подвойское, он еще год прожил на попечении дядюшек и тетушек в надежде на то, что ему будет исходатайствовано прощение, и только когда к осени 1818 г. стало окончательно ясно, что миновать вступления в солдаты не удастся, ему было выхлопотано место рядового гвардии, и он уехал в Петербург.

В эти два с лишним года, проведенных в деревне, произошли новые душевные перемены: «Мы проводим здесь время очень приятно: танцы, пение, смех, — все так и дышит счастием и радостию. Единственное, от чего в моих глазах тускнеет все великолепие удовольствий, — это мысль об их мимолетности <...>. Я чувствую, у меня совершенно несносный нрав, приносящий мне самому несчастье: я заранее предвижу все неприятности, которые могут выпасть на мою долю <...>. Иной человек, посреди всего, что, казалось бы, делает его счастливым, носит в себе утаенный яд,

снедающий его и отнимающий способность чувствовать наслаждение. Болящий дух, полный тоски и печали <esprit chagrin, un fond d'ennui et de tristesse>, — вот что он носит в себе среди шумного веселья <...>. Отчего душа бывает предрасположена к счастию? — оттого, что Предвечный Творец всего сущего, желая воздать кому-то из крошечных атомов, позволяет им выдернуть несколько цветков из персти земной, нашей общей матери? <...> Замечали ли вы когда-нибудь эту руку, направляющую нас в муравейнике рода человеческого?» (Летопись. С. 77; письмо из Подвойского к маменьке от августа—октября 1816; перевод с франц.).

Эти рефлексии продолжают прежние эпистолярные рассуждения о заблуждениях и истине: речь снова идет о главной цели частного человека — его счастии. И в 1815 и в 1816 гг. возможность испытать счастье ставилась в зависимость от душевной предрасположенности человека к тому, чтобы счастье испытывать. Но до катастрофы Боратынский отстаивал мысль о силе сердечных влечений, позволяющих человеку, невзирая на «истины разума», верить в счастливые иллюзии. Теперь он обнаруживает в самом себе неодолимое препятствие для такой веры — теперь на пути к счастью не одни только внешние преграды (принудительные условия повседневной жизни или истины «людей» и «философов»), но еще и внутренний барьер — болящий дух, отнимающий способность ощущать наслаждение и располагающий к предчувствию разочарования в собственной вере. Причем, по логике Боратынского, получается так, что и внешние и внутренние препятствия воздвигнуты Предвечным Творцом всего сущего.

Перед нами конспект элегической поэзии Боратынского. Только в элегиях он редко будет именовать верховную силу, управляющую «муравейником рода человеческого», — Предвечным или Провидением (см. №№ 55 и 153: «Дало две доли Провидение...» и «Отрывок»). В лирике Боратынского верховные регулирующие функции станет исполнять поэтический двойник этой силы — судьба.

Приехав в октябре 1818 г. в Петербург, Боратынский поселился в Семеновских ротах на одной квартире с прапорщиком лейб-гв. Егерского полка Андреем Шляхтинским, который, видимо, и познакомил его с Дельвигом и Кюхельбекером, а те познакомили с Пушкиным.

В феврале 1819 г. произошло два события, равно важных для дальнейшей судьбы Боратынского: 8 февраля он был зачислен рядовым лейб-гвардии в Егерский полк, а 28 февраля впервые было напечатано его стихотворение — «Мадригал пожилой женщине и все еще прекрасной» (см. № 1.2) — опыт, демонстрировавший скорее литературные интенции автора, нежели действительные таланты. В эту пору Боратынскому очень помог Дельвиг: несмотря на явную слабость первых стихотворных опытов нового друга, он поддержал его, сам отдавал его стихи в печать, и у Боратынского появилась уверенность в себе.

Год, проведенный Боратынским в кругу ровесников-поэтов, многое изменил в его самосознании: к концу 1819 г. он уже не сомневался в своих дарованиях. Между

тем для восстановления в правах — получения дворянского свидетельства — Боратынскому необходимо было выслужить младший офицерский чин прапорщика. Время выслуги для дворян, разжалованных в солдаты, зависело от многих факторов — от аттестации командиров, от влиятельности родственников, но в конечном счете от воли императора. В 1819—1820 гг. Боратынский и его родственники явно недооценивали роль последнего фактора: они надеялись прежде всего на аттестацию непосредственного полкового начальства.

Именно поэтому 3 января 1820 г. Боратынский был переведен из гвардии в армию (с положенным повышением в чине: из рядовых в унтер-офицеры) — в Нейшлотский пехотный полк, которым командовал родственник Боратынских Е. А. Лутковский. Нейшлотский полк квартировал в 240 верстах от Петербурга — во Фридрихсгаме. Около 11 января Боратынский выехал к новому месту службы.

Впрочем, называть его жизнь в Финляндии службой нельзя. За исключением немногих смотров и караулов, когда надо было показаться командующему корпусом или императору, он был освобожден от каких-либо обязанностей: ходил в партикулярном платье и был предоставлен самому себе. Скоро он познакомился с офицерами полков, входивших в состав Отдельного Финляндского корпуса, и нашел среди них много литературно образованных людей. Короче других он сошелся с командиром своей роты — Н. М. Коншиным, тоже поэтом. Боратынский и все его окружавшие были уверены, что он не пробудет в Финляндии более года. В начале декабря 1820 г. он отправился в трехмесячный отпуск в Мару. Лутковский тем временем подал рапорт о его производстве в прапорщики.

* * *

За год финляндской жизни к Боратынскому пришла слава: было напечатано и написано более 20 стихотворений (см. №№ 13—35) и поэма «Пиры»; 26 января 1820 г. он был в ободрение принят членом-корреспондентом в Вольное общество любителей российской словесности, и как минимум 9 его произведений были читаны в обществе и одобрены к публикации. Именно в этот год сформировалась устойчивая система его понятий о жизни, в основе которой — сознание своей отчужденности от общей жизни, сознание своей избранности, сознание относительности всех истин.

Сознание отчужденности было воспитано как повседневной жизнью (разлука с семьей в 1812 г.; конфликты в Пажеском корпусе; катастрофа 1816 г.; жизнь в Финляндии), так и литературой (разбойничьи сюжеты; элегические стереотипы — о романтической отчужденности как «выпадении из принятых норм, обычаев и традиций» см.: Манн 1976. С. 113 и след.). Ситуация отчуждения, впервые описанная Боратынским в письмах из Пажеского корпуса к маменьке, а затем — в стихотворных посланиях второй половины 1819 г. (см. №№ 9, 10.2, 12.2: «К Креницыну», «К Дельвигу», «Ш<ляхтинско>му»), после переезда в Финляндию стала лейтмотивом жизни. В Финляндии он чувствует себя отлученным от родины, от друзей, от

любви, от счастья — ото всего, что есть у других людей и что когда-то было у него самого. Отсюда — ощущение утраты, покинутости, забытости, одиночества:

<...> Где ты, о Дельвиг мой! ужель минувших дней
Лишь мне чувствительна утрата <...>
И где же дом утех? где чаш веселой стук?
Забыт друзьями друг заочной,
Исчезли радости, как в вихре слабой звук <...>
И я, певец утех, теперь утрату их
Пою в тоске уединенной <...>
(Послание к Б...Дельвигу // № 18.2)

<...> Где вы, где вы, любви очарованья? <...>
Я все имел, лишился вдруг всего <...>
(Элегия: «На краткий миг пленяет в жизни радость...» // № 20.2)

<...> Забытый от людей, забытый от молвы <...>
(Финляндия // № 25.2)

Причина такого состояния — немилостивость высшей надличной силы — судьбы:

Прости, Поэт! Судьбина вновь
Мне посох странника вручила <...>
(К Кюхельбекеру // № 17)

<...> Ужель не ищешь ты в кругу своих друзей
Судьбой отторженного брата?<...>
(Послание к Б...Дельвигу // № 18.2)

<...> Но кто постигнут роком гневным <...>
(К Коншину // № 28.2)

<...> отлученный от отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогал без укоризны
Изгнанник молодой <...>
(«Прощай, отчизна непогоды...» // № 35.2)

Судьба определяет не только путь человека: вручает посох странника, или отторгает от круга друзей, или отлучает от отчизны, — но (и здесь повторяется та же коллизия, что в письме 1816 г. из Подвойского) не позволяет человеку быть внутренне свободным от той жизненной ситуации, в которую сама же его ставит. Судьба предопределяет как пространственную отторженность от друзей, любви, наслаждений и проч., так и отторженность душевную:

<...> Но я безрадостно с друзьями радость пел:
Восторги их мне чужды были.

Того не приобресть, что сердцем не дано;
Не вспыхнет жизнь в крови остылой;
Одну печаль свою, уныние одно
Способен чувствовать унылой!
(«Уныние» // № 29.2)

В результате состояние отчужденности определяется уже не событиями жизни, а сугубо внутренними факторами — чувства утраты, забытости, одиночества (и т. п.) зависят от самого сознания своей отчужденности, преодолеть которое не представляется возможным из-за «мучительного недуга» души, насланного судьбой:

<...> Но кто постигнут роком гневным,
Чью душу тяготит мучительный недуг <...>
(К Коншину // № 28.2)

<...> Что ж ясный день не веселит
Души для счастья пробужденной?
С тоской на радость я гляжу:
Не для меня ее сиянье! <...>
Мечтою мрачной болен дух <...>
Я наслаждаюсь не вполне <...>
Все мнится, счастлив я ошибкой,
И не к лицу веселье мне!
(Элегия: «Ужели близок час свиданья...» // № 15.2)

<...> В дыхании весны все жизнь младую пьет
И негу тайного желанья!
Все дышит радостью и, мнится, с кем-то ждет
Обетованного свиданья!
Лишь я как будто чужд Природе и Весне:
Часы крылатые мелькают;
Но радости принесть они не могут мне
И, мнится, мимо пролетают.
(Весна // № 24)

Поэтически оформленное сознание отчужденности сублимировало житейскую ситуацию, создавая специфический эффект ее восприятия: переживание отчуждения способствовало тому, чтобы все частное, что могло быть оценено в понятиях повседневного быта, приобретало статус событий поэтических. Необходимость выслуживать офицерский чин преображалась из события частной жизни проштрафившегося дворянина в факт иного смыслового порядка — в жизненную драму поэта-изгнанника.

В результате происходила поэтизация самого повседневного облика Боратынского — в некоторых воспоминаниях его внешний вид обрисован по модели его унылых элегий — например, в записках «Для немногих» Н. М. Коншина: «<...>я не видал человека, менее убитого своим положением.<...> Глаза его, кажется, говорили судьбе слова бессмертного безумца: Gettate mi ove volete voi... che m'importa»

(Бросьте меня куда угодно... мне все равно) (Изд. 1987. С. 334); в некрологе Боратынскому, написанном О. И. Сенковским: «Мы помним Баратынского с 1821 г., когда изредка являлся он среди дружеского круга, гнетомый своим несчастием, мрачный и грустный, с бледным лицом, где ранняя скорбь провела уже глубокие следы испытанного им. Казалось, среди самой веселой дружеской беседы, увлекаемый примером других, Баратынский говорил сам себе, как говорил в стихах своих: Мне мнится, счастлив я ошибкой, и не к лицу веселье мне» (БдЧ. 1844. Т. 66. Отд. V. С. 7—8).

Независимо от степени похожести или непохожести этих мемуарных портретов на оригинал, они фиксируют на его лице уныние и скорбь не частного человека, не унтер-офицера Нейшлотского полка, но уныние и скорбь *поэта*. Недаром Коншин читает в его глазах цитату из Тассо, а Сенковский — строки из его элегии. В результате отчужденность преобразуется в избранность.

Сознание избранности: замкнутость на процессе творчества. Если сознание отчужденности стимулирует только угнетенное душевное состояние, то сознание избранности, напротив, возвышает над повседневностью и дает возможность пережить угнетенность как состояние, имеющее особую ценность. Поэтому даже страдание при таком повороте мысли будет понято как харизма:

Поверь, мой милой друг, страданье нужно нам;
Не испытав его, нельзя понять и счастья:
    Живой источник сладострастья
    Дарован в нем его сынам <...>
    Хвала всевидящим богам!
Пусть мнимым счастием для света мы убоги,
Счастливцы нас бедней, и праведные боги
Им дали чувственность, а чувство дали нам.

(К Коншину // № 28.2)

Если уж страдание частного человека сознается как божественный дар, отличающий его от толпы счастливцев, то тем более дар поэтический является знаком отмеченности, хотя и отъединяющей его от людей, но зато дающей сверхценные перспективы:

<...> Не многим избранным понятен
    Язык Поэтов и богов<...>
    Питомец Муз равно безгласен
    В толпе вертушек молодых <...>
    Одно высокое любя,
    Он воздаянья ждет от Феба
    И дар святой благого неба
    Хранит для Муз и для себя.

(Лиде // № 22.2)

В «Финляндии» (№ 25.2) Боратынский сознает себя отторженным от общей жизни странником, нашедшим приют вне общей жизни — на чужбине, вдали от родины:

Громады вечных скал, гранитныя пустыни,
Вы дали страннику убежище и кров <...>
Забытый от людей, забытый от молвы <...>

Но состояние отчужденности становится здесь, в отличие от иных элегий Боратынского, не предметом горестной рефлексии, а способом противодействия судьбе и материалом для возвышенного творчества, предоставляя особенного рода счастье, не обусловленное ни дружбой, ни любовью, ни жизнью на родине (а именно так обусловлено счастье в других элегиях), — счастье сосредоточенности уединенного певца на самом процессе творчества.

<...> Забытый от людей, забытый от молвы,
Доволен будет он углом уединенным.
Он счастье в нем найдет <...>
Что нужды до былых, иль будущих племен!
Я не для них бренчу незвонкими струнами —
Я, невнимаемый, довольно награжден:
За звуки звуками, а за мечты — мечтами.

Творчество становится заместителем всех других возможных вариантов счастья, а сознание поэтической харизмы ставит преграду той деструктивной силе болящего духа, которая не позволяла чувствовать ничего, кроме отчужденности.

Таким образом, уже в 1820 г. вполне определились две взаимоотрицающие истины — два конца той оси, на которой, как на качелях, будет балансировать самосознание Боратынского до конца его жизни: одна истина — это истина болящего духа, разрушающего любые перспективы и уничтожающего своего носителя; другая истина — истина творчества, дающего поэту власть над своим болящим духом и позволяющего ощутить полноту счастья. Ни та, ни другая истина не может быть ни отвергнута в пользу другой, ни принята как единственно возможная — так же, как и любая истина в жизненной философии Боратынского.

Вообще «философия» Боратынского ускользает от однозначных определений, ибо ее опорные категории могут быть адекватно поняты только при условии их преднамеренно противоречивой интерпретации. В произведениях, написанных одно вослед другому (и это касается не только 1820 года, но и всех других творческих лет Боратынского), обнаруживается диаметрально противоположное осмысление одних и тех же ситуаций и переживаний. «Певец утех» одновременно является «певцом утрат» («Послание к Б. .. Дельвигу», № 18.2); тщетность каких бы то ни было желаний и готовность к разочарованию в «Элегии» («На краткий миг пленяет в жизни радость...», № 20.2) и в «Унынии» («Рассеивает грусть...», № 29.2) резко контрастируют с пробуждением любовных чувств и готовностью очаровываться в мадригале «Финским красавицам» (№ 26) и в «Элегии» («Заснули рощи над потоком...», № 23.2); в одном послании к Коншину («Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...», № 28.2) Боратынский пишет апологию страдания и отвергает привычные понятия о счастье:

<...> Бездейственность души счастливцев тяготит,
Им силы жизни неизвестны.
Не нам завидовать ленивым чувствам их:
Что в дружбе ветреной, в любви однообразной
И в ощущениях слепых
Души рассеянной и праздной? <...>

(К Коншину // № 28.2)

В другом послании к Коншину («Живи смелей, товарищ мой...», № 27.2), напротив, именно такой образец счастья назван идеалом:

<...> Познай же цену срочных дней:
Лови пролетные мгновенья,
Исчезнет жизни сновиденье:
Кто был счастливей, был умней! <...>

Признание относительности любых истин отдельно аргументировано Боратынским в его рассуждении «О заблуждениях и истине» (Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. Ч. XIII. № IV), подводившем итоги юношеских философствований на эту тему.

Вновь, как и в отроческих письмах, Боратынский ставит понятие истины в зависимость от личных впечатлений человека. Но теперь в разборе соотношения истины и заблуждений появляется новый критерий — возрастной.

Истинность или ложность суждений зависят от впечатлений и опыта человека в разные годы жизни, и эти впечатления равноправны: нельзя считать, что мнения и впечатления человека в зрелом или старческом возрасте более истинны, нежели таковые же в детстве или в молодости. То, что с точки зрения человека одного возраста и одного опыта является истинным, может считаться заблуждением с точки зрения человека другого возраста и с другим опытом: «<...> положим, что вы имели одни только горестные опыты, что в детстве вы зависели от своенравного наставника; что в юности вам изменила любовница, изменил друг, изменила надежда; что в старости вы остались одиноким и печальным. — Как вы опишете жизнь? Детство для вас будет временем рабства и бессилия; юность — временем мятежных снов и безумных желаний; старость — торжественным сроком, когда является истина и с насмешкой погашает свечу в китайском фонаре воображения. — Относительно к себе, вы совершенно правы; напротив, в детстве я ничего не знал, кроме радостей: добрая мать мне была снисходительною наставницею. Теперь имею веселых, любезных друзей, всею душою мне преданных; быть может, буду еще иметь подругу милую и верную; надеюсь, что старость моя согреется воспоминаниями о прежней разнообразной, полной жизни; что и в преклонных летах сохраню еще любовь к прекрасному, хотя не так живо его буду чувствовать; что сквозь очки еще с наслаждением буду смотреть на румяную молодость, а подчас и сам буду забавлять ее рассказами про старое время. — Положим, что такова будет жизнь моя; не правда ли, что,

подобно вам, руководствуясь рассудком и опытом, я сделаю заключение совершенно противное вашему? и не будем ли мы здраво судить каждый в свою очередь?» В итоге истина оказывается «вещью до крайности относительной»: «Каждый возраст, каждая минута нашей жизни не имеет ли собственные, ей одной свойственные истины?» (Цит. по: Изд. 1983. С. 157—159).

* * *

К концу февраля 1821 г. Боратынский вернулся из отпуска. Видимо, он уже знал, что Александр I отказал ему в производстве, и был сильно поражен таким поворотом событий. Вместе с тем отказ императора имел особенное значение для репутации Боратынского в литературных кругах Петербурга: теперь уже никто не сомневался, что его пребывание в Финляндии — род ссылки, и специфическим ответом литературной республики царю стало новое ободрение Боратынского — его избрание в действительные члены Вольного общества любителей российской словесности (28 марта 1821 г.).

Впрочем, в этот раз он пробыл в Финляндии недолго: Нейшлотский полк был вызван в Петербург для караульной службы, и благодаря этому Боратынский прожил в столице более года — с мая 1821 по июль 1822 г. Это время — период самого интенсивного в его жизни литературного общения: в Вольном обществе любителей российской словесности он побывал 18 раз, и здесь было прочитано 11 его новых произведений. Кроме ближайших друзей — Дельвига (с ним Боратынский живет на одной квартире) и Коншина — он часто видится с Плетневым, Гнедичем, Ф. Глинкой, Гречем, Булгариным, А. Бестужевым, Рылеевым.

Значительная часть петербургского времени Боратынского оказалась поглощена сильным любовным увлечением. Видимо, еще во второй половине февраля Боратынский познакомился с одной особой.

«Это была та самая, со множеством странностей и проказ, но очаровательная Софья Дмитриевна Пономарева <...> всякий, кто только знал ее, был к ней неравнодушен более или менее. В ней, с добротою сердца и веселым характером, соединялась бездна самого милого, природного кокетства, перемешанного с каким-то ей только свойственным детским проказничеством. Она не любила женского общества, даже не умела в нем держать себя, и предпочитала мужское, особенно общество молодых блестящих людей и литераторов» (В. И. Панаев // Цит. по: Летопись. С. 20; историю салона Пономаревой см.: Вацуро. СДП).

Очевидно, Пономарева при первом же появлении Боратынского в ее доме сразу продемонстрировала особенное внимание к нему, и вскоре Боратынский отвечал ей тремя посланиями, послужившими началом его самого обширного любовного цикла, — «Вы слишком многими любимы...», «Приманкой ласковых речей...» и «Когда б вы менее прекрасной...» (см. №№ 42.2, 43, 56) — в этих стихах он отказывался от перспективы любовных отношений с Пономаревой:

<...> С толпой соперников моих
Я состязаться не дерзаю
И превосходной силе их
Без битвы поле уступаю.

<...> Предаться нежному участью
Мне тайный голос не велит...
И удивление, по счастью,
От стрел любви меня хранит.

В мае 1821 г. в Петербург из служебной поездки вернулся П. Л. Яковлев и способствовал тому, чтобы его приятели — Дельвиг, Боратынский и Кюхельбекер — стали частыми посетителями дома Пономаревых. По справедливому предположению В. Э. Вацуро, инициатором сближения с «союзом поэтов» была сама Пономарева, сразу отличившая новых знакомцев от завсегдатаев ее вечеров — литераторов круга «Благонамеренного»: А. Е. Измайлова, братьев Княжевичей, Остолопова, Сомова и др. Помимо естественного для нее стремления найти новых поклонников, она, безусловно, могла желать сближения с людьми, для которых «творчество было их органической жизнью, а не занятием в свободные от службы часы, и поле интеллектуального напряжения, созданное ими, было неизмеримо выше прежнего. <...> В августе 1821 года листы альбома <Пономаревой> начинают заполняться записями не вполне обычного содержания. Они сохраняют следы бесед — непринужденных, иногда шуточных, чаще серьезных; вспышек неподдельного остроумия или мгновенных характерологических наблюдений.<...> Дух анализа, философского размышления, скептического неприятия вторгался в привычную игру. <...> Эпоха неуклюжих полушуточных, полуканцелярских протоколов, надуманных прозвищ, архаических мадригалов оканчивалась для дома Пономаревых» (Вацуро. СДП. С. 180, 179, 182).

Осенью 1821 г. Боратынский вписывает в альбом Пономаревой стихотворение «Слепой поклонник красоты...» (см. № 57.2), явно примыкающее к элегиям «Нет, не бывать тому, что было прежде!..» и «Разуверение»(см. №№ 53, 54), — так же, как в тех элегиях, здесь говорится о разочаровании в надеждах на любовное счастье и о невозможности этого счастья в будущем. Легко предположить, как было разжено признаниями Боратынского в разочарованности желание Пономаревой приобрести нового поклонника.

И он и она понимали, что строят свое отношение друг к другу в рамках любовной игры, принятой в ее доме. Своими первыми стихотворениями, обращенными к ней, Боратынский, безусловно, провоцировал ее на дальнейшее развитие любовного сюжета, предпочитая, чтобы инициатором сближения была она, и только увидев с ее стороны явную предрасположенность к сближению, сам стал способствовать развитию сюжета. Разность их положений заключалась в том, что для Пономаревой этот сюжет так и остался сюжетом любовно-поэтического спектакля, а Боратынский, несмотря на то что сам же и при знакомстве, и на ранних стадиях

развития их отношений сознавал, что Пономаревой нужен спектакль, тем не менее в какой-то момент действительно увлекся и всерьез поверил в ответную любовь.

Первый успех Пономаревой отражен в новой альбомной записи «О своенравная София!..» (см. № 58.2). Здесь Боратынский почти отбрасывает прежнюю осторожность, признаваясь в том, что теряет рассудок («Я в нем теперь едва ли волен»). А скоро он прямо пишет о своем любовном желании («Зачем живые выраженья...» и «Неизвинительной ошибкой...» — см. №№ 59.2 и 60). Видимо, в ту же пору, осенью — в начале зимы 1821 г. между ними началась любовная переписка (ни одного письма не сохранилось; о самой переписке известно по строкам Боратынского в послании к Дельвигу («Я безрассуден — и не диво!..» — см. № 61):

<...> Я перечитываю строки,
Где, увлечения полна,
В любви счастливые уроки
Мне самому дает она <...>

А дальше события развивались по сценарию, уже испытанному Пономаревой на других поклонниках (см. историю ее романа с Сомовым: Вацуро. СДП. С. 73—136). Боратынский начинает верить в то, что любим:

Любви приметы
Я не забыл <...>
О! я знаком
С сим языком
Любови тайной.
Ты вся в огне,
Бедняжка Скромность!
Сих взоров томность
Понятна мне <...>

(Догадка // № 62.2)

Начинаются мечтания о любовном счастье:

На кровы ближнего селенья
Находит вечер; день погас.
Покинем рощу, где для нас
Часы летели как мгновенья! <...>

(Возвращение: «На кровы ближнего селенья...» // № 63)

И наконец наступает кульминация:

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображенье <...>

(Поцелуй // № 64.2)

Эти три стихотворения — «Догадка», «Возвращение» и «Поцелуй» — были прочитаны А. Е. Измайловым 9 марта 1822 г. в Обществе словесности, наук и художеств

и через неделю, 16 марта, напечатаны в «Благонамеренном» — очевидно, Пономарева сама отдала их Измайлову для чтения и публикации без ведома Боратынского. После таких признаний продолжать любовную игру Пономаревой уже было не нужно — она получила публичные уверения в любви, доказав себе и всем в очередной раз, что, какова бы ни была сила разочарования у ее избранника, ее чары сильнее.

Развязкой романа стало послание «Дориде» (№ 65.2) — уникальный случай в поэзии Боратынского, когда он обращается с обвинительными упреками к бывшей возлюбленной:

Зачем нескромностью двусмысленных речей,
Руки всечасным пожиманьем,
Притворным пламенем коварных сих очей,
Для всех увлажненных желаньем,
Знакомить юношей с волнением любви,
Их обольщать надеждой счастья
И разжигать, шутя, в смятенной их крови
Бесплодный пламень сладострастья?
Он не знаком тебе, мятежный пламень сей <...>

(Дориде // № 65.2)

История отношений Боратынского с Пономаревой — единственная любовная история, оставившая в его творчестве такой автобиографический сюжетный след: по меньшей мере двенадцать стихотворений плюс еще ряд текстов, являвшихся существенными дополнительными факторами для развития сюжета («Разуверение»; «Нет, не бывать тому, что было прежде!..»; послания к Дельвигу: «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...» и «Я безрассуден — и не диво!..»). Казалось бы, какой материал для сборника элегий! Но Боратынский никогда не собрал стихи, посвященные Пономаревой, в том порядке, в каком они были написаны. Причиной тому было, видимо, не только обиженное самолюбие (самолюбие скоро утешилось новыми любовными увлечениями и флиртами). Другая, может быть, существеннейшая причина в том, что пономаревский цикл сложился как бы помимо авторской воли — под диктовку героини стихов: не поэт властвовал здесь над материалом, а материал — над поэтом. Такой способ творчества прямо противоречил понятиям Боратынского о творчестве.

Между тем ко времени развязки романа с Пономаревой прошло уже более года после отказа Александра I в производстве. Видимо, зимой Лутковский вновь представлял Боратынского к повышению в чине, а император снова отказал.

* * *

В августе 1822 г. Боратынский вместе со своим полком вернулся в Финляндию.

Незадолго до отъезда, в июле 1822 г. вместе с кем-то из друзей (Дельвигом и Коншиным?) он сочинил куплеты «Певцы 15-го класса», направленные в основном

против сочинителей круга «Благонамеренного». Куплеты эти вызвали бурное негодование со стороны Измайлова и его сотрудников (см. комментарии к №№ 69—72, 235, 241).

Сатирические выпады против Боратынского и «союза поэтов» стали частью более широкой полемики начала 1820-х гг. — классиков и романтиков.

Боратынский никогда не называл себя романтиком и не выступал с критическими опровержениями «старой школы словесности»: сам спор должен был казаться ему необоснованным и диковатым, о чем свидетельствует послание 1824 года «Богдановичу» (см. № 83), иронически препарирующее стиль полемики классиков и романтиков. Если судить по этому посланию, можно сказать, что главные критерии оценки текста для Боратынского — это степень творческой оригинальности автора (Жуковский противопоставлен своим эпигонам) и исторически изменчивый вкус публики («веселость», «бодрый ум» и «вкус неразвращенный» словесности времен Екатерины противопоставлены «хандре», «унынию» и «жизнехуленьям» новейших поэтов). В конечном же счете все зависит от таланта сочинителя, независимо от принадлежности к той или иной «школе». Овидий, Богданович, Батюшков, Жуковский, Пушкин и сам Боратынский, названные в послании «Богдановичу», уравнены тем, что все они принадлежат к числу людей с дарованиями. Хороший писатель — тот, кому его природные данные позволяют создавать впечатляющие произведения в том роде, какой соответствует его душевному складу. Такой взгляд может быть в равной мере назван и классическим и романтическим: класическим потому, что требование соответствия таланта автора избранному им жанру — это императив всей традиционной эстетики от Горация до графа Хвостова; романтическим потому, что талант автора является единственным критерием оценки достоинств текста.

Еще в 1821 г. Боратынский писал:

<...> Путей к Парнасу много есть:
Зевоту можно произвесть
Равно и Притчею и Одой;
Но ввек того не приобресть,
Что не даровано Природой <...>
Приятно петь желаешь ты?
Когда влюблен — бери цевницу!
Воспой победы красоты,
Воспой души твоей царицу.
Когда же любишь стук мечей,
С бессмертной Музою Омира
Пускай поет вражды Царей
Твоя возвышенная лира!
Равны все Музы красотой;
Несходство их в одной одежде.
Старайся нравиться любой;
Но помолися Фебу прежде.

*(К ***: «Кто жаждет славы, милый мой!..» // № 45.2)*

В неопубликованных воспоминаниях А. А. Иовского приведено одно высказывание Боратынского, судя по которому легко предполагать, что *классическое* для него было синонимично традиционному, прошедшему, архаическому, а *романтическое* приравнивалось к новому, модному, новаторскому:

«Однажды обедало у И. И. Дмитриева довольно пишущей братии <...>. После обеда, который был довольно занимателен по разнообразию лиц, понятий, поколений, — по причине довольно холодного времени, — перешли в Библиотеку его, которая внизу, к камину. Помню эти жаркие состязания о романтизме и классицизме — тогда предмете еще новом на Руси; а в этом собрании были и классики и романтики. Спор продолжался, а развязки не было. Не знаю кто, помнится Баратынский, обращаясь к И. И. <Дмитриеву> сказал: Позвольте предложить мне мое мнение; и по получении согласия продолжал: Всякое общество иначе не должно начинаться, как подражанием. Но у людей с дарованием самые подражания проявляются в особенных образцах, свойственных их понятиям, их гениальным воззрениям на предмет. — То же да иначе. Отселе происходят новые формы для изображения мыслей, для представления их в образах и оборотах речи. То же да иначе, и любо, как читаешь. А это увлекает к подражанию новости, и отселе новая литература. Назовите ее романтическою, все равно; главное она новая, не похожая на предшествовавшую. Вы явились у нас с Карамзиным с новым словом, с новыми оборотами и с новыми формами речи; вы открыли нам совсем новый путь к изложению наших мыслей; поэтому вы наш романтик прежде, нежели начали у нас спорить о романтизме и классицизме» (Летопись. С. 23—24).

* * *

Проведя октябрь 1822 — январь 1823 г. в отпуске, Боратынский вернулся в Финляндию — в Роченсальм, и весь 1823 год и половину 1824-го провел здесь. В конце лета 1823 г. Рылеев и Бестужев предложили ему издать его стихотворения отдельной книгой. Осенью 1823 г. Боратынский отредактировал тексты, предназначенные для книги, и, вероятно, в конце года отправил своим будущим издателям рукопись.

Но издание не состоялось — из-за очередных хлопот о производстве в офицеры.

На сей раз хлопоты начал Жуковский: он попросил Боратынского изложить историю его злоключений. В своем исповедальном письме, написанном в конце декабря 1823 г. (далее оно цитируется по «Летописи»: С. 129—132), Боратынский рассказал об основных событиях, предшествовавших исключению из Пажеского корпуса, и о подробностях самой катастрофы.

Письмо является документом, важным не только своим фактическим, но и литературно-психологическим содержанием, — оно построено как исповедь романтического преступника, и одним из вероятных его литературных источников была по-

весть Шиллера «Verbrecher aus verlorener Ehre», переведенная в свое время Жуковским под заглавием «Ожесточенный» (Вестник Европы. 1808. Ч. 38. № 6—7).

В «Ожесточенном» речь идет о разбойнике Христиане Блемере, которого обстоятельства жизни превратили в злодея: «<...>он кончил жизнь на эшафоте! Но тонкое, внимательное раздробление поступков его, вероятно, послужит уроком для человечества, а может быть, и для самого правосудия» (цит. по: Жуковский. Изд. 1995. С. 71). Смысл повести Шиллера—Жуковского в том, чтобы проследить психологические мотивы поведения человека, заклейменного правосудием и общественным мнением: «<...> мы, с своей стороны, должны быть не только свидетелями поступков его, но вместе и тайными поверенными его желаний; мысли его важнее для нас, нежели действия; источники мыслей важнее, нежели следствия поступков» (Там же. С. 70).

Тем же путем идет в своей исповеди Боратынский. Ему важно объяснить психологическую подоплеку своих поступков — поэту, писавшему о «человеколюбивой терпимости» и «снисхождении», которые необходимо проявлять к заблудшим.

В письме разворачивается история человека, с детства отчужденного обществом. Боратынский покидает родной дом «очень добрым мальчиком» в твердом намерении «служить примером прилежания и доброго поведения». Но, едва вступив в Пажеский корпус, сталкивается с грубостью и неласковостью своего первого наставника. «Несправедливость его меня ожесточила: дети самолюбивы не менее взрослых, обиженное самолюбие требует мщения, и я решился отомстить ему». За это мщение он отправлен под арест: «Первая моя шалость не сделала меня шалуном в самом деле, но я был уже негодяем в мнении моих начальников» (ср. в «Ожесточенном» об аресте и осуждении Христиана Блемера: «Судьи, читая в книге законов, не могли читать во внутренности его сердца» — Жуковский. Изд. 1995. С. 73).

«Между тем, — пишет далее Боратынский, — сердце мое влекло к некоторым из моих товарищей, бывших не на лучшем счету у начальства; но оно влекло меня к ним не потому, что они были шалунами, но потому, что я в них чувствовал <...> лучшие душевные качества, нежели в других» — это были сверстники, обладавшие «большею живостию нрава, большим беспокойством воображения, вообще большею пылкостию чувств, нежели другие дети». Но, поскольку начальники пажей были равнодушны к внутренней жизни своих воспитанников, все эти качества, ценные для наблюдателя души человеческой, для них являлись признаками дурного нрава, который следует исправлять наказаниями: «Я не сделал еще ни одной особенной шалости, а через год по вступлении моем в корпус они <начальники> почитали меня почти чудовищем».

В итоге происходит действительное превращение «очень доброго мальчика» в настоящего шалуна (характерно постоянное противопоставление Боратынским двух точек зрения: точки зрения людей, судящих о поступках по их видимым последствиям — для них Боратынский «совершенный негодяй» и «чудовище», и точки зрения человека, готового с терпимостью и снисхождением выслушивать «повесть беспутной жиз-

ни»; для такого человека Боратынский — «природно-беспокойный» мальчик с «живым нравом», «беспокойством воображения» и «пылкостью чувств»).

Далее следует рассказ об увлечении Боратынского и его друзей Карлом Моором и игре в разбойников, и только после этого Боратынский приступает к кульминационному моменту своей исповеди — рассказу о приключении в доме камергера Приклонского.

Завершалось письмо сообщением о том, что Боратынский вступил в солдаты по собственному желанию (важное уточнение — многие думали, он принудительно отдан), что, несмотря на ежегодные представления к производству в офицеры, до сих пор не был произведен и что теперь он, потеряв надежду, приходит в отчаяние и готов раскаяться, что «добровольно наложил на себя слишком тяжелые цепи». «Должно сносить терпеливо заслуженное несчастие — не спорю; но оно превосходит мои силы, и я начинаю чувствовать, что продолжительность его не только убила мою душу, но даже ослабила разум».

Таким образом, Боратынский подводил своего адресата к мысли о том, что он находится на пороге нового ожесточения и его единственной надеждой остается участие, которое проявит к его судьбе Жуковский.

Психологическая исповедь имела продолжением психологическое ходатайство — Жуковский надеялся пробудить у Александра I сострадание. К хлопотам подключились А. И. Тургенев, Денис Давыдов, дядюшка Боратынского Петр Андреевич (в ту пору сенатор). Они ходатайствовали перед министром просвещения Голицыным, командиром Отдельного Финляндского корпуса Закревским, великой княгиней Еленой Павловной, начальником Главного штаба Дибичем, а те в свою очередь — перед императором. Наверное, такое количество ходатаев насторожило Александра I — создавалась видимость общественного мнения, и он отказал с убийственной резолюцией: «Не представлять впредь до повеления» (Летопись. С. 137) — что фактически означало запрет на новые ходатайства.

Во время хлопот сложилось убеждение (степень его основательности не ясна) в том, что публикация произведений Боратынского вредит его освобождению. Поэтому в первую половину 1824 г. ни одно его стихотворение в печати не появилось, а те, что были опубликованы во второй половине 1824 — первой половине 1825 г., помещались обычно с подписью *Б*.

Думать об отдельной книге стихов под угрозой бесконечного солдатства в это время не приходилось. А к той поре, когда Боратынский наконец получит офицерский чин, его литературные отношения с Рылеевым и Бестужевым разладятся, и издание так и не состоится.

* * *

Пребывание Боратынского в Финляндии в течение 1823 — первой половины 1825 г. было тяжело своей вынужденностью, неопределенностью будущего и ото-

рванностью от петербургской литературной жизни. Новая стоянка нейшлотцев в Петербурге летом 1824 г. могла только обострить сознание отчужденности от нормального существования. Боратынский должен был жить в местах дислокации своего полка, не мог строить никаких практических планов на будущее, и наиболее доступной ему формой свободы была свобода творчества. Творчество становилось способом спасения от невзгод повседневного существования.

Именно в этот период жизни он начинает думать о выборе своего особенного пути в литературе, с чем связана начатая зимой—весной 1823 г. работа над «Эдой»: вступая в поэтическое соревнование с Байроном, Жуковским и Пушкиным, Боратынский пытался создать свою версию стихотворной повести, отказываясь от «лирического тона» и экзотического сюжета для поэтизации «мелочных подробностей» (так он объяснял свой замысел в предисловии 1826 г. к «Эде»). И хотя фактически Боратынский уходил в «Эде» с собственного пути, который проложил в своих элегиях, существенно, что сам этот зигзаг творчества сознавался им как поиск авторской самобытности — свидетельство стремления явить свою творческую оригинальность в противопоставлении своих произведений существующим литературным образцам (такими же зигзагами станут впоследствии опыт романа в стихах «Наложница» и прозаическая повесть «Перстень»).

Едва довершив «Эду», в феврале 1825 г. Боратынский принялся за новую стихотворную повесть — «Бал», значительно более «лирическую» по «тону», поскольку в основе произведения лежало острое впечатление от знакомства зимой 1824—1825 гг. в Гельсингфорсе с А. Ф. Закревской. Начало отношений Боратынского с ней отчасти повторяло начало отношений с Пономаревой: его страсть была сублимирована на уровень поэтического остранения, но, в отличие от предыдущего романа, ни сначала, ни впоследствии о сближении между ними речи не было — и страсть Боратынского осталась преимущественно эстетической, преобразовав впечатление от личности Закревской в характер главной героини «Бала».

Начало работы над «Балом» пришлось на период новых хлопот о производстве Боратынского. Теперь уже сделано было все, чтобы не создавать видимость общественного мнения: ходатайствовал один человек — командующий Отдельным Финляндским корпусом Закревский. И наконец, 21 апреля 1825 г., Александр I подписал указ о присвоении Боратынскому чина прапорщика. Однако освобождение обременило новой заботой: теперь Боратынский должен был наряду с другими офицерами участвовать в ежедневных учениях Нейшлотского полка. Он стал думать об отставке.

Скоро представился повод: 19 ноября умер Александр I, других противников своему освобождению Боратынский не видел, и 27 декабря 1825 г. он послал прошение об увольнении от службы.

К этому времени он уже три месяца находился в Москве — в отпуске. Сюда же приехала из Мары маменька Александра Федоровна. Она уже была отягощена нерви-

ческим расстройством, и Боратынский решил остаться при ней — облегчать ее существование, хотя сам сознавал, что помочь ничем не может и лишь отягчит собственную жизнь. Мрачные раздумья о собственном будущем были усугублены в конце декабря известием о мятеже на Сенатской площади, об арестах петербургских друзей и начавшимися арестами в Москве. «Стихи у меня что-то не пишутся», — признавался Боратынский в начале января в письме к Н. В. Путяте (Летопись. С. 172).

В первую половину 1826 г. произошло три важных события: в середине февраля Боратынский почти одновременно узнал о том, что его прошение об отставке удовлетворено Николаем I, и о выходе отдельным изданием «Эды» и «Пиров»; 9 июня женился.

Началась новая эпоха его жизни: отпали два тягостных варианта будущего — военная служба и пребывание в обществе больной маменьки, и началось погружение в семейную идиллию (см. в письмах к Путяте, А. Муханову, Коншину: «Я живу потихохоньку, как следует женатому человеку, и очень рад, что променял беспокойные сны страстей на тихий сон тихого счастья»; «я счастлив дома»; «я женат и счастлив» — Летопись. С. 183—184).

Он почти никогда не разлучался с Настасьей Львовной, и когда вынужден был покидать семью на несколько дней, чувствовал себя очень неуютно — см., например, признания в его записке к жене из Москвы в Мураново: «<...> На сердце у меня тяжело, потому что мы разделены: это испытание разлукой — истинное наказание. Я чувствую себя совершенно потерянным»; см. в письме Настасьи Львовны к мужу: «Обожаемый мой, жизнь моя, сокровище бесценное, дорогой мой, душа моя<...>» (Летопись. С. 226, 368; перевод с французского).

Любовь, забота и преданность Настасьи Львовны были высшей наградой — спасением от собственного болящего духа. Отсюда естественное для Боратынского противопоставление утаенного семейного быта — буквально всему мирозданию, находящемуся за границами замкнутого домашнего пространства:

Других урочищей вселенной
Не буду помнить бытия.
(Стансы // № 1293)

Образ любящей женщины-друга создался еще в детские годы из отношений с маменькой; с течением времени привязанность к маменьке и желание вернуться в уют родительского крова, с одной стороны, были отравлены болезнью Александры Федоровны, с другой — преобразовались в мечту о кроткой и любящей «подруге нежной» — «враче душевном»:

<...> Но кто постигнут роком гневным,
Чью душу тяготит мучительный недуг, —
Тот дорожит врачом душевным <...>
Как будет сладко, милый мой,

Поверить нежности чувствительной подруги,
Все нужды, всю тоску, все раны, все недуги,
Все расслабление души твоей больной!
Забыв и век, и рок суровой,
Желанья смутные в одно желанье слить,
И с жаждою любви в ее дыханьи пить
Целебный воздух жизни новой! <...>

(К Коншину // № 28.2)

Нельзя ль найти любви надежной?
Нельзя ль найти подруги нежной,
С кем мог бы в счастливой глуши
Предаться неге безмятежной
И чистым радостям души,
В чье неизменное участье
Беспечно веровал бы я —
Случится ль ведро иль ненастье
На перепутьи бытия?
Где ж обреченная судьбою,
На чьей груди я успокою
Мою усталую главу? <...>

(*«Пора покинуть, милый друг...» // № 30.2*; характерно, что именно эти строки Боратынский вписал Настасье Львовне в альбом вскоре после знакомства — см. № 30.3)

До встречи с Настасьей Львовной этот образ был исключительно мечтательным (по крайней мере, в стихах) — наличными героинями стихов Боратынского были либо минутные прелестницы (см. «Прощанье» — № 11; «К—ву» — № 19; «Послание к Б... Дельвигу» — № 18.2; «Вчера ненастливая ночь...» — № 50; «Моя жизнь» — № 52), либо коварная обманщица (см.: «Дориде» — № 65.2; «Размолвка» — № 75), либо отвергнутая им самим возлюбленная («Разуверение» — № 54; «Признание» — № 80.2), либо юная неискушенная дева («Не знаю! милое не знаю...» — № 21.2; «Лиде» — № 22.2).

После 1824 г. — времени знакомства с А. А. Воейковой и А. Ф. Закревской — в его творчестве появляются два резко противопоставленных типа красоты: красоты умиротворяющей («Очарованье красоты...» — № 84; «Она» — № 85; «Звезда» — № 87.2) и красоты мятежной, страшной, опасной («Как много ты в немного дней...» — № 98; «Бал»), соответствующие переживанию отношений с той и с другой. Эти два облика прямо противопоставлены в стихотворении, написанном уже после женитьбы:

Люблю я красавицу
С очами лазурными:
О! в них не обманчиво
Душа ее светится!
И если прекрасная

Страшна мне, друзья мои,
Краса черноокая;
За темной завесою
Душа ее кроется,
Любовник пылает к ней

С любовию томною
На милом покоит их,
Он мирно блаженствует,
Вовек не смутит его
Сомненье мятежное.
И кто не доверится
Сиянью их чистому,
Эфирной их прелести,
Небесной души ее
Небесному знаменью?

Любовью тревожною
И взорам двусмысленным
Не смеет довериться.
Какой-то недобрый дух
Качал колыбель ее:
Оделася тьмой она,
Вспылила причудою,
Закралося в сердце к ней
Лукавство лукавого.

(№ 161)

Увлечение Воейковой имело такой же сублимированно-поэтический характер, что и увлечение Закревской, т. е. выражалось не в развитии отношений с ними, а исключительно в стихах. Оба увлечения непосредственно предваряли встречу с Настасьей Львовной, и можно сказать, что выбор Боратынского в феврале—марте 1826 г. был подготовлен его поэзией. В стихах, посвященных позднее Настасье Львовне, будут варьироваться мотивы воейковского цикла — умиротворение, тишина, безмятежность, прямо или косвенно противопоставленные «закревской» бурности, беспокойности, тревоге:

<...> Явилась ты, мой друг бесценный,
И прояснилась жизнь моя:
Веселой музой вдохновенный,
Веселый вздор болтаю я.
Прими мой труд непринужденный!
Счастливым светом озаренный
Души, свободной от забот <...>

(Эпилог поэмы «Переселение душ»; ок. 1827—1828 гг.)

<...> Склонюсь главою
На сердце к ней
И под мятежной
Метелью бед,
Любовью нежной
Ее согрет,
Забуду вскоре
Крутое горе <...>

(«Где сладкой шопот...» // № 174)

О, верь: ты, нежная, дороже славы мне.
Скажу ль? мне иногда докучно вдохновенье:
Мешает мне его волненье
Дышать любовью в тишине!
Я сердце предаю сердечному союзу:
Приди, мечты мои рассей,
Ласкай, ласкай меня, о друг души моей!
И покори себе бунтующую музу.

(№ 173)

<...> О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я приникал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

(«Когда, дитя и страсти и сомненья...» // № 227)

Семейная идиллия до поры до времени не мешала Боратынскому выходить в литературный свет, но из московских писателей он сблизился только с П. А. Вяземским, а в сентябре 1826 г. снова, после почти семилетней разлуки, сошелся с Пушкиным, возвращенным из ссылки. С Пушкиным Боратынского соединяли память о «союзе поэтов» и сознание принадлежности к одной литературной плеяде, но очное общение между ними не очень ладилось из-за различия темпераментов; зато в Вяземском Боратынский нашел почти идеального собеседника.

Впоследствии Вяземский оставил одно из самых емких воспоминаний о Боратынском, воссоздающее атмосферу их бесед: «Баратынский никогда не бывал пропагандистом слова. Он, может быть, был слишком ленив для подобной деятельности, а во всяком случае слишком скромен и сосредоточен в себе. Едва ли можно было встретить человека умнее его, но ум его не выбивался наружу с шумом и обилием. Нужно было допрашивать, так сказать, буровить этот подспудный родник, чтобы добыть из него чистую и светлую струю. Но за то попытка и труд бывали богато вознаграждаемы. Ум его был преимущественно способен к разбору и анализу. Он не любил возбуждать вопросы и выкликать прения и словесные состязания; но зато, когда случалось, никто лучше его не умел верным и метким словом порешать суждения и выражать окончательный приговор и по вопросам, которые более или менее казались ему чужды, как, например, вопросы внешней политики или новой немецкой философии, бывшей тогда русским коньком некоторых из московских коноводов. Во всяком случае, как был он сочувственный, мыслящий поэт, так равно был он мыслящий и приятный собеседник. Аттическая вежливость с некоторыми приемами французской остроты и любезности, отличавших прежнее французское общество, пленительная мягкость в обращении и в сношениях, некоторая застенчивость при уме самобытном, твердо и резко определенном, все эти качества, все эти прелести придавали его личности особенную физиономию и утверждали за ним особенное место среди блестящих современников и совместников его» (Цит. по: Вяземский. Изд. 1984. С. 346). Между Боратынским и Вяземским не было той душевной распахнутости, какая была у Боратынского с Дельвигом, с Путятой, позднее с И. Киреевским. Это был род дружбы литературной, основанной не на общности душевных движений, а на общности литературных вкусов и пристрастий. Оба называли друг друга на *вы* и по имени-отчеству.

Благодаря Вяземскому и Пушкину Боратынский стал во второй половине 1826 — первой половине 1827 г. поддерживать регулярные отношения с кругом авторов «Московского Телеграфа» и «Московского Вестника» (характерно, что впоследствии, в 1828—1829 гг., едва Пушкин и Вяземский уезжали из Москвы, обще-

ние Боратынского с московскими писателями и журналистами резко сокращалось). Вероятно, в 1827 г. Пушкин смотрел рукопись стихотворений Боратынского, приготовленных к изданию, и начал писать рецензию («Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского...»; эта рецензия, как и две другие статьи Пушкина о Боратынском, не завершена).

«Стихотворения Евгения Баратынского» (Изд. 1827) собирался издать еще в 1826 г. Дельвиг. Но сначала Боратынский не торопился прислать рукопись другу в Петербург, а затем Дельвиг медлил с отдачей ее в цензуру. В конце концов, весной—летом 1827 г. рукопись была переправлена обратно в Москву, и изданием ведал Н. А. Полевой.

Традиционно считается, что основную работу над подготовкой Изд. 1827 Боратынский совершал в 1826 г. Однако сравнение редакций стихотворений, вошедших в книгу, с их ранними редакциями, опубликованными в свое время в журналах, позволяет утверждать, что особенной правке подверглись стихотворения, написанные до середины 1824 г. Так, почти полностью были переделаны «Элегия» («Ужели близок час свиданья...» — № 15.2), «Элегия» («На краткий миг пленяет в жизни радость...» — № 20.2; в Изд. 1827 опубл. под загл. «Разлука»: «Расстались мы; на миг очароваНьем...»), «Финляндия» (№ 25.2; в Изд. 1827 то же заглавие, но 45 строк изменены), «К —» («Зачем живые выраженья...» — № 59.2; в Изд. 1827: «Мне с упоением заметным...»), «Дориде» («Зачем нескромностью двусмысленных речей...» — № 65.2; в Изд. 1827 под загл. «Делии»: «Зачем, о Делия! сердца младые ты...»), «Размолвка» («Прости, — сказать ты поспешаешь мне...» — № 75.2; в Изд. 1827: «Мне о любви твердила ты шутя...»), «Оправдание» («Я силился — счастливой старины...» — № 89.2; в Изд. 1827: «Решительно печальных строк моих...»), «Стансы» («О чем ни молимся богам...» — № 101.2; в Изд. 1827 текст сокращен вполовину).

Много существенных изменений сделано в посланиях к Дельвигу «Так, любезный мой Гораций...» (№ 10.2), «Где ты, беспечный друг? где ты, о Дельвиг мой...» (№ 18.2) и «Дай руку мне, товарищ добрый мой...» (№ 68.2), в элегии «Заснули рощи над потоком...» (№ 23.2; в Изд. 1827 опубл. под загл. «Утешение»: «Свободу дав тоске моей...»), в стихотворениях «Лиде» (№ 22.2), «Прощай, отчизна непогоды...» — № 35.2), «Водопад» (№ 44.2), «Булгарину» («Нет, нет, Булгарин! ты не прав...» — № 46.2; в Изд. 1827 опубл. под загл. «К ...»: «Нет, нет! мой Ментор, ты неправ...»), в послании к А. А. Крылову («Кто жаждет славы, милый мой...» — № 45.2; в Изд. 1827: «Чтоб очаровывать сердца...»), в «Падении листьев» (№ 73.2), в сатире «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» (№ 69), в послании «Н. И. Гнедичу» (№ 77), в послании «Богдановичу» (№ 83).

Зато стихотворения, написанные во второй половине 1824 г. и в 1825 г., либо подверглись минимальной правке (изменение отдельных строк и слов), либо вовсе не редактировались. Это позволяет предполагать, что большая часть текстов, во-

шедших в Изд. 1827, была подготовлена не в 1826 г. в Москве, а в Роченсальме — в основном осенью — в начале зимы 1823 г., перед отправкой рукописей Рылееву и Бестужеву, а также, может быть, в сентябре — начале октября 1824 г., после того как Боратынский забрал рукопись назад под предлогом необходимых поправок. Вероятно, он возвращался к работе над стихотворениями и после осени 1823 г., но вряд ли с той же интенсивностью, какая должна была проявиться в названное время — наиболее свободное в его жизни для такого рода занятий (со второй половины октября 1824 г. он переехал из тихого Роченсальма в Гельсингфорс, где ему явно было не до обработки своих ранних стихов, а после Гельсингфорса с февраля 1825 г. был поглощен работой над «Балом»).

Однако композиция «Стихотворений Евгения Баратынского» 1827 г. — конечно, результат раскладки рукописей, произведенной в 1826 г. (в конце 1823 г., отправляя свои тетради Бестужеву и Рылееву, Боратынский просил их самих позаботиться о композиции книги: «Возьмите на себя, любезные братья, классифицировать мои пьесы» — Летопись. С. 127). Стихотворения в сборнике распределены по трем разделам: «Элегии», «Смесь», «Послания». «Смесь» и «Послания» не имеют тематической связи: каждый новый текст являет иное, нежели предыдущий, душевное состояние, а все они в совокупности должны создавать впечатление сплошного потока жизни в ее беспрерывной изменчивости.

Главная жизненная проблема в книге — проблема счастья — полноценного бытия:

<...> О счастии с младенчества тоскуя <...>

(Истина // № 79; здесь и далее стихотворения упомянуты под заглавиями Изд. 1827)

<...> Не призрак счастия, но счастье нужно мне <...>

(Родина // № 34)

<...> Желанье счастия в меня вдохнули боги <...>

(Безнадежность // № 76.1)

<...> Не упоения, а счастья
Искать для сердца должно нам <...>

(«К...ну: «Пора покинуть, милый друг...» // № 30)

В большей части тех стихотворений, где речь идет о душевных волнениях, счастье связано с осуществлением любовных желаний. Но любовное счастье быстротечно и призрачно («<...> На краткий миг была мне жизнь моя, // <...> Одно теперь унылое смущенье // Осталось мне от счастья моего» — Разлука // № 20), в настоящий момент надежд на его обретение нет. В настоящий момент душевное состояние поэта — это состояние сознавания своих заблуждений:

<...> Обман исчез, нет счастья! <...>

(Поцелуй // № 64.1)

Что красоты, почти всегда лукавой
	Мне долгий взор?
Обманчив он! его живая сладость
	Душе моей
Страшна теперь <...>

(Песня: «Когда взойдет денница золотая...» // № 81)

Это состояние на пороге («Буря» — № 92) или на «полдороге» («Безнадежность» — № 76). Мечта о счастье остается, но само счастье ускользает, путь к нему не виден:

О счастии с младенчества тоскуя,
	Все счастьем беден я,
Или вовек его не обрету я
	В пустыне бытия? <...>

(Истина // № 79)

Настоящий момент — это момент неполноценной, болезненной жизни:

Напрасно мы, Делий, мечтаем найти
В сей жизни блаженство прямое <...>
Наш тягостный жребий: положенный срок
Питаться болезненной жизнью <...>

(Делию // № 36)

Жизнь слишком мало вознаграждает или вовсе не вознаграждает за те душевные усилия, которые прилагаются для достижения счастья:

Тебе я младость шаловливу,
О сын Венеры! посвятил;
Меня ты плохо наградил,
Дал мало сердцу на разживу!
Подобно мне любил ли кто?
И что ж я вспомню, не тоскуя?
Два, три, четыре поцелуя!..
Быть так, спасибо и за то.

(К Амуру // № 116)

<...> И что я приобрел, красавиц воспевая?
Одно: моим стихом Харита молодая,
Быть может, выразит любовь свою к тебе! <...>

(Л. П—ну // № 88.1)

Когда неопытен я был,
У красоты самолюбивой,
Мечтатель слишком прихотливой,
Я за любовь любви молил;
Я трепетал в тоске желанья

У ног волшебниц молодых:
Но тщетно взор во взорах их
Искал ответа и узнанья!
Огонь утих в моей крови;
Покинув службу Купидона,
Я променял сады любви
На верх бесплодный Геликона.
Но светлый мир уныл и пуст,
Когда душе ничто не мило:
Руки пожатье заменило
Мне поцелуй прекрасных уст.

(Л—ой // № 57.1)

Последние строки требуют особенного внимания — речь идет о замене мечтательного идеала его реальным подобием. Это подобие имеет сходство с мечтой (в данном случае речь идет о замене одного соприкосновения другим), но это именно сходство: в нем сохранены общие контуры идеала, память о нем, его след, но сам идеал остается таким же манящe недостижимым, каким был. Это состояние псевдосчастья, псевдожизни. Как и в «Родине» (№ 34), где говорится о поиске счастья в родном углу («О дом отеческий! о край всегда любимой! // Родные небеса! <...> // Вы мне повеете спокойствием и счастьем»), оно наполнено покоем, но это покой душевного бездействия — усыпления:

<...> Лелеемый счастливым усыпленьем,
Я не хочу притворным исступленьем
Обманывать ни юных дев, ни Муз.

(Эпилог // № 31.1)

<...> Счастливый отдыхом, на счастие похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу —
И скромно кланяюсь прохожим.

(Безнадежность // № 76.1)

<...> Я сплю, мне сладко усыпленье <...>

(Разуверение // № 54)

«Счастливое усыпленье», «сладкое усыпленье», «отдых, на счастие похожий» — все это варианты душевного охлаждения, замены настоящего счастья, замены вынужденные, но спасительные — они заглушают тоску, уныние, печаль, боль, страдания (и т. п.), порожденные обманом надежд на счастье:

<...> Светильник мой укажет путь ко счастью!
(Вещала) захочу
И страстного отрадному бесстрастью
Тебя я научу.

Пускай со мной ты сердца жар погубишь,
Пускай, узнав людей,
Ты, может быть, испуганный разлюбишь
И ближних и друзей.

Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой <...>

(Истина // № 79)

<...> Верь тот надежде обольщающей,
Кто, бодр неопытным умом,
Лишь по молве разновещающей
С судьбой насмешливой знаком.

Надейтесь, юноши кипящие!
Летите: крылья вам даны;
Для вас и замыслы блестящие
И сердца пламенные сны.

Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету утех, печали власть,
Вы, знанье бытия приявшие
Себе на тягостную часть!

Гоните прочь их рой прельстительный;
Так! доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души <...>

(Две доли // № 55)

Если судить по «Эпилогу», «Безнадежности» и «Разуверению», то покой, приобретенный к настоящему моменту, — это замена счастья, сохраняющая подобие счастья, замена полноценного бытия, псевдожизнь, но все-таки — жизнь. Если судить по «Истине» и «Двум долям», то покой — это прообраз смерти:

<...> Светильник твой — светильник погребальный
Последних благ моих!
Твой мир, увы! могилы мир печальный
И страшен для живых <...>

(Истина)

<...> Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мертвых из гробов,
Волхва словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов,

Так вы, согрев в душе желания,
Безумно вдавшись в их обман,

Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.

(Две доли)

Получается, что состояние замены — это состояние, промежуточное между жизнью и смертью: неполнота как бытия, так и небытия. Почему так получается? У Боратынского можно найти три взаимодополняющих ответа на этот вопрос.

1) Причина болезненного состояния души — обман мечтаний о разделенной любви (традиционная мотивировка элегических страданий). Любовь отравляет и опустошает жизнь:

<...> Огонь любви, огонь живительный! —
Все говорят; но что мы зрим?
Опустошает, разрушительный,
Он душу, объятую им!

(Любовь: «Мы пьем в любви отраву сладкую...» // № 86).

Любовные отношения порождают только «бесплодный огонь» (послание к Л. С. Пушкину), «унылое смущенье» («Разлука»), «изнеможенье» («Поцелуй»).

2) Причина — ход жизни, взросление, искушенность, «знанье бытия», опытность сердца и т. п.

<...> Уж отлетает век младой,
Уж сердце опытнее стало <...>

(К...ну: «Пора покинуть, милый друг...» // № 30.1)

<...> В душе, больной от пищи многой,
В душе усталой пламень гас,
И за стаканом, в добрый час
Застал нас как-то опыт строгой.
Наперсниц наших, страстных дев
Мы поцелуи позабыли
И, пред суровым оробев,
Утехи крылья опустили <...>
Теперь вопрос я отдаю
Тебе на суд. Подумай, мы ли
Переменили жизнь свою,
Иль годы нас переменили?

(К...: «Нет, нет! мой ментор, ты неправ...» // № 46.3)

<...> Переменяют годы нас
И с ними вместе наши нравы <...>
В пылу начальном дней младых
Неодолимы наши страсти:

Проказим мы, но мы у них,
Не у себя тогда во власти <...>
(Товарищам: «Так! отставного шалуна...» // № 38)

3) Причина — судьба (рок, жребий). В известной мере судьба у Боратынского совпадает с опытом, ибо означает течение жизни. Вместе с тем судьба — это надличная субстанция, предопределяющая течение жизни и все жизненные невзгоды. Это сила — «тяжелая», «тягостная», «жестокая», «суровая», «строгая», «гневная», «враждебная», «самовластная» — см., например, в послании Дельвигу («Дай руку мне...»): «судьбины злоба», «судьба тяжелая», «судьба суровая»; в «Падении листьев»: «суровый рок», «судьбины гнев», «судьбе противиться бессильный»; в послании Коншину («Поверь, мой милый друг...»): «рок суровый»; в «Унынии»: «рок злобный»; в послании Дельвигу («Напрасно мы, Делий...»): «самовластный рок», «тягостный жребий»; в «Истине»: «тяжкий жребий»). Эта сила отторгает от круга друзей (см. послания Дельвигу «Где ты, беспечный друг...» и «Н. И. Гнедичу»), отлучает от родины («Отъезд» — № 35; «Русская песня» — № 40), лишает надежд, мечтаний, целей («Истина», «Две доли»), истребляет радость и младость («К...»: «Нет, нет! мой ментор, ты неправ...»), обрекает на рабское, подневольное состояние («Буря»; «Напрасно, мы, Делий, мечтаем найти...»; «Падение листьев»), демонстрирует наличие абсолютного закона, оспоривать который личной волей бессмысленно, — закона уничтожения жизни («Финляндия», «Рим» — № 48, «Могила» — № 90.3).

Во всех трех причинах душевного недуга есть одно общее свойство — то, что все они свидетельствуют о невластности человека в самом себе: душа больна, разуверена, опустошена, охлаждена, усыплена, бездейственна, а воскресить ее для веры в возможность обретения полноценной жизни — выше человеческих сил. Это отчетливо фиксирует текст, являющийся сердцевиной Изд. 1827 — «Эпилог» (№ 31). «Эпилог», замыкая три книги элегий, стоит в центре сборника и, подводя итог элегиям, задает угол зрения для чтения стихотворений в двух следующих разделах.

Но тут пора вспомнить об относительности истин: то, что находится «в сердцевине», отнюдь не совпадает у Боратынского с тем, что находится «по краям». «По краям» «Эпилога» — другие опорные тексты Изд. 1827: «Финляндия» (зачин 1-й книги «Элегий» и всей книги), «Буря» (финал 1-й книги «Элегий»), «Отъезд» (финал 2-й книги), «Стансы»: «В глуши лесов счастлив один...» (финальное стихотворение «Смеси») и послание «Н. И. Гнедичу» (финал «Посланий» и всего сборника). Эти тексты наряду с «Эпилогом» служат ориентирами, помогающими обнаружить ту смысловую перспективу, в рамках которой можно воспринимать остальные стихи. В них, в противовес сердцевинному стихотворению, определен выход из неполноценного, подвластного состояния, а следовательно, и способ победы над мучительным недугом. В «Буре» это выход в мятежную смерть, в «Финляндии», «Отъезде»,

«Стансах» и послании «Н. И. Гнедичу» — спасение в творчестве. Именно творчество дает то вознаграждение, которое тщетно искать на любовном пути и которое уравновешивает все невзгоды, навязываемые судьбой:

<...> Вострепещу ль перед судьбою? <...>
Я, не внимаемый, довольно награжден
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

(Финляндия // № 25.1)

<...> Наперекор судьбе,
Не изменил питомец Феба
Ни Музам, ни себе.

(Отъезд: «Прощай, отчизна непогоды...» // № 35.1)

<...> Меня тягчил печалей груз;
Но не упал я перед роком,
Нашел отраду в песнях муз
И в равнодушии высоком,
И светом презренный удел
Облагородить я умел.

Хвала вам, боги! предо мной
Вы оправдалися отныне!
Готов я с бодрою душой
На все угодное судьбине,
И никогда сей лиры глас
Не оскорбит роптаньем вас!

(Стансы // № 101.1)

<...> Природа, каждого даря особой страстью,
Нам разные пути прокладывает к счастью:
Кто блеском почестей пленен в душе своей;
Кто создан для войны и любит стук мечей;
Любезны песни мне. Когда-то для забавы
Я, праздный, посетил Парнасские дубравы
И воды светлые Кастальского ручья;
Там к хорам чистых дев прислушивался я,
Там, очарованный, влюбился я в искусство
Другим передавать в согласных звуках чувство,
И, не страшась толпы взыскательных судей,
Я умереть хочу с любовию моей <...>

(Н. И. Гнедичу // № 77.1)

В «Финляндии», «Стансах» и послании «Н. И. Гнедичу» речь идет об особого рода отношениях с судьбой. Это не противоборство, как в «Буре» и «Отъезде», а как бы согласие с ней: «Учусь покорствовать судьбине я моей», — сказано в послании «Н. И. Гнедичу». Речь идет, разумеется, не о «раболепном покое» (см. «Бурю»), а о том, чтобы жить полноценной душевной жизнью в границах, определенных свыше:

Всех благ возможных тот достиг,
Кто дух судьбы своей постиг.

(Стансы // № 100.1)

«Дух судьбы своей» определяется в Изд. 1827 как дух творчества, и именно творчеством обусловливает Боратынский смысл и высшие ценности своей жизни в первом сборнике стихов.

* * *

1827—1832 годы — кульминационная эпоха творчества Боратынского, время его уверенности в значении своего творческого духа и своей литературной деятельности — см. стихотворения этого периода: «Муза» («Не ослеплен я музою моею...» — № 154); «Слыхал я, добрые друзья...» (№ 141); «В дни безграничных увлечений...» (№ 164); «Болящий дух врачует песнопенье...» (№ 183).

Вместе с тем с каждым годом жизни в Москве Боратынский оказывается во все большем литературном вакууме. При внешне дружественных отношениях он отчужден от круга писателей «Московского Вестника» и равнодушен к главным действующим лицам журнала — М. П. Погодину и С. П. Шевыреву; те, в свою очередь, холодны к нему и скептически оценивают его дарование (характерно, что в «Московском Вестнике» не появилось рецензий ни на Изд. 1827 г., ни на «Бал»). С середины лета 1829 г. Боратынский вслед за Вяземским прерывает отношения с «Московским Телеграфом», и Н. А. Полевой из литературного сочувственника превращается в дерзкого неприятеля (см. комментарий к № 149: «В восторженном невежестве своем...»). С «Вестником Европы» Каченовского и «Дамским Журналом» Шаликова изначально не могло быть никаких отношений ввиду непримиримо враждебного отношения их издателей к поэзии Боратынского — самые грубые из всех критических отзывов о его стихах напечатали именно они (см.: Дамский Журнал. Ч. 22. № 8 — рецензия на стихотворение «Стансы»: «Обременительные цепи..» // № 129.3; Вестник Европы. 1829. Январь — рецензия Н. И. Надеждина на «Бал»). Иметь контакты с «Телескопом» Надеждина, особенно после его рецензии на «Наложницу» (см.: Телескоп. 1831. Ч. 3. № 10), естественно, тоже было невозможно.

Но до тех пор, пока в Петербурге был Дельвиг с ежегодными «Северными Цветами», а в Москве — Вяземский и временами наезжавший сюда Пушкин, Боратынский не испытывал пустоты вокруг себя. К тому же в конце 1828 — начале 1829 г. он сблизился с И. В. Киреевским, чья дружба стала для него такой же насущной частью жизни, как любовь Настасьи Львовны. Тесный семейно-дружеский круг являлся одновременно и источником поэзии, и ближайшим его адресатом.

Киреевский и Вяземский способствовали новым литературным проектам Боратынского: он собирался приняться за историософский труд, написал драму (текст неизвестен), пытался сочинить роман в прозе (см.: Летопись. С. 229—230, 279,

303). С замыслом романа связана и работа над «Наложницей» в октябре 1829 — феврале 1831 г. В майских письмах 1831 г. Киреевскому Боратынский объяснял свою мысль об идеальном «эклектическом» романе, который синтезировал бы две романные крайности: «спиритуальность» и «материализм» (см.: Летопись. С. 256). В основе деления романов на «спиритуальные» и «материальные» — давние понятия Боратынского о дуализме «чувствительного» и «чувственного» (см. послание 1820 г. к Коншину «Поверь, мой милый друг...»: «Счастливцы нас бедней, и праведные боги // Им дали чувственность, а чувства дали нам»). Идея «эклектического» романа соотносится с рассуждениями в предисловии к «Наложнице» о «смешанных характерах» как условии «полноты», «естественности» и «правды» литературного произведения; сама же «Наложница» в таком контексте выглядит как опыт «эклектического» романа. Боратынский очень гордился своим новым сочинением: «<...> автор «Эды» сделал большие успехи в своей последней поэме. Не говоря уже о побежденных трудностях, о самом роде поэмы, исполненной движения, как роман в прозе, сравни беспристрастно драматическую часть и описательную: ты увидишь, что разговор в «Наложнице» непринужденнее, естественнее, описания точнее, проще» (Письмо к Путяте от конца июня — начала июля 1831 // Летопись. С. 262) — это единственный случай, когда обычно умалявший достоинства своих произведений Боратынский оценивает собственный труд столь высоко. Однако его усилия оценили немногие — бóльшая часть печатных рецензий была резко отрицательна, свидетельствуя о том, что только в доме Киреевских — Елагиных и в кругу «Северных Цветов» Боратынскому можно искать себе сочувствия.

Скоро все переменится, и он останется совсем один.

14 января 1831 г. умер Дельвиг. В течение первой половины 1831 г. Боратынский собирался по уговору с Пушкиным и Плетневым написать и прислать для «Северных Цветов» на 1832 г., выпускаемых в память Дельвига, биографию покойного друга. Но в июне он вынужден был уехать с семьей из Москвы в казанское имение тестя — Каймары: там долго привыкал к новой обстановке, а осенью, узнав, что Киреевский собирается издавать собственный журнал («Европеец»), оживился и стал деятельно трудиться, причем в порыве дружбы готов был даже биографию Дельвига отдать в «Европеец», а от участия в «Северных Цветах» вовсе отказаться. В итоге бóльшую часть написанного в Каймарах Боратынский отправил Киреевскому, а Пушкину для «Северных Цветов» — только два стихотворения: «Мой Элизий» и «Бывало, отрок, звонким кликом...», и то с оговоркой, что «больше нет ничего за душою» (Летопись. С. 276). Пушкин напечатал первое из них, а второе без объяснений отклонил. Разрыва с Пушкиным не произошло, но началось взаимное охлаждение. Впрочем, память о былом литературном братстве оставалась и у того и у другого. В конце 1832 г. Пушкин помог Боратынскому договориться со Смирдиным об издании его нового собрания стихотворений, а в начале сентября 1833 г., случайно встретившись в Казани, оба искренне обрадовались. Но скоро, кажется, тотчас и

забыли друг о друге — во всяком случае, когда спустя еще три года, в мае 1836 г., они увиделись в Москве, то встретились вполне равнодушно. «Баратынский <...> очень мил. Но мы как-то холодны друг к другу», — писал Пушкин жене (Пушкин. Ак. Т. 16. С. 116).

Перенося после смерти Дельвига все свои душевные и литературные интересы на Киреевского, Боратынский отсекал старые дружеские связи без оглядки. Он сосредоточился на регулярной работе для «Европейца». Однако в феврале 1832 г. «Европеец» был запрещен, и рухнули надежды на постоянный литературный труд.

Энергия Боратынского угасла не сразу. Он продолжал писать, и едва ли не первым произведением, написанным после получения известия о закрытии журнала Киреевского, стало стихотворение «На смерть Гете», исполненное мощной уверенности во всеобъятной силе творческого духа. Бодрость духа сохранялась у Боратынского еще довольно долго. Так, получив в начале апреля 1832 г., письмо Киреевского, в котором тот писал о бессмысленности и бесперспективности жизни в его опальном положении, Боратынский отвечал другу уникальным признанием: «Много минут жизни, в которых нас поражает ее бессмыслица: одни почерпают в них заключения, подобные твоим, другие — надежду другого, лучшего бытия. Я принадлежу к последним» (Летопись. С. 293). Разумеется, эту истину нельзя понимать как выражение нового жизненного кредо Боратынского, ибо его истины истинны лишь по отношению к данному душевному состоянию. Скоро начнется душевный кризис, и идея «лучшего бытия» окажется под сомнением.

В конце 1832 г. Боратынский договорился с петербургским книгопродавцем Смирдиным об издании нового собрания своих произведений. Однако книга вышла в свет через два с половиной года. Рукопись была представлена в петербургскую цензуру 7 марта 1833 г., но затем Смирдин перепродал право издания московскому книгопродавцу Ширяеву. Тем временем Боратынский с семейством уехал в Мару и надолго там остался. Ширяев посылал корректурные листы по почте, и к началу 1834 г. была набрана только 1-я часть книги, содержавшая стихотворения; 2-ю часть, с поэмами, Боратынский вычитывал на протяжении всего 1834 г., и она была набрана только к январю 1835 г., а поступило издание в продажу лишь в 20-х числах апреля 1835 г.

Новым собранием сочинений Боратынский осознанно подводил черту под своим прошлым. Еще лишь обдумывая композицию книги, он был настроен на то, чтобы подчеркнуть ее итоговый характер. «Я не пишу ничего нового и вожусь со старым, — писал он Вяземскому во второй половине декабря 1832 — январе 1833 г. — Я продал Смирдину полное собрание моих стихотворений. Кажется, оно в самом деле будет последним, и я к нему ничего не прибавлю. Время поэзии индивидуальной прошло, другой еще не созрело» (Летопись. С. 303).

Если в издании 1827 г. Боратынский поставил в начало сборника философические тексты, задвинув «индивидуальную», исповедально-субъективную лирику вглубь

книги, и подчеркнул системой обрамлений значение творчества в его жизни, то в первой части нового издания, содержавшей лирические произведения, был избран иной принцип — тот, согласно которому в издании 1827 г. располагались тексты в разделах «Смесь» и «Послания».

Это принцип относительности истин в зависимости от душевного состояния автора: чередование стихотворений, выражающих разные душевные состояния и различно (часто диаметрально противоположно) интерпретирующих одно и то же .

Усиливая имитацию сплошного жизненного потока, Боратынский снял заглавия у 103 стихотворений (из 131 помещенного в книге), и перед читателем предстала вереница фрагментов, фиксирующих изменчивые мгновения жизни колеблющейся души. Но внутренняя изменчивость представлена в подчеркнуто временных пределах: открывает 1-ю часть издания «Финляндия» (№ 25.1) — элегия, служащая знаком начала поэтической славы Боратынского; замыкает 1-ю часть книги стихотворение, манифестирующее отказ от творчества, — «Бывало, отрок, звонким кликом...» (№ 162). Благодаря такому финалу новое собрание сочинений стало прощанием с «индивидуальной» поэзией.

«Другая» поэзия начнется со стихотворения, написанного под конец работы над корректурой издания 1835 г., — «Последнего поэта». Общий смысл этой «другой» поэзии прекрасно выразил в 1838 г. один из московских знакомых Боратынского — Н. А. Мельгунов: «Баратынский по преимуществу поэт элегический, но в своем втором периоде возвел *личную* грусть до *общего*, философского значения, сделался элегическим поэтом современного человечества. «Последний поэт», «Осень» и пр. это очевидно доказывают» (Цит. по: Летопись. С. 344).

Вместе с тем «Последний поэт», «Осень» и пр. очевидно доказывают состояние глубокой депрессии, охватившей Боратынского с середины 1830-х гг. Надежда на «другое, лучшее бытие», дающая силы в минуты жизни, когда «нас поражает ее бессмыслица», — та надежда, о которой еще в 1832 г. Боратынский писал как о духовной опоре своей жизни, — вовсе исчезнет из его «другой» поэзии второй половины 1830-х гг.

Одной из главных причин депресии, вероятно, стало то, что составляло вместе с тем его счастье, — семейная идиллия. Мирный, размеренный семейный быт был для Боратынского необходим, как воздух. Однако в реальности тесный домашний круг являлся оплотом полноценного бытия лишь постольку, поскольку был возможен периодический выход за его пределы. Для Боратынского такими выходами служили, во-первых, общение с Киреевским, во-вторых, участие в литературе. Когда он писал Киреевскому после закрытия «Европейца» о том, что теперь, несмотря ни на что, надо продолжать трудиться, как на необитаемом острове (Летопись. С. 297), он не лукавил.

Но одно дело — убежденность человека в том, как следует действовать в экстремальной ситуации, другое — его действительное психическое состояние в такой

ситуации. И, как выяснилось впоследствии, писать как на необитаемом острове, без повседневного общения с мыслящим другом и в отрыве от близкой литературной среды, Боратынский мог преимущественно об одном: фигурально выражаясь, о том, что он на необитаемом острове — об одиночестве художника, о бессмысленности и бесплодности жизни, об отчаянии человека, не находящего нигде отзыва своему слову (см. «Последний поэт», «Недоносок», «Бокал», «Осень», «Были бури, непогоды...», «На что вы дни! Юдольный мир явленья...», «Рифма» и проч.).

Со второй половины 1834 г. в жизни Боратынского происходит перелом, причиной которому стал разрыв отношений с Киреевским из-за каких-то слухов, дошедших до Боратынских в таком виде, что они сочли их распространителями Киреевского и А. П. Елагину. Содержание слухов неизвестно. Скорее всего это был обычный светский вздор, который распространяют малознакомые или неприязненно относящиеся к нам люди. Только при болезненном состоянии духа можно было заподозрить Киреевского и его мать в причастности к такого рода вздору. Боратынский и Настасья Львовна заподозрили и отвергли былую привязанность навсегда, отравив тем самым и собственную жизнь — памятью о предательстве друзей, и жизнь былых конфидентов.

Одиночество после разрыва с Киреевским выражает послание к Вяземскому, написанное осенью 1834 г. (№ 190). Здесь снова, как когда-то в финляндских стихах, идет речь об отчужденности и впервые после Финляндии звучит тоска по другу:

<...> Счастливый сын уединенья,
Где сердца ветреные сны
И мысли праздные стремленья
Разумно мной усыплены;
Где, другу мира и свободы,
Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мне нужды нет;
Где я простил безумству, злобе
И позабыл, как бы во гробе,
Но добровольно, шумный свет, —
Еще, порою, покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи мира облетаю
С тоскою жаркой и живой:
Ищу я вас; гляжу: что с вами?
Куда вы брошены судьбами,
Вы, озарявшие меня
И дружбы кроткими лучами,
И светом высшего огня? <...>

Речь идет о счастливом уединении, но это счастье особого сорта — «как бы во гробе»; душа облетает мир («И степи мира облетаю»), как в юные годы (см. «Две доли»: «Надейтесь, юноши кипящие! // Летите: крылья вам даны») или как может

это делать мысль всеобъемлющего гения (см. «На смерть Гете» — № 169: «Крылатою мыслью он мир облетел»), но облетает в тоске невидения, слепо (как потом в «Недоноске» — № 197: «Мир я вижу, как во мгле»), не зная, где искать утраченное («Ищу я вас, гляжу: что с вами? // Куда вы брошены судьбами»); поэт свободен и властвует над своим духом — он «друг свободы», «шумный свет» оставил «добровольно», «праздные стремленья» «разумно усыплены», но ведь это не что иное, как новая замена мечты о полноценном счастье — «счастливым усыпленьем» («Разуверение» — № 54), «отдыхом, на счастие похожим» («Желанье счастия в меня вдохнули боги...» — № 76.1).

В послании к Вяземскому Боратынский возвращается в состояние былой элегической безысходности. Только теперь это состояние осложнено тем, что прежний идеал, о котором он грезил когда-то, — домашняя идиллия: любовь и забота подруги нежной (см.: «Пора покинуть, милый друг...» — № 30) и уединенная жизнь в родном углу (см.: «Я возвращуся к вам, поля моих отцов...» — № 34) — достигнут в его повседневном быту. Но теперь и это полноценное бытие становится лишь относительно полноценным. Вместо полного довольства утаенным бытом наступает тоска по другим «урочищам вселенной», от которых когда-то, в начале своего семейного счастья, он отрекался.

Следующие после разрыва с Киреевским девять лет будут временем все большего отъединения от Москвы и московских знакомых и все большего замыкания жизни в пределах семейного быта. С 1835—1836 гг. Боратынский перестает действовать как писатель: он не строит никаких литературных планов, не задумывает новых поэм, не вмешивается в полемики. Последней известной попыткой участия Боратынского в публичном споре было намерение написать в ноябре 1836 г. ответ на философическое письмо Чаадаева. Кажется, он даже действительно сел за сочинение опровержения (см. письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 11 ноября 1836 // ОА. Т. III. С. 356—357), но дописывать начатое не стал или просто не смог привести свои мысли в порядок.

Ни о каком постоянном литературном труде теперь нет и речи. Он продолжает писать стихи, но делает это от случая к случаю, пишет в год два-три стихотворения и, поскольку больше не сотрудничает с московскими писателями, посылает свои тексты в Петербург — в «Современник» Плетнева или в «Отечественные записки» Краевского. Бóльшая часть его жизни наполнена теперь обустройством домашнего быта.

Семья его росла год от года — в 1839 г. у Боратынского было семь детей — дочери Александра, Мария, Юлия и Зинаида и сыновья Лев, Дмитрий и Николай (кроме того, две дочери — Екатерина и София — умерли: соответственно в 1829 и 1838 гг.). Необходимо было заниматься со старшими, подыскивать гувернеров и учителей и проч. После смерти любимого тестя — Л. Н. Энгельгардта (4 ноября 1836 г.) на Боратынского легли все заботы по управлению имениями Настасьи Львов-

ны и ее сестры Сонички (Мураново, Каймары, Скуратово). Правда, скоро (в ноябре 1837 г.) Соничка вышла замуж за старинного друга Боратынского — Путяту, и отчасти попечение об имениях было поделено между двумя семьями. Но лишь отчасти — основную долю хозяйственных проблем решал Боратынский, имевший более свободного времени, нежели Путята, продолжавший служить в Петербурге. В 1838 г. Боратынский стал перестраивать свой московский дом (в 1835 г. он купил двухэтажный особняк на Большой Спиридоновке) — решено было нижний этаж сдавать, а для этого требовался капитальный ремонт. Строительные работы начались весной 1838 г. и, кажется, растянулись на год с лишним. Первое известие о том, что Боратынские наконец перебрались из флигеля, где они жили во время ремонта, на второй этаж, датируется началом зимы 1839 г.

Хозяйственная деятельность пришлась ему по вкусу. По его письмам этого периода видно, что даже отчеты в Опекунский совет он составлял с удовольствием. Вместе с тем очевидно и то, что его не оставляет мысль о необходимости выхода за пределы тесного домашнего круга. Осенью 1838 г. он собирался отправиться в заграничное путешествие (Германия — Италия), но из-за ремонта дома на Спиридоновке вояж был отложен. В 1839 г. решено было ехать всей семьей в Крым. «Хочется солнца и досуга, ничем не прерываемого уединения и тишины, если возможно, беспредельной», — писал Боратынский Плетневу в феврале 1839 г. (Летопись. С. 351).

Уединения и тишины Боратынскому хватало и во время жизни в подмосковной — Крым, так же как Италия, которую Боратынский ставил целью путешествия в 1838 г., является в данном случае идеальным краем поэтической свободы. Не случайно сразу после слов об уединении и тишине Боратынский пишет Плетневу о творчестве: «Думаю опять приняться за перо» (Там же). Но из-за очередных родов Настасьи Львовны и путешествие в Крым было отложено.

В начале 1840 г. Боратынские решили ехать за границу всей семьей. Не удалось и это. В конце концов жажда странствий была удовлетворена поездкой в Петербург в первой половине 1840 г.

Эта поездка многое переменила в планах Боратынских. Сам он отвлекся от однообразного повседневного быта, оживил старые дружеские связи и завел новые. Настасья Львовна была очень довольна впечатлением, произведенным ее мужем в петербургском обществе. Теперь именно с Петербургом Боратынские связывают свои лучшие мечты: они собираются переехать туда на постоянное жительство. Но лето 1840 г. выдалось неурожайным, в поместьях Боратынских и Энгельгардтов начался голод, и Боратынский как заехал с семейством в августе 1840 г. в Мару, так и остался там до весны 1841 г. Из-за недостатка в деньгах переезд в Петербург был отложен, а Боратынский по возвращении из Мары занялся сводом леса в окрестностях Муранова, строительством лесопильной мельницы, продажей досок и бревен и, наконец, строительством нового мурановского дома.

В Москву он приезжал теперь лишь изредка и только по хозяйственным делам. Встреч с бывшими московскими знакомыми, и прежде всего из круга Киреевских— Елагиных, он избегал, видя в них личных недоброжелателей, строящих ему тайные козни:

<...> Велик Господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.

Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавой;
Но, подо мной сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой! <...>

(«Опять весна, опять смеется луг...» // № 224)

Какие «пиры злоумышленья»? какой «сокрытый ров»? чьи «рога»? Смысл последнего четверостишия комментировал Плетнев — уже после смерти Боратынского, очевидно, со слов Настасьи Львовны: «*Свои рога* есть живописное изображение глупца в виде рогатой скотины <...> *сокрытый ров* означает намек на разные пакости, которые в Москве делали ему юные литераторы, злобствуя, что он не делит их дурачеств» (Цит. по: Летопись. С. 42). — Перед нами картина литературной травли.

Между тем ни о какой травле говорить не приходится — ничто не свидетельствует о враждебном отношении к Боратынскому московских писателей. Они не забывают о нем, несмотря на его уединение, и продолжают числить действующим автором. Так, в начале мая 1840 г. Погодин зовет его на именинный обед Гоголя, по обыкновению устраиваемый в саду погодинского дома на Девичьем поле, а помещая в «Москвитянине» справку о настоящем местопребывании российских писателей, Погодин не забывает в ней упомянуть и о Боратынском (Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 1. С. 325). Никаких публичных выпадов против Боратынского в «Москвитянине» не было. Напротив, здесь был помещен доброжелательный отзыв о «Сумерках» (Москвитянин. 1843. Ч. 1. № 1. С. 280). Неизвестны нам и какие-либо неприязненные отзывы о Боратынском в сохранившихся эпистолярных и дневниковых материалах писателей круга «Москвитянина». Тем более не приходится говорить о вражде со стороны И. В. Киреевского и А. П. Елагиной.

Дело было прежде всего в болезненном самоощущении — в воспоминаниях об обидах и в страхе новых душевных ран. В результате незначащие мелочи превращались в знаки вражды. Характерный эпизод: Боратынский встречается во время своей поездки в Петербург с Вяземским и пишет об этой встрече жене в Москву. «Разговорились, не знаю как, о здоровьи. — Вы несколько похожи на мнимого больного, — сказал мне Вяземский. Я засмеялся и спросил, почему он это знает? — Говорили это во время холеры. — Видишь, — делает вывод Боратынский, — что наш друг

Киреевский еще тогда, в полном жару нашей связи, он или мать его были к обоим нам неприязненны» (Летопись. С. 360).

Когда в конце апреля — начале мая 1842 г. к Боратынским в Мураново приезжала ненадолго Софья Львовна Путята, она, видимо, была несколько испугана душевным состоянием Боратынских. «Не расстраивайтесь, — утешала Путят Настасья Львовна через две недели после отъезда сестры. — Мы во всем доходим до крайностей: то, что в хорошую минуту вызовет прилив чрезмерной веселости, в минуту уныния будет преувеличено противоположным образом <...>, если бы вы услышали, насколько различно мы говорим об одном и том же в зависимости от состояния духа, вы посчитали бы нас в некотором роде сумасшедшими» (Хетсо 1973. С. 197—198; фрагмент цитируется в переводе с французского). В сущности, Настасья Львовна на свой лад объясняла доминантный принцип поэзии ее мужа — относительность истин.

* * *

Поэтическим итогом уединенной жизни Боратынского в Москве и в Муранове стала книга «Сумерки».

В «Сумерках» представлена «другая» поэзия, «созревшая» во время кризиса: элегическая исповедальность сублимирована здесь на уровень глобальных обобщений. В предыдущих собраниях стихотворений 1827 и 1835 гг. доминировала «индивидуальная» поэзия: система обрамлений и чередование текстов, выражающих разные душевные состояния, превращали оба сборника в книги о судьбе самого Боратынского: Боратынского — поэта, Боратынского — мыслящего человека. Главное в «Сумерках» — судьба поэта и мыслящего человека вообще.

Последняя книга Боратынского выражает те же взаимоотрицающие духовные искания и душевные состояния, которые составляли основу его предшествовавшего творчества: желание полноты бытия и понимание бесплодности ее поисков; сознание невластности над болезненным духом и творческое упоение художника, властвующего над материалом; усыпление разуверенной души и бодрость поэтического вдохновения. И так далее.

Но если в Изд. 1827 и Изд. 1835 Боратынский акцентировал индивидуальный смысл этих душевных состояний и духовных исканий, то в «Сумерках» эти состояния и искания «укрупнены» (Бочаров 1985. С. 99) и предстают как общие свойства бытия и мышления. «Сумерки» — книга философических ответов, данных с позиции сверхзнания — знания, выходящего «за грань чувственного», «страстного земного»:

<...> Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!

Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.

(«Все мысль да мысль!..» // № 211)

<...> Но не найдет отзы́ва тот глагол,
Что страстное земное перешел <...>

(Осень // № 213.1)

В философических стихах 1820-х — начала 1830-х гг. ответы на запредельные вопросы регулярно чередовались с глубоким недоумением насчет возможности их разрешения. Так, в послании к Дельвигу «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...» (№ 36), в стихотворениях «Дало две доли Провидение...» (№ 55), «Последняя смерть» (№ 128), «Смерть» (№ 142) вопросы о сущности жизни, о смысле смерти, о последней судьбе всего живущего решаются однозначно и твердо, а в «Финляндии» (№ 25), «Риме» (№ 48), «Черепе» (№ 90), в стихотворении «К чему невольнику мечтания свободы?..» (№ 179) вопросы так и остаются вопросами: каков был смысл бурной жизни древних народов? какие истины известны гробам? если все предопределено вышней волей, зачем страсти? — ответов нет. В стихотворениях же эпохи «Сумерек» вопросительные интонации почти отсутствуют, а сомнений нет вовсе. Если вопросы и ставятся — то лишь затем, чтобы сформулировать безапелляционный вывод (см. «Ахилл», «Осень», «Рифма»).

«Сумерки» — это книга ответов, данных с позиции знания, не доступного в пределах чувственного и земного. Такая позиция обозначена Боратынским еще на исходе его «индивидуальной поэзии»:

<...> Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел <...>
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.
Изведан, испытан им весь человек! <...>

(На смерть Гете // № 169)

Подобный же выход за грань чувственного — в область пророческого всезнания определяет и точку зрения Боратынского в «Сумерках». Здесь есть свои эквиваленты поиска предела в беспредельном:

<...> Коснися облака нетрепетной рукою —
Исчезнет; а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата.

(«Толпе тревожный день приветен, но страшна...» // № 208.1). —

свои соответствия «морской волне» (см. «Последний поэт» — № 191: «Человеку непокорно // Море синее одно, // И свободно, и просторно, // И приветливо оно») и «звездной книге»:

<...> Пускай, приняв неправильный полет
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет;
Пусть заменит ее другая <...>
(Осень // № 213.1). —

свои параллели к «изведанности» человека:

<...> Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерий <...>
(Осень)

Одно решительно отличает всезнание Боратынского от всезнания Гете — его деструктивность. У Боратынского в границах «страстного земного» — нет поэзии («Последний поэт», «Рифма»), нет прорицаний («Приметы»), нет пророческих откровений («Бокал»), нет «радостей души», «отзыва», «грядущей жатвы» (X, XIV, XVI строфы «Осени»). Все это возможно только «за гранью чувственного».

<...> О сын Фантазии! ты благодатных Фей
Счастливый баловень, и там, в заочном мире
Веселый семьянин, привычный гость на пире
Неосязаемых властей:
Мужайся, не слабей душою
Перед заботою земною:
Ей исполинской вид дает твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою —
Исчезнет; а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата.

(«Толпе тревожный день приветен, но страшна...»)

<...> Опрокинь же свой треножник!
Ты избранник, не художник!
Попеченья Гений твой
Да отложит в здешнем мире:
Там, быть может, в горнем клире,
Звучен будет голос твой!

(«Что за звуки? мимоходом...» // № 210)

Но и *там*, за гранью — «в заочном мире», не обнаруживается ни смысла, ни отзыва, ни награды горней гармонией; *там* — только бессмысленная вечность глухой безответной вселенной:

<...> Изнывающий тоской,
Я мечусь в полях небесных
Надо мной и подо мной

Беспредельных — скорби тесных!
В тучу прячусь я, и в ней
Мчуся чужд земного края,
Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая.

Мир я вижу как во мгле;
Арф небесных отголосок
Слабо слышу <...>
В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!

(Недоносок // № 197.1)

Пускай, приняв неправильный полет
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет;
Пусть заменит ее другая:
Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения ее далекой вой,
Равно как в высотах Эфира
Ее сестры новорожденный свет
И небесам восторженный привет!

(Осень. XV строфа)

Творческий гений в стихотворении «На смерть Гете» открыт миру — он сам разделил себя с миром:

<...> С природой одною он жизнью дышал
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье <...>

И мир отозвался ему:

<...> И с ним говорила морская волна <...>

В «Сумерках» творческий гений не может разделить себя ни с предельным, ни с запредельным миром — пророческое всезнание и творческое вдохновение замкнуты на самих себе:

<...> О бокал уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатленья,
Словно чашей круговой:
Плодородней, благородней,
Дивной силой будишь ты

Откровенья преисподней
Иль небесные мечты.

И один я пью отныне!
Не в людском шуму, пророк
В немотствующей пустыне
Обретает свет высок!
Не в бесплодном развлеченьи
Общежительных страстей,
В одиноком упоеньи
Мгла падет с его очей!

(Бокал // № 202)

<...> Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света,
Своею ласкою поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, с родного брега,
Живую ветвь приносишь ты;
Одна с божественным порывом
Миришь его твоим отзывом
И признаешь его мечты!

(Рифма // № 215.1)

Благодаря тому, что «Рифма» является последним текстом «Сумерек», можно считать, что истина, утверждаемая в этом стихотворении, служит выводом всей книги. Это старая истина Боратынского, которую он доказывал себе еще не вполне осознанно в годы пажеского кризиса (см. письмо 1814 г. к маменьке о желании стать автором), а начиная с 1820 г. — совершенно сознательно: только поэтическое творчество может дать «награду» и «ответ» и спасти от преследований судьбы и собственного болящего духа. Однако абсолютных истин у Боратынского не бывает, и через несколько месяцев после выхода «Сумерек», осенью 1842 г., он мучительно, судя по объему черновиков, пишет стихотворение «Опять весна, опять смеется луг...» (№ 224; традиционное редакторское заглавие: На посев леса») — новый отказ от поэзии:

<...> Уж та зима главу мою сребрит.
Что греет сев для будущего мира,
Но праг земли не перешел пиит,
К ее сынам еще взывает лира <...>

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос:
Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Ответа нет! отвергнул струны я,
Да кряж другой мне будет плодоносен,
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

Пусть! жду, простясь я с лирою моей,
Что некогда ее заменят эти,
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети.

Новое отречение от поэзии качественно отличается от прежних. Теперь речь идет не о самопроизвольном угасании вдохновения в душе поэта (ср. «Чувствительны мне дружеские пени...» и «Бывало, отрок, звонким кликом...» — №№ 31 и 162), а о сознательном отказе от поэзии и выборе иного пути жизни; точнее даже, не пути, а финала, исхода жизни (в начале стихотворения говорится о старении и скорой смерти: «Уж дольний мир уходит от очей, // Пред вечным днем я опускаю вежды»). Поэзия осознается как причина душевной травмы (лира «взывает», но «ответа нет!»), и не поэтическая гармония оправдывает теперь смысл бытия, а гармония иного рода — гармония природы. Отказа от идеи творчества — нет: речь о направлении творчества в иное русло, на иной путь. Природа в стихотворении «Опять весна...» не стихийная сила, существующая вне и помимо человека (ср. «Водопад» — № 44; «Буря» — № 92; «Приметы» — № 194), а — новый материал для деятельности, материал, организованный волей художника и вознаграждающий его за творческие усилия. Несмотря на скорбный тон стихотворения, можно сказать, что оно выражает ощущение вовсе не скорбное — желание выйти за пределы той жизни, средоточием которой была «поэзия таинственных скорбей», — и вместе с написанным через полтора года «Пироскафом» образует поражающую своим экзистенциальным эффектом развязку всей жизни Боратынского.

* * *

В сентябре 1843 г. сбылась давняя мечта: прямо из Муранова Боратынские отправились в заграничное путешествие. Около 7 сентября они прибыли всей семьей в Петербург и, остановившись на несколько дней у Путят, в конце 10-х чисел сентября отправились в путь — через Кенигсберг на Берлин. Из Берлина они съездили в Потсдам, а далее отправились в Лейпциг и из Лейпцига по железной дороге в Дрезден. Вернувшись в Лейпциг после осмотра Дрезденской галереи, Боратынские поехали, видимо, на дилижансе во Франкфурт, а оттуда по Рейну доплыли до Кёльна, из Кёльна — по железной дороге в Брюссель, из Брюсселя — в Париж.

О жизни Боратынских во время путешествия мы можем судить в основном по его письмам к Путятам и к маменьке Александре Федоровне (см.: Летопись. С. 399—406) — они полны новыми впечатлениями: посещение европейски зна-

менитых культурных памятников (дом Вольтера в Потсдаме, Дрезденская картинная галерея); знакомство с французскими писателями (А. де Виньи, Мериме, Нодье, Ламартин); общение с русскими, живущими за границей (А. И. Тургенев, А. И. Свечина и др.); европейские новизны, удивительные для жителя России («Железные дороги чудная вещь. Это апофеоза рассеяния»); особенности общественной жизни западных государств («Всего замечательнее во Франции сам народ, приветливый, умный, веселый и полный покорности закону, которого он понимает всю важность, всю общественную пользу. Я удивлялся в Берлине городскому порядку, точности и бесспорности отношений. Как же я изумился найти то же самое, но в высшей степени, в многолюдном Париже»).

Но уже к новому году Боратынский устал от обилия впечатлений и рассеянного образа жизни, а в его новогоднем поздравлении Путятам звучат обычная для русского за границей ностальгия по простору, по снегу, по дому и апофеоза русской жизни. Впрочем, отъезжая из Парижа в Марсель, Боратынский расстался с великим городом умиротворенно. Из Марселя Боратынские отправились на пироскафе (пароходе) в Неаполь. Сохранилось три письма Боратынского из Италии, по которым можно судить о его душевном состоянии в конце весны — начале лета 1844 г. (см.: Летопись. С. 408—410). В них говорится о спокойствии и блаженстве: «Каждый день наслаждаюсь одним и тем же и всегда с новым упоением. <...> Мне эта жизнь отменно по сердцу: гуляем, купаемся, потеем и ни о чем не думаем, по крайней мере, не останавливаемся долго на одной мысли» (Летопись. С. 410).

Во время переезда по Средиземному морю на пароходе из Марселя в Неаполь Боратынский написал стихотворение «Пироскаф» (№ 229):

<...> С брегом набрежное скрылось, ушло!
Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов
Прежде, чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!

С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простирал.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская:
Пеною здравья брызжет мне вал!

Нужды нет, близко ль, далеко ль до брега!
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду: мне жребий благой
Емлет она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизий земной.

После негативного решения вопросов полтора года назад — отказом от поэзии в стихотворении «Опять весна...» — новое решение («Много мятежных решил я вопросов») полностью отрицало как сказанное полтора года назад, так и едва ли не все сказанное в предыдущей, «набрежной» жизни. «Пироскаф» — это опыт абсолютно новой поэзии Боратынского: здесь нет сомнений, нет отчуждения от жизни, нет деструктивного всезнания — все это осталось позади, впереди был берег новой жизни: *Элизий земной*.

«Пироскаф», как и написанное вслед за ним стихотворение «Дядьке Итальянцу» (№ 230), стал как бы возвращением в начало жизни. «С детства влекла меня сердца тревога» — это воспоминание о своих пажеских мечтах: «Вообразите <...> неистовую бурю и меня, на верхней палубе, словно повелевающего разгневанным морем, доску между мною и смертью, чудищ морских, пораженных дивным орудием, созданием человеческого гения, властвующего над стихиями» (Летопись. С. 68). Но и в юности, и позднее, когда Боратынский вспоминал свои юношеские мечты, мысль о море была символом мятежа и гибели (см. в цитированном письме рассуждения о смерти и об опасностях, подстерегающих человека на морской службе; см. в «Буре» вызов властелину геенны и строки о гибели «на яростных волнах, в борьбе со гневом их»). Теперь же, в «Пироскафе», вместо чудищ морских или властелина геенны — благосклонная Фетида: «жребий благой емлет она из лазоревой урны», вместо мятежа — сердечная нега («Нужды нет, близко ль, далеко ль от брега, // В сердце к нему приготовлена нега»), вместо мыслей о смерти — «надежды символ».

«Пироскаф» означал решение жить: жить без тоски по прошедшему, с надеждой на будущее и в упоении настоящим моментом. Но лишь только душа его разжалась, первая же невзгода оказалась роковой.

«Накануне русского праздника святых апостолов Петра и Павла занемогла жена Баратынского. Доктор советовал, чтобы ей открыть кровь — и когда муж удивился, что надобно употребить эту сильную меру в припадке по-видимому обыкновенном, то доктор объявил, что иначе может последовать воспаление в мозгу. Слова его так встревожили Баратынского, что он сам почувствовал лихорадочный припадок, который ночью усилился» (П. А. Плетнев // Цит. по: Летопись. С. 47). 29 июня 1844 г., в четверть седьмого утра, Боратынский умер.

А. М. Песков

Стихотворения 1818–1822 годов

1

1

Взгляните: свѣжестью младой,
И въ осень лѣтъ она плѣняетъ,
И у нея, летунъ сѣдой,
Ланитныхъ розъ не похищаетъ;
Самъ побѣжденный красотой,
Глядитъ — и путь не продолжаетъ!

<1818 — начало 1819; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Мадригалъ
Пожилой женщинѣ и все еще прекрасной

И въ осень лѣтъ — красы младой
Она всю прелесть сохраняетъ;
Старикъ крылатый не дерзаетъ
Коснуться хладной къ ней рукой;
Самъ побѣжденный Красотой,
Глядитъ — и путь не продолжаетъ.

<1818 — начало 1819>

1.1. «Взгляните: свѣжестью младой...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 164 (№ XCII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 93 (раздел «Смѣсь») — под заглавием **«Женщинѣ пожилой, но все еще прекрасной»**.

По Изд. 1827 перепечатано: Венок Граций. М., 1838. С. 49 (подпись: *Е. Баратынскій*).

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 7 об.(заглавие: «Марьѣ Андреевнѣ Панчулидзевой родной теткѣ»); № 42. Л. 58 (заглавие: «М. А. П.»; в ст. 2: «дней» вместо «лѣтъ»).

1.2. Мадригалъ. Пожилой женщинѣ и все еще прекрасной («И въ осень лѣтъ — красы младой...»)

Печатается по тексту первой публикации: Благонамеренный. 1819. Ч. 5. Февраль. № IV (ценз. разр. 11 февраля; номер датирован 28 февраля). С. 210 (подпись: *Е. Б.).*

«Мадригалъ...» — первое опубликованное произведение Боратынского; адресовано М. А. Панчулидзевой.

Перепечатано: Опыт Русской Анфологии. СПб., 1828. С. 78 — под тем же заглавием (подпись: *Баратынскiй*).

Датируется по времени, предшествовавшему первой публикации (подробнее см. комментарии).

Лонгинов 1864. Стб. 113—114 (отмечена публикация в «Благонамеренном»). -- *Изд. 1869. С. 7* (текст поздней редакции под заглавием «М. А. Панчулидзевой»; датировка: 1819; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *177* (текст «Благонамеренного»), *379* (отмечена перепечатка в «Опыте Русской Анфологии»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 3* (текст «Благонамеренного»), *211* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; отмечена перепечатка в «Венке Граций»; датировка: 1818; та же датировка в Изд. 1982). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 64* (текст Изд. 1827 под заглавием «Женщине пожилой, но все еще прекрасной»; так же — в последующих изданиях до Изд. 1982). -- *Изд. 1957. С. 333* (датировка: осень 1818, «по возвращении Баратынского в Петербург» — так же датировано в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- *Изд. 1982. С. 109* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- *ИП. С. 354* (неточное указание заглавия первой публикации: «первое опубл. стих. Б. "Пожилой женщине и все еще прекрасной" <...> в разделе "Мадригал"»).

2

Къ Алинѣ

Тебя я нѣкогда любилъ
И ты любить не запрещала;
Но я дитя въ то время былъ,
Ты въ утро дней едва вступала.
Тогда любимъ я былъ тобой
И въ дни невинности беспечной
Алинѣ съ дѣтской простотой
Я клятву далъ ужь въ страсти вѣчной.

Тебяль, Алина, вижу вновь?
Твой голосъ сталъ еще пріятнѣй;
Сильнѣе взоръ волнуетъ кровь;
Улыбка, ласки сердцу внятнѣй;
Блестящихъ на груди лилей
Всѣ прелести соединились,
И чувства прежнія живѣй
Въ душѣ моей возобновились.

Алина! чрезъ двѣнадцать лѣтъ
Все тотъ же сердцемъ; нынѣ снова
Я повторяю свой обѣтъ.
Ужель не скажешь ты полслова?
Прелестный другъ! чему ни быть,
Обѣтъ сей будетъ свято чтимымъ.
Ахъ! я могу еще любить,
Хотя не льщусь ужь быть любимымъ.

<1818 — начало 1819>

2. Къ Алинѣ («Тебя я нѣкогда любилъ...»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Благонамеренный. 1819. Ч. 5. Март. № VI (ценз. разр. 14 марта; номер датирован 31 марта). С. 332 (подпись: *Е. Боратынскій*).

Это стихотворение и помещенные в том же номере «Благонамеренного» «Портретъ В...» и «Любовь и Дружба» (см. в настоящем издании №№ 3.2 и 4) — первые произведения Боратынского, опубликованные с полной подписью автора.

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлением: ст. 9 *Алина* → *Алина,*

Датируется по времени, предшествовавшему первой публикации.

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Благонамеренном»). -- *Изд. 1894. С. 7—8* (стихотворение введено в собрание сочинений Боратынского; текст «Благонамеренного»; датировка: 1819; так же напечатано и датировано в последующих изданиях). -- *Маркевич. Изд. 1980. С. 295* (воспоминание Н. А. Маркевича о том, что в 1819 г. Боратынский подарил ему свои «маленькие пьесы»: «Любовь и Дружба», «Портрет В...», «К Алине»).

3

1

Тебяль изобразить и ты-ль изобразима?
Вчера задумчива, я помню, ты была,
Сего дня ветрена, забавна, весела,
Понятна сердцу ты, уму непостижима.
Не всѣ ль противности въ характерѣ твоемъ?
Въ тебѣ чувствительность съ холодностью совмѣстна,
  Непостоянна ты во всемъ
  И постоянно ты прелестна.

<1818 — начало 1819; 1820 или март—апрель 1821>

2

Ранняя редакция

Портретъ В...

  Какъ описать тебя? я право самъ не знаю!
Вчера задумчива, я помню, ты была;
Сегодня вѣтрена, забавна, весела;
  Во всемъ, что лишь въ тебѣ встрѣчаю,
  Непостоянство примѣчаю;
  Но постоянно ты мила!

<1818 — начало 1819>

3.1. «Тебяль изобразить и ты-ль изобразима?..»

Печатается по автографу: ПД. № 73. I м (Альбом А. В. Лутковской). Л. 13 (подпись: *Е. Б.).*

Впервые опубликовано по автографу Б. Л. Модзалевским: Известия Имп. Академии Наук. VI серия. 1911. № 7. С. 523.

Печатается с исправлениями: в ст. 2 и 6 проставлены запятые.

Датируется предположительно по времени, предшествовавшему публикации ранней редакции (см. № 3.2), и на основании записей Боратынского на соседних листах

альбома Лутковской, одна из которых («Младыя Граціи сплели тебѣ вѣнокъ...», л. 8) помечена: *«Фридри<х>сгамъ»*. Боратынский мог быть одновременно с Лутковской во Фридрихсгаме только в 1820 или в марте — апреле 1821 г. (см.: Летопись. С. 429).

3.2. Портретъ В... («Какъ описать тебя? я право самъ не знаю!..»)

Печатается по тексту первой публикации: Благонамеренный. 1819. Ч. 5. Март. № VI (ценз. разр. 14 марта; номер датирован 31 марта). С. 334 (подпись: *Е. Боратынскій*).

Это стихотворение и помещенные в том же номере «Благонамеренного» «Къ Алинѣ» и «Любовь и Дружба» (см. №№ 2 и 4) — первые произведения Боратынского, опубликованные с полной подписью автора.

Перепечатано: Опыт Русской Анфологии. СПб., 1828. С. 131 (подпись: *Баратынскій*) — под тем же заглавием.

Датируется по времени, предшествовавшему первой публикации.

Вероятный адресат — В. Н. Кучина.

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Благонамеренном»). -- *Изд. 1894. С. 8* (стихотворение введено в собрание сочинений Боратынского; текст «Благонамеренного»; датировка: 1819). -- *Модзалевский 1911. С. 523* (текст автографа — с неточностью в ст. 6: «совмѣстны»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 3* (текст «Благонамеренного»), *212* (в разделе «Примечания» — текст автографа с исправлением неточности в ст. 6; датировка журнальной редакции: 1818—1819), *250* (датировка всех автографов Боратынского из альбома Лутковской: 1824 — на основании пометы под автографом стихотворения «Когда придется какъ нибудь...»: *Февраля 15-го 1824-го года* — в настоящем издании см. № 82). -- *Изд. 1936. Т. II. С. 283* (указано, что в основном корпусе напечатан текст автографа — на самом деле в Изд. 1936 дважды, в основном корпусе и в разделе «Первоначальные редакции и варианты», напечатан текст «Благонамеренного»; датировка автографа: 1823—1824 — так же датировано в последующих изданиях). -- *Изд. 1957. С. 45* (текст «Благонамеренного»; так же — в Изд. 1982 и Изд. 2000), *333* (в разделе «Примечания» — текст автографа). -- *Маркевич. Изд. 1980. С. 295* (воспоминание Н. А. Маркевича о том, что в 1819 г. Боратынский подарил ему свои «маленькие пьесы»: «Любовь и Дружба», «Портрет В...», «К Алине»). -- *Изд. 1982. С. 653* (предположение о том, что адресатом ранней редакции является В. Н. Кучина). -- *Изд. 1989. С. 59* (текст автографа), *335* (в разделе «Другие редакции и варианты» — варианты текста «Благонамеренного»).

4

Любовь и Дружба
(Въ альбомъ)

Любовь и Дружбу различаютъ,
Но какъ же различить хотятъ?
Ихъ пріобрѣсть равно желаютъ,
Лишь намъ скрывать одну велятъ.
Пустая мысль! обманъ напрасной!
Бываетъ дружба нѣжной, страстной,
Стѣсняетъ сердце, движетъ кровь
И хоть таитъ свой огнь опасной,
Но съ дѣвушкой она прекрасной
Всегда похожа на любовь.

<1818 — начало 1819>

4. Любовь и Дружба (Въ альбомъ) («Любовь и Дружбу различаютъ...»)

Печатается по тексту первой публикации: Благонамеренный. 1819. Ч. 5. Март. № VI (ценз. разр. 14 марта; номер датирован 31 марта). С. 334 (подпись: *Е. Боратынскій*). В оглавлении: «Любовь и дружба (въ Альбомъ)».

Это стихотворение и помещенные в том же номере «Благонамеренного» «Къ Алинѣ» и «Портретъ В...» (см. в настоящем издании №№ 2 и 3.2) — первые произведения Боратынского, опубликованные с полной подписью автора.

Перепечатано: Опыт Русской Анфологии. СПб., 1828. С. 77 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Любовь и дружба (въ Альбомъ)».

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлением: в конце ст. 6 проставлена запятая.

Датируется по времени, предшествовавшему первой публикации.

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Благонамеренном»). -- *Изд. 1894. С. 8* (стихотворение введено в собрание сочинений Боратынского; текст «Благонамеренного»; датировка: 1819; так же напечатано и датировано в последующих изданиях). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 213* (отмечена перепечатка в «Опыте Русской Анфологии»). -- *Маркевич. Изд. 1980. С. 295* (воспоминание Н. А. Маркевича о том, что в 1819 г. Боратынский подарил ему свои «маленькие пьесы»: «Любовь и Дружба», «Портрет В...», «К Алине»).

5

Мы будемъ пить вино по гробъ
И вѣрно попадемъ въ святые:
Намъ ясно доказалъ потопъ,
Что воду пьютъ одни лишь злые.

<1819 (?)>

5. «Мы будемъ пить вино по гробъ...»

Печатается по автографу: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 37 (подпись: *Евгеній Абрамовъ сынъ Боратынской*).

Впервые опубликовано И. Н. Медведевой: Звенья. М.; Л., 1936. [Т.] VI. С. 118.

Печатается с исправлениями: в конце ст. 2 и 3 проставлены знаки препинания.

Датируется по месту записи в альбоме: стихотворения «Мы будемъ пить вино по гробъ...», «Здѣсь погребенъ армейской Капитанъ...» и «Въ пустыхъ разщетахъ, въ грубомъ снѣ...» (см. №№ 6—7) записаны на лл. 37—38 об. альбома Яковлева, в то время как три другие стихотворения Боратынского в этом альбоме (см. №№ 50—52: «Вчера ненастливая ночь...», «Полуразрушенный я самъ себѣ не нуженъ...», «Моя жизнь») соседствуют с записями, относящимися ко времени начала знакомства с С. Д. Пономаревой — то есть ко второй половине лета или к осени 1821 г. (см. также примечание к № 50).

Медведева 1936. С. 117 (датировка всех автографов Боратынского в альбоме П. Л. Яковлева: 1818—1821), *118* (текст автографа — с некорректным чтением в ст. 3: «явно показал» вместо «ясно доказал»; так стихотворение напечатано во всех изданиях сочинений Боратынского, кроме Изд. 1957), *120* (датировка: не позднее 21 августа 1821 — на основании даты под соседней записью, сделанной В. К. Кюхельбекером). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 268* (стихотворение введено в собрание сочинений). -- *Изд. 1957. С. 209* (частичное исправление в ст. 3: «явно доказал»; датировка: 1818—1819 ?). -- *ИП. С. 354* и *Летопись. С. 90* (датировка: 1819).

6

Здѣсь погребенъ армейской Капитанъ.
Онъ честно жилъ и грѣшенъ не во многомъ:
Родился пьянъ и умеръ пьянъ,
Вотъ весь отвѣтъ его предъ Богомъ.

<1819 (?)>

6. «Здѣсь погребенъ армейской Капитанъ...»

Печатается по фотокопии автографа: Изд. 1936. Т. I. Вклейка между с. 268 и 269.

Автограф: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 38 (подписано: *Баратынскій*). В настоящее время запись угасла и не читается. Автограф представлял собой подпись под рисунком, на котором был изображен надгробный камень, покрытый треуголкой; у подножия камня — чаша, рюмка и штоф; на камне — шпага и два сосуда, один из которых похож на бутыль.

Впервые опубликовано И. Н. Медведевой: Звенья. М.; Л., 1936. [Т.] VI. С. 119.

Печатается с исправлениями: в конце ст. 1—4 проставлены знаки препинания.

Датируется по месту записи в альбоме — см. примечание № 5.

Медведева 1936. С. 117 (датировка всех автографов Боратынского в альбоме П. Л. Яковлева: 1818—1821), *119* (текст автографа — с некорректным чтением в ст. 3: «Родился, спал» вместо «Родился пьян»; так стихотворение напечатано в последующих изданиях; в настоящем издании исправлено по фотокопии автографа в Изд. 1936), *118, 120* (датировка стихотворения: не позднее 21 августа 1821 — на основании даты под соседней записью, сделанной В. К. Кюхельбекером). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 269* (стихотворение введено в собрание сочинений). -- *Изд. 1957. С. 209* (датировка: 1818—1819 ?) -- *ИП. С. 354* и *Летопись. С. 90* (датировка: 1819).

7

Въ пустыхъ разщетахъ, въ грубомъ снѣ
Пускай другіе время губятъ.
Честные люди, вѣрьте мнѣ,
Меня и жизнь мою полюбятъ.

<1819 (?)>

7. «Въ пустыхъ разщетахъ, въ грубомъ снѣ...»

Печатается по автографу: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 38 об. (подпись: *Б—ій*).

Впервые опубликовано И. Н. Медведевой: Звенья. М.; Л., 1936. [Т.] VI. С. 120.

Печатается с исправлениями: ст. 3 *Честные люди вѣрте мнѣ,* → *Честные люди, вѣрьте мнѣ,*

Датируется по месту записи в альбоме — см. примечание к № 5.

Медведева 1936. С. 117 (датировка всех автографов Боратынского в альбоме П. Л. Яковлева: 1818—1821), *120* (текст автографа; так стихотворение напечатано во всех собраниях сочинений Боратынского). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 270* (стихотворение введено в собрание сочинений). -- *Изд. 1957. С. 209* (датировка: 1818—1819 ?). -- *ИП. С. 354* и *Летопись. С. 90* (датировка: 1819).

8

<Эпиграмма>

Дамонъ! ты началъ — продолжай;
Кропай экспромпты на досугѣ;
Возьмись за генiй свой: пиши, черти, марай;
У пола нѣжнаго въ безсмѣнной будь услугѣ;
Наполни вздохами растерзанную грудь;
Ни вкусу не давай, ни разуму потачки,
И въ награжденiе любимцемъ куклы будь,
Или соперникомъ собачки.

<До мая 1819>

8. <Эпиграмма> («Дамонъ! ты началъ — продолжай...»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Благонамеренный. 1819. Ч. 6. Май. № IX (ценз. разр. 2 мая; номер датирован 16 мая). С. 143 (подпись: *Е. Бор....iй*) — напечатано без заглавия под № 1 в подборке из двух стихотворений под общим заглавием «Эпиграммы».

Автограф неизвестен.

Вероятный адресат — П. И. Шаликов (см. комментарии).

Датируется по времени публикации.

Изд. 1869. С. 374 (отмечена публикация в «Благонамеренном»). -- *Изд. 1894. С. 11* (стихотворение введено в собрание сочинений Боратынского; текст «Благонамеренного»; датировка: 1819; так же напечатано и датировано в последующих изданиях). -- *Изд. 1936. Т. II. С. 283* (предположение о том, что адресатом эпиграммы является П. И. Шаликов).

9

Къ Креницыну

Товарищь радостей младыхъ,
Которыя для насъ безвремянно увяли,
Я свидѣлся съ тобой! въ объятіяхъ твоихъ,
Мнѣ дни минувшіе, какъ смутный сонъ предстали!
О милый, я съ тобой когда то счастливъ былъ!
Гдѣ время прежнее, гдѣ прежнія мечтанья?
И живость дѣтскихъ чувствъ и сладость углованья?
Все хладный опытъ истребилъ!
Узналъ ли друга ты? болѣзни и печали
Его состарили во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ;
Ужъ много слабостей тебѣ знакомыхъ нѣтъ;
Ужь многія мечты ему чужими стали!
Разсудокъ тверже и вѣрнѣй,
Поступки, разговоръ скромнѣе:
Онъ осторожнѣй сталъ, быть можетъ, сталъ умнѣе,
Но вѣрно счастіемъ стократъ теперь бѣднѣй!
Не подражай ему! иди своей тропою!
Живи для радости, для дружбы, для любви!
Цвѣтокъ нашелъ — скорѣй сорви!
Цвѣты прелестны лишь весною!
Когда разсѣянно, съ уныніемъ внимать
Я буду снамъ твоимъ о будущемъ, о счастьѣ; —
Когда въ мечтахъ твоихъ не буду принимать,
Какъ прежде, пылкое, сердечное участье;
Не сѣтуй на меня, о другѣ пожалѣй:
Все можно возвратить, мечтанья невозвратны!
Такъ, были нѣкогда и мнѣ онѣ пріятны:
Но быстро скрылись отъ очей!
Я легковѣренъ былъ: надежда, наслажденье
Меня съ улыбкою манили въ темну даль!
Я встрѣтить радость мнилъ: нашелъ одну печаль,
И сердцу милое исчезло заблужденье.

Но для чего грустить! мой другъ еще со мной!
Я не всего лишенъ судьбой ожесточенной!
О дружба нѣжная! останься неизмѣнной!
Пусть будетъ прочее мечтой!

<Не ранее октября 1818 — до 20-х чисел июля 1819>

9. Къ Креницыну («Товарищъ радостей младыхъ...»)

Печатается по копии В. К. Кюхельбекера: РНБ. Ф. 286 (Архив В. А. Жуковского). Оп. 2. № 263. Л. 1—2.

Автограф неизвестен.

Копия РНБ содержит пометы редактора «Сына Отечества» Н. И. Греча. Над текстом стихотворения написано: «Баратынскій. Принять»; в ст. 7 исправлено: «мечтанья» на «желанья»; в ст. 16 возле слов «стократъ теперь» — знак перестановки; в ст. 26 в слове «невозвратны» после «не» стоит разделительная черта; против ст. 26 написано: «кончить бы этимъ стихомъ»; последующие строки обведены.

Единственная прижизненная публикация: Сын Отечества. 1819. Ч. 55. № XXX (ценз. разр. 22 июля; номер датирован 26 июля). С. 181—182 (подпись: *Евгеній Баратынской*) — под заглавием **«Къ Креницыну»**, с заменой ст. 19 точками и с разночтениями:

16 Но вѣрно счастіемъ теперь стократъ бѣднѣй.
31 Найти я радость мнилъ — нашелъ одну печаль

Разночтения журнального текста совпадают с пометами Греча в копии Кюхельбекера лишь в ст. 16 и 26 (порядок слов: «теперь стократъ»; раздельно: «не возвратны»); в свою очередь в заглавии рукописи фамилия адресата («Къ Криницыну») не исправлена и отсутствует журнальный вариант ст. 31.

Печатается с исправлением по «Сыну Отечества» фамилии адресата в заглавии: *Къ Криницыну → Къ Креницыну*

Датируется по времени, предшествовавшему первой публикации; послание могло быть написано не ранее октября — ноября 1818 г., когда Боратынский, вернувшийся в Петербург, мог встретиться с А. Н. Креницыным после более чем двухлетней разлуки (см.: Летопись. С. 88—89).

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Сыне Отечества»). -- *Отчет ИПБ 1884. С. 43* (указано место хранения копии: ИПБ; определен почерк Кюхельбекера). -- *Изд. 1894. С. 8—9* (стихотворение введено в собрание сочинений Боратынского; текст «Сына Отечества»; датировка: 1819; так стихотворение датировано и в последующих изданиях). -- *Креницын 1898. С. 644—645* (текст «Сына Отечества» с восстановлением ст. 19). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 6—7* (текст копии Кюхельбекера под заглавием «Къ Креницыну» с неточностью в ст. 29: «наслажденья»; с той же неточностью стихотворение напечатано и в последующих изданиях до Изд. 1957), *215* (пометы Греча; разночтения «Сына Отечества»). -- *Винокур 1927. С. 102—*

103 (сомнительное предположение о том, что разночтения текста «Сына Отечества» в ст. 16 и 31 — следствие правки самого Боратынского). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 264—265* (текст «Сына Отечества» с указанной выше неточностью в ст. 29 и с восстановлением ст. 19 по копии). -- *Изд. 1951. С. 36—37* (текст Изд. 1914—1915; ст. 16 напечатан по «Сыну Отечества»: «теперь сто-крат»). -- *Изд. 1957. С. 46—47* (текст Изд. 1951 с исправлением в ст. 29: «наслажденье»; так стихотворение напечатано и в последующих изданиях). -- *Маркевич. Изд. 1980. С. 295* (Н. А. Маркевич упоминает какой-то текст стихотворения, который Кюхельбекер в 1819 г. приносил воспитанникам Петербургского благородного пансиона).

10

1

Дельвигу

Такъ, любезный мой Горацій,
Такъ, хоть радъ, хотя не радъ,
Но теперь я Музъ и Грацій
Промѣнялъ на вахтпарадъ;
Сыну милому Венеры,
Рощамъ Пафоса, Цитеры,
Пріунывъ, прости сказалъ;
Гордый лавръ и миртъ веселой
Киверъ воина тяжелой
На главѣ моей измялъ;
Строю нѣтъ въ забытой лирѣ,
Хладно день за днемъ идетъ,
И теперь меня въ мундирѣ
Геній мой не узнаетъ!

Мнѣ-ли думать о куплетахъ?
За свирѣль... а тутъ бѣды!
Марсъ, затянутый въ штиблетахъ,
Обѣгаетъ ужь ряды,
Кличетъ ратниковъ по свойски...
О судьбы переворотъ!
Твой поэтъ летитъ геройски,
Вмѣсто Пинда — на разводъ.

Вамъ, свободные Піиты,
Пѣть, любить; меня-же врядъ
Иль Камены, иль Хариты
Въ караулѣ навѣстятъ.
Вольный баловень забавы,
Ты, которому даютъ
Говорливыя дубравы

Поэтическій пріютъ,
Для кого въ долинѣ злачной
Извиваясь ключъ прозрачной
Вдохновительно журчитъ,
Ты, кого зовутъ къ свирѣли
Соловья живыя трели,
Пой, любимецъ Аонидъ!
Въ тихой сладостной кручинѣ
Слушать буду голосъ твой,
Какъ внимаютъ на чужбинѣ
Языку страны родной.

<Июнь—июль (?) 1819; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Къ Дельвигу

Такъ, любезный мой Горацій,
Такъ, хоть радъ, хотя не радъ,
Но теперь я Музъ и Грацій
Промѣнялъ на вахтпарадъ!
Сыну рѣзвому Венеры,
Рощамъ Пафоса, Цитеры,
Пріунывъ прости сказалъ;
Вѣчный лавръ и миртъ веселый
Киверъ воина тяжелый
На главѣ моей измялъ.
Строю нѣтъ въ забытой лирѣ;
Скука томно дни прядетъ,
И теперь меня въ мундирѣ
Геній мой не узнаетъ!
Мнѣ ли думать о куплетахъ?
Феба лучь едва блеснетъ,
Марсъ затянутый, въ щиблетахъ,
Въ строй къ оружію зоветъ.

А. А. Дельвиг
Акварель П. Л. Яковлева, 1821 г.

Пробужденный грознымъ боемъ —
(О судьбы переворотъ!)
Твой Поэтъ летитъ Героемъ
Вмѣсто Пинда — на разводъ!

Трудно, вѣрь, съ душой унылой
Счастье, радость воспѣвать;
Въ караулѣ трудно, милой,
Объ Аркадіи мечтать!

Ты, ведущій дни въ забавахъ,
На лугахъ у свѣтлыхъ водъ,
Ты, съ кѣмъ рѣзвятся въ дубравахъ
Музы, Нимфы и Эротъ;
Пой, безсмертныхъ сынъ любимый!
Гласъ внимать я буду твой,
Какъ языкъ страны родимой
Слушаютъ въ странѣ чужой!

<Июнь—июль (?) 1819>

10.1. Дельвигу («Такъ, любезный мой Горацій...»)

Печатается по: Изд. 1827. С. 150—152 (раздел «Посланія»).

В Изд. 1835 не вошло из-за цензурных сокращений текста (см. ниже).

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. Л. 42 об. (заглавие: «Къ Дельвигу»); № 40. Л. 7 об.; № 42. Л. 99—99 об., 118—119 (заглавие: «Дельвигу»), 147 (без заглавия). По неизвестной копии Н. Л. Боратынской опубликовано И. С. Тургеневым: Современник. 1854. № 10. Отд. I. С. 157—158 — под заглавием «Посланіе къ Дельвигу» с разночтением:

26 Въ караулѣ посѣтятъ.

Боратынский включил стихотворение в рукопись Изд. 1835, однако при рассмотрении рукописи Санктпетербургским цензурным комитетом (14 марта 1833 г.) по представлению цензора Н. И. Бутырского значительная часть текста была запрещена для публикации. «Стихотвореніе, подъ заглавіемъ: Д е л ь в и г у, начинающееся стихами:

"Такъ любезный мой Горацій,
Такъ, хоть радъ, хотя нерадъ,
Но теперь я музъ и грацій
Промѣнялъ на вахтпарадъ;"

и до слѣдующихъ стиховъ:

"О судьбы переворотъ!
Твой поэтъ летитъ геройски
Вмѣсто Пинда на разводъ".

Комитетъ призналъ сіе мѣсто подлежащимъ запрещенію» (цит. по: Оксман 1922. С. 15—16). В результате в Изд. 1835 стихотворение не попало вовсе. В цензуровавшейся рукописи Изд. 1835 послание, видимо, было помещено после стихотворения «Завыла буря; хлябь морская...», но перед стихотворением «Къ чему невольнику мечтанія свободы?..» (о чем свидетельствует порядок, в котором расположены записи об этих трех стихотворениях в журнале цензурного комитета, а также тот факт, что тексты начиная с «Къ чему невольнику...» имеют в журнале цензурного комитета номера́ на единицу больше, нежели в Изд. 1835).

Печатается с исправлениями: в конце ст. 23 поставлена запятая; в конце ст. 24 запятая снята.

10.2. Къ Дельвигу («Такъ, любезный мой Горацій...»)

Печатается по тексту первой публикации: Сын Отечества. 1819. Ч. 55. № XXXI (ценз. разр. 29 июля; номер датирован 2 августа). С. 228—229 (подпись: *Евгеній Баратынской*).

Печатается с исправлениями: ст. 2 *Такъ хоть радъ хотя не радъ,* → *Такъ, хоть радъ, хотя не радъ,* (как в Изд. 1827) -- ст. 4 *вахпарадъ* → *вахтпарадъ* -- ст. 23 *Трудно вѣрь* → *Трудно, вѣрь,* -- ст. 31 *Пой безсмертныхъ сынъ любимый!* → *Пой, безсмертныхъ сынъ любимый!* (по аналогии со ст. 36 поздней редакции — см. № 10.1)

Датируется по времени первой публикации. Поводом для сочинения послания, вероятно, стала отлучка Боратынского из Петербурга в июне 1819 — с 8 по 29 июня лейб-гвардии Егерский полк, в котором служил Боратынский, находился в летнем лагере под Красным Селом (см: ИП. С. 394; Летопись. С. 91).

Тургенев 1854. С. 157—158 (текст поздней редакции под заглавием «Посланіе къ Дельвигу» с разночтением в ст. 26). -- *Лонгинов 1864. Стб. 111* (отмечена публикация в «Сыне Отечества»). -- *Изд. 1869. С. 7—8* (текст Изд. 1827 с пропуском ст. 6; датировка: 1819; так стихотворение напечатано и датировано и в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *177* (варианты «Сына Отечества» без ст. 6). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 5—6* (текст «Сына Отечества»), *213—214* (варианты Изд. 1827; датировка: февраль — март 1819, после поступления Боратынского в военную службу; та же датировка в последующих изданиях). -- *Оксман 1922. С. 15—16* (публикация фрагмента из журнала Санктпетербургского цензурного комитета). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 100—101* (текст Изд. 1827; так стихотворение напечатано и в последующих изданиях); *Т. II. С. 250* (со ссылкой на публикацию Ю. Г. Оксмана отмечено, что стихотворение не вошло в Изд. 1835 из-за цензурного вмешательства). -- *Изд. 1989. С. 59—60* (текст Изд. 1827 с пунктуационным исправлением по «Сыну Отечества» в ст. 17: «Марс затянутый, в штиблетах»), *391* (вариант Изд. 1827 в ст. 17 квалифицирован как опечатка).

11

Прощанье

Простите, милые досуги
Разгульной юности моей,
Любви и радости подруги,
Простите! вяну въ утро дней!
Не мнѣ стезею потаенной,
Въ ночь молчаливую, тишкомъ,
Младую дѣву подъ плащомъ
Вести въ альковъ уединенной.
Бѣжитъ измѣнница любовь!
Свѣтильникъ дней моихъ блѣднѣетъ,
Ея дыханье не согрѣетъ
Мою хладѣющую кровь.
Слѣды печалей, изнуренья
Примѣтитъ въ страждущемъ она.
Не смѣйтесь, дѣвы наслажденья:
И ваша скроется весна,
И вамъ плѣнять не долго взоры
Младою пышной красотой.
Зачтожь въ болѣзни роковой
Я слышу горкіе укоры?
Я прежде бодръ и веселъ былъ.
Зачѣмъ печальнаго бѣжите?
Подруги милыя! вздохните:
Онъ сколько могъ любви служилъ.

<До начала августа 1819>

11. Прощанье («Простите, милые досуги...»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Благонамеренный. 1819. Ч. 7. Август. № XV (ценз. разр. 12 августа; номер датирован 20 августа). С. 142—143 (подпись: *Е—ъ Б...скій*).

Автограф неизвестен.

Датируется по времени публикации.

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Благонамеренном»). -- *Изд. 1894. С. 11—12* (стихотворение введено в собрание сочинений Боратынского; текст «Благонамеренного»; датировка: 1819; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях; начиная с *Изд. 1936. Т. I. С. 263* везде, кроме Изд. 1989, печаталось с неточностью в заглавии: «Прощание»). -- *Изд. 1989. С. 57* (заглавие: «Прощанье»).

12

1

Тебѣ на память, въ книгѣ сей
Стихи пишу я съ думой смутной.
Увы! въ обители твоей
Я, можетъ статься, гость минутной!
Съ изнемогающей душой,
На неизвѣстную разлуку
Не разъ, трепещущей рукой
Друзьямъ своимъ сжималъ я руку.
Ты помнишь милую страну,
Гдѣ жизнь и радость мы узнали,
Гдѣ зрѣли первую весну,
Гдѣ первой страстію пылали?
Покинулъ я предѣлъ родной!
Такъ и съ тобою, другъ мой милый,
Здѣсь проведу я день, другой,
И, какъ узнать? въ странѣ чужой
Окончу я мой вѣкъ унылый;
А ты прибудешь въ домъ отцовъ,
А ты узришь поля родныя,
И прошлыхъ счастливыхъ годовъ
Вспомянешь были золотыя.
Но гдѣ товарищъ, гдѣ поэтъ,
Тобой съ младенчества любимый?
Онъ совершилъ судьбы завѣтъ,
Судьбы враждебной, съ юныхъ лѣтъ
И до конца непримиримой!
Когда-жь стихи мои найдешь,
Гдѣ складу нѣтъ, но чувство живо:
Ты ихъ задумчиво прочтешь,
Глаза потупишь молчаливо...
И тихо листъ перевернешь.

<Август—ноябрь 1819; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Ш—му
(Въ Альбомъ)

Пускай измаранный листокъ
Тебѣ напомнитъ о Поэтѣ!
Кто знаетъ, другъ, какую въ свѣтѣ
Ему тропу назначилъ рокъ?
Увы! съ растерзанной душою
Не разъ я милыхъ покидалъ
И руку друга пожималъ
Въ прощаньѣ трепетной рукою!
Ты помнишь милую страну,
Гдѣ жизнь и радость мы узнали,
Гдѣ зрѣли первую весну,
Гдѣ первой страстію пылали?...
Ручей покинулъ я родной,
Побрелъ пустынною тропою;
Провесть, быть можетъ, и съ тобою
Мнѣ суждено лишь день, другой.
Быть можетъ, другъ, путеводимый
Своей блуждающей звѣздой,
Я кончу вѣкъ въ странѣ чужой
И не увижу кровъ родимый,
А ты къ отеческимъ полямъ
Съ полей побѣды возвращенный,
Хваля покой уединенный,
Сожжешь мастики въ честь Богамъ.
Но гдѣ жъ Пѣвецъ, тобой любимый?
Онъ совершилъ судьбы завѣтъ,
Судьбы враждебной съ юныхъ лѣтъ —
И до конца непримиримой!
Когда жъ стихи его найдешь,
Залогъ простой, но дружбѣ милой,
Прочтешь съ улыбкою унылой,
И тихо листъ перевернешь!

<Август—ноябрь 1819>

3

Вариант поздней редакции

Землякъ! въ странѣ чужой, суровой
Сошлись мы вновь и сей листокъ
Ждетъ отъ меня завѣтныхъ строкъ
На память для разлуки новой.
Ты любишь милую страну,
Гдѣ жизнь и радость мы узнали,
Гдѣ зрѣли первую весну,
Гдѣ первой страстію пылали?
Покинулъ я предѣлъ родной!
Такъ и съ тобою, другъ мой милый,
Здѣсь проведу я день, другой,
И, какъ узнать? въ странѣ чужой
Окончу я мой вѣкъ унылый;
А ты прибудешь въ домъ отцовъ,
А ты узришь поля родныя,
И прошлыхъ счастливыхъ годовъ
Вспомянешь были золотыя.
Но гдѣ товарищъ, гдѣ поэтъ,
Тобой съ младенчества любимый?
Онъ совершилъ судьбы завѣтъ,
Судьбы враждебной, съ юныхъ лѣтъ
И до конца непримиримой!
Когда-жь стихи мои найдешь,
Гдѣ складу нѣтъ, но чувство живо:
Ты ихъ задумчиво прочтешь,
Глаза потупишь молчаливо....
И тихо листъ перевернешь.

12.1. «Тебѣ на память, въ книгѣ сей...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 101—102 (№ LVIII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 32—33 (раздел «Элегіи. Книга вторая») — под заглавием «**Въ Альбомъ**».

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлением по Изд. 1827: ст. 15 *день другой,* → *день, другой,*

12.2. Ш—му (Въ Альбомъ) («Пускай измаранный листокъ...»)

Печатается по тексту первой публикации: Сын Отечества. 1819. Ч. 58. № XLIX (ценз. разр. 2 декабря; номер датирован 6 декабря). С. 126 (подпись: *Е. Баратынскій*) (заглавие напечатано с ошибкой в именовании адресата: «Т—му»).

Вторично опубликовано: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № IX (Труды ВОЛРС. Ч. XV. Кн. III) (ценз. билет 23 сентября). С. 238—239 (без подписи) — под заглавием **«Прощаніе»** с разночтением:

17 И можетъ быть, путеводимый

Перед публикацией в «Соревнователе», 12 сентября 1821, стихотворение слушалось в собрании Вольного общества любителей российской словесности — под заглавием «Прощание»; резолюция: «Все избр. Препровождается» (Журналы ВОЛРС. С. 402).

Адресат — А. И. Шляхтинский.

Печатается с исправлениями: заглавие *Т—му* → *Ш—му* <Шляхтинскому> -- ст. 15 *Провесть быть можетъ* → *Провесть, быть можетъ,*

Копия Николая Васильевича Путяты (ст. 1—4, 17—20 по «Сыну Отечества»): РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 15—15 об.; заглавие: «Т—му (Въ Альбомъ)».

Датируется по времени между отъездом А. И. Шляхтинского (адресат стихотворения) из Петербурга (24 августа 1819 г. был подписан приказ о его переводе из л.-гв. Егерского полка в Орловский пехотный полк — см. ИП. С. 337) и публикацией в «Сыне Отечества».

12.3. «Землякъ! въ странѣ чужой, суровой...»

Печатается по копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 146—146 об.

Другая копия Н. Л. Боратынской: Там же. Л. 62 об. (заглавие: «Ш.....»).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1869. С. 8—9 под заглавием «Т—му въ альбомъ» с разночтением:

18 А ты увидишь домъ отцовъ,

Печатается с исправлениями: ст. 1 *чужой суровой* → *чужой, суровой* (как во второй копии и в Изд. 1869) -- ст. 10 *съ тобою другъ* → *съ тобою, другъ* -- ст. 11 *день другой* → *день, другой* (как в Изд. 1869) -- ст. 17 *золотые* → *золотыя* -- ст. 20 *завѣтъ* → *завѣтъ,*

Датировка проблематична. Даже если копия Н. Л. Боратынской отражает позднейшую правку поэта, неизвестно, была ли эта правка окончательной.

Летопись. С. 110 (дата выдачи ценз. билета «Соревнователю»).

Изд. 1869. С. 8—9 и *Изд. 1884. С. 4—5* (текст, соответствующий копиям Н. Л. Боратынской, под заглавием «Т—му въ альбомъ»: «Землякъ! въ странѣ чужой, суровой...»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1914—1915; датировка: 1819; так же датировано в последующих изданиях), *178* (варианты Изд. 1835 и «Сына Отечества»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 8—9* (текст «Сына Отечества» под заглавием «Прощаніе (Т—му въ аль-

бомъ)»), *175—176* (текст Изд. 1827: «Въ Альбомъ»), *216* (разночтение «Соревнователя»). -- *Материалы 1916. С. VI (2-й паг.)* (воспроизведена помета С. А. Рачинского в экземпляре Изд. 1827 из Татевского архива Рачинских, указывающая адресата: «à un Smolénien par Ш.» с расшифровкой: «Шляхтинскому»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 19* (текст Изд. 1884 под заглавием «Т—му в альбом»); *Т. II. С. 230* (отмечен адресат стихотворения — с ошибкой в инициале: Ш. Шляхтинский; повторено в комментариях к стихотворению в последующих изданиях, кроме Изд. 2000. С. 464, где другая неточность: Я. Шляхтинский). -- *Изд. 1951. С. 41* (текст Изд. 1884 под заглавием «Т—му в альбом»), *547* (со ссылкой на сведения С. А. Рачинского о Шляхтинском отмечено: «возможно предполагать опечатку в заглавии стихотворения: „Т—му“ вместо „Ш—му“»; предположение повторено в Изд. 1989. С. 392). -- *Изд. 1957. С. 47—48* (текст Изд. 1884 под заглавием «В альбом»), *334* (указание на копию Н. Л. Боратынской под заглавием «Ш...»). -- *Изд. 1982. С. 69—70* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *411—412* (текст «Сына Отечества», варианты «Соревнователя», Изд. 1884 и копий Н. Л. Боратынской). -- *Мироненко 1988. С. 202* (формуляр А. И. Шляхтинского). -- *Изд. 1989. С. 65* (датировка поздней редакции: 1819, <1826>). -- *ИП. С. 337* (биографическая справка о А. И. Шляхтинском), *354* (датировка ранней редакции, опубликованной в «Сыне Отечества»: 1819, август — сентябрь; повторено: Летопись. С. 92).

13

Отрывки изъ Поэмы: Воспоминанія

Посланница небесъ, безсмертныхъ даръ счастливый,
Подруга тихая печали молчаливой,
О память! — ты одна бесѣдуешь со мной,
Ты возвращаешь мнѣ отъятое судьбой;
Тобою щастія мгновенья легкокрылы
Давно протекшія въ мечтахъ мнѣ снова милы.
Еще въ забвеніи дышу отрадой ихъ;
Люблю, задумавшись, минувшихъ дней моихъ
Воспоминать мечты, надежды, наслажденья,
Минуты радости, минуты огорченья.
Не разъ волшебною взлелѣянный мечтой
Я въ ночь безмолвную бесѣдовалъ съ тобой;
И въ дни щастливые на часъ перенесенный,
Дремалъ утѣшенный и съ жизнью примиренный.
Такъ, всѣмъ обязанъ я твоимъ привѣтнымъ снамъ.
Тебя я пѣть хочу; — дай жизнь моимъ струнамъ,
Цѣвницѣ вторь моей; — твой голосъ сердцу внятенъ,
И рѣзвой радости и грусти онъ пріятенъ.
Ахъ! кто о прежнихъ дняхъ порой не вспоминалъ?
Кто жизнь печальную мечтой не украшалъ?
Смотрите: — Вотъ старикъ сѣдой, изнеможенный,
На ветхихъ костыляхъ подъ ношей лѣтъ согбенный,
Онъ съ жизнью сопряженъ страданіемъ однимъ;
Уже могилы дверь отверста передъ нимъ; —
Но онъ живетъ еще! — онъ помнитъ дни златые!
Онъ помнитъ рѣзвости и радости младыя!
Съ товарищемъ сѣдымъ, за чашей круговой,
Мечтаетъ о быломъ, и вновь цвѣтетъ душой;
Свѣтлѣетъ взоръ его, весельемъ духъ пылаетъ,
И руку друга онъ съ восторгомъ пожимаетъ.
. . . .
. . . .

Наскучивъ странствіемъ и жизни суетою,
Усталый труженикъ подъ кровлею родною
Вкушаетъ сладостный бездѣйствія покой;
Благодаритъ боговъ за мирный уголъ свой;
Забытый отъ людей блажитъ уединенье,
Гдѣ отъ заботъ мірскихъ нашелъ отдохновенье;
Но любитъ вспоминать онъ были прежнихъ лѣтъ,
И море бурное, и столько жъ бурный свѣтъ,
Мечтанья юности, восторги сладострастья,
Обманы радости и вѣтренаго щастья;
Милѣе кажется ему родная сѣнь,
Покой отраднѣе, пріятнѣй рощи тѣнь,
Уединенная роскошнѣе природа,
И тихо шепчетъ онъ: — «всего милѣй свобода!» —
О дѣти памяти! о Фебовы сыны!
Пѣвцы безсмертные! кому одолжены
Вы силой творческой небесныхъ вдохновеній?
— «Отзыву прежнихъ чувствъ и прежнихъ впечатлѣній.» —
Они неопытный развить умѣли умъ,
Зажгли, питали въ немъ, хранили пламень думъ.
Образовала васъ природа — не искусство;
Такъ, — чувство выражать одно лишь можетъ чувство.
Когда вы кистію волшебною своей
Порывы бурные, волненіе страстей
Прелестно, пламенно и вѣрно выражали,
Вы отголоску ихъ въ самихъ себѣ внимали.
Ахъ, сколькихъ стоитъ слезъ безсмертія вѣнецъ!
. . . .
. . . .
. . . .
Но все покоится въ безмолвіи ночномъ,
И вѣжди томныя сомкнулись тихимъ сномъ.
Воспоминанія небесный, свѣтлый Геній
Къ намъ ниспускается на крыльяхъ сновидѣній.
Въ плѣнительныхъ мечтахъ, одушевленныхъ имъ,
И къ играмъ и къ трудамъ обычнымъ мы спѣшимъ:
Пастухъ беретъ свирѣль, — владѣлецъ багряницу,

Художникъ кисть свою, — поэтъ свою цѣвницу,
Потомокъ рыцарей, взлелѣянный войной,
Сверкающимъ мечемъ махаетъ надъ главой.

. . . .

. . . .

Доколѣ памяти животворящій свѣтъ
Еще не озарилъ туманной бездны лѣтъ,
Текли въ безвѣстности вѣка и поколѣнья;
Все было жертвою безгласнаго забвенья:
Дѣла великія не славились молвой,
Подъ камнемъ гробовымъ незнаемъ тлѣлъ герой.
Преданья свѣтъ блеснулъ, — и камни гласъ пріяли,
Вѣка минувшіе изъ тьмы своей возстали;
Народы поздніе урокамъ внемлютъ ихъ,
Какъ гласу мудрому наставниковъ сѣдыхъ.
Разсказы дивные! волшебныя картины!
Свободный, гордый Римъ! блестящіе Аѳины!
Великолѣпный рядъ тріумфовъ и честей!
Съ какимъ волненіемъ внималъ я съ юныхъ дней
Безсмертнымъ повѣстямъ Плутарха, Ѳукидида!
Я Персовъ поражалъ съ дружиной Леонида;
Съ отцомъ Виргиніи отмщеніемъ пылалъ,
Казалось, грудь мою пронзилъ его кинжалъ;
И подданный Царя, защитникъ вѣрный трона,
Въ восторгѣ трепеталъ при имени Катона.

. . . .

. . . .

Но любопытный умъ въ одной ли тьмѣ преданій
Найдетъ источники уроковъ и познаній? —
Нѣтъ; все вокругъ меня гласитъ о прежнихъ дняхъ.
Блуждая странникомъ въ незнаемыхъ краяхъ,
Я всюду шествую минувшимъ окруженный.
Я вопрошаю прахъ дряхлѣющей вселенной:
И грады, и поля, и сей безмолвный рядъ
Рукою времени набросанныхъ громадъ.
Событій прежнихъ лѣтъ свидѣтель молчаливый,

Со мной бесѣдуетъ ихъ прахъ краснорѣчивый.
Здѣсь отвѣчаютъ мнѣ оракулы временъ:
Смотрите, — видитель дымится Карѳагенъ!
Полнеба Африки пожарами пылаетъ!
Съ протяжнымъ грохотомъ Пальмира упадаетъ!
Какъ волны дымныя бѣгущихъ облаковъ
Мелькаютъ предо мной событія вѣковъ.
Печать минувшаго повсюду мною зрима.....
Поля Авзоніи! державный пепелъ Рима!
Глашатаи чудесъ и славы прежнихъ лѣтъ!
Съ благословеньемъ васъ привѣтствуетъ поэтъ.
Смотрите, — какъ вѣка незримо пролетая,
Твердыни древнія и горы подавляя,
Бросая гробъ на гробъ, свергая храмъ на храмъ,
Остатки гордые являютъ Рима намъ.
Великолѣпныя, безсмертныя громады!
Вотъ здѣсь висящихъ рѣкъ шумѣли водопады;
Вотъ здѣсь входили въ Римъ когорты Плебеянъ,
Обремененныя богатствомъ дальнихъ странъ;
Чертоговъ, портиковъ вездѣ я зрю обломки,
Гдѣ начерталъ рѣзецъ Римлянъ дѣянья громки.
Не смѣла времени разрушить ихъ рука,
И возлегли на нихъ усталые вѣка.
Все, все вѣщаетъ здѣсь уму, воображенью.
Внимайте времени нѣмому поученью!
Познайте тлѣнія незыблемый законъ!
Изъ подъ развалинъ сихъ вѣщаетъ глухо онъ:
«Все гибнетъ, все падетъ, — и грады, и державы»....
О колыбель наукъ, величія и славы!
Отчизна свѣтлая героевъ и боговъ!
Святая Греція! теперь толпы рабовъ
Блуждаютъ на брегахъ божественной Эллады;
Ко храму ветхому Діаны иль Паллады
Шалашъ пристроилъ свой лѣнивый рыболовъ!
Ты-бъ не узналъ, Солонъ, страну своихъ отцовъ;
Подъ чуждымъ скипетромъ главой она поникла;

Никто не слышитъ тамъ о подвигахъ Перикла; —
Все губитъ, все мертвитъ невѣжества яремъ.
Но не ужель для насъ языкъ развалинъ нѣмъ?
Нѣтъ, нѣтъ, лишь понимать умѣйте ихъ молчанье, —
И новый міръ для васъ создастъ воспоминанье.
. . . .
. . . .
Щастливъ, щастливъ и тотъ, кому дано судьбою
Отъ странствій отдохнуть подъ кровлею родною,
Увидѣть милую, священную страну,
Гдѣ жизни онъ провелъ прекрасную весну,
Провелъ невинное, безоблачное дѣтство.
О край моихъ отцовъ! о мирное наслѣдство!
Всегда присутственны вы въ памяти моей:
И въ берегахъ крутыхъ сверкающій ручей,
И свѣтлые луга, и темныя дубравы,
И сельскихъ жителей привѣтливые нравы. —
Пріятно вспоминать младенческіе дни.....
. . . .
. . . .
. . . .
Когда, едва вздохнувъ для жизни неизвѣстной,
Я съ тихой радостью взглянулъ на міръ прелестный, —
Съ какимъ восторгомъ я природу обнималъ!
Какъ свѣтъ прекрасенъ былъ! — Увы! тогда не зналъ
Я буйственныхъ страстей въ безпечности невинной:
Дитя, взлелѣянный природою пустынной,
Ее одну лишь зрѣлъ, внималъ одной лишь ей;
Сіянье солнечныхъ, торжественныхъ лучей
Веселье тихое мнѣ въ сердце проливало;
Оно съ природою въ ненастье унывало;
Не зналъ я радостей, не зналъ я мукъ другихъ,
За мигомъ не умѣлъ другой предвидѣть мигъ;
Я слишкомъ щастливъ былъ спокойствіемъ незнанья;
Блаженства чуждые и чуждые страданья
Часы невидимо мелькали надо мной.....

О суждено ли мнѣ увидѣть край родной,
Друзей оставленныхъ, друзей всегда любимыхъ,
И сердцемъ отдохнуть въ тѣни деревъ родимыхъ?...
Тамъ щастье я найду въ отрадной тишинѣ.
Не нужны почести, не нужно злато мнѣ; —
Отдайте прадѣдовъ мнѣ скромную обитель.
Забытый отъ людей, дубравъ безвѣстныхъ житель,
Не позавидую надмѣннымъ богачамъ;
Нѣтъ, нѣтъ, за тщетный блескъ я щастья не отдамъ;
Не стану жертвовать фортунѣ своевольной.
Спокойный совѣстью, судьбой своей довольный,
И пѣсни нѣжныя, и мирный ѳиміамъ
Я буду посвящать отеческимъ богамъ.
Такъ перешедши жизнь незнаемой тропою,
Свой подвигъ совершивъ, усталою главою
Склонюсь я наконецъ ко смертному одру;
Для дружбы, для любви, для памяти умру;
И все умретъ со мной! — Но вы, любимцы Феба,
Вы вмѣстѣ съ жизнію принявшіе отъ Неба
И думъ возвышенныхъ и сладкихъ пѣсней даръ!
Враждующей судьбы не страшенъ вамъ ударъ:
Свой вѣкъ опередивъ, заранѣ слышитъ Геній
Рукоплесканія грядущихъ поколѣній.
. . . .
. . . .

<1819>

13. Отрывки изъ Поэмы: Воспоминанія («Посланница небесъ, безсмертныхъ даръ счастливый...»)

Печатается по тексту первой публикации: Невский Зритель. 1820. Ч. 1. Генварь (ценз. разр. 6 января; вышел к 3 февраля). С. 85—94 (подпись: *Е. Баратынскій*).

Перепечатано: Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Ч. 2. СПб., 1821. С. 137—144 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Отрывокъ изъ поэмы: Воспоминанія», с пропуском ст. 157, с изменением в ст. 102 («вселенны» вместо «вселенной») и с опечаткой в ст. 118 («Твердыни твердыя»). Из «Нового собрания» перепечатано: Русская стихотворная хрестоматия / Собрана В. [А.] Золотовым. М., 1829. Ч. 2. Раздел «Отрывки из эпических стихотворений». С. 205—211 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Отрывокъ изъ Поэмы:

Воспоминанія», с неточностями «Нового собрания» и с сокращением ст. 41 (сняты «восторги сладострастья»); Полная русская хрестоматия / Сост. А. [Д.] Галахов. М., 1843. Ч. II: Поэзия. Раздел «Дидактическая поэзия». С. 291—294 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Изъ поэмы: Воспоминанія», с неточностями «Нового собрания», с заменой ст. 41—42 точками и с конъектурой в ст. 85 («Кавказа дивныя, волшебныя картины!»).

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлениями: ст. 9 *мечты надежды,* → *мечты, надежды,* -- ст. 15 *всемъ* → *всѣмъ* -- ст. 85 *Кавказы* → *Разсказы* (обоснование конъектуры см.: Изд. 1936. Т. II. С. 285) -- ст. 92 *Казалось* → *Казалось,* -- ст. 105 *молчаливый* → *молчаливый,* -- ст. 141 *главу* → *главой*

Современники Боратынского полагали, что стихотворение является фрагментом неопубликованной поэмы (см. об этом у Ф. В. Булгарина и К. А. Полевого: Северная Пчела. 1827. 8 декабря. № 147; Панов 1994. С. 342), но документальных подтверждений этому нет. Слово «отрывок» в литературе первой трети XIX в. нередко служило эквивалентом жанрового определения, а не указанием на реальную фрагментарность текста; заглавие «Отрывки...», равно как и 16 строк точек, — литературный прием. Соответственно, в настоящем издании «Отрывки изъ Поэмы: Воспоминанія» печатаются в разделе «Стихотворения», а не «Поэмы» (впервые такое решение принято в Изд. 1884).

Датируется по времени, предшествовавшему первой публикации.

Санкпетербургские Ведомости. 1820. 3 февраля. № 10. Первое прибавление. С. 112 (объявление о выдаче подписчикам «Невского Зрителя»; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 7*).

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Невском Зрителе»). -- *Изд. 1869. С. 335—340* (текст «Невского Зрителя» напечатан в разделе «Поэмы» с ошибочными конъектурами и опечатками, повторенными в последующих изданиях до Изд. 1914—1915: ст. 64 «вѣжды» -- ст. 68 «И къ играмъ и трудамъ» -- ст. 85 «Кавказа дивныя, волшебныя картины!» -- ст. 116 «Съ благоговѣньемъ» -- ст. 117, 120—121 «Смотрите, какъ, вѣка незримо пролетая <...> Остатки гордые являютъ Рима намъ // Великолѣпныя, безсмертныя громады!» -- ст. 180 «въ тѣни дубравъ родимыхъ» -- ст. 184 «дубравъ безвѣстный житель» -- ст. 187—188 «Не стану жертвовать Фортунѣ своевольной // Спокойной совѣстью»). -- *Изд. 1884. С. 6—12* (текст Изд. 1869 — в разделе стихотворений; так же в последующих изданиях, кроме Изд. 1914—1915; датировка: 1819; так же датировано в последующих изданиях). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 1—6* (текст «Невского Зрителя» напечатан в разделе «Поэмы» с сохранением большей части конъектур и опечаток Изд. 1869; исправлена опечатка в ст. 68; в ст. 85 восстановлено чтение «Невского Зрителя»: «Кавказы дивные!»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 271—276* (текст «Невского Зрителя» с отказом от конъектур и исправлением опечаток предыдущих изданий; в ст. 85 конъектура: «Рассказы дивные»); *Т. II. С. 285* (обоснование конъектуры в ст. 85: указание на соответствующий стих оригинала — поэмы Г. Легуве «Les Souvenirs»). -- *Изд. 1951. С. 43—48* (текст Изд. 1936 с неточностями: ст. 64 «вежды» -- после ст. 159 две строки точек вместо трех -- ст. 187—188 «Не стану жертвовать Фортуне своевольной // Спокойной совестью» — так же в Изд. 1982). -- *Изд. 1957. С. 49—51* (текст Изд. 1951 с исправлением неточности в ст. 64). -- *Изд. 1989. С. 60—65* (текст Изд. 1951 с исправлением неточности в ст. 187—188). -- *Панов 1994. С. 342* (отмечена перепечатка в «Новом собрании»).

14

1

И такъ, мой милый, не шутя,
Сказавъ прости домашней нѣгѣ,
Ты усъ мечтательный крутя,
На шибко-скачущей тѣлегѣ,
Отъ насъ увы! далеко прочь
О насъ увы! не сожалѣя,
Летишь курьеромъ день и ночь
Туда, туда, къ шатрамъ Арея!
И такъ, въ мундирѣ щегольскомъ,
Ты скоро станешь въ ратномъ строѣ
Межь удальцами удальцомъ!
О милый мой! согласенъ въ томъ:
Завидно счастіе такое!
Не пріобщуся не впопадъ
Я къ мудрецамъ чрезъ мѣру важнымъ;
Иди! воинственный нарядъ
Приличенъ юношамъ отважнымъ.
Люблю я бранные шатры,
Люблю безпечность полковую,
Люблю красивые смотры,
Люблю тревогу боевую,
Люблю я храбрыхъ, воинъ мой,
Люблю ихъ видѣть въ битвѣ шумной
Летящихъ въ пламень роковой
Толпой веселой и безумной!
Священный долгъ за ними въ слѣдъ
Тебя зоветъ, любовникъ брани;
Ступай, служи богинѣ бѣдъ
И къ ней трепещущія длани
Съ мольбой подыметъ твой поэтъ.

<Конец 1819; 1823—1826; конец 1832—1833>

2

Ранняя редакция

Б—му
(при отъѣздѣ его въ армію)

И такъ, безпечнаго досуга
Отвергнувъ сладостный покой,
Ужь ты въ мечтахъ покинулъ друга,
И новый путь передъ тобой.
Настанетъ скоро день желанной
И воинъ мой, противнымъ страхъ,
Надвинувъ шлемъ, съ мечемъ въ рукахъ,
Летитъ на голосъ славы бранной.
Иди! — воинственный нарядъ
Приличенъ юности отважной:
Люблю я пушекъ гулъ протяжной,
Люблю красивый вахтпарадъ,
Люблю питомцевъ шумной славы.
Смотри — сомкнулись въ бранной строй —
Идутъ! — блестящей полосой
Горятъ ихъ шлемы величавы.
Идутъ! — вскипѣлъ кровавый бой. —
Люблю ихъ видѣть въ битвѣ шумной,
Летящихъ въ пламень роковой
Толпой отважной и безумной.
И вотъ подъ тѣнію шатровъ
Дружина вѣтренныхъ героевъ
Поетъ за чашей славу боевъ
И стыдъ низложенныхъ враговъ.
Спѣши же къ нимъ, любовникъ брани,
Ступай, служи богинѣ бѣдъ,
И къ ней съ мольбою твой Поэтъ
Подыметъ трепетныя длани.
Зовутъ! лети въ опасной путь,
Да идетъ мимо Рокъ-губитель!
Люби, рубись и вѣчно будь
Въ любви и въ брани побѣдитель!

<Конец 1819>

3

Промежуточная редакция

Къ ** при отъѣздѣ въ армію**

И такъ, мой милый, не шутя,
Сказавъ прости домашней нѣгѣ,
Ты усъ мечтательный крутя
На шибко скачущей тѣлегѣ,
Отъ насъ, увы! далеко прочь,
О насъ, увы! не сожалѣя,
Летишь курьеромъ день и ночь
Туда, туда, къ шатрамъ Арея!
И тамъ въ мундирѣ щегольскомъ
Ты скоро станешь въ ратномъ строѣ
Межь удальцами удальцомъ:
О милый мой! согласенъ въ томъ:
Завидно счастіе такое!
Не пріобщуся не впопадъ
Я къ мудрецамъ чрезъ мѣру важнымъ;
Иди! воинственный нарядъ
Приличенъ юношамъ отважнымъ.
Люблю я Марсовы шатры
(Хотя подъ ними, слава Богу,
Не кочевалъ до сей поры),
Люблю красивые смотры,
Люблю военную тревогу,
Люблю безстрашныхъ, милый мой,
Люблю ихъ видѣть въ битвѣ шумной
Летящихъ въ пламень роковой
Толпой веселой и безумной!
Священный долгъ за ними въ слѣдъ
Тебя зоветъ, любовникъ брани;
Ступай, служи богинѣ бѣдъ
И къ ней съ мольбою твой поэтъ
Подыметъ трепетныя длани.
Лети! настала череда!

Да идетъ мимо рокъ-губитель;
Люби, рубись и будь всегда
Въ любви и въ брани побѣдитель.

<Конец 1819; 1823—1826>

14.1. «И такъ, мой милый, не шутя...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 51—52 (№ XXVIII).

В Изд. 1827 напечатано в другой редакции — см. № 14.3.

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 65 об. — 66 (заглавие: «И. А. Б...»).

Печатается с исправлением: ст. 4 *шипко-скачущей* → *шибко-скачущей*

14.2. Б—му (при отъѣздѣ его въ армію) («И такъ, безпечнаго досуга...»)

Печатается по тексту первой публикации: Благонамеренный. 1820. Ч. 9. Январь. № II (номер датирован 3 февраля). С. 117—118 (подпись: *Е. Баратынской*).

Одновременно опубликовано: Невский Зритель. 1820. Ч. 1. Генварь (ценз. разр. 6 января; вышел к 3 февраля). С. 98—99 (подпись: *Е. Баратынскій*) — под заглавием **«Брату при отъѣздѣ въ армію»** с пропуском ст. 5—6 и с изменением слова в ст. 8 («Летишь» вместо «Летитъ» — следствие редакторской правки: устранение бессмыслицы, возникшей из-за пропуска ст. 5—6).

В этой же редакции опубликовано: Новости Литературы. 1823. Кн. III. № II (ценз. разр. 18 января; вышел к 22 января). С. 28—29 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием **«Къ Б.*»** и с разночтениями:

11 Люблю я пушекъ громъ протяжной;
14 Смотри, сомкнулись въ ратный строй!
20 Толпой веселою и бурной.
22 Дружины вѣтреныхъ Героевъ
23 Поютъ за чашей славу боевъ
32 Въ кипящей брани побѣдитель!

Печатается с исправлением по Изд. 1827 и Изд. 1835: ст.1 *И такъ* → *И такъ*, -- ст. 14 *сомнулись* → *сомкнулись*

Датируется по времени выпуска Ираклия Абрамовича Боратынского (адресат стихотворения) из Пажеского корпуса — 31 декабря 1819 г. (Летопись. С. 93).

14.3. Къ ** при отъѣздѣ въ армію («И такъ, мой милый, не шутя...»)**

Печатается по: Изд. 1827. С. 154—155 (раздел «Посланія»).

Санктпетербургские Ведомости. 1820. 3 февраля. № 10. Первое прибавление. С. 112 (объявление о раздаче подписчикам «Невского Зрителя»; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский*

1914. С. 7). -- *Русский Инвалид. 1823. 22 января. № 17. С. 68* (объявление о раздаче подписчикам «Новостей Литературы»).

Лонгинов 1864. Стб. 115—116 (указан адресат — И. А. Боратынский). -- *Изд. 1869. С. 10—11* (текст Изд. 1835 под заглавием «Брату (при отъѣздѣ его въ армію)»; датировка: 1820; так же датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915 и в Изд. 1957), *179—180* (варианты Изд. 1827 и текст «Благонамеренного» — с одинаковой неточностью в последнем стихе: «Въ любви и брани побѣдитель»; отмечен пропуск двух стихов в «Невском Зрителе»). -- *Изд. 1884. С. 13—14* (текст Изд. 1835 под ошибочным заглавием «Брату Льву (при отъѣздѣ его въ армію)»). -- *Изд. 1894. С. 18—19* (текст Изд. 1884; датировка: 1820), *40—41* (текст «Новостей Литературы» напечатан как отдельное стихотворение под заглавием «Къ Б*»; опечатки в ст. 23 и 30; датировка: 1823). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 9—10* (текст «Благонамеренного»), *176—177* (текст Изд. 1827 с опечатками в ст. 20 и 35), *216* (указано, что адресатом стихотворения является Ираклий, а не Лев Боратынский; опечатка в указании номера «Благонамеренного», где опубликована ранняя редакция стихотворения: № 11 вместо № II — повторено в последующих изданиях; в списке разночтений «Новостей Литературы» не учтен ст. 11 — повторено в последующих изданиях, содержащих раздел «Другие редакции и варианты»; датировка: 1819 — так же датировано в последующих изданиях, кроме Изд. 1957 и Изд. 2000). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 104* (текст Изд. 1835 под заглавием «К... при отъезде в армию»; так же — в Изд. 1957); *Т. II. С. 252* (ошибочно указано, что в «Невском Зрителе» пропущены ст. 1 и 5; повторено в Изд. 1989). -- *Изд. 1951. С. 49* (текст Изд. 1835 под заглавием «Брату при отъезде в армию»). -- *Изд. 1957. С. 55* (датировка: 1820). -- *Изд. 1982. С. 38—39* (текст Изд. 1835 без заглавия и с произвольной пунктуацией в ст. 23: «Люблю их видеть, в битве шумной» — так же в Изд. 1989 и Изд. 2000), *395* (текст «Благонамеренного», варианты «Новостей Литературы» и Изд. 1827). -- *Изд. 1989. С. 66* (датировка: 1819, <1826>). -- *Изд. 2000. С. 458* (датировка: 31 декабря 1819 г.). -- *Пильщиков 2000. С. 382* (отмечена ошибка в ссылке на № II «Благонамеренного»; приведен вариант ст. 11 по «Новостям Литературы»).

15

1

Онъ близокъ, близокъ день свиданья,
Тебя, мой другъ, увижу я!
Скажи: восторгомъ ожиданья,
Что-жь не трепещетъ грудь моя?
Не мнѣ роптать; но дни печали,
Быть можетъ, поздно миновали:
Съ тоской на радость я гляжу,
Не для меня ея сіянье,
И я напрасно упованье
Въ больной душѣ моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполнѣ:
Все мнится, счастливъ я ошибкой
И не къ лицу веселье мнѣ.

<Конец 1819; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Элегія

Уже ли близокъ часъ свиданья!
Тебя ль, мой другъ, увижу я!
Какъ грудь волнуется моя
Тоскою смутной ожиданья!
Родная хата, край родной,
Съ пеленъ знакомыя дубравы,
Куда невинныя забавы
Слетались къ намъ на голосъ твой —
Я ихъ увижу! другъ безцѣнный,
Чтожь сердце вѣщее грустить?

Чтожь ясный день не веселитъ
Души для щастья пробужденной?
Съ тоской на радость я гляжу:
Не для меня ея сіянье!
И я напрасно упованье
Въ душѣ измученной бужу.
Печаль всѣ чувства утомила,
Мечтою мрачной боленъ духъ;
Быть можетъ, поздно, милой другъ,
Меня и радость посѣтила:
Я наслаждаюсь не вполнѣ
Ея плѣнительной улыбкой;
Все мнится, щастливъ я ошибкой,
И не къ лицу веселье мнѣ!

<*Конец 1819*>

15.1. «Онъ близокъ, близокъ день свиданья...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 49 (№ XXVI).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 35 (раздел «Элегіи. Книга вторая») — под заглавием **«Ропотъ»**.

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 16 об. (заглавие: «Грусть» — исправлено из: «Тоска»; по предположению И. Н. Медведевой — см. Изд. 1936. Т. II. С. 230 — озаглавлено Н. Л. Боратынской во избежание путаницы со стихотворением «Ропот»: «Красного лета отрава...» — см. № 199). Другая копия: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. Л. 74 об. (заглавие: «Ропотъ»).

15.2. Элегія («Уже ли близокъ часъ свиданья!..»)

Печатается по тексту первой публикации: Невский Зритель. 1820. Ч. 1. Генварь (ценз. разр. 6 января; вышел к 3 февраля). С. 99—100 (подпись: *Е. Баратынскій*).

Перепечатано: Сын Отечества. 1821. Ч. 67. № VII. С. 320—321 (подпись: *Баратынскій*) — под тем же заглавием «Элегія»; Весенние Цветы. М., 1835. [Ч. I.] С. 79—80 (подпись: *Е. Баратынскій*) — без заглавия.

Печатается с исправлениями: ст. 2 *Тебя ль мой другъ* → *Тебя ль, мой другъ,* -- ст. 12 *пробужденной!* → *пробужденной?* -- ст. 19 *поздно милой другъ,* → *поздно, милой другъ,*

Датируется по времени, предшествовавшему первой публикации.

Санкпетербургские Ведомости. 1820. 3 февраля. № 10. Первое прибавление. С. 112 (объявление о раздаче подписчикам «Невского Зрителя»; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 7*).

Изд. 1869. С. 11 (текст поздней редакции без заглавия; датировка: 1820; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *180* (варианты «Невского Зрителя» и «Сына Отечества»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 10* (текст «Невского Зрителя»), *177* (текст Изд. 1827), *217* (датировка: 1819; та же датировка и в последующих изданиях, кроме Изд. 1957; отмечена перепечатка в «Весенних Цветах»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 21* (текст поздней редакции под заглавием «Ропот»; так стихотворение напечатано и в последующих изданиях до Изд. 1982); *Т. II. С. 230* (отмечена копия Н. Л. Боратынской). -- *Изд. 1957. С. 55* (датировка: 1820). -- *Изд. 1982. С. 37* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- *Изд. 1989. С. 67* (датировка: 1819, <1826>).

16

1

Поэтъ Писцовъ въ стихахъ тяжеловатъ,
Но я люблю незлобнаго собрата:
Ей, ей! не онъ предъ свѣтомъ виноватъ,
А передъ нимъ природа виновата.

<Конец 1819; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

<Эпиграмма>

Хоть глуповатъ подъ часъ Дамонъ,
Люблю я милаго собрата;
Не виноватъ предъ свѣтомъ онъ —
Предъ нимъ природа виновата!

<Конец 1819>

16.1. «Поэтъ Писцовъ въ стихахъ тяжеловатъ...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 141 (№ LXXX).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 117 (раздел «Смѣсь») — под заглавием **«Эпиграмма»** с разночтением:

1 Поэтъ Графовъ въ стихахъ тяжеловатъ,

По Изд. 1827 перепечатано: Российская Хрестоматия / [Сост. И. Пенинский]. СПб., 1834. Ч. 2: Стихотворения. Раздел «Эпиграмма». С. 356 — без заглавия, вместе с эпиграммами Боратынского: «Окогченая летунья...», «Идилликъ новый на искусъ...» и «Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышетъ...»; подпись под последним текстом: *Баратынскій.*

Автограф неизвестен.

16.2. <Эпиграмма> («Хоть глуповатъ подъ часъ Дамонъ...»)

Печатается по тексту первой публикации: Невский Зритель. 1820. Ч. 1. Генварь (ценз. разр. 6 января; вышел к 3 февраля). С. 103 (подпись *Е. Б.......ій*) — без заглавия; напечатано под № 1 в подборке из трех стихотворений под общим заглавием «Эпиграммы».

Перепечатано: Опыт Русской Анфологии. СПб., 1828. С. 81 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Эпиграмма».

Датируется по времени первой публикации.

Санктпетербургские Ведомости. 1820. 3 февраля. № 10. Первое прибавление. С. 112 (объявление о раздаче подписчикам «Невского Зрителя»; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 7*).

Изд. 1869. С. 11 (текст поздней редакции, без заглавия, с ошибкой в условном имени адресата: «Поэтъ Пизцовъ въ стихахъ тяжеловатъ...»; датировка: 1820; так стихотворение датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *180* (варианты «Невского Зрителя» и Изд. 1827). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 11* (текст «Невского Зрителя»), *217* (текст Изд. 1827 и ст. 1 по Изд. 1835; датировка: 1819). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 85* (текст Изд. 1835 под заглавием «Эпиграмма»); *Т. II. С. 244—245* (вариант ст. 1 Изд. 1827; определение адресата эпиграммы в Изд. 1827: Д. И. Хвостов — повторено в комментариях всех последующих изданий; фрагмент письма Д. И. Хвостова к Боратынскому от 28 ноября 1827 г. с ответом на эпиграмму — без указания числа). -- *Изд. 1937. С. 60* (текст Изд. 1835 под заглавием «Эпиграмма»; датировка: 1820). -- *Изд. 1945. С. 145* (текст Изд. 1835 без заглавия; датировка: 1820). -- *Изд. 1951. С. 56* (текст Изд. 1835 под заглавием «Эпиграмма»). -- *Изд. 1957. С. 56* (текст Изд. 1835 под заглавием «Эпиграмма»; датировка: 1820). -- *Изд. 1982. С. 96* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *420* (варианты «Невского Зрителя» и Изд. 1827). -- *Изд. 1989. С. 67* (датировка: 1819, <1826>). -- *Летопись. С. 199* (полный текст письма Д. И. Хвостова от 28 ноября 1827 г. с ответом на публикацию эпиграммы в Изд. 1827).

17

Къ Кюхельбекеру

Прости, Поэтъ! судьбина вновь
Мнѣ посохъ странника вручила;
Но къ Музамъ чистая любовь
Ужъ насъ на вѣкъ соединила!

Прости! Богъ вѣсть — когда опять
Желанный другъ въ гостяхъ у друга,
Я счастье буду воспѣвать
И нѣгу празднаго досуга! —

О милый мой! все въ даръ тебѣ —
И грусть и сладость упованья!
Молись невидимой судьбѣ:
Она приблизитъ часъ свиданья.

И я, съ пустынныхъ, Финскихъ горъ,
Въ отчизнѣ браннаго Одена,
Къ ней возведу молящій взоръ,
Упавъ смиренно на колѣна.

Строга ль Богиня будетъ къ намъ,
Пошлетъ ли вѣсть соединенья?
Пускай предъ ней сольются *тамъ*
Друзей согласныя моленья! —

<До 18 января 1820>

17. Къ Кюхельбекеру («Прости, Поэтъ! судьбина вновь...»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Сын Отечества. 1820. Ч. 59. № V (номер датирован 31 января). С. 225 (подпись: *Ев. Баратынскій. 18 Января 1820*).

Автограф находился в коллекции А. А. Ольхина (сообщено С. И. Пановым), впоследствии перешедшей в руки сербского полковника Д. Влайковича, чье собрание в свою очередь попало в Государственный архив в Белграде (см.: Цявловский 1936. С. 78).

Печатается с исправлением: ст. 17 *Строга ль, Богиня, будетъ къ намъ,* → *Строга ль Богиня будетъ къ намъ,*

Датируется по времени, предшествовавшему дате, проставленной под текстом в «Сыне Отечества»: 18 января 1820.

Собр. стих. декабристов 1862. С. VIII (текст «Сына Отечества» с исправлением в ст. 17: «Строга ль Богиня будетъ къ намъ»). -- *Изд. 1894. С. 12* (стихотворение введено в собрание сочинений Боратынского). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 12* (датировка: 18 января 1820; так же датировано в последующих изданиях; необоснованные конъектуры в ст. 17—18: «Строга-ль, Богиня, будешь къ намъ, // Пошлешь-ли вѣсть соединенья?»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 103* (текст напечатан в составе Изд. 1827, в разделе «Послания»; ст. 17—18 исправлены: «Строга-ль богиня будет к нам, // Пошет-ли весть соединенья?»), *350; Т. II. С. 251* (некорректные мотивировки решения печатать стихотворение в составе Изд. 1827: «Послание к Кюхельбекеру кажется нам <...> органически связанным с прочими посланиями Баратынского»; «В сб. 1827 не вошло по цензурным условиям»).

В. К. Кюхельбекер
Гравюра И. И. Матюшина с оригинала П. Л. Яковлева 1820-х гг.

18

1

Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой,
Товарищъ радостей минувшихъ,
Товарищъ ясныхъ дней, не давно надо мной
Мечтой веселою мелькнувшихъ?

Ужель душѣ твоей такъ скоро чуждымъ сталъ
Другъ отлученный, другъ далекой,
На Финскихъ берегахъ, между пустынныхъ скалъ,
Бродящій съ грустью одинокой?

Гдѣ ты, о Дельвигъ мой! ужель минувшихъ дней
Лишь мнѣ чувствительна утрата,
Ужель не ищешь ты въ кругу своихъ друзей
Судьбой отторженнаго брата?

Ты помнишь-ли тѣ дни, когда рука съ рукой,
Пылая жаждой сладострастья,
Мы жизни ввѣрились и общею тропой
Помчались за мечтою счастья?

«Что въ славѣ? что въ молвѣ? на время жизнь дана!»
За полной чашей мы твердили,
И весело въ струяхъ блестящаго вина,
Забвенье сладостное пили.

И вотъ сгустилась ночь и все въ глубокомъ снѣ —
Лишь дышетъ влажная прохлада;
На стогнахъ тишина! сіяютъ при лунѣ
Дворцы и башни Петрограда.

Къ знакомцу доброму стучится Купидонъ,
Пусть дремлетъ труженикъ усталый!

«Проснися, юноша, отвергни» шепчетъ онъ,
«Покой безчувственный и вялый.»

«Взгляни! ты видишь-ли: покинувъ ложе сна,
«Передъ окномъ, полу-одѣта,
«Томленья страстнаго въ душѣ своей полна,
Счастливца ждетъ моя Лилета?»

Толпа безумная! напрасно ропщешь ты!
Блаженъ, кто легкою рукою
Весной умѣлъ срывать весенніе цвѣты
И въ мирѣ жилъ съ самимъ собою;

Кто безъ унынія глубоко жизнь постигъ
И равнодушіемъ богатый,
За царство не отдастъ покоя сладкій мигъ
И наслажденья мигъ крылатый!

Давно румяный Фебъ прогналъ ночную тѣнь,
Давно проснулися заботы,
А баловня забавъ еще покоитъ лѣнь
На ложѣ нѣги и дремоты.

И Лила спитъ еще: любовію горятъ
Младыя свѣжія ланиты,
И мнится, поцѣлуй сквозь тонкій сонъ манятъ
Ея уста полу-открыты.

И гдѣ-жь брега Невы? гдѣ чашъ веселый стукъ?
Забытъ друзьями другъ заочной,
Исчезли радости, какъ въ вихрѣ слабый звукъ,
Какъ блескъ зарницы полуночной!

И я, пѣвецъ утѣхъ, пою утрату ихъ,
И вкругъ меня скалы суровы
И воды чуждыя шумятъ у ногъ моихъ
И на ногахъ моихъ оковы.

<До середины января 1820; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Посланіе къ Б... Дельвигу

Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой,
Товарищъ радостей минувшихъ,
Товарищъ ясныхъ дней, не давно надо мной
Мечтой веселою мелькнувшихъ? —

Ужель душѣ твоей такъ скоро чуждымъ сталъ,
Другъ отлученной, другъ далекой,
На Финскихъ берегахъ между пустынныхъ скалъ
Бродящій съ грустью одинокой?

Гдѣ ты, о Дельвигъ мой! ужель минувшихъ дней
Лишь мнѣ чувствительна утрата,
Ужель не ищешь ты въ кругу своихъ друзей
Судьбой отторженнаго брата?

Ты помнишь ли тѣ дни, когда рука съ рукой,
Пылая жаждой сладострастья
Мы жизни ввѣрились и общею тропой
Помчались за мечтою счастья?

«Что въ славѣ! что въ молвѣ! на время жизнь дана!»
За полной чашей мы твердили
И весело въ струяхъ блестящаго вина
Забвенье сладостное пили.

И вотъ сгустилась ночь и все въ глубокомъ снѣ,
Лишь дышетъ влажная прохлада;
Лишь слабо теплится въ туманной вышинѣ
Діаны блѣдная лампада.

Съ улыбкой будитъ насъ малютка Купидонъ. —
Пусть дремлетъ труженикъ усталой!

«Проснитесь, юноши! для васъ ли», шепчетъ онъ,
«Покой безчувственной и вялой?»

Смотрите, видитель, покинувъ ложе сна,
Передъ окномъ полу-одѣта,
Съ тоскою страстною не васъ ли ждетъ она,
Не васъ ли ждетъ моя Лилета?

Она! — о нѣга чувствъ! о сладкія мечты!
Счастливъ, кто легкою рукою
Весной умѣлъ срывать весенніе цвѣты
И въ мирѣ жилъ съ самимъ собою,

Кто пренебрегъ судомъ завистливыхъ и злыхъ
И, равнодушіемъ богатый,
За Царство не отдастъ покоя сладкій мигъ,
Иль наслажденья мигъ крылатый!

Давно румяный Фебъ прогналъ ночную тѣнь;
Давно проснулися заботы, —
А баловней Харитъ еще покоитъ лѣнь
На ложѣ нѣги и дремоты.

И Лила спитъ еще! любовію горятъ
Младыя свѣжія ланиты
И мнится, поцѣлуй сквозь тонкой сонъ манятъ
Ея уста полу-открыты.

И гдѣ же домъ утѣхъ? гдѣ чашъ веселой стукъ?
Забытъ друзьями другъ заочной,
Исчезли радости какъ въ вихрѣ слабой звукъ,
Какъ блескъ зарницы полуночной!

И я пѣвецъ утѣхъ теперь утрату ихъ
Пою въ тоскѣ уединенной,
И воды чуждыя шумятъ у ногъ моихъ
И брегъ не видимъ отдаленный.

<До середины января 1820>

18.1. «Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 36—38 (№ XIX).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 69—72 (раздел «Смѣсь») — под заглавием **«Делію»** с соответствующим именованием адресата:

> 1 Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Делій мой,
>
> 9 Гдѣ ты, о Делій мой! ужель минувшихъ дней

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 106 об. — 107 об., 127 об. — 128 об. (заглавие: «Дельвигу»).

Печатается с исправлениями: ст. 16 *счас ьят?* → *счастья?* -- ст. 47 *И мнится* → *И мнится,*

При цензуровании рукописи Изд. 1835 цензор Н. И. Бутырский предложил исключить ст. 29—48; однако на заседании 14 марта 1833 г. Санктпетербургский цензурный комитет «призналъ сіе мѣсто позволительнымъ и допустилъ къ напечатанію» (цит. по: Оксман 1922. С. 16).

18.2. Посланіе къ Б... Дельвигу («Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой...»)

Печатается по тексту первой публикации: Невский Зритель. 1820. Ч. 1. Март (ценз. разр. 17 марта; ценз. билет 13 апреля; вышел к 16 апреля). С. 56—59 (подпись: *Е. Баратынскій*).

Печатается с исправлениями: ст. 1 *Гдѣ ты* → *Гдѣ ты,* -- ст. 27 *«Проснитесь юноши! для васъ ли,»* → *«Проснитесь, юноши! для васъ ли»,* -- ст. 29 *Смотрите видитель,* → *Смотрите, видитель,* -- ст. 36 *въ мірѣ* → *въ мирѣ* -- ст. 43 *А баловней Харитъ покоитъ лѣнь* → *А баловней Харитъ еще покоитъ лѣнь* -- ст. 45 *И мило спать еще!* → *И Лила спитъ еще!* -- ст. 47 *И мнится* → *И мнится,* -- В конце ст. 2, 10, 22, 48, 50 проставлены знаки препинания (по аналогии с текстами Изд. 1827 и Изд. 1835).

Датируется на основании воспоминаний Н. М. Коншина о сочинении стихотворения в самом начале пребывания Боратынского в Финляндии (Коншин. Изд. 1958. С. 392) и по предположению о том, что именно это стихотворение слушалось в собрании Вольного общества любителей российской словесности 19 января 1820 под заглавием «Послание к Д...гу» (текст доставлен А. А. Дельвигом; резолюция: «Одобрено. Избрано» — см.: Журналы ВОЛРС. С. 371).

Санктпетербургские Ведомости. 1820. 16 апреля. № 31. Первое прибавление. С. 373 (объявление о раздаче подписчикам «Невского Зрителя»; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 7—8*). -- *Могилянский 1956. С. 392* (дата выдачи ценз. билета «Невскому Зрителю»).

Изд. 1869. С. 12—14 (текст поздней редакции под заглавием «Дельвигу»; датировка: 1820; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *181* (варианты Изд. 1827 и «Невского Зрителя»; не зафиксированы варианты ст. 9, 37 и 43). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 13—14* (текст «Невского Зрителя»), *218—219* (варианты Изд. 1827; датировка: февраль—март 1820). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 45—46* (текст Изд. 1835 под заглавием

«Послание к барону Дельвигу»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1982). -- *Изд. 1937. С. 56* (датировка: 1820; так стихотворение датировано в последующих изданиях, кроме Изд. 1989). -- *Изд. 1957. С. 336* (со ссылкой на *Документы ВОЛРС. С. 327* предположено, что стихотворение читано в собрании ВОЛРС 19 января 1820 г.; ранее отмечалось: *Филиппович 1915а. С. 1*). -- *Изд. 1982. С. 29—31* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же в Изд. 1989 и Изд. 2000), *390—391* (варианты «Невского Зрителя» и Изд. 1827). -- *Изд. 1989. С. 70* (произвольная датировка ранней редакции: 10—15 января 1820).

19

К—ву

Любви веселой проповѣдникъ,
Всегда любезный говорунъ,
Глубокомысленный шалунъ,
Назона правнукъ и наслѣдникъ!
Дана на время юность намъ,
До роковаго новоселья,
Пожить нехудо для веселья.
Товарищъ милый, по рукамъ!
Наука счастья намъ знакома,
Часы летятъ! — Скорѣй зови
Богиню милую любви!
Скорѣе вѣтреннаго Мома!
Альковъ уютной приготовь!
Наполни чаши золотыя!
Измѣнятъ скоро дни младые,
Измѣнитъ скоро намъ любовь!
Летящій мигъ лови украдкой —
Игея, Вакхъ еще съ тобой!
Еще полна, другъ милый мой,
Предъ нами чаша жизни сладкой;
Но смерть, быть можетъ, сей же часъ,
Ее съ насмѣшкой опрокинетъ —
И мигомъ въ сердцѣ кровь остынетъ,
И домъ подземный скроетъ насъ!

<До середины января 1820>

19. К—ву («Любви веселой проповѣдникъ...»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. № III (Труды ВОРЛС. Ч. IX. Кн. III) (журнал поступил в цензуру 5 марта; ценз. разр. 30 апреля; вышел после 3 мая). С. 327—328 (подпись: *Баратынскій*).

Перед публикацией в «Соревнователе» стихотворение слушалось 19 января 1820 г., под заглавием «Послание к К...ву», в собрании Вольного общества любителей российской словесности; текст доставлен А. А. Дельвигом; резолюция: «Исправить. Избрано» (Журналы ВОЛРС. С. 371) — единственный случай, когда на заседании общества стихотворение Боратынского было рекомендовано исправить (резолюция для всех других произведений, читанных в обществе в 1820—1822 гг.: «Одобрено»).

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлением: ст. 18 *И Гея* → *Игея* (обоснование конъектуры см.: Вацуро 1986. С. 21—22).

Адресат — А. А. Крылов.

Датируется по времени чтения стихотворения в Вольном обществе любителей российской словесности.

Летопись. С. 96 (дата поступления рукописи «Соревнователя» в цензуру: 5 марта 1820). -- «Соревнователь» получил ценз. разр. 30 апреля; вышел не ранее 3 мая 1820 — дата определяется тем, что здесь напечатано сочинение Д. В. Сахарова «Достопамятные повествования и речи Императора Петра Великого», читанное под заглавием «О Петре I» в собрании ВОЛРС 3 мая 1820 (см.: Журналы ВОЛРС. С. 377).

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Соревнователе»). -- *Изд. 1884. С. VI* (стихотворение отмечено в списке произведений, не включенных в издание, с изменением формы слова в ст. 1: «веселый» вместо «веселой»; так ст. 1 напечатан во всех изданиях, кроме *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 10* и *Изд. 1936. Т. I. С. 277*, где сохранена форма «Соревнователя»: «веселой»). -- *Изд. 1894. С. 24—25* (стихотворение введено в собрание сочинений Боратынского с сохранением опечатки «Соревнователя» в ст. 18: «И Гея»; впервые исправлено в Изд. 2000; датировка: 1820; так же датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 10—11, 217* (датировка: 1819). -- *Изд. 1936. Т. II. С. 285* (определение адресата: А. А. Крылов). -- *Изд. 1957. С. 61* (датировка: 1820), *336* (со ссылкой на *Документы ВОЛРС. С. 327* отмечено, что стихотворение рассматривалось в собрании ВОЛРС 19 января 1820 г.; ранее отмечалось: *Филиппович 1915а. С. 1*). -- *Изд. 1989. С. 68* (произвольная датировка: 1—15 января 1820). -- *Изд. 2000. С. 283* (текст «Соревнователя»; в ст. 1: «веселый», в ст. 18: «Игея»).

20

1

Разстались мы; на мигъ очарованьемъ,
На краткій мигъ была мнѣ жизнь моя;
Словамъ любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьемъ!
Я все имѣлъ, лишился вдругъ всего;
Лишь началъ сонъ.... исчезло сновидѣнье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мнѣ отъ счастья моего.

<До февраля 1820; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Элегія

На краткій мигъ плѣняетъ въ жизни радость,
Невидимо мелькаютъ счастья дни;
Едва блеснутъ — и скроются они.
На краткой мигъ узналъ любви я сладость,
О милый другъ, тебя ужь нѣтъ со мной;
Ужь онъ исчезъ — блаженства сонъ мгновенной,
И я одинъ, и на груди стѣсненной
Лежитъ тоска разлуки годовой.
Гдѣ вы, гдѣ вы, любви очарованья?
Не вѣчность ли межь нами протекла?
Уже ль на часъ мнѣ счастьемъ жизнь была?
Уже ль одни остались мнѣ желанья?
Я все имѣлъ, лишился вдругъ всего;
Лишь началъ сонъ — исчезло сновидѣнье;
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мнѣ отъ счастья моего!

<До февраля 1820>

20.1. «Разстались мы; на мигъ очарованьемъ...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 23 (№ X).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 31 (раздел «Элегіи. Книга вторая») — под заглавием **«Разлука»**.

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 12 об. (заглавие: «Разлука»). Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. Л. 74 об. (заглавие: «Разлука»).

По Изд. 1827 перепечатано: Венера. М., 1831. Ч. 2. С. 127 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Разлука». По Изд. 1835 перепечатано: Дамский Альбом. СПб., 1844. С. 149—150 (подпись: *Баратынскаго*) — под заглавием «Разстались мы».

20.2. Элегія («На краткій мигъ плѣняетъ въ жизни радость...»)

Печатается по: Сын Отечества. 1821. Ч. 70. № XXI (ценз. разр. 17 мая; номер датирован 21 мая). С. 32—33 (подпись: *Баратынской*).

Впервые опубликовано: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. № II (Труды ВОЛРС. Ч. IX. Кн. II) (журнал поступил в цензуру 3 февраля; вышел после 12 марта). С. 196 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием **«Элегія»**, с пропуском ст. 6, пропуском слова в ст. 8 («Тоска разлуки годовой») и разночтением в ст. 14:

14 Едва заснулъ — изчезло сновидѣнье;

Из «Сына Отечества» перепечатано: Собрание Образцовых Русских Сочинений и Переводов в Стихах. Изд. 2-е. СПб., 1822. Ч. 4. С. 289 (подпись: *Баратынской*) — под заглавием «Элегія».

Датируется по времени поступления в цензуру рукописи «Соревнователя» (3 февраля 1820 — см.: Летопись. С. 95); другое основание для датировки — слова о «разлуке годовой» в ст. 9: независимо от предположений об адресате (В. Н. Кучина ? — см.: Материалы 1916. С. VI 2-й паг.), очевидно, что речь идет либо о годе, прошедшем после отъезда Боратынского из Голощапова и Подвойского в Петербург (конец 1818), либо о годе, который предстоит провести в Финляндии (отправляясь в начале января 1820 во Фридрихсгам, Боратынский думал, что по истечении года он будет произведен в офицеры и сможет освободиться от принудительной военной службы).

Летопись. С. 95 (дата поступления рукописи «Соревнователя» в цензуру). «Соревнователь» вышел не ранее 12 марта 1820 г. — этим числом в журнале помечена рецензия В. Г. Анастасевича на собрание сочинений Д. И. Хвостова.

Изд. 1869. С. 80 (текст поздней редакции под заглавием «Разлука»; датировка: 1827; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях), *203* (варианты «Сына Отечества» с ошибочным указанием года выхода журнала: 1831; ст. 14 «Соревнователя»). -- *Изд. 1894. С. 24* (текст «Соревнователя»: «Элегія»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 14—15* (текст «Сына Отечества»: «Элегія»; датировка: 1820), *177* (текст Изд. 1827: «Разлука»), *219* (варианты «Соревнователя»), *312* (отмечена перепечатка в «Венере»). -- *Материалы 1916. С. VI (2-й паг.)* (воспроизведена помета С. А. Рачинского в экземпляре Изд. 1827 из Татевского архива, указывающая адресата: «à M-lle Кучинъ» <В. Н. Кучина>). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 18* (текст Изд. 1827: «Разлука»); *Т. II. С. 108* (текст «Соревнователя» с восстановлением ст. 6 и 8 по «Сыну Отечества»). -- *Изд. 1982. С. 20* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *385* (варианты «Соревнователя» и текст «Сына Отечества»). -- *Изд. 1989. С. 67* (датировка поздней редакции: <1820>, <1826>).

21

1

Незнаю? милая, Незнаю!
Краса плѣнительна твоя:
Незнаю я предпочитаю
Всѣмъ тѣмъ, которыхъ знаю я.

<До начала февраля 1820; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

<Мадригалъ>
Къ дѣвушкѣ, которая — на вопросъ, какъ ее зовутъ — отвѣчала: не знаю

Не знаю! милое *не знаю* —
О съ кѣмъ могу сравнить тебя?
Не знаю я предпочитаю
Всѣмъ тѣмъ, которыхъ знаю я.

<До начала февраля 1820>

21.1. «Незнаю? милая, Незнаю!..»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 81 (№ XLVI; в оглавлении: «Незнаю! милая, Незнаю!..»).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 104 (раздел «Смѣсь») — под заглавием **«Дѣвушкѣ, которая на вопросъ: какъ ее зовутъ? отвѣчала: *не знаю*»** и с иным орфографическим и пунктуационным оформлением начальной строки:

1 Незнаю, милая, незнаю,

Автограф неизвестен.

По Изд. 1827 перепечатано: Венок Граций. М., 1838. С. 45 (подпись: *Е. Баратынскій*) — под тем же заглавием.

Печатается с исправлением по Изд. 1827: ст. 3 *Незнаю,* → *Незнаю*

21.2. <Мадригалъ>. Къ дѣвушкѣ, которая — на вопросъ, какъ ее зовутъ — отвѣчала: не знаю («*Не знаю! милое не знаю...*»)

Печатается по тексту первой публикации: Невский Зритель. 1820. Ч. 1. Февраль (ценз. разр. 11 февраля; ценз. билет 16 марта). С. 93 (подпись: *Е. Баратынскiй*) — напечатано под № 2 в подборке из двух стихотворений под общим заглавием «Мадригалы».

Перепечатано: Новости Литературы. 1823. Кн. V. № XXXIV. С. 128 (подпись: *Баратынскiй*) — под заглавием «Къ дѣвушкѣ, которая на вопросъ: какъ ее зовутъ? отвѣчала: *не знаю!*». Из «Новостей Литературы» перепечатано: Опыт Русской Анфологии. СПб., 1828. С. 14 (подпись: *Баратынскiй*) — под заглавием «Къ дѣвушкѣ, которая на вопросъ: какъ ее зовутъ? отвѣчала: не знаю!» (в оглавлении: «Къ дѣвушкѣ») и с изменением в ст. 1: «Незнаю, милая Незнаю!».

Датируется по времени первой публикации.

Могилянский 1956. С. 392 (дата выдачи ценз. билета «Невскому Зрителю»).

Изд. 1869. С. 12 (текст поздней редакции под заглавием «Дѣвушкѣ, которая на вопросъ, какъ ее зовутъ? отвѣчала: н е з н а ю»; имя «Незнаю» в ст. 1 и 3 выделено разрядкой: «Незнаю, милая н е з н а ю!» -- «Н е з н а ю я предпочитаю»; датировка: 1820; так же — в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *181* (варианты «Невского Зрителя» и «Новостей Литературы»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 12* (текст «Невского Зрителя» и «Новостей Литературы» — с выделением имени адресата курсивом, но со слитным, как в Изд. 1827 и Изд. 1835, правописанием: «*Незнаю*»), *217—218* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; отмечены перепечатки в «Венке Граций» и в «Опыте Русской Анфологии»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 73* (текст Изд. 1827; в ст. 1 и 3: «Незнаю, милая Незнаю!» -- «Незнаю я предпочитаю»); *Т. II. С. 119* (текст «Невского Зрителя», но со слитным, как в Изд. 1827 и Изд. 1835, правописанием имени: «*Незнаю*»). -- *Изд. 1951. С. 55* (текст Изд. 1827; в ст. 1 и 3: «*Незнаю*, милая *Незнаю!*» -- «*Незнаю* я предпочитаю»), *548* (неточность в указании источника публикации: «Печатается по *Изд. 1835 г.*»). -- *Изд. 1957. С. 56* (текст Изд. 1835 под заглавием Изд. 1827; в ст. 1 и 3: «Незнаю? Милая Незнаю!» -- «Незнаю я предпочитаю»). -- *Изд. 1982. С. 55* (текст Изд. 1835 без заглавия; в ст. 1 и 3: «Незнаю? Милая Незнаю!» -- «Незнаю я предпочитаю»; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *407* (варианты «Невского Зрителя» и «Новостей Литературы» без курсивного выделения имени: «Не знаю! милое не знаю»).

22

1

Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ,
Но не желай моихъ стиховъ:
Не многимъ избраннымъ понятенъ
Языкъ поэтовъ и боговъ.
Когда подъ звонкіе напѣвы,
Подъ звукъ свирѣли плясовой,
Среди полей, рука съ рукой,
Кружатся юноши и дѣвы,
Вмѣшавшись въ рѣзвый хороводъ
Хариты, вѣтренный Эротъ,
Дріады, Фавны пляшутъ съ ними
И гонятъ прочь толпу заботъ
Воскликновеньями своими,
Поодаль Музы между тѣмъ
Таяся въ сумракѣ дубравы,
Глядятъ незримыя никѣмъ,
На ихъ невинныя забавы;
Но ихъ соборъ въ то время нѣмъ.
Пѣвцу-ли вѣтренно безславить
Плоды возвышенныхъ трудовъ,
И легкомысліе забавить
Игрою гордою стиховъ?
И той не рѣдко, чье воззрѣнье
Даруетъ лирѣ вдохновенье,
Не повѣряетъ онъ его:
Поетъ одинъ, подобный въ этомъ
Пчелѣ, которая со цвѣтомъ
Не дѣлитъ меда своего.

<До 20-х чисел февраля 1820; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Лидѣ

Твой дѣтской вызовъ мнѣ пріятенъ.
Но не желай моихъ стиховъ:
Не многимъ избраннымъ понятенъ
Языкъ Поэтовъ и боговъ.
Что нужды въ томъ? — Утѣшься, Лида!
Ты безъ учоности мила,
И всѣ мы знаемъ, что Киприда
Въ Цитерѣ школъ не завела.
Тебѣ ль заняться важнымъ чтеньемъ?
Читать не любитъ Купидонъ;
Всегда за книгой дремлетъ онъ,
И тяготится размышленьемъ.
Его примѣръ тебѣ законъ.
Когда подъ звонкіе напѣвы,
Подъ звукъ свирѣли плясовой,
Въ веселой часъ рука съ рукой
Кружатся юноши и дѣвы;
Вмѣшавшись въ рѣзвой хороводъ
Хариты, вѣтреной Эротъ,
Дріады, фавны, пляшутъ съ ними
И гонятъ прочь толпу заботъ
Воскликновеньями своими;
Поодаль Музы между тѣмъ
Таяся въ сумракѣ дубравы,
Глядятъ незримыя ни кѣмъ
На ихъ невинныя забавы,
Но ихъ соборъ въ то время нѣмъ.
Питомецъ Музъ равно безгласенъ
Въ толпѣ вертушекъ молодыхъ;
И вѣрь, мой другъ, въ мечтахъ своихъ
Онъ былъ бы страненъ и неясенъ;
Одно Высокое любя

Онъ воздаянья ждетъ отъ Феба,
И даръ святой благова неба
Хранитъ для Музъ и для себя.

<До 20-х чисел февраля 1821>

22.1. «Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 162—163 (№ XCI).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 74—75 (раздел «Смѣсь») — под заглавием **«Лидѣ»** с разночтениями:

13 Воскликновеньями живыми,

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 8 об. — 9 (заглавие: «Къ Лидѣ») с разночтением:

7 [Среди полей] На муравѣ рука съ рукой

22.2. Лидѣ («Твой дѣтской вызовъ мнѣ пріятенъ...»)

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 2. № 5 (Альбом «Tendresse»). Л. 28 — 28 об.

Впервые опубликовано: Сын Отечества. 1821. Ч. 68. № X (ценз. разр. 1 марта; номер датирован 5 марта). С. 133—134 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием **«Лидѣ»** с разночтениями:

16 Среди полей рука съ рукой

32 Душой высокое любя,

Печатается с изменениями по тексту «Сына Отечества»: ст. 5 *Утѣшся* → *Утѣшься* -- ст. 7 *знаемъ что* → *знаемъ, что* -- ст. 9 *занятся* → *заняться* -- ст. 18 *ховодъ* → *хороводъ* -- ст. 26 *забавы* → *забавы,* -- ст. 30 *И вѣрь мой другъ въ мечтахъ своихъ* → *И вѣрь, мой другъ, въ мечтахъ своихъ* -- ст. 35 *музъ* → *Музъ*.

Датируется по времени чтения стихотворения в собрании Вольного общества любителей российской словесности 23 февраля 1820 г. под заглавием «Послание к Л...» (резолюция: «Одобрено. Избрано» — см.: Журналы ВОЛРС. С. 373). Вероятное время записи стихотворения в альбом «Tendresse»: конец декабря 1820 — февраль 1821 г., когда Боратынский находился в отпуске в Маре (эту датировку подтверждает тот факт, что на одном из соседних листов альбома — л. 23 — находится сделанный Боратынским акварельный рисунок водопада с пометой: *1821 — Генваря. Е. В.).*

Изд. 1869. С. 21—22 (текст поздней редакции, соответствующий тексту копии Н. Л. Боратынской, под заглавием «Лидѣ»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1914—1915; датировка: 1821; так стихотворение датировано в последующих изданиях), *184—185* (варианты «Сына Отечества» с ошибкой в ст. 13: «знакомъ» вместо «законъ»; варианты ст. 7 Изд. 1835 и ст. 13 Изд. 1827). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 24—25* (текст автографа из

альбома «Tendresse»), *179—180* (текст Изд. 1827: «Лидѣ»), *224* (разночтения «Сына Отечества»; на основании карандашной пометы в альбоме «Tendresse» указан адресат: Лизавета Куприянова; воспроизведена помета С. А. Рачинского на экземпляре Изд. 1827 из Татевского архива Рачинских: «(Купріановой) Финлянкѣ»), *312* (вариант ст. 13 Изд. 1835; разночтение ст. 7 копии Н. Л. Боратынской; датировка поздней редакции: 1826). -- *Материалы 1916. С. 5—6* (описание автографа из альбома «Tendresse»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 48* (текст Изд. 1827: «Лиде»; так стихотворение печаталось до Изд. 1982). -- *Изд. 1982. С. 108* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- *Изд. 1989. С. 81* (датировка: <1821>, <1826>). -- *ИП. С. 355* и *Летопись. С. 96* (со ссылкой на *Журналы ВОЛРС. С. 373* отмечено, что стихотворение слушалось в собрании ВОЛРС 23 февраля 1820 г.).

23

1

Подражаніе Лафару

Свободу давъ тоскѣ моей,
Уединенный, я недавно
О наслажденьяхъ прежнихъ дней
Жалѣлъ и плакалъ своенравно.
Все обмануло, думалъ я,
Чѣмъ сердце пламенное жило,
Что восхищало, что томило,
Что было цвѣтомъ бытія!
Наставленъ истиной угрюмой,
Отнынѣ съ праздною душой,
Живыхъ восторговъ легкій рой
Я замѣню холодной думой
И сердца мертвой тишиной!
Тогда съ улыбкою коварной
Предсталъ внезапно Купидонъ.
О чемъ вздыхаешь, молвилъ онъ,
О чемъ грустишь, неблагодарной?
Забудь печальныя мечты:
Я вѣчно юнъ, и я съ тобою!
Воскреснуть сердцемъ можешь ты;
Не вѣришь мнѣ? взгляни на Хлою!

<До середины марта 1820; до начала июля 1821; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

<Элегія>

Заснули рощи надъ потокомъ;
Легла на холмы тишина;
Дремало все — но тщетно сна

Я ждалъ на ложѣ одинокомъ.
Сыны души моей больной,
Сыны полуночнаго бдѣнья —
Вокругъ, мѣшаясь съ темнотой,
Мелькали смутныя видѣнья.
«И такъ исчезли» думалъ я,
Весеннихъ лѣтъ мечты златыя,
Часы приспѣли роковые
И вянетъ молодость моя!
Невольникъ истины угрюмой,
Отнынѣ съ праздною душой,
Живыхъ восторговъ легкой рой
Мнѣ замѣнится хладной думой
И мертвой сердца тишиной!» —
Тогда съ улыбкою коварной
Предсталъ внезапно Купидонъ:
«Объ чемъ вздыхаешь,» молвилъ онъ,
Объ чемъ грустишь, неблагодарной?
Оставь печальныя мечты!
Я вѣчно юнъ и я съ тобою!
Еще младенецъ сердцемъ ты;
Не вѣришь мнѣ? — взгляни на Хлою!»

<До середины марта 1820>

3

Промежуточная редакция

Элегія

Дремала роща надъ потокомъ;
Легла на холмы тишина;
Дремало все — но тщетно сна
Я ждалъ на ложѣ одинокомъ.
Сыны души моей больной,
Сыны полуночнаго бдѣнья —
Кругомъ неясною толпой,

Мелькали смутныя видѣнья.
Все обмануло, думалъ я,
Чѣмъ сердце пламенное жило,
Что восхищало, что томило,
И вянетъ молодость моя!
Невольникъ истины угрюмой,
Отнынѣ съ праздною душой,
Живыхъ восторговъ легкой рой
Мнѣ замѣнится хладной думой
И сердца мертвой тишиной!
Тогда съ улыбкою коварной
Предсталъ внезапно Купидонъ:
О чемъ вздыхаешь, молвилъ онъ,
О чемъ грустишь, неблагодарной?
Забудь печальныя мечты,
Я вѣчно юнъ — и я съ тобою!
Еще младенецъ сердцемъ ты;
Не вѣришь мнѣ? — Взгляни на Хлою.

<До начала июля 1821>

23.1. Подражаніе Лафару («Свободу давъ тоскѣ моей...»)

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 155—156 (№ LXXXVIII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 49—50 (раздел «Элегии. Книга третья») — под заглавием **«Утѣшеніе»**; в оглавлении: «Утѣшеніе *(подраж. Лафару)*».

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 27—27 об. (заглавие: «Подражаніе Лафару»). Копия Софьи Львовны Путята (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. Л. 75) — ст. 1—13 под заглавием «Уединеніе» с неточностью в ст. 10 («Отнынѣ праздною душой»).

23.2. <Элегія> («Заснули рощи надъ потокомъ...»)

Печатается по тексту первой публикации: Невский Зритель. 1820. Ч. 1. Март (ценз. разр. 17 марта; ценз. билет 13 апреля; вышел к 16 апреля). С. 54—55 (подпись: *Евгеній Баратынскій. Фридрихсгамъ. 15 марта 1820*) — без заглавия, под № 1 в подборке из двух стихотворений под общим заглавием «Элегіи».

Перепечатано: Эвтерпа. М., 1831. С. 129—130 (подпись: *Е. Баратынскій*) — без заглавия. Из «Эвтерпы» перепечатано: Песни, романсы и куплеты из Водевилей. М., 1833. С. 32—33 (подпись: *Е. Баратынскій*) — без заглавия.

Печатается с исправлением по тексту второй публикации в «Сыне Отечества» (см. № 23.3): ст. 14 *Отъ нѣги* → *Отнынѣ*

Датируется по времени, предшествовавшему публикации в «Невском Зрителе»; дата, проставленная под текстом, означает, очевидно, день поступления стихотворения в редакцию «Невского Зрителя».

23.3. Элегія («Дремала роща надъ потокомъ...»)

Печатается по тексту второй публикации: Сын Отечества. 1821. Ч. 71. № XXVII (ценз. разр. 28 июня; номер датирован 2 июля). С. 39 (подпись: *Б—ій*).

Датируется по времени, предшествовавшему публикации в «Сыне Отечества».

Санктпетербургские Ведомости. 1820. 16 апреля. № 31. Первое прибавление. С. 373 (объявление о раздаче подписчикам «Невского Зрителя»; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 7—8*). -- *Могилянский 1956. С. 392* (дата выдачи ценз. билета «Невскому Зрителю»).

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Невском Зрителе»). -- *Изд. 1869. С. 14* (текст поздней редакции под заглавием «Подражаніе Лафару»; так же — в Изд. 1884; датировка: 1820; так же датировано в последующих изданиях, кроме Изд. 1914—1915 и Изд. 1989), *181* (варианты «Сына Отечества»). -- *Изд. 1894. С. 18* (текст «Невского Зрителя»), *21* (текст поздней редакции). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 15* (текст «Сына Отечества» под заглавием «Элегія (Подражаніе Лафару)» с датой, проставленной при первой публикации стихотворения в «Невском Зрителе»: 15 Марта 1820), *219—220* (варианты «Невского Зрителя» с указанием опечатки в ст. 14: «Отъ нѣги» вместо «Отнынѣ»; варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; отмечена перепечатка в «Эвтерпе»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 29* (текст поздней редакции под заглавием оглавления Изд. 1827: «Утешение (Подражание Лафару)»); *Т. II. С. 112—113* (текст «Невского Зрителя» с исправлением ст. 14, 20 и 21 по «Сыну Отечества»). -- *Изд. 1951. С. 62* (текст Изд. 1827 под заглавием «Утешение»). -- *Изд. 1957. С. 56—57* (текст Изд. 1835 под заглавием «Подражание Лафару»; так стихотворение напечатано и в Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000). -- *Изд. 1989. С. 71* (дата под текстом поздней редакции Изд. 1835 поставлена по публикации «Невского Зрителя»: 15 марта 1820).

24

Весна
(Элегія)

Мечты волшебныя, вы скрылись отъ очей!
Сбылися времяни угрозы!
Хладѣетъ въ сердцѣ жизнь, и юности моей
Поблёкли утреннія розы!

Благоуханной Май воскреснулъ на лугахъ,
И пробудилась Филомела,
И Флора милая, на радужныхъ крылахъ
Къ намъ обновленная слетѣла.

Вотще! не для меня долины и лѣса
Одушевились красотою,
И свѣтлой радостью сіяютъ небеса!
Я вяну — вянетъ всё со мною!

О, гдѣ вы, призраки невозвратимыхъ лѣтъ,
Богатство жизни — вѣра въ счастье?
Гдѣ ты, младаго дня плѣнительный разсвѣтъ?
Гдѣ ты, живое сладострастье?

Въ дыханіи весны всё жизнь младую пьетъ
И нѣгу тайнаго желанья!
Всё дышетъ радостью и, мнится, съ кѣмъ-то ждетъ
Обѣтованнаго свиданья!

Лишь я, какъ будто чуждъ Природѣ и Веснѣ!
Часы крылатые мелькаютъ;
Но радости принесть они не могутъ мнѣ,
И, мнится, мимо пролетаютъ.

<До 20-х чисел марта 1820>

24. Весна (Элегія) («Мечты волшебныя, вы скрылись отъ очей!..»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. № IV (Труды ВОЛРС. Ч. X. Кн. IV) (ценз. разр. 5 апреля; ценз. билет 21 мая). С. 88—89 (подпись: *Баратынскій*).

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлением: ст. 13 *призраки, невозвратимыхъ лѣтъ* → *призраки невозвратимыхъ лѣтъ*

Датируется по времени чтения стихотворения в собрании Вольного общества любителей российской словесности 22 марта 1820 г. под заглавием «Весна» (резолюция: «Одобрено. Избрано» — см.: Журналы ВОЛРС. С. 375).

Могилянский 1956. С. 392 (дата выдачи ценз. билета «Соревнователю»).

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Соревнователе»). -- *Изд. 1894. С. 25—26* (стихотворение введено в собрание сочинений Боратынского; текст «Соревнователя»; датировка: 1820; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях). -- *Изд. 1957. С. 336* (со ссылкой на *Документы ВОЛРС. С. 331* отмечено чтение стихотворения в собрании ВОЛРС 22 марта 1820 г.). -- *Изд. 1989. С. 72* (произвольная датировка: 1—20 марта 1820).

25

1

Финляндія

Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца,
Граниты Финскіе, граниты вѣковые,
Земли ледянаго вѣнца
Богатыри сторожевые.
Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его, поклонъ
Громадамъ, міру современнымъ:
Подобно имъ да будетъ онъ
Во всѣ годины неизмѣннымъ!

Какъ все вокругъ меня плѣняетъ чудно взоръ!
Тамъ, необъятными водами,
Слилося море съ небесами;
Тутъ съ каменной горы, къ нему дремучій боръ
Сошелъ тяжелыми стопами,
Сошелъ — и смотрится въ зерцалѣ гладкихъ водъ!
Ужъ поздно, день погасъ; но ясенъ неба сводъ,
На скалы Финскія безъ мрака ночь нисходитъ
И только что себѣ въ уборъ
Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ
На небосклонъ она выводитъ!
Такъ вотъ отечество Одиновыхъ дѣтей,
Грозы народовъ отдаленныхъ!
Такъ это колыбель ихъ безпокойныхъ дней,
Разбоямъ громкимъ посвященныхъ!

Умолкъ призывный щитъ, не слышенъ Скальда гласъ,
Воспламененный дубъ угасъ,
Развѣялъ буйный вѣтръ торжественные клики;
Сыны не вѣдаютъ о подвигахъ отцовъ;

И въ дольномъ прахѣ ихъ боговъ
Лежатъ низверженные лики!
И все вокругъ меня въ глубокой тишинѣ!
О вы, носившіе отъ брега къ брегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной странѣ.
Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,
Плывете въ облакахъ туманною толпой?
Вы-ль? дайте мнѣ отвѣтъ, услышьте голосъ мой,
Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.
Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!
Какъ отдѣлились вы отъ каменной отчизны?
Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочиталъ
На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?
И вы сокрылися въ обители тѣней!
И ваши имена не пощадило время!
Что-жь наши подвиги, что слава нашихъ дней,
Что наше вѣтренное племя?
О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ, законъ уничтоженья,
Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья!

Но я, въ безвѣстности, для жизни жизнь любя,
Я беззаботливый душою
Вострепещу-ль передъ судьбою?
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя:
Не одному-ль воображенью
Гроза ихъ что-то говоритъ?
Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью!
Что нужды до былыхъ, иль будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами;
Я, не внимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

<До середины апреля 1820; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Финляндія

Громады вѣчныхъ скалъ, гранитныя пустыни,
Вы дали страннику убѣжище и кровъ!
Ему нужнѣй покой обманчивыхъ даровъ
Слѣпой, взыскательной и вѣтреной богини!
Забытый отъ людей, забытый отъ молвы,
Доволенъ будетъ онъ угломъ уединеннымъ.
Онъ счастье въ немъ найдетъ; онъ будетъ, какъ и вы,
Въ премѣнахъ рока неизмѣннымъ!

Какъ все вокругъ меня плѣняетъ грозно взоръ!
Пустынный неба сводъ, угрюмый видъ Природы,
О каменистый брегъ дробящіяся воды
И дремлющій надъ ними боръ!
Скалы далекія подернулись туманомъ;
Въ зерцалѣ зыбкихъ водъ глядится черной лѣсъ!..
Все тихо! все молчитъ! и блѣдный сводъ небесъ
Слился съ безбрежнымъ Океаномъ!
Здѣсь все бесѣдуетъ съ уныніемъ моимъ —
И рощи шумъ глухой и волнъ неясной лепетъ,
Какъ будто бы знакомъ, какъ будто внятенъ имъ
Младова сердца томный трепетъ.
Здѣсь освѣжаемый прохладной тишиной
Природы дремлющей, подъ кровомъ ночи звѣздной,
Люблю сидѣть одинъ надъ сумрачною бездной,
Молчать — и въ даль летѣть душой....
Здѣсь въ думу важную невольно погруженной,
Люблю воспоминать о сильныхъ прежнихъ дней,
О бурной жизни ихъ, средь копій, средь мечей,
Безумствамъ громкимъ посвященной.

Ничто не прочно на земли!
Ложатся грады въ прахъ и рушатся державы!

Не здѣсь-ли нѣкогда съ побѣдой протекли
Сыны Оденовы, любимцы бранной славы?
Слѣды минувшаго изчезли въ сихъ мѣстахъ;
Отзывы праздные не вторятъ пѣсни Скальда;
Молва умолкнула о спутникахъ Роальда,
	О древнихъ сильныхъ племенахъ!
Развѣялъ бурный вѣтръ торжественные клики;
Забыли правнуки о подвигахъ отцовъ;
Блѣднѣетъ слава ихъ, и въ прахѣ ихъ Боговъ
	Лежатъ низверженные лики!

И все вокругъ меня въ глубокой тишинѣ:
Не слышенъ стукъ мечей; давно умолкли бои...
Куда вы скрылися, полночные Герои?
Мой взоръ теряется въ бездонной вышинѣ!
Не вы ли, блѣдные, вперивъ на звѣзды очи,
Плывете въ облакахъ туманною толпой?
Не вы-ль? отвѣтствуйте! вамъ слышенъ голосъ мой;
	Одушевите сумракъ ночи,
Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!
Какъ отдѣлились вы отъ каменной отчизны?
Зачѣмъ уныли вы? и я ли прочиталъ
На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?
И вы сокрылися въ обители тѣней!
И ваши имена не пощадило время!
Что жъ наши подвиги? что слава нашихъ дней?
	Что наше вѣтреное племя?
О! все своей чредой изчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ — законъ уничтоженья!
Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго, глубокаго забвенья!

Но я, въ безвѣстности для жизни жизнь любя,
Могу-ль себя томить неясною тоскою?
Пусть все разрушится; пусть все умретъ со мною:
Невѣчный для временъ, я вѣченъ для себя.

Златые призраки! златыя сновидѣнья!
Желанья пылкія! слетитеся толпой:
Пусть жадно буду пить, обманутой душой,
Изъ чаши юности волшебство заблужденья.
Что нужды до былыхъ, иль будущихъ племенъ!
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами —
Я, невнимаемый, довольно награжденъ:
За звуки звуками, а за мечты — мечтами.

<До середины апреля 1820>

25.1. Финляндія («Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца...»)

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 5—8 (№ I).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 9—12 (раздел «Элегіи. Книга первая») — под тем же заглавием. И в Изд. 1827, и в Изд. 1835 это стихотворение помещено первым.

По Изд. 1827 перепечатано под заглавием «Финляндія»: Русская стихотворная хрестоматия / Собрана В. [А.] Золотовым. М., 1829. Ч. 1. Раздел «Элегии». С. 192—194 (подпись: *Баратынскій*) с ошибкой в ст. 51 («беззаботливой» вместо «беззаботливый»); Учебная книга русской словесности / Издана Н. [И.] Гречем. Изд. 2-е. СПб., 1830. Ч. III. Раздел «Элегия». С. 180—181 (подпись: *Баратынскій*); Полная русская хрестоматия / Составил А. [Д.] Галахов. М., 1843. Ч. II. Поэзия. Раздел «Ода». С. 182—183 (подпись: *Баратынскій*) с опечатками в ст. 39 («отдалились» вместо «отдѣлились») и 48 («Во всѣхъ» вместо «Во всемъ»).

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 80—81 (заглавие: «Финляндія»). Копия Софьи Львовны Путята (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. Л. 73) — ст. 44—61 под тем же заглавием.

Печатается с исправлением по Изд. 1827: ст. 2 *Граниты Финскія → Граниты Финскіе*

25.2. Финляндія («Громады вѣчныхъ скалъ, гранитныя пустыни...»)

Печатается по тексту первой публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. № V (Труды ВОЛРС. Ч. X. Кн. V) (ценз. разр. 17 апреля). С. 168—170 (подпись: *Баратынскій*).

Вторично опубликовано: Сын Отечества. 1821. Ч. 70. № XXII (ценз. разр. 24 мая; номер датирован 28 мая). С. 81—84 (подпись: *Баратынской*) с очевидно ошибочным исправлением в ст. 45 («Не вы ли, блѣдныя вперивъ на звѣзды очи» вместо «Не вы ли, блѣдные, вперивъ на звѣзды очи») и с разночтениями:

18 И сосенъ шумъ глухой и волнъ неясный лепетъ
21 Здѣсь, окруженный тишиной,

39 Помѣркла слава ихъ — и въ прахѣ ихъ Боговъ
51 Зачѣмъ печальны вы? и я ли прочиталъ
60 Обѣтованнаго забвенья!
62 Могу ль себя томить гадательной тоскою?

Из «Сына Отечества» перепечатано: Собрание Образцовых Русских Сочинений и Переводов в Стихах. Изд. 2-е. СПб., 1821. Ч. 1 . Раздел «Оды». С. 296—298 (подпись: *Баратынской*) — под тем же заглавием.

Печатается с исправлениями по «Сыну Отечества»: ст. 7 *будетъ какъ и вы* → *будетъ, какъ и вы,* -- ст. 17 *бѣседуетъ* → *бесѣдуетъ* -- ст. 35 *умолкла* → *умолкнула* -- ст. 39 *Боговъ,* → *Боговъ* -- ст. 70 *не для ихъ* → *не для нихъ*

Датируется по воспоминаниям Н. М. Коншина о сочинении стихотворения в первые месяцы пребывания Боратынского в Финляндии (Коншин. Изд. 1958. С. 392) и по времени чтения стихотворения в собрании Вольного общества любителей российской словесности 19 апреля 1820 г. (под заглавием «Финляндия»; резолюция: «Одобрено. Избрано» — см.: Журналы ВОЛРС. С. 377). 10 мая 1820 г. на собрании для посетителей ВОЛРС А. А. Никитин читал элегию «Финляндия» — см.: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. № IV (Труды ВОЛРС. Ч. X. Кн. IV). С. 104.

Изд. 1869. С. 15—16 (текст поздней редакции с ошибками: ст. 26 «бурный» вместо «буйный»; ст. 51 «беззаботливой» вместо «беззаботливый»), *182—183* (варианты «Сына Отечества» с ошибками: ст. 12 «подъ ними» вместо «надъ ними»; ст. 69 «временъ» вместо «племенъ»; не учтены ст. 51 и 66; варианты «Соревнователя» по отношению к «Сыну Отечества» в ст. 18, 21, 39; так же — в последующих изданиях до Изд. 1914—1915; датировка: 1820; так же датировано во всех последующих изданиях, кроме Изд. 1989). -- *Брюсов 1899. С. 441* (отмечен вариант «Сына Отечества» в ст. 66, пропущенный в Изд. 1869). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 16—18* (текст «Сына Отечества» — с неточностью в ст. 34: «пѣснѣ» вместо «пѣсни»; повторено в последующих изданиях), *178—179* (текст поздней редакции с исправлением опечаток Изд. 1869), *220* (варианты «Соревнователя» по отношению к тексту «Сына Отечества» в ст. 51, 60, 62). -- *Филиппович 1915б. С. 190—191* (отмечен вариант «Соревнователя» в ст. 45 по отношению к тексту «Сына Отечества»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 5—6* (текст поздней редакции напечатан в основном корпусе; так же — в последующих изданиях); *Т. II. С. 105—106* (текст «Соревнователя»). -- *Изд. 1957. С. 337* (со ссылкой на *Документы ВОЛРС. С. 333* отмечено чтение стихотворения в собрании ВОЛРС 19 апреля 1820 г.; ранее отмечалось: *Филиппович 1915а. С. 1*). -- *Изд. 1982. С. 7—8* (текст Изд. 1835), *381—383* (варианты «Соревнователя» и «Сына Отечества»). -- *Изд. 1989. С. 73* (датировка: март — первая половина апреля 1820 <1826>).

26

Финскимъ красавицамъ
(Мадригалъ)

Такъ — вашъ языкъ еще мнѣ новъ,
Но взоры милыхъ сердцу внятны,
И звуки незнакомыхъ словъ
Давно душѣ моей понятны.
Я не умѣлъ еще любить;
Опасны сердцу ваши взгляды!
И сынъ Фрегеи, можетъ быть,
Сильнѣе будетъ сына Лады!

<До середины апреля 1820>

26. Финскимъ красавицамъ (Мадригалъ) («Такъ — вашъ языкъ еще мнѣ новъ...»)

Печатается по первой публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. № V (Труды ВОЛРС. Ч. X. № V) (ценз. разр. 17 апреля). С. 186 (подпись: *Баратынскій*).

Перепечатано: Опыт Русской Анфологии. СПб., 1828. С. 100 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Финскимъ красавицамъ».

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлением: ст. 5 *любить* → *любить;* (как в «Опыте Русской Анфологии»).

Датируется по времени чтения стихотворения в собрании Вольного общества любителей российской словесности 19 апреля 1820 под заглавием «Мадригал Финским красавицам» (резолюция: «Одобрено. Избрано» — см.: Журналы ВОЛРС. С. 377).

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Соревнователе»). -- *Изд. 1869. С. 375* (отмечена перепечатка в «Опыте Руской Анфологии»). -- *Изд. 1894. С. 26* (текст «Соревнователя»; датировка: 1820; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях). -- *Изд. 1957. С. 337* (со ссылкой на *Документы ВОЛРС. С. 333* отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 19 апреля 1820 г.; ранее отмечалось: *Филиппович 1915а. С. 1*). -- *Изд. 1989. С. 74* (датировка: март — первая половина апреля 1820).

27

1

Живи смѣлѣй, товарищь мой,
Разнообразь досугъ шутливой!
Люби, мечтай, пируй и пой,
Пренебреги молвы болтливой
И порицаньемъ и хвалой!
О, какъ безумна жажда славы!
Равно изчезнуть въ безднѣ лѣтъ,
И годы шумные побѣдъ,
И мигъ незнаемый забавы!
Всѣхъ смертныхъ ждетъ судьба одна:
Всѣхъ чередомъ поглотитъ Лета,
И философа болтуна,
И длинноусова корнета,
И въ молдаванкѣ шалуна
И въ рубищѣ Анахорета.
Познай-же цѣну срочныхъ дней,
Лови пролетное мгновенье!
Изчезнетъ жизни сновидѣнье:
Кто былъ счастливѣй, былъ умнѣй.
Будь друженъ съ Музою моею,
Оставимъ мудрость мудрецамъ;
На что чиниться съ жизнью намъ,
Когда шутить мы можемъ съ нею?

<До мая 1820; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

К—ну

Живи смѣлѣй, товарищъ мой,
Разнообразь досугъ шутливой!

Люби, мечтай, пируй и пой,
Пренебрегай молвы болтливой
И порицаньемъ и хвалой!
О какъ безумна жажда славы!
Равно исчезнуть въ безднѣ лѣтъ
И годы шумные побѣдъ
И мигъ незнаемый забавы!
Что жизнь? — медлительный недугъ,
Условный даръ скупаго неба:
Врата туманнаго Эреба
Для всѣхъ отверсты, милый другъ!
Поглотитъ всѣхъ нѣмая Лета:
И философа болтуна,
И длинноусаго корнета,
И въ шумномъ свѣтѣ шалуна
И въ пустынѣ анахорета.
Познай же цѣну срочныхъ дней:
Лови пролетныя мгновенья,
Исчезнетъ жизни сновидѣнье:
Кто былъ счастливѣй, былъ умнѣй!
Будь друженъ съ Музою моею,
Оставимъ мудрость мудрецамъ;
Зачѣмъ чиниться съ жизнью намъ,
Когда шутить мы можемъ съ нею?

<До мая 1820>

27.1. «Живи смѣлѣй, товарищъ мой...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 149—150 (№ LXXXIV).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 122—123 (раздел «Смѣсь») — под заглавием **«Добрый совѣтъ. Къ —ну»**.

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 103 (заглавие: «Къ ....»), 129 — 129 об., 147 об. (заглавие: «Къ ...»). Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. Л. 76 об. — 77 (под заглавием: «Добрый совѣтъ. Къ -----ну») с разночтением в ст. 2 (видимо, ошибка переписчицы): «досугъ щастливой» вместо «досугъ шутливой».

Н. М. Коншин
Акварель 1830-х гг.

27.2. К—ну («Живи смѣлѣй, товарищъ мой...»)

Печатается по тексту первой публикации: Сын Отечества. 1821. Ч. 71. № XXIX (ценз. разр. 12 июля; номер датирован 16 июля). С. 131—132 (подпись: *Б—ій*).

Печатается с исправлениями: ст. 22 *Кто былъ счастливѣй* → *Кто былъ счастливѣй,* -- ст. 25 *Зачѣмъ чинится съ жизнью намъ* → *Зачѣмъ чиниться съ жизнью намъ,*

Датируется по воспоминаниям Н. М. Коншина (адресат послания) о сочинении стихотворения в первые месяцы пребывания Боратынского в Финляндии: «Скоро образовалась между нами литературная дружба <...> он привез мне свой Добрый совет <...> Скоро Фридрихсгам ему наскучил; я выпросил его к себе в роту, мы поселились вместе» (Коншин. Изд. 1958. С. 391). Рота, которой командовал Коншин, квартировала неподалеку от Фридрихсгама — в Ликоловских казармах. Судя по контексту воспоминаний Коншина, перевод Боратынского в его роту произошел в конце зимы 1820 — не позднее мая: во второй половине мая Нейшлотский полк перешел в летний лагерь под Вильманстрандом (см.: Летопись. С. 98).

Этим стихотворением начинается поэтическая переписка Боратынского и Коншина. Ответ Коншина («Поэтъ, твой дружественный гласъ...») опубликован: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820 № XII (Труды ВОЛРС. 1820. Ч. XII. Кн. XII). С. 324 (заглавие: «Боратынскому. Отвѣтъ»). Следующее послание Боратынского («Повѣрь, мой милой другъ, страданье нужно намъ...») — см. № 28.2. Стихотворения, продолжившие эту переписку во второй половине лета 1820, см.: №№ 30 и 31.

Изд. 1869. С. 27—28 (текст поздней редакции под заглавием «Коншину»; так же, но с вариациями заглавия, стихотворение напечатано в последующих изданиях, кроме Изд. 1914—1915; датировка: 1821; так датировано и в последующих изданиях), *187* (разночтения «Сына Отечества»: не отмечен ст. 25). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 26* (текст «Сына Отечества» под заглавием «К[онши]ну»), *225* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 89* (текст поздней редакции под заглавием «Добрый совет. К Коншину»). -- *Изд. 1951. С. 88* (текст поздней редакции под заглавием «Добрый совет. К <Конши>ну»). -- *Изд. 1957. С. 75—76* (текст поздней редакции под заглавием «Добрый совет (К — ну)»). -- *Изд. 1982. С. 101* (текст поздней редакции без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- *Вацуро 1988. С. 188—189* (стихотворение рассмотрено в контексте поэтической переписки Боратынского и Коншина; датировка: 1820).

28

1

Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ,
Не испытавъ его, не льзя понять и счастья:
Живой источникъ сладострастья
Дарованъ въ немъ его сынамъ.
Однѣ-ли радости отрадны и прелестны?
Одно-ль веселье веселитъ?
Бездѣйственность души счастливцевъ тяготитъ;
Имъ силы жизни неизвѣстны.
Не намъ завидовать лѣнивымъ чувствамъ ихъ:
Что въ дружбѣ вѣтренной, въ любви однообразной
И въ ощущеніяхъ слѣпыхъ
Души разсѣянной и праздной?
Счастливцы мнимые, способны-ль вы понять
Участья нѣжнаго сердечную услугу?
Способны-ль чувствовать, какъ сладко повѣрять
Печаль души своей внимательному другу?
Способны-ль чувствовать, какъ дорогъ вѣрный другъ?
Но кто постигнутъ рокомъ гнѣвнымъ,
Чью душу тяготитъ мучительный недугъ,
Тотъ дорожитъ врачемъ душевнымъ.
Что, что даетъ любовь веселымъ шалунамъ?
Забаву легкую, минутное забвенье;
Въ ней благо лучшее дано богами намъ
И нуждъ живѣйшихъ утоленье!
Какъ будетъ сладко, милый мой,
Повѣрить нѣжности чувствительной подруги,
Скажу-ль? всѣ раны, всѣ недуги,
Все разслабленіе души твоей больной;
Забывъ и свѣтъ и рокъ суровой,
Желанья смутныя въ одно желанье слить
И на устахъ ея, въ ея дыханьи пить
Цѣлебный воздухъ жизни новой!

Хвала всевидящимъ богамъ!
Пусть мнимымъ счастіемъ для свѣта мы убоги,
Счастливцы насъ бѣднѣй, и праведные боги
Имъ дали чувственность, а чувство дали намъ.

<До мая 1820; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Повѣрь, мой милой другъ, страданье нужно намъ,
Не испытавъ его не льзя понять и щастья:
Живой источникъ сладострастья
Дарованъ въ немъ его сынамъ.
Однѣ ли радости отрадны и прелестны?
Одно ль веселье веселитъ?
Бездѣйственность души щастливцевъ тяготитъ,
Имъ силы жизни неизвѣстны.
Не намъ завидовать лѣнивымъ чувствамъ ихъ:
Что въ дружбѣ вѣтреной, въ любви однообразной,
И въ ощущеніяхъ слѣпыхъ
Души разсѣянной и праздной?
Щастливцы мнимые! способны ль вы понять
Участья нѣжнаго сердечную услугу?
Способны-ль чувствовать, какъ сладко повѣрять
Печаль души своей заботливому другу?
Способны-ль чувствовать, какъ дорогъ вѣрный другъ?
Но кто постигнутъ рокомъ гнѣвнымъ,
Чью душу тяготитъ мучительной недугъ,
Тотъ дорожитъ врачемъ душевнымъ.
Вы ищете въ любви занятіе одно,
Восторгъ проходчивый, минутное забвенье;
Въ ней благо лучшее Богами намъ дано,
И нуждъ живѣйшихъ утоленье.
Какъ будетъ сладко, милой мой,
Повѣрить нѣжности чувствительной подруги
Всѣ нужды, всю тоску, всѣ раны, всѣ недуги,

Все разслабленіе души твоей больной!
Забывъ и свѣтъ и рокъ суровой,
Желанья смутныя въ одно желанье слить,
И съ жаждою любви въ ея дыханьи пить
Цѣлебный воздухъ жизни новой!
Хвала всевидящимъ богамъ!
Пусть, мнимымъ щастіемъ для свѣта мы убоги:
Щастливцы насъ бѣднѣй, и праведные боги
Имъ дали чувственность, а чувство дали намъ.

<До мая 1820>

28.1. «Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 181—182 (№ CIII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 172—173 (раздел «Посланія») — под заглавием **«К—ну»**.

Автограф ранней редакции см. № 28.2.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 39. Л. 32 об. — 33 (без заглавия); № 42. Л. 136—136 об. (заглавие: «Коншину»). Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 31 об. — 32 (без заглавия).

Печатается с исправлением: ст. 17 *какъ дорогъ, вѣрный другъ?* → *какъ дорогъ вѣрный другъ?* (как в автографе и в первой публикации).

28.2. «Повѣрь, мой милой другъ, страданье нужно намъ...»

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 2. № 5 (Альбом «Tendresse»). Л. 30—31 (подпись: *Е. Б.)*. В автографе — исправление: в ст. 31 *ея* переделано из *ее*.

Впервые опубликовано: Сын Отечества. 1820. Ч. 66. № XLIX (ценз. разр. 16 ноября; номер датирован 4 декабря). С. 130—131 (подпись: *Е. Баратынскій. Фридрихсгамъ*) — под заглавием **«Къ Коншину»**, с опечатками (ст. 25 «Намъ будетъ» вместо «Какъ будетъ»; ст. 28 «Все размышленіе» вместо «Все разслабленіе»; ст. 29 «Забывъ и вѣкъ» вместо «Забывъ и свѣтъ») и с разночтением:

23 Намъ благо лучшее Богами въ ней дано,

Печатается с исправлениями: ст. 2 *Неиспытавъ* → *Не испытавъ* -- ст. 5 *Одни* → *Однѣ* -- ст. 15 *чувствовать* → *чувствовать,* -- ст. 27 *всѣ раны всѣ недуги,* → *всѣ раны, всѣ недуги,* -- ст. 30 *смутные* → *смутныя* -- ст. 32 *целѣбный* → *цѣлебный* (как в «Сыне Отечества» и в поздней редакции).

Датируется по соотношению с другими стихотворениями, составляющими поэтическую переписку Боратынского и Коншина в 1820 г. (см. примечания к № 27.2). Время записи стихотворения в альбом «Tendresse»: конец декабря 1820 — февраль 1821 — в это время Боратынский находился в отпуске в Маре, где только и могла быть сделана запись (см.: Летопись. С. 101—102).

Изд. 1869. С. 17—18 (текст поздней редакции под заглавием «Къ Коншину»; так же, но с вариациями заглавия, стихотворение напечатано в последующих изданиях, кроме Изд. 1915—1915; датировка: 1820; так же датировано в последующих изданиях; в ст. 30 опечатка, повторенная всеми последующими изданиями до Изд. 1914—1915: «Желанье смутное» вместо «Желанья смутныя»), *183* (варианты «Сына Отечества»; опечатки «Сына Отечества» квалифицированы как варианты; так же — в Изд. 1982. С. 429 и Изд. 2000. С. 392). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 19—20* (текст «Сына Отечества» под заглавием «Къ Коншину» с сохранением опечаток в ст. 25, 28, 29 и с исправлением ст. 30), *221* (варианты автографа — не учтен ст. 29; отмечена одна из копий Н. Л. Боратынской). -- *Материалы 1916. С. 7* (описание автографа). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 116—117* (текст поздней редакции под заглавием «Коншину»). -- *Изд. 1957. С. 57—58* (текст поздней редакции под заглавием «К—ну»). -- *Изд. 1982. С. 119—120* (текст поздней редакции без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000).

29

1

Разсѣяваетъ грусть веселый шумъ пировъ;
Вчера, за чашей круговою,
Въ семействѣ дружескомъ соратныхъ шалуновъ
Мечталъ воскреснуть я душою.

Туманъ полуночный на холмы возлегалъ,
Шатры надъ озеромъ дремали,
Лишь мы не знали сна — и пѣнистый фіалъ
Съ весельемъ буйнымъ осушали.

Но что-же? внѣ себя я тщетно жить хотѣлъ:
Вино и Вакха мы хвалили;
Но я безрадостно съ друзьями радость пѣлъ:
Восторги ихъ мнѣ чужды были.

Того не пріобрѣсть, что сердцемъ не дано,
Всесильнымъ собственною силой;
Одну печаль свою, уныніе одно
Способенъ чувствовать унылой!

<Вторая половина мая 1820 — начало января 1821; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Уныніе

Разсѣеваетъ грусть веселый шумъ пировъ:
Вчера за чашей круговою,
Въ семействѣ дружескомъ любезныхъ шалуновъ
Я уповалъ ожить душою.

Туманъ полуночный на холмы возлегалъ,
Шатры надъ озеромъ дремали,
Лишь мы не знали сна — и дружескій фіалъ
Съ весельемъ буйнымъ осушали.

Но что же? внѣ себя я тщетно жить хотѣлъ,
Вино и Вакха мы хвалили;
Но я безрадостно съ друзьями радость пѣлъ:
Восторги ихъ мнѣ чужды были.

Того не пріобрѣсть, что сердцемъ не дано;
Не вспыхнетъ жизнь въ крови остылой;
Одну печаль свою, уныніе одно
Способенъ чувствовать унылой!

<Вторая половина мая 1820 — начало января 1821>

3

Позднейшая редакция

Лагерь

Разсѣеваетъ грусть пировъ веселый шумъ,
Вчера за чашей круговою,
Средь братьевъ полковыхъ, въ ней утопивъ мой умъ
Хотѣлъ воскреснуть я душою.

Туманъ полуночный на холмы возлегалъ,
Шатры надъ озеромъ дремали,
Лишь мы не знали сна — и пѣнистый бокалъ
Съ весельемъ буйнымъ осушали.

Но что же? внѣ себя я тщетно жить хотѣлъ:
Вино и Вакха мы хвалили;
Но я безрадостно съ друзьями радость пѣлъ:
Восторги ихъ мнѣ чужды были.

Того не пріобрѣсть, что сердцемъ не дано,
Рокъ злобный къ намъ ревниво злобенъ:
Одну печаль свою, уныніе одно
Унылый чувствовать способенъ.

29.1. «Разсѣяваетъ грусть веселый шумъ пировъ...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 25 (№ XII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 36 (раздел «Элегіи. Книга вторая») — под заглавием **«Уныніе»**.

Автограф неизвестен.

Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. Л. 73 об. (заглавие: «Уныніе»).

29.2. Уныніе («Разсѣеваетъ грусть веселый шумъ пировъ...»)

Печатается по тексту первой публикации: Сын Отечества. 1821. Ч. 67. № III (ценз. разр. 11 января; номер датирован 15 января). С. 128—129 (подпись: *Е. Баратынскій*).

Из «Сына Отечества» перепечатано: Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1821. Ч. 2. С. 118—119 (подпись: *Баратынской*) — под тем же заглавием.

Датируется по времени публикации (11 января 1821 — дата ценз. разр. «Сыну Отечества», где впервые напечатано стихотворение) и на основании предположения о том, что поводом для сочинения стихотворения стало пребывание Боратынского в летнем лагере Нейшлотского полка на берегу озера Сайма под Вильманстрандом во второй половине мая — июне 1820 г. (см.: Летопись. С. 98).

29.3. Лагерь («Разсѣеваетъ грусть пировъ веселый шумъ...»)

Печатается по копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 6 об. (шифр до 1999 г.: ПД. 21733. Л. 6 об.) — первоначально стихотворение было записано в поздней редакции Изд. 1827 и Изд. 1835 под заглавием «Уныніе», а затем переправлено: заглавие «Лагерь» поставлено под зачеркнутым «Уныніе», в ст. 1, 3, 4, 7, 14, 16 новые варианты записаны поверх начальной записи.

Впервые опубликовано: Изд. 1869. С. 19 — под заглавием «Лагерь».

Печатается с исправлением: ст. 14 *злобенъ* → *злобенъ:*

С большой степенью вероятности можно предполагать, что данная редакция представляет результат переработки текста, опубликованного в Изд. 1827 и в Изд. 1835 (см. комментарии). Никакими документальными свидетельствами о времени, когда была сделана эта правка, мы не располагаем.

Изд. 1869. С. 19 и *Изд. 1884. С. 27* (текст, соответствующий копии Н. Л. Боратынской, под заглавием «Лагерь»; так же, но с вариациями заглавия, стихотворение напечатано в последующих изданиях, кроме Изд. 1914—1915; датировка: 1821; так же датировано в последующих изданиях). -- *Изд. 1869. С. 184* (варианты «Сына Отечества» и Изд. 1835). -- *Изд. 1914—1915. Т. I.*

С. 20—21 (текст «Сына Отечества»), *222* (варианты Изд. 1827, Изд. 1835 и Изд. 1869). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 22* (текст Изд. 1884 под заглавием «Уныние»; так стихотворение печаталось до Изд. 1982); *Т. II. С. 230* (отмечено наличие двух копий стихотворения, одна из которых имеет заглавие «Лагерь»; сведения о наличии другой копии, видимо, ошибочны: см. ниже пояснения к публикации стихотворения в Изд. 1957). -- *Изд. 1957. С. 338* (ссылка на копию Н. Л. Боратынской под заглавием «Лагерь»; исправления в копии некорректно названы «авторскими исправлениями»; дана точная архивная ссылка на «другую копию» Н. Л. Боратынской под заглавием «Уныние» — судя по шифру: «ИРЛИ, 21733, „Элегии", л. 6 об.», это та же самая правленая копия под заглавием «Лагерь», написанным под зачеркнутым «Уныніе»). -- *Изд. 1982. С. 22* (текст, соответствующий копии Н. Л. Боратынской, без заглавия и без указания на источник публикации; так же — в Изд. 2000), *385—386* (варианты «Сына Отечества», Изд. 1827 и Изд. 1835). -- *Изд. 1989. С. 75—76* (текст, соответствующий копии Н. Л. Боратынской под заглавием «Лагерь»), *395* (о копии Н. Л. Боратынской без обоснований сказано, что в ней «учтена позднейшая авторская правка»).

30

1

Пора покинуть, милый другъ,
Знамена вѣтренной Киприды
И неизбѣжныя обиды
Предупредить, пока досугъ.
Чьихъ ожидать увѣщеваній!
Мы лишены старинныхъ правъ
На своеволіе забавъ,
На своеволіе желаній.
Ужь отлетаетъ вѣкъ младой,
Ужь сердце опытнѣе стало:
Теперь ни въ чемъ, любезный мой,
Намъ изступленье не пристало!
Оставимъ юнымъ шалунамъ
Слѣпую жажду сладострастья;
Не упоенія, а счастья
Искать для сердца должно намъ.
Пресытясь буйнымъ наслажденьемъ,
Пресытясь ласками Цирцей,
Шепчу я часто съ умиленьемъ,
Въ тоскѣ задумчивой моей:
Нельзя-ль найти любви надежной?
Нельзя-ль найти подруги нѣжной,
Съ кѣмъ могъ-бы, въ счастливой глуши,
Предаться нѣгѣ безмятежной
И чистымъ радостямъ души;
Въ чье неизмѣнное участье
Безпечно вѣровалъ-бы я,
Случится-ль ведро иль ненастье
На перепутьѣ бытія?
Гдѣ-жь обреченная судьбою?
На чьей груди я успокою
Свою усталую главу?

Или съ волненьемъ и тоскою
Ее напрасно я зову?
Или въ печали одинокой
Я проведу остатокъ дней,
И тихій свѣтъ ея очей
Не озаритъ ихъ тьмы глубокой,
Не озаритъ души моей!

<Июль—август 1820; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

<Элегія>
(Н. М. К.)

Пора покинуть, милый другъ,
Знамена вѣтреной Киприды —
И неизбѣжныя обиды
Предупредить, пока досугъ!
Прошла пора слѣпыхъ мечтаній,
И мы лишились нашихъ правъ
На своеволіе забавъ,
На своеволіе желаній.
Ужъ отлетаетъ вѣкъ младой;
Ужъ сердце опытнѣе стало:
Теперь ни въ чемъ, другъ милой мой,
Намъ изступленье не пристало.
Оставимъ буйнымъ шалунамъ
Слѣпую жажду сладострастья!
Не упоенія, а счастья
Теперь искать ужъ время намъ.
Пресытясь грубымъ наслажденьемъ,
Пресытясь ласками Цирцей,
Шепчу я часто съ умиленьемъ
Въ тоскѣ задумчивой моей:
Нельзя ль найти любви надежной?

Нельзя ль найти подруги нѣжной,
Съ кѣмъ могъ бы въ счастливой глуши,
Предаться нѣгѣ безмятежной
И чистымъ радостямъ души,
Въ чье неизмѣнное участье
Безпечно вѣровалъ бы я —
Случится ль ведро, иль ненастье,
На перепутьи бытія?
Гдѣ жъ обреченная судьбою,
На чьей груди я успокою
Мою усталую главу?
Или, съ волненьемъ и тоскою,
Ее напрасно я зову?
Или въ печали одинокой
Я проведу остатокъ дней —
И тихой свѣтъ ея очей
Не озаритъ ихъ тьмы глубокой,
Не озаритъ души моей?...

<Июль—август 1820>

3

Особая редакция

Не льзя ль найти любви надежной,
Не льзя ль найти подруги нѣжной,
Съ кѣмъ могъ бы въ счастливой глуши
Предаться нѣгѣ безмятежной
И чистымъ радостямъ души?
Въ чье неизмѣнное участье
Безпечно вѣровалъ бы я,
Случится-ль ведро иль ненастье
На перепутьи бытія?
Гдѣ-жъ обреченная судьбою?
На чьей груди я успокою
Мою усталую главу?
Или съ волненьемъ и тоскою

Ее напрасно я зову?
Или въ печали одинокой
Я проведу остатокъ дней,
И тихой свѣтъ ея очей
Не озаритъ ихъ тьмы глубокой,
Не озаритъ души моей!

30.1. «Пора покинуть, милый другъ...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 176—177 (№ С) — с восстановлением ст. 21 по Изд. 1827.

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 62—63 (раздел «Элегіи. Книга третья») — под заглавием **«Къ ...ну»** и с разночтениями:

13 Оставимъ буйнымъ шалунамъ
17 Пресытясь грубымъ наслажденьемъ,

По Изд. 1827 перепечатано: Славянин. 1827. Ч. IV. № LII. С. 511—512 — под тем же заглавием.

Автограф ст. 21—39 см.: № 30.3.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 109 об.—110, 131—132; обе копии под заглавием «Коншину» с пропуском ст. 21.

Печатается с исправлениями: ст. 4 *Предупредить* → *Предупредить,* (как в ранней редакции — см. № 30.2). -- ст. 22 *найдти* → *найти* (как в Изд. 1827)

30.2. <Элегія> (Н. М. К.) («Пора покинуть, милый другъ...»)

Печатается по тексту первой публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № VIII (Труды ВОЛРС. Ч. XV. Кн. II) (ценз. разр. 1 августа; вышел после 8 августа). С. 237—239 (подпись: *Е. Б.)* — напечатано под № 2 вместе со стихотворением «Прощай, отчизна непогоды...» (см. № 35.2) под общим заглавием «Элегіи».

Очевидно, одна из двух «Элегий» Боратынского, опубликованных в VIII номере «Соревнователя», была заслушана в собрании Вольного общества любителей российской словесности 16 мая (резолюция: «14 избр., 1 не избр. Препровождается»), а другая 8 августа 1821 г. (резолюция: «Все избр. Препровождается») — обе под одинаковым заглавием «Элегия» (Журналы ВОЛРС. С. 398, 401), но какая именно когда — неизвестно.

Печатается с исправлениями: ст. 11 *ни въ чемъ другъ милой мой* → *ни в чемъ, другъ милой мой,* -- ст. 35 *одинакой* → *одинокой*

Датируется по времени поэтической переписки Боратынского и Н. М. Коншина: стихотворение является ответом на послание Коншина «Забудем, друг мой, шумный стан...», читанное в собрании Вольного общества любителей российской словесности 29 ноября 1820 г. под заглавием «Баратынскому (при выступлении из лагеря в деревню)» (Журналы ВОЛРС. С. 389); впервые опубликовано В. Э. Вацуро: Поэты 1820—

1830. Т. 1. С. 352). Заглавие, под которым стихотворение Коншина читалось у «соревнователей», и упоминание в ст. 1 о «шумном стане» (то есть о летнем лагере Нейшлотского полка под Вильманстрандом, где Боратынский и Коншин находились с 15 мая по 1 июля 1820 г. — см.: Летопись. С. 98—99) позволяют датировать стихотворение Коншина июлем, а стихотворение Боратынского — июлем или августом 1820 г. (см. также комментарий).

30.3. «Не льзя ль найти любви надежной...»

Печатается по автографу: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 39 (Альбом Настасьи Львовны Боратынской). Л. 143—143 об.

Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 31 об. (без заглавия; подписано: *Баратынской*) — с пропуском ст. 18 и с разночтением:

5 И яснымъ радостямъ души?

Печатается с исправлениями по Изд. 1827 и Изд. 1835: ст. 1 *надежной* → *надежной*, -- ст. 2 *нѣжной* → *нѣжной*, -- ст. 4 *Предатся* → *Предаться* -- ст. 7 *я* → *я*, -- ст. 18 *глубокой* → *глубокой*,

Основания для выделения особой редакции и датировки: 1) место записи в альбоме Н. Л. Боратынской — текст автографа начинается с середины л. 143, после стихотворения К. Н. Батюшкова «Беседка Муз», записанного также Боратынским, — следовательно, данный фрагмент помещен в альбоме как самостоятельный текст; 2) предполагаемое время записи — судя по альбомному контексту, данный фрагмент записан в период знакомства Боратынского со своей будущей женой (тогда еще — Н. Л. Энгельгардт), зимой — весной 1826, и адресован ей как отдельное стихотворение; 3) наличие копии этого фрагмента, сделанной сестрой Н. Л. Боратынской — С. Л. Путята (Энгельгардт).

Изд. 1869. С. 28—29 (текст Изд. 1835 под заглавием «Коншину» без ст. 21; так стихотворение напечатано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915; датировка: 1821; так же датировано в последующих изданиях), *187* (варианты «Соревнователя» и Изд. 1827), *375* (отмечена перепечатка в «Славянине»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 33—34* (текст «Соревнователя» под заглавием «Н. М. К[оншину]»), *230* (варианты Изд. 1827, «Славянина» и Изд. 1835; отмечено, что ст. 21 в Изд. 1835 отсутствует «по недосмотру»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 41—42* (текст Изд. 1835 под заглавием «Коншину» с восстановлением ст. 21; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1957). -- *Изд. 1957. С. 66—67* (текст Изд. 1835 под заглавием «К...ну» с восстановлением ст. 21). -- *Изд. 1982. С. 116—117* (текст Изд. 1835 без заглавия с восстановлением ст. 21 — так же в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- *Вацуро 1988. С. 158—159* (датировка: 1820). -- *Изд. 1989. С. 88, 398* (некорректная датировка: май ? 1821). -- *Летопись. С. 109* (предположение о чтении стихотворения в собрании ВОЛРС 8 августа 1821 г. под заглавием «Послание»; однако в Делах цензурного комитета ВОЛРС против «Послания», читанного 8 августа, значится: «У г. сочинителя» — см.: *Журналы ВОЛРС. С. 401*; следовательно, оно не было «препровождено» для публикации в «Соревнователе»).

31

1

Чувствительны мнѣ дружескія пѣни,
Но искренно забылъ я Геликонъ
И признаюсь: не прихотливой лѣни
Мнѣ нравится приманчивый законъ;
Охота пѣть ужь не владѣетъ мною:
Она прошла, погасла, какъ любовь.
Опять любить, играть струнами вновь,
Желалъ-бы я, но утомленъ душою.
Иль жить нельзя отрадою иною?
Съ бездѣйствіемъ любезенъ мнѣ союзъ;
Лелѣемый счастливымъ усыпленьемъ,
Я не хочу притворнымъ изступленьемъ
Обманывать ни юныхъ дѣвъ, ни Музъ.

<Август 1820 (?) — начало мая 1823; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Эпилогъ

Чувствительны мнѣ дружескія пѣни;
Но искренно забылъ я Геликонъ:
И, признаюсь, закоренѣлый въ лѣни,
Не каюся, люблю мой праздный сонъ.
Охота пѣть владѣетъ слабо мною;
Она прошла какъ перьвая любовь!
Желалъ бы я воспламениться вновь,
Но утомленъ я сердцемъ и душою.
Иль жить не льзя отрадою иною?
Я заключилъ съ бездѣйствіемъ союзъ;
Лелѣемый щастливымъ усыпленьемъ
Я не хочу притворнымъ изступленьемъ
Обманывать ни юныхъ дѣвъ, ни Музъ!

<Август 1820 (?) — начало мая 1823>

31.1. «Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 114 (№ LXIV).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 66 (раздел «Элегіи. Книга третья» — заключительное стихотворение раздела «Элегіи») — под заглавием «**Эпилогъ**».

Автограф ранней редакции см.: № 31.2.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 16 (заглавие: «Дремота»). О других копиях см. примечания к разделу «Прозаические автопереводы стихотворений на французский язык». В том же разделе см. автоперевод стихотворения на французский язык («Merci, amis, pour votre indignation flatteuse...»).

31.2. Эпилогъ («Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...»)

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 2567 (Ю. Г. Оксман). Оп. 2. № 6. Л. 1.

Впервые опубликовано: Новости Литературы. 1823. Кн. IV. № XVIII (ценз. разр. 14 мая; вышли 17 мая). С. 78 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «**Къ** ***» с вероятной опечаткой в ст. 8 («и сердцемъ» вместо «я сердцемъ»).

Печатается с исправлениями по «Новостям Литературы»: ст. 3 *И признаюсь закоренѣлый въ лѣни* → *И, признаюсь, закоренѣлый въ лѣни,* -- ст. 7 *воспламенится вновь* → *воспламениться вновь,*

Датировка проблематична: очевидно, что стихотворение написано не позднее начала мая 1823 (14 мая 1823 — дата ценз. разр. номеру «Новостей Литературы», где оно впервые опубликовано); но, как предполагал В. Э. Вацуро (см.: Вацуро 1988. С. 159), вполне вероятно, что стихотворение сочинено еще в первый год финляндской жизни Боратынского и является ответом на послание Н. М. Коншина «Куда девался мой поэт?..» (см.: Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 350; дата под посланием Коншина: 1 августа 1820). Другие стихотворения, составившие поэтическую переписку с Коншиным, см.: №№ 27, 28, 30.

Русский Инвалид. 1823. 17 мая. № 116. С. 464 (объявление о раздаче подписчикам «Новостей Литературы»).

Изд. 1869. С. 82 (текст поздней редакции без заглавия; датировка: 1827; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 44—45* (текст «Новостей Литературы» под заглавием «Къ ***»), *236* (варианты поздней редакции; датировка: 1823). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 44* (текст поздней редакции под заглавием «Эпилог»)*; Т. II. С. 117* (текст «Новостей Литературы» под заглавием «К ***»), *284* (датировка: 1822). -- *Изд. 1937. С. 82* (датировка: [1823]; так же — в последующих изданиях). -- *Изд. 1951. С. 107* (текст Изд. 1835 без заглавия). -- *Изд. 1957. С. 90—91* (текст Изд. 1827 под заглавием «Эпилог»), *343* (отмечена копия Н. Л. Боратынской). -- *Изд. 1982. С. 78* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *415* (варианты автографа РГАЛИ и «Новостей Литературы»).

32

Младыя Граціи сплели тебѣ вѣнокъ
И имъ стыдливую невинность увѣнчали,
Въ него вплести и мнѣ не льзя ли
На память миртовой листокъ?
Хранимой дружбою, онъ вѣрно не увянетъ,
Онъ лучшихъ чувствъ моихъ залогомъ будетъ ей,
Но друга вѣрнаго и были прежнихъ дней
Да поздно милая вспомянетъ,
Да поздно юныхъ сновъ утратитъ легкой рой
И скажетъ въ тихой часъ случайнаго раздумья:
Не другомъ красоты, не другомъ остроумья,
Онъ другомъ былъ меня самой.

<1820 или март—апрель 1821>

32. «Младыя Граціи сплели тебѣ вѣнокъ...»

Печатается по автографу: ПД. № 73. I м (Альбом А. В. Лутковской). Л. 8. Подпись внизу альбомного листа: *Фридри<х>сгамъ Евгеній Бора<тынскій>* (край листа оборван).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским: Известия Имп. Академии Наук. Серия VI. 1911. № 7. С. 522—523.

Печатается с исправлениями: в конце ст. 2, 5, 6, 8, 10—12 проставлены знаки препинания.

Датируется по альбомной подписи: *Фридри<х>сгамъ* — во Фридрихсгаме Боратынский жил с середины января по середину декабря 1820 и в марте — апреле 1821 (см.: Летопись. С. 428). О других стихотворениях в альбоме Лутковской см.: № 3.1 («Тебяль изобразить и ты-ль изобразима?..»), № 33 («Мила, какъ Грація; скромна...»), № 42.3 («Вы слишкомъ многими любимы...»), № 82 («Когда придется какъ нибудь...»). См. также примечание к № 33.

Стихотворение печатается в собраниях сочинений Боратынского начиная с *Изд. 1914—1915 (Т. I. С. 66)* — с иным, нежели в автографе и в публикации Б. Л. Модзалевского, правописанием окончаний прилагательных в ст. 4, 9 и 10: *миртовый*, *легкій* (*легкий*), *тихій* (*тихий*); датировка в *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 249* (датировка: 1824). -- *Изд. 1936. Т. II. С. 287* (датировка: 1823—1824; так же датировано в последующих изданиях). -- *Летопись. С. 124* (датировка: 1823).

33

Мила какъ Грацiя, скромна
Какъ Сандрильона,
Подобно ей, красой она
Достойна трона.
Прiятна лира ей моя;
Но что мнѣ въ этомъ?
Быть Королемъ желалъ-бы я,
А не Поэтомъ.

<1820 или март—апрель 1821>

33. «Мила какъ Грацiя, скромна...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 53 (№ XXIX).

Впервые опубликовано: Славянин. 1827. Ч. II. № III (ценз. разр. 15 января 1827; вышел к 22 января). Отд. 2: Словесность. С. 35 (подпись: *Баратынскiй*) — под заглавием **«Въ Альбомъ Софiи»** и с примечанием к слову «Королемъ»: «Въ оперѣ *Сандрилiона*, Король влюбляется и женится на Сандрилiонѣ».

Автограф неизвестен.

Копия в альбоме А. В. Лутковской: ПД. № 73. I м. Л. 10 (без заглавия; подпись под текстом — *Н. С.*; внизу страницы мелким почерком — *Боратынскiй*). Эта копия считалась автографом начиная с первого упоминания о ней (Модзалевский 1911. С. 522, 523).

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 61 об. (заглавие: «С. Н. Н.»).

Датируется по расположению копии стихотворения в альбоме Лутковской — через один лист после автографа стихотворения «Младыя Грацiи сплели тебѣ вѣнокъ...» (см. № 32), под которым указано место записи: *Фридри<х>сгамъ*. Во Фридрихсгаме Боратынский жил с середины января по середину декабря 1820 и в марте — апреле 1821 (см.: Летопись. С. 428). Традиционная датировка альбомной записи 1824 годом некорректна: стихотворение «Мила какъ Грацiя...» записано на л. 10; единственный текст самого Боратынского, датированный в альбоме 1824 годом, — автограф стихотворения «Когда придется какъ нибудь...» (см. № 82) — записан на л. 35, то есть через 25 листов после «Мила какъ Грацiя...»; ближайшие к «Мила какъ Грацiя...» записи, поддающиеся датировке, — стихотворения Боратынского «Младыя Грацiи сплели тебѣ вѣнокъ...» (л. 8) и Н. М. Коншина «Умомъ, любезностью своей...» (л. 4) — подписаны: *Фридрихсгамъ* (следовательно, они записаны не ранее января 1820 и не позднее апреля 1821 — см. выше); через 11 листов после «Мила какъ Грацiя...», на л. 21 — четверостишие Ф. Бычкова «Чтобы душевны качества и сердце описать...», датированное *9 февраля 1820 года*.

Русский Инвалид. 1827. 21 января. № 19. С. 76 (объявление о раздаче «Славянина» подписчикам 22 января).

Изд. 1869. С. 78 (текст, соответствующий прижизненным публикациям и копии Н. Л. Боратынской, под заглавием «Въ альбомъ»; датировка: 1827; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915, кроме Изд. 1894, где оно напечатано под заглавием «Въ альбомъ Софіи»). -- *Модзалевский 1911. С. 522, 523* (первое упоминание о записи стихотворения в альбоме А. В. Лутковской; запись отнесена к числу записей, сделанных Боратынским; процитированы ст. 1—2). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 66—67* (текст копии под заглавием «(Въ альбом Софіи)»), *249—250* (копия в альбоме Лутковской названа автографом — повторено во всех последующих изданиях, где есть ссылки на альбом Лутковской; датировка: 1824 — так же во всех последующих изданиях; некорректное предположение об адресате: С. Д. Пономарева — повторено в Изд. 1982 и Изд. 1989). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 132* (текст под заглавием «В альбом Софии»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1982); *Т. II. С. 258* (источник публикации текста не указан; копия в альбоме Лутковской не отмечена). -- *Изд. 1982. С. 39* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- *Летопись. С. 124* (датировка: 1823; предположение о том, что первые записи стихотворений Боратынского относятся к 1820—1821; отмечена некорректность адресации стихотворения С. Д. Пономаревой).

34

Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
Дубравы мирныя, священный сердцу кровъ!
Я возвращуся къ вамъ, домашнія иконы!
Пускай другіе чтутъ приличія законы;
Пускай другіе чтутъ ревнивый судъ невѣждъ;
Свободный наконецъ отъ суетныхъ надеждъ,
Отъ безпокойныхъ сновъ, отъ вѣтреныхъ желаній,
Испивъ безвременно всю чашу испытаній,
Не призракъ счастія, но счастье нужно мнѣ.
Усталый труженикъ, спѣшу къ родной странѣ
Заснуть желаннымъ сномъ, подъ кровлею родимой.
О домъ отеческій! о край всегда любимой!
Родныя небеса! незвучный голосъ мой,
Въ стихахъ задумчивыхъ, васъ пѣлъ въ странѣ чужой,
Вы мнѣ повѣете спокойствіемъ и счастьемъ.
Какъ въ пристани пловецъ, испытанный ненастьемъ,
Съ улыбкой слушаетъ, надъ бездною возсѣвъ,
И бури грозный свистъ и волнъ мятежный ревъ;
Такъ, небо не моля о почестяхъ и златѣ,
Спокойный домосѣдъ, въ моей безвѣстной хатѣ,
Укрывшись отъ толпы взыскательныхъ судей,
Въ кругу друзей своихъ, въ кругу семьи своей,
Я буду издали глядѣть на бури свѣта.
Нѣтъ, нѣтъ, не отмѣню священнаго обѣта!
Пускай летитъ къ шатрамъ безтрепетный герой;
Пускай кровавыхъ битвъ любовникъ молодой
Съ волненьемъ учится, губя часы златые,
Наукѣ размѣрять окопы боевые:
Я съ дѣтства полюбилъ сладчайшіе труды.
Прилежный, мирный плугъ, взрывающій бразды,
Почтеннѣе меча; полезный въ скромной долѣ,
Хочу воздѣлывать отеческое поле.

Оратай, ветхихъ дней достигшій надъ сохой,
Въ заботахъ сладостныхъ наставникъ будетъ мой;
Мнѣ дряхлаго отца сыны трудолюбивы
Помогутъ утучнять наслѣдственныя нивы.
А ты, мой старый другъ, мой вѣрный доброхотъ,
Усердный пестунъ мой, ты, первый огородъ
На отческихъ поляхъ разведшій въ дни былые!
Ты поведешь меня въ сады свои густые,
Деревьевъ и цвѣтовъ разскажешь имена;
Я самъ, когда съ небесъ роскошная весна
Повѣетъ нѣгою воскреснувшей природѣ,
Съ тяжелымъ заступомъ явлюся въ огородѣ;
Приду съ тобой садить коренья и цвѣты.
О подвигъ благостный! не тщетенъ будешь ты:
Богиня пажитей признательнѣй фортуны!
Для нихъ безвѣстный вѣкъ, для нихъ свирѣль и струны;
Онѣ доступны всѣмъ, и мнѣ за легкій трудъ
Плодами сочными обильно воздадутъ.
Отъ грядъ и заступа спѣшу къ полямъ и плугу;
А тамъ, гдѣ ручеекъ по бархатному лугу
Катитъ задумчиво пустынныя струи,
Въ весенній ясный день, я самъ, друзья мои,
У брега насажу лѣсокъ уединенный,
И липу свѣжую и тополь осребренный;
Въ тѣни ихъ отдохнетъ мой правнукъ молодой;
Тамъ дружба нѣкогда сокроетъ пепелъ мой,
И вмѣсто мрамора, положитъ на гробницу
И мирный заступъ мой и мирную цѣвницу.

<Осень 1820 — январь 1821; 1823—1826>

34. «Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ...»
Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 12—14 (№ IV).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 21—23 (раздел «Элегии. Книга первая») — под заглавием **«Родина»**.

Впервые опубликовано: Сын Отечества. 1821. Ч. 67. № VI (ценз. разр. 1 февраля; номер датирован 5 февраля). С. 274—276 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием **«Сельская Элегія»** с разночтениями:

6 Свободный наконецъ отъ вѣтреныхъ надеждъ,
7 Отъ безпокойныхъ сновъ, отъ суетныхъ желаній,

20 Спокойный домосѣдъ въ отечественной хатѣ,

22 Въ кругу друзей моихъ, въ кругу семьи моей,

24 Нѣтъ, нѣтъ, не премѣню священнаго обѣта!

28 Наукѣ созидать твердыни боевыя:

38 Прилежный Яковъ мой! ты, первый огородъ,

45 Приду съ тобой садить капусту и цвѣты.

49 Онѣ доступны всѣмъ, и мнѣ за тяжкой трудъ

59 И вмѣсто мрамора положить надъ гробницей
60 Мой заступъ и топоръ межъ лирой и цѣвницей.

Из «Сына Отечества» перепечатано: Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1821. Ч. 2. С. 119—121 (подпись: *Баратынской*) — под тем же заглавием «Сельская Элегія».

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 3—4 (заглавие: «Родина»).

Печатается с исправлением по Изд. 1827: ст. 4 *другія* → *другіе* -- В списке разночтений «Сына Отечества» (см. выше) исправлено: ст. 38 *ты* → *ты,*

Датируется по словам из воспоминаний Н. М. Коншина, относящимся к осени 1820 г.: «Питая надежду на скорое производство в офицеры, он обнаруживал смело перед нами желание тотчас оставить службу и поселиться дома <...> Стихотворение, написанное им во время осенних дождей и дорожных сборов, посвящено Родине: *Я возвращуся к вам, поля моих отцов* <...>» (Коншин. Изд. 1958. С. 393—394).

Изд. 1869. С. 20—21 (текст, соответствующий тексту Изд. 1827 и Изд. 1835, под заглавием «Деревня», с пропуском ст. 44; датировка: 1821 — так же датировано в последующих изданиях), *184* (варианты «Сына Отечества»; не учтены варианты ст. 6, 7, 24, 59, 60). -- *Изд. 1884. С. 29—30* (текст Изд. 1869 с восстановлением ст. 44). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 21—22* (текст «Сына Отечества» под редакторским заглавием «Родина (Сельская элегія)»; ст. 45 — по Изд. 1827 и Изд. 1835: «Приду съ тобой садить коренья и цвѣты» вместо «Приду съ тобой садить капусту и цвѣты», как в «Сыне Отечества»), *222—223* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835 с пропуском ст. 45; отмечена копия Н. Л. Боратынской из Казанского архива под заглавием «Деревня» — современное местонахождение этой копии неизвестно). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 13—14* (текст Изд. 1827: «Родина»; так стихотворение печаталось до Изд. 1982). -- *Изд.*

1982. С. 12—14 (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *384* (варианты «Сына Отечества» с пропуском ст. 45, как в Изд. 1914—1915; так же — в Изд. 1989 и в Изд. 2000). -- *Летопись. С. 100* (датировка по воспоминаниям Н. М. Коншина: 1820, сентябрь—декабрь). -- *Пильщиков 2000. С. 382* (приведен вариант ст. 45 по «Сыну Отечества»).

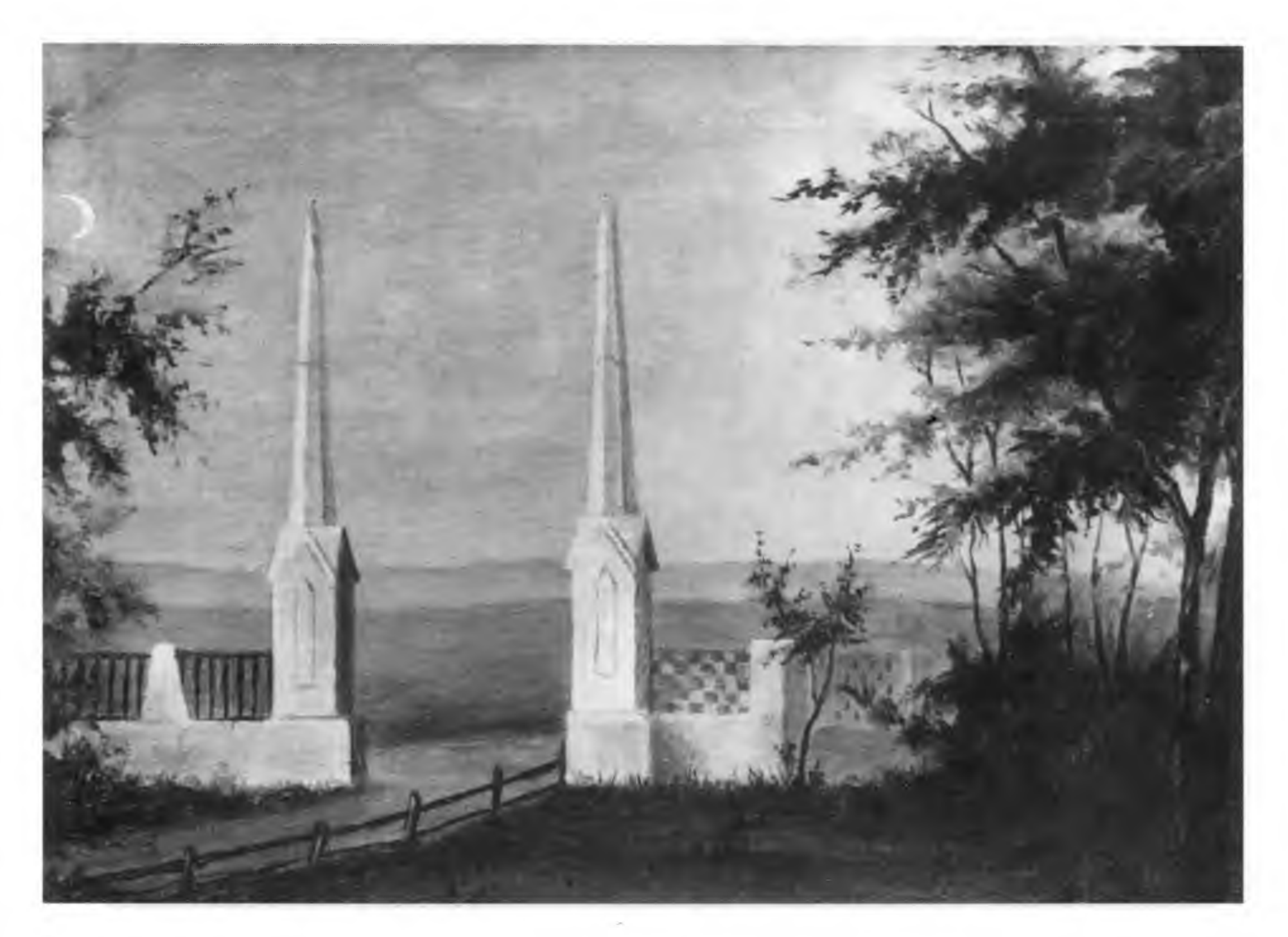
Мара. Общий вид усадьбы Боратынских.
Между церковью и въездными воротами в глубине виднеется усадебный дом (Реконструкция. Художник *В. Г. Шпильчин*, 1995 г.)

Усадебный дом Боратынских в Маре.
Построен около 1804 г.; разрушен в 1920-е гг. (Реконструкция. Художник *В. Г. Шпильчин*, 1991 г.)

Усадебная церковь в Маре.
Построена в 1816—1818 гг.; разрушена в середине 1950-х гг. (Реконструкция. Художник *В. Г. Шпильчин*, 1991 г.)

Въездные ворота в имение Боратынских. Рисунок дочери поэта Александры Евгеньевны (Копия *В. Г. Шпильчина*)

Мара. Одно из усадебных строений, традиционно называемое «грот».
Построено в 1800-е гг.; разрушено в 1918—1919 гг. (Реконструкция. Художник *В. Г. Шпильчин*, 1991 г.)

Мара. Водовозная дорога (Реконструкция. Художник *В. Г. Шпильчин*, 1995 г.)

Общий вид усадьбы Боратынских (Копия *В. Г. Шпильчина* с плохо сохранившейся фотографии начала XX века, 1995 г.)

Мара. Современные фотографии

35

1

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна,
Гдѣ дочь любимая природы,
Безжизненна весна;
Гдѣ солнце не хотя сіяетъ,
Гдѣ сосенъ вѣчный шумъ,
И моря ревъ, и все питаетъ
Безумье мрачныхъ думъ;
Гдѣ отлученный отъ отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогалъ безъ укоризны
Изгнанникъ молодой;
Гдѣ позабытъ молвой гремучей,
Но все душой піитъ,
Своею Музою летучей
Онъ не былъ позабытъ!
Теперь, для сладкаго свиданья
Спѣшу къ странѣ родной;
Въ воображеньи край изгнанья
Послѣдуетъ за мной:
И камней мшистыя громады,
И видъ полей нагихъ,
И вѣковые водопады,
И шумъ угрюмый ихъ!
Я вспомню съ тайнымъ сладострастьемъ
Пустынную страну,
Гдѣ я въ размолвкѣ съ тихимъ счастьемъ
Провелъ мою весну,
Но гдѣ порою житель неба,
На перекоръ судьбѣ,
Не измѣнилъ питомецъ Феба
Ни Музамъ, ни себѣ.

<Осень 1820 — до начала августа 1821; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

<Элегія>

Прощай, отчизна непогоды,
Угрюмая страна,
Гдѣ мраченъ видъ нагой природы,
Безжизненна весна,
Гдѣ солнце пасмурно сіяетъ,
Гдѣ сосенъ вѣчный шумъ
И моря ревъ — и все питаетъ
Безумье мрачныхъ думъ;
Гдѣ, отлученный отъ отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогалъ безъ укоризны
Изгнанникъ молодой;
Гдѣ, шумнымъ свѣтомъ позабытой,
Но все душой піитъ,
Своею Музой домовитой
Онъ не былъ позабытъ!
Порой печальны пѣсни были:
Хвала, о Музы, вамъ —
Вы, благосклонныя, любили
Внимать моимъ струнамъ!
Теперь, для сладкаго свиданья,
Спѣшу къ странѣ родной;
Въ воображеньи край изгнанья
Послѣдуетъ за мной:
И камней мшистыя громады,
И видъ полей нагихъ,
И вѣковые водопады,
И шумъ немолчный ихъ...
Я вспомню съ грустнымъ сладострастьемъ
Печальную страну,
Гдѣ я, въ размолвкѣ съ милымъ счастьемъ,
Провелъ мою весну —
Но гдѣ, порой властитель неба,

На перекоръ Судьбѣ,
Не измѣнилъ питомецъ Феба
Ни Музамъ, ни себѣ.

<Осень 1820 — до начала августа 1821>

35.1. «Прощай, отчизна непогоды...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 112—113 (№ LXIII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 44—45 (раздел «Элегіи. Книга вторая») — под заглавием **«Отъѣздъ»**.

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 39. Л. 96 (без заглавия) — с пропуском ст. 21—24 и с разночтением:

3 Гдѣ на развалинахъ природы

Другая копия Н. Л. Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 20 об. — 21 (заглавие: «Отъѣздъ»). Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 13—13 об. (заглавие: «Отъѣздъ») — с сомнительными разночтениями: ст. 14 «еще піитъ» вместо «душой піитъ» -- ст. 29 «И гдѣ» вместо «Но гдѣ».

35.2. <Элегія> («Прощай, отчизна непогоды...»)

Печатается по тексту первой публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № VIII (Труды ВОЛРС. Ч. XV. № II) (ценз. разр. 1 августа). С. 236—237. Под общим заглавием **«Элегіи»** напечатано: № 1. «Прощай, отчизна непогоды...»; № 2. «(Н. М. К.)» («Пора покинуть, милый другъ...»); подпись под вторым стихотворением: *Е. Б.*

Очевидно, одна из двух «Элегий» Боратынского, опубликованных в № VIII «Соревнователя», была заслушана в собрании Вольного общества любителей российской словесности 16 мая 1821 г. (резолюция: «14 избр., 1 не избр. Препровождается»), а другая 8 августа 1821 г. (резолюция: «Все избр. Препровождается») — обе под одинаковым заглавием «Элегия» (Журналы ВОЛРС. С. 398, 401), но какая именно когда — неизвестно.

Датируется, во-первых, по словам из воспоминаний Н. М. Коншина, относящимся к осени 1820 г.: «Питая надежду на скорое производство в офицеры, он обнаруживал смело перед нами желание тотчас оставить службу <...> Почти убежденный в том, что не воротится в Финляндию, он обратил к ней прощальную песнь свою, грустную, как осеннее небо, над ним тяготевшее: *Прощай, отчизна непогоды* <...>» (Коншин. Изд. 1958. С. 393—394); во-вторых, по времени публикации: стихотворение «Прощай, отчизна непогоды...» напечатано в том же VIII номере «Соревнователя», что и стихотворение «Цветок», читанное в собрании Вольного общества любителей российской словесности 8 августа 1821 г. (см.: Журналы ВОЛРС. С. 401).

Изд. 1869. С. 30 (текст поздней редакци под заглавием «Отъѣздъ»; датировка: 1821; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *188* (варианты «Соревнователя»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 30—31* (текст «Соревнователя» под редакторским заглавием «Отъѣздъ (Элегія)»), *228* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835 и копии Н. Л. Боратынской). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 28* (текст Изд. 1827: «Отъезд»; так стихотворение печаталось до Изд. 1982); *Т. II. С. 112* (ст. 17—21 «Соревнователя»). -- *Изд. 1957. С. 341* (со ссылкой на *Документы ВОЛРС. С. 357*, но без аргументации отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 16 мая 1821 г.; повторено в Изд. 1982. С. 602 и в Изд. 1989. С. 397). -- *Изд. 1982. С. 77—78* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *414—415* (варианты «Соревнователя»).

36

Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найдти
Въ сей жизни блаженство прямое;
Небесные боги не дѣлятся имъ
Съ земными дѣтьми Прометея.

Похищенной искрой созданье свое
Дерзнулъ оживить безразсудный;
Безсмертныхъ онъ презрѣлъ и страшная казнь
Постигнула чадъ святотатства.

Нашъ тягостный жребій: положенный срокъ
Питаться болѣзненной жизнью,
Любить и лелѣять недугъ бытія,
И смерти отрадной страшиться.

Нужды непреклонной слѣпые рабы,
Рабы самовластнаго рока!
Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
Случайная жизнь покоряетъ.

Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь,
Намъ памятно небо родное,
Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
Стремимся неяснымъ желаньемъ!...

Вотще! Мы надолго отвержены имъ!
Сіяетъ красою надъ нами,
На бренную землю, безпечно оно
Торжественный сводъ опираетъ....

Но намъ недоступно! Какъ алчный Танталъ
Сгараетъ средь влаги прохладной:
Такъ сердцемъ постигнувъ блаженнѣйшій міръ,
Томимся мы жаждою счастья.

<Конец 1820 (?) — сентябрь 1821>

36. «Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найдти...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 121 —122 (№ LXVII).

В Изд. 1827 (С. 109—110; раздел «Смѣсь») напечатано под заглавием **«Дельвигу»**.

Впервые опубликовано: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № X (Труды ВОЛРС. Ч. XVI. Кн. I) (ценз. разр. 30 сентября; вышел до 1 ноября). С. 78—79 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием **«Къ Делію. Ода. (Съ Латинскаго)»** с разночтениями:

1 Напрасно мы, Делій, мечтаемъ найти

10 Томиться болезненной жизнью,

Автограф ст. 9—12: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 54 — с разночтением:

9 Нашъ жребій бѣзъ <так> цѣли положенный срокъ

Копия ст. 9—12: РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 45 (Альбом С. Д. Пономаревой). Л 39 об. — с искажением: ст. 1 и 2 написаны в одну строку с пропуском слов: «Нашъ жребій — положенный срокъ, питаться болѣзненной жизнью».

Копии Настасьи Львовны Боратынской под заглавием «Дельвигу»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 108 об. — 109, 130—131.

Печатается с исправлением по Изд. 1827: ст. 4 *Прометеи* → *Прометея*

Датируется, во-первых, на основании предположения о том, что именно это стихотворение под заглавием «Дельвигу» было читано вместе с поэмой «Пиры» 13 декабря 1820 г. в собрании Вольного общества любителей российской словесности (резолюция: «Одобрено. Избрано» — см.: Журналы ВОЛРС. С. 390), во-вторых, по дате ценз. разр. «Соревнователю», где стихотворение впервые опубликовано, — 30 сентября 1821 г. Никакие другие послания к Дельвигу в конце 1820 и в течение 1821 г. в журналах заседаний и в делах ценз. комитета общества не зафиксированы и в «Соревнователе» не опубликованы.

Выход «Соревнователя» датируется временем до 1 ноября 1821, так как в нем напечатано объявление (С. 92) о том, что подписка на новое издание басен и сказок А. Е. Измайлова прекращается 1 ноября.

Изд. 1869. С. 32 (текст под заглавием «Дельвигу»; датировка: 1821; так стихотворение печаталось в последующих изданиях, кроме Изд. 1914—1915, — до Изд. 1982; датировка: 1821; так стихотворение датировано в последующих изданиях). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 32* (текст «Соревнователя» под заглавием «Къ Делію. Ода. (Съ латинскаго)»), *229* (разночтения Изд. 1827 и Изд. 1835). -- *Медведева 1936. С. 120* (текст ст. 9—12 по автографу в альбоме П. Л. Яковлева). -- *Изд. 1936. Т. II. С. 243* (указание на автограф ст. 9—12 в альбоме П. Л. Яковлева). -- *Изд. 1982. С. 84* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- *Вацуро. СДП. С. 179—180* (отмечена запись ст. 9—12 в альбоме С. Д. Пономаревой). -- *Летопись. С. 101* (предположение о чтении стихотворения в ВОЛРС 13 декабря 1820 г.).

37

1

Елизiйскiя поля

Бѣжитъ невѣрное здоровье,
И каждый часъ готовлюсь я
Свершить послѣднее условье,
Законъ послѣднiй бытiя;
Ты не спасешь меня, Киприда!
Пробьютъ урочные часы
И низойдетъ къ брегамъ Аида
Пѣвецъ веселья и красы.

Простите, вѣтренные други,
Съ кѣмъ беззаботно въ жизни сей
Дѣлилъ я шумные досуги
Разгульной юности моей!
Я не страшуся новоселья;
Гдѣ-бъ ни жилъ я, мнѣ все равно:
Тамъ тоже славить отъ бездѣлья
Я стану дружбу и вино.
Не измѣнясь въ подземномъ мiрѣ,
И тамъ, на шаловливой лирѣ,
Превозносить я буду вновь
Покойной Дафнѣ и Темирѣ
Неприхотливую любовь.

О Дельвигъ! слезы мнѣ не нужны;
Вѣрь: въ закоцитной сторонѣ
Прiемъ радушный будетъ мнѣ:
Со мною музы были дружны!
Тамъ, въ очарованной тѣни,
Гдѣ благоденствуютъ поэты,
Прочту Катуллу и Парни
Мои небрежные куплеты,
И улыбнутся мнѣ они.

Когда изъ таинственной сѣни,
Отъ темныхъ Орковыхъ полей,
Здѣсь навѣщать своихъ друзей
Порою могутъ наши тѣни,
Я навѣщу, о други, васъ;
Сыны забавы и веселья!
Когда для шумнаго похмѣлья
Вы соберетесь въ праздный часъ,
Приду я съ вами Вакха славить;
А къ вамъ молитва объ одномъ:
Приборъ покойнику оставить
Не позабудьте за столомъ.

Межь тѣмъ за тайными брегами,
Друзей вина, друзей пировъ,
Веселыхъ добрыхъ мертвецовъ
Я подружу заочно съ вами.
И вамъ, чрезъ день или другой,
Законъ губительный Зевеса
Велитъ покинуть міръ земной;
Мы встрѣтимъ васъ у вратъ Айдеса
Знакомой дружеской толпой;
Наполнимъ радостныя чаши,
Хвала свиданью возгремитъ
И огласятъ привѣты наши
Весь необъемлемый Аидъ!

<1820 — начало 1825; 1825—1826>

2

Ранняя редакция

Елисейскія поля

Бѣжитъ невѣрное здоровье,
И каждый часъ готовлюсь я
Свершить послѣднее условье,
Законъ послѣдній бытія.

Ты не спасешь меня, Киприда;
Пробьютъ урочные часы,
И низойдетъ къ брегамъ Аида
Пѣвецъ веселья и красы.

Простите, вѣтреные други,
Съ кѣмъ беззаботно въ жизни сей
Дѣлилъ я шумные досуги
Веселой юности моей!
Я не страшуся новоселья,
Гдѣбъ ни жилъ я, мнѣ все равно;
И тамъ я буду отъ бездѣлья
Хвалить забавы и вино.
Не измѣнясь въ подземномъ мірѣ,
И тамъ порой на тихой лирѣ
Превозносить я буду вновь
Покойной Дафнѣ и Темирѣ
Неприхотливую любовь.

О Д... слёзы мнѣ не нужны;
Любимъ я жребіемъ — и весь
Я не умру ни тамъ, ни здѣсь:
Со мною Музы были дружны.
Не жалки мнѣ земные дни!
У тихихъ водъ спокойной Леты
Прочту Катуллу и Парни
Мои небрежные куплеты —
И улыбнутся мнѣ они.

Когда изъ таинственной сѣни,
Отъ темныхъ Орковыхъ полей,
Здѣсь навѣщать своихъ друзей
Порою могутъ наши тѣни —
Я навѣщу, о други, васъ,
Сыны забавы и веселья!
Когда для шумнаго похмѣлья
Вы соберетесь въ праздный часъ,
Приду я съ вами Вакха славить,

А къ вамъ — молитва объ одномъ:
Приборъ покойнику оставить
Не позабудьте за столомъ.

Межь тѣмъ за тайными брегами
Друзей вина, друзей пировъ,
Веселыхъ, добрыхъ мертвецовъ
Я подружу заочно съ вами.
И вамъ, извѣстною порой
Законъ губительный Зевеса
Велитъ оставить міръ земной:
Мы встрѣтимъ васъ у вратъ Айдеса
Знакомой, дружеской толпой,
Наполнимъ радостныя чаши,
Хвала свиданью возгремитъ,
И огласятъ привѣты наши
Весь необъемлемый Аидъ.

<1820 — начало 1825>

37.1. Елизійскія поля («Бѣжитъ невѣрное здоровье...»)

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 97—99 (№ LVI).

В этой редакции стихотворение впервые опубликовано: Изд. 1827 (С. 52 — 54; раздел «Элегіи. Книга третья») — под заглавием **«Элизійскія поля»** с разночтением:

40 А къ вамъ прошенье объ одномъ:

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 21 об. — 22 об. (заглавие: «Элизійскія поля») — с разночтением:

27 [Гдѣ благоденствуютъ] У струй, гдѣ нѣжатся поэты,

Печатается с исправлением по Изд. 1827: ст. 15 *Тамъ-тоже* → *Тамъ тоже*

37.2. Елисейскія поля («Бѣжитъ невѣрное здоровье...»)

Печатается по тексту первой публикации: Полярная Звезда на 1825 год (ценз. разр. и ценз. билет 20 марта 1825). С. 103—105 (подпись: *Б.*; в оглавлении: *Б——го*).

Печатается с исправлением: в конце ст. 44 поставлена запятая (как в Изд. 1835).

Датируется по словам самого Боратынского в письме к И. И. Козлову от конца марта — начала апреля 1825 г. о том, что «Елисейские поля» написаны «года четыре» назад (Изд. 1951. С. 481).

Северная Пчела. 1825. 21 марта. № 35. С. 1 (объявление о выходе «Полярной Звезды на 1825 год»; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 24*). -- *Могилянский 1956. С. 394* (дата выдачи ценз. билета «Полярной Звезде»).

Изд. 1869. С. 61—63 и *Изд. 1884. С. 91—93* (текст поздней редакции, соответствующий копии Н. Л. Боратынской, но с ошибочным чтением ст. 2: «И каждый день готовлюсь я»; заглавие: «Елизѣйскія поля»; датировка: 1825; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *198* (разночтения «Полярной Звезды», Изд. 1827 и Изд. 1835). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 72—74* (текст Изд. 1827 с ошибочным чтением ст. 2 по Изд. 1869: «И каждый день готовлюсь я»; заглавие: «Элизiйскія поля»), *253—254* (варианты «Полярной Звезды», Изд. 1835, Изд. 1869; датировка: 1824). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 31—32* (текст Изд. 1884, с исправлением ст. 2; заглавие: «Элизiйскія поля»). -- *Изд. 1951. С. 152—153* (текст Изд. 1835: «Элизийские поля»; так стихотворение напечатано в последующих изданиях), *480—482* (письмо Боратынского к И. И. Козлову напечатано по автографу из личного архива К. В. Пигарева; датировка письма: апрель 1825). -- *Изд. 1957. С. 66, 337* (датировка: 1820 или 1821 — по письму Боратынского к Козлову). -- *Изд. 1982. С. 410—411* (разночтения «Полярной Звезды», Изд. 1827 и Изд. 1884). -- *Изд. 1989. С. 94* (датировка: 1821 ?). -- *Летопись. С. 154* (датировка письма к И. И. Козлову: 1825, март, после 29 — апрель, начало).

38

Такъ! отставнаго шалуна
Вы вновь шалить не убѣждайте,
Иль золотыя времена
Младыхъ затѣй ему отдайте!

Перемѣняютъ годы насъ
И съ нами вмѣстѣ наши нравы:
Отъ всей души люблю я васъ;
Но ваши чужды мнѣ забавы.

Ужь Вакхъ, увѣнчанный плющомъ,
Со мной по улицамъ не бродитъ,
И къ вашимъ Нимфамъ, вечеркомъ
Меня шатаясь не заводитъ.

Весельчакамъ я заперъ дверь,
Я пресыщенъ ихъ буйнымъ счастьемъ,
И замѣнилъ его теперь
Пристойнымъ, тихимъ сладострастьемъ.

Въ пылу начальномъ дней младыхъ
Неодолимы наши страсти:
Проказимъ мы, но мы у нихъ,
Не у себя тогда во власти.

Въ своей отвагѣ молодой
Товарищъ вашъ блажилъ довольно;
Не видитъ онъ нужды большой
Вновь сумасбродить добровольно.

<1820—1821 (?)>

38. «Такъ! отставнаго шалуна...»

Печатается по изд.: Изд. 1835. Ч. I. С. 90—91 (№ LI).

Впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 105—106 (раздел «Смѣсь») — под заглавием **«Товарищамъ»**.

Печатается с исправлением: ст. 13 *Весельчакамь* → *Весельчакамъ*

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 107 об. — 108, 132 — обе под заглавием «Товарищамъ», очевидно, отражают черновую правку неизвестного автографа:

Отставнаго шалуна
Вновь шалить не убѣждайте,
Иль златыя времена
Юныхъ шалостей отдайте!

Измѣняютъ годы насъ,
За одно и наши нравы:
Отъ [всей] души люблю я васъ;
Но не прежнія забавы.

Ужь Вакхъ, увѣнчанный плющомъ,
Со мной по улицам не бродитъ,
И шатаясь, вечеркомъ
Къ вашимъ Нимфамъ не заводитъ.

Я гулякамъ заперъ дверь,
Я пресыщенъ ихъ буйнымъ счастьемъ,
И замѣнилъ его теперь
Пристойнымъ, тихимъ сладострастьемъ.

Въ первомъ буйствѣ юныхъ дней
Неудержны наши страсти:
И такъ мы не въ своей
Въ неоспоримой ихъ власти.

Въ своей отвагѣ молодой
Товарищъ вашъ блажилъ довольно;
Не видитъ онъ нужды большой
Вновь сумасбродить добровольно.

Впервые текст, соответствующий копии Н. Л. Боратынской, опубликован: Изд. 1869. С. 85—86 — под тем же заглавием «Товарищамъ» и с разночтениями (редакторская попытка избавиться от ямбов?):

7 Отъ души люблю я васъ,
9 Вакхъ, увѣнчанный плющемъ,
19 И тогда мы не въ своей

Датируется предположительно — по сходству с поэтикой и стилистикой стихотворений 1820—1821 гг.: «Пора покинуть, милый другъ...», № 30.2; «Больной», № 39; «Булгарину», № 46.2 (аналогичную аргументацию см.: Изд. 1957. С. 341; Изд. 1982. С. 597; Летопись. С. 102).

Изд. 1869. С. 85—86 (текст, соответствующий копиям Н. Л. Боратынской — см. выше); датировка: 1827; так стихотворение датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *204* (разночтения Изд. 1827 и Изд. 1835). -- *Изд. 1884. С. 137—138* (текст Изд. 1827 под заглавием «Товарищамъ»; так же — в последующих изданиях до Изд. 1982); *Приложение. С. 28* (по ошибке напечатаны разночтения Изд. 1827 и Изд. 1835 к тексту, опубликованному в Изд. 1869). -- *Брюсов 1900а. С. 546* (предположение о том, что текст Изд. 1869 отражает раннюю редакцию стихотворения). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 268—269* (разночтения черновой редакции по одной из копий Н. Л. Боратынской; предположение о том, что эти разночтения — следствие незаконченной переработки текста, опубликованного в Изд. 1827 и Изд. 1835; датировка: 1826). -- *Изд. 1957. С. 341* (датировка: 1821; так же датировано в последующих изданиях). -- *Изд. 1982. С. 62—63* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000).

39

Больной

Други! радость измѣнила,
Предо мною мраченъ путь,
И болѣзнь мнѣ положила
Руку хладную на грудь.
Други! станьте вкругъ постели.
Гдѣ утѣхъ златые дни?
Быстро, быстро пролетѣли
Тѣнью легкою они.
Все прошло; вашъ другъ печальный
Вянетъ въ жизни молодой,
Съ новымъ утромъ погребальный,
Можетъ быть, раздастся вой
И раздвинется могила,
И заснетъ, недвижный, онъ,
И твое лобзанье, Лила!
Не прерветъ холодный сонъ.
Что нужды! до новоселья
Поживемъ и пошалимъ,
Въ память прежняго веселья
Шумный кубокъ осушимъ.
Намъ судьба велитъ разлуку...
Какъ же быть, друзья? вздохнуть,
На распутьи сжать мнѣ руку!
И сказать: счастливый путь.

<До середины февраля 1821>

39. Больной («Други! радость измѣнила...»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Сын Отечества. 1821. Ч. 68. № VIII (ценз. разр. 15 февраля; номер датирован 19 февраля). С. 37 (подпись: *Баратынскій*).

Автограф неизвестен. По свидетельству М. Л. Гофмана, автограф стихотворения в

1914 г. находился в книжном магазине Н. В. Соловьева в Санкт-Петербурге (см.: Изд. 1914—1915. Т. I. С. 223; Т. II. С. 278); см. также в каталоге магазина: «№54. Баратынскій (Boratinsky). Стихотвореніе-автографъ "Больной". Безъ даты. 1 листъ писчей бумаги мал. 4° (текстъ на 4-хъ стр.). Очень рѣдкій автографъ. <...> 50 [р.]» (Антикварная книжная торговля Н. В. Соловьева. Каталог № 122: Автографы и рукописи. [СПб., 1913; дата на обложке: 16 января 1913]. С. 5).

Датируется по времени публикации.

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Сыне Отечества»). -- *Изд. 1894. С. 26—27* (стихотворение впервые включено в собрание сочинений Боратынского).

40

1

Пѣсня

Страшно воетъ, завываетъ
Вѣтръ осенній;
По поднебесью далече
Тучи гонитъ.

На часахъ стоитъ печаленъ
Юный ратникъ;
Онъ уносится за ними
Грустной думой.

О, куда, куда васъ, тучи,
Вѣтеръ гонитъ?
О, куда ведетъ судьбина
Горемыку?

Тошно жить мнѣ: мать родную
Я покинулъ!
Тошно жить мнѣ: съ милой сердцу
Я разстался!

«Не грусти!» душа дѣвица
Мнѣ сказала.
«За тебя молиться будетъ
Другъ твой вѣрный.»

Что въ молитвахъ? я въ чужбинѣ
Дни скончаю.
Возвращусь-ли? взоръ твой друга
Не признаетъ.

Не видать въ лицо мнѣ счастья:
Жить на что мнѣ?
Дай пріютъ, земля сырая,
Разступися.

Онъ поетъ; никто не слышитъ
Словъ печальныхъ....
Ихъ разноситъ, заглушаетъ
Вѣтеръ бурный.

<До марта 1821; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Руская пѣсня

Страшно воетъ, завываетъ
Вѣтръ осенній;
Тучи черныя по небу
Въ даль несутся.

На часахъ стоитъ печально
Юный ратникъ;
Онъ несется въ слѣдъ за ними
Грустной думой.

О, куда васъ, черны тучи,
Вѣтеръ гонитъ?
О, куда влечетъ судьбина
Горемыку?

Тошно жить мнѣ: мать родную
Я покинулъ!
Тошно жить мнѣ: съ милой сердцу
Я разстался!

Не грусти! душа дѣвица
Мнѣ сказала.
За тебя молиться будетъ
Другъ твой вѣрный.

Что въ молитвахъ? я въ чужбинѣ
Дни окончу.
Возвращусь ли? взоръ твой друга
Не признаетъ.

Не видать въ лице мнѣ счастья:
Что же въ жизни?
Дай прiютъ, земля сырая,
Разступися!

Онъ поетъ — никто не слышитъ
Словъ печальныхъ;
Ихъ разноситъ, заглушаетъ
Вѣтеръ бурный.

<До марта 1821>

40. Пѣсня («Страшно воетъ, завываетъ...»)

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 26—27 (№ XIII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 89—90 (раздел «Смѣсь») — под заглавием **«Русская пѣсня»** с разночтениями:

5 На часахъ стоитъ печально
22 Дни окончу.

По Изд. 1827 перепечатано: Новейшее собрание отборнейших Песен и Романсов. М., 1829. С. 102—103 (без подписи) — без заглавия и с опечаткой в ст. 17 («Не грустись»); Венера. М., 1831. Ч. 2. С. 86—88 (подпись: *Баратынскiй*) — под заглавием «Русская пѣсня»; Эвтерпа. М., 1831. С. 142—144 (подпись: *Е. Баратынскiй*) — без заглавия и с ошибкой в ст. 15 («Тошно жить мнѣ съ милой сердцу»); Песни, Романсы и куплеты из Водевилей. М., 1833. С. 42—44 (подпись: *Е. Баратынскiй*) — без заглавия, с той же ошибкой в ст. 15 и с изменением в ст. 21 («Безполезно? я въ чужбинѣ»); Арфа Златострунная. М., 1835 (подпись: *Баратынскiй*) — без заглавия; Полный новейший песенник: В 13 ч. / Собр. И. [Г.] Гурьяновым. М., 1835. Ч. 3: Песни простона-

родные и хороводные. С. 38—40 (подпись: *Е. Баратынскiй*) — без заглавия, с изменением в ст. 32 («Вѣтеръ буйный» вместо «Вѣтеръ бурный»); Там же. М., 1835. Ч. 12: Романсы избранные новейшие. С. 135—136 (без подписи) — без заглавия и с пропуском ст. 21—24; Венок Граций. М., 1838. С. 46—48 (подпись: *Е. Баратынскiй*) — под заглавием «Русская пѣсня», с тем же изменением в ст. 32.

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 18—19 (заглавие: «Русская пѣсня»).

40.2. Руская пѣсня («Страшно воетъ, завываетъ...»)

Печатается по тексту первой публикации: Сын Отечества. 1821. Ч. 68. № X (ценз. разр. 1 марта; номер датирован 5 марта). С. 134—135 (подпись: *Баратынской*).

Перепечатано: Собрание Образцовых Русских Сочинений и Переводов в Стихах. Изд. 2-е. СПб., 1822. Ч. 4. С. 285—286 (подпись: *Баратынской*) — под заглавием «Руская элегiя».

Датируется по времени публикации.

Изд. 1869. С. 22—23 (текст поздней редакции под заглавием «Пѣсня»; так стихотворение печаталось до Изд. 1914—1915; датировка: 1821; так датировано во всех последующих изданиях), *185* (варианты «Сына Отечества» и Изд. 1827 — не полностью). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 23—24* (текст ранней редакции под заглавием «Русская пѣсня»), *223—224* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; отмечены перепечатки в «Венере», «Эвтерпе», «Полном новейшем песеннике», «Венке Граций»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 60—61* (текст Изд. 1835 под заглавием «Русская песня»). -- *Изд. 1951. С. 83—84* (текст Изд. 1835 под заглавием «Песня»; так же — в последующих изданиях). -- *Изд. 1982. С. 386* (разночтения «Сына Отечества» и Изд. 1827 — полностью).

41

1

Одинъ, и пасмурный душою,
Я предъ окномъ сидѣлъ;
Свистѣла буря надо мною
И глухо дождь шумѣлъ.

Ужь поздно было, ночь сгустилась;
Но сонъ бѣжалъ очей,
О дняхъ минувшихъ пробудилась
Тоска въ душѣ моей.

«Увижу-ль васъ, поля родныя,
«Увижу-ль васъ, друзья?
«Губя печалью дни младые,
«Примѣтно вяну я!

«Дни пролетаютъ, годы тоже;
«Межь тѣмъ бѣднѣетъ свѣтъ!
«Давно-ль покинулъ васъ — и что-же?
«Двоихъ ужь въ мірѣ нѣтъ!

«И мнѣ назначена могила!
«Умру въ чужой странѣ,
«Умру и вѣтренная Лила
«Не вспомнитъ обо мнѣ!»

Душа стѣснилася тоскою;
Я грустно онѣмѣлъ,
Склонился на руку главою,
Въ окно не зря глядѣлъ.

Очнулся я; румянъ и свѣтелъ
Ужь новый день сіялъ,
И громкой пѣснью ранній пѣтелъ
Мнѣ утро возвѣщалъ.

<1821; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Бдѣніе

Одинъ съ любимою мечтою
Въ свѣтлицѣ я сидѣлъ;
Свистала буря надо мною
И глухо дождь шумѣлъ.

Ужъ поздно было; ночь сгустилась;
Но сонъ бѣжалъ очей:
О дняхъ минувшихъ пробудилась
Тоска въ душѣ моей.

Увижу-ль васъ, поля родныя?
Увижу-ль васъ, друзья?
Губя печалью дни младые,
Примѣтно вяну я.

Грущу сегодня — завтра тоже:
Межь тѣмъ бѣднѣетъ свѣтъ.
Давно-ль покинулъ васъ, и что же?
Двоихъ ужъ въ мірѣ нѣтъ!

И мнѣ назначена могила...
Умру въ чужой странѣ!
И легкомысленная Лила
Не вспомнитъ обо мнѣ!

Душа стѣснилася тоскою;
Я грустно онѣмѣлъ;
Оперся на руку главою,
Въ окно не зря глядѣлъ.

Очнулся я: румянъ и свѣтелъ
Ужъ новый день сіялъ —
И звучной пѣснью громкой пѣтелъ
Мнѣ утро возвѣщалъ.

<До начала марта 1821>

3

Ранняя редакция

Тоска

Одинъ за чашей пуншевою
Въ свѣтлицѣ я сидѣлъ,
Свистѣла буря надо мною
И глухо дождь шумѣлъ.

Ужь поздно было; ночь сгустилась;
Но сонъ бѣжалъ очей;
О дняхъ минувшихъ пробудилась
Тоска въ душѣ моей.

Увижуль васъ, поля родныя?
Увижуль васъ, друзья?
Губя печалью дни младые,
Примѣтно вяну я.

Грущу сего дня, завтра тоже;
Межь тѣмъ бѣднѣетъ свѣтъ!
Давноль покинулъ васъ... и что же?
Двоихъ ужь въ мірѣ нѣтъ!

Опустошенный смертью злобной
Печаленъ домъ отцовъ,
И замѣняетъ плачь надгробной
Веселый шумъ пировъ.

И мнѣ назначена могила;
Умру въ чужой странѣ;
И легкомысленная Лила
Не вспомнитъ обо мнѣ!

Душа стѣснилася тоскою:
Знать горе мой удѣлъ!
Оперся на руку главою,
Въ окно, не зря, глядѣлъ.

Очнулся я — румянъ и свѣтелъ
Ужъ новый день сіялъ,
И звучной пѣснью громкій пѣтелъ
Мнѣ утро возвѣщалъ.

<До начала июня 1821>

41.1. «Одинъ, и пасмурный душою...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 65—66 (№ XXXVI).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 38—39 (раздел «Элегіи. Книга вторая») — под заглавием **«Бдѣніе»** с разночтениями:

2 Я близъ окна сидѣлъ;
8 Мечта въ душѣ моей.

По Изд. 1827 перепечатано: Венера. М., 1831. Ч. 2. С. 68—69 (подпись: *Баратынскій*) — под тем же заглавием.

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 10 об. — 11 (заглавие: «Бдѣніе») — с ошибкой в ст. 14 («блѣднѣетъ» вместо «бѣднѣетъ» — так же в «Русском Инвалиде»; см. примечание к № 41.3) и с разночтением:

7 О дальномъ дѣтствѣ пробудилась

41.2. Бдѣніе («Одинъ с любимою мечтою...»)

Печатается по тексту первой публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № IV (Труды ВОЛРС. Ч. XIV. Кн. I) (ценз. разр. 7 марта; вышел после 28 марта). С. 61—62 (подпись: *Е. Б.*).

Печатается с исправлениями: ст. 9, 10 *васъ* → *васъ*, -- ст. 26 *петелъ* → *пѣтелъ*

Датируется по цензурному разрешению «Соревнователя», выданному в тот же день — 7 марта 1821 г., когда стихотворение под заглавием «Бдение» было читано в собрании Вольного общества любителей российской словесности — вместе со стихотворениями «В Альбом» («Вы слишком многими любимы...» — см. № 42.2) и «К К...о» («Приманкой ласковых речей...» — см. № 43); резолюция: «Все избр. Препровождается» (см.: Журналы ВОЛРС. С. 394).

41.3. Тоска («Одинъ за чашей пуншевою...»)

Печатается тексту по второй публикации: Рецензент. 1821. 15 июня. № 23 (ценз. разр. 13 июня). С. 91 (подпись: *Баратынской*).

Перепечатано: Русский Инвалид. 1822. 21 января. № 18 (ценз. разр. 13 апреля; вышел 14 апреля 1822). С. 72 (подпись: *Б—ій*) — под тем же заглавием «Тоска» и с ошибкой в ст. 14 («блѣднѣетъ» вместо «бѣднѣетъ»).

Датируется по времени публикации в «Рецензенте».

«Соревнователь» вышел после 28 марта 1821 г., ибо в нем помещено письмо А. С. Шишкова к издателям журнала (подпись: *Одинъ изъ вашихъ почитателей*), заслушанное в собрании Вольного общества любителей российской словесности именно в этот день (см.: Журналы ВОЛРС. С. 396). -- «Русский Инвалид» в январе—феврале 1822 г. вообще не выходил, а с 18 марта по 14 июня 1822 г. выходил сдвоенными номерами; № 18 (за 21 января) получил цензурное разрешение 13 апреля, в один день с № 88 (за 14 апреля) — отсюда дата выхода № 18 «Русского Инвалида»: 14 апреля. -- В пользу того, что публикация стихотворения Боратынского в «Русском Инвалиде» является перепечаткой из «Рецензента», свидетельствует тот факт, что тогда же издатель «Русского Инвалида» А. Ф. Воейков благодарил издателя «Рецензента» В. Н. Олина за разрешение пользоваться материалами «Рецензента»; см.: Русский Инвалид. 1822. № 20 (ценз. разр. 15 апреля). С. 80.

Изд. 1869. С. 24—25 и *Изд. 1884. С. 35—36* (текст поздней редакции, соответствующий копии Н. Л. Боратынской; так стихотворение печаталось до Изд. 1914—1915; датировка: 1821; так же датировано в последующих изданиях)*; Изд. 1869. С. 185* (варианты «Соревнователя», Изд. 1827 и Изд. 1835). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 26—27* (текст «Соревнователя»), *225—226* (варианты Изд. 1827, Изд. 1835, Изд. 1869 и копии Н. Л. Боратынской). -- *Филиппович 1915б. С. 197—198* (отмечена публикация стихотворения в «Рецензенте»; приведен несуществующий вариант «Рецензента» в ст. 22: «Знать горе мнѣ удѣлъ» — повторено в Изд. 1982 и в Изд. 2000). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 24* (текст Изд. 1884 под заглавием «Бдение», с исправлением ошибки в ст. 14: «беднеет»; так же — в Изд. 1951)*; Т. II. С. 111* (ст. 17—20 ранней редакции по «Рецензенту»), *231* (отмечены тексты «Рецензента» и «Русского Инвалида»). -- *Изд. 1957. С. 77* (текст Изд. 1835 под заглавием «Бдение»), *340* (ст. 17—20 ранней редакции по «Русскому Инвалиду»; со ссылкой на *Документы ВОЛРС. С. 353* отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 7 марта 1821 г.). -- *Изд. 1982. С. 47* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *403* (варианты «Соревнователя», «Рецензента», «Русского Инвалида» и Изд. 1884; разночтения Изд. 1827 не приведены; отмечено несуществующее разночтение «Рецензента» в ст. 22). -- *Изд. 1989. С. 84* (произвольная датировка: январь—февраль 1821).

42

1

Въ Альбомъ

Вы слишкомъ многими любимы,
Чтобы возможно было вамъ
Знать, помнить всѣхъ по именамъ;
Сіи листки необходимы;
Они не нужны были встарь;
Тогда не знали дружбы модной,
Тогда, Богъ вѣсть! иной дикарь
Сердечный адресъ-календарь
Почелъ-бы выдумкой негодной.
Что толковать о старинѣ!
Стихи готовы. Можетъ статься,
Они для справки обо мнѣ
Вамъ очень скоро пригодятся.

<До начала марта 1821; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Въ Альбомъ

Вы слишкомъ многими любимы:
Знать наизусть ихъ имена
Чрезъ чуръ обязанность трудна —
Сіи листки необходимы!
Они не нужны были встарь:
Въ тотъ грубый вѣкъ, въ тотъ вѣкъ холодной
Не знали дружбы новомодной;
Сердечной Адресъ-календарь
Почли бы выдумкой негодной.
Что толковать объ старинѣ!

Стихи готовы — можетъ статься,
Они для справки обо мнѣ
Вамъ очень скоро пригодятся.

<До начала марта 1821>

3

Ранняя редакция

Вы слишкомъ многими любимы:
Всѣхъ невозможно помнить вамъ.
Я справедливость имъ отдамъ:
Сіи листки необходимы.
Они не нужны были встарь;
Тогда не знали дружбы модной;
Тогда, какъ знать? иной дикарь
Сердечный адресъ-календарь
Почелъ бы выдумкой негодной.
Что толковать о старинѣ?
Мы современники вполнѣ.
Стихи готовы; можетъ статся
Они для справки обо мнѣ
Вамъ очень скоро пригодятся.

<1820 (?) — начало 1824>

42.1. Въ Альбомъ («Вы слишкомъ многими любимы...»)

Печатается по: Изд. 1827. С. 88 (раздел«Смѣсь»).

В Изд. 1835 не включено.

Автограф неизвестен.

42.2. Въ Альбомъ («Вы слишкомъ многими любимы...»)

Печатается по тексту первой публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № IV (Труды ВОЛРС. Ч. XIV. Кн. I) (ценз. разр. 7 марта; вышел после 28 марта). С. 65 (подпись: *Е. Б.*).

Перепечатано: Опыт Русской Анфологии. СПб., 1828. С. 172 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Въ Альбомъ».

Датируется по цензурному разрешению «Соревнователя», выданному в тот же день — 7 марта 1821 г., когда стихотворение под заглавием «В Альбом» было читано в собрании Вольного общества любителей российской словесности (вместе со стихотворениями «Бдение»: «Один с любимою мечтою..» — см. № 41.2 и «К К...о»: «Приманкой ласковых речей...» — см. № 43); резолюция: «Все избр. Препровождается» (Журналы ВОЛРС. С. 394). — О времени знакомства Боратынского с С. Д. Пономаревой, вероятным адресатом этой редакции стихотворения, см: Летопись. С. 103 (1821, февраль, 20-е числа).

42.3. «Вы слишкомъ многими любимы...»

Печатается по копии: ПД. № 73. I м (Альбом А. В. Лутковской). Л. 16 (подпись под текстом: *Ѳ. Г.*; в нижней части альбомного листа мелким почерком: *Баратынскій*).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским: Известия Имп. Академии Наук. Серия VI. 1911. № 7. С. 523.

Печатается с исправлением: в конце ст. 1 поставлено двоеточие.

Датируется предположительно: не исключено, что стихотворение сочинено еще в 1820 г., в Финляндии, и тогда же вписано в альбом А. В. Лутковской — см. другие записи стихотворений Боратынского в альбоме Лутковской, датируемые 1820 годом: «Младыя Граціи сплели тебѣ вѣнокъ...» и «Мила какъ Грація, скромна...» (№№ 32, 33).

«Соревнователь» вышел после 28 марта 1821 г., ибо в нем помещено письмо А.С.Шишкова к издателям журнала (подпись: *Одинъ изъ вашихъ почитателей*), заслушанное в собрании Вольного общества любителей российской словесности именно в этот день (см.: Журналы ВОЛРС. С. 396).

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация стихотворения в «Соревнователе»). -- *Изд. 1869. С. 25* (текст Изд. 1827 под заглавием «Въ Альбомъ»; так стихотворение печаталось до Изд. 1914—1915; датировка: 1821; так стихотворение датировано во всех последующих изданиях), *186* (варианты ранней редакции со ссылкой на «Опыт Русской Анфологии»). -- *Модзалевский 1911. С. 523* (запись в альбоме Лутковской упомянута в числе автографов Боратынского; повторено во всех последующих изданиях, где упоминается текст из альбома Лутковской). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 25* (текст «Соревнователя»), *224—225* (варианты Изд. 1827 и копии в альбоме Лутковской). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 59* (текст Изд. 1827 под заглавием «В альбом»; так же — в последующих изданиях); *Т. II. С. 239* (предположение об адресате: С. Д. Пономарева). -- *Изд. 1957. С. 340* (со ссылкой на *Документы ВОЛРС. С. 353* отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 7 марта 1821 г.). -- *Изд. 1982. С. 658* (предположение о том, что первоначально стихотворение было адресовано С. Д. Пономаревой, а затем переадресовано А. В. Лутковской — повторено в Изд. 1989, Изд. 2000 и Летописи). -- *Изд. 1989. С. 85* (произвольная датировка: январь—февраль 1821).

43

Приманкой ласковыхъ рѣчей
Вамъ не лишить меня разсудка!
Конечно, многихъ вы милѣй,
Но васъ любить плохая шутка!

Вамъ не нужна любовь моя,
Не слишкомъ заняты вы мною,
Не нѣжность, прихоть вашу я
Признаньемъ страстнымъ успокою.

Вамъ дорогъ я, твердите вы,
Но лишній плѣнникъ вамъ дороже,
Вамъ очень милъ я, но увы!
Вамъ и другіе милы тоже.

Съ толпой соперниковъ моихъ
Я состязаться не дерзаю,
И превосходной силѣ ихъ
Безъ битвы поле уступаю.

<Февраль — начало марта 1821; 1823>

43. «Приманкой ласковыхъ рѣчей...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 28 (№ XIV).

В Изд. 1827 (С. 80—81; раздел «Смѣсь») напечатано под заглавием **«Къ ..о»** (в оглавлении «Къ ...о»).

Впервые опубликовано: Новости Литературы. 1823. Кн. VI. № XL (ценз. разр. 30 октября; вышел к 2 ноября). С. 14—15 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием **«Хлоѣ»** с разночтениями:

3 Такъ, Хлоя, многихъ Вы милѣй;
4 Но *Васъ* любить — плохая шутка.
7 Не нѣжность, гордость Вашу я
10 Но честь красы меня дороже.

Вторично опубликовано: Урания на 1826 год (ценз. разр. 26 ноября 1825; ценз. билет 7 января 1826). С. 194 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «**Клименѣ**» с разночтениями:

[3] Климена! многихъ Вы милѣй;

[7] Не нѣжность, гордость вашу я

Из «Урании» перепечатано: Эвтерпа. М., 1828. С. 105—106 (подпись: *Баратынскій*) — без заглавия (так же — во втором издании: Эвтерпа. М., 1836. С. 87); Жасмин и Роза. М., 1830. С. 32 (подпись: *Баратынскій*) — без заглавия; Роза Граций. М., 1831. С. 5—6 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Клименѣ»; Венера. М., 1831. Ч. 2. С. 111—112 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием Изд. 1827 (с ошибкой) «Къ .... О».

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 28 (без заглавия).

Датируется, во-первых, по времени чтения стихотворения в собрании Вольного общества любителей российской словесности 7 марта 1821 г. (резолюция: «Все избр. У г. сочинителя» — см.: Журналы ВОЛРС. С. 394) — под заглавием, соответствующим заглавию Изд. 1827: «К ...о» («К Калипсо» — аргументы в пользу такой расшифровки см.: Вацуро. СДП. С. 69); во-вторых, на основании предположения о времени знакомства Боратынского с С. Д. Пономаревой — адресатом стихотворения (см.: Летопись. С. 103: 1821, февраль, 20-е числа). Другие стихотворения, связанные с С. Д. Пономаревой, см. №№ 42.2, 56—65.

Русский Инвалид. 1823. 2 ноября. № 260. С. 1040 (объявление о раздаче подписчикам «Новостей Литературы»). -- *Московские Ведомости. 1826. 9 января. № 3. С. 52* (объявление о продаже «Урании»; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 35*). -- *Цявловский. Изд. 1991. С. 590* (дата выдачи ценз. билета «Урании»: 7 января 1826 г.). -- Отпечатанная «Урания» была доставлена в цензуру 4 января 1826 г. — на одном из экземпляров «Урании» в Научной библиотеке Московского государственного университета (шифр: 1Рс 66; инв. № 246047) — рукописные пометы: «Что книга сія напечатана сходно съ оригиналомъ, въ томъ свидѣтельствую Содержатель типографіи Семенъ Селивановскій»; «№ 04 Подана 1826 года Января 4 дня».

Изд. 1869. С. 42—43 (текст, соответствующий тексту Изд. 1827 и Изд. 1835, под заглавием «С. Д. П.» <С. Д. Пономаревой>; так стихотворение напечатано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915; датировка: 1823; так стихотворение датировано в последующих изданиях до Изд. 1957), *192* (варианты «Новостей Литературы» и «Урании»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 47* (текст «Новостей Литературы»: «Хлоѣ»), *237* (варианты «Урании», Изд. 1827 и Изд. 1835; отмечены перепечатки в «Розе Граций» и «Венере»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 53* (текст Изд. 1827 под заглавием «К ..о»; так стихотворение печаталось до Изд. 1982). -- *Изд. 1957. С. 78* (датировка: 1821), *340* (со ссылкой на *Документы ВОЛРС. С. 353* отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 7 марта 1821 г.). -- *Смирнов-Сокольский 1965. С. 138* (отмечена перепечатка в «Эвтерпе» 1828 г.). -- *Изд. 1982. С. 24* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *386—387* (варианты «Новостей Литературы» и «Урании»). -- *Изд. 1989. С. 85* (датировка: январь—февраль 1821).

44

1

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзывомъ долины.

Я слышу: свищетъ Аквилонъ,
Качаетъ елію скрыпучей,
И съ непогодою ревучей
Твой ревъ мятежный соглашонъ.

За чѣмъ, съ безумнымъ ожиданьемъ,
Къ тебѣ прислушиваюсь я?
За чѣмъ трепещетъ грудь моя
Какимъ-то вѣщимъ трепетаньемъ?

Какъ очарованный стою
Надъ дымной бездною твоею,
И, мнится, сердцемъ разумѣю
Рѣчь безглагольную твою.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзывомъ долины.

<Вторая половина 1820 — первая половина 1821; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Водопадъ

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой:
Соединяй протяжной вой
Съ протяжнымъ отзывомъ долины.

Я слышу грохотъ водъ твоихъ:
Свистя, сливаетъ вѣтръ порывный
Свой вопль глухой и заунывный
Съ однообразнымъ шумомъ ихъ.
Съ какимъ то смутнымъ ожиданьемъ
Въ ихъ говоръ вслушиваюсь я;
Куда-то вдаль душа моя
Летитъ надеждой и желаньемъ.
Какъ очарованный стою
Надъ дымной безднoю твоею
И мнится, сердцемъ разумѣю
Музыку важную твою:
Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой:
Соединяй протяжной вой
Съ протяжнымъ отзывомъ долины.

<Вторая половина 1820 — первая половина 1821>

44.1. «Шуми, шуми съ крутой вершины...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 93—94 (№ LIII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 13—14 (раздел «Элегіи. Книга первая») — под заглавием **«Водопадъ»**.

Автограф ранней редакции см. № 44.2.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 4 об. — 5 (заглавие: «Водопадъ»). Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 6 (заглавие: «Водопадъ»).

Печатается с исправлениями по Изд. 1827: ст. 3 *вой,* → *вой* -- ст. 7 *не погодою* → *непогодою*

44.2. Водопадъ («Шуми, шуми съ крутой вершины...»)

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 45 (Альбом С. Д. Пономаревой). Л. 21 об. (подпись: *Е. Б.*).

Впервые опубликовано: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № VII (Труды ВОЛРС. Ч. XV. Кн. I) (ценз. разр. 10 июня; ценз. билет 12 июля). С. 90—91 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Водопадъ».

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 39. Л. 137 об. (без заглавия; подписано: *Баратынской*; копия сделана до знакомства с Боратынским по тексту «Соревнователя»).

Печатается с исправлениями по тексту «Соревнователя»: ст. 1 и 17 *Шуми шуми съ крутой вершины* → *Шуми, шуми съ крутой вершины,* -- ст. 2 *Не умолкай* → *Не умолкай,* -- ст. 10 *я* → *я;* -- ст. 12 *Лѣтитъ* → *Летитъ* -- ст. 14 *бѣздною* → *безднoю* -- ст. 15 *мнится* → *мнится,* -- ст. 18 *Не умолкай* → *Не умолкай,* -- Также исправлено: ст. 4 *долины* → *долины.* -- ст. 18 *сѣдой* → *сѣдой:*

Датируется, во-первых, по воспоминаниям Н. М. Коншина, относящимся ко второй половине лета 1820 г.: «В Финляндии есть чудо: это водопад *Иматра*, река Вокса, суженная гранитными берегами, с оторванным дном, летит в бездну. После лагеря <то есть после 1 июля 1820 — см.: Летопись. С. 99—100> мы поехали посмотреть этого водопада. Долго стоял поэт над оглушающей пропастью, скрестя руки на груди. Кто не прочитал с наслаждением стихов <...>: *Зачем с безумным ожиданьем* <...>» (Коншин. Изд. 1958. С. 393); во-вторых, по дате чтения стихотворения в собрании Вольного общества любителей российской словесности: 21 мая 1821 г. — под заглавием «Водопад» (резолюция: «14 избр., 1 не избр. Препровождается» — см.: Журналы ВОЛРС. С. 398).

Летопись. С. 108 (дата выдачи ценз. билета «Соревнователю»).

Изд. 1869. С. 27 (текст поздней редакции под заглавием «Водопадъ»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1914—1915; датировка: 1821; так стихотворение датировано в последующих изданиях), *187* (варианты «Соревнователя»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 29—30* (текст «Соревнователя»), *228* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; отмечена копия Н. Л. Боратынской). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 7* (текст поздней редакции под заглавием «Водопад»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1982); *Т. II. С. 107* (варианты «Соревнователя»). -- *Изд. 1957. С. 341* (со ссылкой на *Документы ВОЛРС. С. 357* отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 16 мая 1821 г.). -- *Изд. 1982. С. 65* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *410* (варианты «Соревнователя» и автографа РГАЛИ). -- *Изд. 1989. С. 86* (произвольная датировка: апрель — начало мая 1821), *397* (некорректное обоснование датировки).

45

1

Чтобъ очаровывать сердца,
Чтобъ возбуждать рукоплесканья,
Я слышалъ, будто для пѣвца
Всего нужнѣе дарованья.
Путей къ Парнассу много есть:
Зѣвоту можно произвесть
Поэмой длинной, громкой одой,
И ввѣкъ того не пріобрѣсть,
Чего намъ не дано природой.

Когда старикъ Анакреонъ,
Сынъ вѣрный нѣги и прохлады,
Веселый пѣлъ амфоровъ звонъ
И сердцу памятные взгляды:
Въ слѣдъ за толпой младыхъ забавъ,
Богини пѣсней, миновавъ
Пѣвцовъ усерднѣйшихъ Эллады,
Ему внимать изъ-подтишка
Съ вершины Пинда поспѣшали
И балагура старика
Вѣнкомъ безсмертья увѣнчали.

Такъ своенравно Аполлонъ
Намъ раздаетъ свои награды;
Другому богу Геликонъ
Отдать хотѣлось-бы съ досады!
Напрасно до поту лица
О славѣ Фофановъ хлопочетъ:
Ему отказанъ даръ пѣвца,
Трудится онъ, а Фебъ хохочетъ.
Межъ тѣмъ даря веселью дни,
Едва ли Батюшковъ, Парни
О прихотливой вспоминали,

И что-жь? нечаянно они
Ее въ Цитерѣ повстрѣчали.

Плѣненъ ли Хлоей, Дафной ты,
Возми Тибуллову цѣвницу,
Воспой побѣды красоты,
Воспой души своей царицу;
Когда же любишь стукъ мечей,
Съ высокой музою Омира
Пускай поетъ вражды царей
Твоя воинственная лира.
Равны всѣ музы красотой;
Несходство ихъ въ одной одеждѣ:
Старайся нравиться любой,
Но помолися Фебу прежде.

<Июнь—июль 1821; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Къ ***

Кто жаждетъ славы, милый мой!
Тотъ не всегда себя прославитъ:
Терзаетъ Комикъ насъ порой,
Порою Трагикъ насъ забавитъ.
Путей къ Парнассу много есть:
Зѣвоту можно произвесть
Равно и Притчею и Одой;
Но ввѣкъ того не пріобрѣсть,
Что не даровано Природой.

Когда старикъ Анакреонъ,
Утѣхъ любовникъ постоянной,
Толпой красавицъ окружёнъ,
Съ главою, розами вѣнчанной,

Веселой пѣлъ покаловъ звонъ,
Смѣясь надъ мудростью жеманной, —
Въ слѣдъ за толпой младыхъ забавъ,
Для гармонической услады,
Богини пѣсней, миновавъ
Пѣвцовъ усерднѣйшихъ Эллады,
Ему внимать изъ подтишка
Съ вершины Пинда поспѣшали,
И волокиту-старика
Вѣнцомъ безсмертья увѣнчали.

Неисповѣдимъ Фебовъ судъ.
Къ чертогу Музъ, къ чертогу Славы
Однихъ ведетъ упорный трудъ,
Другихъ ведутъ одни забавы!
Напрасно до поту лица
О славѣ Фофановъ хлопочетъ;
Ему отказанъ даръ Пѣвца;
Трудится онъ — а Фебъ хохочетъ!
Межь тѣмъ, даря веселью дни,
Едва ли Батюшковъ, Парни
О прихотливой вспоминали
И чтожь? — Нечаянно они
Ее въ Цитерѣ повстрѣчали.

Пріятно пѣть желаешь ты?
Когда влюбленъ — бери цѣвницу!
Воспой побѣды красоты,
Воспой души твоей царицу.
Когда же любишь стукъ мечей,
Съ безсмертной Музою Омира,
Пускай поетъ вражды Царей
Твоя возвышенная лира!
Равны всѣ Музы красотой;
Несходство ихъ въ одной одеждѣ.
Старайся нравиться любой;
Но помолися Фебу прежде.

<Июнь—июль 1821>

45.1. «Чтобъ очаровывать сердца...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 142—144 (№ LXXXI).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 145—147 (раздел «Посланія») — под заглавием **«Къ —ву. Отвѣтъ»**.

По Изд. 1827 перепечатано: Российская Хрестоматия / [Сост. И. Пенинский]. СПб., 1834. Ч. II: Стихотворения. Раздел «<Поэзия> собственно дидактическая». С. 314—315 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Къ —ву» с пропуском ст. 36—37.

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 59 об. — 60 об. (заглавие: «Стансы») с разночтением:

45 Но полюби ты Феба прежде.

45.2. Къ * («Кто жаждетъ славы, милый мой!..»)**

Печатается по тексту первой публикации: Русский Инвалид. 1822. 31 января. № 28 (ценз. разр. 25 апреля; вышел 26 апреля). С. 112 (подпись: *Б—ій*).

Стихотворение является ответом на стихотворный памфлет А. А. Крылова «Вакхические поэты», читанный 26 мая 1821 в собрании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (см.: Вацуро 1972; Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 725) и опубликованный в «Благонамеренном»: 1821. Ч. XIV. Май. № 10 (номер датирован 21 июня). С. 140—141.

Датируется по времени, ближайшему к моменту чтения чтения и публикации стихотворения А. А. Крылова.

«Русский Инвалид» в январе—феврале 1822 г. вообще не выходил, а с 18 марта по 14 июня 1822 г. выходил сдвоенными номерами; № 28 (за 31 января) получил цензурное разрешение 25 апреля, в один день с № 98 (за 26 апреля) — отсюда дата выхода № 28 «Русского Инвалида»: 26 апреля.

Изд. 1869. С. 90—91 (текст, соответствующий копии Н. Л. Боратынской под заглавием «Къ —ву. Отвѣтъ»; датировка: 1827; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *206* (вариант Изд. 1827 и Изд. 1835 в ст. 45). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 93—94* (текст поздней редакции под заглавием «Къ —ву. Отвѣтъ»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1982; датировка: 1826), *269* (отмечена копия Н. Л. Боратынской). -- *Изд. 1936. Т. II. С. 126—127* (текст «Русского Инвалида»). -- *Изд. 1957. С. 82* (датировка: 1821?), *341* (ошибочное предположение об адресации стихотворения А. Ф. Воейкову). -- *Вацуро 1972* (указан адресат — А. А. Крылов). -- *Изд. 1982. С. 97—98* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *421* (варианты «Русского Инвалида» и Изд. 1884), *608—609* (со ссылкой на статью *Вацуро 1972* указан адресат — А. А. Крылов).

46

1

Пріятель строгой, ты не правъ,
Несправедливы толки злые:
Друзья веселья и забавъ,
Мы не повѣсы записные!
По своеволію страстей
Себѣ мы правилъ не слагали,
Но пылкой жизнью юныхъ дней,
Пока дышалося, дышали;
Любили шумные пиры;
Гостей веселыхъ той поры,
Забавы, шалости любили
И за роскошные дары
Младую жизнь благодарили.
Во имя лучшихъ изъ боговъ,
Во имя Вакха и Киприды,
Мы пѣли счастье шалуновъ,
Сердечно презря крикуновъ
И ихъ ревнивыя обиды.
Мы пѣли счастье дней младыхъ,
Межь тѣмъ летѣла наша младость:
Порой задумывалась радость
Въ кругу поклонниковъ своихъ;
Въ душѣ больной отъ пищи многой,
Въ душѣ усталой пламень гасъ,
И за стаканомъ, въ добрый часъ
Засталъ насъ какъ-то опытъ строгой.
Наперсницъ нашихъ, страстныхъ дѣвъ
Мы поцѣлуи позабыли,
И предъ суровымъ оробѣвъ,
Утѣхи крылья опустили.
Съ тѣхъ поръ, любезный, не поемъ
Мы безразсудныя забавы,

Смиренно дни свои ведемъ
И ждемъ отъ свѣта доброй славы.
Теперь вопросъ я отдаю
Тебѣ на судъ. Подумай, мы ли
Перемѣнили жизнь свою,
Иль годы насъ перемѣнили?

<До июня 1821; 1823—1826; конец 1832 — 1833>

2

Ранняя редакция

Булгарину

Нѣтъ, нѣтъ, Булгаринъ! ты не правъ;
Несправедливы толки злые:
Друзья веселья и забавъ,
Мы не повѣсы записные.
Изъ своеволія страстей —
Съ себя мы правилъ не слагали;
Но пылкой жизнью юныхъ дней,
Пока дышалося — дышали;
Любили шумные пиры,
Гостей веселыхъ той поры
Забавы, шалости любили:
И за роскошные дары
Младую жизнь боготворили.
Въ кругу веселыхъ шалуновъ,
Во имя Вакха и Киприды
Мы пѣли нѣгу, шумъ пировъ,
Не замѣчая крикуновъ
И ихъ ревнивыя обиды.
Мы пѣли счастье дней младыхъ;
Межъ тѣмъ летѣла наша младость;
Порой задумывалась радость
Въ кругу поклонниковъ своихъ.
Душа примѣтно отцвѣтала;

Въ усталомъ сердцѣ пламень гасъ,
И за стаканомъ въ добрый часъ,
Безпечныхъ Опытность застала.—
Наперсницъ нашихъ, страстныхъ дѣвъ
Мы поцѣлуи позабыли,
И предъ суровой онѣмѣвъ,
Утѣхи крылья опустили.
Такъ разрѣзвившихся дѣтей,
Средь ихъ младенческихъ затѣй,
Приводитъ вдругъ въ остолбенѣнье
Со строгой важностью очей
Педанта школы появленье.
Съ тѣхъ поръ, любезный, не поемъ
Мы безразсудныя забавы,
Смиренно жизнь свою ведемъ
И ждемъ отъ свѣта доброй славы.
Теперь вопросъ я отдаю
Тебѣ на судъ: подумай, мы ли
Перемѣнили жизнь свою,
Иль годы насъ перемѣнили?

<До июня 1821>

3

Промежуточная редакция

Къ ....

Нѣтъ, нѣтъ! мой Менторъ, ты неправъ,
Несправедливы толки злые:
Друзья веселья и забавъ,
Мы не повѣсы записные!
Изъ своеволія страстей
Себѣ мы правилъ не слагали,
Но пылкой жизнью юныхъ дней,
Пока дышалося, дышали;

Любили шумные пиры;
Гостей веселыхъ той поры,
Забавы, шалости любили
И за роскошные дары
Младую жизнь благодарили.
Во имя лучшихъ изъ боговъ,
Во имя Вакха и Киприды,
Мы пѣли счастье шалуновъ;
Сердечно презря крикуновъ
И ихъ ревнивыя обиды,
Мы пѣли счастье дней младыхъ.
Межь тѣмъ летѣла наша младость,
Порой задумывалась радость
Въ кругу поклонниковъ своихъ;
Въ душѣ, больной отъ пищи многой,
Въ душѣ усталой, пламень гасъ
И за стаканомъ, въ добрый часъ
Засталъ насъ какъ-то опытъ строгой.
Наперсницъ нашихъ, страстныхъ дѣвъ
Мы поцѣлуи позабыли,
И предъ суровымъ оробѣвъ,
Утѣхи крылья опустили.
Такъ разшалившихся дѣтей,
Среди веселыхъ ихъ затѣй,
Приводитъ вдругъ въ остолбенѣнье,
Съ угрюмой важностью очей
Германца дядьки появленье.
Съ тѣхъ поръ, любезный, не поемъ
Мы безразсудныя забавы,
Смиренно дни свои ведемъ
И ждемъ отъ свѣта доброй славы.
Теперь вопросъ я отдаю
Тебѣ на судъ. Подумай, мы-ли
Перемѣнили жизнь свою,
Иль годы насъ перемѣнили?

<1823—1826>

46.1. «Пріятель строгой, ты не правъ...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 135—136 (№ LXXVI).

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 105 — 105 об. (заглавие: «Къ .»); Л. 122 об. — 123 (заглавие: «Къ ...») — тексты обеих копий идентичны тексту Изд. 1835. В Изд. 1914—1915 (Т. I. С. 227) отмечено разночтение неизвестной копии Н. Л. Боратынской:

29 Передъ суровымъ оробѣвъ,

46.2. Булгарину («Нѣтъ, нѣтъ, Булгаринъ! ты не правъ...»)

Печатается по тексту первой публикации: Сын Отечества. 1821. Ч. 70. № XXIV (ценз. разр. 7 июня; номер датирован 11 июня). С. 175—177 (подпись: *Баратынскій*).

Перепечатано: Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1821. Ч. 2. С. 232—234 (подпись: *Баратынскій*) — под тем же заглавием.

Печатается с исправлениями по Изд. 1827 и Изд. 1835: ст. 7 *лѣтъ* → *дней* -- ст. 33 *остолбененье* → *остолбенѣнье*

Датируется по времени первой публикации.

46.3. Къ .... («Нѣтъ, нѣтъ! мой Менторъ, ты неправъ...»)

Печатается по: Изд. 1827. С. 156—157 (раздел «Посланія»).

Печатается с исправлениями: ст. 11 *шалости,* → *шалости* -- ст. 31 *Такъ,* → *Такъ* -- ст. 37 *безразсудные* → *безразсудныя*

Изд. 1869. С. 25—26 (текст, соответствующий тексту Изд. 1835, под заглавием «Б—ну»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1914—1915; датировка: 1821; так же датировано в последующих изданиях), *186* (варианты «Сына Отечества» и Изд. 1827). -- *Брюсов 1899. С. 441—442* (отмечены варианты «Сына Отечества» по отношению к тексту Изд. 1869: заглавие и ст. 1, 6, 29). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 28—29* (текст «Сына Отечества»), *226—227* (варианты Изд. 1827, Изд. 1835 и копии Н. Л. Боратынской). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 105—106* (текст Изд. 1835, но под заглавием Изд. 1827: «К...»)*; Т. II. С. 129* (варианты «Сына Отечества» в ст. 31—35). -- *Изд. 1951. С. 86—87* (текст Изд. 1835 без заглавия). -- *Изд. 1957. С. 74—75* (текст Изд. 1835, но под заглавием Изд. 1827: «К...»). -- *Изд. 1982. С. 92—93* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же в Изд. 1989 и Изд. 2000), *419—420* (варианты «Сына Отечества» и Изд. 1827).

47

1

Цвѣтокъ

Съ восходомъ солнечнымъ Людмила
    Сорвавъ себѣ цвѣтокъ,
Куда-то шла, и говорила:
    «Кому отдамъ цвѣтокъ?

«Что торопиться? мнѣ-ль наскучитъ
    Лелѣять свой цвѣтокъ?
Нѣтъ! недостойный не получитъ
    Душистый мой цвѣтокъ.»

И говорилъ ей каждый встрѣчный:
    Прекрасенъ твой цвѣтокъ!
Мой милый другъ, мой другъ сердечный,
    Отдай мнѣ твой цвѣтокъ.

Она въ отвѣтъ: «Сама я знаю,
    Прекрасенъ мой цвѣтокъ;
Но не тебѣ, и это знаю,
    Другому мой цвѣтокъ.»

Красою яркой день сіяетъ:
    У дѣвушки цвѣтокъ;
Вотъ полдень, вечеръ наступаетъ:
    У дѣвушки цвѣтокъ!

Идетъ. Услада повстрѣчала:
    Онъ прелестью цвѣтокъ.
«Ты милъ!» она ему сказала,
    Возми-же мой цвѣтокъ!»

Онъ что-же дѣвѣ? Онъ спѣсиво:
На что мнѣ твой цвѣтокъ?
Ты мнѣ даришь его; не диво:
Увянулъ твой цвѣтокъ.

<До начала августа 1821, 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Цвѣтокъ

Порою утренней Людмила,
Держа въ рукѣ цвѣтокъ,
Куда-то шла и говорила:
Кому отдамъ цвѣтокъ?

Не нужны мнѣ дары богаты
За свѣжій мой цвѣтокъ;
А кто приглянется — безъ платы
Получитъ мой цвѣтокъ.

И говорилъ ей каждый встрѣчный:
Прекрасенъ твой цвѣтокъ!
Мой милый другъ, мой другъ сердечный,
Отдай мнѣ твой цвѣтокъ!

Она въ отвѣтъ: сама я знаю,
Прекрасенъ мой цвѣтокъ;
Но не тебѣ, и это знаю,
Другому мой цвѣтокъ!

Красою яркой день сіяетъ;
При ней еще цвѣтокъ:
Вотъ полдень; вечеръ наступаетъ —
При ней еще цвѣтокъ.

Услада дѣва повстрѣчала:
Онъ прелестью цвѣтокъ.

Ты милъ, она ему сказала,
Возьми же мой цвѣтокъ!

Онъ что же дѣвѣ? — Онъ шутливо:
Спасибо за цвѣтокъ!
Ты мнѣ даришь его — не диво:
Увянулъ твой цвѣтокъ!

<До начала августа 1821>

47.1. Цвѣтокъ («Съ восходомъ солнечнымъ Людмила...»)

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 43—44 (№ XXII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 95—96 (раздел «Смѣсь») — под тем же заглавием.

По Изд. 1827 перепечатано под тем же заглавием «Цвѣтокъ»: Венера. М., 1831. Ч. 3. С. 25—26 (подпись: *Е. Баратынскій*); Эвтерпа. М., 1831. С. 71—72 (подпись: *Е. Баратынскій*) — с изменением в ст. 28 («Завянулъ» вместо «Увянулъ»). Из «Эвтерпы» перепечатано: Полный новейший песенник / Собр. И. [Г.] Гурьяновым. М., 1835. Ч. 3. С. 22—23 (подпись: *Е. Баратынскій*) — с тем же изменением в ст. 28 и с изменениями в ст. 12 («свой» вместо «твой») и 15 («я сохраняю» вместо «и это знаю»).

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 71 об. — 72 (заглавие: «Цвѣтокъ»).

Печатается с исправлениями по Изд. 1827: ст. 3 *говорила* → *говорила:* -- ст. 6 *Лелеять* → *Лелѣять* -- ст. 25 *спесиво* → *спѣсиво*

47.2. Цвѣтокъ («Порою утренней Людмила...»)

Печатается по тексту первой публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № VIII (Труды ВОЛРС. Ч. XV. Кн. II) (ценз. разр. 1 августа). С. 244—245 (подпись: *Баратынскій*).

Датируется по времени первой публикации и чтения стихотворения стихотворения в собрании Вольного общества любителей российской словесности — 8 августа 1821 г. под заглавием «Цветок» (резолюция: «Все избр. Препровождается» — см.: Журналы ВОЛРС. С. 401).

Изд. 1869. С. 31 (текст поздней редакции; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1914—1915; датировка: 1821; так же датировано в последующих изданиях), *188* (варианты «Соревнователя»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 27—28* (текст «Соревнователя»), *226* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; отмечены перепечатки в «Эвтерпе», «Венере» и «Полном новейшем песеннике»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 66* (текст поздней редакции; так текст печатался во всех последующих изданиях). -- *Изд. 1957. С. 341* (со ссылкой на *Документы ВОЛРС. С. 360* отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 8 августа 1821 г.). -- *Изд. 1989. С. 89* (датировка: июнь—июль ? 1821).

48

Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовластитель,
Ты былъ-ли, о свободный Римъ?
Къ нѣмымъ развалинамъ твоимъ
Подходитъ съ грустію ихъ чуждый навѣститель.

За что утратилъ ты величье прежнихъ дней?
За что, державный Римъ! тебя забыли боги?
Градъ пышный, гдѣ твои чертоги,
Гдѣ сильные твои? о родина мужей!

Тебѣ-ли измѣнилъ побѣды мощный Геній?
Ты-ль на распутіи временъ
Стоишь въ позорищѣ племенъ,
Какъ пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній?

Кому еще грозишь съ твоихъ семи холмовъ?
Судьбы-ли всѣхъ державъ ты грозный возвѣститель?
Или, какъ призракъ-обвинитель,
Печальный предстоишь очамъ твоихъ сыновъ?

<До 20-х чисел августа 1821>

48. «Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовластитель...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 15 (№ V).

В Изд. 1827 (С. 20; раздел «Элегии. Книга первая») напечатано под заглавием **«Римъ»**.

Впервые опубликовано: Полярная Звезда на 1824 год (ценз. разр. и ценз. билет 20 декабря; вышла 21 декабря 1823). С. 63 (подпись: *Баратынской*) — под заглавием **«Римъ»** и с разночтениями:

4 Подходитъ съ горестью ихъ чуждый навѣститель.
9 Тебѣ ли измѣнилъ побѣды вѣрный Геній?
13 Кому еще грозишь съ семи твоихъ холмовъ?

По Изд. 1835 перепечатано: Полная русская хрестоматия / Сост. А. [Д.] Галахов. М., 1842. Ч. II: Поэзия. Раздел «Ода». С. 201 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Римъ».

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 39. Л. 57 (заглавие: «Римъ» — текст «Полярной Звезды», переписан до знакомства с Боратынским). Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 6 об. (текст Изд. 1827 под заглавием «Римъ»).

Печатается с исправлением по тексту «Полярной Звезды»: ст. 11 *позорище* → *позорищѣ*

Датируется по времени чтения стихотворения под заглавием «К Риму» в собрании Вольного общества любителей российской словесности — 22 августа 1821 г. (резолюция: «Все избр. У г. сочинителя» — см.: Журналы ВОЛРС. С. 401).

Сын Отечества. 1823. Ч. 89. № LI (номер датирован 22 декабря). С. 228—229 (в сноске к библиографической справке о «Полярной Звезде» — сообщение о продаже альманаха; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 17—18*). -- *Могилянский 1956. С. 393* (дата выдачи ценз. билета «Полярной Звезде»).

Изд. 1869. С. 50 (текст, соответствующий тексту Изд. 1827 и Изд. 1835 под заглавием «Римъ»; датировка: 1824; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *193* (варианты «Полярной Звезды» в ст. 4 и 9). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 55* (текст «Полярной Звезды»), *243* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; датировка: 1823). -- *Филиппович 1915б. С. 198* (на основании материалов из архива ВОЛРС в Пушкинском Доме датировано: 1821). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 12* (текст Изд. 1827: «Рим»; так стихотворение печаталось до Изд. 1982); *Т. II. С. 228* (датировка: не позднее 1821). -- *Изд. 1957. С. 76* (датировка: 1821), *340* (со ссылкой на *Документы ВОЛРС. С. 360* отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 22 августа 1821 г.). -- *Изд. 1982. С. 15* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же в Изд. 1989 и Изд. 2000), *384* (разночтения «Полярной Звезды»). -- *Изд. 1989. С. 89* (датировка: июль — первая половина августа 1821).

49

1

Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышетъ;
Жужжаньемъ ихъ наводитъ сонъ.
Не говорю: за чѣмъ онъ пишетъ,
Но для чего читаетъ онъ?

<До начала сентября 1821; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Эпиграмма

Его творенье скукой дышетъ,
На бѣдныхъ насъ наводитъ сонъ;
Не говорю, зачѣмъ онъ пишетъ —
Но для чего читаетъ онъ?

<До начала сентября 1821>

49.1. «Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышетъ...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 126 (№ LXX).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 118 (раздел «Смѣсь») — под заглавием **«Эпиграмма»** с разночтением:

2 Ихъ слушая не спи, а сильно клонитъ сонъ!

По Изд. 1827 перепечатано: Российская Хрестоматия / [Сост. И. Пенинский]. СПб., 1834. Ч. II: Стихотворения. Раздел «Эпиграмма». С. 356 (подпись: *Баратынскій*) — без заглавия; Полная русская хрестоматия / Сост. А. [Д.] Галахов. М., 1842. Ч. II: Поэзия. Раздел «Эпиграмма». С. 285 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышитъ».

Автограф неизвестен.

49.2. Эпиграмма («Его творенье скукой дышетъ...»)

Печатается по тексту первой публикации: Благонамеренный. 1821. Ч. XV. Август. № 15 (номер датирован 10 сентября). С. 160 (подпись: *Б.*).

Печатается с исправлением: ст. 3 *зачемъ → зачѣмъ*

Датируется по времени первой публикации.

Изд. 1869. С. 87 (текст, соответствующий тексту Изд. 1835, без заглавия; датировка: 1827; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *204* (варианты Изд. 1827). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 34* (текст «Благонамеренного»), *231* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; датировка: 1821). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 86* (текст Изд. 1835 под заглавием «Эпиграмма»; так стихотворение печаталось до Изд. 1982); *Т. II. С. 245* (необоснованное предположение об адресате — Д. И. Хвостов; без обсуждения повторено в комментариях к эпиграмме во всех последующих изданиях). -- *Изд. 1982. С. 87* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- *Летопись. С. 110* («Предположения о том, что адресат эпиграммы — Д. И. Хвостов <...> документально не подтверждаются»).

50

Вчера ненастливая ночь
Меня застала у Лилеты.
Остаться-ль мнѣ, идти-ли прочь,
Межъ нами долго шли совѣты.

Но въ чашу свѣтлаго вина
Наливъ съ улыбкою лукавой,
Послушай, молвила она,
Вино совѣтникъ самый здравый.

Я пилъ; на что-жь рѣшился я
Благимъ внушеньемъ полной чаши?
Побрелъ по слякоти, друзья,
И до зари сидѣлъ у Паши.

<1819 (?) или лето—осень 1821>

50. «Вчера ненастливая ночь...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 80 (№ XLV).

Впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 94 (раздел «Смѣсь») — под заглавием «Случай».

По Изд. 1827 перепечатано: Эвтерпа. М., 1831. С. 37 (подпись с опечаткой: *С. Баратынскій*) — без заглавия; Венера. М., 1831. Ч. 3. С. 11 (подпись: *Е. Баратынскій*) — под заглавием «Случай»; Песни, Романсы и куплеты из Водевилей. М., 1833. С. 35 (подпись: *Е. Баратынскій*) — без заглавия.

Автограф: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 13 — с разночтением:

12 И вечеръ весь провелъ у Саши.

Печатается с исправлением по Изд. 1827 и по автографу: ст. 9 *рѣшился* → *рѣшился я*

Датируется по месту автографа в альбоме П. Л. Яковлева: на следующих листах альбома (Л. 14, 15 об. — 16 об.) рукой Боратынского записаны стихотворения «Полуразрушенный я самъ себѣ не нуженъ...», «Моя жизнь» (см. №№ 51 и 52) и bon mot С. Д. Пономаревой: «Яковлевъ, сказала Софья Дмитріевна разположился жить въ свѣтѣ какъ будто у себя дома и позабылъ что жизнь есть одно мечтаніе пустое» (Л. 14). Общение Боратынского одновременно и с Яковлевым и с Пономаревой не могло происходить ранее лета — осени 1821 (см.: Вацуро. СДП. С. 177; ИП. С. 183). Однако если предполагать, что *Саша* в ст. 12 автографа — это, например, Пушкин (см. коммента-

рий), тогда, конечно, следует датировать стихотворение 1819 годом, когда Боратынский и Пушкин одновременно общались с Яковлевым.

Брюсов 1899. С. 447 (первая публикация стихотворения после Изд. 1835). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 91* (текст Изд. 1827: «Случай»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1982), *268* (отмечены перепечатки в «Эвтерпе» и «Венере»). -- *Медведева 1936. С. 117* (датировка всех автографов Боратынского в альбоме П. Л. Яковлева: 1818—1821; текст автографа). -- *Изд. 1936. Т. II. С. 240* (датировка: 1819—1821). -- *Изд. 1957. С. 43* (датировка: 1818 или 1819; так же — в Изд. 1989), *333* (некорректное обоснование датировки: «на основании положения автографа в альбоме П. Л. Яковлева»). -- *Изд. 1982. С. 55* (текст Изд. 1835, без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- *Летопись. С. 107* (некорректная датировка: 1821, июнь — 1822, июль).

51

Полуразрушенный я самъ себѣ не нуженъ
И съ дѣвой въ сладкой бой вступаю безоруженъ.

<Лето—осень 1821>

51. «Полуразрушенный я самъ себѣ не нуженъ...»

Печатается по автографу: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 16.

Впервые опубликовано И. Н. Медведевой: Звенья. М.; Л., 1936. [Т.] VI. С. 118.

Печатается с исправлением: ст. 2 *девой* → *дѣвой*

О датировке см. примечание к № 50.

Медведева 1936. С. 117 (датировка всех автографов Боратынского в альбоме П. Л. Яковлева: 1818—1821), *118* (текст автографа). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 267* (стихотворение впервые напечатано в собрании сочинений Боратынского — по автографу; датировка: 1818—1819; так же напечатано и датировано в последующих изданиях). -- *Летопись. С. 107* (некорректная датировка: 1821, июнь — 1822, июль).

52

Моя жизнь

Люблю за дружескимъ столомъ
Съ моей семьею домовитой
О настоящемъ, о быломъ
Поговорить душой открытой.

Люблю пировъ веселой шумъ,
За полной чашей райской влаги
Люблю забыть для сердца умъ
Въ пылу вакхической отваги.

Люблю съ красоткой записной
На ложѣ нѣги и забвенья
По волѣ шалости младой
Разнообразить наслажденья.

<Лето—осень 1821>

52. Моя жизнь («Люблю за дружескимъ столомъ...»)

Печатается по автографу: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 16 об.

Впервые опубликовано И. Н. Медведевой: Звенья. М.; Л., 1936. [Т.] VI. С. 118.

Печатается с исправлением: в конце ст. 5 поставлена запятая (не исключено и иное разделение второй строфы на фразы, предполагающее запятую в конце ст. 6) -- ст. 10 *ложе* → *ложѣ*

О датировке см. примечание к № 50.

Медведева 1936. С. 117 (датировка всех автографов Боратынского в альбоме П. Л. Яковлева: 1818—1821), *118* (текст автографа). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 266* (стихотворение впервые напечатано в собрании сочинений Боратынского по автографу; датировка: 1818—1819; так же напечатано и датировано в последующих изданиях). -- *Летопись. С. 107* (некорректная датировка: 1821, июнь — 1822, июль).

53

<Элегія>

Нѣтъ, не бывать тому, что было прежде!
Что въ счастьи мнѣ? Мертва душа моя!
«Надѣйся, другъ» — сказали мнѣ друзья:
Не поздно ли ввѣряться мнѣ надеждѣ,
Когда желать почти не въ силахъ я?
Я бременюсь нескромнымъ ихъ участьемъ
И съ каждымъ днемъ я вѣрой къ нимъ бѣднѣй.
Что въ пустотѣ несвязныхъ ихъ рѣчей?
Давнымъ-давно простился я со счастьемъ,
Желательнымъ слѣпой душѣ моей!
Лишь въ слѣдъ ему съ унылымъ сладострастьемъ
Гляжу я вдоль моихъ минувшихъ дней.
Такъ нѣжный другъ въ безчувственномъ забвеньи
Еще глядитъ на зыби синихъ волнъ,
На влажный путь, гдѣ въ темномъ отдаленьи
Давно изчезъ отбывшій дружній челнъ.

<До сентября—ноября 1821>

53. <Элегія> («Нѣтъ, не бывать тому, что было прежде!..»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № XI (Труды ВОЛРС. Ч. XVI. Кн. II) (ценз. билет 4 ноября). С. 204 — под общим заглавием «Элегіи» напечатано: I. «Нѣтъ, не бывать тому, что было прежде!..» ; II. «Не искушай меня безъ нужды...»; вместо подписи под вторым стихотворением — две звездочки: **.

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлениями: ст. 3 *другъ—»* → *другъ»* —

Датируется, во-первых, по времени публикации, во-вторых, на основании предположения о том, что именно это стихотворение слушалось 12 сентября 1821 г. в собрании Вольного общества любителей российской словесности под заглавием «Послание I» или «Послание II» — так означены в журнале заседаний общества два неизвестные стихотворения Боратынского (резолюция для обоих текстов: «16 избр., 1 не избр. Препровождается» — см. Журналы ВОЛРС. С. 402); вместе с этими двумя «Посланиями» в тот же день слушалось «Прощание» («Пускай измаранный листок...») — переработка послания к А. И. Шляхтинскому 1819 года (см. примечание № 12.2); поскольку «Про-

щание» было опубликовано также в «Соревнователе» (1821. № IX) — на два номера раньше, чем «Нет, не бывать тому, что было прежде...» и «Не искушай меня без нужды...», — можно считать, что читанные 12 сентября 1821 г. «Послание I» и «Послание II» и есть эти два стихотворения (при публикации под общим заглавием «Элегии» они были аналогично пронумерованы: I. «Нет, не бывать тому, что было прежде!..»; II. «Не искушай меня без нужды...»). Менее вероятно предположение (см.: Летопись. С. 106) о том, что одно из стихотворений слушалось в собрании того же общества 16 мая 1821 г. — в журнале ВОЛРС под этим числом означено чтение какой-то «Элегии» Боратынского (см. Журналы ВОЛРС. С. 398).

Летопись. С. 110 (дата выдачи ценз. билета «Соревнователю»).

Стихотворение включается в собрания сочинений Боратынского начиная с *Изд. 1894 (С. 38)*.

54

Разувѣреніе

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей:
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней!
Ужь я не вѣрю увѣреньямъ,
Ужь я не вѣрую въ любовь,
И не могу предаться вновь
Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ!
Слѣпой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнемъ слова,
И другъ заботливый, больнова
Въ его дремотѣ не тревожь!
Я сплю, мнѣ сладко усыпленье:
Забудь бывалыя мечты:
Въ душѣ моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

<До сентября—ноября 1821>

54. Разувѣреніе («Не искушай меня безъ нужды...»)

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 145—146 (№ LXXXII).

Впервые опубликовано: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № XI (Труды ВОЛРС. Ч. XVI. Кн. II) (ценз. билет 4 ноября). С. 205 — вместе со стихотворением «Нѣтъ, не бывать тому, что было прежде!..» (Там же. С. 204) — под общим заглавием **«Элегіи»** (вместо подписи — две звездочки: **) с разночтениями:

10 Прелестнымъ призракомъ былаго;
11 Воображенія больнаго

Вторично опубликовано: Новости Литературы. 1822. Кн. I. № III (ценз. разр. 6 июля; вышли к 8 июля). С. 47 (подпись: *Баратынскій)* — под заглавием **«Разувѣреніе. Элегія»** с теми вариантами ст. 10 и 11, которые впоследствии войдут в Изд. 1835:

10 Не заводи о прежнемъ слова
11 И, другъ заботливый, больнова

Из «Новостей Литературы» перепечатано: Новые Аониды на 1823 год. М., 1823 (ценз. разр. 9 января 1823). С. 101 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Элегія». Последующие перепечатки из «Новостей Литературы» и «Новых Аонид»: Северный Певец. М., 1830. Ч. 1. С. 51 (без подписи) — без заглавия; Весенние Цветы. М., 1835. [Ч. 1]. С. 62 (подпись: *Е. Баратынскій*) — без заглавия.

В Изд. 1827 (С. 40; раздел «Элегіи. Книга вторая») напечатано под заглавием **«Разувѣреніе»** с разночтением:

11 Другъ попечительный, больнова

По Изд. 1827 перепечатано: Венера. М., 1831. Ч. 2. С. 137—138 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Разувѣреніе».

В Изд. 1835 восстановлен вариант «Новостей Литературы»:

11 И другъ заботливый, больнова

По Изд. 1835 перепечатано: Дамский Альбом. СПб., 1844. С. 144 (подпись: *Баратынскаго*) — под заглавием «Разувѣреніе»

Автограф: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 189. Л. 3 — 3 об. (заглавие: «Разувѣреніе») — с разночтениями:

9 Тоски души моей не множь!

11 Другъ попечительный, больнова

Копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 23 (заглавие: «Разувѣреніе»); РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. Л. 74 (заглавие: «Разувѣреніе»). Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 26 — 26 об. (заглавие: «Разувѣреніе»; с ошибками: ст. 11 «Другъ усыпительный» -- ст. 16 «разбудишь ты»).

Печатается с исправлениями по Изд. 1827: ст. 9 *не множъ → не множь* -- ст. 12 *не тревожъ → не тревожь* -- ст. 16 *пробудишъ → пробудишь*

О датировке см. примечание к № 53. Датировка автографа проблематична: судя по почерку, запись относится ко второй половине 1820-х — началу 1830-х годов.

Очевидно, при подготовке Изд. 1835, в конце 1832 или в 1833 г., Боратынский собирался переработать стихотворение — см. № 188 («Не разтравляй моей души...»).

Русский Инвалид. 1822. 8 июля. № 160. С. 640 (объявление о раздаче подписчикам «Новостей Литературы»). -- *Летопись. С. 110* (дата выдачи ценз. билета «Соревнователю»).

Изд. 1869. С. 33 (текст, соответствующий тексту Изд. 1835: «Разувѣреніе»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях, кроме Изд. 1914—1915; датировка: 1821; так датировано и в последующих изданиях), *188* (варианты «Соревнователя» и Изд. 1827). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 31* (текст «Новых Аонид» под заглавием: «Разувѣреніе. Элегія»), *229* (отмечены перепечатки в «Венере» и «Весенних Цветах»). -- *Филиппович 1915б. С. 199* (отмечена публикация в «Новостях Литературы»). -- *Материалы 1916. С. VI (2-й паг.)* (воспроизведена помета С. А. Рачинского в экземпляре Изд. 1827 из Татевского архива, указывающая адресата: «à M-lle Кучинъ» <В. Н. Кучина>). -- *Изд. 1982. С. 99* (текст Изд. 1835: «Разуверение»), *421* (варианты автографа РГАЛИ, «Соревнователя», Изд. 1827).

55

Дало двѣ доли Провидѣніе
　　На выборъ мудрости людской:
Или надежду и волненіе,
　　Иль безнадежность и покой.

Вѣрь тотъ надеждѣ обольщающей,
　　Кто бодръ неопытнымъ умомъ,
Лишь по молвѣ разновѣщающей
　　Съ судьбой насмѣшливой знакомъ.

Надѣйтесь, юноши кипящіе!
　　Летите: крылья вамъ даны;
Для васъ и замыслы блестящіе
　　И сердца пламенные сны.

Но вы, судьбину испытавшіе,
　　Тщету утѣхъ, печали власть,
Вы, знанье бытія пріявшіе,
　　Себѣ на тягостную часть!

Гоните прочь ихъ рой прельстительный;
　　Такъ! доживайте жизнь въ тиши,
И берегите хладъ спасительный
　　Своей бездѣйственной души.

Своимъ безчувствіемъ блаженные
　　Какъ трупы мертвыхъ изъ гробовъ,
Волхва словами пробужденные,
　　Встаютъ со скрежетомъ зубовъ;

Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанія,
　　Безумно вдавшись въ ихъ обманъ,
Проснетесь только для страданія,
　　Для боли новой прежнихъ ранъ.

<Осень 1821 — весна 1822>

55. «Дало двѣ доли Провиденіе...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 63—64 (№ XXXV).

Впервые опубликовано: Новости Литературы. 1823. Кн. IV. № XXII (ценз. разр. 7 июня; вышли к 9 июня). С. 141—142 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием **«Стансы»** с разночтениями:

6 Кто бодръ душою, бодръ умомъ;
15 Вы, знанье бытія принявшіе,
28 Для боли тяжкой прежнихъ ранъ.

В Изд. 1827 (С. 24—25; раздел «Элегіи. Книга первая») напечатано под заглавием **«Двѣ доли»** с разночтением:

6 Кто сердцемъ бодръ и бодръ умомъ,

По Изд. 1827 перепечатано под заглавием «Двѣ доли»: Учебная книга русской словесности / Изд. Н. [И.] Греч. Изд. 2-е. СПб., 1830. Ч. III. Раздел «Элегия». С. 179 (подпись: *Баратынскій*); Российская Хрестоматия / [Сост. И. Пенинский]. СПб., 1834. Ч. II: Стихотворения. Раздел «Ода нравственная». С. 622—623 (подпись: *Баратынскій*); Весенние Цветы. М., 1835. [Ч. 1]. С. 71—73 (подпись: *Е. Баратынскій*) — с искажениями в ст. 13 («Но все») и 17 («Гоните прахъ ихъ, рай прельстительной»).

Автограф — ПД. № 9668 (Альбом С. Д. Пономаревой). Л. 38—38 об. (подписано: *Боратынскій*) — без заглавия, с теми же разночтениями, что в «Новостях Литературы».

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 81 об. — 82 (заглавие: «Двѣ доли»). В Изд. 1900 (Ч. I. С. 73—74) стихотворение напечатано по неизвестному источнику под заглавием «Двѣ доли» с разночтением:

23 Христа словами пробужденные,

Печатается с исправлением по Изд. 1827: ст. 25 *желанья* → *желанія*

Датируется по времени общения Боратынского с С. Д. Пономаревой, когда он мог записать стихотворение в ее альбом (см.: Летопись. С. 20—21).

Русский Инвалид. 1823. 9 июня. № 136. С. 544 (объявление о раздаче подписчикам «Новостей Литературы»).

Изд. 1869. С. 40—41 (текст, соответствующий тексту Изд. 1835, под заглавием «Двѣ доли»; так стихотворение напечатано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915; датировка: 1823; так же датировано в последующих изданиях), *192* (варианты ст. 6 «Новостей Литературы» и Изд. 1827). -- *Изд. 1900. Ч. I. С. 73—74* (текст с разночтением в ст. 23). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 45—46* (текст «Новостей Литературы»), *236—237* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 15* (текст Изд. 1835 под заглавием «Две доли»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1982). -- *Изд. 1982. С. 46* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *402, 590* (впервые отмечен автограф). -- *Летопись. С. 109* (датировка автографа: 1821, сентябрь—декабрь).

56

Когдабъ вы менѣе прекрасной
Случайно слыли у Молвы;
Когда-бы прелестью опасной
Не столь опасны были вы....
Когда-бъ еще, сей голосъ нѣжной
И томной пламень сихъ очей
Любовью мѣнѣе мятежной
Могли грозить душѣ моей;
Когда бы больше мнѣ на долю
Даровъ послалъ Цитерской богъ;
Тогда я далъ бы сердцу волю,
Тогда любить я васъ бы могъ.
Предаться нѣжному участью
Мнѣ тайной голосъ не велитъ...
И удивленіе — по щастью
Отъ стрѣлъ любви меня хранитъ.

<Осень 1821>

56. «Когдабъ вы менѣе прекрасной...»

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 45 (Альбом С. Д. Пономаревой). Л. 47 (подпись: *Е. Б.*).

Впервые опубликовано Н. В. Дризеном: Вестник Европы. 1894. Т. II (167). Кн. 3. Март. С. 438 — под редакторским заглавием «Въ Альбомъ» и с ошибкой в ст. 14 («тайно» вместо «тайный»).

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлениями: ст. 1 *мѣнѣе* → *менѣе* -- ст. 13 *предатся* → *предаться*

Датируется по времени начала общения с С. Д. Пономаревой (Летопись. С. 109). Другие стихотворения, связанные с С. Д. Пономаревой, см.: №№ 42.2, 43, 57.2, 58.2, 59.2, 60, 61, 62.2, 64.2, 66.2.

Дризен 1894. С. 438 (первая публикация стихотворения). -- *Изд. 1894а. С. 403* (по публикации Дризена стихотворение впервые напечатано в собрании сочинений Боратынского под заглавием «Въ Альбомъ», с повторением ошибки в ст. 14 и с новыми ошибками: ст. 2 «у Москвы» вместо «у Молвы» -- ст. 5 «Когда бы» вместо «Когда-бъ»; под таким же заглавием стихотворение печаталось во всех последующих изданиях). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 47—48* (исправлены ошибки в ст. 5 и 14; сохранена ошибка в ст. 2), *238* (датировка: 1823). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 282* (исправлена ошибка в ст. 2); *Т. II. С. 285* (ошибка в ст. 2 приписана Дризену). -- *Изд. 1957. С. 378* (датировка: 1822). -- *Вацуро 1979. С. 15—16* (фотокопия карикатуры П. Л. Яковлева в альбоме ПД. № 9665: франт ухаживает за красавицей; подпись под карикатурой: ст. 13—16 из стихотворения «Когда б вы менее прекрасной...»).

С. Д. Пономарева
Миниатюра работы неизвестного художника (1810-е гг.)
с крышки альбома С. Д. Пономаревой
(РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 45)

57

1

Когда неопытенъ я былъ,
У красоты самолюбивой,
Мечтатель слишкомъ прихотливой,
Я за любовь любви молилъ;
Я трепеталъ въ тоскѣ желанья
У ногъ волшебницъ молодыхъ:
Но тщетно взоръ во взорахъ ихъ
Искалъ отвѣта и узнанья!
Огонь утихъ въ моей крови;
Покинувъ службу Купидона,
Я промѣнялъ сады любви
На верхъ безплодный Геликона.
Но свѣтлый міръ унылъ и пустъ
Когда душѣ ничто не мило:
Руки пожатье замѣнило
Мнѣ поцѣлуй прекрасныхъ устъ.

<Осень 1821; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Слѣпой поклонникъ красоты,
Любви и нѣги сынъ безпечный,
Я несъ ей въ даръ восторгъ сердечный
И сладострастныя мечты.
Я трепеталъ въ тоскѣ желанья
У ногъ волшебницъ молодыхъ;
Но тщетно взоръ во взорахъ ихъ
Искалъ отвѣта и узнанья!
Огонь утихъ въ моей крови;
Покинувъ знамя Купидона,
Я промѣнялъ альковъ любви

На верхъ безплодный Геликона;
Но свѣтлый міръ унылъ и пустъ
Когда душѣ ничто не мило:
Руки пожатье замѣнило
Мнѣ поцѣлуй волшебныхъ устъ!

<Осень 1821>

3

Промежуточная редакция

Л—ой

Слѣпой поклонникъ красоты,
На перекоръ моей судьбинѣ,
Въ нее я вѣровалъ до-нынѣ,
Ей несъ я въ даръ мои мечты,
Я трепеталъ въ тоскѣ желанья
У ногъ волшебницъ молодыхъ;
Но тщетно взоръ во взорахъ ихъ
Искалъ отвѣта и узнанья!
Огонь утихъ въ моей крови.
Покинувъ службу Купидона,
Я промѣнялъ сады любви
На верхъ безплодный Геликона.
Но свѣтлый міръ унылъ и пустъ
Когда душѣ ни что не мило:
Руки пожатье замѣнило
Мнѣ поцѣлуй прекрасныхъ устъ.

<Осень 1821 — первая половина марта 1825>

57.1. «Когда неопытенъ я былъ...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 56 (№ XXXII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 111 (раздел «Смѣсь») — под заглавием «**Л—ой**» <А. В. Лутковской>.

Автограф ранней редакции см.: № 57.2.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 26 (заглавие: «Замѣна»).

Печатается с исправлением: ст. 10 *купидона* → *Купидона*

57.2. «Слѣпой поклонникъ красоты...»

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 45 (Альбом С. Д. Пономаревой). Л. 17 (подпись: *Е. Б.*).

Впервые опубликовано Н. В. Дризеном: Вестник Европы. 1894. Т. II (167). Кн. 3. С. 438 — без заглавия, с ошибкой в ст. 7 (*сихъ* вместо *ихъ*).

Печатается с исправлениями по тексту «Полярной Звезды» (см.: № 57.3): ст. 13 *миръ* → *міръ* -- ст. 16 *поцелуй* → *поцѣлуй*

Датируется по времени начала интенсивного общения с С. Д. Пономаревой; другие стихотворения, связанные с С. Д. Пономаревой, см.: №№ 42.2, 43, 56, 58.2, 59.2, 60, 61, 62.2, 64.2, 66.2.

57.3. Л—ой («Слѣпой поклонникъ красоты...»)

Печатается по тексту первой публикации: Полярная Звезда на 1825 год (ценз. разр. и ценз. билет 20 марта 1825). С. 276 (подпись: *Б.*; в оглавлении: *Б — — го*).

Адресат — А. В. Лутковская.

Датируется по времени между записью в альбоме С. Д. Пономаревой (см. № 57.2) и публикацией в «Полярной Звезде».

Северная Пчела. 1825. 21 марта. № 35. С. 1 (объявление о выходе и продаже «Полярной Звезды на 1825 год»; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 24*). -- *Могилянский 1956. С. 394* (дата выдачи ценз. билета «Полярной Звезде»).

Изд. 1869. С. 65 (текст Изд. 1835: «Л—ой»; датировка: 1825; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *199* (варианты «Полярной Звезды»). -- *Дризен 1894. С. 438* (текст напечатан по автографу из альбома С. Д. Пономаревой). -- *Изд. 1894а. С. 403* (текст, опубликованный Н. В. Дризеном, напечатан как отдельное стихотворение — наряду с текстом поздней редакции «Л—ой», напечатанным на с. 64—65). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 65* (текст «Полярной Звезды» под заглавием «Л[утковск]ой»), *249* (варианты Изд. 1827, Изд. 1835 и публикации Н. В. Дризена; датировка: «не позже 1824-го»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 79* (текст Изд. 1827 под заглавием «Л—ой»); *Т. II. С. 243* (датировка: 1821; сообщение о том, что автограф в альбоме С. Д. Пономаревой, находившийся тогда в Театральном музее им. А. А. Бахрушина, утрачен: «на месте вырванного № 14 — вкладка с указанием, что здесь было стихотворение "Слепой поклонник красоты..."»). -- *Изд. 1951. С. 553* (текст Изд. 1835 без заглавия). -- *Изд. 1957. С. 64* (текст Изд. 1827 под заглавием «Л—ой»; датировка: 1820 или 1821), *337* (варианты «Полярной Звезды»; автограф в альбоме С. Д. Пономаревой по-прежнему числится в числе утраченных). -- *Изд. 1982. С. 41* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *396* (варианты «Полярной Звезды» и автографа в альбоме С. Д. Пономаревой), *588* (указано место хранения альбома С. Д. Пономаревой, содержащего вновь найденный автограф: ЦГАЛИ). -- *Летопись. С. 109* (датировка: 1821, сентябрь—декабрь).

58

1

О своенравная Аглая!
Отъ всей души я васъ люблю,
Хотя другимъ не подражая,
Довольно рѣдко васъ хвалю.
На вашихъ ужинахъ веселыхъ,
Гдѣ любятъ смѣхъ, и даже шумъ,
Гдѣ не кладутъ оковъ тяжелыхъ
Намъ ни на сердце, ни на умъ,
Гдѣ для глупца или невѣжды
Словъ не размѣриваемъ мы,
Я основалъ свои надежды
И счастье нынѣшней зимы.
Ни въ чемъ не слѣдуя пристрастью,
Даете цѣну вы всему:
И остроумью и уму,
И удовольствію и счастью.
Свѣтъ пренебрегши, въ добрый часъ,
И притѣснительную моду,
Всему и всѣмъ забавить васъ
Вы дали полную свободу,
И потому далеко прочь
Отъ васъ бѣжитъ причудницъ мука,
Жеманства пасмурная дочь,
Всегда зѣвающая скука.
Иной порою, знаю самъ,
Я васъ браню по пустякамъ.
Простите мнѣ мои укоры!
Не умъ одинъ дивится вамъ,
Опасны сердцу ваши взоры:
Они лукавы, я слыхалъ,
И щекотливѣе другаго,
Отъ упоенія слѣпаго

Спасти разсудокъ свой желалъ.
Я въ немъ теперь едвали воленъ
И часто пасмурный душой,
За то я вами не доволенъ,
Что не доволенъ самъ собой.

<Зима 1821—1822; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

О своенравная Софія!
Отъ всей души я васъ люблю,
Хотя и рѣже чѣмъ другія
И неискуснѣй васъ хвалю.
На вашихъ ужинахъ веселыхъ,
Гдѣ любятъ смѣхъ и даже шумъ,
Гдѣ не кладутъ оковъ тяжелыхъ
Ни на умѣнье, ни на умъ;
Гдѣ для холопа иль невѣжды,
Не притворяясь, часто мы
Бранимъ Указы и псалмы,
Я основалъ мои надѣжды
И щастье нынешней Зимы.
Ни въ чемъ не слѣдуя пристрастью,
Даете цѣну вы всему:
Разсудку, шалости, уму,
И удовольствію и щастью.
Свѣтъ пренебрегши въ доброй часъ
И утеснительную моду,
Всему и всѣмъ забавить васъ
Вы дали полную свободу;
И потому далеко прочь
Отъ васъ бѣжитъ причудницъ мука,
Жеманства пасмурная дочь,
Всегда зѣвающая Скука.
Иной порою, знаю самъ,

Я васъ браню по пустякамъ;
Простите мнѣ мои укоры:
Не умъ одинъ дивится вамъ,
Опасны сердцу ваши взоры.
Они лукавы, я слыхалъ;
И все предвидя осторожно,
Отъ власти ихъ когда возможно
Спасти разсудокъ я желалъ.
Я въ немъ теперь едва ли воленъ;
И часто, пасмурный душой,
За то я вами недоволенъ,
Что недоволенъ самъ собой.

<Зима 1821—1822>

58.1. «О своенравная Аглая!..»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 123—124 (№ LXVIII).

В Изд. 1827 (С. 148—149; раздел «Посланія») — под заглавием **«Аглаѣ»**.

Впервые опубликовано: Полярная Звезда на 1824 год (ценз. разр. и ценз. билет 20 декабря 1823). С. 27—28 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием **«Аглаѣ»** с разночтениями:

8 Ни на безумье, ни на умъ;

11 Я основалъ мои надежды
12 И счастье будущей зимы.

15 Разсудку, шалости, уму

31 Самолюбивѣе другова,
32 Отъ упоенія слѣпова,
33 Спасти разсудокъ я желалъ.

Автограф ранней редакции см. № 58.2.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 70—70 об. (заглавие: «С. Д. П.»).

58.2. «О своенравная Софія!..»

Печатается по автографу: ПД. № 9668 (Альбом С. Д. Пономаревой). Л. 16 (подпись: *Е. Б.*).

Впервые опубликовано М. Л. Гофманом: Изд. 1914—1915. Т. I. С. 54—55.

Печатается с исправлениями: ст. 5 *веселыхъ* → *веселыхъ*, -- ст. 9 *или* → *иль* -- ст. 13 *щастьѣ* → *щастье* -- ст. 31 *лукавы* → *лукавы*, -- ст. 37 *недоволенъ* → *недоволенъ*,

Датируется по упоминанию в ст. 12 автографа «нынешней Зимы»: единственная зима, когда Боратынский мог записать в альбом С. Д. Пономаревой это стихотворение, — зима 1821—1822 г. Другие стихотворения, связанные с С. Д. Пономаревой, см.: №№ 42.2, 43, 56, 57.2, 59.2, 60, 61, 62.2, 64.2, 66.2.

Сын Отечества. 1823. Ч. 89. № LI (номер датирован 22 декабря). С. 228—229 (в сноске к библиографической справке о «Полярной Звезде» — сообщение о продаже альманаха; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 17—18*). -- *Могилянский 1956. С. 393* (дата выдачи ценз. билета «Полярной Звезде»).

Изд. 1869. С. 49—50 (текст Изд. 1827: «Аглаѣ»; датировка: 1824; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *193* (варианты «Полярной Звезды»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 54—55* (текст автографа из альбома С. Д. Пономаревой; датировка: 1823; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях), *242—243* (варианты «Полярной Звезды», Изд. 1827 и Изд. 1835). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 98—99* (текст автографа из альбома С. Д. Пономаревой); *Т. II. С. 249* (публикация в основном корпусе текстов ранней редакции стихотворения по автографу из альбома С. Д. Пономаревой некорректно мотивирована цензурными искажениями в прижизненных публикациях — повторено во всех последующих изданиях). -- *Летопись. С. 109* (датировка: 1821, сентябрь — декабрь). -- *Пильщиков 2000. С. 379—380* (отмечена некорректность утверждений о цензурных искажениях стихотворения в прижизненных публикациях).

59

1

Мнѣ съ упоеніемъ замѣтнымъ
Глаза поднять на васъ бѣда:
Вы ихъ встрѣчаете всегда
Съ лицомъ сердитымъ, непривѣтнымъ.
Я полонъ страстною тоской,
Но нѣтъ! разсудка не забуду
И на нескромный пламень мой
Отвѣта требовать не буду.
Не терпитъ Богъ младыхъ проказъ
Ланитъ увядшихъ, впалыхъ глазъ:
Надежды были-бы напрасны
И къ вамъ не ими я влекомъ.
Любуюсь вами какъ цвѣткомъ,
И счастливъ тѣмъ, что вы прекрасны.
Когда я въ очи вамъ гляжу,
Предавшись нѣжному томленью,
Слегка о прошломъ я тужу,
Но радъ, что сердце нахожу
Еще способнымъ къ упоенью.
Межъ мудрецами былъ чудакъ:
«Я мыслю» пишетъ онъ, «и такъ
Я несомнѣнно существую.»
Нѣтъ! любишь ты, и потому
Ты существуешь: я пойму
Скорѣе истину такую.
Огнемъ похищеннымъ съ небесъ
Япетовъ сынъ, гласитъ преданье,
Одушевилъ свое созданье,
И наказалъ его Зевесъ.
Неумолимый, Прометея
Къ скаламъ Кавказа приковалъ,
И сердце вранъ ему клевалъ;

Но что-жь? несчастнаго жалѣя,
Кто на Зевеса не ропталь!
Въ огнѣ волшебныхъ вашихъ взоровъ
Я занялъ сердца бытіе:
Вашъ гнѣвъ достойнѣе укоровъ,
Чѣмъ дерзновеніе мое;
Но нѣтъ, утѣшьтесь, шутка водитъ
Моимъ проказливымъ перомъ:
Я захожу въ вашъ милый домъ,
Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходитъ.
Душою праздный съ давнихъ поръ,
Еще твержу любовный вздоръ,
Еще беру прельщенья мѣры,
Какъ по привычкѣ прежнихъ дней,
Онъ ароматы сжетъ безъ вѣры
Богамъ, чужимъ душѣ своей.

<Зима 1821—1822; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Къ —

Зачѣмъ живыя выраженья
Моей пріязни, каждый разъ,
Въ Васъ возбуждаютъ опасенья
И возмущаютъ даже Васъ?
Страшитесь Вы (страшитесь право),
Не взволновали-ль Вы мнѣ кровь
И голосъ дружества любовь
Не принимаетъ ли лукаво?
Душа полна тоски ея;
Но я разсудка не забуду
И на смятеніе мое
Отвѣта требовать не буду.
Не терпитъ богъ младыхъ проказъ

Ланитъ увядшихъ, впалыхъ глазъ.
Надежды были бы напрасны!
Чтожь? Я не жалокъ и притомъ
Любуясь Вами, какъ цвѣткомъ,
Я счастливъ тѣмъ, что Вы прекрасны.
Когда я въ очи Вамъ гляжу,
Предавшись нѣжному томленью,
Слегка о прошломъ я тужу;
Но радъ, что сердце нахожу
Еще способнымъ къ упоенью.
Межь мудрецами былъ чудакъ:
«Я мыслю» пишетъ онъ, «итакъ,
Я несомнѣнно существую!»
Нѣтъ, любишь ты и потому
Ты существуешь — я пойму
Скорѣе истину такую.
Огнемъ, похищеннымъ съ небесъ,
Одушевилъ свое созданье
Япетовъ сынъ — и въ наказанье
Жестокой, мстительный Зевесъ
Къ вершинѣ дикаго Кавказа
Его цѣпями приковалъ;
Вранъ сердце грызть ему леталъ.
Кто отъ единаго разсказа
Не цѣпенѣлъ, не трепеталъ?
И Вы трепещете; но что же?
Въ огнѣ любезныхъ мнѣ очей
Я занялъ жизнь души моей.
За это мстили Вы мнѣ тоже
И также ради мстить, ей ей!
Но въ жаръ краса меня не вводитъ:
Тяжелый опытъ взялъ своё.
Я захожу въ прію́тъ её,
Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходитъ.
Душою праздный съ давнихъ поръ,
Вамъ лепечу я нѣжный вздоръ:

Увы! беру прельщенья мѣры,
Какъ онъ порою въ храмѣ томъ
Благоуханья сжетъ безъ Вѣры,
Предъ сердцу чуждымъ Божествомъ.

<Зима 1821—1822>

59.1. «Мнѣ съ упоеніемъ замѣтнымъ...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 40—42 (№ XXI).

В этой редакции стихотворение впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 169—171 (раздел «Посланія») — под заглавием **«Къ ....»** с вероятной опечаткой в ст. 44 («любезный вздоръ» вместо «любовный вздоръ») и с разночтением:

32 Вранъ сердце грызть ему леталъ;

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 121 об. — 122 об. (заглавие: «Къ ...») — с разночтениями:

33 Но дерзость жертвы разумѣя
34 Кто приговоръ не осуждалъ?
38 Чѣмъ преступленіе мое.
39 Но не сержусь я, шутка водитъ
40 Моимъ догадливымъ перомъ.

Печатается с исправлениями по Изд. 1827: ст. 14 *тѣмъ* → *тѣмъ*, -- ст. 18 *радъ* → *радъ*, -- ст. 48 *Богамъ* → *Богамъ*,

59.2. Къ — («Зачѣмъ живыя выраженья...»)

Печатается по тексту первой публикации: Новости Литературы. 1824. Кн. IX. Июль (ценз. разр. 20 августа; номер вышел в первой половине сентября). С. 40—41 (подпись: *Б—скій*).

Перепечатано: Собрание Новых Русских Стихотворений. СПб., 1826. Ч. 2. С. 115—117 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Къ —» (в оглавлении: «Къ ***»).

Печатается с исправлением: ст. 5 *право)* → *право),*

Датируется по соотношению стихотворения с другими стихотворениями, связанными с С. Д. Пономаревой, адресатом стихотворения — см.: №№ 42.2, 43, 56, 57.2, 58.2, 60, 61, 62.2, 64.2, 66.2.

Литературные Листки. 1824. Ч. III. № XVII (ценз. разр. 17 сентября). С. 152—166 (рецензия Ф. В. Булгарина на июльскую книжку «Новостей Литературы»; на с. 152 сказано, что «Новости Литературы» вышли в сентябре). -- *Памяти декабристов. Л., 1926. [Т.] 1. С. 69* (запись в памятной книжке А. А. Бестужева, датированная 14 сентября 1824: «Письмо бранное

къ Воейкову за Разбойниковъ»; имеется в виду обширная цитата из еще не опубликованной поэмы А. С. Пушкина «Братья-разбойники» в статье А. Ф. Воейкова «Путешествие из Саренты на развалины Шери-Сарая...», напечатанной в июльском номере «Новостей Литературы»). -- Предлагавшиеся ранее датировки выхода «Новостей Литературы»: 20—26 августа (Цявловский 1951. С. 509) и 3 ноября (Могилянский 1956. С. 395) — некорректны: первая из них основана на неверном предположении о том, что каждый номер «Новостей Литературы» выходил до того, как дано цензурное разрешение следующему номеру, а вторая является результатом библиографической путаницы: июльский номер открывает *IX книгу* (= часть) «Новостей Литературы», а 3 ноября, видимо, был выдан цензорский билет *IX книжке* (= сентябрьскому номеру) журнала, вышедшей 12 ноября (см.: Русский Инвалид. 1824. № 267. С. 1068).

Изд. 1869. С. 54—55 (текст поздней редакции, соответствующий копии Н. Л. Боратынской, под заглавием «Г. З.» <Графине Закревской> — ошибочная адресация; так же, но с вариациями заглавия, стихотворение печаталось в последующих изданиях, кроме Изд. 1914—1915; датировка: 1824; так же датировано в последующих изданиях), *195—196* (варианты «Новостей Литературы», Изд. 1827 и Изд. 1835). -- *Изд. 1884. С. 80—81* (текст Изд. 1869). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 60—61* (текст «Новостей Литературы» под заглавием «Къ —»), *245—246* (варианты Изд. 1827, Изд. 1835 и Изд. 1835; отмечено, что варианты Изд. 1869 совпадают с вариантами копии Н. Л. Боратынской; отмечена перепечатка в «Собрании Новых Русских Стихотворений»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 114—115* (текст Изд. 1884 под заглавием «К ....» с произвольной пунктуацией в ст. 29—30: «И наказал его Зевес // Неумолимый, Прометея» — повторено в последующих изданиях); *Т. II. С. 131—132* (текст «Новостей Литературы»), *254* (отмечена ошибочность предположения о том, что стихотворение адресовано А. Ф. Закревской). -- *Изд. 1937. С. 110—111* (текст Изд. 1884 под заглавием «К ***»). -- *Изд. 1951. С. 134—135* (текст под заглавием «К ...»; так же — в Изд. 1957). -- *Изд. 1957. С. 345* (предположение о том, что стихотворение адресовано С. Д. Пономаревой). -- *Изд. 1982. С. 32—33* (текст, соответствующий тексту Изд. 1869, напечатан без заглавия и без указания в комментариях, по какому источнику печатается; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *391—392* (варианты «Новостей Литературы», Изд. 1827 и Изд. 1835). -- *Изд. 1989. С. 121* (произвольная датировка: между январем и июнем 1824). -- *Летопись. С. 109* (датировка: 1821, сентябрь — декабрь). -- *Пильщиков 2000. С. 387—388* (отмечена неточность в публикациях ст. 29—30).

60

Неизвинительной ошибкой,
Скажите, долго-ль будетъ вамъ
Внимать съ холодною улыбкой
Любви укорамъ и мольбамъ?
Однѣ побѣды вамъ извѣстны;
Любовь нечаянно узнавъ,
Какихъ лишитеся вы правъ
И меньше-ль будете прелестны?
Ко мнѣ примѣрно нѣжной ставъ,
Вы наслажденья лишены-ли:
Дурачить плѣнниковъ другихъ
И гордой быть, какъ прежде были,
Къ толпѣ соперниковъ моихъ?
Еще-же нужно размышленье!
Любви простое упоенье
Васъ не довольствуетъ вполнѣ;
Но съ упоеньемъ поклоненье
Соединить не трудно мнѣ;
И вашъ угодникъ постоянной
Поперемѣнно я-бы могъ —
Быть съ вами запросто въ диванной,
Въ гостинной быть у вашихъ ногъ.

<Зима 1821—1822>

60. «Неизвинительной ошибкой...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 61—62 (№ XXXIV).

Впервые опубликовано: Полярная Звезда на 1825 год (ценз. разр. и ценз. билет 20 марта 1825). С. 190—191 (подпись: *Б.*) — под заглавием «**Къ жестокой**» с разночтениями:

14 Еще ли нужно размышленье!

17 Но съ нѣгой страстной поклоненье

В Изд. 1827 (С. 86—87; раздел «Смѣсь») стихотворение напечатано под тем же заглавием «**Къ жестокой**» с теми же разночтениями.

По Изд. 1827 перепечатано: Венера. М., 1831. Ч. 2. С. 84—85 (подпись: *Баратынскій*) — под тем же заглавием и с искажением в ст. 19 («И вамъ» вместо «И вашъ»).

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 64 (заглавие: «С. Д. П.») — с разночтением:

12 И строгой быть какъ прежде были,

Датируется по соотношению с другими стихотворениями, связанными с С. Д. Пономаревой, адресатом стихотворения — см.: №№ 42.2, 43, 56, 57.2, 58.2, 59.2, 61, 62.2, 64.2, 66.2.

Северная Пчела. 1825. 21 марта. № 35. С. 1 (объявление о выходе и продаже «Полярной Звезды»; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 24*). -- *Могилянский 1956. С. 394* (дата выдачи ценз. билета «Полярной Звезде»).

Изд. 1869. С. 84 (текст под заглавием «С. Д. П.» с разночтениями: ст. 12 — так же, как в копии Н. Л. Боратынской; ст. 14 — так же, как в «Полярной Звезде» и Изд. 1827; датировка: 1827; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *204* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835 в ст. 12 и 17). -- *Изд. 1884. С. 135* (текст Изд. 1869 под заглавием «С. Д. П.» с произвольной пунктуацией в ст. 9 : «Ко мнѣ, примѣрно, нѣжной ставъ» — так же в Изд. 1951 и последующих изданиях). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 59—60* (текст «Полярной Звезды»), *244—245* (варианты Изд. 1827, Изд. 1835 и копии Н. Л. Боратынской; по заглавию «С. Д. П.» определен адресат: С.Д.Пономарева; датировка: не позже первой половины 1824; отмечена перепечатка в «Венере»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 58* (текст Изд. 1884 под заглавием «К жестокой»; так стихотворение печаталось до Изд. 1957). -- *Изд. 1957. С. 88—89* (текст напечатан, как сказано в комментарии на с. 342, по Изд. 1835, но под заглавием «К жестокой», а в,ст. 12 вместо «гордой», как в Изд. 1835, — «строгой», как в копии Н. Л. Боратынской и в первых посмертных изданиях), *342* (датировка: 1822—1823; так же датировано в Изд. 1989). -- *Изд. 1982. С. 45* (текст Изд. 1835 без заглавия и без путаницы в ст. 12; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *402* (варианты «Полярной Звезды», Изд. 1827 и Изд. 1884, с указанием несуществующего разночтения в ст. 13; так же — в Изд. 2000). -- *Летопись. С. 109* (датировка: 1821, сентябрь—декабрь). -- *Пильщиков 2000. С. 381* (отмечена ошибочность пунктуации ст. 9 в Изд. 1884 и позднейших изданиях).

61

Я безразсуденъ — и не диво!
Но разсудителенъ-ли ты,
Всегда преслѣдуя ревниво
Мои любимыя мечты?
«Не для нее прямое чувство:
«Одно коварное искуство
«Я вижу въ Деліи твоей;
«Не вѣрь прелестницѣ лукавой!
«Самолюбивою забавой
«Твои восторги служатъ ей.»
Не обнаружу я досады,
И проницательность твоя
Хвалы достойна, вѣрю я;
Но не находитъ въ ней отрады
Душа смятенная моя.

Я вспоминаю голосъ нѣжный
Шалуньи ласковой моей,
Рѣчей открытыхъ складъ небрежный,
Огонь ланитъ, огонь очей;
Я вспоминаю день разлуки,
Послѣдній, долгій разговоръ,
И полный нѣги, полный муки,
На мнѣ покоившійся взоръ;
Я перечитываю строки,
Гдѣ, увлеченія полна,
Въ любви счастливые уроки
Мнѣ самому даетъ она,
И говорю въ тоскѣ глубокой:
«Уже-ль обмануть я жестокой?
«Или все, все въ безумномъ снѣ
«Безумно чудилося мнѣ?
«О, страшно мнѣ разувѣренье,
«И объ одномъ мольба моя:

«Да вѣчнымъ будетъ заблужденье,
«Да вѣкъ безумцемъ буду я»...

Когда же съ вѣрою напрасной
Взываю я къ судьбѣ глухой,
И вскорѣ опытъ роковой
Очамъ доставитъ свѣтъ ужасной,
Пойду я странникомъ тогда
На край земли, туда, туда,
Гдѣ вѣчный холодъ обитаетъ,
Гдѣ по неволѣ стынетъ кровь,
Гдѣ, можетъ быть, сама любовь
Въ озябломъ сердцѣ потухаетъ....
Иль нѣтъ: подумавши путемъ,
Останусь я въ углу своемъ,
Скажу вздохнувъ: «Горюнъ неловкой!
Грусть простодушная смѣшна;
Не лучше-ль плутомъ быть съ плутовкой,
Шутить любовью, какъ она?
Я объ обманщицѣ тоскую:
Какъ здравымъ смысломъ я убогъ!
Уже-ль обманщицу другую
Мнѣ не пошлетъ въ отраду Богъ?»

<Зима 1821—1822>

61. «Я безразсуденъ — и не диво!..»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 157—159 (№ LXXXIX).

Впервые опубликовано: Полярная Звезда на 1825 год (ценз. разр. и ценз. билет 20 марта 1825). С. 148—150 (подпись: *Б.*; в оглавлении: *Б — — го*) — под заглавием **«Д — у»** с опечаткой в ст. 21 («Послѣдней») и с разночтениями:

30 Иль всё досель въ безумномъ снѣ
47 Останусь я въ углу моемъ

В Изд. 1827 (С. 119—121; раздел «Смѣсь»), где напечатано под заглавием **«Д—гу»** с другими разночтениями:

51 Шутить съ любовью, какъ она?
55 Мнѣ не пошлетъ въ отраду рокъ?

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 68 — 68 об. (заглавие: «Д...») — с разночтением:

15 Душа стѣсненная моя.

Печатается с исправлением: в конце ст. 55 поставлены кавычки.

Адресат — А. А. Дельвиг.

Датируется по времени общения Боратынского с С. Д. Пономаревой — героиней стихотворения (см.: Летопись. С. 111).

Северная Пчела. 1825. 21 марта. № 35. С. 1 (объявление о выходе и продаже «Полярной Звезды»; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 24*). -- *Могилянский 1956. С. 394* (дата выдачи ценз. билета «Полярной Звезде»).

Изд. 1869. С. 63—65 (текст Изд. 1835; датировка: 1825; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *199* (варианты «Полярной Звезды»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 78—80* (текст «Полярной Звезды»; датировка: 1824), *256* (варианты Изд. 1827, Изд. 1835 и копии Н. Л. Боратынской). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 87—88* (текст Изд. 1835 под заглавием «Дельвигу»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1957); *Т. II. С. 245* (предположение: «под именем Делии имеется в виду С. Д. Пономарева»). -- *Изд. 1957. С. 116—118* (текст Изд. 1835 под заглавием «Д — гу»; датировка: 1825). -- *Изд. 1982. С. 105—106* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- *Изд. 1989. С. 114* (датировка: <1824>). -- *Вацуро. СДП. С. 198* (датировка: «не позднее 1823»). -- *Летопись. С. 111* (датировка: 1821, сентябрь—декабрь).

62

1

Любви примѣты
Я не забылъ,
Я ей служилъ
Въ былыя лѣты!
Въ ней говоритъ
И жаръ ланитъ
И вздохъ случайной....
О! я знакомъ
Съ симъ языкомъ
Любови тайной!
Въ душѣ твоей
Ужь нѣтъ покоя;
Давнымъ давно я
Читаю въ ней:
Любви примѣты
Я не забылъ,
Я ей служилъ
Въ былыя лѣты!

<До начала марта 1822; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Догадка

Любви примѣты
Я не забылъ;
Я ей служилъ
Въ былыя лѣты.
Въ ней говоритъ
И жаръ ланитъ
И вздохъ случайной.

О! я знакомъ
Съ симъ языкомъ
Любови тайной.
Ты вся въ огнѣ,
Бѣдняжка Скромность!
Сихъ взоровъ томность
Понятна мнѣ.
Любви примѣты
Я не забылъ;
Я ей служилъ
В былыя лѣты.

<До начала марта 1822>

62.1. «Любви примѣты...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 32 (№ XVI).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 59 (раздел «Элегіи. Книга третья») — под заглавием **«Догадка»**.

По Изд. 1827 перепечатано: Эвтерпа. М., 1831. С. 22—23 (подпись: *Е. Баратынскій*) — под заглавием «Догадка». Из «Эвтерпы» перепечатано: Песни, Романсы и куплеты из Водевилей. М., 1833. С. 73—74 (подпись: *Е. Баратынскій*) — под тем же заглавием.

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 26 об. (заглавие: «Любви примѣты»). Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 21 об. (без заглавия). Еще одна копия: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. Л. 75 (заглавие: «Догадка»).

62.2. Догадка («Любви примѣты...»)

Печатается по тексту первой публикации: Благонамеренный. 1822. Ч. 17. № XI (вышел 16 марта). С. 443 (подпись: *Б.*) — опубликовано вместе со стихотворениями «Поцѣлуй» и «Возвращеніе» (см.: №№ 63, 64.2). Перед публикацией в «Благонамеренном» — 9 марта 1822 г. — А. Е. Измайлов читал все три стихотворения в собрании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (см.: Вацуро. СДП. С. 192—193).

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 39. Л. 137 (без заглавия; подписано: *Баратынской*) — копия сделана, очевидно, до знакомства с Боратынским по «Благонамеренному», с перестановкой ст. 11 и 12 («Бѣдняжка Скромность // Ты вся въ огнѣ») и с ошибкой в ст. 5 («Въ нихъ» вместо «Въ ней»).

Печатается с исправлением по Изд. 1827 и Изд. 1835: ст. 4 и 18 *былые* → *былыя*

Датируется по времени чтения стихотворения в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств. Не исключено, что А. Е. Измайлов получил все три сти-

хотворения, читанные им 9 марта, от С. Д. Пономаревой. Другие стихотворения, связанные с С. Д. Пономаревой, — см. №№ 42.2; 43; 56; 57.2; 58.2; 59.2; 60; 61; 63; 64.2; 65.2.

Изд. 1869. С. 81 (текст поздней редакции без заглавия; датировка: 1827; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915). -- *Брюсов 1899. С. 439, 440* (отмечена публикация в «Благонамеренном»; приведены варианты «Благонамеренного»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 36* (текст «Благонамеренного»: «Догадка»; датировка: 1822; так стихотворение датировано в последующих изданиях), *231* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; учтена перепечатка в «Эвтерпе»; отмечен автограф ранней редакции стихотворения в Казанском домашнем архиве Боратынских: «тетрадь Н. Л. Боратынской <...> стр. 180»; современное местонахождение автографа неизвестно). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 38* (текст Изд. 1827: «Догадка»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1982). -- *Изд. 1982. С. 27* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000), *582* (ошибочная справка: «Автограф — ПД»; повторено в Изд. 1989. С. 399 и в Изд. 2000. С. 455).

63

На кровы ближняго селенья
Нисходитъ вечеръ; день погасъ.
Покинемъ рощу, гдѣ для насъ
Часы летѣли какъ мгновенья!
Лель улыбнись, когда изъ ней
Случилось дѣвицѣ моей
Унесть во взорахъ пламень томный,
Мечту любви въ душѣ своей
И въ волосахъ листокъ нескромный.

<До начала марта 1822>

63. «На кровы ближняго селенья...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 96 (№ LV).

Впервые опубликовано: Благонамеренный. 1822. Ч. 17. № XI (вышел 16 марта). С. 444 (подпись: *Б.*) — под заглавием **«Возвращеніе»**, вместе со стихотворениями «Догадка» и «Поцѣлуй» (см. №№ 62, 64). Перед публикацией в «Благонамеренном» — 9 марта 1822 г. — А. Е. Измайлов читал все три стихотворения в собрании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (см.: Вацуро. СДП. С. 192—193).

В Изд. 1827 (С. 61; раздел «Элегіи. Книга третья») напечатано под тем же заглавием **«Возвращеніе»**; в оглавлении: «Возвращеніе (*подраженіе* <так> *Милльвуа*)».

Из «Благонамеренного» перепечатано: Опыт Русской Анфологии. М., 1828. С. 123 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием **«Возвращеніе»**.

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Раздел «Элегіи». Л. 5 об. (шифр и нумерация листов до 1999 г.: № 21733. Л. 15; заглавие: «Роща»); в ст. 6, как и в прижизненных изданиях: «Случилось».

В Изд. 1884 (С. 130) стихотворение напечатано под заглавием «Возвращеніе (Подражаніе Мильвуа)» — с разночтением:

6 Случится дѣвицѣ моей

Чтение «Случится» принято во всех последующих изданиях — см. библиографическую справку в последнем абзаце настоящего примечания.

О датировке см. примечание к № 62.2.

Изд. 1869. С. 82 (текст под заглавием «Возвращеніе (Подраженіе <так> Мильвуа)»; в ст. 6: «Случилось»; датировка: 1827; так же датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915). -- *Изд. 1884. С. 130* (текст под заглавием «Возвращеніе (Подражаніе Мильвуа)»; в ст. 6: «Случится»). -- *Брюсов 1899. С. 439* (отмечена публикация в «Благонамеренном»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 37* (текст «Благонамеренного»; датировка: 1822; так же датировано в последующих изданиях), *232* (отмечено разночтение Изд. 1884 в ст. 6: «Случится»; датировка: 1822; указана перепечатка в «Опыте Русской Анфологии»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 40* (текст под заглавием «Возвращение»; в ст. 6: «Случится»; так же — в последующих изданиях до Изд. 1982); *Т. II. С. 233* (отмечено, что текст печатается «по изд. 1835 с поправкой ст. 6 по копии Н. Л. Боратынской» — со ссылкой на ПД, без указания шифра). -- *Изд. 1957. С. 86* (текст под заглавием «Возвращение»; в ст. 6: «Случится»), *342* (указано, что текст печатается по Изд. 1827 «с исправлением по копии Н. Л. Боратынской (ИРЛИ, 21733, „Элегии", л. 15) грамматической ошибки в стихе 6-м» — повторено в Изд. 1989. С. 399; эти указания некорректны, поскольку в ст. 6 указанной копии читается: «Случилось»). -- *Изд. 1982. С. 66* (текст Изд. 1835 без заглавия; в ст. 6: «Случится»; так же — в Изд. 1989 и в Изд. 2000). -- *Пильщиков 2000. С. 378* (обоснована правомерность чтения «Случилось» в ст. 6).

64

1

Сей поцѣлуй, дарованный тобой,
Преслѣдуетъ мое воображенье:
И въ шумѣ дня и въ тишинѣ ночной
Я чувствую его напечатлѣнье!
Сойдетъ-ли сонъ и взоръ сомкнетъ-ли мой,
Мнѣ снишься ты, мнѣ снится наслажденье;
Обманъ исчезъ, нѣтъ счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

<До начала марта 1822; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Поцѣлуй
(Доридѣ)

Сей поцѣлуй, дарованный тобой,
Преслѣдуетъ мое воображенье;
И въ шумѣ дня и въ тишинѣ ночной
Я чувствую его напечатлѣнье.
Случайнымъ сномъ забудусь ли порой —
Мнѣ снишься ты, мнѣ снится наслажденье.
Блаженствую, обманутый мечтой,
Но въ тотъ же мигъ встречаю пробужденье.
Обманъ изчезъ, одинъ я, и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

<До начала марта 1822>

64.1. «Сей поцѣлуй, дарованный тобой...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 100 (№ LVII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 51 (раздел «Элегiи. Книга третья») — под заглавием **«Поцѣлуй»**.

По Изд. 1827 перепечатано под заглавием «Поцѣлуй»: Опыт Русской Анфологии. СПб., 1828. С. 163 (подпись: *Баратынскій*); Венера. М., 1831. Ч. 2. С. 33 (подпись: *Баратынскій*); Дамский Альбом. СПб., 1844. С. 149 (подпись: *Баратынскаго*).

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 10 (заглавие: «Поцѣлуй»).

Печатается с исправлением: ст. 6 *снишся* → *снишься*

64.2. Поцѣлуй (Доридѣ) («Сей поцѣлуй, дарованный тобой...»)

Печатается по тексту первой публикации: Благонамеренный. 1822. Ч. 17. № XI (вышел 16 марта). С. 444 (подпись: *Б.*) —опубликовано вместе со стихотворениями «Догадка» и «Возвращеніе» (см. №№ 62, 63). Перед публикацией в «Благонамеренном» —9 марта 1822 г. — А. Е. Измайлов читал все три стихотворения в собрании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (см.: Вацуро. СДП. С. 192—193).

Печатается с исправлениями по Изд. 1827 и Изд. 1835: ст. 1 *поцѣлуй дарованный тобой* → *поцѣлуй, дарованный тобой*, -- ст. 6 *снятся* → *снится*

О датировке см. примечание № 62.2.

Изд. 1869. С. 81 (текст поздней редакции без заглавия; датировка: 1827; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915). -- *Брюсов 1899. С. 439* (отмечена публикация в «Благонамеренном»), *440* (текст «Благонамеренного»). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 36* (текст «Благонамеренного»), *232* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; датировка: 1822; отмечена перепечатка в «Венере»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 30* (текст Изд. 1827: «Поцелуй»; так же — в последующих изданиях до Изд. 1982); *Т. II. С. 113* (варианты «Благонамеренного»). -- *Изд. 1982. С. 69* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000).

65

1

Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя, ты
Игрой любви и сладострастья
Исполнить силишься мучительной мечты
Недосягаемаго счастья?
Я видѣлъ вкругъ тебя поклонниковъ твоихъ,
Полуизсохшихъ въ страсти жадной:
Достигнувъ ихъ любви, любовнымъ клятвамъ ихъ
Внимаешь ты съ улыбкой хладной.
Обманывай слѣпцовъ и смѣйся ихъ судьбѣ:
Теперь душа твоя въ покоѣ;
Придется нѣкогда извѣдать и тебѣ
Очарованье роковое!
Но опасаяся насмѣшливыхъ сѣтей,
Быть можетъ, избранный тобою
Уже не ввѣрится огню любви твоей,
Не тронется ея тоскою.
Когда-жь пора придетъ, и розы красоты,
Вседневно свѣжестью бѣднѣя,
Погибнутъ, отвѣчай: къ чему прибѣгнешь ты,
Къ чему, безчарная Цирцея?
Искуствомъ округлишь ты высохшую грудь,
Худыя щеки нарумянишь,
Дитя крылатое захочешь, какъ нибудь,
Вновь приманить..... Но не приманишь!
Въ замѣну сновъ младыхъ тебѣ не обрѣсти
Покоя, позднихъ лѣтъ отрады,
Куда-бы ни пошла, взроятся на пути
Самолюбивыя досады!
Немирнаго душой, на мирномъ ложѣ сна,
Такъ убѣгаетъ усыпленье,
И гдѣ для каждаго доступна тишина,
Страдальца ждетъ одно волненье.

<Март — начало августа 1822; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Дoридѣ

За чѣмъ нескромностью двусмысленныхъ рѣчей,
Руки всечаснымъ пожиманьемъ,
Притворнымъ пламенемъ коварныхъ сихъ очей,
Для всѣхъ увлаженныхъ желаньемъ,
Знакомить юношей съ волненіемъ любви,
Ихъ обольщать надеждой счастья
И разжигать шутя въ смятенной ихъ крови
Безплодный пламень сладострастья?
Онъ незнакомъ тебѣ, мятежный пламень сей;
Тебѣ невѣдомое чувство
Вливаетъ въ душу ихъ, невольницу страстей,
Твое коварное искуство.
Я видѣлъ вкругъ тебя поклонниковъ твоихъ,
Полуизсохшихъ въ страсти жадной;
Достигнувъ ихъ любви, любовнымъ клятвамъ ихъ
Внимаешь ты съ улыбкой хладной!
Не вѣрь судьбѣ слѣпой, не вѣрь самой себѣ:
Теперь душа твоя въ покоѣ;
Придется нѣкогда извѣдать и тебѣ
Любви безумье роковое!
Но избранный тобой, страшась знакомыхъ бѣдъ,
Твой нѣжный взоръ безъ чувства встрѣтитъ
И недовѣрчивый, на пылкой твой привѣтъ
Улыбкой горькою отвѣтитъ.
Когда же въ зиму дней всѣ розы красоты
Похититъ жребій ненавистной,
Скажи, увядшая, кого посмѣешь ты
Молить о дружбѣ безкорыстной?
Обидной жалости предметомъ жалкимъ ставъ,
Въ унынье все тебя одѣнетъ;
Исчезнетъ легкій рой веселій и забавъ,
Толпа ласкателей измѣнитъ;
Измѣнитъ и покой, услада позднихъ лѣтъ!

Какъ дщери ада — Евмениды,
Повсюду жадныя тебѣ помчатся въ слѣдъ,
Самолюбивыя обиды.
Немирнаго душой, на мирномъ ложѣ сна,
Такъ убѣгаетъ усыпленье,
И гдѣ для смертныхъ всѣхъ доступна тишина,
Страдальца ждетъ одно волненье!

<Март — начало августа 1822>

65.1. «Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя, ты...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 33—34 (№ XVII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 55—56 (раздел «Элегіи. Книга третья») — под заглавием **«Деліи»** с разночтениями:

11 Придется нѣкогда, придется и тебѣ
12 Узнать пристрастье роковое!

25 Въ замѣну благъ младыхъ тебѣ не обрѣсти

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 14 об. — 15 (заглавие: «С. Д. П.»), Л. 112 об. — 113 (без заглавия).

Печатается с исправлениями: ст. 11 *нѣкогда,* → *нѣкогда* (как в ст. 19 ранней редакции — см. № 65.2) -- ст. 13 *Не опасайся* → *Но опасаяся* (*Но* — по аналогии со ст. 21 ранней редакции; *опасаяся* — как в Изд. 1827) -- ст. 20 *Къ чему* → *Къ чему,*

65.2. Доридѣ («За чѣмъ нескромностью двусмысленныхъ рѣчей...»)

Печатается по тексту первой публикации: Новости Литературы. 1822. Кн. I. № VIII (ценз. разр. 11 августа; вышли 12 августа). С. 126—127 (подпись: *Баратынскій*).

Из «Новостей Литературы» перепечатано под заглавием «Доридѣ»: Новые Аониды на 1823 год. М., 1823 (ценз. разр. 9 января 1823). С. 96—98 (подпись: *Баратынскій*) — с опечаткой в ст. 1 («двумысленныхъ») и с иной пунктуацией в ст. 28—29 («Молитъ о дружбѣ безкорыстной, // Обидной жалости предметомъ жалкимъ ставъ?»); Собрание Новых Русских Стихотворений. СПб., 1824. Ч. 1. С. 235—236 (подпись: *Баратынскій*).

Печатается с исправлением опечатки: ст. 26 *похотитъ* → *похититъ* (впервые исправлено в «Новых Аонидах»). — Начиная с Изд. 1914—1915 (Т. I. С. 35) в собраниях сочинений Боратынского (за исключением Изд. 1936. Т. II. С. 114) текст ранней редакции стихотворения печатается с теми же пунктуационными изменениями в ст. 28—29, что и в «Новых Аонидах», для чего нет иных оснований, кроме согласования пунктуации стихотворения с позднейшими стилистическими нормами: независимый дееприа-

частный оборот, предполагаемый пунктуацией «Новостей Литературы» («Обидной жалости предметомъ жалкимъ ставъ, // Въ уныньe все тебя одѣнетъ»), — нормальное явление для поэтического языка Боратынского (ср. в настоящем издании: № 34, ст. 8—9; № 128, ст. 61—64).

Датируется, во-первых, по соотношению с другими стихотворениями, связанными с адресатом — С. Д. Пономаревой (см. №№ 42.2; 43; 56; 57.2; 58.2; 59.2; 60; 61; 62.2; 64.2), во-вторых, по времени первой публикации в «Новостях Литературы».

Русский Инвалид. 1822. 12 августа. № 189. С. 756 (объявление о раздаче подписчикам «Новостей Литературы»).

Изд. 1869. С. 34—35 (текст поздней редакции под заглавием «Къ Деліѣ»; датировка: 1822; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915; в ст. 13: «Не опасаяся» — повторено во всех последующих изданиях), *189* (варианты «Новостей Литературы» и Изд. 1827). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 34—35* (текст «Новостей Литературы» под заглавием «Доридѣ»; датировка: 1821), *180—181* (текст Изд. 1827 под заглавием «Деліи»), *231* (учтены перепечатки в «Новых Аонидах» и в «Собрании Новых Русских Стихотворений»), *313* (варианты Изд. 1835 в сравнении с Изд. 1827). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 33* (текст Изд. 1835 под заглавием «Делии»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1982); *Т. II. С. 113—114* (текст «Новостей Литературы»), *232* (отмечена копия Н. Л. Боратынской под заглавием «С. Д. П.»; раскрыты инициалы: С. Д. Пономарева). -- *Изд. 1937. С. 79* (датировка: <1822>; так же датировано в последующих изданиях). -- *Изд. 1982. С. 28* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- *Изд. 1989. С. 96* (датировка: <1822>, <1826>). -- *Летопись. С. 112* (датировка: 1822, март, вторая половина ? — май ?).

66

На звукъ цѣвницы голосистой,
Толпой забавъ окружена,
Летитъ прекрасная весна;
Благоухаетъ воздухъ чистой,
Земля воздвиглась ото сна.

Утихли вьюги и мятели,
Текутъ потоками снѣга;
Опять въ горахъ трубятъ рога,
Опять зефиры налетѣли
На обновленные луга.

Надъ урной мшистою Наяда
Проснулась въ сумракѣ вѣтвей,
Стрясаетъ инеи съ кудрей,
И разломавъ оковы хлада,
Заговорилъ ея ручей.

Восторги духъ мой пробудили!
Звучатъ и блещутъ небеса;
Пѣвцовъ пернатыхъ голоса,
Пастушьи пѣсни огласили
Долины, горы и лѣса.

Лишь ты, увядшая Климена,
Лишь ты въ печаль облечена,
Весны не празднуешь одна!
Тобою младости измѣна
Еще судьбѣ не прощена!

Унынье въ грудь къ тебѣ тѣснится,
Не видишь ты красы луговъ.
О если-бъ щедростью боговъ
Могла ко смертнымъ возвратиться
Пора любви съ порой цвѣтовъ!

<До середины апреля 1822>

66. «На звукъ цѣвницы голосистой...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 183—184 (№ CIV).

В Изд. 1827. С. 77—78 (раздел «Смѣсь») — под заглавием **«Весна»**.

Впервые опубликовано: Полярная Звезда на 1823 год (ценз. разр. 30 ноября; ценз. билет 22 декабря; вышла к 29 декабря 1822). С. 85—86 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием **«Весна»** с разночтениями:

14 И, разорвавъ оковы хлада,

18 Певцовъ крылатыхъ голоса,

22 Лишь ты въ тоску облечена!

26 Роптанье въ грудь къ тебѣ тѣснится;

28 Ахъ, если бъ щедростью боговъ,

Из «Полярной Звезды» перепечатано: Собрание Образцовых Русских Сочинений и Переводов в Стихах. Изд. 2-е. СПб., 1822. Ч. 5. С. 35—36 (подпись: *Баратынскій*) — под заглавием «Весна».

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 11 об. — 12 (заглавие: «Весна»).

Датируется по времени чтения стихотворения в Вольном обществе любителей российской словесности 17 апреля 1822 г. под заглавием «Весна» (резолюция: «Одобрено. Избр. больш. гол.» — см.: Журналы ВОЛРС. С. 415).

Русский Инвалид. 1822. 29 декабря. № 305. С. 1220 и *Санктпетербургские Ведомости. 1822. 29 декабря. № 104. Первое прибавление С. 1345* (объявления о выходе «Полярной Звезды»; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 14*). -- *Могилянский 1956. С. 393* (дата выхода «Полярной Звезды»).

Изд. 1869. С. 36—37 (текст, соответствующий тексту Изд. 1827 и Изд. 1835, под заглавием «Весна»; датировка: 1823; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *190* (варианты «Полярной Звезды» в ст. 26 и 28). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 37—38* (текст «Полярной Звезды»), *232* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; датировка: «не позже 1822»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 50—51* (текст Изд. 1835 под заглавием «Весна»; так стихотворение печаталось до Изд. 1982); *Т. II. С. 237* (неточность в указании даты чтения стихотворения в ВОЛРС: 1820 — эта дата относится к стихотворению «Весна»: «Мечты волшебныя, вы скрылись отъ очей!..» — см. в настоящем издании № 24). -- *Изд. 1957. С. 87* (датировка: 1822), *342* (со ссылкой на *Документы ВОЛРС. С. 376* отмечено чтение стиховорения в ВОЛРС 17 апреля 1822 г.). -- *Изд. 1982. С. 120—121* (текст Изд. 1835 без заглавия; так же — в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- *Изд. 1989. С. 97* (датировка: март — первая половина апреля 1822).

67

Сестрѣ

И ты покинула семейный, мирный кругъ;
Ни степи, ни лѣса тебя не задержали?
И ты летишь ко мнѣ на гласъ моей печали —
О милая сестра, о мой вѣрнѣйшій другъ!
Я узнаю тебя, мой Ангелъ-утѣшитель,
Наперсница души отъ колыбельныхъ дней;
Не тщетно нѣжности я вѣровалъ твоей,
Тогда еще, тогда достойный ихъ цѣнитель!....
Приди жь — и радость призови
Въ пріютъ мой, радостью забытой;
Повѣй отрадою душѣ моей убитой
И сердце мнѣ согрѣй дыханіемъ любви!
Какъ чистая роса живитъ своей прохладой
Среди нагихъ степей спасительной усладой —
Такъ оживишь мнѣ чувства ты.

<Июнь—июль 1822>

67. Сестрѣ («И ты покинула семейный, мирный кругъ...»)

Печатается по второй публикации: Новости Литературы. 1825. Кн. XII. Апрель (ценз. разр. 20 апреля; ценз. билет 27 апреля; номер вышел 30 апреля). С. 50—51 (подпись: *Б—ій*).

Впервые опубликовано: Невский Альманах на 1825 год (ценз. разр. 4 декабря 1824; ценз. билет 2 февраля 1825). С. 63—64 (подпись: *Е. Б.*) — под заглавием **«Сестрѣ»** с разночтением в ст. 8: *твой* вместо *ихъ* — очевидно, следствие редакторской правки, вызванной непониманием словосочетания «ихъ цѣнитель» («ихъ цѣнитель» = ценитель «колыбельныхъ дней» — см.: Винокур 1927. С. 77).

Автограф неизвестен.

Датируется по времени свидания Боратынского с сестрой Софией, приезжавшей в Петербург в июне — июле 1822 (см.: Лямина 1990. С. 209—218). См. рисунок, изображающий, видимо, Афину и Ареса (Марса), с надписью: «1822. 9 Juillet, voyage de Sophie à Pétérsbourg et son entrevue avec Eugène» <1822. 9 июля, путешествие Софии в Петербург и ее встреча с Евгением> (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 58; шифр до 1999 г.: № 21798).

Русский Инвалид. 1825. 30 апреля. № 101. С. 406 (объявление о раздаче подписчикам «Новостей Литературы»; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 24*). -- *Санктпетербургские Ведомости. 1826. 2 февраля. № 10. Первое прибавление. С. 116* (объявление о продаже «Невского Альманаха»). -- *Могилянский 1956. С. 395* (дата выдачи ценз. билета «Новостям Литературы»). -- *Летопись. С. 150* (дата выдачи ценз. билета «Невскому Альманаху»).

Лонгинов 1864. Стб. 112 (отмечена публикация в «Новостях Литературы»). -- *Изд. 1869. С. 35* (текст «Невского Альманаха» под заглавием «Сестрѣ (С. А. Баратынской)»; датировка: 1822; так же датировано в последующих изданиях). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 37* (текст «Новостей Литературы»). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 294* (судя по отступам в строках, напечатан текст «Невского Альманаха», но в ст. 8: «их ценитель», как в «Новостях Литературы»); *Т. II. С. 288* (конкретный источник публикации не указан; публикация в «Новостях Литературы» ошибочно названа первой; повторено в Изд. 1957 и в Изд. 1982). -- *Изд. 1951. С. 157* (текст «Невского Альманаха»), *563* (источником публикации названы «Новости Литературы»). -- *Изд. 1957. С. 88* (текст Изд. 1951), *342* (датировка: июль 1822 — по подписи к рисунку Боратынского). -- *Изд. 1982. С. 323* (текст с орфографией и пунктуацией Изд. 1951 напечатан с отступами в строках, соответствующими тексту «Новостей Литературы»; так же — в Изд. 2000), *658* (источником публикации названы «Новости Литературы»; так же — в Изд. 2000). -- *Рисунки рус. писателей 1988. № 101* (репродукция рисунка Боратынского). -- *Изд. 1989. С. 97* (перепечатан текст Изд. 1982, но в ст. 8: «их ценитель», как в «Новостях Литературы»), *399* (источником публикации назван «Невский Альманах»).

68

1

Дельвигу

Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой,
Путемъ однимъ пойдемъ до двери гроба
И тщетно намъ за грозною бѣдой
Бѣду грознѣй пошлетъ судьбины злоба.
Ты помнишь-ли, въ какой печальный срокъ
Впервые ты узналъ мой уголокъ?
Ты помнишь ли, съ какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный силъ?
Я погибалъ: ты духъ мой оживилъ
Надеждою возвышенной и новой:
Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ Музъ;
Дѣля досугъ межь ими и тобою,
Я-ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ
И передъ ней унизился душою?
Ты самъ порой глубокую печаль
Въ душѣ носилъ, но что? не мнѣ ли ввѣрить
Спѣшилъ ее? И дружба не всегда-ль
Хоть нѣсколько могла ее умѣрить?
Забытые фортуною слѣпой,
Мы ей на зло другъ въ другѣ все имѣли
И, дружества твердя обѣтъ святой,
Безтрепетно въ глаза судьбѣ глядѣли.

О! вѣрь мнѣ въ томъ: чѣмъ жребій ни грозитъ,
Упорствуя въ старинной непріязни,
Душа моя не вѣдаетъ боязни,
Души моей ничто не измѣнитъ!
Такъ, милой другъ! позволятъ ли мнѣ боги
Ярмо заботъ сложить когда нибудь
И весело на свѣтлый міръ взглянуть,
По прежнему-ль ко мнѣ пребудутъ строги,

Всегда я твой. Судьей души моей
Ты долженъ быть и въ ведро и въ ненастье,
Удвоишь ты моихъ счастливыхъ дней
Не полное безъ раздѣленья счастье;
Въ дни бѣдствія я знаю, гдѣ найти
Участіе въ судьбѣ своей тяжелой:
Чего-жь робѣть на жизненномъ пути?
Иду впередъ съ надеждою веселой.
Еще позволь желаніе одно
Мнѣ произнесть: молюся я судьбинѣ,
Чтобъ для тебя я сталъ хотя отнынѣ,
Чѣмъ для меня ты сталъ уже давно.

<До декабря 1822; 1823—1826>

2

Ранняя редакция

Къ Дельвигу

Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой,
Путемъ однимъ пойдемъ до двери гроба!
Дай руку мнѣ — я чувствую, мы оба
Родилися подъ тою же звѣздой.
Насъ не вотще судьба соединила,
Суровая двухъ добрыхъ полюбила
И, слабая отъ бѣдствій ихъ спасти,
Опорою другъ другу быть судила,
Чтобъ съ ней самой могли борьбу вести.
Отъ дѣтскихъ дней знакомы мы съ бѣдами,
Казалося — у люльки ждалъ насъ рокъ:
Чтожъ гнѣвный онъ свершить надъ нами могъ?
И не всегда ль онъ побѣждался нами?
Ты помнишь ли, въ какой печальный срокъ,
На дружбу мнѣ ты руку далъ впервые,
И думая: по сердцу мы родные —
Сталъ навѣщать мой скромный уголокъ?
Ты помнишь ли, съ какой судьбой суровой

Боролся я, почти лишенный силъ?
Не ты ль тогда мнѣ бодрость возвратилъ?
Не ты ль душѣ повѣялъ жизнью новой?
Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ Музъ:
Дѣля досугъ межь ними и тобою,
Я ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ,
И передъ ней унизился душою!
Когда ты самъ носилъ въ душѣ печаль,
Кому ввѣрялъ признанья въ грусти тайной?
Не мнѣ ль? скажи: и дружба не всегда ль
Тебя ждала съ отрадой обычайной?
Забытые фортуною слѣпой
Мы ей на зло другъ въ другѣ все имѣли:
Любовь и лѣнь и нѣгу и покой,
Развеселясь, въ забвеньи сердца пѣли,
И дружества твердя обѣтъ святой,
Безтрепетно въ глаза судьбѣ глядѣли.
О вѣрь мнѣ въ томъ — чѣмъ жрѣбій ни грозитъ,
Упорствуя въ старинной непріязни —
Душа моя не вѣдаетъ боязни,
Души моей ни что не измѣнитъ!
Такъ, милый другъ, позволятъ ли мнѣ Боги
Ярмо заботъ сложить когда нибудь,
И весело на свѣтлый міръ взглянуть,
По прежнему ль ко мнѣ пребудутъ строги —
Всегда я твой! судьей души моей
Ты долженъ быть и въ ведро и въ ненастье:
Удвоишь ты моихъ счастливыхъ дней
Неполное безъ раздѣленья счастье.
Въ дни бѣдствія я знаю, гдѣ найти
Участіе въ судьбѣ моей тяжелой:
Чтожь страшно мнѣ на жизненномъ пути?
Иду впередъ съ надеждою веселой!
Еще позволь желаніе одно
Мнѣ произнесть: молюся я судьбинѣ,
Чтобъ для тебя я сталъ, хотя отнынѣ,
Чѣмъ для меня ты сталъ уже давно!

<До декабря 1822>

68.1. Дельвигу («Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой...»)

Печатается по: Изд. 1835. С. 131—133 (№ LXXIV).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 166—168 (раздел «Посланія») — под тем же заглавием **«Дельвигу»** с опечаткой в ст. 23 («наградитъ» вместо «ни грозитъ»).

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской под заглавием «Дельвигу»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 102 — 102 об.; 124—124 об.

Печатается с исправлениями: ст. 33 *дней,* → *дней*

68.2. Къ Дельвигу («Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой...»)

Печатается по тексту первой публикации: Полярная Звезда на 1823 год (ценз. разр. 30 ноября; ценз. билет 22 декабря; вышла к 29 декабря 1822). С. 374—376 (подпись: *Баратынскій*).

Печатается с исправлением: ст. 48 *я знаю* → *я знаю,* (как в Изд. 1827 и Изд. 1835).

Датируется по времени первой публикации. Не исключено, что именно это стихотворение слушалось в собрании Вольного общества любителей российской словесности 16 января 1822 г. под заглавием «К другу» (резолюция: «Одобрено. Избр. больш. гол.» — см.: Журналы ВОЛРС. С. 410).

Русский Инвалид. 1822. 29 декабря. № 305. С. 1220 и *Санктпетербургские Ведомости. 1822. 29 декабря. № 104. Первое прибавление С. 1345* (объявления о выходе «Полярной Звезды»; впервые отмечено: *Синявский, Цявловский 1914. С. 14*). -- *Могилянский 1956. С. 393* (дата выдачи ценз. билета «Полярной Звезде»).

Изд. 1869. С. 37—38 (текст поздней редакции под заглавием «Дельвигу»; в ст. 12: «межь ними» вместо «межь ими»; датировка: 1823; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914—1915), *190* (варианты «Полярной Звезды» с пропуском ст. 23, 32 и 33). -- *Изд. 1914—1915. Т. I. С. 41—43* (текст «Полярной Звезды»: «Къ Дельвигу»; датировка: 1822), *235* (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835). -- *Изд. 1936. Т. I. С. 112—113* (текст Изд. 1835 под заглавием «Дельвигу»; так стихотворение напечатано и в последующих изданиях); *Т. II. С. 130* (варианты «Полярной Звезды» с пропуском ст. 23, 32, 33, 49, 50; так же — в Изд. 1989. С. 345). -- *Изд. 1957. С. 84* (датировка: конец 1821 ?), *341* (предположение со ссылкой на *Документы ВОЛРС. С. 371* о том, что это стихотворение рассматривалось в ВОЛРС <16> января 1822 г.). -- *Изд. 1982. С. 418—419* (варианты «Полярной Звезды» с пропуском ст. 32—33). -- *Изд. 1989. С. 92* (датировка: 1821 ?). -- *Пильщиков 2000. С. 383* (отмечены варианты «Полярной Звезды» в ст. 32 и 33).

3.1. «Тебяль изобразить и ты-ль изобразима?..» ПД. № 73. I м (Альбом А. В. Лутковской). Л. 13.

5. «Мы будемъ пить вино по гробъ...»

ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 37.

6. «Здѣсь погребенъ армейской Капитанъ...»

ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 38.
Печатается по фотокопии автографа в Изд. 1936 (Т. I. Вклейка между с. 268 и 269).

7. *«Въ пустыхъ разщетахъ, въ грубомъ снѣ...»*
ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 38 об.

22.2. Лидѣ («Твой дѣтской вызовъ мнѣ пріятенъ...»)
РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 2. № 5 (Альбом «Tendresse»). Л. 28.

Лидѣ.

Твой дѣтской вызовъ мнѣ пріятенъ.
Но не желай моихъ стиховъ:
Не многимъ избраннымъ понятенъ
Языкъ Поэтовъ и боговъ
Что нужды въ томъ? — Утѣшся, Лида.
Ты безъ учености мила,
И всѣ мы знаемъ что Киприда
въ Цитерѣ школъ не завела
Тебѣ ль заняться важнымъ чтеньемъ.
Читать не любитъ Купидонъ;
Всегда за книгой дремлетъ онъ,
И тяготится размышленьемъ.
Его примѣръ тебѣ законъ
Когда подъ звонкіе напѣвы,
Подъ звуки свирѣли плясовой,
въ веселой часъ рука съ рукой
Кружатся юноши и дѣвы;

22.2. Лидѣ («Твой дѣтской вызовъ мнѣ пріятенъ...»)

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 2. № 5 (Альбом «Tendresse»). Л. 28 об.

1806 г.

Вмѣшавшись въ резвой хороводъ
Хариты, вѣтреной Эротъ,
Дріады, Фавны, плещутъ съ ними
И гонятъ прочь толпу заботъ
Восклицновеньями своими;
Поодаль Музы между тѣмъ
Таяся въ сумракѣ дубравы,
Глядятъ незримые никѣмъ
На ихъ невинныя забавы
Но ихъ соборъ въ то время нѣмъ.
Питомецъ музъ равно безгласенъ
Въ толпѣ вертушекъ молодыхъ;
И вѣрь мнѣ другъ въ мечтахъ своихъ
Онъ былъ бы стѣсненъ и неясенъ;
Е[illegible]ю Высокое любя
Онъ воздаянья ждетъ отъ Феба,
И даръ святой благоволенье неба
Хранитъ для музъ и для себя.

28.2. «Повѣрь, мой милой другъ, страданье нужно намъ...»
РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 2. № 5 (Альбом «Tendresse»). Л. 30.

Повѣрь, мой милой другъ, страданье нужно намъ;
Неиспытавъ его не льзя понять и щастья:
Живой источникъ сладострастья
Дарованъ въ немъ его сынамъ.
Одни ли радости отрадны и прелестны?
Одноль веселье веселитъ?
Бездѣйственность души щастливцевъ тяготитъ,
Имъ силы жизни неизвѣстны.
Не намъ завидовать лѣнивымъ чувствамъ ихъ.
Что въ дружбѣ вѣтреной, въ любви однообразной,
И въ ощущеніяхъ слабыхъ
Души разсѣянной и праздной?
Щастливцы милые! способныль вы понять
Участья нѣжнаго сердечную услугу?
Способны-ль чувствовать какъ сладко повѣрять
Печаль души своей заботливому другу!

28.2. «Повѣрь, мой милой другъ, страданье нужно намъ...»

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 2. № 5 (Альбом «Tendresse»). Л. 31.

Способны-ль чувствовать какъ дорогъ вѣрный другъ?
Но кто постигнутъ рокомъ гнѣвнымъ,
Чью душу тяготитъ мучительной недугъ,
Тотъ дорожитъ врачемъ душевнымъ.
Вы ищете въ любви занятія одно,
Восторгъ проходчивый, минутное забвенье;
Въ ней благо лучшее богами намъ дано,
И нуждъ живѣйшихъ утоленье.
Какъ будетъ сладко, милой мой,
Повѣрить нѣжности чувствительной подруги
Всѣ нужды, всю тоску, всѣ раны, всѣ недуги,
Все разслабленіе души твоей больной!
Забывъ и свѣтъ и рокъ суровой,
Желанья смутные въ одно желанье слить,
И съ жаждою любви въ себя дыханье пить
Цѣлебный воздухъ жизни новой!
Хвала всевидящимъ богамъ!
Пусть мнимымъ щастіемъ для свѣта мы убоги:
Щастливцы насъ бѣднѣй и праведные боги
Имъ дали чувственность, а чувство дали намъ.

Е. Б.

30.3. «Не льзя ль найти любви надежной...»
(ст. 21—28 стихотворения «Пора покинуть, милый другъ...»)
ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 39. Л. 143.

30.3. «Не льзя ль найти любви надежной...»

(ст. 29—39 стихотворения «Пора покинуть, милый другъ...»)

ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 39. Л. 143 об.

31.2. Эпилогъ («Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...»)

РГАЛИ. Ф. 2567 (Архив Ю. Г. Оксмана). Оп. 2. № 6 . Л. 1.

32. *«Младыя Грацiи сплели тебѣ вѣнокъ...»* ПД. № 73. I м (Альбом А. В. Лутковской). Л. 8.

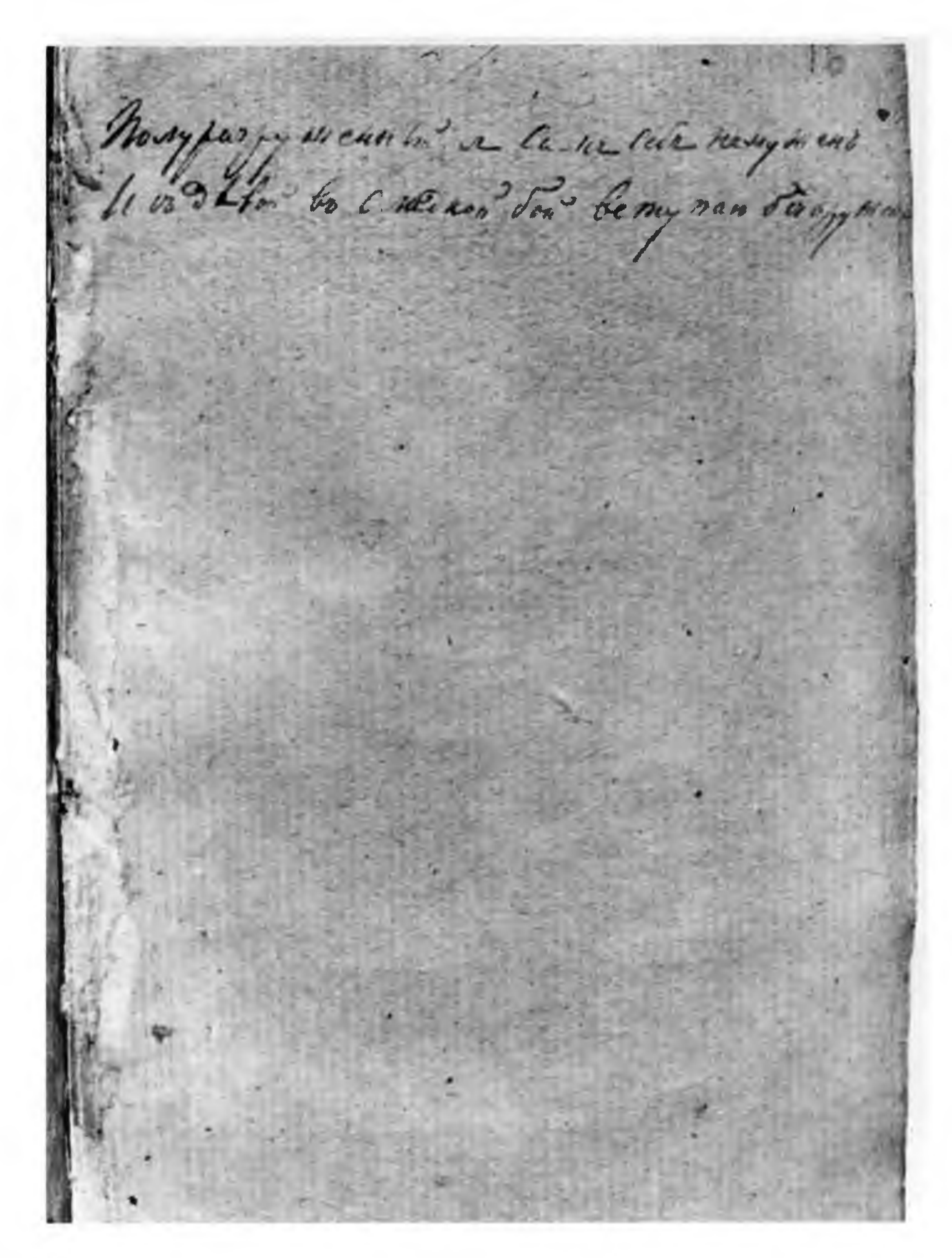
44.2. Водопадъ («Шуми, шуми съ крутой вершины...»)

РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 45 (Альбом С. Д. Пономаревой). Л. 21 об.

50. «Вчера ненастливая ночь...»

ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 13.

51. «Полуразрушенный я самъ себѣ не нуженъ...»
ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 16.

52. Моя жизнь («Люблю за дружескимъ столомъ...»)

ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 16 об.

54. Разувѣреніе («Не искушай меня безъ нужды...»)
РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 189. Л. 3.

3.

Разувѣреніе

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей!
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней!
Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ;
Ужъ я не вѣрую въ любовь!
И не могу предаться вновь
Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ
Тоски души моей не множь;
Не заводи о прежнемъ слова;
Другъ попечительный, больнова,
Его дремоты не тревожь!
Я сплю: мнѣ сладко усыпленье,
Забудь бывалыя мечты!

54. Разувѣреніе («Не искушай меня безъ нужды...»)

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 189. Л. 3 об.

3 об

Въ душѣ моей одно волненье
А не любовь пробудишь ты.

Баратынскій

55. *«Дало двѣ доли Провидѣнiе...»*

ПД. № 9668 (Альбом С. Д. Пономаревой). Л. 38.

Дало двѣ доли провидѣнiе
    На выборъ мудрости людской
Или надежду и волненье
    Иль безнадежность и покой

Вѣрь тотъ надеждѣ обольщающей
    Кто бодръ душою, бодръ умомъ
Лишь по молвѣ разновѣщающей
    Съ Судьбой насмѣшливой знакомъ

Надейтесь! юноши кипящiе
    Летите: крылья вамъ даны
Для васъ и замыслы блестящiе
    И сердца пламенные сны

Но вы Судьбину испытавшiе
    Тщету утѣхъ, печали власть
Вы знанье бытiя приявшiе
    Себѣ на тягостную часть

Гоните прочь ихъ рой прельстительный
    Такъ, доживайте жизнь въ тиши
И берегите хладъ спасительный
    Своей бездѣйственной души

55. «Дало двѣ доли Провидѣнiе...»

ПД. № 9668 (Альбом С. Д. Пономаревой). Л. 38 об.

Своимъ бездѣйствiемъ счастливы —
Какъ трупы мертвецы изъ гробовъ
Волхва словами пробужденны
Встаютъ со скрежетомъ зубовъ

Такъ вы сохравъ въ душѣ желанiе
Безумно вѣрившiе въ ихъ обманъ
Проснетесь вновь для страданiе
Для боли тяжкой прежнихъ ранъ.

Баратынскiй

56. «Когдабъ вы мѣнѣе прекрасной...»

РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 45 (Альбом С. Д. Пономаревой). Л. 47.

Когдаб вы менѣе прекрасной
Случайно слыли у молвы;
Когда бы прелестью опасной
Не столь опасны были вы....
Когда б сих уст, сей голос нежной
И томной пламень сих очей
Любовью менѣе мятежной
Могли зродить в душе моей;
Когда бы больше мне надолю
Даров послал Цитерской бог;
Тогда я дать бы сердцу волю,
Тогда любить я вас бы мог.
Предаться нежному участью
Мне тайной голос не велит...
И удивленье — по несчастью
От страсти любви меня хранит.

57.2. «Слѣпой поклонникъ красоты...»

РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 45 (Альбом С. Д. Пономаревой). Л. 17.

Слѣпой поклонникъ красоты,
Любви и нѣги сынъ безпечный,
Я несъ ей въ даръ восторгъ сердечный
И сладострастныя мечты.
Я трепеталъ въ тоскѣ желанья
У ногъ волшебницъ молодыхъ;
Но тщетно взоръ во взорахъ ихъ
Искалъ отвѣта и узнанья!
Огонь утихъ въ моей крови;
Покинувъ знамя Купидона,
Я промѣнялъ алмазъ любви
На вѣнъ безплодный Геликона;
Но свѣтлый міръ унылъ и пустъ,
Когда душѣ ничто не мило:
Рука поэта замѣнила
Мнѣ поцѣлуй волшебныхъ устъ!

Е. Б

58.2. «О своенравная Софія!..»

ПД. № 9668 (Альбом С. Д. Пономаревой). Л. 16 (верхняя половина).

58.2. «О своенравная Софія!..»

ПД. № 9668 (Альбом С. Д. Пономаревой). Л. 16 (нижняя половина).

При подготовке настоящего издания мы руководствовались текстологическими принципами, которые впервые получили серьезное теоретическое обоснование в работах М. И. Шапира [см., например: *Шапир М.* Между грамматикой и поэтикой: (О новом подходе к изданию Даниила Хармса) // Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 328—332; *Он же.* К текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика) // Вопросы языкознания. 1999. № 5. С. 101—112; *Он же.* Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков. М., 2000. Кн. 1. С. 224—240; *Он же.* Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Московский пушкинист: Ежегодный сборник. М., 2001. [Вып.] IX. С. 45—58; *Он же.* Предварительные замечания [к ч. I] // Пушкин А. С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы. М., 2002. С. 21—24 (без подписи); *Он же.* «Евгений Онегин»: проблема аутентичного текста // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 3. С. 3—17; и др.].

А. Р. Зарецкий, И. А. Пильщиков

КОММЕНТАРИИ

1

1.1. «Взгляните: свѣжестью младой...»
1.2. Мадригалъ. Пожилой женщинѣ и все еще прекрасной («И въ осень лѣтъ — красы младой...»)

Первое опубликованное произведение Боратынского. По семейному преданию, А. А. Дельвиг отдал стихотворение в печать без ведома автора. Сохранилась запись Н. Л. Боратынской над копиями поздней редакции «Мадригала» (см. в настоящем издании № 1.1) и послания «Дельвигу» («Такъ, любезный мой Горацій...»; см. № 10.2): «Первыя два стихотворенія Е. Баратынскаго, напечатанныя въ 1819 году въ Благонамѣренномъ Б. Дельвигомъ, сюрпризомъ для Е. А. который никогда не думалъ что когда-нибудь будетъ печатать свои произведенія. Онъ часто говорилъ о непріятномъ впечатленіи полученномъ имъ, вступая въ нежеланную извѣстность» [ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. Л. 7 об.; см. о том же: Тургенев 1854. С. 157; Л. Е. Боратынский 1869. С. 394; Материалы 1916. С. VII (2-й паг.); Хетсо 1964. P. 11—12; Путята. Изд. 1993. С. 234]. — Однако инициалы начинающего поэта (*Е. Б.*), которыми была подписана публикация «Мадригала» в «Благонамеренном», могли расшифровать только близкие друзья, для которых поэтические занятия Боратынского не были секретом, а послание к Дельвигу, напечатанное в «Сыне Отечества» почти через полгода после «Мадригала», стало уже седьмым опубликованным текстом Боратынского, и вряд ли его появление в печати могло шокировать автора своей неожиданностью. Более вероятно, что «непріятное впечатленіе» у Боратынского вызвали первые публикации, сопровождавшиеся его полной подписью — «Къ Алинѣ», «Портретъ В...» и «Любовь и Дружба» (см. в настоящем издании №№ 2, 3.2, 4 и примечания к ним). Впоследствии в кругу родственников Боратынского бóльшая часть его ранних стихотворений, опубликованных в 1819 г., была забыта (Лонгинов 1864. Стб. 114). Исключение составили как раз «Мадригалъ» и послание к Дельвигу, вошедшие в переработанном виде в Изд. 1827; «Мадригалъ» без заглавия был перепечатан также в Изд. 1835. Вероятно, поэтому, рассказывая о негативной реакции Боратынского на появление его первых произведений в печати, Н. Л. Боратынская упоминает именно эти тексты.

Версия, согласно которой стихотворение адресовано М. А. Панчулидзевой, также основывается только на семейном предании [ср. заглавия в рукописных ко-

пиях и в Изд. 1869, а также указание С. А. Рачинского: Материалы 1916. С. VI (2-й паг.)].

Мария (Марфа) Андреевна Боратынская, в замужестве Панчулидзева (1781/1783 — ок. 1845) — родная тетка поэта (сестра отца) и его крестная мать. В 1792—1797 гг. М. А. Боратынская воспитывалась в Институте благородных девиц при Смольном монастыре одновременно с Александрой Федоровной Черепановой, будущей женой Абрама Андреевича Боратынского. С 1804 г. замужем за И. Д. Панчулидзевым (Летопись. С. 418).

А. Р. Зарецкий

В основе стихотворения лежит популярный в барочной живописи сюжет «Время, похищающее красоту» (указатель иконографии см.: Pigler 1974. Bd. I. S. 610—613). Изображение бога времени (Сатурна) в виде крылатого старика также опирается на богатую эмблематическую традицию (об этом см.: Panofsky 1939. P. 69—93). Яркой иллюстрацией живописного подтекста «Мадригала» может служить, например, картина Помпео Батони «Время повелевает старости разрушить красоту» (1746): крылатый седой старик указывает безобразной старухе на стоящую перед ними юную красавицу, старуха тянет костлявые пальцы к ее щеке (анализ эмблематического языка картины см.: Tribe 1992. P. 253—254). Обратный ход, использованный в «Мадригале», по всей вероятности, также имеет иконографические истоки: ряд картин на сюжет «Венера (вариант: Красота) и Время» имплицирует концепт остановившегося времени; ср. например, Дж. Б. Тьеполо «Аллегория с Венерой и Временем» (ок. 1750).

Сама апелляция к иконографической традиции позволяет говорить о сознательном использовании известного риторического приема — экфрасиса, как в его классическом толковании (словесная репрезентация объекта, которая позволяет слушателю или читателю достигнуть энархейи, иначе говоря, почувствовать, что он видит этот объект своими глазами; ср. у Квинтилиана: Institutio Oratoria, VIII 3, 61—66), так и в расхожем применении (вербальное описание картины или скульптуры). При этом в поздней редакции — благодаря вводному побудительному *взгляните* — происходит откровенное «обнажение» приема, впоследствии неоднократно использованного Боратынским.

В «Мадригале» также отразился другой характерный для Боратынского «барочный» прием — антитетическая структура, находящая разрешение в финальном оксюмороне «остановившееся время» (об этом приеме у Боратынского см.: Пильщиков 1992а. С. 109—112).

Игра на парадоксально распределенных мотивах старости/осени и весны/молодости связывает «Мадригал» с поздними эпиграммами Боратынского «Всегда и в пурпуре и злате...» и «Филида с каждою зимою...» (Мазур 2001), подтекстом которых, по наблюдению И. А. Пильщикова, было стихотворение К. Н. Батюшкова

«Тебе ль оплакивать утрату юных дней?», в свою очередь восходящее к эпиграмме Павла Силенциария из Палатинской Антологии (V, 258; см.: Пильщиков 1992а. С. 113—116). Однако прямо сближать ранний опус Боратынского с эпиграммой Батюшкова [ср. *И въ осень лѣтъ красы младой // Она всю прелесть сохраняетъ* в ранней редакции «Мадригала» с батюшковским *И в осень дней твоих не погасает пламень* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 347)] было бы достаточно рискованно, поскольку текст старшего поэта, хоть и написанный в 1817—1818 гг., опубликован лишь в 1820 г. (впрочем, отсутствие прямой генетической связи не снимает проблемы опосредованного интертекстуального взаимодействия этих стихотворений).

Параллель к основному комплиментарному мотиву эпиграммы Павла Силенциария находим, в частности, в трактате аббата Брантома «Les Dames galantes», содержащем длинный перечень женщин «прекрасных и в осень и в зиму своих лет» — «belles en leur automne & hyver» (Collection universelle des mémoirs particuliers relatifs à l'histoire de France. XVI siècle. Paris, 1790. T. LXV contenant la fin des Dames Galantes de Brantôme P. 296, cf. 295). Ср. также приведенный в этой главе трактата галантный ответ юного испанского кавалера даме «пожилой, но все еще прекрасной» («âgée, mais pourtant encore belle»), которая протестовала против его ухаживаний, ссылаясь на свой возраст: «Vos complies valent plus & sont plus belles & gracieuses, que les heures de prime de quelqu'autre Dame qui soit» = «Ваш закат сто́ит больше и превосходит красотой и изяществом утро любой другой дамы» (Ibid. P. 291). Эта же формула повторена в послании Вольтера к мадам Дефонтен-Мартель («À Madame De Fontaine-Martel», 1732): *Martel, l'automne de vos jours // Vaut mieux que le printemps d'une autre = Мартель, осень ваших дней // Сто́ит большего, чем весна любой другой женщины* (Voltaire. Éd. 1876—1891. T. X. P. 279; перекличка «Мадригала» с посланием Вольтера отмечена: Изд. 1936. Т. II. С. 240).

Н. Н. Мазур

2

Къ Алинѣ («Тебя я нѣкогда любилъ...»)

Литературные источники этого стихотворения и биографические обстоятельства его создания неизвестны. *Алина* — обычное для первой трети XIX в. производное от имени *Александра* и некоторых других имен, начинающихся на *Ал-*. В данном стихотворении Алина — это, очевидно, условное поэтическое имя (ср. франц. *Aline*), возможно, заимствованное из баллады В. А. Жуковского «Алина и Альсим» (1814; опубликована в 1815 г.). Высказывалось предположение, что стихотворение «Къ Алинѣ» могло быть адресовано Варваре Николаевне Кучиной (см.: Летопись. С. 86, 420).

Варвара Николаевна Кучина (ок. 1800—?) — родственница Боратынского, которой, согласно семейному преданию, он был увлечен в конце 1810-х годов и которой, возможно, был адресован ряд его юношеских стихотворений (ср. комментарии к №№ 3, 15, 20). В. Н. Кучина — дочь Николая Кучина, помещика имения Горки на р. Обше в Бельском уезде, находившегося в нескольких верстах от смоленских имений Боратынских (Подвойского и Голощапова). Вероятно, Боратынский впервые познакомился с ней в 1808—1809 гг. в период своего первого пребывания в Подвойском — Голощапове. Знакомство было продолжено, когда Боратынский жил в Подвойском в 1816—1818 гг. Последний раз «моя кузина Варенька» («ma cousine Varinka») упоминается в письме Боратынского к матери от 4 декабря 1817 г. (Материалы 1916. С. 34; ИП. С. 103—105, 336; Летопись. С. 76, 84—85, 420—421). О дальнейшей судьбе В. Н. Кучиной сведений нет.

И. А. Пильщиков

3

3.1. «Тебяль изобразить и ты-ль изобразима?..»
3.2. Портретъ В… («Какъ описать тебя? я право самъ не знаю!..»)

Первая из нескольких галантных «двойчаток» Боратынского — мадригал, написанный для одной особы (скорее всего, это В. Н. Кучина, чье имя скрыто за криптонимом *В*…) и позднее переадресованный другой (А. В. Лутковской; ср. в настоящем издании №№ 42 и 57). О В. Н. Кучиной см. комментарии к № 2. Об А. В. Лутковской см. комментарии к № 32.

Интересно проследить, как в позднейшей редакции (не опубликованной при жизни автора) выравниваются «шероховатости» юношеского стихотворения.

Композиция ранней редакции. Поэт берется написать портрет адресата (3.2, заглавие), но тут же заявляет, что не может этого сделать (3.2, ст. 1): вчера ты была задумчива (3.2, ст. 2), сегодня ты весела (3.2, ст. 3). Единственное твое качество — непостоянство (3.2, ст. 4—5); впрочем, одно постоянное качество у тебя есть: ты всегда мила (3.2, ст. 6). Антитеза в пуанте содержит комплимент — ради него и написано всё стихотворение.

Композиция поздней редакции. Необходимость «портретирования» уже не мотивирована заглавием. Отсутствие мотивировки компенсируется фигурой в начальном стихе — грамматической антитезой (действительному залогу глагола *изобразить* противопоставлен страдательный залог причастия *изобразима*). Два следующих стиха перешли в новую редакцию без изменений: вчера ты была задумчива (3.1, ст. 2), сегодня весела (3.1, ст. 3). Далее следует отсутствовавшее в ранней редакции развитие темы: эти изменения понятны сердцу, но непонятны уму (3.1,

ст. 4). Мотив «противоречивости» эксплицируется в риторическом вопросе, в котором фигурирует абстрактное существительное *противности* 'противоположности' (3.1, ст. 5). Приводятся примеры таких «противностей»: *чувствительность* совмещается в тебе с *холодностью* (3.1, ст. 6). Комплиментарная пуанта осталась прежней (3.1, ст. 7—8), однако в новой редакции последняя антитеза подготовлена серией предыдущих: непостоянство и постоянство становятся еще одной антиномией в ряду прочих (поэтому союз *но* в заключительном стихе заменен союзом *и*).

3.1, ст. 1, 5. *Тебяль*; *ты-ль*; *всѣ ль*. Вариативность написания частицы *ль* в пределах одного автографа отражает неустойчивость ее орфографии в первой половине XIX в.

И. А. Пильщиков

4

Любовь и Дружба (Въ альбомъ) («Любовь и Дружбу различаютъ...»)

«Любовь и Дружба» — традиционная тема для школьных упражнений по риторике и альбомных стихотворений. Ср. одноименное стихотворение Н. М. Карамзина («Любовь и Дружба», 1797). Рассуждение на эту тему было опубликовано в 1818 г. в «Соревнователе»: *Боровков А.* Различие между дружбою и любовию // Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1818. № I (Труды ВОЛРС. Ч. I. Кн. I). С. 39—44 (отмечено: Хетсо 1973. С. 301). Высказывалось предположение, что стихотворение Боратынского могло быть адресовано Варваре Николаевне Кучиной (см.: Летопись. С. 86, 420).

И. П.

5

«Мы будемъ пить вино по гробъ...»

Альбомная запись-шутка, обыгрывающая эпизод с опьянением Ноя из Книги Бытия и, возможно, другие библейские эпизоды, связанные с вином. Праведник Ной насадил виноградник после потопа (Быт 9, 20), из чего, согласно традиционному толкованию (см.: БЭ. С. 121), следует, что возделывание винограда не было известно допотопным людям, которых Господь наказал за их злодеяния. Когда Ной выпил вина, опьянел и лежал обнаженным в своем шатре, он был осмеян своим трезвым сыном Хамом (Быт 9, 21—22). Не всегда умеренно употреблял вино и другой ветхозаветный праведник — Лот (Быт 19, 33—35). Отсюда «максима» Боратынского

о том, что праведные (*святые*) пьют вино, а неправедные (*злые*) — воду. Ср. шуточное стихотворение «Противникам вина», сочиненное в начале 1820-х годов Ф. И. Тютчевым:

1

О, суд людей неправый,
Что пьянствовать грешно!
Велит рассудок здравый
Любить и пить вино.

<...>

5

Но честь и слава Ною, —
Он вел себя умно,
Рассорился с водою
И взялся за вино.

<...>

8

Вдруг с кубком не слюбился
Один из сыновей.
О изверг! Ной вступился,
И в ад попал злодей.

9

Так станемте ж запоем
Из набожности пить,
Чтоб в божье вместе с Ноем
Святилище вступить.

(Тютчев. Изд. 1965. Т. II. С. 39—40)

А. Р. Зарецкий, И. А. Пильщиков

6

«Здѣсь погребенъ армейской Капитанъ...»

Альбомная запись-шутка, пародия на эпитафию. Пародийные надгробные надписи — распространенный жанр в европейской и русской поэзии (см.: *Царькова Т. С.* Русская стихотворная эпитафия XIX—XX веков: Источники; Эволюция; Поэтика. СПб., 1999. С. 80—82). Ср. «Епитафию скупому», «Другую епитафию скупому» и «Епитафию подьячему» А. П. Сумарокова (1756), «Эпитафию» Н. М. Карамзина («Он жил в сем мире для того...», 1797), «Эпитафии» И. И. Дмитриева

(«В надежде будущих талантов...», 1797; «Полвека стан его возили в сей юдоле!..», 1805), его же «Эпитафию бригадиру» (1803) и мн. др. (РЭ. С. 78, 163, 158, 159 и др.). Среди них встречаются и эпитафии на пьяниц — ср., например, «Эпитафии» А. П. Беницкого («Здесь *Рюмкин* схоронен; под Вакха знаменами...», 1807; РЭ. С. 211) и В. А. Жуковского («Под камнем сим Бибрис лежит...», 1814; РЭ. С. 253), представляющие перевод эпиграммы французского поэта XVI в. Ги де Тура (Guy de Tours, «Ne pleure dessus ce tombeau...»).

6, ст. 1. *Армейской Капитанъ.* Капитан армии — чин IX класса по Табели о рангах. К характеристике этого персонажа см., например, позднейший очерк «Армейский офицер»: «Стаканъ не мѣра у армейскихъ офицеровъ; этотъ сосудъ есть просто общій пріемникъ всѣхъ жидкостей: чай, вода, квасъ, подъ-часъ пуншъ, вино или водка, смѣняются въ немъ поочередно. Армейскій офицеръ вливаетъ въ стаканъ водку не по зарубчикъ, какъ охотникъ до крѣпкихъ напитковъ, а такъ, на глазъ, сколько душа приметъ» (Наши, списанные с натуры русскими. СПб., 1841. С. 48).

6, ст. 3. *Родился пьянъ и умеръ пьянъ.* Ср. пуанту эпиграммы-эпитафии А. Е. Измайлова «Я месяц в гвардии служил...» (1809, ст. 5—6): *Наливки пил, секал крестьян, // Жил весело и умер пьян* (РЭ. С. 230). Смерть во хмелю — старинная комическая тема; у Ги де Тура есть эпиграмма «Cy-gist un homme qui pensoit...» — «О некоем человеке, который был так пьян, что, умирая, не понял, как плохи его дела» (D'un quidam qui estoit si yvre qu'en mourant il ne pensoit pas estre malade // Le Paradis d'amour. Les Mignardises amoureuses. Meslanges et Épitaphes de Guy de Tours / Avec préface et notes par P. Blanchemain. Paris, 1878. P. 97).

И. А. Пильщиков

7

«Въ пустыхъ разщетахъ, въ грубомъ снѣ...»

Контекст стихотворения в альбоме П. Л. Яковлева (см. № 5: «Мы будемъ пить вино по гробъ...») позволяет видеть в его основе устойчивое для культуры первой трети XIX в. противопоставление меркантильному и материальному образу жизни толпы — образа жизни маргинала, свободного от низменных забот и грубых помыслов, благодаря чему его жизнь представляет особую ценность в глазах таких же, как он, немногих избранных — «честных людей». Характерные ролевые варианты фигуры маргинала в лирике первой трети XIX в. — гусар (у Д. В. Давыдова), бурш (у Н. М. Языкова), поэт (у всех).

А. М. П.

7, ст. 1. *Въ грубомъ снѣ.* См. комментарий к № 77.1, ст. 30—34.

7, ст. 3. *Честны́е люди*. В первой половине XIX в. прилагательные «**че́стный** (церковнослав.) и **честно́й** (русск.) употребляются ещё без той смысловой дифференциации, которая установилась за ними теперь» (Булаховский 1954. С. 203).

И. П.

8

<Эпиграмма> («Дамонъ! ты началъ — продолжай...»)

Эпиграмма направлена против князя Петра Ивановича Шаликова (1767 или 1768—1852) и, вероятно, написана по случаю выхода его «Сочинений» (М., 1819. Ч. 1—2) и «Повестей» (М., 1819). П. И. Шаликов — поэт и прозаик, редактор газеты «Московские Ведомости» (1813—1838), издатель журналов «Московский Зритель» (1806) и «Аглая» (1808), в ближайшем будущем — издатель «Дамского Журнала» (1823—1833). Он же стал объектом эпиграммы «Грузинской Князь, газетчикъ руской...» (см. в настоящем издании № 127) и совместной эпиграммы Боратынского и А. С. Пушкина «Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальной...» (см. в настоящем издании раздел «Коллективное»).

Как эпигон Карамзина, доведший его художественные принципы до nec plus ultra и тем самым их дискредитировавший, Шаликов превратился в предмет нескончаемых нападок современников. Он был высмеян в шуточной надписи И. И. Дмитриева («Янтарная заря, румяный неба цвет...», 1803) и в комедии А. А. Шаховского «Новый Стерн» (премьера — 31 мая 1805 г.; отдельное издание: СПб., 1807), где пародируются шаликовские «Путешествие в Малороссию» и «Другое путешествие в Малороссию» (М., 1803—1804). Карикатурный портрет сентиментального путешественника, созданный Шаховским, послужил источником для последующей критики Шаликова, в первую очередь критики, исходившей от карамзинистов — см. «Видение на брегах Леты» К. Н. Батюшкова (1809), «Отъезд Вздыхалова» и «Первый отдых Вздыхалова» П. А. Вяземского (1811), куплет «Вот на розовой цепочке...» из сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» (редакция 1814—1817 гг.), «Тень Фон-Визина» А. С. Пушкина (1815, ст. 162—171).

В эпиграмме Боратынского отразились устойчивые черты шаржированного портрета Шаликова. Ср.:

<...> Другой Меланию, Зюльмису,
Луну, Веспера, голубков,
Глафиру, Хлою, Милитрису,
Баранов, кошек и котов
Воспел в стихах своих унылых
На всякий лад для женщин *милых* <...>
Один, причесанный в тупей,
Поэт присяжный, князь вралей,

На суд явил творенья новы.
«Кто ты?» — «Увы, я пастушок,
Вздыхатель, завсегда готовый;
Вот мой венок и посошок,
Вот мой букет цветов тафтяных,
Вот список всех красот упрямых,
Которыми дышал и жил,
Которым я насильно мил.
Вот мой баран, моя Аглая».

(Батюшков. Изд. 1977. С. 358—359)

С собачкой, с посохом, с лорнеткой,
И с миртовой от мошек веткой,
На шее с розовым платком,
В кармане с парой мадригалов
И с чуть звенящим кошельком
По свету белому *Вздыхалов*
Пустился странствовать пешком.
«Прости, жестокая Аглая!» —
Он говорит в последний раз,
И вздох за вздохом, грудь стесняя,
Его перерывают глас <...>

(Вяземский. Изд. 1986. С. 58)

О. В. Голубева

8, ст. 1. *Дамонъ! ты началъ — продолжай.* Дамон (Δάμων, *Damon*) — условное литературное имя греческого происхождения, получившее распространение благодаря VIII эклоге Вергилия, одним из персонажей которой является пастух Дамон (он упоминается также в III эклоге, ст. 23). Возможно, при выборе имени Дамона сыграли свою роль «пастушеские» ассоциации, связанные с образом Шаликова (см. выше).

8, ст. 8. <...> *Или соперникомъ собачки.* Домашние собачки — традиционная полупристойная комическая тема во французской литературе XVII—XVIII в. Непосредственным источником комментируемого стиха могла стать XXVI глава из романа Д. Дидро «Нескромные сокровища» («Les bijoux indiscrets», 1748), повествующая о даме по имени Гария, чье «сокровище» ублажали язычками ее любимые болонки. Главный герой — султан — рассказывает своей фаворитке, как собачки не подпустили новоиспеченного мужа Гарии к брачному ложу: «Pourrez-vous croire que les quatre chiens d'Haria ont été les rivaux, et les rivaux préférés de son mari <...> Que dites-vous, reprit la favorite, de rivaux et de chiens? Je n'entends rien à cela» = «„Поверите ли, четыре собачки Гарии оказались соперниками ее мужа, да к тому же соперниками счастливыми?“ <...> „О каких еще соперниках и собачках вы говорите? — возразила фаворитка. — Я ничего в этом не понимаю“» (*Diderot* [*D.*] Œuvres complètes / Revues sur les éditions originales... Notices, notes, table analytique... par J. Assézat. Paris, 1875. T. 4. P. 231). В связи с обсуждаемой темой ср. еще стихо-

творение А. С. Пушкина «<Нимфодоре Семеновой>» (1817—1820): *Желал бы быть твоим, Семенова, покровом, // Или собачкою постельною твоей <...>* (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 128).

И. А. Пильщиков

9

Къ Креницыну («Товарищъ радостей младыхъ...»)

Александр Николаевич Креницын (1801—1865) — товарищ Боратынского по Пажескому корпусу. Он был зачислен в Корпус пансионером 9 октября 1812 г., в один день с Боратынским (ИП. С. 72; Летопись. С. 60). Вместе с Боратынским, Львом Приклонским, Дмитрием Ханыковым и братом Павлом Креницыным А. Н. Креницын входил в «общество мстителей», о котором Боратынский рассказывает в письме В. А. Жуковскому от конца декабря 1823 г. (Изд. 1951. С. 465—466; Летопись. С. 70). Креницыны участвовали в праздновании шестнадцатилетия Боратынского 19 февраля 1816 г., когда была совершена кража, повлекшая за собой исключение Боратынского и Ханыкова из Пажеского корпуса. В 1819 г. А. Н. Креницын находился в Пажеском корпусе, откуда в следующем, 1820 г. был исключен и разжалован в солдаты за неповиновение корпусному начальству. Прослужив солдатом в 18-м Егерском полку около года, в 1821 г. он был произведен в унтер-офицеры, а в феврале 1824 г. — в прапорщики (Летопись. С. 72—74). По выходе в отставку (1828) Креницын поселился в своем имении Мишнево Великолуцкого уезда Псковской губернии; известно, что он обменивался визитами со своим соседом по имению А. С. Пушкиным (см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 213—214).

Креницыну адресовано послание А. А. Бестужева «К К.......у» (1818). С Бестужевым, в то время прапорщиком лейб-гвардии Драгунского полка, Креницын был дружен и мог познакомить с ним Боратынского (документальных свидетельств не сохранилось). Креницын-поэт дебютировал в 1819 г., вскоре после Боратынского; несколько его стихотворений было опубликовано в 1819—1820 и 1828—1830 гг. (Ильин-Томич 1994. С. 145). Боратынский встречался с Креницыным в конце 1818 или в начале 1819 г. (ИП. С. 116; Летопись. С. 89) — очевидно, об этом свидании и говорится в послании «Товарищъ радостей младыхъ...». О дальнейшем общении Боратынского и Креницына ничего не известно.

Боратынский предоставил текст послания В. К. Кюхельбекеру (о его отношениях с Боратынским см. комментарии к № 17). В 1819 г. Кюхельбекер приносил это стихотворение воспитанникам петербургского Благородного пансиона, где он читал лекции по русской словесности (Маркевич. Изд. 1980. С. 295). Судя по тому, что сделанная Кюхельбекером копия послания «Къ Креницыну» содержит пометы и поправки издателя «Сына Отечества» Н. И. Греча, именно Кюхельбекер передал

Гречу стихотворение Боратынского. Эта публикация положила начало четырехлетнему сотрудничеству Боратынского с «Сыном Отечества» (1819—1822).

9, ст. 6—8. *Гдѣ время прежнее, гдѣ прежнія мечтанья? // И живость дѣтскихъ чувствъ и сладость упованья? // Все хладный опытъ истребилъ!* Ср. у В. А. Жуковского в послании «Тургеневу, в ответ на его письмо» (1813): *Ах! с нами, друг, и прежний мир пропал; // Пред опытом умолкло упованье* (ст. 83—84); ср. в этом же стихотворении риторический вопрос (ст. 71): *Где прежний ты, цветущий, жизни полный?* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 71). В. В. Виноградов (см.: Виноградов 1941. С. 172) приводит в параллель к ст. 6—8 из послания «Къ Креницыну» строки из послания Жуковского «К Филалету» (1809, ст. 5—6): *Где вы, дни радостей? Придешь ли ты назад, // О время прежнее, о время незабвенно?* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 138) — и зачин элегии В. Л. Пушкина (1816): *Где вы, дни радости, восторгов, упоенья? // Сокрылись... и мечты вы унесли с собой* (цит. по: Виноградов 1941. С. 172).

Упованье (*-ие*) 'надежда' — одно из самых частотных абстрактных существительных в словаре Жуковского; см.: «Младенец», 1806, ст. 15; «Стихи, сочиненные для альбома М. В. П.», 1808, ст. 41; «Стихи, вырезанные на гробе А. Ф. С<оковнино>й», 1808, ст. 13; «Двенадцать спящих дев» («Громобой», 1810), ст. 308, 528, 630; «К Б<лудов>у», 1810, ст. 72; «К Батюшкову. Послание», 1812, ст. 265, 302; «Певец во стане Русских воинов», 1812, ст. 616; «Уединение. (Отрывок)», 1813, ст. 67; «Тургеневу, в ответ на его письмо», ст. 84, 127; «Эпимесид», 1813, ст. 34; и мн. др.

9, ст. 10. *Во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ* — галлицизм; ср. франц. *être dans la fleur de ses jours, de la jeunesse, du plus bel âge* etc. 'быть в лучшей поре, в цветущих летах' (Виноградов 1935. С. 209; ПФП. С. 152). Ср. у А. С. Пушкина [«Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»), 1817, ст. 6—7]: *С надеждами во цвете юных лет, // Мой милый друг, мы входим в новый свет* (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 254); и мн. др.

9, ст. 20. *Горкіе укоры*. «Словарь Академии Российской» дает два равновозможных написания этого прилагательного: *горкій* и *горькій* (САР. Ч. I. Стб. 1208).

9, ст. 28.<...> *Но быстро скрылись отъ очей!* Ср. у Пушкина: *О счастье! злобный обольститель, // И ты, как сладкой сон, сокрылось от очей* [«Наполеон на Эльбе (1815)», ст. 38—39]; *Беги, сокройся от очей, // Цитеры слабая царица!* [«Вольность. Ода», 1817? 1819?, ст. 1—2 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 117; Т. 2, кн. 1. С. 45)]. У Боратынского в начальной строке стихотворения «Весна. (Элегия)»: *Мечты волшебныя, вы скрылись отъ очей!* (см. в настоящем издании № 24).

9, ст. 33. *Но для чего грустить! мой другъ еще со мной!* Ср. заключительную строку из стихотворения К. Н. Батюшкова «В день рождения N.»: *Один был нежный друг... и он еще с тобой!* (Батюшков. Изд. 1977. С. 230).

9, ст. 36. *Мечта* — здесь «привидѣніе, призракъ; пустое, ложное, явленіе, обманчивое видѣніе» (САР. Ч. III. Стб. 762).

И. А. Пильщиков

10

10.1. Дельвигу («Такъ, любезный мой Горацій...»)
10.2. Къ Дельвигу («Такъ, любезный мой Горацій...»)

Первое из пяти посланий Боратынского к одному из его ближайших друзей — барону Антону Антоновичу Дельвигу (1798—1831), поэту, литературному критику, будущему издателю альманаха «Северные Цветы» (1825—1831/1832). О других посланиях см. комментарии к №№ 18, 36, 61, 68.

С Дельвигом (а также с В. К. Кюхельбекером) Боратынского познакомили в конце 1818 или в начале 1819 г. А. И. Шляхтинский и А. А. Рачинский — двоюродный брат Боратынского и его будущий зять, в то время подпрапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, который знал Дельвига и Кюхельбекера по «Священной артели» И. Г. Бурцова (ИП. С. 121; Летопись. С. 89). Дельвиг, по его собственным словам, «подружил» Боратынского «с музой» (сонет «Н. М. Языкову», 1822) и был инициатором его первых публикаций (см. комментарии к № 1). После отъезда А. И. Шляхтинского из Петербурга в конце августа или в сентябре 1819 г. (см. комментарии к № 12) Дельвиг поселился с Боратынским на квартире в Семеновских ротах — этот биографический факт нашел отражение в их срвместном шуточном стихотворении «Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ...» (см. в настоящем издании раздел «Коллективное»). Вскоре Боратынский познакомился с лицейским другом Дельвига и Кюхельбекера — А. С. Пушкиным. Дружеский союз Боратынского, Дельвига, Пушкина и Кюхельбекера получил с легкой руки последнего название «союза поэтов» (см. комментарии к №№ 17 и 70). К Пушкину и Дельвигу обращена поэма Боратынского «Пиры». С именем Дельвига и «союзом поэтов» связана элегия «Елизiйскія поля» (см. комментарии к № 37). По случаю свадьбы Дельвига написано стихотворение «Въ альбомъ N. N. на другой день его свадьбы» (см. в настоящем издании № 107). Совместно с П. А. Плетневым Дельвиг выпустил первую книгу Боратынского — отдельное издание «Эды» и «Пиров» (СПб., 1826), а затем участвовал в подготовке Изд. 1827. Памяти Дельвига посвящено стихотворение «Не славь, обманутый Орфей...» (см. № 163). О Боратынском и Дельвиге см. также: Гаевский 1853. С. 28—66; Вацуро. СДП. С. 177 и далее.

10.1, ст. 1. *Такъ, любезный мой Горацій.* Квинт Гораций Флакк (Quintus Horatius Flaccus, 63—8 до н. э.) — римский поэт эпохи Августа, автор четырех книг од, книги эподов, Юбилейного гимна, двух книг сатир, двух книг посланий и дидактического послания к Пизонам, названного впоследствии «Наукой поэзии» («Ars poetica»). У Боратынского имя Горация символизирует легкую гедонистическую поэзию, в том числе дружеское послание. О восприятии Горация в России см.: *Busch W.* Horaz in Rußland. München, 1964; Алексеев 1967.

На послание Боратынского Дельвиг откликнулся посланием «Евгению»:

За то ль, Евгений, я Гораций,
Что пьяный, в миртовом венке,
Пою вино, любовь и граций,
Как он, от шума вдалеке,
И что друзей люблю — старинных,
А жриц Венеры — молодых.

Нет, лиру высоко настроя,
Не в силах с музою моей
Я славить бранный лавр героя
Иль мирные дела судей —
Мне крыльев не дано орлиных
С отверстым поприщем для них.

К тому ж напрасно муза ищет
Теперь героев и судей!
Дамон бичом отважно хлыщет
По стройному хребту коней,
А Клит в объятиях Цирцеи
Завялою душою спит.

Кого ж мне до вершин Парнаса,
Возвыся громкий глас, вознесть?
Иль за ухо втащить Мидаса
И смех в бессмертных произвесть?
Вернее в храме Цитереи,
Где сын ее нам всем грозит,

Благоуханной головою
Поникнув, Лидии младой
Приятно нежить слух игрою,
Воспеть беспечность и покой,
И сладострастия томленье,
И пламенный восторг любви,

Покинуть гордые желанья,
В венок свой лавров не вплетать
И в час веселого мечтанья
Тихонько Флакку подражать
В науке дивной, в наслажденьи,
И с ним забавы петь свои.

(Дельвиг. Изд. 1986. С. 141)

Ответное послание Дельвига, записанное в его рабочую тетрадь 1819 г., оставалось неопубликованным до 1853 г. Однако появления в печати стихотворения Боратынского оказалось достаточно, чтобы вызвать раздражение оппонентов. В 1822 г. в

«Благонамеренном» и в «Вестнике Европы» появилось стихотворение Б. М. Федорова «Союз Поэтов», направленное против Суркова, Тевтонова и Барабинского (то есть Дельвига, Кюхельбекера и Боратынского):

Одинъ напишетъ: *мой Горацій!*
Другой въ отвѣтъ: *любимецъ Грацій!*
 И третій другъ,
 Возвысивъ духъ,
Кричитъ: *вы, вы, любимцы Грацій!*
А тѣ ему: *о нашъ Горацій!* <...>

 Другъ друга прославляйте,
 Другъ друга разбирайте,
 Съ Гораціемъ равняйте,
 Посланья сочиняйте,
 Въ Журналы посылайте <...>
 Другъ другу посвящайте —

и т. д. (Благонамеренный. 1822. Ч. XIX. № 39. С. 512—514; Вестник Европы. 1822. № 19. С. 211—213; оба текста с подписью *Д. Врс—въ*). Подробнее см. комментарии к № 70. О рифме *Гораций* : *Граций* см. ниже, комментарий к № 10.1, ст. 3.

10.1, ст. 2. *Хоть радъ, хотя не радъ.* Этот фразеологизм довольно часто встречается в дружеской стихотворной переписке 1810-х годов; ср.: *Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад* [А. С. Пушкин, «Дяде, назвавшему сочинителя братом», 1816, ст. 3 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 204)]; <...> *Потом, хоть рад, хотя не рад, // Туда* <...> *Отправился* <...> [В. А. Жуковский, «К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой», 1818; III, ст. 77 (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. II. С. 93)]; и др.

10.1, ст. 3. *Музы* (Μοῦσαι) — в греческой мифологии богини поэзии, искусств и наук. *Граціи* (*Gratiae*) — богини красоты в римской мифологии; то же, что греческие Хариты (о последних см. комментарий к № 10.1, ст. 25).

Горацій : *Грацій* — рифма-клише, ставшая популярной благодаря «Моим Пенатам» К. Н. Батюшкова (Алексеев 1967. С. 186); ср.: *В толпе и Муз и Граций, // То с лирой, то с трубой, // Наш Пиндар, наш Гораций, // Сливает голос свой* (Батюшков, «Мои Пенаты», 1811—1812, ст. 181—184); *А ты, лежащий на цветах // Меж Нимф и сельских Граций, // Певец веселия, Гораций!* [Он же, «Мечта», редакция 1817 г., ст. 150—152 (Батюшков. Изд. 1977. С. 265, 257)]; *Иди вперед, друг муз и граций, // За избранным тобой вождем, // И пусть учитель твой Гораций // С тобой поделится венком* [П. А. Вяземский, «Милонову по прочтении перевода его из Горация», 1811, ст. 15—18 (Вяземский. Изд. 1986. С. 58)]; *Но вскоре произвел* <...> *Державный Феб потом // Меня истопником // Своих племянниц Граций, // Которым наш Гораций — // Державин так знаком* [Жуковский, «<К А. Н. Арбеневой>» («Сказать вам: *коротко да ясно!..*»), 1812, ст. 40—47 (Жуковский. Изд.

1999—2000. Т. I. С. 219)]; <...> *где в хоре Муз и Граций // Виргилий отдыхал, Овидий и Гораций* [Ж. Делиль, «Сады», перевод А. Ф. Воейкова, 1807—1815; песнь IV, ст. 545—546 (Делиль. Изд. 1988. С. 160)]; *Питомцы юных Граций — // С Державиным потом // Чувствительный Гораций // Является вдвоем* (А. С. Пушкин, «Городок», 1815, ст. 114—117); *И ты в беседе Граций, // Не зная черных бед, // Живешь, как жил Гораций, // Хотя и не поэт* [Он же, «К Пущину (4 мая)», 1815, ст. 31—34]; *Они живут в своих шатрах, // Вдали забав и нег и граций, // Как жил бессмертный трус Гораций* <...> [Он же, «Послание В. Л. Пушкину», 1817, ст. 62—64 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 98, 120, 251)]; *Подъ камнемъ симъ сокрытъ любимецъ Музъ и Грацій, // Фелицы славныя пѣвецъ, // Державинъ, Пиндаръ нашъ, Анакреонъ, Горацій* <...> [А. Е. Измайлов, «Эпитафия Державину» (Сын Отечества. 1816. Ч. 31. № XXIX. С. 108)]; *Морвена Бардъ, Давидъ, Горацій, // Органъ небесъ и лютня Грацій* [А. Г. Родзянка, «Державин» (Благонамеренный. 1819. Ч. V. № IV. С. 205)] и др.

10.1, ст. 4. *Вахтпарадъ* (нем. *Wachtparade*) — развод для смены караулов (СлРЯ XVIII в. Вып. 2. С. 222—223). Ср. *разводъ* (10.1, ст. 22) и *въ караулѣ* (10.1, ст. 26).

10.1, ст. 5—6. *Сыну милому Венеры, // Рощамъ Пафоса, Цитеры* <...> Венера (*Venus*) — богиня любви в римской мифологии (в греческой мифологии — Афродита). *Сынъ Венеры* — бог любви Амур, или Купидон (см. комментарий к № 23.1, ст. 14—15); в греческой мифологии ему соответствует Эрот (см. комментарий к № 10.2, ст. 30). *Милый сынъ* — ср.: *Киприды милый сын* [К. Н. Батюшков, «Элегия из Тибулла. Вольный перевод», опубликован в 1815 г., ст. 82 (Батюшков. Изд. 1977. С. 208)]. *Пафос* (лат. *Paphos*, греч. Πάφος) — город на южном берегу о. Крит, где находился один из храмов богини любви Афродиты. *Цитера* (лат. *Cythera*, греч. Κύθερα) — остров на юге Лаконики, где находился храм Афродиты Урании. Все имена собственные в ст. 5 и 6 служат перифрастическими именованиями любви и любовных наслаждений.

10.1, ст. 7. *Гордый лавръ и миртъ веселой. Лавръ* символизирует здесь поэзию, а *миртъ* — любовь: римляне считали лавр деревом Аполлона, а мирт — деревом Венеры (Seyffert 1957. P. 43, 681).

10.1, ст. 9. *Киверъ воина тяжелой.* Кивер — военный головной убор с расширяющейся кверху тульей, козырьком и подбородочным ремнем. Его делали из кожи или плотного сукна, он был высоким (до 70 см вместе с венчавшим его султаном) и вправду достаточно «тяжелым» — до 2 кг (Кирсанова 1995. С. 125—126).

10.1, ст. 12. *Скука томно дни прядетъ.* Вариация античного мифологического образа: Парки прядут нить жизни (Виноградов 1935. С. 268—269).

10.1, ст. 13—14. *И теперь меня въ мундирѣ // Геній мой не узнаетъ! Геній* (лат. *genius*) — по представлениям римлян, божество — покровитель человека (ср.: СлРЯ XVIII в. Вып. 5. С. 104); здесь 'творческий дух'.

10.1, ст. 15. *Мнѣ-ли думать о куплетахъ?* Куплеты (франц. *couplets*) — 'стро́фы стихотворения или песни', здесь расширительно 'стихи'.

10.1, ст. 17. *Марсъ* (*Mars, Mavors*) — бог войны в римской мифологии; здесь иронически об офицере. *Затянутый въ штиблетахъ* — см. ниже, комментарий к № 10.2, ст. 17.

10.1, ст. 19. *Кличетъ ратниковъ по свойски.* Бурлескное совмещение древнерусизма *ратники* и коллоквиализма *по свойски*, означающего здесь матерную брань (Фризман 1966. С. 10—11).

10.1, ст. 22. *Пиндъ* (Πίνδος) — горный хребет в Греции, отделяющий Фессалию от Эпира. Древние греки считали Пинд местом пребывания Аполлона и Муз — божеств, покровительствующих искусствам. *Разводъ* (воен.) — смотр караулов перед отправкой их на посты (ср. выше, комментарий к № 10.1, ст. 4).

10.1, ст. 25. *Камены* (*Camenae*) — латинское название Муз, богинь искусств и наук (греческая и римская мифология). *Хариты* (Χάριτες, ед. ч. Χάρις 'красота; милость') — в греческой мифологии богини, воплощающие благое начало жизни; в более узком смысле — богини красоты.

10.1, ст. 27. *Вольный баловень забавы.* См. комментарий к № 18.2, ст. 43.

10.1, ст. 31. *Въ долинѣ злачной. Зла́чный* — 'изобилующий травой, зеленью' (САР. Ч. II. Стб. 874; СлРЯ XVIII в. Вып. 8. С. 185).

10.1, ст. 36—38. <...> *Пой, любимецъ Аонидъ! // Въ тихой сладостной кручинѣ // Слушать буду голосъ твой* <...> Ср.: *Любимца твоего, любимца Аонид, // И горесть сладостна бывает* <...> [Батюшков, «Мечта», редакция 1817 г., ст. 21—22 (Батюшков. Изд. 1977. С. 253)]. *Аониды* (*Aonides*) — еще одно именование Муз, произведенное от топонима *Аония* (местность в Беотии, где находится гора Геликон, одно из мест обитания Муз). *Любимецъ Аонидъ* — поэт.

10.2, ст. 16. *Феба лучь едва блеснетъ* <...> Феб (греч. Φοῖβος 'светозарный') — эпиклес бога Аполлона, отождествляемого с солнцем (греческая мифология); здесь в значении 'солнце'.

10.2, ст. 17. *Марсъ затянутый, въ щиблетахъ.* В самом начале царствования Александра I «на смену относительно просторному немецко-венгерскому кафтану пришел мундир французского образца — узкий, с высоким стоячим воротником и резко расходящимися ниже пояса полами <...> Соответственно камзолы укорачивались и превращались в жилеты» (*Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII — начало XX века. СПб., 2001. С. 211). Для того, чтобы продемонстрировать свою статность, многие офицеры начали затягиваться в корсет; ср.: *Затянутый невежда-генерал* [А. С. Пушкин, «Послание к кн. Горчакову» («Питомец мод, большого света друг...»), 1819, ст. 27]; *Так иногда супругу генерала // Затянутый прельщает адъютант* (Он же, «Гавриилиада», 1821, ст. 97—98); *Ее настиг младой улан // Затянут — статен и румян* [Он же, «Евгений Онегин», 7, VIII, 10—11 вариант (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 115; Т. 4. С. 124; Т. 6. С. 420)]. В поздней редакции

комментируемого стиха иная пунктуация, меняющая смысл причастия *затянутый*. *Щиблеты, штиблеты* (нем. *Stiefeletten* 'сапожки, полуботинки') — «суконныя, на подкладкѣ, рѣже кожаныя, голенища <...> на крючкахъ или пуговкахъ вдоль наружной сторон голени; камаши, ногавцы» [Даль. Изд. 1903—1909. Т. 4. Стб. 1474 (s. v. *штиблеты*), ср. 1507 (s. v. *щиблеты*)].

10.2, ст. 26. *Аркадія* (Ἀρχαδία) — область в центре Пелопоннеса в Греции, место возникновения культа пастушеского бога Пана. В европейской культуре XVI—XVIII в. Аркадия стала символом идиллического покоя и патриархальной простоты нравов.

10.2, ст. 30. *Нимфы* (Νύμφαι) — низшие стихийные женские божества (греческая мифология). *Эротъ* (греч. Ἔρως, род. пад. Ἔρωτος 'желание, страсть') — бог любви в греческой мифологии.

И. А. Пильщиков

11

Прощанье («Простите, милые досуги...»)

Первая «унылая» элегия Боратынского. Судя по тому, что поэт не включил ее в Изд. 1827 и Изд. 1835, он остался ею недоволен. Стихотворение было упомянуто в письме В. Н. Каразина министру внутренних дел как одно из доказательств безнравственности молодых сотрудников Вольного общества любителей российской словесности (см.: Русская Старина. 1899. Т. XCVIII. Кн. V. С. 279). Начальные строки «Прощанья» были использованы в поздней редакции элегии «Елизійскія поля» (см. комментарий к № 37.1, ст. 12).

11, ст. 4. *Вяну въ утро дней!* Ср. употребление глаголов с этим корнем в элегиях К. Н. Батюшкова: <...> *Едва ли на заре сей жизни не увяну* [«Воспоминания 1807 года», 1809 (заглавие в «Опытах в Стихах и Прозе» — «Воспоминание»), ст. 22]; *Я вянул, исчезал, и жизни молодой, // Казалось, солнце закатилось* <...> *Я от любви теперь увяну* [«Выздоровление», опубликовано в 1817 г. (Батюшков. Изд. 1977. С. 221, 214); см. также комментарий к № 41.1, ст. 12] — и особенно в «унылых» элегиях А. С. Пушкина 1815—1817 гг.: *Я вяну, прекрати тяжелый жизни сон* («К ней», 1815, ст. 2); *Умчались вы, дни радости моей! // Умчались вы — невольно льются слезы, // И вяну я на темном утре дней* [«Элегия» («Опять я ваш, о юные друзья!»), 1817, ст. 32—34 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 129, 240)]. К последнему примеру предельно близок текст Боратынского (Виноградов 1941. С. 170).

11, ст. 5. *Стезею потаенной.* Ср. это же выражение в элегии Батюшкова «Надежда», 1815, ст. 14 (Батюшков. Изд. 1977. С. 201).

11, ст. 6. *Въ ночь молчаливую, тишкомъ*. Ср. у Батюшкова в элегии «Ложный страх. Подражание Парни» (1810, ст. 1—4): *Помнишь ли, мой друг бесценный! // Как с амурами тишком, // Мраком ночи окруженный, // Я к тебе прокрался в дом?* — а также наречие *тишком* в элегии «Привидение. Из Парни», 1810, ст. 16 (Батюшков. Изд. 1977. С. 293, 217).

11, ст. 10. *Свѣтильникъ дней моихъ блѣднѣетъ*. Реминисценция начальных строк «Элегии» Э. Парни («Poésies érotiques», 1777—1781; кн. II, элегия 4): *Oui, sans regret, du flambeau de mes jours // Je vois pâlir la lumière éclipsée = Да, я без сожаления вижу, как светильника моих дней // Бледнеет померкший свет* (Parny. Éd. 1862. P. 46; см.: ПФП. С. 166—167). Ср. также русские параллели, отмеченные В. В. Виноградовым (Виноградов 1941. С. 151): *Последний взор моих очей // Луча бессмертия не встретит, // И погасающий светильник юных дней // Ничтожества спокойный мрак осветит* [Пушкин, «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»), 1816, ст. 8—11 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 216)]; *Свѣтильникъ дней моихъ печальныхъ угасаетъ* [В. И. Туманский, «Вертер к Шарлотте. (За час перед смертию)», ст. 1 (Благонамеренный. 1819. Ч. 6. № VII. С. 5)].

11, ст. 18. <...> *Младою пышной красотой. Пышная* — здесь 'великолепная' (ср.: САР. Ч. V. Стб. 756).

И. А. Пильщиков

12

12.1. «Тебѣ на память, въ книгѣ сей...»
12.2. Ш—му (Въ Альбомъ) («Пускай измаранный листокъ...»)
12.3. «Землякъ! въ странѣ чужой суровой...»)

Заглавие в Изд. 1827: **«Въ Альбомъ»**.

Андрей Иванович Шляхтинский (ок. 1797—?), к которому обращено стихотворение, — прапорщик лейб-гвардии Егерского полка, близкий знакомый Боратынского. С октября или ноября 1818 г. до конца августа 1819 г. Боратынский вместе с А. И. Шляхтинским снимал квартиру в доме Василия Ежевского (Гижевского) в Семеновских ротах, вблизи набережной Фонтанки (см.: Шубин 1985. С. 49, 314; ИП. С. 120—121, 337—338, 354; Летопись. С. 88). Очевидно, первая редакция послания была создана после 24 августа 1819 г. по случаю отъезда Шляхтинского из Петербурга в Орловский пехотный полк (Летопись. С. 92). Вероятно, Боратынский предоставил текст послания В. К. Кюхельбекеру, который в 1819 г. приносил это стихотворение вместе с посланием «Къ Креницыну» воспитанникам петербургского Благородного пансиона (Маркевич. Изд. 1980. С. 295). Первая

редакция послания к Шляхтинскому была опубликована в «Сыне Отечества», так же как послание «Къ Креницыну» (см. комментарии к № 9).

Комментируемое стихотворение написано астрофическим 4-стопным ямбом. Структура рифм во второй редакции существенно отличается от первоначальной. В ранней редакции текст распадался на 4-строчные строфоиды с опоясывающей рифмовкой (*aBBa* + *CddC* + ... + *nOOn*), между которыми вклинивался один «катрен» (№ 12.2, ст. 9—12) с перекрестными рифмами (...*eFeF*...). Он был сохранен при переработке стихотворения, и под его влиянием перекрестную рифмовку приняли остальные «четверостишия» (*aBaB* + *dCdC* +...). Однако дело этим не ограничилось. Два смежных строфоида первой редакции (№ 12.2, ст. 13—16, 17—20) имели общую мужскую рифму (...*gHHg* + *IggI*...). При подготовке Изд. 1827 этот фрагмент был сокращен до пяти строк (...*gHggH*...). По образцу новоявленного «пятистишия» были переоформлены два заключительных строфоида, превратившихся из 4-строчных в 5-строчные. Текст, печатаемый в настоящем издании под № 12.3, представляет собой вариант второй редакции и отличается от нее зачином: место двух 4-строчных начальных строфоидов заняло «четверостишие» с опоясывающей рифмовкой *AbbA*. Ср. соотношения между рифменными цепочками в первой и второй редакциях (№№ 12.2 и 12.1; полужирным шрифтом помечены строки, перешедшие из первой редакции во вторую в неизменном виде):

первая редакция:	*aBBa* (1—4)	*CddC* (5—8)	***eFeF*** (9—12)
вторая редакция:	*aBaB* (1—4)	*cDcD* (5—8)	***eFeF*** (9—12)
первая редакция:		*gHHg* (13—16)	*IggI* (17—20)
вторая редакция:		*gHggH* (13—17)	
первая редакция:	*jKKj* (21—24)	***LmmL*** (25—28)	***n**OO**n*** (29—32)
вторая редакция:	*jKjK* (18—21)	*mL**mmL*** (22—26)	***n'**OnO**n*** (27—31)

n' — стих перенесен в новую редакцию с заменой местоимения (*мои* вместо *его*)

12.1, ст. 4. *Гость минутной!* Излюбленный эпитет В. А. Жуковского: *О жертва мирная, минутный гость земной* <...> («Отрывок из Делилева дифирамба на бессмертие души», 1806, ст. 14); *Сыны в дому отцов минутными гостями // Являлись* <...> («Императору Александру», 1814, ст. 102—103); ср. также: *В печальном странствии минутной жизни сей* <...> («К поэзии», 1804, ст. 37); *Один — минутный цвет — почил, и непробудно* <...> («Вечер», 1806, ст. 62); <...> *Но в мире он минутный странник был* («Певец», 1811, ст. 10); и др. (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 79, 369, 62, 77, 159). Ср. у К. Н. Батюшкова (несомненно, под влиянием Жуковского): *минутный шум весе́лья и пиров*; *Минутны странники, мы ходим по гробам* <...> [«К другу», 1815, опубликовано в

1817 г.; ст. 5, 25 (Батюшков. Изд. 1977. С. 250, 251)]. Ср. также у Н. И. Гнедича в переводе предсмертной оды Н. Жильбера («К Провидению», опубликовано в 1820 г.; ст. 25): *Увы, минутный гость я на земном пиру* <...> (Гнедич. Изд. 1956. С. 111; о судьбе этой строки см.: ФЭ. С. 609).

12.1, ст. 9—12. *Ты помнишь милую страну, // Гдѣ жизнь и радость мы узнали, // Гдѣ зрѣли первую весну* <...>? Ср. параллельное место в «Отрывкахъ изъ Поэмы: Воспоминанія»: <...> *Увидѣть милую, священную страну, // Гдѣ жизни онъ провелъ прекрасную весну, // Провелъ невинное, безоблачное дѣтство* (№ 13, ст. 151—153; о соотношении этих стихов с их французским источником см. комментарий к № 13, ст. 149—153). Те же обороты — у Жуковского в стихотворении «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» (1813, ст. 29—30): *Ах! зрел ли милую страну, // Где я был счастлив в прежни годы?* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 255). Рифмы *страну* : *весну* и *страна* : *весна* Боратынский использовал еще дважды (Shaw 1975. P. 32, 79) — в элегиях «Прощай, отчизна непогоды...» (см. в настоящем издании № 35) и «Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь...» (см. в настоящем издании № 180). В первом случае эта рифма перенесена в описание Финляндии (очевидно, по контрасту: «родная страна» — «чужая страна»), во втором — в описание Элизия, мысли о котором навевает поэту встреча с родиной (см. комментарий к № 180, ст. 64 и далее).

Первую весну (ст. 11), *прекрасную весну* («Отрывки изъ Поэмы: Воспоминанія»; № 13, ст. 152), ср. *мою весну* («Прощай, отчизна непогоды...»; № 35.1, ст. 28). Обычное для элегической поэзии этого времени перифрастическое обозначение детства или ранней молодости; ср. франц. *mon printemps* 'моя весна', *printemps de ma vie* (*de mon âge, de mes jours*), 'весна моей жизни (моего возраста, моих дней)', *les jours de mon printemps* 'дни моей весны' (см.: Савченко 1926. С. 72, 77, 81, 84; Nabokov 1964. Vol. 3. P. 25—28; ПФП. С. 151—152, 170—171).

<...> *Гдѣ зрѣли первую весну, // Гдѣ первой страстію пылали?* Ср. у А. Бертена («Les Amours», 1780—1785, кн. II, элегия 5, ст. 11—13): *C'est là, c'est là qu'au printemps de ma vie, // En la voyant je me sentis brûler // D'un feu soudain* <...> = *Это там, это там, где в весну моей жизни, // Увидев ее, я почувствовал, что пылаю // Внезапным огнем* <...> (Bertin. Éd. 1879. P. 58).

12.1, ст. 16 и далее. <...> *я* <...> *А ты* <...> См. комментарий к № 34, ст. 25 и далее.

12.1, ст. 19. *А ты узришь поля родныя.* Вариант поздней редакции находит параллель в элегии «Бдѣніе»: *Увижу-ль васъ, поля родныя?* (№ 41.2, ст. 9).

12.1, ст. 20—21. *И прошлыхъ счастливыхъ годовъ // Вспомянешь были золотыя* — ср.: *Но любитъ вспоминать онъ были прежнихъ лѣтъ* («Отрывки изъ Поэмы: Воспоминанія»; № 13, ст. 39). Гипотетический протоисточник — Тибулл, кн. I, элегия X (XI), ст. 44 в переводе Батюшкова: *Я б юность вспомянул за ча-*

шей круговою, // И были и дела давно протекших дней! [«Тибуллова Элегия XI из I книги», 1810, ст. 66—67 (Батюшков. Изд. 1977. С. 226)]. Связь с латинской рустической и элегической топикой обнаруживается также в первой редакции послания Шляхтинскому (см. комментарий к № 12.2, ст. 24)

12.1, ст. 25—26. <...> *Судьбы враждебной, съ юныхъ лѣтъ // И до конца непримиримой!* Реминисценция из элегии Батюшкова «Умирающий Тасс» (см. комментарий к № 35.1, ст. 9—12).

12.1, ст. 27. *Когда-жь стихи мои найдешь* <...> Союз *когда(-жь)* можно понимать как во временно́м (‘когда же’), так и в условном смысле (‘если же’).

12.2, ст. 17—18. *Путеводимый // Своей блуждающей звѣздой.* Терминологически *блуждающая звѣзда* — это, собственно, не ‘звезда’, а ‘планета’ (подробнее см. комментарии к № 151). Поскольку по планетам ориентироваться нельзя, в этом употреблении следует видеть каламбур (может быть, невольный): «блуждающая» звезда символизирует судьбу странника.

12.2, ст. 24. *Сожжешь мастики въ честь Богамъ.* Ср.: <...> *мирный ѳиміамъ // Я буду посвящать отеческимъ богамъ* («Отрывки изъ Поэмы: Воспоминанія»; № 13, 189—190). Об этой параллели см.: Пильщиков 1994а. С. 35—36.

12.2, ст. 25. *Но гдѣ жъ Пѣвецъ, тобой любимый?* (чтение «Сына Отечества») vs *Но гдѣ жъ пѣвецъ, тобой любимой?* (чтение «Соревнователя Просвещения и Благотворения»). Вариант «Соревнователя» дает графически точную рифму *любимой* (муж. р., им. пад.) : *непримиримой* (жен. р., род. пад.); при этом в ст. 30—31 в обеих публикациях («Сына Отечества» и «Соревнователя») рифма точная — *милой* (муж. р., им. пад.): *унылой* (жен. р., твор. пад.). О «глазных» рифмах см. комментарий к № 34, ст. 27—28.

12.3, ст. 1. *Въ странѣ чужой, суровой* — то есть в Финляндии. Ту же комбинацию эпитетов (*чужой* + *суровый*) мы встречаем в альбомном стихотворении 1824 г., адресованном А. В. Лутковской: *Когда придется какъ нибудь // Въ досужный часъ воспомянуть // Вамъ о Финляндіи суровой* <...> *Не позабудьте обо мнѣ, // Поэтѣ сиромъ и безродномъ, // Въ чужой, далёкой сторонѣ, // Сердитомъ, грустномъ и голодномъ* (№ 82, ст. 1—10). Словосочетание *въ странѣ чужой* (вариант: *Въ чужой сторонѣ*) употребляется у Боратынского только применительно к Финляндии (5 случаев; примеры см.: Shaw 1975. P. 377, 416). Словами *Суровый край* <...> начинается описание Финляндии в поэме Боратынского «Эда» (в редакции 1824—1825 гг. — ст. 41 и далее; см. в настоящем издании раздел «Поэмы»).

И. А. Пильщиков

13

Отрывки изъ Поэмы: Воспоминанія («Посланница небесъ, безсмертныхъ даръ счастливый...»)

Первый опыт Боратынского в большом жанре. В основе этого полуоригинального-полупереводного произведения лежат отрывки из двух французских поэм — «Les Souvenirs, ou Les Avantages de la Mémoire» Г.-М.-Ж.-Б. Легуве («Воспоминания, или Преимущества Памяти», 1798; см.: Томашевский 1922. С. 225 примеч. 1; Изд. 1936. Т. II. С. 285) и «Les Jardins, ou L'Art d'embellir les paysages» Ж. Делиля («Сады, или Искусство украшения пейзажей», 1782—1801; см.: Pilshchikov 1994b. P. 105—106). Переводя Делиля, Боратынский ориентировался на перевод «Садов», сделанный А. Ф. Воейковым (1807—1815; отдельное издание: СПб., 1816), а перелагая Легуве, широко использовал поэтическую идиоматику, разработанную Н. М. Карамзиным и его последователями, в первую очередь К. Н. Батюшковым (см. об этом: Пильщиков 1995а). Кроме того, в текст введены фрагменты, отмеченные влиянием других французских и русских авторов.

Габриэль-Мари-Жан-Батист Легуве (Gabriel-Marie-Jean-Baptiste Legouvé, 1764—1812) — автор дидактических поэм «La Sépulture» («Могила»), «La Mélancolie» («Меланхолия»), «Le Mérite des femmes» («Достоинство женщин»; опубликованы в 1801) и др. Полностью поэма «Les Souvenirs» была переведена на русский язык Д. П. Глебовым (отдельное издание: М., 1823).

Жак Делиль (Jacques Delille, 1738—1813) — один из ведущих французских поэтов XVIII в., переводчик «Георгик» Вергилия (1770) и Вергилиевой «Энеиды» (1804), автор поэм «L'Homme des Champs» («Сельский житель», 1802), «L'Imagination» («Воображение», 1806), «Les Trois Règnes de la Nature» («Три царства Природы», 1806) и др., член Французской академии с 1774 г. Поэма Делиля «Les Jardins» принадлежит к числу наиболее значительных произведений позднего классицизма [см. о ней: *Klemperer V.* Delilles «Gärten»: ein Mosaïkbild des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1954; *Guitton É.* Jacques Delille (1738—1813) et le poème de la nature en France de 1750 à 1820. Paris, 1974. P. 329—349]. Воейковский перевод «Садов» стал в 1810-х годах сенсацией (см. о нем: *Лотман Ю. М.* «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе // Делиль. Изд. 1988. С. 191—209).

13, ст. 1—2. *Посланница небесъ, безсмертныхъ даръ счастливый, // Подруга тихая печали молчаливой* <...> Ср. начальные стихи поздней и ранней редакции элегии К. Н. Батюшкова «Мечта»: *Подруга нежных муз, посланница небес* <...> *Где ты скрываешься, Мечта, моя богиня?* (Батюшков. Изд. 1977. С. 253);

О сладостна мечта, дщерь ночи молчаливой, // Сойди ко мне с небес в туманных облаках <...> (Батюшков. Изд. 1964. С. 55). Батюшков, в свою очередь, варьирует Н. М. Карамзина («Приношение грациям», 1793, ст. 9—10): *Богини кроткие, любимицы небес, // Подруги нежных муз и всех красот нетленных!* (Карамзин. Изд. 1966. С. 117). Ср. также в стихотворении Н. Д. Иванчина-Писарева «К Дружбе»: *Богиня кроткая, сладчайшій даръ небесъ!* (Вестник Европы. 1814. Ч. LXXVIII. № 24. С. 298; параллели отмечены: Пильщиков 1995а. С. 371 примеч. 12). Этим «общекарамзинистским» фоном опосредуются французские первоисточники поэмы Боратынского.

13, ст. 3. *О память! — ты одна бесѣдуешь со мной* <...> Поэма Легуве начинается с обращения к Мнемозине (а не к памяти):

Sur l'immortel sommet de la double colline
Tu créas la Mémoire, auguste Mnémosyne;
Je chante tes bienfaits; souris à mes accords.

(Ст. 1—3; Legouvé. Éd. 1813. P. 111)

(Перевод: *На бессмертной вершине двойного холма // Ты создала Память, божественная Мнемозина; // Я пою твои благодеяния; улыбнись моим аккордам.*)

13, ст. 5—6. *Тобою щастія мгновенья легкокрылы // Давно протекшія въ мечтахъ мнѣ снова милы.* Ср. в «Les Souvenirs» Легуве:

La Mémoire en effet est un de nos trésors:
Par elle, on resaisit les heures, les années,
Dans la fuite du temps tour-à-tour entraînée;
Par elle, le passé redevient le présent.

(Ст. 4—7; Legouvé. Éd. 1813. P. 111)

[Перевод: *Память, действительно, — одно из наших богатств: // Ею* (= *благодаря ей*) *вновь овладевают часами, годами, // Которые увлекает один за другим бег времени; // Ею* (= *благодаря ей*) *прошлое становится настоящим*].

Творительный причинный и близкий к нему творительный падеж лица со значением 'благодаря' (ср. у Боратынского: «Тобою мгновенья мнѣ снова милы») хоть и не часто, но встречаются в поэзии начала XIX в. (см.: Булаховский 1954. С. 335—336). Ср.: *О Делія! я жизнь лишь чувствую тобою* [И. И. Дмитриев, «Тибуллова Элегия», ст. 62 в редакциях 1795—1818 гг. (цит. по: Пильщиков 1995б. С. 108)]; *Мне свет прелестен был тобою* (В. А. Жуковский, «Мальвина», 1808, ст. 3); *Тобой и для одной тебя // Живу и жизнью наслаждаюсь; // Тобою чувствую себя; // В тебе природе удивляюсь* [Он же, «Песня» («Мой друг, хранитель-ангел мой...»), 1808, ст. 33—36 (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 119, 130)];

В краях изгнанников... я счастлив был тобой (Батюшков, «Мечта», редакция 1817 г., ст. 99); *Тобою в чувствах оживаю* [Он же, «Есть наслаждение и в дикости лесов...», 1819—1821, ст. 10 редакторский вариант (Батюшков. Изд. 1977. С. 256, 349)]; *Тобой узнал я, как сильна, // Как восхитительна Киприда // И как торжественна она!* [Н. М. Языков, «Аделаиде», 1826, рукописная редакция, ст. 2—4 (Языков. Изд. 1988. С. 493)]. Ср. с объяснением такого употребления творительного падежа как приметы индивидуального стиля Жуковского: *Вацуро В. Э.* Последняя элегия Батюшкова: История текста // Русская речь. 1993. № 2. С. 21.

13, ст. 8—9. *Люблю, задумавшись, минувшихъ дней моихъ // Воспоминать мечты, надежды, наслажденья* <...> Ср. в элегии Жуковского «Вечер» (1806, ст. 45—46): *Сижу задумавшись; в душе моей мечты // К протекшим временам лечу воспоминаньем...* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 76).

13, ст. 10. <...> *Минуты радости, минуты огорченья*. Ср. у Легуве:

Eh! jetant sur ses jours un regard complaisant,
Qui n'aime à remonter le fleuve de la vie!
Qui n'aime à voir, devant son ame recueillie,
Comme un mouvant tableau, repasser lentement
Ses instants de plaisir, et même de tourment!

(Ст. 8—12; Legouvé. Éd. 1813. P. 111)

(Перевод: *Ах! бросая снисходительный взгляд на свои дни, // Кто не любит плыть назад по реке жизни! // Кто не любит смотреть, как перед его сосредоточенной душой // Подобно движущейся картине вновь медленно проходят // Мгновения радости и даже мгновения страдания!*)

13, ст. 11—12. *Не разъ волшебною взлелѣянный мечтой // Я въ ночь безмолвную бесѣдовалъ съ тобой*. Ср. обращение к музе в вольном переводе Н. И. Гнедича из III книги «Потерянного Рая» Дж. Мильтона («Мильтон, сетующий на свою слепоту», 1805, ст. 20): <...> *В одном безмолвии беседую с тобой* (Гнедич. Изд. 1956. С. 75). Тема мечты, отсутствующая в «Les Souvenirs» Легуве, восходит к элегии Батюшкова «Мечта» (см. выше, комментарий к № 13, ст. 1—2). *Волшебною мечтой* — ср. в «Мечте» (ст. 109): *Волшебница моя! дары твои бесценны* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 256). См. также комментарий к № 13, ст. 63.

13, ст. 13—14. *И въ дни щастливые на часъ перенесенный, // Дремалъ утѣшенный и съ жизнью примиренный*. У Легуве этому соответствует:

Il semble que du temps on arrête la trace;
On croit joindre à ses jours tous ceux qu'on se retrace;
Et de leur cours rapide on se sent consolé.

(Ст. 13—15; Legouvé. Éd. 1813. P. 111)

(Перевод: *Вам кажется, что вы удержали отпечаток времени; // Вам верится, что к своим дням вы присоединили все те, которые вы вспоминаете, // И чувствуете себя утешенным их быстрым движением.*)

13, ст. 15. *Такъ, всѣмъ обязанъ я твоимъ привѣтнымъ снамъ.* Этот стих не имеет аналогов в ближайших литературных источниках поэмы Боратынского.

13, ст. 16. *Тебя я пѣть хочу; — дай жизнь моимъ струнамъ.* Эта строка соответствует цитировавшемуся выше 3-му стиху из поэмы Легуве: *Je chante tes bienfaits; souris à mes accords* (*Я пою твои благодеяния; улыбнись моим аккордам*). Ср. также ст. 15—17 из батюшковской «Мечты»: *Явись, богиня, мне, и с трепетом священным // Коснуся я струнам, // Тобой одушевленным!* (Батюшков. Изд. 1977. С. 253).

13, ст. 17—20. Эти стихи не имеют аналогов в ближайших литературных источниках поэмы Боратынского.

13, ст. 17. *Цѣвницѣ вторь моей* <...> В существующих комментариях к «Отрывкамъ изъ Поэмы: Воспоминанія» говорится: «*Цевница* — свирель» (Изд. 1989. С. 392; Изд. 1989. С. 392; Изд. 2000. С. 494). Однако из текста Боратынского ясно, что под *цѣвницей* имеется в виду не духовой, а струнный инструмент: наряду со значением 'свирель' (САР. Ч. VI. Стб. 1219) это слово имело в XIX в. и другое, церковнославянское значение 'лира; арфа' (Дьяченко 1900. С. 805; Цейтлин и др. 1994. С. 772; Пильщиков 2000. С. 385). Ср. в VII элегии Д. В. Давыдова (1817, ст. 1—2): *Нет! полно пробегать с улыбкою любви // Перстами легкими цевницу золотую* (Давыдов. Изд. 1984. С. 83). У А. С. Пушкина, который в большинстве случаев употребляет слово *цевница* в значении 'свирель', есть контексты, где речь может идти только о лире; ср., например, в «Тени Фон-Визина» (1815, ст. 296): *И Феб цевницею златою // Почтил любимца своего* (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 164).

<...> *твой голосъ сердцу внятенъ.* См. комментарий к № 26, ст. 1—2.

13, ст. 19—20. *Ахъ! кто о прежнихъ дняхъ порой не вспоминалъ? // Кто жизнь печальную мечтой не украшалъ?* По наблюдению А. Б. Пеньковского, в поэтическом языке пушкинской эпохи *мечта* в аналогичных контекстах — не 'создание воображения', а «высокий поэтический эквивалент нейтрального *воспоминание*, ключами к семантике которого <...> регулярно выступают знаки прошедшего времени и памяти» [*Пеньковский А. Б.* Загадки пушкинского текста и словаря: «Так уносились мы *мечтой* / К началу жизни молодой»: («Евгений Онегин», 1, XLVII, 13—14) // В печати].

13, ст. 21—26. *Смотрите: — Вотъ старикъ сѣдой, изнеможенный, // На ветхихъ костыляхъ подъ ношей лѣтъ согбенный, // Онъ съ жизнью сопряженъ страданіемъ однимъ; // Уже могилы дверь отверста передъ нимъ; — // Но онъ живетъ еще! — онъ помнитъ дни златые! // Онъ помнитъ рѣзвости и радости младыя!* Ср. в «Les Souvenirs» Легуве:

Regardez ce vieillard sous les ans accablé;
Si l'on oublioit tout, sa voix foible et tremblante,
Ses yeux appesantis, sa marche défaillante,
De la mort à son ame offriroient le tableau;
Mais, grace aux Souvenirs, du bord de son tombeau
Rejetant à son gré ses regards en arriere,
Il revient sur ses jours, et rouvre sa carriere:
Il s'entoure des biens qu'il goûta si long-temps;
Sa vieillesse sourit aux jeux de son printemps;
Et, dans l'illusion dont son ame est ravie,
Il repousse sa tombe, et s'attache à la vie.

(Ст. 16—26; Legouvé. Éd. 1813. P. 111—112)

(Перевод: *Взгляните на этого старца, согбенного под годами; // Если бы всё забывалось, то его слабый и дрожащий голос, // Его отяжелевший взор, его нетвердая походка // Преподнесли бы его душе картину смерти; // Но благодаря Воспоминаниям, стоя на краю могилы // И бросая по своему желанию взгляды назад, // Он вспоминает свои дни, он вновь начинает свой жизненный путь: // Он окружает себя благами, которые вкушал так долго; // Его старость улыбается играм его молодости; // И в иллюзии, которой увлечена его душа, // Он отталкивает от себя могилу и цепляется за жизнь.*)

13, ст. 27—28, 39. *Съ товарищемъ сѣдымъ, за чашей круговой, // Мечтаетъ о быломъ, и вновь цвѣтетъ душой* <...> *Но любитъ вспоминать онъ были прежнихъ лѣтъ.* Ср.: *У светлого огня, с подругою младою, // Я б юность вспомянул за чашей круговою, // И были и дела давно протекших дней!* [К. Н. Батюшков, «Тибуллова Элегия XI из I книги», 1810, ст. 65—67 (Батюшков. Изд. 1977. С. 226)].

13, ст. 33—46. *Наскучивъ странствіемъ и жизни суетою* <...> *И тихо шепчетъ онъ: — «всего милѣй свобода!»* Источник этого фрагмента неизвестен.

13, ст. 47—48. *О дѣти памяти! о Фебовы сыны! // Пѣвцы безсмертные!* В поэме Легуве этим строкам соответствует ст. 145:

Les arts, sur-tout les arts sont fils de la Mémoire.

(Legouvé. Éd. 1813. P. 117)

(Перевод: *Искусства, особенно искусства являются детьми Памяти.*) Ср. программное стихотворение Карамзина «Послание к женщинам» (1795, ст. 381—382): *Славнейшие творцы // И Фебовы друзья, бессмертные певцы* <...> (Карамзин. Изд. 1966. С. 179; параллель отмечена: Pilshchikov 1996. P. 85—86). Феб — эпиклес бога Аполлона, покровителя поэтов (греческая мифология). *Фебовы сыны* — поэты. *Сыны, чада, друзья, питомцы, любимцы Феба (Аполлона)* — устойчивые перифрастические именования поэта у авторов первой трети XIX в. (ПФП. С. 26—27, 112—113, 116—117).

13, ст. 50. *«Отзыву прежнихъ чувствъ и прежнихъ впечатлѣній»*. Ср. начальные строки из батюшковского «Послания И. М. Муравьеву-Апостолу» (1815): *Ты прав, любимец муз! от первых впечатлений, // От первых, свежих чувств заемлет силу гений* (Батюшков. Изд. 1977. С. 281; об этой реминисценции см.: Пильщиков 1999. С. 289).

13, ст. 55—58. *Когда вы кистію волшебною своей // Порывы бурные, волненіе страстей // Прелестно, пламенно и вѣрно выражали, // Вы отголоску ихъ въ самихъ себѣ внимали.* Сжатый пересказ полутора десятков строк Легуве; ср.:

Quand ces peintres, dont Rome a préparé la gloire,
Ont voulu reproduire en leur savants tableaux
Le courroux des autans qui soulevent les flots,
Les éclats d'un volcan, le choc de deux armées,
Le vol de l'incendie aux ailes enflammées,
Les sillons de la foudre éclatant dans les cieux,
Ces grands objets alors étoient-ils sous leurs yeux?
Non, ils n'étoient présents qu'aux yeux de leurs pensée.

<...> S'ils ont, sous des couleurs fideles, éloquentes,
Tracé du cœur humain les passions brûlantes,
C'est qu'ils avoient senti ce qu'ils ont exprimé:
Pour bien peindre l'amour il faut avoir aimé.

(Ст. 146—153, 157—160; Legouvé. Éd. 1813. P. 117)

[Перевод: *Когда эти художники, чью славу подготовил Рим, // Хотели воспроизвести в своих искусных картинах // Гнев ветров, поднимающих волны, // Раскаты вулкана, столкновение двух армий, // Полет пожара на пылающих крыльях, // Извивы молнии, вспыхивающей в небе, // Были ли у них перед глазами все эти величественные предметы? // Нет, они только представлялись их умственному взору <...> Если они в верных красноречивых красках // Начертали пламенные страсти человеческого сердца, // Это потому, что они чувствовали то, что выражали: // Чтобы хорошо нарисовать любовь, нужно полюбить* (*= иметь опыт любви*).] Фразеология русского подражания, кажется, заимствована из стихотворения Савинского «На кончину Озерова»: *Давноль своей всесильной власти // Ты покорялъ сердца людей, // Когда живописуя страсти // Волшебной кистію своей, // Многоразличны ихъ отливы // Умѣлъ искусно оттѣнять, // И пламенной души порывы // Душамъ холоднымъ сообщать* [Труды ВОЛРС. 1818. Ч. II. № 2. С. 217 (= Соревнователь Просвещения и Благотворения)].

13, ст. 59. *Ахъ, сколькихъ стоитъ слезъ безсмертія вѣнецъ!* Во французском подлиннике речь идет о Расине (ст. 161—170), о котором, в частности, говорится: *Tes vers <...> se mouilloient de tes pleurs = Твои стихи <...> были смочены твоими слезами* (ст. 167—168).

13, ст. 63. *Но все покоится въ безмолвіи ночномъ* (ср. № 13, ст. 12: *Я въ ночь безмолвную бесѣдовалъ съ тобой*). Ср. в батюшковской «Мечте» (ст. 18—19): *Явися! ждет тебя задумчивый пиит, // В безмолвии ночном седящий у лампады* (Батюшков. Изд. 1977. С. 253).

13, ст. 64—66. <...> *И вѣжди томныя сомкнулись тихимъ сномъ. // Воспоминанія небесный, свѣтлый Геній // Къ намъ ниспускается на крыльяхъ сновидѣній*. Ср. в «Les Souvenirs»:

Mais sur l'homme assoupi Morphée est descendu;
Sa paupiere est fermée, et son corps étendu.
Qui remplira le vide où le sommeil le plonge?
Les Souvenirs portés sur les ailes d'un songe.

(Ст. 79—82; Legouvé. Éd. 1813. P. 114)

(Перевод: *Но на усыпленного человека нисходит Морфей; // Его веки сомкнуты, а его тело простерто. // Что заполнит пустоту, в которую его погрузил сон? // Воспоминания, несомые на крыльях сновидения.*)

13, ст. 67—70. *Въ плѣнительныхъ мечтахъ, одушевленныхъ имъ, // И къ играмъ и къ трудамъ обычнымъ мы спѣшимъ: // Пастухъ беретъ свирѣль, — владѣлецъ багряницу, // Художникъ кисть свою,— поэтъ свою цѣвницу* (о *цѣвницѣ* см. выше, комментарий к № 13, ст. 17). Во французском оригинале те же персонажи (кроме *владѣльца* 'властелина, правителя'), но несколько иные атрибуты:

Dans ces tableux trompeurs, par eux seuls animés,
Il reprend ses travaux, ses jeux accoutumés.
Le berger endormi tient encor sa houlette,
Le poëte son luth, le peintre sa palette <...>

(Ст. 83—86; Legouvé. Éd. 1813. P. 114)

[Перевод: *На этих обманчивых картинах, лишь ими (Воспоминаниями) одушевленных, // Он (человек) возвращается к своим трудам, своим привычным играм. // Спящий пастух еще держит свой посох, // Поэт — свою лютню, художник — свою палитру...*] Далее у Легуве упоминаются *друг полей* (*l'ami des champs*, ст. 87—88), *охотник* (*le chasseur*, ст. 89), *воин* (*le guerrier*, ст. 90), *любовник* (*l'amant*, ст. 91—92) и друг, оплакивающий умершего друга (ст. 93—95). Из всех этих персонажей в русском тексте появляется только воин (ст. 71—72).

13, ст. 71—72. *Потомокъ рыцарей, взлелѣянный войной, // Сверкающимъ мечемъ махаетъ надъ главой*. Ср.: *Le guerrier d'un vain bronze affronte le tonnerre* = *Воин тщетной медью противостоит грому* («Les Souvenirs», ст. 90). Остальные детали описания заимствованы, по-видимому, из стихотворения Батюшкова «Сон воинов» (1811, ст. 19—22): *Иный чудовище сражает — // Бесплодно меч его сверкает; // Махнул еще, его рука // Подъята вверх... окостенела* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 290; отмечено: Пильщиков 1995а. С. 371 примеч. 12).

13, ст. 75—80. *Доколѣ памяти животворящій свѣтъ // Еще не озарилъ туманной бездны лѣтъ, // Текли въ безвѣстности вѣка и поколѣнья; // Все было жертвою безгласнаго забвенья; // Дѣла великія не славились молвой, // Подъ камнемъ гробовымъ незнаемъ тлѣлъ герой. Текли* — здесь прош. вр. от церковнославянизма *тещи* 'идти, проходить' (в соответствии с франц. *passoient*). Боратынский опускает «мотивирующую» метафору *le flambeau de l'histoire* 'светильник истории'; ср. у Легуве:

Il <le Souvenir> fit plus; de l'histoire il créa le flambeau.
Avant qu'on vit briller cette clarté féconde,
Les temps se succédoient dans une nuit profonde;
Les peuples, tour-à-tour par l'oubli dévorés,
Sur la terre passoient l'un de l'autre ignorés;
Les grands évènements n'avoient point d'interpretes;
Les débris étoient morts, et les tombes muettes.

(Ст. 172—178; Legouvé. Éd. 1813. P. 118)

[Перевод: *Более того, оно (Воспоминание) создало светильник истории. // Пока не засиял этот животворящий свет, // Времена следовали друг за другом в глубокой ночи; // Народы, по очереди пожираемые забвением, // Проходили по земле, не ведая один о другом; // Великие дела не имели сказителей; // Обломки были мертвы, а могилы немы.*]

Этот фрагмент русского переложения может быть сопоставлен с обращением к Памяти (*Mente*) в XXXVI строфе из I первой песни «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо в переводе Батюшкова (1808): *О память светлая! тобою озаренны // Протекши времена и подвиги забвенны, // О память, мне свои хранилища открой! // Чьи ратники сии? Кто славный их герой?* (Батюшков. Изд. 1964. С. 86—87).

13, ст. 81—84. *Преданья свѣтъ блеснулъ, — и камни гласъ пріяли, // Вѣка минувшіе изъ тьмы своей возстали; // Народы поздніе урокамъ внемлютъ ихъ, // Какъ гласу мудрому наставниковъ сѣдыхъ.* Ср. в «Les Souvenirs»:

L'histoire luit; soudain les temps ont reculé;
L'ombre a fui; les tombeau, les débris ont parlé;
Les générations s'entendent et s'instruisent;
Et de l'esprit humain les travaux s'éternisent.

(Ст. 179—182; Legouvé. Éd. 1813. P. 118)

[Перевод: *История засияла; внезапно времена отступили; // Мрак исчез; гробницы, обломки заговорили; // Поколения внемлют и получают знания (= наставления); // И труды человеческого духа увековечиваются.*] Боратынский редуцирует тему «говорящих руин», к которой вернется ниже (см. № 13, ст. 105—106).

13, ст. 85—86. *Разсказы дивные! волшебныя картины! // Свободный, гордый Римъ! блестящіе Аѳины!* Сопоставление с французским оригиналом позволяет ввести конъектуру в ст. 85 (*Разсказы* вместо *Кавказы*; см. текстологические примечания):

O charmes de l'étude! ô sublimes récits!
Dans quels transports le sage, à son foyer assis,
Suit les nombreux combats et d'Athene et de Rome;
A travers deux mille ans applaudit au grand homme.

(Ст. 183—186; Legouvé. Éd. 1813. P. 118)

(Перевод: *О прелести учения! о возвышенные рассказы! // В каком восторге мудрец, сидя у своего очага, // Следит за многочисленными битвами Афин и Рима, // Через две тысячи лет рукоплещет великому человеку.*) 186-й стих из поэмы Легуве отразился в финале «Воспоминаній» Боратынского (ст. 199—200: <...> *слышитъ Геній // Рукоплесканія грядущихъ поколѣній*).

13, ст. 87—94. *Великолѣпный рядъ тріумфовъ и честей!* и т. д. Источник этого фрагмента неизвестен.

13, ст. 88—89. *Съ какимъ волненіемъ вималъ я съ юныхъ дней // Безсмертнымъ повѣстямъ Плутарха, Ѳукидида!* Плутарх (Πλούταρχος, ок. 45 — ок. 125) — греческий историк и писатель-моралист, автор множества сочинений, среди которых наибольшей известностью пользуются «Сравнительные жизнеописания» (параллельные биографии героев Греции и Рима). Фукидид (Θουχυδίδης, ок. 460 — ок. 400 до н. э.) — афинский историк, оставивший подробное повествование о Пелопоннесской войне (война между Афинами и Спартой, 431—404 до н. э.).

13, ст. 90. *Я Персовъ поражалъ съ дружиной Леонида.* Спартанский царь Леонид (Λεωνίδας) возглавлял отряд из 300 воинов, погибший в сражении против армии персидского царя Ксеркса при Фермопилах в 480 г. до н. э.

13, ст. 91—92. *Съ отцомъ Виргиніи отмщеніемъ пылалъ, // Казалось грудь мою пронзилъ его кинжалъ.* Виргиния (Virginia или Verginia) — дочь римского центуриона Луция Виргиния, ставшая жертвой похоти децимвира Аппия Клавдия, который приказал отдать ее в рабство одному из своих клиентов. Виргиний зарезал свою дочь со словами «Только так я могу сохранить тебе свободу», после чего поднял восстание, приведшее к падению децимвирата в 449 г. до н. э. (Тит Ливий, «История Рима», кн. III, 44—58).

13, ст. 94. *Въ восторгѣ трепеталъ при имени Катона.* Марк Порций Катон Младший, или Утический (Marcus Porcius Cato Minor, или Uticensis, ок. 95—46 до н. э.) — римский политик и военачальник, чье имя стало символом мужества и стойкости, противник Гая Юлия Цезаря, покончивший с собой после победы Цезаря над сторонниками Гнея Помпея при Тапсе.

13, ст. 97—101. *Но любопытный умъ въ одной ли тьмѣ преданій // Найдетъ источники уроковъ и познаній? — // Нѣтъ; все вокругъ меня гласитъ о прежнихъ дняхъ. // Блуждая странникомъ въ незнаемыхъ краяхъ, // Я всюду шествую минувшимъ окруженный.* Ср. в «Les Souvenirs» Легуве:

Mais n'est-il pour l'esprit, de s'instruire jaloux,
Que la voix de Clio? Non, grace à la Mémoire,
L'univers est encore une vivante histoire.
Que loin de ses foyers le savant élancé
Le parcoure, il voyage entouré du passé.

(Ст. 256–260; Legouvé. Éd. 1813. P. 121)

[Перевод: *Но разве для ума, стремящегося к наставлению (= учению), // Нет ничего, кроме голоса Клио? Нет, благодаря Памяти // Сам мир становится живой историей. // И мудрец, устремившись вдаль от своего очага, // Объезжает его и странствует, окруженный прошлым.*]

13, ст. 100—102. *Блуждая странникомъ въ незнаемыхъ краяхъ* <...> *Я вопрошаю прахъ дряхлѣющей вселенной.* Образ *странника*, отсутствующий у Легуве, связан прежде всего с лирическим повествователем из элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814, ст. 106—109): *Но странник в сих местах // Не тщетно камни вопрошает // И руны тайные, останки на скалах // Угрюмой древности, читает* (Батюшков. Изд. 1977. С. 205; см. об этом: Пильщиков 1995а. С. 366). Выражение *прахъ дряхлѣющей вселенной* восходит к оде Г. Р. Державина «Водопад» (1794, ст. 67—68): *Не зрим ли всякой день гробов, // Седин дряхлеющей вселенной?* (Державин. Изд. 1933. С. 165; отмечено: Пильщиков 1992б. С. 24 примеч. 10; см. также: Пильщиков 1995а. С. 373 примеч. 25). Глагол *interroger* 'вопрошать' — постоянный элемент в стихах, посвященных теме «беседы с развалинами». Помимо приведенной выше цитаты из элегии Батюшкова, ср., например, у Ж.-Ф. Лагарпа в поэтической речи (discours) «Sur les Grecs anciens et modernes» («О древних и новых греках», 1772, ст. 181—182): *J'interroge ses murs jadis chéris du sort; // Je rencontre par-tout le silence et la mort* = *Я вопрошаю эти стены, некогда любимые судьбой; // Я везде встречаю молчание и смерть* (La Harpe. Éd. 1820. P. 274); у А. Бертена в элегии «Путешествия» («Les Voyages»): *Pour de lointains climats abandonnons ces lieux; // Courons interroger les champs de l'Italie* <...> = *В дальние края уедем из этих мест; // Поспешим вопрошать поля Италии* <...> [«Les Amours», 1780—1785; кн. II, элегия 11, ст. 23—24 (Bertin. Éd. 1879. P. 74)]; а также глагол *interroger* в «Les Jardin» Делиля (см. ниже, комментарий к № 13, ст. 102—106).

13, ст. 102—106. <...> *Я вопрошаю прахъ дряхлѣющей вселенной: // И грады, и поля, и сей безмолвный рядъ // Рукою времени набросанныхъ громадъ. // Событій прежнихъ лѣтъ свидѣтель молчаливый // Со мной бесѣдуетъ ихъ прахъ*

краснорѣчивый. Здесь Боратынский подражает двум фрагментам из поэмы Делиля «Les Jardins» (подробнее см.: Пильщиков 1995а. С. 366—367). Первый фрагмент (песнь IV, ст. 421—425):

L'aspect désordonné de ces grands corps épars,
Leur forme pittoresque, attachent les regards;
Pars eux le cours des ans est marqué sur la terre;
Détruits par les volcans, ou l'orage ou la guerre,
Ils instruisent toujours, consolent quelquefois.

(Delille 1801. P. 105)

[Перевод: *Беспорядочный вид этих разбросанных громад, // Их живописная форма привлекают взгляд; // Ими* (= *благодаря им*) *на земле отмечается течение лет; // Разрушенные вулканами, или бурей, или войной, // Они всегда наставляют и иногда утешают*; ср. общие словесные темы у Легуве (*l'esprit, de s'instruire jaloux*) и у Делиля (*ils instruisent toujours*).] Ср. в переводе А. Ф. Воейкова («Сады», песнь IV, ст. 442—446):

Громады стен, столпов, набросанных веками,
И в дикости своей обворожают взгляд;
Оне следы веков промчавшихся хранят!
Добыча варваров, войны, землетрясенья,
От них отрадные приемлем наставленья.

(Делиль. Изд. 1988. С. 157)

Боратынский заимствовал у Воейкова русские эквиваленты французского сочетания *grands corps* (*громады*) и определения *épars* (*набросанные*).

Во втором фрагменте («Les Jardins», песнь IV, ст. 493—496) Делиль противопоставляет декоративные и подлинные развалины:

Mais un débris réel intéresse mes yeux;
Jadis contemporain de nos simples aïeux,
J'aime à l'interroger, je me plais à le croire;
Des peuples et des temps il me redit l'histoire.

(Delille 1801. P. 108)

(Перевод: *Но мой взор интересует настоящий обломок; // Некогда <он был> современником наших простых предков; // Я люблю его вопрошать, мне нравится ему верить; // Он мне рассказывает историю людей и времен.*) Ср. в переводе Воейкова («Сады», песнь IV, ст. 518—521):

В обломке истинном видна судьбы превратность:
Он современником был наших праотцов;

Я с ним беседую о нравах тех веков;
Люблю я вопрошать, люблю его ответы;
Он повторяет мне деяния и леты.

(Делиль. Изд. 1988. С. 159)

13, ст. 103. *Рядъ* — этого слова нет ни в поэме Делиля, ни в переводе Воейкова. Ср. в элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814, ст. 15—16, 73—74): *Твердыни мшистые с гранитными зубцами // И длинный ряд гробов; И там, где камней ряд, седым одетый мхом, // Помост обрушенный являет* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 202, 204).

13, ст. 105. *Событій прежнихъ лѣтъ свидѣтель молчаливый.* Ср. у Воейкова в переводе «Садов» (песнь IV, ст. 470—471): <...> *Свидетель грозных битв и дивных похождений // Баярдов, Генрихов и славы древних лет* (Делиль. Изд. 1988. С. 158); у Батюшкова в элегии «Переход через Рейн. 1814» (1817, ст. 17): *Свидетель древности, событий всех времен* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 320).

13, ст. 106. *Прахъ краснорѣчивый.* Это выражение употребил Батюшков в элегическом послании «К другу» (1815, ст. 12) и в элегии «Умирающий Тасс» (1817, ст. 29—34): *Друзья, о! дайте мне взглянуть на пышный Римъ* <...> *О древнее квиритов пепелище! // Земля священная героев и чудес! // Развалины и прах красноречивый!* (Батюшков. Изд. 1977. С. 250, 326). Оборот *красноречивый прах* встречается и в воейковском переводе «Садов» (песнь II, ст. 677): *О сколь красноречив могил великих прах!* (Делиль. Изд. 1988. С. 129); это переводческая вольность: в подлиннике сказано *l'éloquent Westminster* 'красноречивый Вестминстер' (Пильщиков 1995а. С. 373 примеч. 26).

13, ст. 107—113. *Здѣсь отвѣчаютъ мнѣ оракулы временъ* и проч. Источник этого фрагмента неизвестен.

13, ст. 108—109. *Смотрите, — видитель дымится Каѳагенъ! // Полнеба Африки пожарами пылаетъ!* Карфаген (лат. *Carthago*, род. пад. *Carthaginis*) — город-государство на северном побережье Африки, разрушенный римлянами в конце 3-ей Пунической войны в 146 г. до н. э.

Смотрите <...> См. ниже, комментарий к № 13, ст. 117—120.

13, ст. 110. *Съ протяжнымъ грохотомъ Пальмира упадаетъ!* Пальмира (Πάλμυρα) — город в Сирии, расцвет и возвышение которого приходится на время правления царя Одената и царицы Зенобии (III в. н. э.). Пальмира была частично разрушена римским императором Аврелианом в 272/273 г.; ее руины сохранились до нашего времени.

13, ст. 112. <...> *Мелькаютъ предо мной событія вѣковъ.* Ср. у А. С. Пушкина в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814, ст. 39—40): *Протекшие лета мелькают пред очами, // И в тихом восхищеньи дух* (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 79).

13, ст. 113. *Печать минувшаго.* Это сочетание восходит к поэме Делиля; ср. в подлиннике (песнь IV, ст. 484): <...> *du temps l'inimitable empreinte* <...> (Delille 1801. P. 107) — и в переводе Воейкова (песнь IV, ст. 507): *Неподражаема для нас печать времен* (Делиль. Изд. 1988. С. 159).

13, ст. 114. *Поля Авзоніи! державный пепелъ Рима!* Этот стих находит соответствия в обоих французских источниках. Ср. в «Les Souvenirs» (ст. 261): *O champs de l'Apennin! ô fleuves d'Ausonie! = О поля Апеннин! о реки Авзонии!* (Legouvé. Éd. 1813. P. 121); во II песни «Les Jardins» (ст. 643): *O plaines de la Grèce! ô champs de l'Ausonie! = О равнины Греции! о поля Авзонии!* (Delille 1801. P. 58); в IV песни «Les Jardins» (ст. 499): *O champs de l'Italie! ô campagnes de Rome! = О поля Италии! о поля Рима!* (Delille 1801. P. 108) — и соответственно в переводе Воейкова: *Авзонские поля! Темпейские долины!* (песнь II, ст. 719); *О Римские поля! Священная пустыня* <...> [песнь IV, ст. 525 (Делиль. Изд. 1988. С. 130, 159)].

Авзония (*Ausonia*) — область Италии, расположенная между Лациумом и Кампанией, в районе Кум; уже в античную эпоху Авзония становится обозначением всей Италии.

13, ст. 115. *Глашатаи чудесъ и славы прежнихъ лѣтъ!* Ср. в послании Жуковского «Императору Александру» (опубликовано в 1815 г., ст. 158): <...> *И славу прежних лет, и славу лет грядущих* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 370); у Воейкова в переводе «Садов» (песнь IV, ст. 471): <...> *Баярдов, Генрихов и славы древних лет* (Делиль. Изд. 1988. С. 158); у Батюшкова в элегии «Умирающий Тасс» (ст. 85): <...> *Я пел величие и славу прежних дней* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 328).

13, ст. 116. *Съ благословеньемъ васъ привѣтствуетъ поэтъ.* Этот стих не имеет аналогов в ближайших литературных источниках поэмы Боратынского.

13, ст. 117—120. *Смотрите, — какъ вѣка незримо пролетая, // Твердыни древнія и горы подавляя, // Бросая гробъ на гробъ, свергая храмъ на храмъ, // Остатки гордые являютъ Рима намъ.* Переложение ст. 504—507 из IV песни «Les Jardins»:

Voyez de toutes parts comment le cours des âges
Dispersant, déchirant de précieux lambeaux,
Jetant temple sur temple, et tombeau sur tombeau,
De Rome étale au loin la ruine immortelle.

(Delille 1801. P. 108)

[Перевод: *Смотрите, как со всех сторон течение времен (= веков), // Разбрасывая, разрывая драгоценные обрывки, // Бросая храм на храм и гробницу на гробницу, // Являет нам вдали бессмертную руину Рима.*] Ср. в переводе Воейкова («Сады», песнь IV, ст. 530—534):

Смотри, времен потоки
На храм бросают храм и гроб на гроб кладут;
Стремятся в ярости, ломают, рушат, рвут
На части древности останки драгоценны,
И открывают Рим в развалинах нетленный.

(Делиль. Изд. 1988. С. 159)

В отличие от Воейкова Боратынский сохраняет метрико-синтаксическую структуру оригинала. Кроме того, Боратынский оказывается точнее в ряде грамматических деталей; ср.: *Voyez* <...> *comment* — *Смотрите, как* <...> (Боратынский) — *Смотри* <...> (Воейков); *Jetant* <...> — *Бросая* <...> (Боратынский) — *Бросают* <...> (Воейков) и т. д. (подробнее см.: Пильщиков 1995а. С. 368). Об эпитете *гордые* (№ 13, ст. 120) см. ниже, в комментарии к № 13, ст. 121—126.

13, ст. 121—126. *Великолѣпныя, безсмертныя громады! // Вотъ здѣсь висящихъ рѣкъ шумѣли водопады; // Вотъ здѣсь входили въ Римъ когорты Плебеянъ, // Обремененныя богатствомъ дальнихъ странъ; // Чертоговъ, портиковъ вездѣ я зрю обломки, // Гдѣ начерталъ рѣзецъ Римлянъ дѣянья громки.* Переложение ст. 508—512 из IV песни «Les Jardins» (за выпуском ст. 510):

Ces portiques, ces arcs, où la pierre fidèle
Garde du peuple-roi les exploits éclatants;
Leur masse indestructible a fatigué le temps;
Des fleuves suspendus ici mugissoit l'onde,
Sous ces portes passoient les dépouilles du monde.

(Delille 1801. P. 108—109)

[Перевод: *Эти портики, эти арки, где верный камень // Хранит громкие (= блистательные) деяния царственного народа; // Их нерушимая масса утомила время; // Здесь ревела волна висящих рек, // Под этими портиками проходили трофеи со всего мира.*] Существительное *громады* (см. о нем выше, в комментарии к № 13, ст. 102—106) не имеет соответствий во французском оригинале, но присутствует в переводе Воейкова; отсюда же в поэму Боратынского попало прилагательное *гордые* (№ 13, ст. 120) — ср. у Воейкова («Сады», песнь IV, ст. 535—541):

Громады гордые, порти́ки, своды врат,
Где камни верные потомству говорят,
Сколь слава Римская блистательно сияла:
Их мышца времени, не сокруша, устала.
Тут воды над водой по сводам сим текли;
А здесь, в сии врата вожди в триумфе шли,
Влеклись сокровища и в плен цари, царицы <...>

(Делиль. Изд. 1988. С. 159)

13, ст. 122. Плеоназм «водопады висящихъ рѣкъ» — результат гиперкорректного перевода: Боратынский передал парафраз *des fleuves suspendus* 'висящих рек', а затем разъяснил его (отсюда *водопады* вместо *l'onde* 'волна').

13, ст. 123. *Когорты Плебеянъ.* В описании триумфального шествия в переводе Воейкова упомянуты *вожди*, в переводе Боратынского — *Плебеяне*; в подлиннике нет ни тех, ни других. *Плебеяне* — плебеи (лат. *plebeii, plebis, plebs*), низшее свободное сословие в древнем Риме. *Когорты* (лат. *cohortes*) — здесь 'войска' (*cohors* 'когорта' — $^1/_{10}$ часть легиона).

13, ст. 125. *Чертоговъ, портиковъ вездѣ я зрю обломки.* Ср. также в «Les Souvenirs» Легуве (ст. 304): *Voilà donc ces remparts! ce portique si beau!* = *Итак, вот эти стены! вот этот столь прекрасный портик!* (Legouvé. Éd. 1813. P. 123).

13, ст. 126. *Дѣянья громки* (Боратынский) ближе к *les exploits éclatants*, чем *слава* <...> *блистательно сияла* (Воейков).

13, ст. 127—128. *Не смѣла времени разрушить ихъ рука, // И возлегли на нихъ усталые вѣка.* Оборот *la main du temps* («Les Jardins», песнь IV, ст. 519) перенес в этот фрагмент Воейков: *Их мышца времени, не сокруша, устала* («Сады», песнь IV, ст. 538); слово *мышца* употреблено здесь в церковнославянском значении 'рука' (ср.: САР. Ч. III. Стб. 925).

13, ст. 134—143. Фрагмент «Воспоминаній», посвященный Греции, существенно отличается от соответствующего фрагмента из «Les Souvenirs» Легуве (ст. 298—330; сопоставление см.: Хетсо 1973. С. 283—284). В этом месте ощущается влияние стихотворной «речи» Ж.-Ф. Лагарпа «Sur les Grecs anciens et modernes» («О древних и новых греках», 1772). Пафос Легуве сводится к тому, что Греция в полной мере хранит память об античности; пафос Лагарпа и Боратынского — в том, что современная Греция, попавшая под турецкое владычество, утратила величие древней Эллады (см. об этом: Пильщиков 1995а. С. 365, 370 примеч. 5).

13, ст. 135. *Отчизна свѣтлая героевъ и боговъ!* Ср.: *Tout est grand homme ou dieu dans ces riches décombres* = *В этих богатых развалинах всё — великий человек или бог* (Legouvé. Éd. 1813. P. 123). Ср. также в «Les voyages» Бертена: <...> *ses* <*de l'Italie*> *héros et ses dieux* = <...> *ее* (*Италии*) *героев и богов* (Bertin. Éd. 1879. P. 74); и мн. др.

13, ст. 136—137. *Толпы рабовъ.* Ср. тему рабства (*esclavage, servitude*) у Лагарпа в «Sur les Grecs anciens et modernes», ст. 43, 89, 91, 100, 158 и др. (La Harpe. Éd. 1821. P. 270—273). *Эллада* — см. комментарий к № 45.1, ст. 16.

13, ст. 138—139. *Ко храму ветхому Діаны иль Паллады // Шалашъ пристроилъ свой лѣнивый рыболовъ! Діана* (*Diana*) — в римской мифологии богиня лесов, отождествляемая с греческими Артемидой (богиней охоты и покровительницей девственниц) и Селеной (богиней луны). *Паллада* (Παλλάς, род. пад. Παλλάδος) — эпиклес Афины, греческой богини мудрости и справедливой войны. Ср. сходные образы в «Sur les Grecs anciens et modernes» Лагарпа (ст. 45—48): *L'auguste aréopage*

est le camp des spahis. // Le maison de Socrate est celle d'un dervis; // Et le Turc ignorant ivre des vins de Gnide, // S'endort sur les tombeaux d'Alcée et d'Euripide = Божественный ареопаг стал солдатским лагерем. // Дом Сократа стал домом нищего; // И невежественный турок, опьяненный книдскими винами, // Спит на могилах Алкея и Еврипида (La Harpe. Éd. 1821. P. 270).

13, ст. 140. *Ты-бъ не узналъ, Солонъ, страну своихъ отцовъ.* Ср. у Лагарпа в «Sur les Grecs anciens et modernes» (ст. 35—36): *Tu la cherches en vain cette fameuse Athène, // Où gouverna Solon, où tonna Démosthène = Ты тщетно ищешь там эти знаменитые Афины, // Где правил Солон, где гремел Демосфен* (La Harpe. Éd. 1821. P. 269). Солон (Σόλων, VI в. до н. э.) — афинский законодатель, которого античная традиция причисляла к семи греческим мудрецам.

13, ст. 141—143. *Подъ чуждымъ скипетромъ главой она поникла* <...> *Все губитъ, все мертвитъ невѣжества яремъ.* Ср. лексику и фразеологию Лагарпа («Sur les Grecs anciens et modernes»): *Tout languit, tout expire, et sur ces bords célèbres // L'affreuse barbarie épaissit ses ténèbres = Всё чахнет, всё умирает, и на этих знаменитых берегах // Ужасное варварство сгущает свой мрак* (ст. 87—88); *Il <le Grec> gémit accablé du poids de ses entraves = Он (грек) стонет, согбенный под тяжестью своих оков* (ст. 95); <...> *Et l'ignorance assise au trône des sultans = И невежество сидит на троне султанов* (ст. 102); <...> *Et que le sceptre est vil aux mains de l'ignorance! = И как ничтожен скипетр в руках невежества!* (ст. 187; La Harpe. Éd. 1821. P. 271, 272, 274).

13, ст. 142. *Никто не слышитъ тамъ о подвигахъ Перикла.* Перикл (Περικλῆς, ок. 490—429 до н. э.) — величайший афинский политический деятель и военачальник, чья жизнь известна нам по рассказам Фукидида и Плутарха. Перикл упоминается у Лагарпа в «Sur les Grecs anciens et modernes», ст. 164 (La Harpe. Éd. 1821. P. 274).

13, ст. 144. *Но не ужель для насъ языкъ развалинъ нѣмъ?* Самое раннее обращение Боратынского к теме «языка руин» (см.: Пильщиков 1992б. С. 13—16). В ближайших литературных источниках поэмы Боратынского эта метафора отсутствует.

13, ст. 149—153. *Щастливъ, щастливъ и тотъ, кому дано судьбою // Отъ странствій отдохнуть подъ кровлею родною, // Увидѣть милую, священную страну, // Гдѣ жизни онъ провелъ прекрасную весну, // Провелъ невинное, безоблачное дѣтство.* Этому пассажу соответствует следующий фрагмент из «Les Souvenirs» Легуве:

Non moins heureux celui qui peut revoir l'asile
Dont la paix protégea son enfance tranquille!
Du monde vers ce lieu que j'aime à m'échapper!
Des mes premiers plaisirs je reviens m'occuper.

(Ст. 345—348; Legouvé. Éd. 1813. P. 124—125)

(Перевод: *Не менее счастлив тот, кто может вновь увидеть кров, // Чье спокойствие защищало его безмятежное детство! // Сюда я люблю скрываться от света! // Я возвращаюсь занять себя своими первыми удовольствиями.*) Ср. также параллельное место в послании Боратынского к А. И. Шляхтинскому: *Ты помнишь милую страну, // Гдѣ жизнь и радость мы узнали, // Гдѣ зрѣли первую весну* <...>*?* (см. комментарий к № 12.1, ст. 9—12).

13, ст. 156—159, 163—167. <...> *И въ берегахъ крутыхъ сверкающій ручей, // И свѣтлые луга, и темныя дубравы, // И сельскихъ жителей привѣтливые нравы. — // Пріятно вспоминать младенческіе дни..... Когда, едва вздохнувъ для жизни неизвѣстной, // Я съ тихой радостью взглянулъ на міръ прелестный, — // Съ какимъ восторгомъ я природу обнималъ! // Какъ свѣтъ прекрасенъ былъ! — Увы! тогда не зналъ // Я буйственныхъ страстей въ безпечности невинной.* Очень вольный пересказ «Les Souvenirs» (с заменой ряда реалий):

Ce mur, que je frappois d'une balle docile,
Cette pierre applanie, où, d'une corde agile,
Sous mes pieds bondissants ma main doubloit les tours,
Chaque objet me ramene à ces aimables jours
Où les plaisirs sont vifs, les peines sont légeres,
Où l'on croit tous les cœurs généreux et sinceres,
Où l'ame, vierge encor, dans le sommeil des sens,
Des folles passions ignore les tourments.

(Ст. 349—356; Legouvé. Éd. 1813. P. 125)

(Перевод: *Эта стена, в которую я бросал послушным мячиком, // Этот плоский камень, где проворная скакалка // Крутилась под моими скачущими ногами, // Каждый предмет уносит меня к тем милым дням, // Когда радости живы, огорчения легки, // Когда верится, что все сердца благородны и искренни, // Когда душа, еще невинная, во сне чувств // Не знает мучений безумных страстей.*)

Пріятно вспоминать младенческіе дни..... Ср. начало стихотворной сказки И. И. Дмитриева «Воздушные башни» (1794): *Утешно вспоминать под старость детски леты, // Забавы, резвости, различные предметы, // Которые тогда увеселяли нас!* (Дмитриев. Изд. 1967. С. 168).

13, ст. 168—177. *Дитя, взлелѣянный природою пустынной, // Ее одну лишь зрѣлъ, внималъ одной лишь ей* <...> *Я слишкомъ щастливъ былъ спокойствіемъ незнанья* <...> *Часы невидимо мелькали надо мной.....* Традиционный набор мотивов утраченной сельской простоты и детского восприятия мира. Конкретный источник этого фрагмента неизвестен.

13, ст. 178—190. О комплексе рустико-элегических мотивов, реализованных в этом фрагменте, см.: Пильщиков 1994а. С. 34—36.

13, ст. 178. *О суждено ли мнѣ увидѣть край родной* <...> Одна из многочисленных у раннего Боратынского вариаций на тему Горация: *O rus, quando ego te adspiciam* <...> = *О деревня, когда я тебя увижу* <...> (Sermones, кн. II, сатира VI, ст. 60). См. также комментарий к № 15.2, ст. 9.

13, ст. 182. *Не нужны почести, не нужно злато мнѣ.* См. комментарий к № 34, ст. 19.

13, ст. 183. *Отдайте прадѣдовъ мнѣ скромную обитель.* Вариация на тему Тибулла (кн. I, элегия III, ст. 27—28) в переводе Батюшкова: *Отдай, богиня, мне родимые поля, // Отдай знакомый шум домашнего ручья* <...> [«Элегия из Тибулла. Вольный перевод», опубликован в 1815 г., ст. 45—46 (Батюшков. Изд. 1977. С. 207)].

13, ст. 185. *Не позавидую надмѣннымъ богачамъ.* Единственный стих в этом фрагменте, перекликающийся с «Les Souvenirs» Легуве: <...> *Où l'on ne connoît pas l'orgueil de l'opulence* = <...> *Когда еще не знаешь надменности богатства* (ст. 357; Legouvé. Éd. 1813. P. 125).

13, ст. 189—190. *И пѣсни нѣжныя, и мирный ѳиміамъ // Я буду посвящать отеческимъ богамъ.* См. комментарий к № 12.2, ст. 24.

13, ст. 191—193. *Такъ перешедши жизнь незнаемой тропою, // Свой подвигъ совершивъ, усталою главою // Склонюсь я наконецъ ко смертному одру.* Здесь *подвигъ* означает не 'героический поступок' (как в № 13, ст. 142: *о подвигахъ Перикла*), а 'жизненный путь'; соответственно, *совершить подвигъ* значит 'закончить жизненный путь' (об этом слове и о сочетаниях, в которое оно входит, см.: Виноградов 1989). Ср. у А. С. Пушкина («Труд», 1830, ст. 3): <...> *Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный* <...> (Пушкин. Ак. Т. 3, кн. 1. С. 230); у М. Ю. Лермонтова («Ужасная судьба отца и сына...», 1831, ст. 5—6): <...> *Но ты свершил свой подвиг, мой отец, // Постигнут ты желанною кончиной* (Лермонтов. Ак. Т. 1. С. 234); и позже у самого Боратынского («На что вы, дни! Юдольный міръ явленья...»): <...> *Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла, // Безумная душа!* (№ 204, ст. 7—8).

13, ст. 194—195. *Для дружбы, для любви, для памяти умру; // И все умретъ со мной!* Цитата из стихотворения Батюшкова «Веселый час» (1810, ст. 74): *Умру, и все умрет со мной!..* (Батюшков. Изд. 1977. С. 229; отмечено: Пильщиков 1995а. С. 371 примеч. 12). Подробнее см. комментарий к № 25.2, ст. 63.

13, ст. 195. *Любимцы Феба.* См. выше, комментарий к № 13, ст. 47—48.

13, ст. 200. *Рукоплесканія грядущихъ поколѣній.* См. выше, комментарий к № 13, ст. 85—86.

И. А. Пильщиков

14

14.1. «И такъ, мой милый, не шутя...»
14.2. Б—му (при отъѣздѣ его въ армію) («И такъ, безпечнаго досуга...»)
14.3. Къ **** при отъѣздѣ въ армію («И такъ, мой милый, не шутя...»)

Заглавие в «Невском Зрителе»: **«Брату при отъѣздѣ въ армію»**.

Адресат послания, Ираклий Абрамович Боратынский (1802—1859) — родной брат поэта, непосредственно следующий за ним по старшинству. Был выпущен из Пажеского корпуса прапорщиком в Конно-Егерский короля Вюртембергского полк 31 декабря 1819 г. (очевидно, это стало поводом для написания послания) и прибыл в полк 1 марта 1820 г.; 17 апреля 1820 г. переведен поручиком в Курляндский уланский полк. Впоследствии сделал значительную карьеру: дослужился до генерал-майорского чина (1842), был военным и гражданским губернатором Ярославля, затем — военным губернатором Казани, с 1858 г. — сенатором (ИП. С. 333; Летопись. С. 93, 419). Адресация стихотворения другому брату, Льву Абрамовичу Боратынскому (Изд. 1884. С. 13), несомненно, ошибочна: Л. А. Боратынский (1805—1858) был выпущен из Пажеского корпуса лишь 10 февраля 1820 г. (ИП. С. 333; Летопись. С. 419), а 3 февраля 1820 г. послание «Брату при отъѣздѣ въ армію» было уже опубликовано (см. текстологические примечания).

При переработке стихотворения для Изд. 1827 Боратынский значительно усилил комическую составляющую (см. ниже комментарии к № 14.1, ст. 4, 5—6, 8 и др.).

14.1, ст. 3. *Усъ мечтательный крутя* <...> Усы — непременный атрибут литературного портрета конного воина (в особенности гусара). Усы упоминаются в гусарских стихах Д. В. Давыдова [«Бурцову. Призывание на пунш» («Бурцов, ера, забияка...»), «Гусарский пир», 1804], в подражаниях им [ср. стихотворение К. Н. Батюшкова «Разлука» («Гусар, на саблю опираясь...»), опубликовано в 1815 г.] и в стихотворениях, обращенных к Давыдову (ср. послание П. А. Вяземского «К партизану-поэту», 1815). К сочетанию *крутить усъ* ср. у А. С. Пушкина: <...> *А грозный ус крутишь другой* («Усы», 1816, ст. 42); <...> *крутят усы и шпорами бренчат* <...> [«Послание к кн. Горчакову» («Питомец мод, большого света друг...»), 1819, ст. 32]; *Он стал крутить свой длинный ус*; *И стал крутить свой длинный ус* («Гусар», 1833, ст. 21, 113) и др. (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 179; Т. 2, кн. 1. С. 115; Т. 3, кн. 1. С. 300, 303). Ср. у самого Боратынского в поэме «Бал» (ст. 31): <...> *Гусаръ крутитъ свои усы* (см. в настоящем издании раздел «Поэмы»).

14.1, ст. 4. *На шибко-скачущей тѣлегѣ*. Пародия гомеровских эпитетов ὠκυπέτης ‘быстролетящий, быстроскачущий’ («Илиада», песнь VIII, ст. 42; X, ст. 535; XIII, ст. 24; и др.) и ἐΰσκαρθμος ‘хорошо скачущий’ («Илиада», песнь XIII, ст. 31). Вероятно, эти составные эпитеты были восприняты Боратынским через пе-

ревод «Илиады», сделанный Н. И. Гнедичем (1813—1829). Ср., например, Iliad., XII, ст. 118—120 и XIII, ст. 24 в переводе Гнедича: *Мчался он влево к судам мореходным, туда, где ахейцы // С бранного поля бежали на легких своих колесницах; // Правил туда он своих быстроскачущих коней* <...>; *К стану ахейскому мчалися быстроскакучие кони* (Гнедич. Изд. 1956. С. 534, 546). В таком контексте примитивная русская телега становится сниженным эквивалентом боевой колесницы. В ранней редакции стихотворения (№ 14.2) этого бурлескного образа нет.

Написание *тѣлега* вместо этимологически корректного *телѣга* отражает неустойчивость орфографии этого слова в первой половине XIX в. В 1830 г. А. С. Пушкин задавался не разрешимым в то время вопросом: «Пишут: *тѣлега, телѣга*. Не правильнее ли: *телега* <...>?» (Пушкин. Ак. Т. 11. С. 148).

14.1, ст. 5—6. *Отъ насъ увы! далеко прочь // О насъ увы! не сожалѣя* <...> Каламбурная анафора (*Отъ насъ увы! — О насъ увы!*), отсутствовавшая в ранней редакции послания.

14.1, ст. 7. *Летишь курьеромъ день и ночь.* Курьером (от франц. *courrier* и/или нем. *Kurier*) — то есть скоро, стремительно, как на курьерских лошадях (самый быстрый вид почтовых лошадей).

14.1, ст. 8. *Туда, туда, къ шатрамъ Арея!* Пародия знаменитого рефрена *Dahin, dahin!..* (= *Туда, туда!..*) песни Миньоны «Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn...» из романа И.-В. Гёте «Wilhelm Meisters Lehrjahre» («Годы учения Вильгельма Мейстера», 1796; см. также комментарий к № 61, ст. 40—42); в ранней редакции стихотворения эта цитата отсутствует. *Арей*, или Арес (Ἄρης) — бог войны в греческой мифологии. *Шатры* — см. комментарий к № 29.1, ст. 5—6.

14.1, ст. 16. *Воинственный нарядъ.* См. ниже, комментарий к № 14.2, ст. 9—12.

14.1, ст. 24. *Пламень роковой.* См. ниже, комментарий к № 14.2, ст. 19.

14.1, ст. 27. *Любовникъ брани.* См. ниже, комментарий к № 14.2, ст. 13.

14.1, ст. 28. *Ступай, служи богинѣ бѣдъ.* «Богиня бѣдъ» — вероятно, Беллона (*Bellona*), богиня войны в римской мифологии.

14.2, ст. 6. <...> *И воинъ мой, противнымъ страхъ* <...> «Противные» — ‘противники, неприятели’ (САР. Ч. V. Стб. 661—662).

14.2, ст. 7. *Надвинувъ шлемъ, съ мечемъ въ рукахъ* <...> О шлеме и мече как условных обозначениях военного снаряжения в поэзии первой четверти XIX в. см.: ПФП. С. 360, 364.

14.2, ст. 9—12. *Иди! — воинственный нарядъ // Приличенъ юности отважной* <...> *Люблю красивый вахтпарадъ.* Воинственный — то же, что военный, воинский (САР. Ч. I. Стб. 640—641; СлРЯ XVIII в. Вып. 4. С. 31). Ср. аналогичные образы и выражения у А. С. Пушкина в стихотворении «Товарищам» (1817, ст. 9—14): *Иной, под кивер спрятав ум, // Уже в воинственном наряде // Гусарской саблею махнул — // В крещенской утренней прохладе // Красиво мерзнет на параде, // А греться едет в караул* (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 259; СП. Т. 1. С. 335).

14.2, ст. 12. *Вахтпарадъ*. См. комментарий к № 10.1, ст. 4.

14.2, ст. 13. *Люблю питомцевъ шумной славы*. Ср. также *любовникъ брани* (№ 14.1, ст. 27; 14.2, ст. 25; 14.3, ст. 28). О традиционных генитивных перифразах, обозначающих лиц, связанных с военной деятельностью (*питомцы, любовники, сыны + славы, брани, бранной славы*) см.: ОНС. С. 25; ПФП. С. 92—93, 95.

14.2, ст. 17. *Вскипѣлъ кровавый бой*. Прилагательное *кровавый* — в поэзии пушкинской эпохи постоянный эпитет слов, обозначающих военные действия (*бой, битва, брань*). «Частота употребления эпитета *кровавый* сближает его по четкости отсылочных, уточняющих функций со словами *военный, бранный, боевой*» (ПФП. С. 94).

14.2, ст. 19. <...> *Летящихъ въ пламень роковой* <...> Слово *пламень* — одно из наиболее частотных слов-символов, связанных с темой войны, которая в поэзии первой четверти XIX в. описывается как «огненная» стихия, воплощающаяся в таких словах, как *пламень, огонь, жар, пыл* и т. д. (см.: ПФП. С. 94).

14.2, ст. 32. <...> *Въ любви и въ брани побѣдитель!* Реминисценция «Стихов на покорение Дербента...» Г. Р. Державина (1796, ст. 1—4): *Герой, который мной воспет, // Что счастья наделен рукою // И храбростью и красотою // В любви и в брани для побед!* (Державин. Изд. 1933. С. 180).

14.3, ст. 18. *Люблю я Марсовы шатры*. Марс (*Mars, Mavors*) — бог войны в римской мифологии, отождествляемый с греческим Аресом (Ареем). В ст. 8 (см. № 14.3, ст. 8; № 14.1, ст. 8) эти же шатры названы *шатрами Арея*; при подготовке Изд. 1835 Боратынский избавился от двуименности античного божества: *Люблю я бранные шатры* <...> (№ 14.1, ст. 18).

И. А. Пильщиков

15

15.1. «Онъ близокъ, близокъ день свиданья...»
15.2. Элегія («Уже ли близокъ часъ свиданья!..»)

Заглавие в Изд. 1827: **«Ропот»**.

Самое раннее стихотворение Боратынского, опубликованное с жанровым определением *элегия*. По неподтвержденному указанию С. А. Рачинского [см.: Материалы 1916. С. VI (2-й паг.)], стихотворение было адресовано Варваре Николаевне Кучиной (о ней см. комментарии к № 2). При подготовке Изд. 1827 элегия была значительно сокращена (14 стихов вместо 24), а ее мотивная структура подверглась радикальной переработке (сопоставление ранней и поздней редакции см.: Альми 1961. С. 39).

Композицию поздней редакции элегии проанализировал М. Л. Гаспаров. Два начальных стиха по содержанию представляют собой экспозицию, рисующую исходную

ситуацию, а по радостной интонации — ложный ход, намечающий возможное разрешение этой ситуации. Риторическим вопросом в ст. 3—4 начинается отказ от ложного хода; в заключительных стихах предлагается иной, истинный ход: *Все мнится, счастливъ я ошибкой // И не къ лицу веселье мнѣ* (см.: Гаспаров 1989. С. 45).

15.1, ст. 1—4. *Онъ близокъ, близокъ день свиданья, // Тебя, мой другъ, увижу я! // Скажи: восторгомъ ожиданья, // Что-жь не трепещетъ грудь моя?* Начальные стихи элегии подверглись переработке, в результате которой их смысл изменился на противоположный (см. № 15.2.1—4).

15.1, ст. 3—4. См. комментарий к № 44.2, ст. 9—12.

15.1, ст. 12. *Судьбы ласкающей улыбкой // Я наслаждаюсь не вполнѣ.* В первоначальном тексте мотива судьбы не было, и соответствующее место читалось иначе: *Я наслаждаюсь не вполнѣ // Ея* <то есть *радости. — И. П.*> *плѣнительной улыбкой* (№ 15.2, ст. 21—22).

15.2, ст. 1—4. *Уже ли близокъ часъ свиданья! // Тебя ль мой другъ увижу я! // Какъ грудь волнуется моя // Тоскою смутной ожиданья!* Вариация начальных строк элегии Э. Парни «Réflexion amoureuse» («Poésies érotiques», 1777—1781; кн. III, элегия 11): *Je vais la voir* <...> *Mon cœur ému palpite* = *Я ее увижу* <...> *Мое взволнованное сердце трепещет* (Parny. Éd. 1862. P. 87). Это стихотворение Парни Боратынский позже перевел под заглавием «Ожиданіе» («Она придетъ! къ ея устамъ...») — см. комментарии к № 106.

15.2, ст. 5—12. *Родная хата, край родной, // Съ пеленъ знакомыя дубравы* <...> В этом фрагменте реализована та же рустическая топика, которую мы находим в элегическом послании к А. И. Шляхтинскому (см. в настоящем издании № 12.2), а позже — в «Сельской Элегіи» (№ 34), в элегии «Бдѣніе» (№ 41.2) и других стихотворениях этого тематического цикла. В окончательном тексте «Ропота» (№ 15.1) «сельские» мотивы элиминированы.

15.2, ст. 5. *Хата.* См. комментарий к № 34, ст. 20.

15.2, ст. 9. *Я ихъ увижу!* Вариация на тему Горация: *O rus, quando ego te adspiciam* <...> = *О деревня, когда я тебя увижу* <...> (Sermones, кн. II, сатира VI, ст. 60). См. также комментарий к № 13, ст. 178.

15.2, ст. 9. <...> *другъ безцѣнный* (чтение «Невского Зрителя») vs <...> *другъ безцѣнной* (чтение «Сына Отечества»). Вариант «Сына Отечества» дает графически точную рифму *безцѣнной* (им. пад. муж. р.) : *пробужденной* (род. пад. жен. р.). О «глазных» рифмах см. комментарий к № 34, ст. 27—28.

Сочетание *друг бесценный* (применительно к возлюбленной) восходит к элегическому лексикону К. Н. Батюшкова: *Улыбнися, друг бесценной* <...> («Привидение. Из Парни», 1810, ст. 35); *мой друг бесценный* («Ложный страх. Подражание Парни», 1810, ст. 1); *друг милой и бесценной* [«Элегия из Тибулла. Вольный

перевод», опубликован в 1815 г., ст. 115 (Батюшков. Изд. 1977. С. 218, 293, 209)]. От Батюшкова это употребление переняли младшие поэты; ср. у А. С. Пушкина: *Нет, нет, мой друг бесценный // Еще при мне мой верный меч* [«Руслан и Людмила», 1820; песнь II, ст. 140—141 (Пушкин. Ак. Т. 4. С. 26)]; позже у Боратынского: *Явилась ты, мой другъ безцѣнный* («Переселение душ», ст. 340; см. в настоящем издании раздел «Поэмы»); и др. Ср. также в стихотворениях В. А. Жуковского «Мой друг бесценный, будь спокойна!..» (1806, ст. 1) и «М* на Новый год при подарке книги» (1807, ст. 4), не публиковавшихся при жизни автора (см.: Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 87, 115).

15.2, ст. 15. *Дѣвы наслажденья*. Генитивный атрибут французского типа; ср. франц. *femme de plaisir, fille de plaisir, fille de joie* 'распутная или публичная женщина' (см.: Виноградов 1935. С. 288).

И. А. Пильщиков

16

16.1. «Поэтъ Писцовъ въ стихахъ тяжеловатъ...»
16.2. Эпиграмма («Хоть глуповатъ подъ часъ Дамонъ...»)

В Изд. 1827: **Эпиграмма («Поэтъ Графовъ въ стихахъ тяжеловатъ...»)**.

Пуанта, общая для всех редакций эпиграммы (*Не виноватъ предъ свѣтомъ онъ — // Предъ нимъ природа виновата!*; *Ей, ей! не онъ предъ свѣтомъ виноватъ, // А передъ нимъ природа виновата*) имеет, вероятно, западноевропейское происхождение (источник не установлен). По наблюдению А. А. Добрицына, ближайшую русскую параллель к стихотворению Боратынского представляет «Надпись к портрету Оленина» М. В. Милонова (1818 ?):

Поэтов небольших великий меценат
　　И человек в миниатюре —
Но в этом он не виноват,
　　А только стыд натуре.

(РЭ. С. 243)

Адресат первой редакции комментируемой эпиграммы («Хоть глуповатъ подъ часъ Дамонъ...») неизвестен. Герой ее носит то же имя *Дамон*, что и герой написанной несколько ранее эпиграммы на П. И. Шаликова «Дамонъ! ты началъ — продолжай...» (см. в настоящем издании № 8). Эпитет *милый* в ст. 2 (*Люблю я милаго собрата* — цитата из послания В. А. Жуковского «К Батюшкову», 1812, ст. 5) хорошо увязывается с эпиграмматическим образом Шаликова (см. комментарии к № 8) и может указывать на того же адресата. Однако слишком общий характер эпиграммы и отсутствие документальных свидетельств не позволяют сделать окончательных выводов.

Адресат второй редакции («Поэтъ Графовъ въ стихахъ тяжеловатъ...») — граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757—1835). Даже если Боратынский не имел в виду Хвостова (что маловероятно), читатели эпиграммы могли считать адресатом только его: в эпиграмматике 1810-х и 1820-х годов *Графов* — устойчивое именование Хвостова, подразумевающее одновременно и его графоманию, и его графский титул. См. эпиграммы, в которых Хвостов назван Графовым: И. А. Крылов, «На перевод поэмы „L'Art poétique"» (Пантеон Русской Поэзии. СПб., 1814. Ч. III. Кн. 5. С. 106; РЭ. С. 191); А. Е. Измайлов, «„Что так ты похудел?" — „Не сплю вот третью ночь..."», 1814 (РЭ. С. 232); П. А. Вяземский, «Эпиграмма» («Ага! Плутовка мышь попалась, нет спасенья...») (Собрание Русских Стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев Российских и из многих Русских журналов. Ч. V. М., 1811. С. 221; РЭ. С. 264) — а также послания А. С. Пушкина «К другу стихотворцу», ст. 37 (Вестник Европы. 1814. Ч. LXXVI. № 13. С. 10), «Моему Аристарху» (1815, ст. 41) и др. (см.: Пушкин Ак. Т. 1. С. 26, 153). Эпитет *милый* заменен в новой редакции эпитетом *незлобный*, прекрасно характеризующим личность Хвостова, который терпеливо сносил многочисленные насмешки и легко прощал своих обидчиков. Соответственно была изменена характеристика адресата в начальном стихе: *глуповатый* Шаликов (?) превратился в *тяжеловатого* Хвостова.

Неудивительно, что Хвостов принял эпиграмму на свой счет. 28 ноября 1827 г. он писал Боратынскому (было ли это письмо отправлено адресату, неизвестно): «Милостивый государь Евгений Абрамович! Снова благодаря вас за удостоение меня присылкою ваших сочинений в прошедшем годе, долгом себе поставляю благодарить вас за удовольствие, которое вы мне доставили напечатанием ваших стихотворений. Я книгу сию ту минуту лишь она показалась купил, и первый, и с большим удовольствием прочитал. Много в ней прекрасных статей: *Финляндия, послания Гнедичу, творцу душевныя к Дельвигу, падения листов* и другие отличая вашу славу принесут удовольствие читателям. Я не отопрусь, что мне весьма полюбилась эпиграмма очень замысловатая:

Поэт Графов в стихах тяжеловат,
Но я люблю не злобного собрата;
Ей! ей! не он пред светом виноват,
А перед ним природа виновата.

Стихи ваши на моего Графова, коего я поместил в науке стихотворной, столь хороши, что я сделал к ним прибавление, которое относится к тем писателям, кои чужды изящного, потому что не ищут его, и мою шуточку прилагаю у сего к вам первому. Есть ли она полюбится можете ею поссудиться издателям Альманахов, а я сам при первом случае этого не пропущу.

Ты, Баратынский, прав, пусть слог тяжеловат.
Коль мал, посредствен дар, Графов не виноват.

Виновен тот певец неугомонный хват,
Кто с Фебом, музами живет за панибрата,
Рассудку объявя в стихах своих разлад,
В один сливает ключ и небеса и ад.
Кто мыслит, чувствует без цели наугад,
И благонравия устав отринуть рад,
Коль кто восторга чужд и чужд любви собрата,
Не может тот сказать: природа виновата.

Я за удовольствие себе поставляю препроводить к вам еще печатную мою переписку стихами с г. Языковым. Будьте к ней благосклонны, продолжайте как начали меня любить и верьте почтению и преданности с коими есть и буду и проч.» (Летопись. С. 199). Благодарность, высказаная Хвостовым в начале письма, связана с тем, что в середине февраля 1826 г., сразу после выхода отдельного издания «Эды» и «Пиров» (СПб., 1826) А. А. Дельвиг или П. А. Плетнев доставили Хвостову экземпляр книги, видимо, с дарственной надписью от лица Боратынского. Об этом свидетельствует запись, сделанная Хвостовым от 16 февраля 1826 г.: «<...> получил в подарок от Евгения Абрамовича Баратынского стихотворение Эда — и другое Пиры. Сочинение прекрасное, делающее честь Питомцу Муз. Слог, кроме некоторых простонародных выражений, и чист и плавен. В поэме Эда признаться надобно, что менее чувствительности, нежели в Чернеце Козлова. А в Пирах не сто́лько веселой игривости, сколько у Пушкина» (Летопись. С. 177). Отвечая Боратынскому, Хвостов делает вид, что эпиграмма целит не лично в него, Хвостова, а в «моего Графова, коего я поместил в науке стихотворной», то есть в персонажа из его перевода «L'Art poétique» Н. Буало-Депрео: *Милѣе* ***Бредоретъ*** *надуто дерзновенный, // Чѣмъ площадной Графовъ, морозомъ порожденный* (Наука о стихотворстве: В 4 песнях / Сочинение Г. Боало; Пер. Д. Хвостова. 5-е изд. СПб., 1824. С. 69).

В окончательной редакции эпиграмма Боратынского приобретает характерный для его позднего творчества обобщенный, безадресный характер. Фамилия *Писцовъ* — это перевод, или, точнее, ближайший аналог фамилии *Графовъ* (от греч. γράφω 'пишу'; ср. γραφή 'писание' и γραφεύς 'писец'). Однако вариант *Писцовъ* исключает ассоциацию со словом *графъ* и с личностью гр. Д. И. Хвостова.

О. В. Голубева, И. А. Пильщиков

17

Къ Кюхельбекеру («Прости, Поэтъ! судьбина вновь...»)

Стихотворение адресовано Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру (1797—1846), близкому знакомому Боратынского, лицейскому другу А. А. Дельвига и А. С. Пуш-

кина, поэту, драматургу, литературному критику, будущему соиздателю альманаха «Мнемозина».

С Кюхельбекером и с Дельвигом Боратынского познакомили в конце 1818 или в начале 1819 г. А. И. Шляхтинский и А. А. Рачинский — двоюродный брат Боратынского и его будущий зять, в то время подпрапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, который знал Кюхельбекера и Дельвига по «Священной артели» И. Г. Бурцова (ИП. С. 121; Летопись. С. 89). С осени 1817 по август 1820 г. Кюхельбекер преподавал российскую словесность в петербургском Благородном пансионе при Главном педагогическом институте (с 1819 г. — Петербургский университет) и жил в мезонине Пансиона, на набережной Фонтанки, неподалеку от Семеновских рот, где Боратынский квартировал со Шляхтинским, а затем с Дельвигом (см. комментарии к №№ 10 и 12). По воспоминаниям Н. А. Маркевича (см.: Маркевич. Изд. 1980. С. 295), в 1819 г. Кюхельбекер приносил воспитанникам Пансиона послания Боратынского к Шляхтинскому и к А. Н. Креницыну (см. текстологические примечания и комментарии к №№ 12 и 9). Видимо, при посредничестве Кюхельбекера Боратынский начал печататься в журнале «Сын Отечества» (см. комментарии к № 9). Новый 1820-й год Боратынский, Кюхельбекер и Дельвиг встречали вместе у П. Л. Яковлева (Летопись. С. 93, 103).

Послание «Къ Кюхельбекеру» написано в связи с отъездом Боратынского в г. Фридрихсгам в Финляндии — к месту дислокации Нейшлотского пехотного полка, куда он был переведен из лейб-гвардии Егерского полка унтер-офицером приказом от 3 января 1820 г. (Летопись. С. 93—94). Дата *18 Января. 1820*, выставленная под стихотворением, вероятно, означает день поступления стихотворения в редакцию «Сына Отечества» (более сомнительно предположение о том, что дата указывает на день отъезда Боратынского из Петербурга — см.: Летопись. С. 94). В ответном послании Кюхельбекера «К Евгению», которое осталось не опубликованным при жизни автора и адресата, варьируются темы дружбы поэтов и несправедливой судьбы, заданные посланием Боратынского:

С наморщенным челом, потухшими глазами
Глядит на светлый мир стоический глупец —
Что для него весна с любовью и мечтами
И что бессмертия венец?

«Все в жизни суета, и наш удел терпенье!» —
Впросонках говорит жиреющий Зенон —
И дураку толпа приносит удивленье,
Для черни прорицатель он!

А я пою тебя, страдалец возвышенный,
Постигнутый Судьбы железною рукой,
Добыча злых глупцов и зависти презренной,
Но вечно пламенный душой!

И если я когда был полон вдохновенья —
И не вотще душа моя
Ловила Пиэрид живые песнопенья,
Бессмертна будет песнь сия!

Узнают племена, как ты друзей и радость,
Любовь и славу пел, —
А злоба между тем твою губила младость,
И Музы от тебя не отвращали стрел;

Я сам, незапно Зевсом пораженный,
И очернен дыханьем клеветы, —
Тогда лишь понял изумленный,
Как был велик в несчастьи ты!

И лавр, Каменой мне обещанный когда-то,
Но юной полнотой твоих душевных сил
И сладостью стихов пылающих отъятой
Тебе я радостный вручил.

(Кюхельбекер. Изд. 1939. С. 41—42)

Те же темы затрагиваются в стихотворении Кюхельбекера «Поэты», прочитанном на заседании Вольного Общества любителей Российской словесности 22 марта 1820 г. и напечатанном в «Соревнователе Просвещения и Благотворения» (Труды ВОЛРС. 1820. Ч. X. Кн. 4. С. 71—78). Стихотворение адресовано Дельвигу (*О Дельвигъ, Дельвигъ! что награда // И дѣлъ высокихъ, и стиховъ?*); в нем упоминаются два поэта-изгнанника — Боратынский (*мой Евгенiй*) и Пушкин (*юный Корифей, // Пѣвецъ любви, пѣвецъ Руслана*). В конце Кюхельбекер обращается к своим друзьям:

Такъ! не умретъ и нашъ союзъ,
Свободный, радостный и гордый,
И въ счастьи и въ несчастьи твёрдый,
Союзъ любимцевъ вѣчныхъ Музъ!

После этого стихотворения дружеский круг Боратынского, Дельвига, Пушкина и Кюхельбекера получил название «союза поэтов» (название полемической пародии Б. М. Федорова — см. комментарии к № 70).

В сентябре 1820 г. Кюхельбекер (в качестве секретаря А. Л. Нарышкина) отправился путешествовать по Европе, откуда вернулся в августе 1821 г. В конце августа или в начале сентября Боратынский, прибывший вместе с Нейшлотским полком из Финляндии в Петербург, вместе с Кюхельбекером и Дельвигом бывал в салоне С. Д. Пономаревой (см.: Вацуро. СДП. С. 171—179; ИП. С. 183—188; Летопись. С. 109). После событий 14 декабря 1825 г. Кюхельбекер был арестован; десять лет (до 1835 г.) он провел в тюрьме, а остаток жизни — в ссылке в Сибири.

И. А. Пильщиков

После 1821 г. Боратынский и Кюхельбекер уже не встречались, но, безусловно, помнили друг о друге. Так, в июне 1824 г. Дельвиг писал Кюхельбекеру: «Плетнев и Баратынский целуют тебя и уверяют, что они все те же, что и были: любят своего милого Вильгельма и тихонько пописывают элегии» (Дельвиг. Изд. 1986. С. 283). В начале 1825 г. Боратынский отправил из Гельсингфорса в Москву для публикации в «Мнемозине» несколько стихотворений (см. комментарии к №№ 92, 93 и 94), сопроводив стихи письмом, приветствующим журналистскую деятельность Кюхельбекера: «Давно, и слишком давно, я к тебе не писал <...> Я читал с истинным удовольствием в 3-й части „Мнемозины" разговор твой с Булгариным <имеется в виду статья „Разговор с Ф. В. Булгариным" (Мнемозина. 1824. Ч. III. С. 157—177), ответ на критику Булгариным (Литературные Листки. 1824. Ч. III. № 15. С. 73—83) статьи Кюхельбекера „О направлении поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие" (Мнемозина. 1824. Ч. II. С. 29—44)>. Вот как должно писать комические статьи! Статья твоя исполнена умеренности, учтивости и, во многих местах, истинного красноречия. Мнения твои мне кажутся неоспоримо справедливыми. Тебе отвечали глупо и лицемерно. — Не оставляй твоего издания и продолжай говорить правду» (Изд. 1951. С. 475—476, ср. 598; Летопись. С. 149).

О Кюхельбекере Боратынский рассказывал Н. В. Путяте в письме от 20-х чисел февраля 1825 г.: «<...> он человек занимательный по многим отношениям и рано или поздно в роде Руссо очень будет заметен между нашими писателями. Он с большими дарованиями, и характер его очень сходен с характером женевского чудака: та же чувствительность и недоверчивость, то же беспокойное самолюбие, влекущее к неумеренным мнениям, дабы отличиться особенным образом мыслей; и порою та же восторженная любовь к правде, к добру, к прекрасному, которой он готов все принести на жертву. Человек вместе достойный уважения и сожаления, рожденный для любви к славе (может быть, и для славы) и для несчастия» (Изд. 1951. С. 476—477).

Дружеская симпатия Боратынского и Кюхельбекера была, безусловно, сильнее литературной — характерно, как в декабре 1825 г. Боратынский писал Пушкину о «драмматической шутке» Кюхельбекера «Шекспировы духи»: «Духов Кюхельбекера читал. Не дурно, да и не хорошо. Веселость его не весела, а поэзия его бедна и косноязычна» (Пушкин. Ак. Т. 13. С. 253). Кюхельбекер, в свою очередь, судя по его дневниковым записям от 5 августа 1832 г. и от 4 июня 1837 г., отводил Боратынскому скромное место в русской литературе — в одном случае Боратынский причислен к подражателям Пушкина: «Замечания Скотта о его подражателях очень справедливы и оправдываются тем, что испытал и наш Пушкин. Люди с талантом, не одинаковой степени, но все же с талантом, — Баратынский, Языков, Козлов, Шишков младший, — и другие, вовсе без таланта, умели перенять его слог; до Пушкина, правда, никто из них не дошел, но все и каждый порознь нанесли вред Пушкину, потому что публике наконец надоел пушкинский слог»; в другом месте Боратынский назван «надеждой и подпорой нашей словесности», но только после Пушкина,

А. А. Бестужева-Марлинского, Н. В. Кукольника и О. И. Сенковского (Кюхельбекер. Изд. 1979. С. 169, 364).

О. В. Голубева

17, ст. 1. *Прости, Поэтъ!* Ср. начальные слова послания А. С. Пушкина «К Жуковскому» (1816): *Благослови, поэт!*... (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 194).

17, ст. 3. *Музы*. См. комментарий к № 10.1, ст. 3.

17, ст. 10. *И грусть и сладость упованья!* Слово *упованье* — примета поэтического стиля В. А. Жуковского (см. комментарий к № 9, ст. 6—8).

17, ст. 14. *Въ отчизнѣ браннаго Одена* — то есть в Скандинавии (в данном случае — в Финляндии). Оден (др.-исл. *Óðinn*) — в скандинавской мифологии глава богов, покровитель военных дружин (см. комментарий к № 25.1, ст. 20).

17, ст. 17. *Богиня* — судьба (ср. ст. 11).

17, ст. 19—20. *Пускай предъ ней сольются* ***тамъ*** *// Друзей согласныя моленья!* Характерное курсивное выделение, придающее особый смысл наречию *тамъ* ('в ином мире, на небесах'), отсылает к словоупотреблению Жуковского: *И вовеки надо мною // Не сольется, как поднесь, // Небо светлое с землею... //* ***Там*** *не будет вечно* **здесь** («Путешественник», 1809, ст. 37—40); *Всевышний Царь, благослови! // А вы, друзья, лобзанье // В завет:* **здесь** *верныя любви, //* ***Там*** *сладкого свиданья!* («Певец во стане Русских воинов», 1812, ст. 665—668, 669—672); *Но время все умчало, // И* **здесь** *— навеки* ***там!*** («К Ив. Ив. Дмитриеву», 1813, ст. 19—20); <...> *Стремяся к небесам, // В их тайну проникает // И, радуясь, сливает // Неведомое нам // В магическое* ***там!*** [«Уединение. (Отрывок)», 1813, ст. 72—76]; *Что мрачно* **здесь**, *то будет ясно* ***там!*** («Старцу Эверсу», 1815, ст. 43); *Ах! найдется ль, кто мне скажет, // Очарованное* ***Там?*** («Весеннее чувство», 1816, ст. 23—24); и др. (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. 1. С. 148, 244, 260, 264; Т. 2. С. 14, 31).

И. А. Пильщиков

18

18.1. «Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой...»
18.2. Посланіе къ Б... Дельвигу
(«Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой...»)

Заглавие в Изд. 1827: **«Делію»** (об этом условном имени см. комментарии к № 36).

Второе послание Боратынского к Антону Антоновичу Дельвигу (см. также комментарии к №№ 10, 36, 61, 68). Об отношениях Боратынского и Дельвига см. комментарии к № 10. Очевидно, «Посланіе къ Б... Дельвигу» как-то связано с по-

сланием Дельвига «Евгению» [«Помнишь, Евгений, ту шумную ночь (и она улетела)...», 1820; опубликовано в 1853 г.]; последовательность сочинения этих двух стихотворений неизвестна (ср.: Летопись. С. 94).

Стихотворение написано «жильберовой строфой» (четверостишиями разностопного ямба с формулой 6—4—6—4, названными так благодаря знаменитой предсмертной оде Н. Жильбера, 1780) с рифмовкой *aBaB*. Такая строфа была использована К. Н. Батюшковым в стихотворении «К другу» (опубликовано в 1817 г.), которое стало одним из непосредственных источников послания Боратынского (Томашевский 1958. С. 69). «Баратынский откровенно варьирует Батюшкова <...> Да и все его стихотворение — типичный для молодого Баратынского монтаж из разных текстов <Батюшкова>: помимо послания „К другу", здесь использованы и „На развалинах замка в Швеции", и „Мои Пенаты", и „Умирающий Тасс" <...> К Батюшкову подключается Жуковский — его „Вечер" и элегическое послание „Тургеневу. В ответ на его письмо" <...> и даже Державин» (Проскурин 1999. С. 206). Указание И. Н. Медведевой (Изд. 1936. Т. II. С. 235) на близость послания Боратынского к элегии Э. Парни «À mes amis» («Моим друзьям») не подтверждается сопоставлением текстов.

18.1, ст. 1—6. *Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой, // Товарищъ радостей минувшихъ, // Товарищъ ясныхъ дней, не давно надо мной // Мечтой веселою мелькнувшихъ? // Ужель душѣ твоей такъ скоро чуждымъ сталъ // Другъ отлученный, другъ далекой <...>?* Ср. в элегии В. А. Жуковского «Вечер» (1806, ст. 49—51, 58, 65): *Где вы, мои друзья, вы, спутники мои? // Ужели никогда не зреть соединенья? // Ужель иссякнули всех радостей струи? // О вы, погибши наслажденья! <...> И где же вы, друзья? <...> А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. 1. С. 76—77). Биографической основой комментируемых строк послания Боратынского является, по-видимому, долговременное отсутствие писем от Дельвига; ср. в письме Дельвига Боратынскому от марта — мая 1828 г.: «Теперь только понимаю, какую цену имели для тебя мои письма в Финляндии. Понимаю и каюсь, что редко писал к тебе. Не наказывай меня тем же» (Дельвиг. Изд. 1986. С. 330; отмечено: Изд. 1936. Т. II. С. 235).

18.1, ст. 2. *Товарищъ радостей минувшихъ.* Автореминисценция из послания «Къ Креницыну» (1819): *Товарищь радостей младыхъ <...> въ объятiяхъ твоихъ, // Мнѣ дни минувшiе <...> предстали!* (№ 9, ст. 1—4).

18.1, ст. 4. *Мечта* (здесь и ниже, в № 18.1, ст. 16) — «привидѣнiе, призракъ; пустое, ложное, явленiе, обманчивое видѣнiе» (САР. Ч. III. Стб. 762).

18.1, ст. 6—8. <...> *Другъ отлученный, другъ далекой, // На Финскихъ берегахъ, между пустынныхъ скалъ, // Бродящiй съ грустью одинокой?* Фразеология и рифмовка восходят к балладе Жуковского «Светлана» (опубликована в 1813 г.; ст. 30—32): <...> *Милый друг далёко; // Мне судьбина умереть // В грусти одинокой* (Жуковский. Изд. 1959—1960. Т. 2. С. 19). Со ст. 7—8 ср. элегию

К. Н. Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814, ст. 9—11): *Я здесь, на сих скалах, висящих над водой* <...> *Задумчиво брожу* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 202).

18.1, ст. 11—12. *Ужель не ищешь ты въ кругу своихъ друзей // Судьбой отторженнаго брата?* Ср. поэтическую фразеологию Батюшкова: *Скажи, давно ли здесь, в кругу твоих друзей // Сияла Лила красотою?* («К другу», ст. 29—30); *Напрасно от брегов пленительных Невы // Отторженный судьбою* <...> [«Разлука» («Напрасно покидал страну моих отцов...»), опубликовано в 1817 г.; ст. 9—10]; <...> *Отторжен был судьбой* <...> [«Умирающий Тасс», 1817, ст. 55 (Батюшков. Изд. 1977. С. 251, 231, 327)].

18.1, ст. 13—16. *Ты помнишь-ли тѣ дни, когда рука съ рукой, // Пылая жаждой сладострастья, // Мы жизни ввѣрились и общею тропой // Помчались за мечтою счастья?* Ср. употребление фразеологизма *рука с рукой* в стихотворениях 1810-х годов: *И в час сердечной муки, // Когда, рука с рукой, // В тоске безмолвной, други* <...> *Идут, осиротелы, // В свой терем опустелый*; *Летать, рука с рукой // С утраченным Филоном* (Жуковский, «К Б<лудо-в>у», 1810, ст. 50—63, 120—121); *И три сестры* <...> *Сидят рука с рукой* [«Уединение. (Отрывок)», 1813, ст. 63—68]; *Бывало, он, с отцом рука с рукой, // Входил в наш круг — и радость с ним являлась* («Тургеневу, в ответ на его письмо», ст. 41); *Сиротка и старик убогой, // Без трепета, рука с рукой, // Пошли погибельной дорогой* (Он же, «Сиротка», 1813, ст. 26—28); *На брань пошли рука с рукой // Владыки и народы*; *Рука с рукой! вождю вослед! // В одну, друзья, дорогу!* [«Певец в Кремле», 1816, ст. 60—61, 468—469 (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. 1. С. 150—151, 152, 282, 291; Т. 2. С. 38, 50)]; *И с ним, рука с рукою, // Гимн радости поет!..* [Батюшков, «Мои Пенаты», 1811—1812, ст. 207—208 (Батюшков. Изд. 1977. С. 266)]; <...> *рука с рукою, // С нежной Хлоей приходил* <...> (А. С. Пушкин, «Блаженство», ст. 30—31); *Стекитесь резвою толпою, // Главы в венках, рука с рукою* <...> (Он же, «Моё завещание. Друзьям», 1815, ст. 71—72); *В последний раз, быть может, я с тобой, // Задумчиво внимая шум дубравный, // Над озером иду рука с рукой. // Где вы, лета беспечности недавной?* [Он же, «Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»), 1817, ст. 2—5 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 55, 128, 254)]; и др.

18.1, ст. 14. *Сладострастье.* Повышенная частотность этого слова в элегическом лексиконе раннего Боратынского (примеры см.: Shaw 1975. P. 365) стала предметом пародии М. Н. Загоскина (см. комментарий к № 54, ст. 14).

18.1, ст. 15—16. *Мы* <...> *общею тропой // Помчались за мечтою счастья.* Реминисценция послания Жуковского «Тургеневу, в ответ на его письмо» (1813, ст. 49—50): <...> *мы ж каждый по тропам // Незнаемым за счастьем полетели* <...> (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. 1. С. 282). *Мечта* — см. выше, комментарий к № 18.1, ст. 4.

18.1, ст. 17—20. *«Что въ славѣ? что въ молвѣ? на время жизнь дана!» // За полной чашей мы твердили, // И весело въ струяхъ блестящаго вина, // Забвенье сладостное пили.* Выражение *пить забвение* восходит к «Энеиде» Вергилия: *oblivia potere* 'пить забвение (то есть воды Леты, приносящие забвение)' (песнь VI, ст. 715). В значении 'забываться в наслаждениях' оно употреблялось в «легкой поэзии» начала XIX в., в частности у Батюшкова («Счастливец», 1810, ст. 37—38): *Счастья шаткого любимец // С нимфами забвенье пьет* (Батюшков. Изд. 1977. С. 300). Ср. также: *Забвенье сладостное пили* (Боратынский) — *Мы пили чашу сладострастья* [Батюшков, «К другу», ст. 4 (Батюшков. Изд. 1977. С. 250)].

18.1, ст. 21. *И все въ глубокомъ снѣ!* Реминисценция элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (ст. 5): *И все в глубоком сне поморие кругом* (Батюшков. Изд. 1977. С. 202).

18.1, ст. 23. *На стогнахъ тишина!* «Стогна» — церковнославянизм, обозначающий 'улицу', 'площадь' и — шире — 'городскую территорию' (*Мурьянов М. Ф.* Стогны града // Русская речь. 1985. № 2. С. 145—149).

18.1, ст. 23—24. <...> *сіяютъ при лунѣ // Дворцы и башни Петрограда.* Ср. картину ночного Петербурга в оде Державина «Видение Мурзы» (опубликована в 1791 г.; ст. 13—22): *Вокруг вся область почивала, // Петрополь с башнями дремал* <...> *Природа в тишину глубоку // И в крепком погруженна сне, // Мертва казалась слуху, оку, // На высоте и в глубине; // Лишь веяли одни зефиры, // Прохладу чувствам принося* <...> (Державин. Изд. 1933. С. 69). *Башни Петрограда* упоминаются и у других поэтов конца XVIII — начала XIX в. (см., например: А. Ф. Востоков, «К Теону. Осень 1801 года», ст. 3). Ср. также: <...> *И при луне из-за древес // Являлись кровы башен* [Жуковский, «Вадим», 1817, ст. 683—684 (Жуковский. Изд. 1959—1960. Т. 2. С. 129)]. «Зарисовка спящего Петрограда — прелюдия <...> к эротической сценке, символизирующей насильно отнятые радости (эту сценку Баратынский целиком монтирует из материала батюшковских „Моих Пенатов")», — замечает О. А. Проскурин (Проскурин 1999. С. 206); последнее утверждение нуждается в корректировке (см. ниже комментарии к № 18.1, ст. 29—32, ст. 45—48).

18.1, ст. 25—26. *Къ знакомцу доброму стучится Купидонъ, // Пусть дремлетъ труженикъ усталый!* Купидон — см. ниже, комментарий к № 18.2, ст. 25. *Пусть* — здесь уступительный союз со значением 'хотя'. *Труженикъ усталый* — ср. это же выражение в отрывках из поэмы «Воспоминаніе» (№ 13, ст. 34) и в «Сельской Элегіи» («Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ...»; № 34, ст. 10).

18.1, ст. 29—32. *«Взгляни! ты видишь-ли: покинувъ ложе сна, // Передъ окномъ, полу-одѣта, // Томленья страстнаго въ душѣ своей полна, // Счастливца ждетъ моя Лилета?»* Лилета, Лила (№ 18.1, ст. 45) — условное поэтическое имя, вошедшее в литературный обиход на рубеже XVIII — XIX вв.; ср.

стихотворение Н. М. Карамзина «К Лиле» («Ты плачешь, Лилета?..», 1796); и др. Своей популярностью оно было не в последнюю очередь обязано стихотворениям К. Н. Батюшкова «Мои Пенаты» (1811—1812, ст. 69 и далее) и «К другу» (ст. 29—30). Кроме того, Лилета — одно из самых частых имен в лицейских стихах Дельвига: см. «К Лилете» (1814), «Хата» (1815), «К К<нязю> Г<орчакову>» (1815), «Тихая жизнь» (1816), «К Лилете. (Зимой)» (1816), «Досада» («Как песенка моя понравилась Лилете...», 1814—1817), «Фани. (Горацианская ода)» (1814—1817) и др. Мы находим это имя и в обращенном к Боратынскому послании «Евгению» (1820):

Помнишь, Евгений, ту шумную ночь (и она улетела),
Когда мы с Амуром и Вакхом
Тихо, но смело прокралися в терем Лилеты? И что же!
Бессмертные нам изменили!

(Ст. 1—4; Дельвиг. Изд. 1986. С. 149)

18.1, ст. 30, 32. *Полу-одѣта* : *Лилета*. Рифма восходит к «Моим Пенатам» Батюшкова (ст. 69—72):

И ты, моя Лилета,
В смиренной уголок
Приди под вечерок
Тайком переодета!

(Батюшков. Изд. 1977. С. 262)

18.1, ст. 41. *Давно румяный Фебъ прогналъ ночную тѣнь*. Феб — здесь 'солнце' (см. комментарий к 10.2, ст. 16).

18.1, ст. 43. *Баловень забавъ*. О перифрастических сочетаниях с опорным словом *баловень* см.: ПФП. С. 26, 30—31. Ср. позднюю редакцию послания «Дельвигу» («Такъ, любезный мой Горацій...»), где о Дельвиге сказано: *Вольный баловень забавы* (№ 10.1, ст. 27). См. также комментарий к № 18.2, ст. 43.

18.1, ст. 45—48. *И Лила спитъ еще: любовію горятъ // Младыя свѣжія ланиты, // И мнится, поцѣлуй сквозь тонкій сонъ манятъ // Ея уста полу-открыты*. Ср. в «Моих Пенатах» Батюшкова (ст. 116—130):

А Лила почивает
На ложе из цветов...
И ветер тиховейной
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров <...>

Я Лилы пью дыханье
На пламенных устах,
Как роз благоуханье,
Как нектар на пирах!..

(Батюшков. Изд. 1977. С. 263—264)

Младыя свѣжія ланиты <...> *Ея уста полу-открыты* — реминисценция баллады Жуковского «Вадим» (ст. 427—428): <...> *И свежий блеск ланит младых, // И уст полуоткрытых* (Жуковский. Изд. 1959—1960. Т. 2. С. 122).

18.1, ст. 49. *Гдѣ чашъ веселый стукъ?* Ср. у Батюшкова («К другу», ст. 5—6): *Но где минутный шум веселья и пиров? // В вине потопленные чаши?* (Батюшков. Изд. 1977. С. 250).

18.2, ст. 23—24. *Лишь слабо теплится въ туманной вышинѣ // Діаны блѣдная лампада.* Диана (*Diana*) — в римской мифологии богиня лесов, отождествляемая, в том числе, с греческой Селеной (богиней луны); здесь 'луна'. Уподобление луны лампаде широко распространено в русской поэзии первой четверти XIX в. (многочисленные примеры см.: ПФП. С. 56, 70—71, 142).

18.2, ст. 25. *Малютка Купидонъ. Купидонъ* — в римской мифологии бог любви (см. комментарий к № 23.1, ст. 14—15). Ср. в стихотворении Батюшкова «Любовь в челноке» (1810—1811; опубликовано в 1815), где описывается Купидон/Амур (ст. 7, 13, 28, 40): *Ах, малютка мой нещастный!*; *Жалко мне малютки стало*; *А малютка... улетел!*; *Знать, малютка... страшный бог!* (Батюшков. Изд. 1977. С. 297—298). Амур также назван *малюткой* в стихотворении Жуковского «Амур и Мудрость» (1814, опубликовано в 1827 г.).

18.2, ст. 29. *Смотрите, видитель* <...> Ср. аналогичную конструкцию: *Смотрите, — видитель дымится Карѳагенъ!* («Отрывки изъ Поэмы: Воспоминанія»: № 13, ст. 108; о генезисе этого фрагмента см. комментарии к № 13, ст. 108—109, ст. 117—120.

18.2, ст. 43. *Баловни Харитъ.* Хариты — см. комментарий к № 10.1, ст. 25. В поздней редакции послания *Хариты* заменены *забавами* (см. выше, комментарий к № 18.1, ст. 43).

И. А. Пильщиков

19

К—ву («Любви веселой проповѣдникъ...»)

Послание адресовано Александру Абрамовичу Крылову (1798 или 1793 — 1829), поэту-элегику, сотруднику Вольного общества любителей российской словесности (с 4 марта 1818 г.) и Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (с 23 января 1819 г.). В 1820—1821 гг. Крылов был близок к «левому» крылу ВОЛРС и поддерживал приятельские отношения с Боратынским, А. А. Дельвигом, В. К. Кюхельбекером и П. А. Плетневым — см. послание Дельвига «Крылову» (1820 или 1821), послание Крылова «К Кюхельбекеру» (1821), стихотворение

Плетнева «Невеста поэта» (1821) и ответное послание Крылова «К Плетневу» (1822). Тем не менее в том же 1821 г. Крылов выступил против «союза» Боратынского, Дельвига и Кюхельбекера со стихотворным памфлетом «Вакхические поэты», на который Боратынский ответил посланием «К***» («Кто жаждетъ славы, милый мой!..» — см. в настоящем издании № 45.2 и комментарии к № 45). Об А. А. Крылове и его роли в литературной жизни начала 1820-х годов см.: Вацуро 1972; Вацуро 1994б.

19, ст. 1. *Любви веселой проповѣдникъ.* Вопреки чтению большинства критических изданий (см. текстологические примечания) прилагательное *веселой* — женского, а не мужского рода: скорее всего, речь идет не о «веселом проповеднике любви», а о «проповеднике веселой любви». Ср. у А. С. Пушкина в элегии 1817 г. «К ***», или «Уныние» («Не спрашивай, за чем унылой думой...», ст. 6): <...> *Я разлюбил веселую любовь* <...> (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 42); у В. С. Филимонова в поэме «Дурацкий колпак» (1828; гл. II, § 12, ст. 7): <...> *Любви веселой я не знал* (Поэты 1820—1830. С. 146). Следует также принять во внимание тот факт, что в единственном источнике текста комментируемого стихотворения прилагательные мужского рода в ст. 2 и 3 имеют в именительном падеже окончание *-ый*, а не *-ой*: *любезн**ый** говорунъ, глубокомысленн**ый** шалунъ* (при *товарищъ мил**ый*** в ст. 8, *другъ мил**ый*** в ст. 9 и *альковъ уютн**ой*** в ст. 13).

19, ст. 4. *Назона правнукъ и наслѣдникъ!* Публий Овидий Назон (Publius Ovidius Naso, 43 до н. э. — ок. 18 н. э.) — римский поэт эпохи Августа, упомянутый здесь как автор эротических произведений, из которых наиболее известны «Любовные элегии» («Amores»), «Героиды» («Heroides») и дидактическая поэма «Наука любви» («Ars amatoria», или «Ars amandi»).

19, ст. 6—7. *До роковаго новоселья // Пожить нехудо для веселья.* В лирике конца 1810-х и начала 1820-х годов *новоселье* — обычный эвфемизм, обозначающий смерть (Виноградов 1935. С. 273) и часто рифмующийся с «весельем». Ср. у Пушкина: *Когда ж пойду на новоселье // (Заснуть ведь общий всем удел) // Скажи: «дай бог ему веселье! // Он в жизни хоть любить умел»* («К Н. Г. Ломоносову», 1814, ст. 23—26); *Не пугай нас, милый друг, // Гроба близким новосельем* [«Кривцову», 1817, ст. 1—2 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 76; Т. 2, кн. 1. С. 50)]; у самого Боратынского в стихотворении «Больной»: *Что нужды! до новоселья // Поживемъ и пошалимъ, // Въ память прежняго веселья // Шумный кубокъ осушимъ* (№ 39, ст. 17—20); и др.

19, ст. 9. *Наука счастья намъ знакома.* Словосочетание *наука счастья* пародирует название поэмы Овидия («Наука любви»).

19, ст. 10—11. *Скорѣй зови // Богиню милую любви!* — то есть Афродиту (греческая мифология), или Венеру (римская мифология).

19, ст. 12. *Скорѣе вѣтреннаго Мома!* Мом (Μῶμος) — бог порицания и злословия (греческая мифология); в позднейшей интерпретации — бог веселой насмешки (видимо, по созвучию с Комом — богом веселых пиров).

19, ст. 17. *Летящій мигъ лови украдкой.* Вариация на тему хрестоматийной оды Горация к Левконое: *Dum loquimur, fugerit invida // aetas: carpe diem, quam minimum credula postero = Пока говорим, убежит завистливое // время: лови день, и меньше доверяй будущему* (Carmina, кн. I, ода XI, ст. 7—8).

19, ст. 17. *Игея, Вакхъ еще съ тобой!* В первой публикации и во всех изданиях (кроме Изд. 2000): *И Гея, Вакхъ* <...> У В. Э. Вацуро, предложившего конъектуру *Игея* (см.: Вацуро 1986. С. 21—22), были все основания заподозрить порчу текста: появление в одном ряду с Афродитой и Вакхом богини земли Геи не поддается удовлетворительному истолкованию. *Игея*, Гигея или Гигиея (греч. Ὑγίεια, Ὑγεία 'здоровье') — богиня здоровья в греческой мифологии; ср. в оде Г. Р. Державина «Богине здравия» (1795, ст. 1—2): *Здравья богиня благая, // Ввек ты со мною, Гигея, живи!* (Державин. Изд. 1957. С. 225). *Вакхъ* (Βάκχος) — одно из имен Диониса, бога виноградарства и виноделия (греческая мифология).

Вместе с другими божествами, олицетворяющими здоровье, веселье, вино и любовь, Игея упоминается в лицейских стихах Дельвига. Ср. в его послании «К к<нязю> Г<орчакову>» (1815):

Здравия полный фиал Игея сокрыла в тумане,
Резвый Эрот и хариты с тоскою бегут от тебя:
Бледная тихо болезнь на ложе твое наклонилась,
Сон сменяется стоном, моленьем друзей — тишина.

Тщетно ты слабую длань к богине младой простираешь,
Тщетно! — не внемлет Игея, молчит, свой целительный взор
Облаком мрачным затмила, и Скорбь на тебя изливает
С колкой улыбкою злобы болезни и скуки сосуд.

Юноша! что не сзовешь веселий и острого Мома?
С ними Эрот и хариты к тебе возвратятся толпой;
Лирой, звенящею радость, отгонят болезни и скуки
И опрокинут со смехом целебный фиал на тебя.

Дружба даст помощи руку; Вакх оживит твои силы;
Лила невольно промолвится, скажет, краснея, «люблю»,
С трепетом тайным к тебе прижимаясь невинною грудью,
И поцелуй увенчает блаженное время любви.

(Дельвиг. Изд. 1986. С. 101—102)

В «Дифирамбе» («Други, пусть года несутся...», 1814—1817):

Громкий смех над докторами!
При плесканьи полных чаш

Верьте мне, Игея с нами,
Сам Лиэй* целитель наш!
<...>
Выпили? Еще! Веселье
Пышет розой по щекам,
И беспечное похмелье
Уж манит Эрота к нам.

(Дельвиг. Изд. 1986. С. 117—118)

Ср. сходный круг образов в послании Дельвига «Крылову»:

Уж я не тот поэт беспечный,
Товарищ резвый светлых дней,
Когда Эрот и Бассарей**
Мне говорили: друг, мы вечны!
Пусть дни и годы скоротечны,
Но мы с тобой — люби и пей!
Ушли, ушли лета златые,
Когда от чаши круговой
Эрот, хариты молодые
И смехи шумною толпой
Меня влекли к ногам Эльвиры.
Крылов, в то время голос мой,
Под звуки вдохновенной лиры,
Непринужденно веселил
Веселостью непринужденной.
А ныне твой поэт, лишенный
Неопытных, но смелых крил,
Венком поблекшим украшенный,
На землю бедную ступил,
И опыт хладный заключил
Его в жестокие объятья.
В боязни Фебова проклятья
Ленюсь я стихи писать,
Лишь иногда во дни ненастья
Люблю о вёдре вспоминать
И мной неведомого счастья
Поэтам-юношам желать.

(Дельвиг. Изд. 1986. С. 153—154)

19, ст. 20. *Предъ нами чаша жизни сладкой.* Традиционное словосочетание; ср. у Н. М. Карамзина: <...> *резвый Купидон // И скромный Гименей навек соединяют // Любовников сердца // И чашу жизни их блаженством наполняют* [«Послание к женщинам», 1795, ст. 192—195 (Карамзин. Изд. 1966. С. 174)]; у Пуш-

* Лиэй (Λυαῖος 'освободитель') — эпиклес Вакха-Диониса.

** Бахус *(примеч. А. А. Дельвига).*

кина: *Пусть остылой жизни чашу // Тянет медленно другой* <...> («Кривцову», 1817, ст. 5—6); *Давно ли тайными судьбами // Нам жизни чаша подана! // Еще для нас она полна* <...> [«Нет, нет, напрасны ваши пени...», 1819, ст. 6—8 (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 50, 92)]. Другие примеры см.: ПФП. С. 158—160.

19, ст. 24. <...> *И домъ подземный скроетъ насъ!* Готовый штамп поэтического языка начала XIX в. (Виноградов 1941. С. 134; ПФП. С. 157). Ср., например: <...> *Доколь, сражен стрелой незримой, // В подземный ты не снидешь дом* <...> [Пушкин, «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...»), 1814, ст. 78—79 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 74)].

И. А. Пильщиков

20

20.1. «Разстались мы; на мигъ очарованьемъ...»
20.2. Элегія («На краткій мигъ плѣняетъ въ жизни радость...»)

Заглавие в Изд. 1827: **«Разлука»**.

По неподтвержденному указанию С. А. Рачинского [см.: Материалы 1916. С. VI (2-й паг.)], стихотворение было адресовано Варваре Николаевне Кучиной (о ней см. комментарии к № 2). Биографическая реконструкция в данном случае затруднительна: в стихотворении описана типичная элегическая ситуация. В частности, произведение Боратынского обнаруживает несомненное сходство с элегией Э. Парни «Que le bonheur arrive lentement!..» («Poésies érotiques», 1777—1781, кн. IV, элегия 11; отмечено в Изд. 1936. Т. II. С. 229). Эту элегию переводили К. Н. Батюшков [«Элегия» («Как счастье медленно приходит...»), 1805], В. М. Перевощиков [«Элегия Парни» («В печальной юности я жил одно мгновенье...»), 1810] и А. Г. Родзянка [«Элегия» («Как медленно приходит счастье...»), 1823, опубликована в 1972 г.]. О Боратынском и Парни см. комментарии к № 106.

При подготовке Изд. 1827 элегия была сокращена вдвое (8 стихов вместо 16) и существенно переработана. Сопоставление ранней и поздней редакции см.: Изд. 1957. С. 27—28.

20.1, ст. 1—4. В ранней редакции этим четырем строкам соответствовало 12 стихов (см. № 20.2, ст. 1—12). <...> *на мигъ очарованьемъ, // На краткій мигъ была мнѣ жизнь моя; // Словамъ любви внимать не буду я, // Не буду я дышать любви дыханьемъ!* О «движении повторов» в этом стихотворении см.: Семенко 1970. С. 275—276. По такому же принципу был организован развернутый зачин ранней редакции: *На краткій мигъ* <...> *На краткой мигъ* <...> *ужь нѣтъ* <...> *Ужь онъ исчезъ* <...> *Уже ль* <...> *Уже ль* <...> (20.2, ст. 1—12).

20.1, ст. 2. *На краткій мигъ была мнѣ жизнь моя.* Ср. 4-й стих из элегии Парни «Que le bonheur arrive lentement!..»: *Si j'ai véci, ce ne fut qu'un moment = Если я жил, то всего лишь миг* (Parny. Éd. 1862. P. 116) — и русские переводы: *В печальной юности я жил одно мгновенье* (Перевощиков; ФЭ. С. 456); *Мне было жить на миг дано!* (Родзянка; ФЭ. С. 457).

20.1, ст. 5—8. *Я все имѣлъ, лишился вдругъ всего; // Лишь началъ сонъ.... изчезло сновидѣнье! // Одно теперь унылое смущенье // Осталось мнѣ отъ счастья моего.* Парафраза строк А. Бертена («Les Amours», 1780—1785; кн. III, элегия 13, ст. 7—13): *Mon bonheur s'est évanoui: // Je perds vos touchantes caresses, // Hélas! et de ces biens, dont j'ai trop peu joui, // Il ne me reste que ma flamme <...> Et la triste douceur de nourrir dans mon âme // L'éternel souvenir d'un bonheur qui n'est plus = Мое счастье исчезло: // Я лишаюсь ваших трогательных ласк, // Увы! и от этих благ, которыми я слишком мало наслаждался, // Мне не осталось ничего, кроме моего пламени <...> И унылой сладости питать в своей душе // Вечную память о счастье, которого больше нет* (Bertin. Éd. 1879. P. 117). Сходную констелляцию мотивов находим у Пушкина в элегии 1817 г. «К ***», или «Уныние» («Не спрашивай, за чем унылой думой...», ст. 9—12): *Кто счастье знал, уж не узнает счастья. // На краткой миг блаженство нам дано: // От юности, от нег и сладострастья // Останется уныние одно...* (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 42; параллель отмечена: Филиппович 1916. С. 325). Ср. также финал элегии Парни «Que le bonheur arrive lentement!..» (ст. 19—22): *J'ai tout perdu <...> J'ai tout perdu: l'amour seul est resté = Я всё потерял <...> Я всё потерял: осталась одна любовь* (Parny. Éd. 1862. P. 117) — и переводы Батюшкова, Перевощикова и Родзянки: *На свете всё я потерял <...> Любовь одна во мне осталась* (ФЭ. С. 133); *Всего лишился я! <...> со мной одна любовь живет!* (ФЭ. С. 457); *Я всё навеки потерял <...> восторгов рай исчез <...> Одна любовь со мной осталась!* (ФЭ. С. 457).

20.2, ст. 6—10. *Ужь онъ исчезъ — блаженства сонъ мгновенной <...> Не вѣчность ли межь нами протекла?* Ср.: *И буря дней моих исчезла как мечта!.. // Осталось мрачно вспоминанье... // Между протекшего есть вечная черта: // Нас сближит с ним одно мечтанье* [К. Н. Батюшков, «Воспоминания 1807 года», 1809 (заглавие в «Опытах в Стихах и Прозе» — «Воспоминание»), ст. 23—26 (Батюшков. Изд. 1977. С. 211)]. Реминисценцию из этой же элегии Батюшкова И. М. Семенко обнаружила у А. С. Пушкина («Под небом голубым страны своей родной...», 1826, ст. 4): *Но недоступная черта меж нами есть* (Пушкин. Ак. Т. 3, кн. 1. С. 20; Семенко 1970. С. 236). «В отличие от Батюшкова, Пушкин и Баратынский отрицают возможность этого „сближения". У них между минувшим и настоящим пропасть, аналогичная пропасти между иллюзорным и действительным» (Семенко 1970. С. 237). Стихотворение Пушкина и в других аспектах проявляет сходство с элегиями Боратынского (см.: Проскурин 1999. С. 202).

20.2, ст. 7—8. *И я одинъ, и на груди стѣсненной // Лежитъ тоска разлуки годовой.* А. М. Песков усматривает здесь автобиографическую аллюзию: «Вероятно, отъезжая в Финляндию, Боратынский надеялся на то, что по истечении года унтер-офицерской службы он получит чин офицера», и, значит, «в сочиненной <...> перед отъездом в Финляндию или вскоре после отъезда „Элегии“» говорится о предполагаемом «годовом отсутствии» (Летопись. С. 94). Скорее это место следует понимать так: прошел год с тех пор, как поэт расстался со своей возлюбленной. См. также текстологические примечания к № 20.2.

И. А. Пильщиков

21

21.1. «Незнаю? милая, Незнаю!..»
21.2. <Мадригалъ>. Къ дѣвушкѣ, которая — на вопросъ, какъ ее зовутъ — отвѣчала: не знаю («Не знаю! милое не знаю...»)

Это четверостишие пользовалось популярностью и неоднократно перепечатывалось (см. текстологические примечания). Боратынский счел нужным включить его в оба сборника своих стихотворений. Републикация мадригала в Изд. 1835 вызвала резкую отповедь В. Г. Белинского: «Может ли *поэт* нашего времени написать, а если уже имел несчастие написать, то поместить в полном собрании своих сочинений, например, вот такое стихотвореньице» — далее цитируется текст мадригала «Незнаю? милая, Незнаю!..» (Телескоп. 1835. Ч. 27. № 9; цит. по: Белинский. Изд. 1953—1959. Т. I. С. 326).

И. П.

22

22.1. «Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ...»
22.2. Лидѣ («Твой дѣтской вызовъ мнѣ пріятенъ...»)

Согласно семейному преданию, стихотворение было адресовано финляндской знакомой Боратынского Елизавете Куприановой (лицо неустановленное). В альбоме «Tendresse» рядом с заглавием С. А. Рачинский сделал помету карандашом: «Лизаветѣ Купріяновой?» (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 2. № 5. Л. 28; Материалы 1916. С. 5—6). На экземпляре Изд. 1827, хранившегося в Татевском архиве Рачинских, возле стихотворения «Лидѣ» рукою С. А. Рачинского было «написано и зачеркнуто: Купріановой и еще ниже поставлено: Финлянкѣ» (Материалы. С. VI 2-й паг.). При подготовке Изд. 1827 стихотворение было существенно переработа-

но: в первой части выпущено 9 строк (№ 22.2, ст. 5—13), а 8 заключительных строк (№ 22.2, ст. 28—35) заменены десятью новыми (№ 22.2, ст. 19—28). Замечания о соотношении двух редакций см.: Изд. 1914—1915. Т. II. С. 285.

22.1, ст. 4. *Языкъ поэтовъ и боговъ. Языкъ боговъ* — общекнижное именование поэзии, широко употребительное в конце XVIII — начале XIX в. (многочисленные примеры см.: ПФП. С. 125 примеч. 37).

22.1, ст. 10. *Хариты* — см. комментарий к № 10.1, ст. 25. *Эротъ* — бог любви в греческой мифологии; то же, что римский Амур, или Купидон (см. комментарий к № 23.1, ст. 14—15) — ср. *Купидонъ* в первой редакции комментируемого стихотворения (№ 22.2, ст. 10). *Вѣтренный Эротъ* — этот эпитет был применен к богу любви К. Н. Батюшковым в «Послании Г<рафу> В<елеурско>му» (опубликовано в 1815 г.; ст. 12): *ветренный Амур* (Батюшков. Изд. 1977. С. 270). См. также комментарий к № 30.1, ст. 2.

22.1, ст. 11. *Дріады* (Δρυάδες) — нимфы деревьев (греческая мифология). *Фавны* (*Fauni*) — божества лесов и полей (римская мифология). В античной литературе дриады и другие нимфы нередко упоминались в одном ряду с мужскими миксантропическими божествами — сатирами и силенами (у греков) или фавнами (у римлян): <...> *Faunique* <...> *Dryadesque puellae* = <...> *и Фавны* <...> *и девы Дриады* (Вергилий, «Георгики», кн. I, ст. 11); <...> *semideae Dryades Faunique bicornes* = <...> *полубогини Дриады и двурогие Фавны* (Овидий, «Героиды». Послание IV, ст. 49). Аналогичные примеры можно отыскать в русской поэзии первой четверти XIX в. (см.: *Пильщиков И. А.* Дриады // Онегинская энциклопедия. М., 1999. Т. I. С. 370).

22.1, ст. 14—18. *Поодаль Музы между тѣмъ* <...> *Но ихъ соборъ въ то время нѣмъ. Музы* — см. комментарий к № 10.1, ст. 3. *Соборъ* — «собраніе многихъ въ одно мѣсто» (САР. Ч. VI. Стб. 310). Ср. описание Парнаса у М. В. Ломоносова («Ода на день восшествия ... 1746 гда», ст. 3—4): <...> *Где воды протекают ясны // И прохлаждают Муз собор* (Ломоносов. Изд. 1959. С. 137). У Г. Р. Державина («Песнь любителю художеств», 1791, ст. 80): <...> *На них* <тучах. — *И. П.*> *сидит небесных Муз собор*. Ср. в этом же стихотворении: <...> *Во след тебе забав собор, // Певиц приятных хор, // Наяды пляшут и Фауны* (ст. 170—172; Державин. Изд. 1933. С. 133, 135).

22.1, ст. 23. *И той не рѣдко, чье воззрѣнье // Даруетъ лирѣ вдохновенье, // Не повѣряетъ онъ его. Воззрѣнье* — здесь 'взгляд, взор' (ср.: СлРЯ XVIII в. Вып. 4. С. 10).

22.2, ст. 7—8. *И всѣ мы знаемъ, что Киприда // Въ Цитерѣ школъ не завела. Киприда* (греч. Κύπρις, род. пад. Κύπριδος 'киприянка') — эпиклес богини любви Афродиты, родившейся из морской пены вблизи о. Кипр. *Цитера*, или Кифера (лат. *Cythera*; греч. Κύθηρα) — остров на юге Греции, где находился один из храмов Афродиты.

22.2, ст. 10. *Читать не любитъ Купидонъ*. См. комментарий к № 23.1, ст. 14—15.

22.2, ст. 33. *Фебъ* (греч. Φοῖβος 'светозарный') — эпиклес бога Аполлона, покровителя поэтов (греческая мифология).

И. А. Пильщиков

23

23.1. Подражаніе Лафару («Свободу давъ тоскѣ моей...»)
23.2. Элегія («Заснули рощи надъ потокомъ...»)
23.3. Элегія («Дремала роща надъ потокомъ...»)

Заглавие в Изд. 1827: **«Утѣшеніе»**.

Подражание мадригалу Ш.-О. Лафара «À Madame la Comtesse de Caylus» («Госпоже графине де Келюс»; см.: Лонгинов 1864. Стб. 117). Окончательная редакция (№ 23.1) ближе ко французскому оригиналу, чем версии 1820—1821 гг. (№ 23.2, 23.3). Некоторые сегменты стихотворения Боратынского независимы от Лафара. Так, источником ст. 9—12 первоначальной редакции «Утешения» послужила элегия Ш.-Ю. Мильвуа «La Chute des feuilles» («Падение листьев»), позже переведенная Боратынским на русский язык (см. комментарии к № 74).

Приводим оригинальный текст французского мадригала по изданию *Œuvres de Chaulieu et du marquis de La Fare*. Paris, 1803. P. 49.

A Madame la Comtesse de Caylus

M'abandonnant à la tristesse,
Sans espérance, sans désir,
Je regrettois les sensibles plaisirs
Dont la douceur enchanta ma jeunesse.
Sont-ils perdus, disoit-je, sans retour?
Et n'es-tu pas cruel, Amour,
Toi que je fis dès mon enfance
Le maître de mes plus beaux jours,
D'en laisser terminer le cours
Par l'ennyeuse indifférence?
Alors j'aperçus dans les airs
L'enfant maître de l'univers,
Qui, plein d'une joie inhumaine,
Me dit en souriant: Tircis, ne te plains plus:
Je vais mettre fin à ta peine,
Je te promets un regard de Caylus.

Маркиз Шарль-Огюст де Лафар (Charles Auguste de La Fare, 1644—1712) — французский лирик, автор эпикурейских любовных стихов, друг и сподвижник аббата Шольё, один из предшественников «легкой поэзии» XVIII в. В своем «Послании Клио» («Épître de Clio») П.-К. Нивель де Ла Шоссе отмечал заслуги Шольё и Лафара в создании «чистого стиля» и «галантного языка»: *Ce style pur, ce langage galant, // Qu'avec Chaulieu, La Fare eut en partage* (*Nivelle de La Chaussée* [P.-C.] Œuvres. Paris, 1762. P. 151). Вольтер называл Лафара *соперником Тибулла* («Épître XXVII. À Monsieur Pallu, Conseilleur d'État») и восклицал: *La Fare, Apollon, l'Amour, // Vous êtes de même famille = Лафар, Аполлон, Амур, // Вы все — из одной семьи* (Voltaire. Éd. 1876—1891. T. X. P. 260). К. Н. Батюшков в «Похвальном слове сну» (1809—1816) упоминает в одном ряду имена четырех поэтов («знаменитых ленивцев») — «Анакреона, Лафонтена, Шолио, Лафара» (Батюшков. Изд. 1977. С. 128). В поздней редакции послания А. С. Пушкина «Моему Аристарху» (1815—1817) именем Лафара было заменено имя Анакреона: *Наш друг Лафар, Шолье, Парни* <первоначально: *Анакреон, Шолье, Парни. — И. П.*>, *// Враги труда, забот, печали* <...> *Своих любовниц воспевали* и проч. (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 154, 374).

23.1, ст. 1—4. *Свободу давъ тоскѣ моей, // Уединенный, я недавно // О наслажденьяхъ прежнихъ дней // Жалѣлъ и плакалъ своенравно.* Вольный перевод четырех начальных строк мадригала графине де Келюс (ср. подстрочный перевод: *Предавшись унынию, // Без надежды, без желания, // Я сожалел о нежных наслаждениях, // Сладостью которых была очарована моя молодость*). В ранних редакциях стихотворение Боратынского начиналось восемью строками, которые не имеют аналогов у Лафара (см. № 23.2, ст. 1—8; № 23.3, ст. 1—8).

23.1, ст. 5—8. Этот фрагмент дважды подвергался переработке, изменившись почти до неузнаваемости (см. ниже, комментарии к № 23.2, ст. 9—10, 11, 12; № 23.3, ст. 9—12). В мадригале Лафара этому четверостишию отдаленно соответствует всего одна строка: *Неужели удовольствия утрачены, — говорил я, — безвозвратно?* (ст. 5).

23.1, ст. 10—13. <...> *Отнынѣ съ праздною душой, // Живыхъ восторговъ легкій рой // Я замѣню холодной думой // И сердца мертвой тишиной!* У Лафара далее (ст. 6—10) следует апострофа — упрек Амуру (перевод: *И не жесто́к ли ты, Амур, // Ты, которого я с детства // Выбрал наставником своих прекраснейших дней, //* <*Не жесто́к ли ты в том,*> *что позволил прервать их течение // Скучному безразличию?*) В стихотворении Боратынского Амур (Купидон) впервые упоминается пятью строками ниже (№ 23.1, ст. 14—15).

23.1, ст. 14—15. *Тогда съ улыбкою коварной // Предсталъ внезапно Купидонъ.* Ср. у Лафара: *Тогда я увидел в воздухе // Младенца — властителя вселенной* (ст. 11—12). Купидон (франц. *Cupidon*; лат. *Cupido* — калька греч. Ἔρως 'желание, страсть') — в римской мифологии бог любви, сын богини любви Венеры; он же

Амур (лат. *Amor* 'любовь'). *Съ улыбкою коварной* — ср. в оригинале: <...> *plein d'une joie inhumaine* <...> *en souriant* <...> = <...> *полон жестокой радости* <...> *улыбаясь* <...> (ст. 13—14).

23.1, ст. 16—18. *О чемъ вздыхаешь, молвилъ онъ, // О чемъ грустишь, неблагодарной? // Забудь печальныя мечты.* Ср. в мадригале графине де Келюс: *Амур сказал мне, улыбаясь: Тирсис, не сетуй; // Я положу конец твоим страданиям* (ст. 14—15). Герой стихотворения Лафара обращается с упреками к Амуру (этот момент остался у Боратынского «за текстом»), а героя «Утѣшенія» Амур-Купидон в ответ на эти самые укоры называет *неблагодарнымъ* (сло́ва с таким значением во французском подлиннике нет). В Изд. 1827 стих *Забудь печальныя мечты* образует неожиданный pendant 14-му стиху «Разувѣренія»: *Забудь бывалыя мечты* (№ 54, ст. 14). Ср. также: <...> *О наслажденьяхъ прежнихъ дней* (№ 23.1, ст. 3) — <...> *Всѣ обольщенья прежнихъ дней!* (№ 54, ст. 4).

23.1, ст. 19. *Я вѣчно юнъ, и я съ тобою!* Этот стих не находит аналогов во французском оригинале.

23.1, ст. 21. *Не вѣришь мнѣ? взгляни на Хлою!* Французский мадригал завершается словами Амура: *Я обещаю тебе взгляд Келюс.* В стихотворении Боратынского реальный адресат заменен условным персонажем с традиционным поэтическим именем (ср.: Изд. 1936. Т. II. С. 232; Хетсо 1973. С. 284—285).

23.2, ст. 5—8. *Сыны души моей больной, // Сыны полуночнаго бдѣнья... смутныя видѣнья.* Перифразы с опорными словами *сын(ы), дочь, дитя, дети* и т. д., обозначающие различного рода явления и состояния и представляющие их как следствие или порождение других явлений и состояний, были широко распространены в русской поэзии первой четверти XIX в. (см.: ОНС. С. 31).

23.2, ст. 9—10. *«И такъ исчезли» думалъ я, // Весеннихъ лѣтъ мечты златыя.* Ключевое слово в этих стихах — *исчезли* («мечты весенних лет»). Ср. в «Падении листьев» Мильвуа: *Et j'ai vu* <...> *S'évanouir mon beau printemps* = *И я увидел, как* <...> *Исчезает моя прекрасная весна* (Millevoye. Éd. 1843. P. 25) — и в подражании Боратынского («Паденіе листьевъ», ранняя редакция): <...> *изчезъ мой вѣкъ младой* (№ 73.2, ст. 19). В более раннем подражании М. В. Милонова («Падение листьев. Елегия», 1811, редакция «Сатир, посланий и других мелких стихотворений» 1819 г.; ст. 23—24) этот фрагмент «La Chute des feuilles» принял следующий вид: *Как призрак легкий, улетели // Златые дни весны моей!* (ФЭ. С. 241). У Боратынского в первой редакции комментируемого стихотворения эпитет *златые* передан *мечтам*, а в позднейшей версии «Паденія листьевъ» — *снам*: *Вы улетѣли, сны златые // Минутной юности моей!* (№ 73.1, ст. 21—22). Об окказиональной синонимии *мечта* = *сон* и о воздействии версии Милонова на перевод Боратынского из Мильвуа см. комментарии к № 73.

23.2, ст. 11. *Часы приспѣли роковые.* Ср. у Боратынского в ранней редакции «Паденія листьевъ»: *О прорицанье роковое!* <...> *Съ ненастной осенью приспѣетъ, // Вѣщало ты, мой смертной часъ* (№ 73.1, ст. 11—14).

23.2, ст. 12. *И вянетъ молодость моя!* Эта строка представляет собой близкий перевод 20-го стиха из «La Chute des feuilles» в редакции 1811 г.: *Ta jeunesse sera flétrie* = *Твоя молодость увянет* (Millevoye. Éd. 1843. P. 22). При этом в подражании Лафару (!) строка Мильвуа переведена точнее, чем во всех трех переводах «Падения листьев», сделанных Боратынским в 1823—1826 гг. (см. комментарий к № 73.1, ст. 19).

23.2, ст. 13. *Невольникъ истины угрюмой.* Ср. фразеологию франц. *esclave de qch* 'невольник чего-л.' (см.: Виноградов 1941. С. 141). Это выражение отсутствует в ближайших литературных источниках стихотворения Боратынского. В поздней редакции это место изменено: *Наставленъ истиной угрюмой* <...>

23.3, ст. 9—12. *Все обмануло, думалъ я, // Чѣмъ сердце пламенное жило, // Что восхищало, что томило, // И вянетъ молодость моя!* По сравнению с первоначальной редакцией в неприкосновенности в комментируемом фрагменте остался только последний из процитированных стихов. При подготовке Изд. 1827 Боратынский ликвидировал и этот — единственный оставшийся — след «La Chute des feuilles»: <...> *Что восхищало, что томило, // Что было цвѣтомъ бытія!* (№ 23.1, ст. 8). В ст. 9 : 11 характерен отказ от графически неточной рифмы *златыя* : *роковые* (см. комментарий к № 34, ст. 28).

И. А. Пильщиков

24

Весна (Элегія) («Мечты волшебныя, вы скрылись отъ очей!..»)

По наблюдению В. Э. Вацуро (см.: Вацуро. Лирика пушкинской поры. С. 205—206), элегическая ситуация, описанная в стихотворении Боратынского, восходит к сонету Ф. Петрарки «Zephiro torna, e 'l bel tempo rimena...»:

Zephiro torna, e 'l bel tempo rimena,
E i fiori et l'erbe, sua dolce famiglia,
Et garrir Progne et pianger Philomena,
Et primavera candida et vermiglia.

Ridono i prati, e 'l ciel si rasserena <...>

Ma per me, lasso, tornano i piú gravi
Sospiri <...>

(Перевод: *Зефир возвращается и ведет с собой прекрасную пору, // И цветы с травами, свою нежную семью, // И щебечущую Прокну, и стенающую Филомелу, // И белую и алую весну. // Смеются луга и проясняется небо... Но для меня, увы, возвращаются тяжелейшие // Вздохи...*) Другим образцом стала для Боратынского элегия К. Н. Батюшкова «Последняя весна» (1816; отмечено: Хетсо 1973. С. 338):

В полях блистает Май веселый!
Ручей свободно зажурчал,
И яркий голос Филомелы
Угрюмый бор очаровал:
Все новой жизни пьет дыханье!
Певец любви, лишь ты уныл!

(Ст. 1—6; Батюшков. Изд. 1977. С. 128)

Элегия Боратынского написана «жильберовой строфой» с рифмовкой *aBaB* (см. комментарии к №№ 18 и 29).

Композицию стихотворения проанализировала Л. Л. Шестакова. Поэт отступает от распространенной сюжетно композиционной схемы «пейзажная экспозиция — описание внутреннего состояния героя» (ср. «Последнюю весну» Батюшкова). У Боратынского тема весны задана заглавием, однако начальная строфа посвящена печальным раздумьям лирического повествователя, а пейзажная зарисовка дается во втором четверостишии. Этот принцип проведен через всё стихотворение: «смена контрастных линий (природа — герой) происходит несколько раз». Третья строфа связана со второй отношениями прямого противопоставления (*Май воскреснулъ — Я вяну*). Так же соотносятся друг с другом шестая и пятая строфа (*Всё дышетъ радостью — Лишь я, какъ будто чуждъ Природѣ и Веснѣ*). Четвертый катрен, который, так же как и первый, содержит апострофу (*О, гдѣ вы, призраки невозвратимыхъ лѣтъ* и т. д. — ср.: *Мечты волшебныя, вы скрылись отъ очей!*), служит введением к пятому и шестому четверостишию, подобно тому как первое четверостишие служит введением ко второму и третьему (Шестакова 2000. С. 60—61; лингвостилистический анализ элегии см.: Там же. С. 61—63).

24, ст. 1. *Вы скрылись отъ очей!..* См. комментарий к № 9, ст. 28.

24, ст. 3—4. *<...> юности моей // Поблёкли утреннія розы!* Ср. символику и фразеологию франц. *la rose* (см.: Виноградов 1941. С. 135); ср. у А. С. Пушкина: *Иль юности златой // Вотще даны мне розы <...>* («Городок», 1815, ст. 291—292); *Я ей принес увядши розы // Отрадных юношеских дней* [«Стансы. (Из Вольтера)», 1817, ст. 33—34] и др. (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 103, 249).

24, ст. 5—6. *Благоуханной Май воскреснулъ на лугахъ, // И пробудилась Филомела.* Ср. «Последнюю весну» Батюшкова, ст. 1, 3. *Воскреснулъ* — в лите-

ратурном и поэтическом языке первой половины XIX в. перфектные и причастные формы глаголов с инфинитивом на *-ну-* образовывались без опущения этого суффикса значительно чаще, чем в нынешнее время. Эти формы свободно употреблялись наравне с формами без суффикса *-ну-* (см.: Буслаев 1858. Ч. I. С. 86; Истомин 1895. С. 53—54; Булаховский 1954. С. 118—119).

Филомела (греч. Φιλομήλα) — здесь 'соловей', в соответствии с позднейшей интерпретацией древнегреческого мифа о Филомеле и Прокне, изложенного в «Метаморфозах» Овидия (кн. VI, ст. 424—670). Батюшков пересказывает этот миф в примечании к басне «Филомела и Прогна. (Из Лафонтена)»: «Филомела и Прогна, дочери Пандіона. Терей, супругъ послѣдней, влюбился въ Филомелу, заключилъ ее въ замокъ, во Фракіи находящійся, обесчестилъ и отрѣзалъ языкъ. Боги, сжалившись надъ участію несчастныхъ сестеръ, превратили Филомелу въ соловья, а Прогну въ ласточку» (Вестник Европы. 1811. Ч. LX. № 23. С. 186). Существовала и другая версия античного мифа, согласно которой, наоборот, Прокна превратилась в соловья, а Филомела — в ласточку (Аполлодор, «Библиотека», кн. III, гл. XIV, § 8). В XVIII—XIX вв. преобладала первая трактовка — ср., например, у В. А. Жуковского в стихотворении «Пред судилище Миноса...» (1815, ст. 34—35): *<...> По-еллински Филомела, // А по-русски соловей* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 395); и мн. др.

24, ст. 7. *Флора* (лат. *Flora* 'цветущая' от *flos*, род. пад. *floris* 'цветок') — в римской мифологии богиня цветов и цветения.

24, ст. 12. *Я вяну — вянетъ всё со мною! Вяну* — см. комментарий к № 11, ст. 4. *Вянетъ всё со мною* — вариация формулы из стихотворения Батюшкова «Веселый час» (1810, ст. 74): *Умру, и все умрет со мной!..* (Батюшков. Изд. 1977. С. 229; см. комментарий к № 13, ст. 194—195).

24, ст. 16. *Сладострастье.* См. комментарии к № 18.1, ст. 14 и № 54, ст. 14.

24, ст. 17—21. *Въ дыханіи весны всё жизнь младую пьетъ <...> Лишь я, какъ будто чуждъ Природѣ и Веснѣ!* Ср. «Последнюю весну» Батюшкова, ст. 5—6.

24, ст. 19—20. *Всё <...> ждетъ // Обѣтованнаго свиданья!* — то есть 'обещанного'.

И. А. Пильщиков

25

25.1. Финляндія («Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца...»)
25.2. Финляндія («Громады вѣчныхъ скалъ, гранитныя пустыни...»)

Написано в первые месяцы 1820 г. во Фридрихсгаме (Финляндия). Н. М. Коншин рассказывал: «Я помню один зимний вечер <в начале 1820 г. — *И. П.*>, на дворе

была буря; внимающее молчание окружало нашего Скальда <Боратынского. — *И. П.*>, когда он, восторженный, читал нам на торжественный распев, по манере изученной у Гнедича, взятой от греков, принятой и Пушкиным и всеми знаменитостями того времени, — когда он пропел нам свой **гимн к Финляндии**» (Коншин. Изд. 1958. С. 392). 19 апреля 1820 г. Боратынский, возможно, присутствовал на заседании Вольного общества любителей российской словесности в С.-Петербурге, где представил элегию «Финляндія» и мадригал «Финскимъ красавицамъ» (в настоящем издании — № 26; см.: Журналы ВОЛРС. С. 376—377; Летопись. С. 97—98). Элегия принадлежала к числу самых популярных произведений Боратынского (ею открываются Изд. 1827 и Изд. 1835), создав ему репутацию «пѣвца Финляндіи» (см.: Полевой 1827. С. 224; Сомов 1828. С. 17).

На элегии Боратынского сказалось влияние двух «скандинавско-оссианических» произведений — элегии К. Н. Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814) и «Песни Барда над гробом Славян-победителей» В. А. Жуковского (1806), а также описаний северной природы в батюшковском «Отрывке из писем русского офицера о Финляндии» (1809, 1816), упомянутом в предисловии к «финляндской повести» Боратынского «Эда». О литературном контексте «Финляндіи» см.: Изд. 1957. С. 21—22; Альми 1961. С. 31—32; Хетсо 1973. С. 340 и далее; Шарыпкин 1972. С. 149—150; Тойбин 1988. С. 49—50; Pilshchikov 1996. P. 78. Сопоставление ранней и поздней редакции см.: Изд. 1914—1915. Т. II. С. 285—288. Материалы для комментария к элегии см.: Пильщиков 2002.

25.1, ст. 1—2. Мотив прибытия в чужую страну, присутствующий в обеих редакциях элегии (ср. № 25.2, ст. 1—2), имеет автобиографический характер: в январе 1820 г. (незадолго до написания стихотворения) Боратынский был переведен унтерофицером в Нейшлотский пехотный полк, квартировавшийся во Фридрихсгаме (Летопись, с. 94—95).

25.1, ст. 2. *Граниты Финскіе, граниты вѣковые*; ср. *гранитныя пустыни* (№ 25.2, ст. 1). *Гранитные скалы* (*горы*, *утесы*) — лейтмотив в «Отрывке из писем русского офицера о Финляндии» Батюшкова (5 употреблений в редакции «Опытов в Стихах и Прозе»): «Здесь глубокие длинные озера омывают волнами утесы гранитные <...> там — целые развалины древних гранитных гор»; «<...> гранитные, неподвижные скалы, которые несколько веков презирают порыв бурь и ярость волн»; «<Источник> стрелою протекает по каменному дну между скал гранитных»; «Солнечные лучи медленно умирают на гранитных скалах <...>» (Батюшков. Изд. 1977. С. 95—96, 101). В эпилоге поэмы Боратынского «Эды» (1824) использовано словосочетание *Финскіе граниты* (ст. 35), а сама Финляндия названа *гранитнымъ краемъ* (ст. 1; см. в настоящем издании раздел «Поэмы»). Ср. этот же мотив в самой поэме (примеры см.: Shaw 1975. P. 200).

25.1, ст. 3—4. *Земли ледянаго вѣнца* // *Богатыри сторожевые*. В рецензии на Изд. 1827 Ф. В. Булгарин писал: «*Ледяной вѣнецъ земли*: это выраженіе пере-

носитъ мысль вашу къ полюсамъ и опрѣделяетъ однимъ почеркомъ физическую природу страны <Финляндии. — *И. П.*>» (Северная Пчела. 1827. 3 дек. № 145). Образа стражей (*богатыри сторожевые*) в ранней редакции стихотворения не было; он перенесен в элегию из поэмы «Эда» (в редакции 1824—1825 гг. — ст. 52—53): *Огромнымъ сторожемъ стоитъ* <...> *гранитъ пирамидальный* (см.в настоящем издании раздел «Поэмы»). Ср. у Батюшкова в «Отрывке из писем русского офицера о Финляндии»: «<...> высокие, пирамидальные утесы, по берегам стоящие, начертываются длинными полосами в зеркале вод» (Батюшков. Изд. 1977. С. 96; последняя параллель отмечена: Boele 1994. P. 38).

25.1, ст. 6. *Громады.* См. ниже комментарий к № 25.2, ст. 1.

25.1, ст. 12—14. *Тутъ съ каменной горы, къ нему дремучiй боръ // Сошелъ тяжелыми стопами, // Сошелъ — и смотрится въ зерцалѣ гладкихъ водъ!* О выражении *зерцало водъ* см. ниже, комментарий к № 25.2, ст. 14; ср.: ПФП. С. 46 примеч. 16. В «Финляндiи» употребление этой метафоры не нарушает единства смыслового ряда: лес (бор) *глядится* (№ 25.2, ст. 14) или *смотрится* (№ 25.2, ст. 14) в зеркало водной поверхности. Ср. у Г. Р. Державина в оде «Изображение Фелицы» (1789, ст. 129—134): *Изобрази* <...> *Как рощи, холмы, башни, кроны, // От горнего златясь огня, // Из мрака восстают, блистают // И смотрятся в зерцало вод* (Державин. Изд. 1933. С. 77). В поздней редакции «Финляндiи» просопопея усилена развернутой глагольной метафорой: бор «сошелъ тяжелыми стопами» к берегу залива (ср.: Хетсо 1973. С. 348).

25.1, ст. 15—19. *Ужъ поздно, день погасъ; но ясенъ неба сводъ, // На скалы Финскiя безъ мрака ночь нисходитъ // И только что себѣ въ уборъ // Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ // На небосклонъ она выводитъ!* Картина финской ночи значительно изменена по сравнению с первоначальной редакцией (ср. № 25.2, ст. 15—24). В рецензии Булгарина на Изд. 1827 пояснен смысл определения *ненужный* (*хоръ звѣздъ*): «Какъ хорошо изображена сѣверная ночь! Она нисходитъ безъ мрака; звѣзды не нужны, чтобъ освѣщать путь странника <...> эти звѣзды являются только для украшенiя, а не для пользы. Ненужный хоръ звѣздъ — выраженiе совершенно новое» (Северная Пчела. 1827. 6 дек. № 146). Рецензент, очевидно, говорил только о новизне эпитета, поскольку метафора *хор звезд* (лат. *chorus astrorum*) известна еще с античности — см., например, в «Ахиллеиде» Стация (кн. I, ст. 643—644).

25.1, ст. 20. *Отечество Одиновыхъ дѣтей* — Скандинавия (здесь — Финляндия). *О́дин* или *О́де́н* (др.-исл. *Oðinn*) — в скандинавской мифологии вождь богов, покровитель военных дружин, почитавшийся божеством сражений (см.: Рихтер 1819. С. 299—300). Ср. в первой редакции «Финляндiи»: *Сыны Оденовы, любимцы бранной славы* (№ 25.2, ст. 32) — и в послании Боратынского «Къ Кюхельбекеру»: <...> *съ пустынныхъ, Финскихъ горъ, // Въ отчизнѣ браннаго Одена* <...> (№ 17, ст. 13—14). У Батюшкова в элегии «На развалинах замка в

Швеции», в ст. 25 (о скандинавском воине): *Одена храбрый внук*; в ст. 31 (об Одене): *бог, властитель брани* (Батюшков. Изд. 1977. С. 203).

25.1, ст. 24—25. *Умолкъ призывный щитъ, не слышенъ Скальда гласъ, // Воспламененный дубъ угасъ. Скальдъ* — певец и поэт в древней Скандинавии; то же, что бард у кельтов (Рихтер 1819. С. 287, 289 примеч. **). *Не слышенъ Скальда гласъ* — ср. автоцитату из элегии Батюшкова «Мечта» в его «Отрывке из писем русского офицера о Финляндии»: «<...> может быть, на сей скале воздвигнут был храм Одена. Здесь поэт любит мечтать о временах протекших и погружаться мыслями в оные веки варварства, великодушия и славы <...> Здесь, погруженный в сладкую задумчивость —

В полночный час
Он слышит скальда глас <...>»

(Батюшков. Изд. 1977. С. 98)

Воспламененный дубъ — элемент «оссианического» пейзажа. Подобно многим своим современникам, Боратынский не проводил различий между финнами, скандинавами и кельтами (см.: Плетнев 1842. С. 147; Грот, Плетнев. Переписка. Т. I. С. 238—239; и др.). Ритуальное возжигание дубов у древних кельтов описано в «Поэмах Оссиана» («The Poems of Ossian», 1761—1773) Дж. Макферсона («Fingal», кн. VI; «Temora», кн. I—III; и др.); ср. в переводе Е. И. Кострова: «Ночь спустилась; сто возженныхъ дубовъ озаряютъ поле»; «<...> я воспламенилъ дубъ на высотѣ холма. Вѣтры *Моры* разстилаютъ пламень далече»; «Тако пѣли Барды на высотѣ *Моры*, въ часы молчаливой ночи. Пламень ста дубовъ разстилается и озаряетъ окрестность; пиршество уготовано» (Оссиан. Пер. Кострова. Ч. II. С. 74, 89, 113). Эта деталь нередко встречается в поэзии русского оссианизма (см.: Левин 1980. С. 37, 43 примеч. 10). Так у Г. Р. Державина в первой строфе оды «На победы над Французами в Италии...» (1799): *Пред ними* <Бардами. — *И. П.*> *сто дубов горят* (Державин. Изд. 1933. С. 242). Поэт поясняет: «У сѣверныхъ народовъ было обыкновеніе торжествовать ихъ побѣды <...> при зажженныхъ дубахъ» (Державин. Изд. 1864—1883. Т. III. С. 674). Ср. у Батюшкова в скандинавском контексте элегии «На развалинах замка в Швеции» (ст. 53—54): *Уж Скальды пиршество готовят на холмах, // Уж дубы в пламени* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 204). О Боратынском, Батюшкове и Оссиане см. также: Хетсо 1973. С. 340—346.

Призывный щитъ — еще одна подробность военного быта древних кельтов, поведанная Оссианом («Fingal», кн. I—II; и др.) и неоднократно повторенная его русскими подражателями (см.: Левин 1980. С. 37). Державин, поясняя начальные строки своей оды 1799 г. (*Ударь во сребреный, священный, // Далеко-звонкий, Валка! щит*), писал: «Древніе сѣверные народы <...> возвѣщали войну и сбирались на оную по ударенію въ щитъ» (Державин. Изд. 1864—1883. Т. III. С. 674). Ср. реплику «хора бардов» из трагедии В. А. Озерова «Фингал» (1805; действие I,

явление 1, ст. 41—42, 45): *Ударили въ мѣдяный щитъ, // Ко брани гласъ обыкновенный* <...> *Дубы столѣтни загорѣлись* (Озеров 1807. С. 3).

25.1, ст. 31. *О вы, носившіе отъ брега къ брегу бои* <...> (ср. 25.2, ст. 42: *Не слышенъ стукъ мечей; давно умолкли бои...*). *Бо́и* — обычное для XVIII и первой четверти XIX в. накорневое ударение (Булаховский 1954. С. 177). Ср. у Боратынского в послании «Б—му (при отъѣздѣ его въ армію)»: <...> *Поёт за чашей славу бо́ев* (№ 14.2, ст. 23). Флективное ударение в этом слове (*кулачные бои́*; рифма: *свои*) встречается у Боратынского в эпиграмме «Войной журнальною безчеститъ безъ причины...» (см. в настоящем издании № 102, ст. 4).

25.1, ст. 32. *Куда вы скрылися, полночные герои? Полночные* — 'северные' (САР. Ч. IV. Стб. 1436). Ср. у Батюшкова («На развалинах замка в Швеции», ст. 97 и далее): *Где ж вы, о сильные, вы, галлов бич и страх, // Земель полнощных исполины* <...>? (Батюшков. Изд. 1977. С. 205). Ранее у Жуковского в «Песни Барда над гробом Славян-победителей» (1806, ст. 34—36): *Как пали сильные? Как сильных гром утих? // Где вы, сыны побед? Где славных воев сила? // Ответствуй, мрачная бестрепетных могила!..* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 80). Ср. в первой редакции «Финляндіи»: <...> *отвѣтствуйте! вамъ слышенъ голосъ мой* <...> (№ 25.1, ст. 47); там же использован субстантив *сильные* (о нем см. комментарий к № 48, ст. 8.): <...> *Люблю воспоминать о сильныхъ прежнихъ дней* <...> (№ 25.1, ст. 26).

25.1, ст. 33. *Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной странѣ* (ср. № 25.2, ст. 33: *Слѣды минувшаго изчезли въ сихъ мѣстахъ*). Этот мотив заимствован из батюшковского «Отрывка из писем русского офицера о Финляндии»: «Какие народы населяли в древности землю сию? Где признаки их бытия? Где следы их? Время все изгладило» (Батюшков. Изд. 1977. С. 97; см. об этом: Хетсо 1973. С. 346).

25.1, ст. 34—37. *Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи, // Плывете въ облакахъ туманною толпой?* и т. д. См. ниже, комментарий к № 25.2, ст. 45—48.

25.1, ст. 44. <...> *что слава нашихъ дней* <...> Старшие поэты применяли это выражение к событиям эпохи наполеоновских войн. Жуковский употребил его в 1806 г. в «Песни Барда над гробом Славян-победителей»: *О незабвенные, о слава наших дней* <...> (ст. 234, о русской армии) — и в 1812 г. в «Певце во стане Русских воинов» (ст. 177): *Раевский, слава наших дней* <...> (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 85, 230); Батюшков — в 1813 г. в послании «К Д<ашкову>» (ст. 21—22, об изгнании французов из Москвы): <...> *Свидетели протекшей славы // И новой славы наших дней* (Батюшков. Изд. 1977. С. 237).

25.1, ст. 46—47. *О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ! // Для всѣхъ одинъ законъ, законъ уничтоженья* <...> (ср. № 25.2, ст. 29—30: *Ничто не прочно на земли! // Ложатся грады въ прахъ и рушатся державы!*). Тему неумолимого закона времени Боратынский разрабатывал в отрывках из поэмы

«Воспоминанія»: *Познайте тлѣнія незыблемый законъ!* <...> *«Все гибнетъ, все падетъ, — и грады, и державы»....* (ст. 131—133; этот фрагмент не находит соответствий в непосредственных источниках поэмы — «Les Souvenirs» Г. Легуве и «Les Jardins» Ж. Делиля).

25.1, ст. 56—57. *Мгновенье мнѣ принадлежитъ, // Какъ я принадлежу мгновенью!* О хиазмах (*Мгновенье | мнѣ принадлежитъ — я принадлежу | мгновенью*) и других видах инверсии в произведениях Боратынского см.: Сендерович 1989.

25.2, ст. 1. *Громады вѣчныхъ скалъ, гранитныя пустыни* <...> Ср. описание северной природы в батюшковском «Послании И. М. М<уравьеву>-А<постолу>» (1815, ст. 41—42): <...> *Ревущие со скал угрюмых водопады, // Пустыни снежные, льдов вечные громады* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 283). Эти строки отозвались и в «Эде»: *На горы каменныя тамъ // Поверглись каменныя горы; // Синѣя, всходятъ до небесъ // Ихъ своенравныя громады; // На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ; // Съ нихъ бурно льются водопады* (в редакции 1824—1825 гг. — ст. 43—48). О слове *громады* в контексте скандинавской топики см. также комментарии к № 35.1, ст. 21—24. Ранее к словесной теме каменных *громадъ* Боратынский обращался в «Воспоминаніяхъ» (см. комментарии к № 13, ст. 102—106 и 121—126).

25.2, ст. 2. *Вы дали страннику убѣжище и кровъ!* Ср. то же ключевое слово у Батюшкова в элегии «На развалинах замка в Швеции» (1814, ст. 106—107): *Но странник в сих местах // Не тщетно камни вопрошает* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 205) и у Боратынского в отрывках из поэмы «Воспоминанія» (см. комментарии к № 13, ст. 100—102).

25.2, ст. 3—4. <...> *обманчивыхъ даровъ // Слѣпой, взыскательной и вѣтреной богини!* Имеется в виду Фортуна (лат. *Fortuna*), богиня случая и удачи (римская мифология). Ср. у К. Н. Батюшкова в «Ответе Г<неди>чу» (1810): *Он отслужил слепой богине, // Бесплодных матери сует* (ст. 3—4); у него же в послании «Мои Пенаты» (1811—1812, ст. 135—136): <...> *Богинею слепою // Забыт я от пелен* (Батюшков. Изд. 1977. С. 274, 264); в ответном послании Жуковского «К Батюшкову» (1812, ст. 229—231): <...> *Хотя перед слепою // Богинею покою // Не тратит своего* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 192); у А. А. Дельвига в стихотворении «К Диону» (1814, ст. 22—24): *Пусть за слепою богиней Лициний гоняется вечно, // Пусть и обнимет ее. Фортуна косы всеразящей // Не отвратит от главы* (Дельвиг. Изд. 1986. С. 71).

25.2, ст. 10—13. *Пустынный неба сводъ, угрюмый видъ Природы, // О каменистый брегъ дробящіяся воды // И дремлющій надъ ними боръ! // Скалы далекія подернулись туманомъ* <...> Здесь ощущается влияние элегии П. А. Плетнева «Гробница Державина» (наблюдение Н. Н. Мазур): *Молчитъ угрюмый боръ,*

одѣтый ночи мглой, // И дремлетъ брегъ надъ Волховской пучиной; // Послѣдній отзывъ волнъ, уснувшихъ подъ скалой, // Умолкъ въ бѣгу за дальнею равниной; // Туманы разлились по злачнымъ берегамъ // И зыблются прозрачной пеленою <...> (Сын Отечества. 1819. Ч. 54. № XXV. С. 273). В поздней редакции «Финляндіи» ст. 10—13 полностью переработаны.

25.2, ст. 14. *Въ зерцалѣ зыбкихъ водъ* <...> Это выражение использовал Жуковский в балладе «Людмила» (1808, ст. 103): <...> *И зерцало зыбких вод* <...> (Жуковский. Изд. 1959—1960. Т. 2. С. 9). Ср. у него же в послании «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям» (опубликовано в 1815 г.; ст. 127): <...> *По зыбкому зерцалу вод!* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 362) — и у Боратынского в «Осени»: <...> *въ зерцалѣ зыбкомъ водъ* <...> (№ 213, ст. 3).

25.2, ст. 15. *Все тихо! все молчитъ!* Ср. у Жуковского в элегии «Вечер» (1806, ст. 25): *Все тихо: рощи спят; в окрестности покой* <...> (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 76); у Батюшкова в элегии «На развалинах замка в Швеции» (ст. 17): *Все тихо: мертвый сон в обители глухой* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 202; параллель отмечена: Хетсо 1973. С. 347); у А. С. Пушкина в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814, ст. 135—136): <...> *Не блещут уж в огнях брега и светлы рощи: // Всё мертво, всё молчит* (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 82).

25.2, ст. 23. *Люблю сидѣть одинъ надъ сумрачною бездной. Бездна* — в XVIII и первой трети XIX в. традиционный поэтический синоним моря, концентрирующий в себе содержание перифраз *бездна моря, бездна морская* и т. п. (см.: ПФП. С. 41—42, 63). О конструкции *над бездной* см.: Виноградов 1941. С. 149—150.

25.2, ст. 25—26. *Здѣсь въ думу важную невольно погруженной, // Люблю воспоминать о сильныхъ прежнихъ дней* <...> Ср. в «Воспоминаниях в Царском Селе» (ст. 33—34, 37—38): *Здесь каждый шаг в душе рождает // Воспоминанья прежних лет* <...> *И в думу углублен, над злачными брегами // Сидит* <Росс. — *И. П.*> *в безмолвии, склоняя ветрам слух* (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 79). См. также комментарий к № 25.1, ст. 32.

25.2, ст. 27. *О бурной жизни ихъ, средь копій, средь мечей* <...> Цитата из элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (ст. 101—104): *Где вы, отважные толпы богатырей, // Вы, дикие сыны и брани и свободы, // Возникшие в снегах, средь ужасов природы, // Средь копий, средь мечей?* (Батюшков. Изд. 1977. С. 205; отмечено: Хетсо 1973. С. 347). До Батюшкова сходное выражение употребил Д. В. Давыдов в послании «Бурцову» («В дымном поле, на биваке...», 1804, ст. 12): <...> *Среди копий и мечей* (Давыдов. Изд. 1984. С. 57).

25.2, ст. 32. *Сыны Оденовы.* См. выше, комментарий к № 25.1, ст. 20.

25.2, ст. 34. *Отзывы праздные не вторятъ пѣсни Скальда. Скальдъ* — см. выше, комментарий к № 25.1, ст. 24—25. *Отзывъ* — здесь 'отголосок, гул, эхо' [ср.: САР. Ч. IV. Стб. 542, 505 (s. v. *отзывъ, отголосокъ*)]. Это один из самых частотных акустических образов в «Поэмах Оссиана» (см. комментарий к № 44.1, ст. 4). Оссиановский ландшафт «отзывается» пению бардов: «Пѣснь, зовущая ко

брани <...> продолжается въ отзывахъ *Кромлы*»; «Воспойте похвалу дщери *Сарновой*; пусть отзывы холмовъ повторяютъ всечасно имя *Комалы*» «<...> звуки голосовъ нашихъ услышатся иногда въ пустыни, и камни повторятъ слабые отзывы пѣсней нашихъ»; и др. (Оссиан. Пер. Кострова. Ч. I. С. 82, 210, 225). «Словарь Академии Российской» допускает две акцентные формы комментируемого слова: *отзы́въ* и *о́тзывъ*. Они встречаются в рамках одного текста — как, например, у С. П. Шевырева в стихотворении «Я есмь», на которое Боратынский «указал» А. С. Пушкину в письме от января 1826 г. (Пушкин. Ак. Т. 13. С. 254), и даже в смежных строках — так у Боратынского в XIV строфе второй редакции стихотворения «Осень» (№ 213.1, ст. 138—139; см. об этом: Булаховский 1954. С. 144—145; Пильщиков 1999. С. 283).

25.2, ст. 35. *Молва умолкнула о спутникахъ Роальда.* Имя викинга заимствовано из элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (ст. 97—100): *Где ж вы, о сильные, вы, галлов бич и страх, // Земель полнощных исполины, // Роальда спутники, на бренных челноках // Протекши дальные пучины?* (Батюшков. Изд. 1977. С. 205; цитация отмечена: Хетсо 1973. С. 347). *Умолкнула* — см. комментарий к № 24, ст. 5—6.

25.2, ст. 45—48. *Не вы ли, блѣдные, вперивъ на звѣзды очи, // Плывете въ облакахъ туманною толпой? // Не вы-ль? отвѣтствуйте! вамъ слышенъ голосъ мой; // Одушевите сумракъ ночи* <...> Полет теней погибших воинов — распространенный оссианический мотив (см.: Левин 1980. С. 89—90). *Не вы ли <...> Плывете въ облакахъ туманною толпой?* — Такая же вопросительная апострофа у Жуковского в «Песни Барда над гробом Славян-победителей» (ст. 173—174): *Не вы ль, низверженных полунощные лики, // Не вы ли, призраки могущих, предо мной?* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 83—84). Ср. также: <...> *Лежатъ низверженные лики!* («Финляндия», № 25.2, ст. 40; № 25.1, ст. 29). Другой источник строк Боратынского — начало песни Скальда из стихотворения Батюшкова «Мечта», приведенной в «Отрывке из писем русского офицера о Финляндии»: *Чья тень, чья тень <...> Там с девами плывет в туманных облаках?* (Батюшков. Изд. 1977. С. 98). Сам Батюшков позаимствовал эти образы из адресованного ему послания Н. И. Гнедича: *Вдали тамъ легка тѣнь Мальвины, // Съ златою арфою въ рукахъ, // Обнявшись съ тѣнію Моины, // Плывутъ въ туманныхъ облакахъ* (Вестник Европы. 1810. Ч. XLIX. № 3. С. 185).

Очи : ночи. Ср. рифму *полуночи : очи* и глагол *вперить* в описании полета *воздушных полков* из «Певца во стане Русских воинов» Жуковского (1812, ст. 53—60): *Но кто сей рьяный великан, // Сей витязь полуночи? // Друзья, на спящий вражий стан // Вперил он страшны очи! // Его завидя в облаках <...> Взлетели тени с воем* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 226—227) — а также рифму *ночи : очи* и эпитет *бледный* в 72-й строфе его же баллады «Двенадцать спящих дев» («Громобой», 1810): *И видится бродяща тень // Тогда в пус-*

тыне ночи: // Как бледный на тумане день // Ее сияют очи (Жуковский. Изд. 1959—1960. Т. 2. С. 108).

25.2, ст. 61. *<...> Могу-ль себя томить неясною тоскою?* (вариант «Соревнователя Просвещения и Благотворения»); *<...> Могу ль себя томить гадательной тоскою?* (вариант «Сына Отечества»). По мнению Н. Н. Мазур, здесь Боратынский имеет в виду «то состояние неопределенности чувств» («cet état du vague des passions»), о котором говорит А.-Ф.-Р. Шатобриан в «Гении христианства» («Génie du christianisme, ou Beautés de la religion chrétienne», 1802; ч. II, кн. III, кн. IX). В конце 1810-х и в самом начале 1820-х годов Боратынский внимательно читал трактат Шатобриана и переводил из него отдельные главы (см.: Хетсо 1973. С. 270—274).

25.2, ст. 63. *Пусть все разрушится; пусть все умретъ со мною.* Формула *Умру <...> и всё со мной!* была найдена Батюшковым в стихотворении «Совет друзьям», опубликованом в 1806 г. (Батюшков. Изд. 1964. С. 76); окончательный вид она приобрела во второй, полностью переработанной редакции стихотворения («Веселый час», 1810; ст. 74): *Умру, и всё умрет со мной!..* (Батюшков. Изд. 1977. С. 229). Боратынский воспроизвел батюшковскую формулу в отрывках из поэмы «Воспоминанія»: *Для дружбы, для любви, для памяти умру; // И все умретъ со мной!* (№ 13, ст. 194—195). Чуть позже ею воспользовался Пушкин в стихотворении «Война» (1821, ст. 21). В дефинитивной редакции «Финляндіи» Баратынский отказался от ставшего клишированным хода.

И. А. Пильщиков

26

Финскимъ красавицамъ (Мадригалъ)

26, ст. 1—2. *Такъ — вашъ языкъ еще мнѣ новъ, // Но взоры милыхъ сердцу внятны.* Смысл противопоставления: ваш язык (речь идет о шведском языке, а не о финском) мне непонятен, но моему сердцу понятен язык ваших взоров. Возможно, это пародия ст. 39—40 из стихотворения Н. М. Карамзина «К верной» (1796): *Другим язык сей непонятен; // Но голос сердца сердцу внятен* (Карамзин. Изд. 1966. С. 209; подробнее см.: Pilshchikov 1996. P. 90—91 n. 18).

26, ст. 7—8. *И сынъ Фрегеи, можетъ быть, // Сильнѣе будетъ сына Лады!* Смысл противопоставления: русским красавицам не удалось возбудить во мне любовь; может быть, это удастся финским красавицам. *Фрегея*, Фрейя или Фрея (др.-исл. *Freyia* 'госпожа') — в скандинавской мифологии «богиня любви и первая по власти послѣ Царицы — богини *Фригги*»; «*Фрея*, подобно *Афродитѣ* Греков, явилась на свѣтъ изъ волнъ» (Рихтер 1820. С. 27). *Сынъ Фрегеи* — несуществующий скандинавский бог любви, созданный ad hoc по аналогии с Эротом-Купидоном, сыном Афродиты-Венеры (см. комментарий к № 10.1, ст. 5—6) и в параллель «сыну

Лады». *Сынъ Лады* — Лель, бог любви в составленном русскими мифологами XVIII в. «древнеславянском» пантеоне, в котором римскому Амуру соответствует Лель (Леля), а богине любви Венере — Лада (Ладо). Имя Лады впервые появляется в глоссах к старочешскому памятнику «Mater verborum» (Иванов, Топоров 1982. С. 454). О Леле см. также комментарий к № 63, ст. 5.

И. А. Пильщиков

27

27.1. «Живи смѣлѣй, товарищъ мой...»
27.2. К—ну («Живи смѣлѣй, товарищъ мой...»)

Заглавие в Изд. 1827: **«Добрый совѣтъ. Къ —ну»**.

Первое из трех посланий Боратынского к его другу и однополчанину Николаю Михайловичу Коншину (1793—1859).

Н. М. Коншин — поэт, вступивший на литературное поприще под непосредственным влиянием Боратынского; впоследствии автор мемуаров, озаглавленных «Воспоминания о Боратынском, или Четыре года моей финляндской службы с 1819 по 1823» (опубликованы в 1958 г.). С 1819 по 1823 г. (с февраля 1821 г. — в чине капитана) Коншин служил в Нейшлотском пехотном полку, куда в январе 1820 г. был переведен унтер-офицером Боратынский. Их познакомил командир полка Е. А. Лутковский. Позже Коншин так описал эту встречу: «<...> мы разговорились сначала про Петербург, про театр, про лицей и Пушкина, и наконец про литературу. Лицо Боратынского оживлялось поминутно, он обрадовался, что и здесь можно разделить себя, помечтать и поболтать. Через два часа, переговоря и то и другое, мы дружно обнялись <...> Скоро образовалась между нами литературная дружба <...> я выпросил его к себе в роту, мы поселились вместе» (Коншин. Изд. 1958. С. 390—391).

Стихотворная дружеская переписка Коншина и Боратынского приходится на февраль — август 1820 г. (см.: ИП. С. 355; Летопись. С. 95). По реконструкции В. Э. Вацуро (см.: Вацуро 1988. С. 158—159), последовательность сочинения посланий такова: *Боратынский*, «К—ну» («Живи смѣлѣй, товарищъ мой...») — см. в настоящем издании № 27.2; *Коншин*, «Боратынскому. Ответ» («Поэт, твой дружественный глас...») — Труды ВОЛРС. 1821. Ч. XII. Кн. XII. С. 324; Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 351; *Боратынский*, «Къ Коншину» («Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ...») — см. в настоящем издании № 28.2; *Коншин*, «Баратынскому (при выступлении из лагеря в деревню)» («Забудем, друг мой, шумный стан...») — Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 352; *Боратынский*, «<Элегія> (Н. М. К.)» («Пора покинуть, милый другъ...») — см. в настоящем издании № 30.2; *Коншин*, «Боратынскому» («Куда девался, мой Поэт?..») — Благонамеренный. 1820. Ч. XI. № XVII. С. 329; Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 350—351. Вполне вероятно, одна-

ко, что два последних стихотворения написаны независимо друг от друга (см. комментарии к № 30). В. Э. Вацуро предполагал, что ответом на последнее послание Коншина могло быть стихотворение Боратынского «Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...» (в настоящем издании см. № 31). Еще одно послание Коншина — «Боратынскому» («Напрасно я, друг милый мой...») — относится, вероятно, к 1823 г. (см.: Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 361—362, 743). См. также текстологические примечания к №№ 27.2, 28.2, 30.2, 31.2

Во второй половине лета или в начале осени 1820 г. Боратынский путешествовал вместе с Коншиным по Финляндии — к водопаду Иматра и в Роченсальм (см.: Летопись. С. 100). С мая 1821 г. до конца июля 1822 г. Нейшлотский полк находился на караулах в Петербурге, и Боратынский познакомил Коншина со своими петербургскими друзьями: тот бывал на субботах П. А. Плетнева (см. упоминание об этом в письме Коншина к Плетневу: Русская Старина. 1909. Т. 137. Кн. I. С. 177) и в собраниях Вольного общества любителей российской словесности, сотрудником которого стал в 1821 г. (см.: Журналы ВОЛРС. С. 415). В июле 1822 г. Коншин написал послание «К нашим», обращенное к Боратынскому, Дельвигу и их общим приятелям — гвардейским офицерам П. Н. Чернышеву и И. А. Болтину (см.: Поэты 1820—30. Т. 1. С. 352—355). Возможно, в июле 1822 г. Коншин участвовал в сочинении куплетов «Пѣвцы 15 класса» (см. в настоящем издании раздел «Коллективное»).

По возвращении в Финляндию, с февраля 1823 г., Боратынский квартировал вместе с Коншиным в Роченсальме, «в особом домике, упертом окнами в каменную гору» (Коншин. Изд. 1958. С. 398). Летом или осенью 1823 г. Боратынский и Коншин составили сатирические куплеты «с колкими прибавлениями» насчет роченсальмской публики — видимо, что-то в духе «Пѣвцовъ 15 класса» (текст не сохранился). В 10-х числах сентября 1823 г. в Роченсальм к Боратынскому приехал А. А. Дельвиг вместе с В. А. Эртелем и Н. И. Павлищевым; «несколько дней прожито было поэтически в кругу полкового общества» (Коншин. Изд. 1958. С. 400). Видимо, в это время была сочинена коллективная «Застольная пѣсня» («Ничто не безсмертно, не прочно...»), опубликованная в альманахе Коншина и Е. Ф. Розена «Царское Село» на 1830 год (С. 138) с подзаголовком «*Посвящена Баратынскому и Коншину*». 23 ноября 1823 г. Коншин вышел в отставку и в январе 1824 г. навсегда покинул Финляндию.

После возвращения из Финляндии Боратынский жил преимущественно в Москве; Коншин в 1824—1827 гг. служил в Костроме и Твери, а в 1829—1837 гг. — в Царском Селе. Встреч между ними не было, но они изредка переписывались (первым обычно писал Коншин, Боратынский отвечал дружески тепло). В октябре 1829 г. Боратынский предоставил Коншину несколько стихотворений для публикации в альманахе «Царское Село» (см. комментарии к №№ 91, 150, 151 и 152). Сведений о переписке Боратынского с Коншиным в 1830-х — начале 1840-х годов нет. В декабре 1839 г., когда Коншин приезжал на несколько дней в Москву, Боратынский и Коншин отобедали в Английском клубе и затем провели вечер у Боратынских (Коншин.

Изд. 1958. С. 404). О Н. М. Коншине и его отношениях с Боратынским см. также: Кирпичников 1897; Вацуро 1988; Вацуро 1994а; ИП. С. 159—166, 236—240.

О. В. Голубева

27.1, ст. 7. *Въ безднѣ лѣтъ.* Ср. это же сочетание в отрывках из поэмы «Воспоминанія» (№ 13, ст. 76); оно отсутствует в непосредственном источнике этого фрагмента поэмы — «Les Souvenirs» Г. Легуве (см. комментарий к № 13, ст. 75—80).

27.1, ст. 11. *Лета* (Λήθη) — по представлениям древних греков, одна из рек в Аиде (подземном царстве). См. также комментарии к № 37.1, ст. 7—8 и № 74.

27.1, ст. 13. *Корнетъ* — младший офицерский чин в кавалерии, соответствующий XIV классу по Табели о рангах (в гвардии — XII классу).

27.1, ст. 15. <...> *И въ рубищѣ Анахорета.* См. ниже, комментарий к № 27.2, ст. 18.

27.1, ст. 17. *Лови пролетное мгновенье!* Вариация на тему XI оды Горация из I книги (см. комментарий к № 19, ст. 17).

27, ст. 20. *Муза.* См. комментарий к № 10.1, ст. 3.

27.2, ст. 10. *Что жизнь? — медлительный недугъ.* О метафорах «недуга» и «врачевания» в лирике Боратынского см.: Коровин 1980. С. 63.

27.2, ст. 12. *Эребъ* (греч. ἔρεβος 'мрак') — одно из обозначений подземного мира (греческая мифология). См. также комментарий к № 73.1, ст. 16.

27.2, ст. 18. *Пу́стынь* — 'уединенное место, где поселяется отшельник; жилище отшельника, скит'. *Анахоретъ* (позднелат. *anachoreta* от греч. ἀναχωρητής) — 'отшельник'.

И. А. Пильщиков

28

28.1. «Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ...»
28.2. «Повѣрь, мой милой другъ, страданье нужно намъ...»
Ранняя редакция

Заглавие в «Сыне Отечества»: **«Къ Коншину»**. Заглавие в Изд. 1827: **«К—ну»**.

Стихотворение обращено к Николаю Михайловичу Коншину (см. о нем комментарии к № 27) и является ответом на его послание «Поэт, твой дружественный глас...», которое, в свою очередь, представляет собой ответ на первое послание Боратынского к Коншину — «Живи смѣлѣй, товарищъ мой...» (см. в настоящем издании № 27 и комментарии к нему). Стихотворение Коншина было впервые опубликовано с пропуском четырех строк и без подписи под заглавием «Боратынскому. Ответ» (см.: Труды ВОЛРС. 1821. Ч. XII. Кн. XII. С. 324). Приводим полный текст стихотворения по публикации В. Э. Вацуро:

Поэт, твой дружественный глас
Достиг до узничьей темницы —
И в сердце жизнь отозвалась
На звук знакомыя цевницы.

Давно уж, скуки снедь немой,
Оно без чувства хладно билось;
Но снова чувство оживилось
О счастьи тихою тоской!

Куда девались, друг-поэт,
Сии порывы к наслажденью,
Сей мир волшебный юных лет
И вера сердцем сновиденью!

В объятьях ветреных Лаис
Любить способность онемела;
Страсть к славе, к жизни охладела,
Желанья роем унеслись!

К нам путь завеяла метель
Свободе, резвому веселью,
И жизни жесткая кудель
Полубольной прядется Ленью.

Один лишь Силы звучный глас
Смущает мрачное безмолвье,
И краснощекое Здоровье
Вспорхнуло с Радостью от нас!

(Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 351)

Лингвостилистический анализ стихотворения Боратынского см.: Guski 1982. S. 213—224.

28.1, ст. 1—4. *Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ, // Не испытавъ его, не льзя понять и счастья: // Живой источникъ сладострастья // Дарованъ въ немъ его сынамъ.* Типичная для Боратынского удаленная постановка местоимения, которая иногда приводит к синтаксической неоднозначности (см. об этом: Винокур 1927. С. 78—79). О перифразах с опорным словом *сын(ы)* см.: ОНС. С. 23—34.

28.1, ст. 19. *Мучительный недугъ* (ср. ст. 27: *всѣ недуги*). См. комментарий к № 27.2, ст. 10.

28.1, ст. 25 и далее. *Какъ будетъ сладко, милый мой, // Повѣрить нѣжности чувствительной подруги, // Скажу-ль? всѣ раны, всѣ недуги* <...> По недоразумению эти стихи можно понять так: поэт «верит в нежность своей подруги» (ср. пунктуацию в Изд. 1982. С. 113; Изд. 2000. С. 140). Но на самом деле речь о другом: лирический субъект «поверяет» (то есть ‘доверительно сообщает’) нечто

«нежности своей подруги». Ср. в ранней редакции стихотворения: *Какъ будетъ сладко, милой мой, // Повѣрить нѣжности чувствительной подруги // Всѣ нужды, всю тоску, всѣ раны, всѣ недуги* <...> (№ 28.2, ст. 25 и далее); ср. также глагол несов. вида *повѣрять* в № 28.1 (и 28.2), ст. 16: <...> *какъ сладко повѣрять // Печаль души своей внимательному другу?* (см.: Пильщиков 2000. С. 381).

28.1, ст. 32. *Цѣлебный воздух жизни новой!* Сочетание «новая жизнь» в контексте темы любви и духовного возрождения отсылает, вероятно, к названию книги Данте Алигьери «Vita nuova» (наблюдение Н. Н. Мазур).

28.1, ст. 36. *Имъ дали чувственность, а чувство дали намъ.* Это каламбурное противопоставление так полюбилось Боратынскому, что он повторил его в предисловии к отдельному изданию поэмы «Наложница»: «<...> въ эротической поэзіи чувственность обыкновенно уравновѣшивается чувствомъ <...>» (*Баратынский Е.* Наложница. М., 1831. С. XIX).

И. А. Пильщиков

29

29.1. «Разсѣяваетъ грусть веселый шумъ пировъ...»
29.2. Уныніе («Разсѣеваетъ грусть веселый шумъ пировъ...»)
29.3. Лагерь («Разсѣеваетъ грусть пировъ веселый шумъ...»)

Последнее из трех стихотворений Боратынского, написанных «жильберовой строфой» с рифмовкой *aBaB* (см. комментарии к №№ 18 и 24; ср.: Томашевский 1958. С. 69; Шахвердов 1979. С. 323).

Текст, помещенный в настоящем издании под № 29.3 — это единственная из опубликованных в Изд. 1869 (и не публиковавшихся ранее) редакций стихотворений Боратынского, в которой правка проведена последовательно с первого до последнего стиха. «Пошаговый» характер исправлений не оставляет сомнений в позднейшем происхождении этой редакции. Ср.: *Въ семействѣ дружескомъ любезныхъ шалуновъ* (№ 29.2, ст. 3) → *Въ семействѣ дружескомъ соратныхъ шалуновъ* (№ 29.1, ст. 3) → *Средь братьевъ полковыхъ* <...> (№ 29.3, ст. 3); *Я уповалъ ожить душою* (№ 29.2, ст. 4) → *Мечталъ воскреснуть я душою* (№ 29.1, ст. 4) → *Хотѣлъ воскреснуть я душою* (№ 29.3, ст. 4); *дружескій фіалъ* (№ 29.2, ст. 7) → *пѣнистый фіалъ* (№ 29.1, ст. 7) → *пѣнистый бокалъ* (№ 29.3, ст. 7); и т. д. Источник, с которого Н. Л. Боратынская перенесла авторскую правку в свою копию, неизвестен (см. текстологические примечания). Вполне вероятно, что новое заглавие, как и во многих других случаях, дала стихотворению Н. Л. Боратынская.

29.1, ст. 2. *Круговая чаша* — конвенциональный элемент в описании дружеской пирушки. Ср. у Баратынского в поэме «Пиры» (редакция 1820 г., ст. 227): <...> *Шумѣть за чашей круговою* <...> (см. в настоящем издании раздел «Поэмы»).

Этот же образ встречается у раннего Пушкина («Пирующие студенты», 1814; «К Н. Г. Ломоносову», 1814; «Городок», 1815; «Мне вас не жаль, года весны моей...», 1820; «В. Ф. Раевскому», 1822), у А. А. Дельвига («Крылову», 1820—1821) и у других поэтов 1810-х — 1820-х годов.

29.1, ст. 5—6. *Туманъ полуночный на холмы возлегалъ, // Шатры надъ озеромъ дремали.* Ср. описание ночного стана на берегу реки Аль у К. Н. Батюшкова в «Воспоминаниях 1807 года» (1809, ст. 3—12; заглавие в «Опытах в Стихах и Прозе» — «Воспоминание»): *Как сладко я мечтал на Гейльсбергских полях, // Когда весь стан дремал в покое, // И ратник, опершись на копие стальное, // Смотрел в туманну даль! Луна на небесах // Во всем величии блистала, // И низкий мой шалаш сквозь ветьви освещала; //* ***Аль*** *светлый чуть струю ленивую катил, // И в зеркальных водах являл весь стан и рощи; // Едва дымился огнь в часы туманной нощи, // Близь кущи ратника, который сном почил* (Батюшков. Изд. 1977. С. 210—211).

Шатеръ — «наметъ надъ палаткою» (САР. Ч. VI. Стб. 1342); деталь армейского быта, опоэтизированная в военной лирике 1810-х годов. Ср.: <...> *Но в поле, под шатрами, // Друзей воспоминай* <...> (В. А. Жуковский, «К Б<лудов>у», 1810, ст. 6—7); *На поле бранном тишина, // Огни между шатрами* <...>; <...> *В шатрах, на поле чести* <...>; *О! будь же, други, святость уз // Закон наш под шатрами* [Он же, «Певец во стане Русских воинов», 1812, ст. 1—2, 126, 445—446 = 449—450 (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. 1. С. 149, 225, 229, 237—238)]; <...> *И в шуме грозных битв, под тению шатров* <...> [Батюшков, «Разлука» («Напрасно покидал страну моих отцов...»), опубликовано в 1817 г., ст. 3]; *Как сладко слышать у шатра // Вечерней пушки гул далекий* [Он же, «К Н<и-ките>», опубликовано в 1817 г.; ст. 13—14 (Батюшков. Изд. 1977. С. 231, 303)]; *Они <гусары. — И. П.> живут в своих шатрах* (А. С. Пушкин, «Послание В. Л. Пушкину», 1817, ст. 62). Позже у Пушкина («Кто из богов мне возвратил...», 1835; ст. 6—7): <...> *С кем я тревоги боевые // В шатре за чашей забывал* <...> (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 251; Т. 3, кн. 1. С. 389).

29.1, ст. 7. *Пѣнистый* (или *дружескiй*, № 29.2, ст. 7) *фiалъ* — то же, что *чаша круговая* (ст. 2). *Фiалъ* (греч. φιάλη) — 'чаша'.

29.1, ст. 9. *Но что-же? внѣ себя я тщетно жить хотѣлъ. Жить внѣ себя* — 'жить с другими, среди других'; ср. у Ж.-Ж. Руссо в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755): «<...> le savage vit en lui-même; l'homme sociable, toujours hors de lui, il ne sait vivre que dans l'opinion des autres» = «<...> дикарь живет в самом себе; общественный человек — всегда вне себя, он может жить только во мнении других» (*Rousseau J.-J.* Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes. Paris, 1983. P. 173; параллель отмечена: Пильщиков 1992б. С. 28 примеч. 24). О выражении *жить внѣ себя* см. также: Семенко 1970. С. 246.

29.1, ст. 10. *Вино и Вакха мы хвалили.* Сочетание *вино и Вакха* звучит плеонастически: *Вакхъ* — бог виноградарства и виноделия (см. комментарий к № 19, ст. 17).

29.1, ст. 15. *Одну печаль свою, унынiе одно* <...> Ср. финал пушкинского «Уныния» («Не спрашивай, зачем унылой думой...», 1817): *От юности, от нег и сладострастья // Останется уныние одно...* (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 42; см. комментарий к № 20.1, ст. 5—8).

И. А. Пильщиков

30

30.1. «Пора покинуть, милый другъ...»
30.2. <Элегiя> (Н. М. К.) («Пора покинуть, милый другъ...»)
30.3. «Не льзя ль найти любви надежной...»

Заглавие в Изд. 1827: **«Къ ...ну»**.

Последнее из трех посланий Боратынского к Николаю Михайловичу Коншину (см. о нем комментарии к № 27). Стихотворение носит ярко выраженный элегический характер — показательно, что оно было впервые опубликовано вместе со стихотворением «Прощай, отчизна непогоды...» под общим заглавием «Элегiи». Из всех трех стихотворений, обращенных к Коншину, только оно вошло в раздел элегий издания 1827 г. (кн. III). Второе послание Боратынского к Коншину («Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ...») попало в раздел «Посланiя», а самое раннее («Живи смѣлѣй, товарищъ мой...») — в «Смѣсь».

Стихотворение «Пора покинуть, милый другъ...» написано в ответ на послание Коншина «Баратынскому (при выступлении из лагеря в деревню)»:

Забудем, друг мой, шумный стан
И хлопотливые разводы,
Для нас блаженный отдых дан
На лоне матери-природы.
По свежей зелени полян
Пойдем учить любви прекрасных,
И скроемся от дней ненастных
Под мирной кровлей поселян.

Но что-то всё не веселит;
Ах, что-то всё не то, что было!
Уже восторг в груди молчит
И сердце ко всему остыло;
Как будто радость отнята,
Как будто нет уж наслажденья!

Исчезла жизнь воображенья,
Способность чувствовать не та!

Итак, уносит всё с собой
Пора прелестная мечтаний!
В восторге юности златой,
В толпе ребяческой желаний
Давно ль я весело скакал
Над жизни светлою струею
И с доверяющей душою
Младую радость обнимал!

(Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 352)

Судя по заглавию и начальной строке стихотворения Коншина, оно было написано после 1 июля 1820 г., когда Нейшлотский полк покинул летний лагерь войск Отдельного Финляндского корпуса близ Вильманстранда (см.: Летопись. С. 98). Поскольку под следующим посланием Коншина Боратынскому («Куда девался, мой Пѣэт?..») стоит дата *1 августа 1820* (см.: Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 351), то послание «Забудем, друг мой, шумный стан...» можно уверенно датировать июлем 1820 г. Ответное послание Боратынского «Пора покинуть, милый другъ...» могло быть написано как в июле, так и в августе (или даже позже) — по крайней мере, к 1 августа Коншин еще его не получил: *Куда дѣвался, мой Поэтъ? // Гдѣ ты́, любимецъ Грацій томной? // Умолкъ, умолкъ, и вѣсти нѣтъ!* (Благонамеренный. 1820. Ч. XI. № XVII. С. 329). Некоторые детали текста позволяют считать наиболее вероятным временем создания стихотворения «Пора покинуть, милый другъ...» вторую половину августа 1820 г. (см. ниже, комментарий к № 30.2, ст. 22—25).

30.1, ст. 2. *Знамена вѣтренной Киприды. Киприда* — эпиклес богини любви Афродиты (см. комментарий к № 22.2, ст. 7—8). *Вѣтренная Киприда* — ср. тот же эпитет, примененный к божеству любви, в стихотворении Боратынского «Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ...»): *вѣтренный Эротъ* [вероятный протоисточник — «Послание Г<рафу> В<елеурско>му» К. Н. Батюшкова (см. комментарий к № 22.1, ст. 10)]. Ср. позже у А. С. Пушкина («Евгений Онегин», 1, XXV, 12): <...> *Подобный ветреной Венере* (Пушкин. Ак. Т. 6. С. 15).

30.1, ст. 10—11. *Теперь ни въ чемъ, любезный мой, // Намъ изступленье не пристало!* Слово *изступленье* употреблено здесь в значении ‘крайняя степень какого-л. состояния’ (ср.: СлРЯ XVIII в. Вып. 9. С. 147).

30.1, ст. 18. <...> *Пресытясь ласками Цирцей* <...> Цирцея (франц. *Circé*, лат. *Circe*), или Кирка (греч. Κίρκη) — волшебница, влюбившаяся в Одиссея и удерживавшая его на острове Эя («Одиссея», песнь X). В поэтическом языке первой четверти XIX в. это имя нередко использовалось в значении нарицательного существительного. Ср. у Батюшкова («Ответ Г<неди>чу», 1810, ст. 5—6): *Увы,*

мой друг! я в дни младые // Цирцеям так же отслужил! (Батюшков. Изд. 1977. С. 274); у Пушкина («Евгений Онегин» 1, XXXIII, 10 вариант): <...> *Лобзать уста младых Цирцей* (Пушкин. Ак. Т. 6. С. 261); и др.

30.1, ст. 19—25. См. ниже, комментарии к № 30.2, ст. 19—22, ст. 22—25.

30.1, ст. 28—29. <...> *Случится-ль ведро иль ненастье // На перепутьѣ бытія?* Ср. аналогичную метафорику в послании А. А. Дельвига «Крылову» (1820—1821): <...> *Лишь иногда во дни ненастья // Люблю о вёдре вспоминать* <...> (Дельвиг. Изд. 1986. С. 154) — и ранее у Г. Р. Державина: *О ты, великомощно счастье! // Источник наших бед, утех, // Кому и в ведро и в ненастье // Мавр, Лопарь, пастыри, цари* <...> *В сердцах их зиждут олтари!* («На счастие», 1789; ст. 4—10); *Итак, доколь еще ненастье // Не помрачает красных дней!* <...> [«Приглашение к обеду», 1795; ст. 51—52 (Державин. Изд. 1933. С. 139, 203)].

30.1, ст. 30. *Гдѣ-жь обреченная судьбою? Обреченная* — здесь 'предназначенная'; ср.: «ОБРЕКА́ТЬ <...> предназначать, предопредѣлять кому что» (САР. Ч. IV. Стб. 110).

30.1, ст. 31—32. *На чьей груди я успокою // Свою усталую главу?* В ранней редакции: <...> *Мою усталую главу?* (№ 30.2, ст. 32). При подготовке Изд. 1827 Боратынский последовательно заменил возвратными формами притяжательные местоимения 1-го лица, указывающие на отношение к агенсу; исключения единичны, обратные случаи отсутствуют (отмечено: Пильщиков 2000. С. 379).

30.2, ст. 19—22. *Шепчу я часто съ умиленьемъ, // Въ тоскѣ задумчивой моей: // Нельзя-ль найти любви надежной? // Нельзя-ль найти подруги нѣжной* <...> Эти строки процитировал Пушкин в послании «Алексееву» (1821, ст. 17—22):

Прошел веселый жизни праздник.
Как мой задумчивый проказник,
Как Баратынский, я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нежной?
Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.

(Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 228)

30.2, ст. 22—25. *Нельзя-ль найти подруги нѣжной, // Съ кѣмъ могъ-бы, въ счастливой глуши, // Предаться нѣгѣ безмятежной // И чистымъ радостямъ души.* Возможно, Баратынский перефразирует здесь эпизод встречи Руслана с ханом Ратмиром из V песни «Руслана и Людмилы» Пушкина (ст. 349—352, 394—396): *Ратмир в пустыне безмятежной // Людмилу, славу позабыл // И им навеки изменил // В объятиях подруги нежной; Отшельник мирный и безвестный, // Остался в счастливой глуши // С тобой, друг милый, друг прелест-*

ный, // С тобою, свет моей души (Пушкин. Ак. Т. 4. С. 69—70). Если это так, то послание Коншину написано не ранее середины — конца августа 1820 г.: отдельное издание «Руслана и Людмилы» было выпущено из типографии Н. И. Греча 10 августа (Могилянский 1956. С. 390). Вольное или невольное заимствование Боратынского могло бы объяснить интерес Пушкина к этому фрагменту послания «Пора покинуть, милый другъ...»

И. А. Пильщиков

31

31.1. «Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...»
31.2. Эпилогъ («Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...»)

Заглавие в «Новостях Литературы»: **«Къ ***»**.

Установить точное время создания первой редакции стихотворения невозможно. Е. Н. Купреянова и И. Н. Медведева предлагали датировать ее 1822 годом, «наиболее бесплодным для поэта. За этот год Баратынский напечатал только четыре стихотворения» (Изд. 1936. Т. II. С. 234—235). В. Э. Вацуро (см.: Вацуро 1988. С. 159), предположил, что стихотворение «Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...» было написано еще в 1820 г. в ответ на послание Николая Михайловича Коншина «Боратынскому»:

Куда девался мой поэт?
Где ты, любимец граций томный?
Умолк, умолк, и вести нет!
А я букет цветочков скромный
Наместо лавровых венков
Творцу элегий посвящаю
И вместе с ними приплетаю
Своих десятка два стихов.

Мой друг, благодари богов
За дар поэзии прекрасный;
Но дар сей будет — дар напрасный
В шуму невежд и болтунов.
Уже тобой забыта лира;
Паук заткал ее струны;
Цевница и свисток сатира
Лежат в пыли, погребены
У ног бездушного кумира;
Забыты боги и Темира
И сладкие о счастье сны!

А я, в глуши уединенья,
Дыша свободою моей,

Младой красавице полей
Даю уроки наслажденья.
Пою и Вакха, и вино;
Пишу стихи, читаю, плачу.
Поэт! на время всё дано —
Так время ль тратить наудачу?

(Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 350—351)

Десятка два стихов — очевидно, не автобиографическая деталь, а литературная условность; ср. в послании В. А. Жуковского «К Батюшкову» (1812, ст. 5—7): *Отдам поклон Пенату, // И милому собрату // В подарок пук стихов* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 186). О Н. М. Коншине см. комментарии к № 27. О поэтической переписке Коншина с Боратынским см. комментарии к №№ 27, 28 и 30.

Стихотворением «Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...» в Изд. 1827 заканчивается третья (и последняя) книга элегий — отсюда заглавие «Эпилогъ». Индивидуальной чертой Изд. 1827, выделяющей его на фоне других русских стихотворных сборников первой трети XIX столетия, было разделение «Элегій» на три «книги». Боратынский ориентировался на издания ведущих французских лириков второй половины XVIII и начала XIX в. — «Poésies érotiques» Э. Парни (1777—1781, в 4 кн.), «Les Amours» А. Бертена (1780—1785, в 3 кн.) и «Élégies» Ш.-Ю. Мильвуа (1812—1815, в 3 кн.). Одним из образцов для «Эпилога» послужила элегия Парни «Les Adieux» («Прощание»), завершающая III книгу «Poésies érotiques». Характерный мотив, сближающий стихотворения Боратынского и Парни — одновременный отказ от поэзии и от любви:

Ah! Plus de chansons, plus d'amours.
Éléonore!... Oui, pour toujours
Près de toi je suspends ma lyre.

(Ст. 6—8; Parny. Éd. 1862. P. 93)

(Перевод: *Ах! довольно песен, довольно любви. // Элеонора!.. Да, навсегда // Возле тебя я оставляю свою лиру.*)

Первоначальная редакция комментируемого стихотворения была опубликована в мае 1823 г. под заглавием «Къ ***» («Къ <Коншину ?>»). Однако в автографе текст той же самой редакции имеет заглавие «Эпилогъ», затем использованное в Изд. 1827. Значит, уже на достаточно раннем этапе подготовки своего поэтического сборника Боратынский решил сделать «Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...» завершающим стихотворением всей книги или какого-то отдела.

Предложение об издании сборника поэт получил осенью 1823 г. от А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева. 5 сентября 1823 г. Бестужев писал из Петербурга П. А. Вя-

земскому: «Здесь был Баратынский, у которого мы купили его сочинения за 1000 рублей» (ЛН. М., 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 207). Состав и композиция рукописного сборника нам не известны, но из письма Боратынского к Бестужеву и Рылееву, написанного в конце 1823 или в начале 1824 г. (см.: Летопись. С. 127) ясно, что уже в этом сборнике элегии были разделены на несколько книг: «Милые собратья Бестужев и Рылеев! Извините, что не писал к вам вместе с присылкою остальной моей дряни, как бы следовало честному человеку <...> Позвольте приступить к делу. Возьмите на себя, любезные братья, классифицировать мои пьесы. В первой тетради они у меня переписаны без всякого порядка, особенно вторая книга элегий имеет нужду в пересмотре; я желал бы, чтобы мои пьесы по своему расположению представляли некоторую связь между собою, к чему они до известной степени способны <...> о други и братья! постарайтесь в чистеньком наряде представить деток моих свету, — книги, как и людей, часто принимают по платью» (Изд. 1951. С. 469—470). Вполне вероятно, что «Эпилогъ» занимал в невышедшей книге то же место, которое он позже занял в Изд. 1827.

В конце марта 1824 г. Ф. В. Булгарин поместил объявление о готовящемся издании (см.: Литературные Листки. 1824. Ч. I. № 5. С. 194—195), однако в связи с хлопотами о производстве Боратынского в офицеры подготовка сборника затянулась, а после пребывания поэта в Петербурге (с 10 июня по 5 или 6 августа 1824 г.) прервалась. Вероятно, свою роль сыграла конкуренция между двумя литературными группировками — издателями альманаха «Полярная Звезда» (1823—1825) Бестужевым и Рылеевым, с одной стороны, и основателями альманаха «Северные Цветы» (1825—1832) А. Ф. Воейковым и А. А. Дельвигом, с другой. Боратынский был активным участником обоих изданий, но к лету 1824 г. его личные отношения с Рылеевым и Бестужевым явно расстроились. 20 сентября 1824 г. Рылеев жаловался Вяземскому, что Воейков с Дельвигом «научили Баратынского увезти тетрадь, проданную давно нам, будто нечаянно» (ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 223; ср.: ЛН. М., 1954. Т. 59. С. 148). Можно думать, что запись стихотворения «Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...» в ранней редакции под заглавием «Эпилогъ» была сделана во время подготовки первого, невышедшего сборника (то есть в 1823 или 1824 г.), а переработка «Эпилога» относится к более позднему времени (конец 1824 — конец 1826 г.).

Стихотворение «Чувствительны мнѣ дружескія пѣни...» было переведено Боратынским на французский язык («Merci, amis, pour votre indignation flatteuse...»). Это самое раннее из стихотворений Боратынского, вошедших в корпус автопереводов 1840-х годов (см. комментарии к разделу «Прозаические автопереводы стихотворений на французский язык»).

31.1, ст. 1—4. *Чувствительны мнѣ дружескія пѣни, // Но искренно забылъ я Геликонъ // И признаюсь: не прихотливой лѣни // Мнѣ нравится приманчи-*

вый законъ. Рифма *(дружескія) пѣни* : *лѣни* присутствует уже в первой редакции «Эпилога», где ст. 3—4 читаются несколько иначе: <...> *И, признаюсь, закоренѣлый въ лѣни, // Не каюся, люблю мой праздный сонъ*. Ср. у В. В. Капниста в послании «Батюшкову» (1817, ст. 5—8): *Почто ж замолк ты? Дружбы пени // Прими без ропота, мой друг! // Почто, предавшись томной лени, // Паривший усыпил ты дух?* (Капнист. Изд. 1973. С. 259). Подробнее о связи стихотворения Боратынского с посланием Капниста см.: Pilshchikov 1996. P. 94—95.

31.1, ст. 2. *Но искренно забылъ я Геликонъ*. Ср. этот же оборот в «Послании к Н. И. Гнедичу» К. Н. Батюшкова (опубликовано в 1809 г.; ст. 12—14): <...> *твой на Севере приятель, // Веселий и любви своей летописатель, // Беспечность полюбя, забыл и Геликон* (Батюшков. Изд. 1964. С. 70). Геликон (Ἑλικών) — гора в Беотии, место обитания Муз (греческая мифология). Во французском автопереводе Боратынского это место звучит так: «<...> mais franchement je renonce à la lyre» = «но я искренне отрекаюсь от лиры» (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 191).

31.1, ст. 5—6. *Охота пѣть ужь не владѣетъ мною: // Она прошла, погасла, какъ любовь*. Ср. «Les Adieux» Парни, ст. 6 (*Ah, plus de chansons, plus d'amour!*).

31.1, ст. 7. *Опять любить, играть струнами вновь* <...> В поздней редакции этого стиха проведена та же параллель «поэзия — любовь». Ср. в автопереводе: «Chanter encore, aimer encore...» = «Еще петь, еще любить...» (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 191)

31.1, ст. 12—13. *Я не хочу притворнымъ изступленьемъ // Обманывать ни юныхъ дѣвъ, ни Музъ*. *Дѣвы* метонимически представляют любовь, *Музы* (см. комментарий к № 10.1, ст. 3) служат символом поэзии. Прозаический автоперевод проясняет основание сравнения: «<...> je ne veux pas tromper par des transports empruntés ni les douces filles de la terre, ni les austères vierges de l'Hélicon» = «<...> я не хочу обманывать поддельным исступлением ни нежных дочерей земли, ни строгих дев Геликона» (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 191).

И. А. Пильщиков

32

«Младыя Граціи сплели тебѣ вѣнокъ...»

Альбомное стихотворение, очевидно, не предназначавшееся для публикации. Обращено к Анне Васильевне Лутковской (ок. 1804 — 1879), знакомой и дальней родственнице поэта.

А. В. Лутковская (в замужестве Морозова) — дочь Василия Алексеевича Лутковского и Елизаветы Николаевны Боратынской (о ней см.: Летопись. С. 418), племянница Егора (Георгия) Алексеевича Лутковского — командира Нейшлотского полка, в котором служил Боратынский (см. о нем комментарии к № 78). В первой половине 1820-х годов А. В. Лутковская жила в Финляндии; Боратынский познакомился с ней в доме ее отца или дядюшки. Особенно часто Боратынский виделся с Лутковской в 1823—1824 гг. В конце сентября или в начале октября 1824 г. он пишет Н. М. Коншину: «Волочусь от безделья за Анетой, обыкновенно по воскресеньям у Лутковского» (Летопись. С. 143).

За время знакомства Боратынский вписал в альбом Лутковской несколько стихотворений (см. в настоящем издании №№ 3.1, 82; ср. также №№ 33, 42.3). Два из них — «Тебяль изобразить и ты-ль изобразима?..» (№ 3.1) и «Вы слишкомъ многими любимы...» (№ 42.3) — были ранее обращены к другим особам (В. Н. Кучиной и С. Д. Пономаревой) и затем переадресованы Лутковской. Ей же было переадресовано еще одно стихотворение, посвященное Пономаревой — «Слѣпой поклонникъ красоты...» (№ 57.2). Кроме того, высказывалось предположение (см.: Летопись. С. 124), что Лутковской посвящено стихотворение «Къ Аннетѣ» (№ 108).

32, ст. 1. *Граціи* — богини красоты в римской мифологии (см. комментарий к № 10.1, ст. 3).

32, ст. 4. *Миртовой листокъ*. Римляне считали мирт деревом Венеры — богини любви (Seyffert 1957. P. 681).

32, ст. 6. *Онъ лучшихъ чувствъ моихъ залогомъ будетъ ей <дружбѣ>*. Слово *залогъ* использовано здесь в значении 'свидетельство, доказательство чего-л.' (ср.: СлРЯ XVIII в. Вып. 8. С. 8).

32, ст. 7—8. *<...> были прежнихъ дней // Да поздно милая вспомянетъ*. Ср. у Боратынского в отрывках из поэмы «Воспоминанія»: <...> *Но любитъ вспоминать онъ были прежнихъ лѣтъ* <...> (№ 13, ст. 39) — и позже в стихотворении «Тебѣ на память, въ книгѣ сей...» (редакция Изд. 1827): <...> *И прошлыхъ счастливыхъ годовъ // Вспомянешь были золотыя* (№ 12.1, ст. 20—21).

32, ст. 9. *<...> Да поздно юныхъ сновъ утратитъ легкой рой* <...> Ср. у Боратынского в переводе из Лафара: *Живыхъ восторговъ легкой рой* (№ 23.2, ст. 15; № 23.3, ст. 15; ср. № 23.1, ст. 11) — и позже в стихотворении «Доридѣ»: <...> *Исчезнетъ легкій рой веселій и забавъ* <...> (№ 65.2, ст. 31). Такое употребление слова *рой* развилось в русском языке начала XIX в. под влиянием фразеологии французского *essaim* 'рой' (примеры из стихотворений Пушкина и Боратынского см.: Виноградов 1935. С. 311—312; французские примеры см.: Nabokov 1964. Vol. 2. P. 118—119).

И. А. Пильщиков

33

«Мила какъ Грацiя, скромна...»

Адресат стихотворения, вероятно, скрывается за инициалами *Н. С.* (так подписана копия в альбоме А. В. Лутковской) и *С. Н. Н.* (так стихотворение озаглавлено в копии Н. Л. Боратынской). Предположение о том, что стихотворение обращено к С. Д. Пономаревой (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 250; Изд. 1982. С. 587; Изд. 1989. С. 405), не выдерживает критики (см.: Летопись. С. 124). Заглавие «Въ Альбомъ Софiи», под которым стихотворение было напечатано в «Славянине», скорее всего, носит мистифицирующий характер, но может и указывать на реального адресата (тогда С. в ее инициалах — это имя, а не фамилия). Предположение о том, что стихотворение адресовано А. В. Лутковской (Летопись. С. 188) также не находит документальных подтверждений (как выяснилось, текст не был вписан в альбом самим поэтом).

Возможно, стихотворение «Мила какъ Грацiя...» было отдано А. Ф. Воейкову еще в 1822—1823 гг. для публикации в «Новостях Литературы», но своевременно в печати не появилось, а затем, когда «Новости Литературы» перестали выходить, Воейков опубликовал его в своем новом журнале «Славянин». Там же были впервые напечатаны и некоторые другие произведения Боратынского, относящиеся к первой половине 1820-х годов, — это стихотворение «Она» (см. текстологические примечания к № 85) и перевод из «Гения христианства» А.-Ф.-Р. Шатобриана: Логография и происшествия Исторические, доказывающие истину Библейской Хронологии. (Изъ Шатобриана) / Пер. Б—iй // Славянин. 1830. Ч. XIII. № III. С. 222—234.

Стихотворение написано редким размером — разностопным ямбом с формулой 4—2—4—2 и римовкой *aBaB*.

33, ст. 1. *Грацiя* — см. комментарии к № 10.1, ст. 3; № 32, ст. 1.

33, ст. 2. *Сандрильона* (франц. *Cendrillon* от *cendre* 'зола') — Золушка, героиня сказки Шарля Перро (Charles Perrault) «Сандрильона, или Туфелька, отороченная мехом» («Cendrillon, ou La petite pantoufle de vair») из сборника «Сказки матушки-гусыни» («Contes de la mère l'Oie», 1697). В примечании к первопечатному тексту стихотворения сказано: «Въ оперѣ *Сандрилiона*, Король влюбляется и женится на Сандрилiонѣ». По мотивам сказки Перро было написано несколько опер. Помимо забытой к началу XIX в. оперы «Cendrillon» (1759) Жана-Луи Ларюэта (Jean-Louis La Ruette) по либретто Ансома (Anseaume), это, во-первых, «Cendrillon» (1810) Никола Изуара (Nicolas Isouard) по либретто Шарля-Гийома Этьена (Charles-Guillaume Etienne), во-вторых, «Cendrillon» (1810) Даниэля Штейбельта (Daniel Steibelt) по тому же либретто (русский перевод А. В. Лукницкого, 1814) и, нако-

нец, «La Cenerentola» (1817) Джоаккино Россини (Gioacchino Rossini) по либретто Джакопо Ферретти (Jacopo Ferretti), основанном на либретто Этьена. Комментаторы Боратынского упоминают оперы Штейбельта (Изд. 1936. Т. II. С. 258; Изд. 1951. С. 559; Изд. 1982. С. 587; Изд. 1989. С. 405) и Россини (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 250; Изд. 1951. С. 559).

33, ст. 7—8. *Быть Королемъ желалъ-бы я, // А не Поэтомъ.* У Перро на главной героине женится королевский сын, а в либретто Этьена и в обеих его переделках (русской и итальянской) — салернский принц Рамиро, так что не вполне понятно, почему в стихотворении Боратынского речь заходит о «Короле».

И. А. Пильщиков

34

«Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ...»

Заглавие в «Сыне Отечества»: **«Сельская Элегія»**. Заглавие в Изд. 1827: **«Родина»**.

По свидетельству М. Л. Гофмана, Настасья Львовна Боратынская в биографической записке о своем муже, хранившейся в Казанском архиве, утверждала, что в этой элегии поэт обращается к сельцу Подвойскому — имению Богдана Андреевича Боратынского в Смоленской губернии (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 223). М. Л. Гофман считал более вероятным предположение, что Боратынский имеет в виду не Подвойское, а свою родину — усадьбу Мара Кирсановского уезда Тамбовской губернии (Там же; ср.: Изд. 1951. С. 551; Изд. 1982. С. 578; и др.). Современная швейцарская исследовательница относит элегию «Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ...» к жанру «усадебной поэзии» (см.: Rakuša 1973. S. 143). Если б это было так, то «Сельская Элегія» обнаруживала бы сходство с такими стихотворениями, как «Есть милая страна, есть уголъ на землѣ...» и «Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь...» (№№ 119 и 180), в которых описывается реальный пейзаж. Впрочем, еще М. Л. Гофман заметил: «<...> вѣрнѣе же всего, стихотвореніе это навѣяно не столько личными переживаниями, сколько литературными образцами» (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 223).

Такими образцами послужили для Боратынского стихотворения римского поэта Альбия Тибулла (см.: Пильщиков 1994а). У истоков русской тибуллианы стоит «Подражание Первой Тибулловой элегии» («Пускай кто многими землями обладает...») И. И. Дмитриева (1795), сделанное с латинского текста Tibull. I, 1 в редакции Иосифа Скалигера (1577) с учетом французского перевода этой же элегии (1773), выполненного Ж.-Ф. Лагарпом (см.: Пильщиков 1995б). Опыт Дмитриева учитывал К. Н. Батюшков, который перевел, в том числе, десятую (по нумерации Скалиге-

ра — одиннадцатую) элегию первой книги Тибулла (1810). Ориентацией Боратынского на Tibull. I, 1, Tibull. I, 10 и их русские версии объясняется не только тематическое, но и композиционное своеобразие комментируемой элегии, которая существенно отличается от схем, реализованных в других элегиях первой книги Изд. 1827 (Гаспаров 1989. С. 47). Помимо стихотворений Тибулла в круг ассоциаций вовлекаются тематически и стилистически связанные с ними тексты: это произведения Горация, элегии «французского Тибулла» — Парни, переводные и оригинальные стихотворения «российского Парни» и «маленького Тибулла» — Батюшкова и т. д. С другой стороны, упоминание *домашних икон* (ст. 3) и евангельская аллюзия в ст. 8 (см. комментарии) открывает возможность прочтения элегии Боратынского через призму библейской символики (см.: Пильщиков 1994а. С. 31—32, 37—38).

34, ст. 1. *Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ* <...> Ср. в послании А. И. Шляхтинскому: <...> *Я кончу вѣкъ въ странѣ чужой // И не увижу кровъ родимый, // А ты къ отеческимъ полямъ // Съ полей побѣды возвращенный* <...> (№ 12.2, ст. 19—22). Это же место в поздней редакции: <...> *И, какъ узнать? въ странѣ чужой // Окончу я мой вѣкъ унылый; // А ты прибудешь въ домъ отцовъ, // А ты узришь поля родныя* <...> (№ 12.1, ст. 16—19). В отрывках из поэмы «Воспоминанія»: *О суждено ли мнѣ увидѣть край родной* <...>*?* (№ 12.1, ст. 178). Этот мотив восходит к VI сатире Горация из II книги (ст. 60: *O rus, quando ego te adspiciam? = О деревня, когда я тебя увижу?*); в тибуллианский контекст он был введен Батюшковым («Тибуллова Элегия XI из I книги», 1810, ст. 63—64): *О боги! если б я // Узрел еще мои родительски поля!* (Батюшков. Изд. 1977. С. 226; подробнее см.: Пильщиков 1994а. С. 34—35). *Поля моихъ отцовъ* — генитивный атрибут, образованный по французской модели (*les champs de ses pères*).

Отсылки к Тибуллу и Горацию были неотъемлемым элементом рустической элегии и послания о преимуществах сельской жизни. Ср. в стихотворении Н. Д. Иванчина-Писарева «Возвращение в деревню»: *«О родственныхъ полей прелестныя картины! // Когда увижу васъ?» Горацій говорилъ* <...> *«Кто въ городѣ живетъ, тотъ сердца не имѣетъ;» // Чувствительный Тибуллъ правдиво намъ сказалъ* <...> *Подобно имъ и я, и я всегда желалъ // Въ обитель сельскую отъ вихря удалиться* <...> *Мѣста, свидѣтели моихъ забавъ игривыхъ! // Я возвратился къ вамъ, васъ, милыя, пою!* <...> *Дубравы родины! раскиньте сѣнь свою!* (Вестник Европы. 1813. Ч. LXXI. № 19. С. 175).

34, ст. 3. *Я возвращуся къ вамъ, домашнія иконы!* Ср. в элегии П. А. Плетнева «К моей родине» (1819, ст. 92—94): *Съ какимъ бы восхищеньемъ, // Заботы бросивъ всѣ на берегахъ Невы, // Домашнимъ образамъ я поклонился* [Сын Отечества. 1820. Ч. 59. № 3 (номер датирован 17 января). С. 132]. Плетнев также ориентируется на латинский образец: он подражает стихам Катулла к Сирмионской

вилле (Catull. XXXI, ст. 7—10), в которых речь идет о возвращении к *своему Лару* (<...> *venimus Larem ad nostrem* <...> — эти строки вынесены в эпиграф к плетневской элегии). О параллельной теме *от(е)ческих Лар* (*patrii Lares*) в элегиях Тибулла и в русской тибуллиане см.: Пильщиков 1994а. С. 36—37. Внимание Боратынского к элегии Плетнева могла привлечь высокая оценка, которую дал ей В. К. Кюхельбекер (см.: *Кюхельбекер В.* Взгляд на текущую Словесность // Невский Зритель. 1820. Ч. I. Февраль. С. 113—116). Другие параллели между стихотворениями Боратынского и Плетнева отмечены в комментариях к № 34, ст. 16—18 и ст. 42—44.

34, ст. 4—6. *Пускай другіе чтутъ приличія законы; // Пускай другіе чтутъ ревнивый судъ невѣждъ; // Свободный наконецъ отъ суетныхъ надеждъ* <...> Противопоставление «alius (другой) vs ego (я)» — общее место у римских поэтов эпохи Августа и, в частности, у Горация и Тибулла (см.: *Bréguet E.* Le thème «alius... ego» chez les poètes latins // Revue des études latines. 1962. T. 40. P. 128—136). В Tibull. I, 1, ст. 1—4 эта оппозиция вводится с помощью местоимения *alius* 'другой' и глаголов в сослагательном наклонении. Во французских переводах этого фрагмента используется конструкция *qu'un autre...* (*пусть другой...*), в русских переводах — оптативная конструкция с частицей *пускай* (у Дмитриева и Батюшкова) или *пусть* (у В. Г. Анастасевича, 1806). См. также комментарий к № 34, ст. 25—29.

Свободный etc. Ср. II эпод Горация (ст. 1—4) и вариации. Так, у Э. Парни в элегии «Ma Retraite» («Мое уединение»; «Poésies érotiques», 1777—1781; кн. III, элегия 4): *Je suis libre; j'échappe à ces soins fatiguants, // À ces devoirs jaloux qui surchargent la vie. // Aux tyranniques lois d'un monde que j'oublie // Je ne soumettrai plus mes goûts indépendants = Я свободен; я ускользнул от этих утомительных забот, // От этих ревнивых обязанностей, которые обременяют жизнь. // Тираническим законам забытого мною мира // Я больше не подчиню своих независимых вкусов* [ст. 5—8 (нумерация стихов по «Œuvres» 1808 г.); Parny. Éd. 1862. P. 72]. У А. С. Пушкина в стихотворении «Деревня» («Уединение», 1819, ст. 21—24): *Я здесь, от суетных оков освобожденный, // Учуся в Истинне блаженство находить, // Свободною душой Закон боготворить, // Роптанью не внимать толпы непросвещенной* <...> (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 89—90).

34, ст. 6—7. *Свободный наконецъ отъ суетныхъ надеждъ, // Отъ безпокойныхъ сновъ, отъ вѣтреныхъ желаній.* В ранней редакции иное распределение эпитетов: <...> *отъ вѣтреныхъ надеждъ* <...> *отъ суетныхъ желаній. Вѣтреный* — «непостоянный, неосновательный» (САР. Ч. I. Стб. 1054). *Суетный* — «тщетный, пустый, напрасный, бесполезный»; языковой пример: «*Суетная надежда*» (САР. Ч. VI. Стб. 593). Ср. у Н. М. Карамзина в «Послании к А. А. Плещееву» (опубликовано в 1796 г.; ст. 142—143): <...> *Как можно лучше, тише жить, // Без всяких суетных желаний* <...> (Карамзин. Изд. 1966. С. 144).

34, ст. 8. *Испивъ безвременно всю чашу испытаній* <...> Евангельская реминисценция: «мо́жета ли пі́ти ча́шꙋ, ю҆́же а҆́зъ и҆́мамъ пі́ти»; «ча́шꙋ ѹ҆́бѡ мою̀ и҆спїе́та» (Мф 20, 22—23; Мк 10, 38—39; ср. Мф 26, 39; 26, 42; Мк 14, 16; Лк 22, 42; Ин 18, 11).

34, ст. 9. *Призракъ счастія*. Выражение Вольтера [«Précis de l'Ecclésiaste» («Изложение Экклезиаста»), 1759, ст. 21]: *Brillant opinion, fantôme de bonheur* = *Блистательное мнение, призрак счастья* (Voltaire. Éd. 1876—1891. T. VIII. P. 403).

34, ст. 10—11. *Усталый труженикъ, спѣшу къ родной странѣ // Заснуть желаннымъ сномъ, подъ кровлею родимой*. Автореминисценция из «Воспоминаній» 1819 г.: *Наскучивъ странствіемъ и жизни суетою, // Усталый труженикъ подъ кровлею родною // Вкушаетъ сладостный бездѣйствія покой* (№ 13, ст. 33—35); *Щастливъ, щастливъ и тотъ, кому дано судьбою // Отъ странствій отдохнуть подъ кровлею родною* (№ 13, ст. 149—150).

Спѣшу къ родной странѣ. См. комментарий к № 35.1, ст. 18.

Заснуть желаннымъ сномъ, подъ кровлею родимой. Ритмико-грамматическая формула; ср. у И. И. Дмитриева в послании «К друзьям моим...» («В Москве ль я наконец? со мною ли друзья?..», опубликовано в 1803 г.; ст. 6): <...> *Вкусить покойный сон под кровом, где родился* <...> (Дмитриев. Изд. 1967. С. 154).

34, ст. 14. <...> *въ странѣ чужой*. См. комментарий к № 12.3, ст. 1.

34, ст. 16—18. *Какъ въ пристани пловецъ, испытанный ненастьемъ, // Съ улыбкой слушаетъ, надъ бездною возсѣвъ, // И бури грозный свистъ и волнъ мятежный ревъ* <...> Сравнение с *пловцом*, спасшимся от бури, широко распространено в европейской литературе, начиная с «Божественной комедии» Данте Алигьери («Inferno», песнь I, ст. 22 и далее); ср. реминисценцию у Батюшкова [«Воспоминания. Отрывок» («Я чувствую, мой дар в Поэзии погас...»), ст. 15 и далее]. В контексте рустической элегии этот образ появляется, например, в стихотворении А. А. Никитина «К Родине»: *Блаженъ пловецъ морей, избѣгшій лютыхъ бѣдъ, // И мирной пристани достигшій вожделѣнно* <...> [Соревнователь Просвещения и Благотворения (Труды ВОЛРС). 1818. Ч. II. № III. С. 373 (подп.: *А. — Н.*); А. А. Никитин — секретарь ВОЛРС]. Ср. у Плетнева [«К моей родине. (Элегия)», ст. 71—74]: *Вы тщетно стали бы, перебѣгая свѣтъ, // Искать себѣ пріюту отъ ненастья! // Пускай челнокъ вашъ въ пристани стоитъ // И пѣнныя подъ нимъ не ропщутъ волны!* (Сын Отечества. 1820. Ч. 59. № 3. С. 131).

Надъ бездною. См. комментарий к № 25.2, ст. 23.

34, ст. 19. <...> *Такъ, небо не моля о почестяхъ и златѣ* <...> Формула, найденная Батюшковым в подражании Tibull. III, 3: *Бессмертны! слышали вы скромный мой обет! // Молил ли вас когда о почестях и злате?* («Тибуллова Элегия III. Из III книги», 1809, ст. 4—5) — и повторенная с вариацией в переводе Tibull. I, 10 (11): <...> *ни почестей, ни злата* [«Тибуллова Элегия XI из I книги», 1810, ст. 25 (Батюшков. Изд. 1977. С. 219, 224)]. Ср. у Боратынского в отрывках из поэмы «Воспоминанія»: *Не нужны почести, не нужно злато мнѣ*

<...> (№ 13, ст. 182). Параллельная линия — формула *ни злата, ни честей* у М. В. Милонова в переводе Tibull. III, 3 «К Неере: (Подражание третьей Тибулловой Элегии)» (Санктпетербургский вестник. 1812. Ч. I. № 2. С. 164—165), ее вариант *без злата и честей* у Батюшкова [«Мои Пенаты», 1811—1812, ст. 144; «Послание И. М. М<уравьеву>-А<постолу>», 1815, ст. 91 (Батюшков. Изд. 1977. С. 264, 284)] и ее многочисленные отражения у Пушкина и других младших поэтов.

34, ст. 20. *Спокойный домосѣдъ*. Выражение Батюшкова: <...> *Блажен стократ, кто с сельскими богами, // Спокойный домосед, земной вкушает рай, // И шага не ступя за хижину убогу, // К себе богиню быстроногу* <Фортуну. — *И. П.*> // *В молитвах не зовет!* [«Воспоминания 1807 года», 1809 (заглавие в «Опытах в Стихах и Прозе» — «Воспоминание»), ст. 36—40]; см. также сказку «Странствователь и домосед» (1815), ст. 2 (Батюшков. Изд. 1977. С. 211, 308). Ср. в IX элегии Д. В. Давыдова (1818, ст. 17—19): <...> *В уединении спокойный домосед // И мирный семьянин, не постыжусь порою // Поднять смиренный плуг солдатскою рукою* (Давыдов. Изд. 1984. С. 89). Ср. это же словосочетание в контексте августианской рустики — у А. Ф. Воейкова в «Послании к брату»: *«О домъ родительскій! о тихія поля! // Уединенія таинственная сладость!» // Горацій восклицалъ, объ родинѣ грустя: // «Увижу ли я васъ? вкушу ли въ жизни радость?* <...> *Успѣю* <...> *укрывшись отъ хлопотъ, // Дожить остатокъ дней спокойнымъ домосѣдомъ?» // Тоскующій Тибуллъ вздыхая говорилъ: // «Чтобъ вѣкъ жить въ городѣ — быть должно съ мѣднымъ сердцемъ!» // Виргилій объ поляхъ отеческихъ грустилъ* (Вестник Европы. 1819. Ч. CIII. № 13. С. 173). См. «Буколики» Вергилия (эклога I, ст. 3, 67—69); ср. «Георгики», кн. II, ст. 458 и далее. Ср. те же античные реминисценции у Иванчина-Писарева (см. выше, комментарий к № 34, ст. 1—2).

<...> *въ моей безвѣстной хатѣ*. Это место вызвало резкую критику Ф. В. Булгарина: «Я встрѣчаю въ немъ <в стихотворении „Родина“. — *И. П.*> слово *хата*, которое употребляется многими Поэтами весьма некстати, въ Русскихъ стихахъ. Это слово ввели въ Литературу сыны Малороссіи, вмѣсто хижины. Если мы позволимъ себѣ безъ нужды вводить въ Великороссійское нарѣчіе областныя слова, то скоро вмѣсто *рощи*, увидимъ *гай* и т. п.» (Северная Пчела. 1827. 6 дек. № 146).

34, ст. 22. <...> *Въ кругу друзей своихъ, въ кругу семьи своей* <...> В ранней редакции: <...> *Въ кругу друзей моихъ, въ кругу семьи моей* <...> См. комментарий к № 30.1, ст. 31—32.

34, ст. 25—29. *Пускай летитъ къ шатрамъ безтрепетный герой* <...> *Я съ дѣтства полюбилъ сладчайшіе труды*. Лексическая и ритмическая цитата из Tibull. I, 10 (11), ст. 29—31 в переводе Батюшкова (редакция «Опытов в Стихах и Прозе», ст. 43—45): *Пускай, скажу, в полях неистовый герой, // Обрызган кровию, выигрывает бой; // А мне* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 225; ср.: *Alius sit fortis in armis, // Sternat et adversos Marte favente duces, // Ut mihi* <...>). И Батюшков,

и Боратынский учитывают параллели Tibull. I, 10 (11), ст. 29—31 ~ Tibull. I, 1, ст. 1—4 ~ Tibull. I, 1, ст. 53—55 и перевод Дмитриева (ст. 46—51): *Пускай Мессале льстят оружия успехи* <...> *А я* <...> (Дмитриев. Изд. 1967. С. 143; ср.: *Te bellare decet terra, Messala, marique* <...> *Me retinent* <...>). Ср. это же клише в дмитриевском «Послании к Н. М. Карамзину» (1795, 28—30): *Пускай младый герой* <...> *Пылает и дрожит, и ищет алчным взглядом // Копья, чтобы лететь потрясть землей и адом* (Дмитриев. Изд. 1967. С. 122). О противопоставлениях «я — другой» у Дмитриева, Батюшкова и Боратынского см. также: Пильщиков 1994а. С. 31.

Къ шатрамъ. См. комментарий к № 29.1, ст. 5—6.

Летитъ. Ср. франц. клише *voler aux combats* 'лететь на битвы' и многочисленные русские контексты: <...> *летел под знамя брани // Искать иль славы, иль конца* [Батюшков, «Воспоминания. Отрывок», опубликованы в 1817 г.; ст. 28—29 (Батюшков. Изд. 1977. С. 213)]; <...> *Летитъ на голосъ славы бранной* (Боратынский; см. в настоящем издании № 14.2, ст. 8); и мн. др. Ср. шуточную трактовку этой же темы у Боратынского: <...> *Твой Поэтъ летитъ Героемъ // Вмѣсто Пинда — на разводъ!* (№ 10.2, ст. 21—22).

34, ст. 27—28. <...> *Съ волненьемъ учится, губя часы златые, // Наукѣ размѣрять окопы боевые*. В первоначальной редакции: <...> *Наукѣ созидать твердыни боевыя*. Очевидно, стих был изменен ради графической точности рифмы [*златые* (муж. р.) : *боевыя* (жен. р.) > *златые* (муж. р.) : *боевые* (муж. р.)]. Г. О. Винокур отмечал, что «принципу глазной рифмы принадлежало в печатных изданиях пушкинского времени очень большое значение. Есть писатели, которые строго следовали этому принципу и в своих рукописях. Таков, повидимому, Баратынский» (Винокур 1941. С. 478).

34, ст. 30—31. *Прилежный, мирный плугъ, взрывающій бразды, // Почтеннѣе меча* <...> Реминисценция из Tibull. I, 10 (11), ст. 49—50 в переводе Батюшкова (ст. 73—75): *В дни мира острый плуг и заступ нам священны, // А меч, кровавый меч, и шлемы оперенны, // Снедает ржавчина безмолвно на стенах* (Батюшков. Изд. 1977. С. 226; ср.: *Pace bidens vomerque nitent, at tristia duri // Militis in tenebris occupat arma situs*). «Плуг и заступ» (*bidens vomerque*) в противопоставлении «мечу» и другим видам оружия — это античный топос (ближайшая параллель к Тибуллу — Овидий, «Фасты», кн. IV, ст. 927—928). *Заступъ* упоминается в комментируемой элегии трижды (см. № 34, ст. 44, 51, 60). У Боратынского опущен важный элемент этого топоса — ржавчина, покрывающая оружие в мирное время. Ср. в аналогичных контекстах: <...> *Висит полузаржавый // Меч прадедов тупой* <...> [Батюшков, «Мои Пенаты», ст. 31—32 (Батюшков. Изд. 1977. С. 261)]; <...> *Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые, // В колчанах скрытые, забудут свой полет; // Счастливый селянин, не зная бурных бед, // По нивам повлечет плуг, миром изощренный* <...> [Пушкин, «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году», ст. 74—77 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 147)]; и др.

34, ст. 33—34. *Оратай, ветхихъ дней достигшій надъ сохой, // Въ заботахъ сладостныхъ наставникъ будетъ мой.* Мотив «учения у земледельца», нередко встречающийся в посланиях о преимуществах сельской жизни; ср. у А. Ф. Воейкова в послании «К моему старосте» (1807, ст. 99): *Какъ радъ бы я придти учиться у тебя!* (Вестник Европы. 1812. Ч. LXVI. № 21/22. С. 20); у М. В. Милонова в «Послании к земледельцам» (1810, ст. 33): *Пусть света мудрые придут учиться к вам* <...> (Милонов. Изд. 1983. С. 198).

34, ст. 36. *Утучнять наслѣдственныя нивы* — ср. в «Послании к земледельцам» Милонова (ст. 17): *Не вы ль, поя луга и утучняя нивы* <...> (Милонов. Изд. 1983. С. 197). *Утучнять* — «говоря о землѣ: удобрять тукомъ» (САР. Ч. VI. Стб. 1067); *тук* (буквально 'жир') применительно к садовой и пахотной земле означает любое удобрение (САР. Ч. VI. Стб. 805).

34, ст. 38. *Усердный пестунъ мой* <...> *Пестунъ* — 'воспитатель, дядька' (СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 15. С. 26). В исходной редакции было: *Прилежный Яковъ мой!* Строки 38 сл. обращены к воспитателю поэта, итальянцу Джачинто Боргезе (Giacinto Borghese, во франц. написании — Boriès). Ему же адресовано позднее стихотворение Боратынского «Дядьке Итальянцу» (1844), которым завершается традиция послания к слуге-учителю (ср. Воейков, «К моему старосте»), идущая от «Послания к слугам моим...» Д. И. Фонвизина (опубликовано в 1769 г.): *Скажи, Шумилов, мне: на что сей создан свет? // И как мне в оном жить, подай ты мне совет. // Любезный дядька мой, наставник и учитель* <...> (Фонвизин. Изд. 1959. Т. 1. С. 269). Стихотворение Фонвизина пользовалось исключительной популярностью — по свидетельству М. А. Дмитриева, его «знали наизусть» (*Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. 2-м тиснением. М., 1869. С. 50).

34, ст. 42—44. *Я самъ, когда съ небесъ роскошная весна // Повѣетъ нѣгою воскреснувшей природѣ, // Съ тяжелымъ заступомъ явлюся въ огородѣ.* Реминисценция из Tibull. I, 1, ст. 7—8, 29 (= I, 1, ст. 9—11 по нумерации Скалигера) в переводе Дмитриева (ст. 9—13): <...> *то в скромном огороде // Душисты рву цветы и гимн пою Природе* <...> *То гряды, не стыдясь, сам заступом копаю* (Дмитриев. Изд. 1967. С. 142). Ср. эти же словесные темы у Пушкина («Послание к Юдину», 54—58) и у Плетнева [«К моей родине. (Элегия)», ст. 51—52]: <...> *Иль, съ заступомъ въ рукахъ, копалъ свой огородъ, // Малину въ немъ, смородину сажая* <...> (Сын Отечества. 1820. Ч. 59, № 3. С. 131—132).

Въ огородѣ. Косвенным свидетельством цитатной природы слова *огородъ* служит тот факт, что «Родина» — это единственный текст Боратынского, в котором оно встречается (см.: Shaw 1975. P. 298). Выражение *в скромном огороде* Дмитриев взял не из латинского подлинника, а из французского переложения Лагарпа (*l'étroit enclos*; см.: Пильщиков 1995б. С. 92). *Заступомъ* — см. выше, комментарий к № 34, ст. 30—31.

Я самъ <...> *явлюся* <...> Тибулл говорит *ipse* 'сам' (кн. I, элегия 1, ст. 7), подчеркивая, что такого рода деятельность не соответствует достоинству римского всадника (*Smith K. F.* Notes // The Elegies of Albius Tibullus. N. Y., 1913. P. 187). Боратынский, несомненно, держал в памяти и параллель Tibull. I, 10 (11), ст. 28 (*myrto vinctus et ipse caput*) в переводе Батюшкова (ст. 41—42): *Я сам, увенчанный и в ризы облеченный, // Явлюсь на утрие пред ваш олтарь священный* (Батюшков. Изд. 1977. С. 225). Об этих и других античных параллелях к анализируемым стихотворениям Дмитриева, Батюшкова и Боратынского см.: Пильщиков 1994а. С. 33.

34, ст. 45. *Приду съ тобой садить капусту и цвѣты* (вариант «Сына Отечества»). Мотив восходит к «Опытам» Монтеня [ч. I, гл. XX (XIX)]: «Ie veux <...> que la mort me trouue plantant mes choux, mais nonchalant d'elle, & encor plus de mon iardin imparfait» = «Я хочу <...> чтобы смерть меня застала за посадкой капусты, и при этом равнодушным к смерти и уж тем более к моему несовершенному огороду» (*Montaigne M. de.* Les Essais. Paris, 1604. P. 54; *Монтень М.* Опыты. 2-е изд. М., 1979. Т. I. С. 84). Ср. сходные аллюзии в письмах Батюшкова Н. И. Гнедичу (март и май 1817): «<...> стану поливать левкои и садить капусту»; «Жить дома и садить капусту я умѣю, но у меня нѣтъ ни дома, ни капусты» (*Батюшков К. Н.* Сочинения. СПб., 1886. Т. III. С. 424, 438). В его же письме к А. Н. Батюшковой от 29 сентября 1817 года есть дословные совпадения со стихом Боратынского: «Лучше всего, милый другъ, садить капусту и цвѣты въ своемъ огородѣ, пока можно» (Там же. С. 472). Очевидно, мы имеем дело с влиянием какого-то неидентифицированного (французского?) текста-посредника. См. также Nabokov 1964. Vol. 3. P. 15.

34, ст. 47. *Богиня пажитей признательнѣй фортуны!* «Словарь Академии Российской» дает слову *пажить* единственное определение: «Пастбище; лугъ или поле, куда для корма гоняютъ скотъ пастися» (САР. Ч. IV. Стб. 766). В стихотворении Боратынского это слово, очевидно, использовано в широком значении 'поля́'. Выражение *богиня пажитей* (так же, как франц. *la déesse des champs* 'богиня полей; сельская богиня') может относиться к любому женскому божеству древнеримского сельского пантеона: Палес (богине — покровительнице коз и овец), Церере (богине урожая) и др. (см.: Пильщиков 1994а. С. 42 примеч. 47). *Фортуна* (лат. *Fortuna*) — богиня случая и удачи в римской мифологии. В тексте «Сына Отечества» это слово набрано с заглавной буквы — как имя собственное мифологического персонажа.

34, ст. 48. *Свирѣль и струны* (то есть струны лиры) — символы буколической и элегической поэзии. В первой редакции с е л ь с к а я э л е г и я Боратынского завершалась словами: <...> *межь лирой и цѣвницей* (ст. 60). *Цѣвница* — здесь 'свирель' (об этом слове см. комментарий к № 13, ст. 17).

34, ст. 49—50. *Онѣ доступны всѣмъ, и мнѣ за легкій трудъ // Плодами сочными обильно воздадутъ*. Ср. символику плодов в I элегии Тибулла: <*Spes*> *frugum semper acervos // Praebeat* = <*Надежда*> *горы плодов всегда // ниспош-*

лет (Tibull. I, 1, ст. 9—10) — и в евангельских притчах: «<...> **сѣ́анное на до́брѣй земли́ <...> пло́дъ прино́ситъ**» (Мф 13, 23); «<...> **воздада́тъ ему̀ плоды́ во времена̀ своа̀**» (Мф 21, 41; см. также Мф 3, 10; 7, 16—20; 12, 33; 13, 8; 21, 43; Ин 4, 36; 15, 2—8; подробнее см.: Пильщиков 1994а. С. 33, 37—38).

34, ст. 51. *Отъ грядъ и заступа спѣшу къ полямъ и плугу.* См. выше, комментарии к № 34, ст. 30—31, ст. 42—44.

34, ст. 54—55. <...> *я самъ, друзья мои, // У брега насажу лѣсокъ уединенный* <...> О словечке *самъ* см. выше, комментарии к № 34, ст. 42—44.

34, ст. 58—60. *Тамъ дружба нѣкогда сокроетъ пепелъ мой, // И вмѣсто мрамора, положитъ на гробницу // И мирный заступъ мой, и мирную цѣвницу.* Финал комментируемого стихотворения Боратынского варьирует финал «Моих Пенатов» Батюшкова (ст. 309 и далее): <...> *Иль бросьте на гробницы // Богов домашних лик, // Две чаши, две цевницы, // С листами повилик.* Ср. там же (ст. 297—308): *Товарищи любезны!* <...> *цветами // Усейте мирный прах* (Батюшков. Изд. 1977. С. 269; о воздействии «Моих Пенатов» на комментируемое стихотворение см. также: Пильщиков 1994а. С. 36—37). За пределами стихотворения Боратынского остается мотив насаждения цветов, восходящий к А. Бертену (см.: Pilshchikov 1994a. P. 73—74; Пильщиков 1994б. С. 106—107 примеч. 55).

И. А. Пильщиков

35

35.1. «Прощай, отчизна непогоды...»
35.2. <Элегія> («Прощай, отчизна непогоды...»)

Заглавие в Изд. 1827: **«Отъѣздъ»** (последняя элегия второй книги).

Биографическая основа стихотворения — отъезд Боратынского из Финляндии в конце 1820 г. Поэт получил отпуск с 11 декабря 1820 г. до 1 марта 1821 г. и, уезжая, надеялся, что за это время будет произведен в офицеры (это позволило бы ему выйти в отставку и не возвращаться в Финляндию). Тогда же, в конце 1820 г., командир Нейшлотского полка Е. А. Лутковский представил Боратынского к производству в прапорщики, но Александр I в производстве отказал (см.: ИП. С. 167—168, 170, 343; Летопись. С. 101—105). Н. М. Коншин вспоминал: «Отказ о производстве ожесточил его <Боратынского. — *И. П.*>, сколько добрая, младенческая душа его умела роптать, он роптал и досадовал» (Коншин. Изд. 1958. С. 394).

Материалы для комментария к элегии см.: Пильщиков 2002.

35.1, ст. 1—6. См. ниже, комментарий к № 35.2, ст. 1—5, ст. 6.

35.1, ст. 9—12. <...> *Гдѣ отлученный отъ отчизны // Враждебною судьбой, // Изнемогалъ безъ укоризны // Изгнанникъ молодой* <...> Яркий образ поэта — «изгнанника» и «несчастливца» был создан К. Н. Батюшковым в элегии «Умирающий Тасс» (1817); см. в ней фрагмент: <...> *Младенцем был уже изгнанник* etc. (ст. 46) — и слова Тассо, процитированные Батюшковым в примечании к этому стихотворению: «Поздно теперь жаловаться на фортуну, всегда враждебную» (Батюшков. Изд. 1977. С. 327, 332). Ср. также комментарий Батюшкова к этому месту: «Фортуна, коварная до конца <...>» (Там же) — и тассианско-батюшковские аллюзии в послании Боратынского А. И. Шляхтинскому: *Но гдѣ жъ Пѣвецъ, тобой любимый? // Онъ совершилъ судьбы завѣтъ, // Судьбы враждебной съ юныхъ лѣтъ — // И до конца непримиримой!* (№ 12.2, ст. 25—28).

35.1, ст. 13. <...> *Гдѣ позабытъ молвой гремучей* <...> *Молва* названа *гремучей* в соответствии с эпическим топосом («шумная Молва»); ср. <*Fama*> *stridens* 'стрекочущая, шумная' (Вергилий, «Энеида», песнь IV, ст. 185), а также *bruyante* 'шумная, гремящая' и аналогичные эпитеты во французских переводах и подражаниях. С тем же вергилианским топосом и его французскими вариациями связаны другие эпитеты *молвы* у Боратынского (см.: Shaw 1975. P. 272): *болтливая* (№ 27.1 и 27.2, ст. 4; ср. Virg. Aeneid., IV, ст. 183) и *разновѣщающая* (№ 55, ст. 7; см. комментарий), а также приложение *вѣстница молва* (поэма «Пиры», ст. 56 редакции 1820 г.; см. в настоящем издании раздел «Поэмы»). В автографе отрывка из «Пировъ» (альбом «Tendresse») слово *Молва* написано с заглавной буквы — как имя собственное мифологического персонажа (см.: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 2. № 5. Л. 49; Материалы 1916. С. 9). Существительного со значением 'вестница' у Вергилия нет — оно возникло во французской переводческой традиции (*la messagère*; см.: *Пильщиков И. А.* Четыре заметки о литературных цитатах в произведениях Батюшкова // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58. № 2. С. 55—56).

Позабытъ молвой. Этот же мотив мы встречаем в первой редакции «Финляндии»: *Забытый от людей, забытый от молвы* <...> (№ 25.2, ст. 5); ср. в еще более ранних отрывках из поэмы «Воспоминанія» (1819): <...> *Забытый отъ людей блажитъ уединенье* <...>; <...> *Забытый отъ людей, дубравъ безвѣстныхъ житель* <...> (№ 13, ст. 37, 184). В первой редакции послания Е. А. Лутковскому: *Молвой забытый, о досада!* (ст. 78.2, ст. 51). Об отражении этого мотива у А. С. Пушкина см.: Шапир 2002. С. 95 примеч. 4.

35.1, ст. 18. <...> *Спѣшу къ странѣ родной* <...> Этот же оборот находим в элегии «Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ...» (ст. 10), где мотив возвращения на родину появляется в окружении автореминисценций из «Воспоминаній» 1819 г. (см. комментарий к № 34, ст. 10—11). Ср. противопоставление родной и чужой страны в элегии «Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ...» (№ 34, ст. 10—14) и в комментируемом стихотворении (№ 35.1, ст. 17—20; подробнее см.: Пильщиков 1994а. С. 35, 43 примеч. 67—68). Ср. также в элегии Батюшкова «На разва-

линах замка в Швеции» (1814, ст. 49): *Ах, юноша! спеши к отеческим брегам* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 204).

35.1, ст. 21—24. <...> *И камней мшистыя громады, // И видъ полей нагихъ, // И вѣковые водопады, // И шумъ угрюмый ихъ!* Это постоянные элементы финской топики в стихотворениях Боратынского (см. комментарий к № 25.2, ст. 1). Ср. также кавказский (!) пейзаж в послании В. А. Жуковского «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...», 1814, ст. 111—113): <...> *Утесов мшистые громады, // Бегущи с ревом водопады // Во мрак пучин с гранитных скал* <...> (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 309; параллели см.: Виноградов 1941. С. 129) — и описание Финляндии в послании Боратынского «Н. И. Гнѣдичу»: *Лѣса угрюмые, громады мшистыхъ горъ, // Пришельца новаго пугающіе взоръ* (№ 77.2, ст. 42—43; № 77.1 и 77.3, ст. 41—42).

35.1, ст. 25—28. *Я вспомню съ тайнымъ сладострастьемъ // Пустынную страну, // Гдѣ я въ размолвкѣ съ тихимъ счастьемъ // Провелъ мою весну. Сладострастье* — см. комментарии к № 18.1, ст. 14; № 54, ст. 14. *Мою весну* — см. комментарии к № 12.1, ст. 9—12. Рифму *страну* : *весну* Боратынский использовал в двух произведениях 1819 г. — в отрывках из поэмы «Воспоминанія» (№ 13, ст. 151—153) и в элегическом послании, адресованном А. И. Шляхтинскому (№ 12.2, ст. 9—12). Послание Шляхтинскому было републиковано под заглавием «Прощаніе» в 3-м номере XV части «Соревнователя Просвещения и Благотворения»; в предыдущем выпуске «Соревнователя» напечатана элегия «Прощай, отчизна непогоды...». Подготавливая Изд. 1827, Боратынский значительно переработал свое послание (см. в настоящем издании № 12.1), однако стихов 9—12 правка не коснулась — параллелизм двух стихотворений был сохранен.

<...> *Пустынную страну* (ст. 26) — в ранней редакции: <...> *Печальную страну*. Соответственно, ст. 2 (*Угрюмая страна*) при переработке элегии был заменен: *Печальная страна*. Эпитет *угрюмый* был передан «шуму водопадов» (ст. 24: <...> *И шумъ угрюмый ихъ!*) — первоначально было *немолчный* (<...> *И шумъ немолчный ихъ...*).

35.1, ст. 31—32. <...> *Не измѣнилъ питомецъ Феба // Ни Музамъ, ни себѣ. Фебъ* — бог Аполлон, покровитель поэтов в греческой мифологии (см. комментарий к № 22.2, ст. 33). *Питомецъ Феба* — поэт (см. комментарий к № 13, ст. 47—48). *Музы* — богини поэзии (см. комментарий к № 10.1, ст. 3); они сопровождают Аполлона-Мусагета ('предводителя Муз').

35.2, ст. 1—5. *Прощай, отчизна непогоды, // Угрюмая страна, // Гдѣ мраченъ видъ нагой природы, // Безжизненна весна, // Гдѣ солнце пасмурно сіяетъ* <...> (в поздней редакции: <...> *Гдѣ солнце не хотя сіяетъ* <...>). Словами: «Я видел страну <...> где природа бедна и угрюма, где солнце греет постоянно — только в течение двух месяцев» — начинается «Отрывок из писем русского офицера о Фин-

ляндии» Батюшкова (редакция «Опытов в Стихах и Прозе» 1817 г.); ср. далее: «Здесь повсюду земля кажет вид опустошения и бесплодия, повсюду мрачна и угрюма» (Батюшков. Изд. 1977. С. 95). У Боратынского в ранней редакции элегии «Финляндія»: <...> *Пустынный неба сводъ, угрюмый видъ Природы* (№ 25.2, ст. 10). Ср. у Пушкина в эпизоде Финна и Наины из I песни «Руслана и Людмилы» (ст. 312), опубликованном в «Невском Зрителе» в марте 1820 г.: *Угрюмый край* (о Финляндии; цит. по: Пушкин. Ак. Т. 4. С. 14). Строки Батюшкова и Боратынского позже стали одним из литературных источников описания дикой финской природы в «Медном Всаднике» (см.: Шапир 2002. С. 92—93).

35.2, ст. 6. <...> *Гдѣ сосенъ вѣчный шумъ* <...> Акустический образ, который вскоре попал в элегию «Финляндия» (вариант «Сына Отечества» 1821 г.): <...> *И сосенъ шумъ глухой и волнъ неясный лепетъ* <...> (ст. 18). В первоначальном варианте («Соревнователь Просвещения и Благотворения», 1820) 18-й стих читался иначе: <...> *И рощи шумъ глухой и волнъ неясной лепетъ* <...> Подготавливая Изд. 1827, поэт подверг это место радикальной переделке (см. комментарий к № 25.1, ст. 15—19), и генетическая связь между двумя северными элегиями оказалась затушеванной. Ср. также строки из «Финляндской повѣсти» Боратынского «Эда» (см. в настоящем издании раздел «Поэмы»): *На горы каменныя тамъ // Поверглись каменныя горы* <...> *На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ; // Съ нихъ бурно льются водопады* (в редакции 1824—1825 гг. — ст. 43—48; ср. комментарий к № 25.2, ст. 1). По всей видимости, общим источником для всех этих описаний стал всё тот же «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии»: «<...> глубокие длинные озера омывают волнами утесы гранитные, на которых ветер с шумом качает сосновые рощи» (Батюшков. Изд. 1977. С. 95).

35.2, ст. 18—20. <...> *Хвала, о Музы, вамъ — // Вы, благосклонныя, любили // Внимать моимъ струнамъ!* Ср. образ «благосклонных Муз» в заключительной строке из послания Пушкина «Овидию» (окончено 26 декабря 1821 г.): <...> *И музы мирные мне были благосклонны* (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 221).

И. А. Пильщиков

36

«Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найдти...»

Заглавие в «Соревнователе Просвещения и Благотворения»: **«Къ Делію. Ода. (Съ Латинскаго)»**. Заглавие в Изд. 1827: **«Дельвигу»**.

Третье послание Боратынского к Антону Антоновичу Дельвигу (см. также комментарии к №№ 10, 18, 61, 68). Об отношениях Боратынского и Дельвига см. ком-

ментарии к № 10. *Делій* — греческое имя Δήλιος ('делосский') или искаженное латинское имя *Dellius* (*Квинт Деллий* — адресат III оды из II книги Горация). Очевидно, это условное имя было дано Дельвигу по одному лишь созвучию с его фамилией; ср. «Посланіе къ Б... Дельвигу» («Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой...»), которое в Изд. 1827 получило заглавие «Делію» (см. № 18).

По наблюдению Н. Н. Мазур, ближайшим литературным источником комментируемого стихотворения стало «Послание к Коринне о счастии» С. Д. Нечаева (Вестник Европы. 1819. Ч. CV. № 11. С. 171—172). Указание на латинский источник послания «Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найдти...» — мистификация, довольно обычная в поэзии 1810-х — 1820-х годов. Такого рода подзаголовки носили, скорее, жанровый характер и мало кого могли ввести в заблуждение.

36, ст. 4. <...> *Съ земными дѣтьми Прометея.* Прометей (Προμηθεύς) — в греческой мифологии сын титана Иапета (Япета), двоюродный брат верховного олимпийского бога Зевса (см. также комментарий к № 59.1, ст. 26—31). По одной из версий мифа о Прометее, он вылепил людей из земли или глины, смешав ее с водой (Овидий, «Метаморфозы», кн. I, ст. 82—83; Аполлодор, «Библиотека», кн. I, гл. VII, § 1; Павсаний, «Описание Греции», кн. X, гл. IV, § 4).

36, ст. 5—6. *Похищенной искрой созданье свое // Дерзнулъ оживить безразсудный.* Переосмысление античного мифа, согласно которому Прометей украл у богов огонь и дал его людям (Гесиод, «Теогония», ст. 562—569; Эсхил, «Прометей прикованный», 109—113; Аполлодор, «Библиотека», кн. I, гл. VII, § 1; Павсаний, «Описание Греции», кн. II, гл. XIX, § 5). За это он был жестоко наказан Зевсом (см. комментарий к № 59.1, ст. 32).

36, ст. 7—8. *Безсмертныхъ онъ презрѣлъ и страшная казнь // Постигнула чадъ святотатства.* Разгневанный Зевс не только наказал Прометея, но и воспользовался его проступком, чтобы наказать людей (см.: Гесиод, «Теогония», ст. 570 и далее). *Постигнула* — см. комментарий к № 24, ст. 5—6.

36, ст. 11. *Недугъ бытія.* См. комментарий к № 27.2, ст. 10.

36, ст. 17—20. *Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь, // Намъ памятно небо родное, // Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему // Стремимся неяснымъ желаньемъ!...* Согласно Овидию, Прометей соединил в людях земное и небесное начало — и поэтому создал их смотрящими в небо («Метаморфозы», кн. I, ст. 78—86).

36, ст. 25—26. <...> *алчный Танталъ // Сгараетъ средь влаги прохладной* <...> Определение *алчный* употреблено здесь в значении 'сильно желающий, жаждущий чего-л.' (ср.: СлРЯ XVIII в. Вып. 1. С. 53). *Танталъ* (Τάνταλος) — фригийский царь, наказанный за свои многочисленные преступления вечными муками, из которых Боратынский называет одну: стоя по горло в воде, жаждущий Тантал лишен возможности напиться, так как вода всегда отступает от его губ. Эту же муку

(и только ее) упоминает Тибулл, описывая Тартар в III элегии I книги (ст. 77—78). Ср. это место в переводе К. Н. Батюшкова, ставшем, по-видимому, непосредственным источником комментируемых строк Боратынского: <...> *Там в жажде пламенной Тантал бесчеловечной // Над хладною рекой сгарает и дрожит...* [«Элегия из Тибулла. Вольный перевод», опубликован в 1815 г.; ст. 108—109 (Батюшков. Изд. 1977. С. 209)].

Прометея и Тантала несколько раз упоминает вместе Гораций (Carmina, кн. II, ода 13, ст. 37—38; кн. II, ода 35—38; эпод XVII, ст. 65—67). У других античных авторов параллели между этими персонажами не проводятся.

И. А. Пильщиков

37

37.1. Елизійскія поля («Бѣжитъ невѣрное здоровье...»)
37.2. Елисейскія поля («Бѣжитъ невѣрное здоровье...»)

Заглавие в Изд. 1827: **«Элизійскія поля»**.

Время создания элегии (около 1821 г.) указано Боратынским в письме к И. И. Козлову (апрель 1825): «Элисейскіе поля <sic!> писаны назадъ тому года четыре: это французская шалость, годная только для Альманаха» (цитируется по оригиналу письма из собрания К. В. Пигарева, хранящегося у А. К. Бегининой; ср.: Изд. 1951. С. 481). Не исключено, что стихотворение дорабатывалось в конце 1824 или в начале 1825 г. для публикации в «Полярной Звезде».

Елизійскія (*Элизійскія, Елисейскія, Элисейскія*) *поля* (лат. *Elysii campi*, калька греч. Ἠλύσια πεδία ‘Элизийские поля’), иначе Элизей, Элизий, Элизиум — часть подземного царства, где пребывают тени блаженных (греческая и римская мифология).

О литературном контексте элегии Боратынского см.: Пильщиков 1994б; Pilshchikov 1994а. О характеристике, которую поэт дал собственному стихотворению (*французская шалость*), см. ниже, комментарий к № 37.1, ст. 18.

37.1, ст. 1. *Бѣжитъ невѣрное здоровье* <...> Начальная строка «Елизійскихъ полей» повторяет первую строку знаменитой элегии Э. Парни «Le Revenant» («Выходец с того света»; «Poésies érotiques», 1777—1781; кн. I, элегия 9): *Ma santé fuit: cette infidèle // Ne promet pas de revenir* <...> = *Мое здоровье бежит; эта неверная // Не обещает вернуться* (Parny. Éd. 1862. P. 23; отмечено: ФЭ. С. 612). Стихотворение Парни было переведено на русский язык К. Н. Батюшковым («Привидение», 1810), однако зачин батюшковского подражания передает французский оригинал слишком вольно: *Посмотрите! в двадцать лет // Бледность щеки*

покрывает <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 217; подробнее см.: Пильщиков 1994б. С. 86; Pilshchikov 1994. P. 63). О других реминисценциях из «Le Revenant» и в комментируемом стихотворении см. ниже, комментарий к № 37.1, ст. 31—35.

37.1, ст. 5. *Киприда.* См. комментарий к № 22.2, ст. 7—8.

37.1, ст. 6. *Пробьютъ урочные часы.* А. С. Пушкин вспомнил эту строку, описывая смерть Ленского («Евгений Онегин», 6, XXX, 12—14; см.: Пильщиков 1994б. С. 104 примеч. 37; Pilshchikov 1994. P. 84 п. 15). О мотиве боя часов см. комментарий к № 73.1, ст. 17—18.

37.1, ст. 7—8. <...> *И низойдетъ къ брегамъ Аида // Пѣвецъ веселья и красы. Аидъ, Айдесъ* (№ 37.1 и 37.2, ст. 50) (эпич. ион. Ἀΐδης, атт. ῞Αιδης) — подземное царство, в котором пребывают души умерших (греческая и римская мифология). В Аиде протекают пять рек: Коцит, Стикс, Ахерон(т), (Пири)флегетон и Лета (в «Энеиде» Вергилия упоминаются также Стигийские болота). *Низойдетъ* — см. комментарий к № 79, ст. 51—52.

37.1, ст. 9 и далее. *Простите, вѣтренные други* <...> Предсмертное прощание с друзьями — устойчивый мотив во французской и русской лирике XVIII — первой четверти XIX вв. (примеры см.: Пильщиков 1994б. С. 92; Pilshchikov 1994. P. 70—71). Однако «друзья» в «Елизiйскихъ поляхъ» — это не условные элегические персонажи, а реальные адресаты стихотворения Боратынского: А. А. Дельвиг, А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер (члены лицейского кружка молодых поэтов, с которыми Боратынский сблизился в 1819 г. — см. комментарии к №№ 10 и 17). Начиная с 9-го стиха стилистика «унылой» элегии неожиданно сменяется стилистикой дружеского послания. Читатели начала XIX в. ощущали эту двойственность; так, Н. М. Коншин определял жанр «Елизiйскихъ полей» как «элег<ическое> посл<ание>» (Коншин. Изд. 1958. С. 389).

37.1, ст. 11. <...> *Дѣлилъ я шумные досуги* <...> Автореминисценция из поэмы «Пиры» (см. в настоящем издании раздел «Поэмы»): *Тотъ домикъ помните-ль, друзья, // Гдѣ наша вѣрная семья, // Оставя скуку за порогомъ, // Соединялась въ шумный кругъ // И безъ чиновъ съ румянымъ богомъ // Дѣлила радостный досугъ?* (ст. 108—113 редакции 1820 г.; эти строки обращены к Пушкину и Дельвигу).

37.1, ст. 12. <...> *Разгульной юности моей!* Автореминисценция из элегии «Прощанье» (1819): *Простите, милые досуги // Разгульной юности моей* <...> (№ 11, № 1—2).

37.1, ст. 13. *Я не страшуся новоселья.* См. комментарий к № 19, ст. 6—7.

37.1, ст. 18. *На шаловливой лирѣ.* Слова *шалости, шалуны* и подобные — неотъемлемый элемент описаний светского и кружкового времяпровождения у молодого Боратынского (см. № 19, ст. 3; № 27.2, ст. 17; № 29.2, ст. 3; № 30.2, ст. 13; № 38, ст. 1; etc. — ср.: Shaw 1975. P. 416) и у его друзей-поэтов. Ср. в сходном контексте у Пушкина в послании «Кривцову» (1817, ст. 11—20):

<...> У пафосския царицы
Свежий выпросим венок,
Лишний миг у верной лени,
Круговой нальем сосуд —
И толпою наши тени
К тихой Лете убегут.
Смертный миг наш будет светел;
И подруги шалунов
Соберут их легкой пепел
В урны праздные пиров.

(Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 50; параллель отмечена: Фризман 1966. С. 27—28). Эпитет *шаловливая (лира)* напрямую соотносится с авторским жанровым «определением» «Елизiйскихъ полей» (*французская шалость*). В сатирическом послании Н. И. Гнедичу Боратынский поясняет, что *шалости* — это «стихотворныя безделки», не имеющие «возвышенной цѣли» (69.1, ст. 2, 5): высокая, серьезная поэзия противопоставляется легкой, несерьезной [ср. заглавия сборников Н. М. Карамзина («Мои безделки», 1794), И. И. Дмитриева («И мои безделки», 1795) и др.]. *Шалостями* называли свою литературную продукцию арзамасцы. Один из разделов «Выдержек из Остафьевского Архива», печатавшихся П. А. Вяземским в 1860-х годах в «Русском Архиве», называется «Литературныя арзамасскiя шалости». Публикации был предпослан эпиграф из речи Д. Н. Блудова на юбилее Вяземского (1861): «Вспомнимъ, не безъ улыбки, и объ нашихъ — сказать-ли? *литературныхъ шалостяхъ*, потому между прочимъ, что въ нихъ не рѣдко бывало много живости и ума» (Русский Архив. 1866. № 3. Стб. 473). Ср. также пушкинскую характеристику послания Батюшкова «К Жуковскому»: «<...> достойно блестящих и небрежных шалостей фр.<анцузского> остроумия» (Пушкин. Ак. Т. 12. С. 276).

37.1, ст. 20. <...> *Покойной Дафнѣ и Темирѣ* <...> В других стихах Боратынского мы не находим имени Темиры, а имя *Дафна* встречается только в произведениях, написанных позже, чем «Елизiйскiя поля» (см. № 89.2, ст. 27 и № 45.1, ст. 35). Эти условные имена взяты из поэтического лексикона Дельвига (см.: Пильщиков 1994б. С. 94—95; Pilshchikov 1994. P. 74—75). Ср. у Дельвига в «Утешении бедного поэта» (опубликовано в 1819 г.; ст. 45—48): *Кто был Лидий? Где Темира // С Дафною цвела? // Из чего и даже лира // Сделана была?* [Дельвиг. Изд. 1986. С. 386; это стихотворение вписано рукою Боратынского в семейный альбом Боратынских «Tendresse» (Материалы 1916. С. 12)]; у него же в «горацианской оде» «Фани» (1814—1817, ст. 5—8): *Темира, Дафна и Лилета // Давно, как сон, забыты мной, // И их для памяти поэта // Хранит лишь стих удачный мой* (Дельвиг. Изд. 1986. С. 123). Не опубликованная при жизни автора, «ода» была хорошо известна лицейским и послелицейским друзьям Дельвига; А. С. Пуш-

кин цитировал ее в «отрывке из Евгения Онегина», озаглавленном «Женщины» и опубликованном в «Московском Вестнике» в 1827 г.: *Словами вещего поэта // Сказать и мне позволено: //* ***Темира, Дафна и Лилета — // Как сон, забыты мной давно*** (Пушкин. Ак. Т. 6. С. 647, ср. 592; отмечено: *Дельвиг* [*А. А.*] Неизданные стихотворения / Под ред. М. Л. Гофмана. Пб., 1922. С. 124). Ср. у Боратынского в «Оправданіи»: <...> *То Делію, то Дафну, то Лилету* <...> (№ 89.2, ст. 27; № 89.1, ст. 17). Об имени *Лилета* см. комментарий к № 18.1, ст. 29—32.

37.1, ст. 22—24. В первоначальном тексте это место читалось иначе (см. ниже, комментарии к № 37.2, ст. 22—24).

37.1, ст. 22. *О Дельвигъ! слезы мнѣ не нужны* <...> Об отношениях Боратынского с Антоном Антоновичем Дельвигом см. комментарии к № 10.

37.1, ст. 23. *Въ закоцитной сторонѣ*. Это же прилагательное употребил Дельвиг в стихотворении «Н. И. Гнедичу» (1823, ст. 1—2): *Муза вчера мне, певец, принесла закоцитную новость: // В темный недавно Айдес тень славянина пришла* <...> (Дельвиг. Изд. 1986. С. 29; отмечено: *Алексеев М. П.* Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. IX. С. 51). *Закоцитный* — 'находящийся за Коцитом' (см. комментарий к № 37.1, ст. 7—8).

37.1, ст. 24. <...> *Пріемъ радушный будетъ мнѣ* <...> В лицейском стихотворении Дельвига «Элизиум поэтов» покойные стихотворцы обвиняют своего молодого собрата, проводившего время *на дружеских пирах* (ст. 36), в том, что он *ступил* <...> *за Кипрою* (ст. 23—24) и *Бахуса манил к себе рукой* (ст. 32), после чего выносят ему суровый приговор (ст. 41—42): *И твой удел у Пинда пресмыкаться, // Не будешь ты к нам Фебом приобщен!* (Дельвиг. Изд. 1986. С. 119—120). Боратынский уверяет, что поклонника Вакха и Киприды (ср. № 37.1 и 37.2, ст. 5 и 39), напротив, ожидает на том свете куда более радушный прием. Ср. у Боратынского в заключительном двустишии послания «Богдановичу»: *Тогда безпечныхъ музъ безпечнаго питомца // Прими, философъ мой, какъ стараго знакомца* (№ 83.2, ст. 97—98; ср. № 83.1, ст. 101—102).

37.1, ст. 25. *Музы*. См. комментарий к № 10.1, ст. 3.

37.1, ст. 27. <...> *Гдѣ благоденствуютъ поэты* <...> В ранней редакции: *У тихихъ водъ спокойной Леты* <...> Ср. в начальном двустишии послания «Богдановичу»: *Въ садахъ Элизія, у водъ счастливой Леты, // Гдѣ благоденствуютъ отжившіе поэты* <...> (№ 83.2 и 83.1, ст. 1—2). В Изд. 1827 Боратынский последовательно сближает «Елизійскія поля» с посланием «Богдановичу» (об этом см.: Пильщиков 1994б. С. 98—99; Pilshchikov 1994. P. 79—80).

37.1, ст. 28—30. <...> *Прочту Катуллу и Парни // Мои небрежные куплеты, // И улыбнутся мнѣ они*. Гай Валерий Катулл (I в. до н. э.) в полном соответствии с упрощенным образом этого римского поэта, который сложился к середине XVIII столетия, присутствует здесь как автор легких любовных стихотворений (ср.: *Кибальник С. А.* Катулл в русской поэзии XVIII — первой трети XIX в. //

Взаимосвязи русской и зарубежной литератур. Л., 1983. С. 45—72). Сходную роль играет в стихотворении имя Эвариста Парни. Упоминание французского поэта, кроме того, непосредственно предшествует второй цитате из «Le Revenant» (см. комментарии к № 37.1, ст. 1 и ст. 31—35). О Боратынском и Парни см. комментарии к № 106.

37.1, ст. 31—35. *Когда изъ таинственной сѣни, // Отъ темныхъ Орковыхъ полей, // Здѣсь навѣщать своихъ друзей // Порою могутъ наши тѣни, // Я навѣщу, о други, васъ* <...> Ритмико-лексико-синтаксическая цитата из «Le Revenant» Парни, ст. 11—13 (ср. комментарий к № 37.1, ст. 1): ***Si*** *du sein de la nuit profonde //* ***On peut revenir*** *en ce monde, //* ***Je reviendrai****, n'en doutez pas* = ***Если*** *от лона глубокой ночи //* ***Можно возвращаться*** *в этот мир, //* ***Я вернусь****, не сомневайтесь в этом* (Parny. Éd. 1862. P. 23). Ср.: *Je reviendrai, / n'en* ***dou****tez pas —* ***Я навѣщу****, / о* ***други****,* ***вас****ъ* (еще одна графическая перекличка: *сѣнь — sein*). Эту же конструкцию воспроизвел Пушкин в неоконченной «Тавриде», где обыгрываются темы Элизия и выходца с того света (см.: Пильщиков 1994б. С. 87; Pilshchikov 1994a. P. 65). *Когда* (ст. 31) — 'если' (условное значение).

Изъ таинственной сѣни (31) : *тѣни* (34) — рифменное клише, часто использовавшееся при описании «явления с того света». Ср.: <...> *И тихий дух твой прилетит // Из таинственной сени, // И трепет сердца возвестит // Ей близость дружней тени* [В. А. Жуковский, «Певец во стане Русских воинов», 1812, ст. 365—368 (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 235)]; *Пускай веселы тени // Любимых мне певцов, // Оставя тайны сени // Стигийских берегов* <...> [Батюшков, «Мои Пенаты», 1811—1812, ст. 165—168 (Батюшков. Изд. 1977. С. 265); <...> *Жильцы духовной сени — // Невозвратимых тени* [Жуковский, «К Батюшкову», 1812, ст. 421—422 (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 197)]; <...> *изъ тайной сѣни // Приходятъ дружескія тѣни* <...> [Он же, «Послание к Воейкову», редакция 1814 г., ст. 91—92 (Вестник Европы. 1814. Ч. 74. № 6)]; и др. Ср. также у Пушкина («Овидию», 1821, ст. 93—94): <...> *Брегов забвения оставя хладну сень, // К нему слетит моя признательная тень* (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 220). И Пушкин в послании «Овидию» (а до этого — в послании «Городок», и Боратынский в «Елизійскихъ поляхъ» переворачивают традиционную ситуацию, описанную в «Моих пенатах» Батюшкова и их прототипе — «Обители» Ж.-Б.-Л. Грессе («La Chartreuse», 1735): вместо того, чтобы рассказывать о посещении поэта мертвецами-классиками, они рисуют себя умершими певцами, чья тень потом навещает потомков или друзей. Об акцентологическом дублете *та́инственный — таи́нственный* см.: Булаховский 1954. С. 202.

Если «Елизійскія поля» действительно были написаны в 1821 г., то стихотворение может получить дополнительную биографическую интерпретацию: «возвращение с того света» — это возвращение из Финляндии. По крайней мере, в письме к С. С. Уварову от 12 марта 1821 г. Боратынский сравнивал свое будущее возвращение на родину с «воскресением мертвого» (Хетсо 1973. С. 582; см. об этом: Пиль-

щиков 1994а. С. 44 примеч. 85; Пильщиков 1994б. С. 102—103 примеч. 16; Pilshchikov 1994a. P. 83 n. 11).

37.1, ст. 32. <...> *Отъ темныхъ Орковыхъ полей* <...> В сходном контексте это выражение было использовано Батюшковым в элегии «Выздоровление» (опубликована в 1817 г.; ст. 14—15): <...> *из области печали, // От Орковых полей, от Леты берегов* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 214). Однако у Батюшкова речь идет не об Элизийских полях, а о другой части Орка — о «полях скорби», или «полях слез» (*lugentes campi* — Вергилий, «Энеида», песнь VI, ст. 441). Орк (лат. *Orcus*) — царство мертвых в римской мифологии, соответствующее греческому Аиду (ср. выше, комментарий к № 37.1, ст. 7—8). По представлениям древних Элизий является частью Аида-Орка.

37.1, ст. 36. *Сыны забавы и веселья*. Ср. аналогичные кружковые «самоопределения» в других произведениях Боратынского начала 1820-х годов: <...> *сынамъ веселья* <...> (поэма «Пиры», ст. 130 редакции 1820 г.); *Друзья веселья и забавъ, // Мы не повѣсы записные* (послание «Булгарину»; № 46.2, ст. 3—4; см. об этом: Пильщиков 1994б. С. 93; Pilshchikov 1994. P. 72). О «семантической нивелированности опорных слов в составе данной фразеологической модели» (ср.: *сыны, друзья* и проч.) см.: ПФП. С. 27.

37.1, ст. 39. <...> *Вакха славить*. См. комментарий к № 19, ст. 17.

37.1, ст. 40. <...> *А къ вамъ молитва объ одномъ* <...> («Полярная Звезда», Изд. 1835); <...> *А къ вамъ прошенье объ одномъ* <...> (Изд. 1827). Ср. полисемию франц. *prière* 'просьба, мольба; молитва'.

37.1, ст. 48. *Законъ губительный Зевеса*. Ср. у Батюшкова в подражании «Le Revenant» Парни («Привидение», ст. 5—8): *Что же медлить! Ведь Зевеса // Плач и стон не укротит. // Смерти мрачной занавеса // Упадет — и я забыт!* (Батюшков. Изд. 1977. С. 217). Зевес, Зевс (Ζεύς) — в греческой мифологии верховный олимпийский бог, чьей власти подчиняются небожители и смертные.

37.1, ст. 50—51. *Мы встрѣтимъ васъ у вратъ Айдеса // Знакомой дружеской толпой*. Ср. в «Пирах» Боратынского: <...> *Сберемтесь дружеской толпой // Подъ мирный кровъ домашней сѣни* (редакция 1820 г., ст. 205—206). В «Елизiйскихъ поляхъ» *домашняя сѣнь* превращается в *таинственную сѣнь* Айдеса. С другой стороны, встречу в загробном мире можно рассматривать как инверсию традиционной ситуации, описанной, например, у Батюшкова в финале «Моих Пенатов» (друзья провожают поэта в мир иной; ст. 297—298, 305—307): *Товарищи любезны! // Не сетуйте о нас* <...> *Но вы толпами // При месячных лучах // Сберитесь* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 269). Ср. у Пушкина в «Моем завещании. Друзьям» (1815, ст. 67—71): *На тихий праздник погребенья* <...> *Стекитесь резвою толпою* (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 128). Этот мотив восходит ко французской poésie fugitive; ср., например, финал стихотворения Н.-Ж. Леонара «La Solitude» (сб. «Idylles et poèmes champêtres», 1775; ст. 166, 170—171, 174): *O mes amis* <...> *Ne vous étonne point si l'on vous dit un jour // Que je viens de descendre au ténébreux empire* <...> *Si vous foulez*

ma tombe <...> = *О друзья мои* <...> *Не удивляйтесь, если вам однажды скажут, // Что я низошел в сумрачное царство* <...> *Если вы окружите толпой мою могилу* <...> (Léonard. Éd. 1910. P. 75); и др. (подробнее см.: Пильщиков 1994б. С. 94, 106—107 примеч. 55; Pilshchikov 1994. P. 73—74).

Айдесъ. См. выше, комментарий к № 37.1, ст. 7—8.

37.2, ст. 22—24. *О Д... слёзы мнѣ не нужны; // Любимъ я жребіемъ — и весь // Я не умру ни тамъ, ни здѣсь. Д...* — Дельвиг. *Весь // Я не умру* — цитата из «Памятника» Горация: *Non omnis moriar* (Carmina, кн. III, ода 30, ст. 6). В этом контексте фраза *слёзы мнѣ не нужны* (ст. 22) прочитывается как прямая отсылка к Горациевому «Лебедю»: *Absint inani funere neniae // Luctusque turpes et querimoniae; // Compesce clamorem ac sepulcri // Mitte supervacuos honores* = *Пусть не будет на моих мнимых похоронах ни погребальных песен, // Ни позорных стенаний, ни сетований; // Сдержи свой вопль и гробнице // Не воздавай ненужных почестей* (Carmina, кн. II, ода 20, ст. 21—24). Ср. у Батюшкова в финале «Моих Пенатов» (ст. 297—300): <...> *Товарищи любезны! // Не сетуйте о нас. // К чему рыданья слезны, // Наемных ликов глас?* (Батюшков. Изд. 1977. С. 269). Совмещение двух классических цитат не противоречит традиции: до Боратынского параллелизм «Лебедя» и «Памятника», заключительных од II и III книг, использовал Г. Р. Державин в оде «Лебедь», опубликованной в 1808 г. (см. комментарий Г. А. Гуковского: Державин. Изд. 1933. С. 510). В «Елизійскихъ поляхъ» отсылки к Горациевым одам замещают имя римского поэта, которое (так и не появившись в тексте) в свою очередь заменяет собой имя Дельвига, чей образ ассоциируется у Боратынского с образом Горация (см. комментарий к № 10.1, ст. 1).

И. А. Пильщиков

38

«Такъ! отставнаго шалуна...»

Заглавие в Изд. 1827: **«Товарищамъ»**.

Установить точное время создания стихотворения невозможно. М. Л. Гофман связывал это послание с женитьбой поэта в июне 1826 г. и полагал, что оно адресовано товарищам по холостой жизни — Л. С. Пушкину, С. А. Соболевскому и др. (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 269). В дальнейшем датировка была передвинута назад на том основании, что стихотворение «Такъ! отставнаго шалуна...» «по теме и настроению, а также стилистически очень близко к стихотворениям Баратынского начала 20-х годов» (Изд. 1957. С. 341). Статус «хореического» варианта неясен. Безусловно, неправ В. Я. Брюсов, полагавший, что стихотворение «Товарищамъ» «было первоначально набросано хореями», и лишь затем переложено в ямбы (Брюсов 1900а.

С. 546). За неимением каких-либо иных свидетельств кроме копий Настасьи Львовны Боратынской, остается согласиться с М. Л. Гофманом, что в какой-то момент (когда — неизвестно) Боратынский начал переделывать стихотворение, но не окончил правку, и в копиях «сохранилась эта *попытка* измѣнить размѣръ» (Изд. 1914—1915. Т. I. С. 268).

38, ст. 1—2. *Такъ! отставнаго шалуна // Вы вновь шалить не убѣждайте.* См. комментарий к № 37.1, ст. 18.

38, ст. 5—6. *Перемѣняютъ годы насъ // И съ нами вмѣстѣ наши нравы.* См. комментарий к № 46.1, ст. 36—38.

38, ст. 9—12. *Ужь Вакхъ, увѣнчанный плющомъ, // Со мной по улицамъ не бродитъ, // И къ вашимъ Нимфамъ, вечеркомъ // Меня шатаясь не заводитъ.* Ср. в лицейском стихотворении А. А. Дельвига «Элизиум поэтов» (ст. 33—34): *И Бассарей с кистями винограда // К тебе пришел, шатаясь на ногах* (Дельвиг. Изд. 1986. С. 119). *Вакхъ*, Бассарей — имена Диониса, бога виноделия и вина (см. комментарий к № 19, ст. 17). Плющ и виноградные гроздья — атрибуты Вакха-Диониса. *Нимфы* — см. комментарий к № 10.2, ст. 30; здесь в переносном значении (о распутных женщинах). Ср., например, в стихотворении Батюшкова «Счастливец» (1810, ст. 37—38): *Счастья шаткого любимец // С нимфами забвенье пьет* (Батюшков. Изд. 1977. С. 300).

И. П.

39

Больной («Други! радость измѣнила...»)

39, ст. 9—10. *<...> вашъ другъ печальный // Вянетъ въ жизни молодой.* См. комментарии к № 11, ст. 4; 41.1, ст. 12.

39, ст. 15. *Лила.* См. комментарий к № 18.1, ст. 29—32.

39, ст. 17. *Новоселье.* См. комментарий к № 19, ст. 6—7.

40

40.1. Пѣсня («Страшно воетъ, завываетъ...»)
40.2. Руская пѣсня («Страшно воетъ, завываетъ...»)

В 1820-х — 1830-х годах эта песня пользовалось популярностью и неоднократно перепечатывалась в песенниках и собраниях стихотворений (см. текстологические примечания). Стилистический анализ «Пѣсни» см.: *Кальницкая А. М.* Жанр «русской песни» в поэзии Е. А. Боратынского // Венок. С. 51—52.

40, ст. 27—28. *Дай пріютъ, земля сырая, // Разступися!* Распространенный фольклорный мотив, перекочевавший в жанр литературной песни. Ср. это же выражение в стихотворении Н. И. Гнедича «Сетование Фетиды на гробе Ахилла» (1815, ст. 61), в котором использованы мотивы русских и украинских заплачек: <...> *Сырая земля, расступись* <...> (Гнедич. Изд. 1956. С. 104; см.: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964. С. 227). Ср. в позднейшей песне С. Н. Стромилова «То не ветер ветку клонит...» (1840-е годы; ст. 13—16): *Расступись, земля сырая, // Дай мне, молодцу, покой, // Приюти меня, родная, // В тесной келье гробовой* (Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1965. С. 571).

И. П.

41

41.1. «Одинъ, и пасмурный душою...»
41.2. Бдѣніе («Одинъ с любимою мечтою...»)
41.3. Тоска («Одинъ за чашей пуншевою...»)

Размер стихотворения — разностопный ямб с формулой 4—3—4—3 и рифмовкой *AbAb*. Строфами такого размера написаны несколько очень известных стихотворений 1810-х годов (см.: Томашевский 1958. С. 71) — это элегия К. Н. Батюшкова «Пленный» («В местах, где Рона протекает...», 1814), состоящая из 8-стиший 4-3-стопного ямба с рифмовкой *AbAbCdCd*, а также стихотворение В. А. Жуковского «Мотылек» (1814), прогремевшая в свое время баллада П. А. Катенина «Убийца» (1815) и романс А. С. Пушкина «Слеза» (1815), в которых использована та же строфа, что в элегии Боратынского. Зачин стихотворения Боратынского представляет прямое подражание пушкинскому романсу, который задолго до публикации (1825) широко распространялся в списках (см.: Пушкин. Изд. 1999. С. 657—658).

41.1, ст. 1—2. *Одинъ, и пасмурный душою, // Я предъ окномъ сидѣлъ* <...> В ранней редакции: *Одинъ за чашей пуншевою // Въ свѣтлицѣ я сидѣлъ* <...> (№ 41.3, ст. 1—2). Ср. начальное четверостишие романса «Слеза»:

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел,
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

(Пушкин. Ак. Т. 1. С. 149)

У Боратынского: <...> *Оперся на руку главою, // Въ окно, не зря, глядѣлъ* (№ 41.3, ст. 27—28). Ср. в «Убийце» Катенина (ст. 55—56): *Глаз напролет всю*

ночь не сводит, // И всё в окно глядит (Катенин. Изд. 1954. С. 83; указано М. В. Акимовой).

41.1, ст. 9—10. *Увижу-ль васъ, поля родныя, // Увижу-ль васъ, друзья?* См. комментарии к № 12.1, ст. 19; № 13, ст. 178; № 15.2, ст. 9.

41.1, ст. 9, 11. *Поля родныя* (жен. р.) : *дни младые* (муж. р.). Редкая у Боратынского графически неточная рифма (см. комментарий к № 34, ст. 27—28).

41.1, ст. 12. <...> *Примѣтно вяну я!* Ср. у Батюшкова («К Г<неди>чу», редакция «Опытов в Стихах и Прозе» 1817 г., ст. 3): <...> *Он приметно увядает* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 236); у Пушкина («Увы! за чем она блистает...», 1820, опубликовано в 1823 г.; ст. 3—4): *Она приметно увядает // Во цвете юности живой...* (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 143); у самого Боратынского («Булгарину»): *Душа примѣтно отцвѣтала* (№ 46.2, ст. 23). См. также комментарий к № 11, ст. 4.

41.1, ст. 15—16. *Давно-ль покинулъ васъ — и что-же? // Двоихъ ужь въ мiрѣ нѣтъ!* Ср. ту же интонацию в «Мотыльке» Жуковского (ст. 19—20): <...> *И мотылек... он все с крылами. // Но красоты уж нет!* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 335).

После ст. 16 в редакции «Рецензента» следовал еще один катрен: *Опустошенный смертью злобной, // Печаленъ домъ отцовъ* и т д. (см. № 41.3, ст. 17—20). Одним из упомянутых здесь «двоихъ» (*Двоихъ ужь въ мiрѣ нѣтъ!*) был родной дядя поэта Богдан Андреевич Боратынский († 23 апреля 1820 г.). Кроме него речь может идти, во-первых, об Иване Давыдовиче Панчулидзеве, муже любимой тетушки Боратынского М. А. Панчулидзевой, умершем, предположительно, в 1820 г. (см.: Летопись. С. 418); во-вторых, о дочери И. Д. и М. А. Панчулидзевых Екатерине, умершей в 1820 г. (см.: Там же); в-третьих, о воспитателе-итальянце Джачинто Боргезе, к которому обращены слова *Прилежный Яковъ мой!* из «Сельской Элегiи» 1820 г. (см. комментарии к № 34, ст. 38; косвенным свидетельством его смерти в первой половине 1821 г. является тот факт, что в семейных документах 1820—1830-х годов его имя не упоминается).

41.1, ст. 17—20. *И мнѣ назначена могила! // Умру въ чужой странѣ, // Умру и вѣтренная Лила // Не вспомнитъ обо мнѣ!* Умерший поэт, забытый своей возлюбленной, — ситуация, которая «с несомненностью указывает на „Падение листьев“ Мильвуа как на прототип этой элегии» (Гаспаров 1989. С. 43). О «Падении листьев» см. комментарии к № 73. *Въ чужой странѣ* — см. комментарий к № 12.3, ст. 1. *Лила* — см. комментарий к № 18.1, ст. 29—32.

41.1, ст. 24. Оборот *Въ окно не зря глядѣлъ* высмеяли *Д. Врс—въ* (Б. М. Федоров) в стихотворении «Союз поэтов» (Благонамеренный. 1822. Ч. XIX. № XXXIX. С. 514) и *Житель Васильевскаго Острова* (Н. А. Цертелев) в статье-памфлете «Новая школа словесности: (Отрывок из моего Журнала)», где стих из элегии Боратынского приведен как пример «нѣкоей, так сказать, *противуесте-*

ственности изображенiй, приятно <sic!> изумляющихъ читателя» (Благонамеренный. 1823. Ч. XXI. № VI. С. 437). Между тем за десять лет до Боратыского деепричастие от глагола *зреть* употребил В. А. Жуковский в балладе «Двенадцать спящих дев» («Громобой», 1810, ст. 776): *Глаза, не зря, смотрели* (Жуковский. Изд. 1959—1960. Т. 2. С. 106). До начала 1820-х годов этот «невольный каламбур» не обращал на себя внимания (Томашевский 1959. С. 89; ср.: Изд. 1936. Т. II. С. 231; Вацуро 1988. С. 157). Выпады Федорова и Цертелева имел в виду Пушкин, вспомнивший «об известных шуточках покойного Благонамеренного» в своей заметке 1828 г. о «Бале» Боратынского (Пушкин. Ак. Т. 11. С. 74).

41.2, ст. 27—28. *И звучной пѣснью громкой пѣтелъ // Мнѣ утро возвѣщалъ.* Словосочетание *громкой пѣтелъ*, также вызвавшее неудовольствие Цертелева (см.: Благонамеренный. 1823. Ч. XXI. № VI. С. 437), заимствовано из той же самой строфы «Громобоя» (ст. 769—770): *Уж вестник утра в высоте; // И слышен громкий петел* (Жуковский. Изд. 1959—1960. Т. 2. С. 106). В Изд. 1827 Боратынский это место изменил: *И громкой пѣснью ранній пѣтелъ // Мнѣ утро возвѣщалъ* (№ 41.1, ст. 27—28).

41.3, ст. 20. <...> *Веселый шумъ пировъ*. Автореминисценция из элегии «Унынiе» («Разсѣеваетъ грусть веселый шумъ пировъ...», № 29.2).

И. А. Пильщиков

42

42.1. Въ Альбомъ («Вы слишкомъ многими любимы...»)
42.2. Въ Альбомъ («Вы слишкомъ многими любимы...»). *Ранняя редакция*
42.3. «Вы слишкомъ многими любимы...»

По предположению Е. Н. Купреяновой и И. Н. Медведевой (Изд. 1936. Т. II. С. 239), принятому всеми последующими комментаторами и биографами Боратынского, первоначально стихотворение «Вы слишкомъ многими любимы...» было обращено к С. Д. Пономаревой. Если это так, то его следует датировать временем первого знакомства Боратынского с Пономаревой, состоявшегося в Петербурге в 20-х числах февраля 1821 г. (см.: Летопись. С. 103; с такой датировкой согласуется и факт публикации стихотворения в «Соревнователе Просвещения и Благотворения» 7 марта 1821 г.).

Принято считать, что стихотворение «Вы слишкомъ многими любимы...» позднée было переадресовано А. В. Лутковской (Изд. 1982. С. 658; Изд. 1989. С. 397; и др.); аналогичные «двойчатки» см.: №№ 3 и 57. Это предположение может быть

оспорено, поскольку выяснилось, что текст не был вписан в альбом Лутковской самим поэтом. О времени, когда была сделана запись, судить трудно: это могло произойти в 1823 или даже 1824 г. (ср.: Изд. 1914—1915. Т. I. С. 224; ИП. С. 359), и тогда альбомную редакцию следует считать промежуточной по отношению к текстам «Соревнователя» и Изд. 1827. Не исключено, однако, что запись относится к более раннему времени и предшествует как публикации в «Соревнователе», так и знакомству Боратынского с Пономаревой (см. текстологические примечания к № 42.3; ср.: Летопись. С. 124). Об А. В. Лутковской см. комментарии к № 32.

И. П.

Софья Дмитриевна Пономарева, урожденная Позняк (1794—1824) — хозяйка домашнего литературного салона, адресат цикла любовных стихотворений Боратынского (см. в настоящем издании №№ 42—43, 56—65). Дочь Д. П. Позняка, сенатского обер-секретаря; в 1814 г. из-за стесненного материального положения семьи была выдана замуж за А. И. Пономарева, капитана в отставке, канцелярского чиновника средней руки, получившего большое состояние от отца, богатого откупщика.

С. Д. Пономарева была хорошо образована: «бойко говорила она на четырехъ европейскихъ языкахъ <французском, английском, немецком, итальянском> и владѣла превосходно русскимъ, что тогда было рѣдкостью; легкая иностранная литература и наша домашняя были ей вполнѣ знакомы» (Свербеев. Изд. 1899. Т. 1. С. 225). Она обладала острым, насмешливым умом и привлекательной внешностью. «Всякій, кто только зналъ ее, былъ къ ней неравнодушенъ болѣе или менѣе. Въ ней, съ добротою сердца и веселымъ характеромъ, соединялась бездна самаго милаго, природнаго кокетства, перемѣшаннаго съ какимъ-то ей только свойственнымъ дѣтскимъ проказничествомъ. Она не любила женскаго общества, даже не умѣла въ немъ держать себя, и предпочитала мужское, особенно общество молодыхъ блестящихъ людей и литераторовъ» (Панаев 1867. С. 265).

В доме Пономаревых бывали Н. И. Гнедич, Н. И. Бахтин, Д. Н. Свербеев, связанные с отцом и мужем С. Д. Пономаревой родственными либо служебными отношениями. В 1820 г. вокруг нее составилось литературное общество — «Сословие друзей просвещения», объединившее сочинителей круга «Благонамеренного»: А. Е. Измайлова, В. И. Панаева, Н. Ф. Остолопова, О. М. Сомова, братьев Д. М. и А. М. Княжевичей, П. Л. Яковлева (племянника Измайлова и брата лицеиста М. Л. Яковлева). Инициалы литературного общества совпадали с инициалами самой Пономаревой: *С. Д. П.*

Частому появлению в гостиной Пономаревой Боратынского, А. А. Дельвига и В. К. Кюхельбекера, видимо, способствовал П. Л. Яковлев, вернувшийся в Петербург из Бухары в мае 1821 г., а инициатором сближения с «союзом поэтов», вероятно, была сама Пономарева. И Боратынскому, и Дельвигу было суждено пережить сильное увлечение С. Д. П., развивавшееся по законам любовно-литературной игры,

умело режиссируемой «своенравной Софией». Об отношениях Боратынского с С. Д. Пономаревой см.: Вацуро. СДП. С. 177—202; ИП. С. 171—174, 187—199; а также вступительную статью к настоящему изданию.

42.1, ст. 8. *Адресъ-календарь* — издаваемая ежегодно роспись должностных лиц, «показывающая о всѣхъ чинахъ и прису<т>ственныхъ мѣстахъ въ государствѣ, кто при началѣ сего года въ какомъ званiи или въ какой должности состоитъ» (Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1765. СПб. [Т. л.]).

О. В. Голубева

43

«Приманкой ласковыхъ рѣчей...»

Заглавие в Изд. 1827: **«Къ ..о»**. Заглавие в «Новостях Литературы» (1823): **«Хлоѣ»**. Заглавие в альманахе «Урания» (1826): **«Клименѣ»**.

Адресат стихотворения указан в Изд. 1869 (С. 42): «С. Д. П.», то есть Софья Дмитриевна Пономарева (см. о ней комментарий к № 42). Исходя из этого, стихотворение следует датировать временем первого знакомства Боратынского с Пономаревой, состоявшегося в Петербурге в 20-х числах февраля 1821 г. (см.: Летопись. С. 103). 7 марта 1821 г. комментируемое стихотворение было представлено на заседании Вольного общества любителей российской словесности под заглавием «К К...о» (ср. сходное заглавие в Изд. 1827).

По предположению В. Э. Вацуро, заглавие «К К...о» расшифровывается: «К Калипсо» (см.: Вацуро. СДП. С. 68—69). *Калипсо* (Καλυφώ) — в греческой мифологии красавица нимфа, царица острова Огигии, которая в течение семи лет насильно держала Одиссея *в гроте глубоком, желая, чтоб сделался ей он супругом* («Одиссея», кн. I, ст. 15; пер. В. В. Вересаева); см. V книгу «Одиссеи». *Хлоя* (Χλόη) и *Климена* (Κλυμένη) — условные поэтические имена греческого происхождения. Первое из них было ранее использовано Боратынским в переводе из Лафара (см. № 23.2 и 23.3, ст. 25), второе — в стихотворении 1822 г. «На звукъ цѣвницы голосистой...» (см. № 66, ст. 21). Характерна двукратная смена условных имен героини: С. Д. Пономарева не названа своим настоящим именем ни в одном из посвященных ей печатных стихотворений Боратынского (стихотворение «О своенравная Софія!..» в прижизненных публикациях incipit «О своенравная Аглая!..»).

Письмо К. Ф. Рылеева Боратынскому от 6 октября 1823 г. как будто свидетельствует, что стихотворение «Приманкой ласковыхъ рѣчей...» («Къ Хлоѣ») первоначально предназначалось не для «Новостей Литературы», а для «Полярной Звезды»

на 1824 г. (см.: Грен 1861. С. 314; Летопись. С. 127—128). Хотя письмо Рылеева дошло до нас только в передаче А. Е. Грена, известного своими фальсификациями (см. примечания к №№ 72.2 и 80.2), оно может считаться подлинным (см.: Филиппович 1917. С. 18; Альтшуллер 1995. С. 29—31). С другой стороны, не исключено, что стихотворением «Къ Хлоѣ» Рылеев по ошибке называет стихотворение Боратынского «Аглаѣ» (см. в настоящем издании № 58.1), также посвященное С. Д. Пономаревой и действительно напечатанное в «Полярной Звезде» на 1824 г. рядом со стихотворением В. Ведеревского «Къ Хлоѣ» (Альтшуллер 1995. С. 30).

43, ст. 1—4. *Приманкой ласковыхъ рѣчей // Вамъ не лишить меня разсудка! // Конечно, многихъ вы милѣй, // Но васъ любить плохая шутка!* Ср. разговор Одиссея с Калипсо, уговаривающей его остаться на острове:

«<...> Да и можно ль с богиней
Меряться женщине смертной земною своей красотою?»
Нимфе Калипсо в ответ сказал Одиссей многоумный:
«Не рассердись на меня, богиня-владычица! Знаю
Сам хорошо я, насколько жалка по сравненью с тобою
Ростом и видом своим разумная Пенелопея.
Смертна она — ни смерти, ни старости ты не подвластна.
Все ж и при этом желаю и рвусь я все дни непрерывно
Снова вернуться домой и день возвращенья увидеть».

(«Одиссея», кн. V, ст. 212—220; пер. В. В. Вересаева)

Сходство сюжетной ситуации стихотворения Боратынского с «Одиссеей» заключается в том, что в обоих случаях инициатором любовной связи выступает женщина, в то время как герой отказывается от ее любви.

И. А. Пильщиков

44

44.1. «Шуми, шуми съ крутой вершины...»
44.2. Водопадъ («Шуми, шуми съ крутой вершины...»)

По воспоминаниям Н. М. Коншина, в элегии «Водопадъ» отразились впечатления поэта от посещения водопада Иматра в июле 1820 г. (Коншин. Изд. 1958. С. 393; Хетсо 1973. С. 351; Изд. 1982. С. 597—598; Летопись. С. 100). До публикации мемуаров Коншина считалось, что в этом стихотворении «речь идет о водопаде Хэгфорс, от которого крепость Кюмень, где служил Баратынский, была в двух километрах» (Изд. 1936. Т. I. С. LVIII; Т. II. С. 227). Ближайшим литературным источ-

ником элегии Боратынского стала одноименная ода Г. Р. Державина (1794) — высшее достижение державинского оссианизма (Левин. С. 37).

В композиции элегии организующую роль играет повтор первого катрена (Хетсо 1973. С. 350—351). Первые шестнадцать строк «могли бы быть зачином большого стихотворения <...> но продолжения не следует, стихотворение обрывается, и обрыв маскируется кольцевым повторением начальной строфы» (Гаспаров 1989. С. 46). Таков механизм деформации исходного (державинского) материала: одический зачин переосмысляется как лирический фрагмент, цельность которого поддерживается симметрической композицией. 1-я и 5-я строфы заполнены восклицательными предложениями с глаголами в повелительном наклонении; строфы 2-я и 4-я состоят из повествовательных предложений с глаголами в изъявительном наклонении (в поздней редакции третьи стихи обоих катренов начинаются с союза *и*); центральная, 3-я строфа содержит два вопросительных предложения, каждое из которых занимает по два стиха (ср.: Boele 1994. P. 40—41).

О литературном контексте «Водопада» Боратынского см.: Pilshchikov 1996. P. 78—82; Пильщиков 1999. С. 284—287. О звуковой инструментовке стихотворения см.: Хетсо 1973. С. 350. Материалы для комментария к элегии см.: Пильщиков 2002.

44.1, ст. 1. *Шуми, шуми съ крутой вершины* <...> Ср. в державинском «Водопаде» (ст. 415): *Шуми, шуми, о водопад!* (Державин. Изд. 1933. С. 176). Вероятно, Боратынский помнил и ст. 57 из элегии Батюшкова «Пленный» (1814): *Шуми, шуми волнами, Рона* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 244; совпадения с Державиным и Батюшковым отмечены: Хетсо 1973. С. 349). Параллельная линия — отражение этой же державинско-батюшковской темы у А. С. Пушкина («Погасло дневное светило...», 1820, ст. 3, 15, 39): *Шуми, шуми, послушное ветрило!* (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 146—147; об этом см.: Проскурин 1999. С. 62—63, 388 примеч. 15).

44.1, ст. 2. <...> *Не умолкай, потокъ сѣдой!* Ср. в оде Державина: *Луч чрез поток сверкает скоро* (ст. 9); *Седая пена по брегам* <...> (ст. 13; Державин. Изд. 1933. С. 163). Все эти элементы («шум» водопада, «седой поток») собрал воедино А. А. Дельвиг, который, воспользовавшись державинскими образами в своем лицейском стихотворении «К Фантазии» (ст. 23—24), стал посредником между Державиным и Боратынским: <...> *Где в бездну с мрачного навеса // Седой поток шумит* (Дельвиг. Изд. 1986. С. 112).

44.1, ст. 3—4. *Соединяй протяжный вой // Съ протяжнымъ отзывомъ долины. Отзывъ* — здесь 'отголосок, гул, эхо' (ср.: САР. Ч. IV. Стб. 542, 505). В элегию Боратынского мотив *отзыва*-эха попал через посредство русских имитаций и переводов Оссиана — в первую очередь, образцового для своего времени перевода Е. И. Кострова, сделанного с французского переложения П. Летурнера (ев-

ропеизмом эхо русский переводчик не пользовался): «<...> источники шумятъ, повторяя громкіе отзывы *Коны*»; «<...> лѣса безмолвствуютъ, и <...> отзывы углубляются въ долину»; «<...> вѣтры шумятъ въ отзывахъ окрестныхъ»; «Источникъ гремитъ, но я слышу также согласные отзывы»; «<...> скалы сіи исполнены отзывовъ и водопадовъ блестящихъ»; «<...> да гласъ арфы возбудитъ отзывы долинъ»; и т. д. (Оссиан. Пер. Кострова. Ч. I. С. 83, 130, 181, 236; Ч. II. С. 154, 192). О слове *отзывъ* см. также комментарий к № 25.2, ст. 34.

44.1, ст. 5—8. *Я слышу: свищетъ Аквилонъ, // Качаетъ елію скрыпучей, // И съ непогодою ревучей // Твой ревъ мятежный соглашонъ.* И лексика, и синтаксис здесь державинские: *Он слышит: сокрушилась ель* <...> (Державин, «Водопад», ст. 169); <...> *Рев ветров, скрып дерев дебелых* <...> (ст. 165); *Он* <волк. — *И. П.*> *воет согласясь с тобой* <водопадом. — *И. П.*> (ст. 30; Державин. Изд. 1933. С. 167, 164). Набор конкретных «оссианических» деталей у Боратынского не уникален: те же державинские цитаты встречаются в других произведениях русского оссианизма [см.: Державин. Изд. 1864—1883. Т. I. С. 470—471 (примеч. Я. К. Грота)]. Ср. в трагедии В. А. Озерова «Фингал» (1805; действие I, явление 3, ст. 173—174): *Со мною говорятъ и вѣтровъ страшный ревъ, // И моря грозный шумъ, и томный скрыпъ деревъ* (Озеров 1807. С. 9); в поэме С. П. Жихарева «Октябрьская ночь, или Барды» (1807, ст. 5—6, 13): *Я слышу шум вдали глухой: // То эхо по дебрям разносит ветров вой* <...>; <...> *Внимая скрипу древ дебелых* <...> (цит. по: *Жихарев С. П.* Октябрьская ночь, или Барды // Дж. Макферсон. Поэмы Оссиана / Изд. подгот. Ю. Д. Левин. Л., 1983. С. 366); и др. (см. об этом: Пильщиков 1999. С. 286—287). В окончательной редакции «Водопада» Боратынского сходство с державинской одой усилено по сравнению с первоначальным текстом (см. № 44.2, ст. 5—8).

Аквилонъ (лат. *Aquilo*, род. пад. *Aquilonis*) — в римской мифологии бог бурного северного ветра: *Insurgat Aquilo, quantus altis montibus // frangit trementes ilices* = *Да вздымается Аквилон, который на высоких горах // сокрушает дрожащие дубы* (Гораций, эпод X, ст. 6—7). Ср. у позднего Боратынского («Дядькѣ Итальянцу», 1844): *Нашъ бурнодышущій полночный* <то есть ‘северный’. — *И. П.*> *аквилонъ* (№ 230, ст. 126).

44.1, ст. 16. <...> *Рѣчь безглагольную твою.* Об этом оксюмороне см.: Пильщиков 1992б. С. 12, ср. 8; *Алтабаева Е. В.* Семантико-стилистические особенности поэтической системы Е. А. Боратынского // Венок. С. 130—131.

44.2, ст. 9—10. *Съ какимъ то смутнымъ ожиданьемъ // Въ ихъ говоръ вслушиваюсь я* <...> Автореминисценция из «Элегии» 1819 г. («Уже ли близокъ часъ свиданья!..»): *Какъ грудь волнуется моя // Тоскою смутной ожиданья!* (№ 15.2, ст. 3—4). С последним стихотворением «Водопад» обнаруживает неожиданно тесную связь. В Изд. 1827 3-й и 4-й стихи «Элегии» (получившей заглавие «Ропотъ»)

были изменены: *Скажи: восторгомъ ожиданья, // Что-жъ не трепещетъ грудь моя?* (№ 15.1, ст. 3—4). Соответственно был переделан и 11-й стих «Водопада»: *За чѣмъ трепещетъ грудь моя* <...> (№ 44.1, ст. 11).

44.2, ст. 11—14. <...> *Куда-то вдаль душа моя // Летитъ надеждой и желаньемъ. // Какъ очарованный стою // Надъ дымной безднoю твоею* <...> Автореминисценция из «Финляндии» 1820 г.: *Люблю сидѣть одинъ надъ сумрачною бездной, // Молчать — и въ даль летѣть душой* (№ 25.2, ст. 23—24). *Надъ бездной (-ою)* — см. комментарий к № 25.2, ст. 23.

44.2, ст. 16. <...> *Музыку важную твою.* «Колебание ударений *му́зыка* и *музы́ка*, наблюдающееся в XVIII веке как отражение влияний польского и французского, продолжается до тридцатых годов XIX века» (Булаховский 1954. С. 190).

И. А. Пильщиков

45

45.1. «Чтобъ очаровывать сердца...»
45.2. Къ *** («Кто жаждетъ славы, милый мой!..»)

Заглавие в Изд. 1827: **«Къ —ву. Отвѣтъ».**

По убедительному предположению В. Э. Вацуро (см.: Вацуро 1972. С. 168), послание представляет собой ответ на стихотворный памфлет Александра Абрамовича Крылова «Вакхические поэты», зачитанный в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств 26 мая 1821 г. (Поэты 1820—1830. Т. 1. С. 243, 725) и опубликованный в «Благонамеренном» (1821. Ч. XIV. № X. С. 140—141):

Невольной страстью увлеченный,
Я долженъ, я хочу писать!
Скажи, любимецъ Музъ почтенный,
Какой мнѣ родъ стиховъ избрать,
Чтобъ славы истинной дождаться?
Я не привыкъ отъ юныхъ лѣтъ
Въ стихахъ и въ свѣтѣ притворяться:
Мнѣ пить вино охоты нѣтъ,
А безъ вина какой Поэтъ
Теперь за лиру можетъ взяться?
Пускай завистники кричатъ,
Что Музы не должны быть пьяны;
У насъ теперь въ стихахъ звучатъ
Такъ громко риѳмы и стаканы;
Что крики злобы заглушатъ!
Въ томъ дарованья нѣтъ примѣты,

Кто недругъ чашѣ круговой;
Всѣ наши модные Поэты
Въ ней потопляютъ Геній свой;
Забывъ уставы Аполлона,
Они въ винѣ лишь знаютъ вкусъ,
И Вакхъ съ вершины Геликона
Грозитъ согнать несчастныхъ Музъ!
Но я досель на лирѣ скромной
Вина еще не воспевалъ;
Итакъ могу ли ждать похвалъ?
Я ввѣкъ пойду стезею темной,
Въ дали отъ счастливыхъ пѣвцовъ;
Я никогда не буду съ ними
Среди мечтательныхъ пировъ
Стучать бокалами пустыми!
Но чтожь!.. къ чему напрасный вздохъ?
Уже Парнасса грозный богъ,
Исполненный негодованья
На дерзостныхъ жрецовъ своихъ,
Сказалъ: «да будутъ ихъ посланья
Такъ сухи, какъ бокалы ихъ!»
И страшный приговоръ свершился!
Не внемлютъ Музы ихъ мольбамъ;
Предъ ними съ шумомъ затворился
Безсмертія высокой храмъ!
Пускай трудятся: ихъ творенья
Читателей обнимутъ сномъ,
И поглотитъ рѣка забвенья
Вѣнецъ, обрызганный виномъ!

<...> *Кто недругъ чашѣ круговой* <...> — см. комментарий к № 29.1, ст. 2. Об отношениях А. А. Крылова с «союзом поэтов» см. комментарии к № 19. О стихотворной полемике Крылова и Боратынского см.: Вацуро 1972. С. 163—168.

45.1, ст. 1. *Кто жаждетъ славы, милый мой! // Тотъ не всегда себя прославитъ.* Ср. у А. А. Крылова: <...> *Какой мнѣ родъ стиховъ избрать, // Чтобъ славы истинной дождаться?* («Вакхические поэты», ст. 4—5); см. его же послание «Н. Н. Уньковскому» (Вацуро 1972. С. 168).

45.1, ст. 5. *Парнассъ*, Парнас (греч. Παρνασός, позже Παρνασσός; ср. франц. *Parnasse*) — гора в Греции, место поэтического вдохновения. В начале XIX в. было распространено написание этого слова с двумя с (Чернышев 1914. С. 126).

45.1, ст. 10. *Старикъ Анакреонъ* — Анакреонт (Ανακρέων, VI—V вв. до н. э.), знаменитый древнегреческий лирик, певец любви, вина и пиров. Стихам Анакреонта подражали уже в античности, его имя дало название «анакреонтической» традиции в европейской поэзии XVI—XIX вв. Анакреонт назван «стариком», поскольку до-

жил до глубокой старости, и, по преданию, не изменил ни своим гедонистическим привычкам, ни основным темам своей поэзии.

45.1, ст. 11. *Сынъ вѣрный нѣги и прохлады.* Ср. у А. С. Пушкина в стихотворении «Пирующие студенты» (1814, ст. 21—24): *Апостол неги и прохлад, // Мой добрый Галич, vale! // Ты Эпикуров младший брат, // Душа твоя в бокале* (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 59). О перифрастических сочетаниях с опорным словом *сын* см. комментарий к № 28.1, ст. 1—4; и др.

45.1, ст. 12. *Амфоровъ звонъ. А́мфо́ра* (обычно жен. р.) — сосуд с двумя ручками; здесь кувшин для хранения вина (лат. *amphora*, из греч.). Род. пад. *амфоровъ* (вместо *амфоръ*) — необычная форма, отмеченная только у Боратынского (Истомин 1895. С. 67—68).

45.1, ст. 14. См. ниже, комментарий к № 45.2, ст. 14.

45.1, ст. 15. *Богини пѣсней* — Музы (см. комментарий к № 10.1, ст. 3).

45.1, ст. 16. *Эллада* (греч. Ἑλλάς, род. пад. Ἑλλάδος) — Греция.

45.1, ст. 18. *Вершина Пинда* — место пребывания Муз (греческая мифология; см. комментарий к № 10.1, ст. 22).

45.1, ст. 21. *Аполлонъ* упомянут здесь как покровитель поэтов (греческая мифология).

45.1, ст. 23. *Геликонъ.* См. комментарий к № 30.1, ст. 2.

45.1, ст. 26. *Фофановъ* — условное имя с комической окраской, произведенное от слова «**фо́фанъ** <...> простакъ, простофиля, дуракъ, глупецъ» (Даль. Изд. 1903—1909. Стб. 1152—1153).

45.1, ст. 30. *Батюшковъ, Парни.* Константин Николаевич Батюшков (1787—1855) и Эварист Дезире Деформ де Парни (Évariste Désiré De Forges de Parny, 1753—1814) упомянуты здесь как главные представители «легкой поэзии» — прежде всего как авторы эротических элегий, которые «повстрѣчали славу въ Цитерѣ» (№ 45.1, ст. 33). В восприятии современников поэзия Батюшкова ассоциировалось с поэзией Тибулла и Парни; ср. в послании А. С. Пушкина «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...» 1814, ст. 17): *Не слышен наш Парни Российской!...* (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 72); и мн. др. В свою очередь, за Парни издавна укрепилось прозвище «французский Тибулл», данное ему Вольтером. Ср. у Пушкина в элегии «Любовь одна — веселье жизни хладной...» (1816, ст. 20): *Наследники Тибулла и Парни!* (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 214). Имя Тибулла появляется в комментируемом стихотворении ниже, в ст. 35. О Боратынском и Парни см. комментарии к № 106.

45.1, ст. 33. *Цитера* — остров в Греции, где находился один из храмов богини любви Афродиты (см. комментарий к № 10.1, ст. 5—6). Здесь Цитера символизирует любовь и любовную лирику.

45.1, ст. 34. *Хлоя* (Χλόη) и *Дафна* (Δάφνη) — условные поэтические имена греческого происхождения (ср. комментарии к № 43 и 37.1, ст. 20; см. также: *Гусманов И. Г.* Античные имена и образы в лирике Е. А. Боратынского // Венок. С. 157—158).

45.1, ст. 35—37. <...> *Возми Тибуллову цѣвницу, // Воспой побѣды красоты, // Воспой души своей царицу* <...> Альбий Тибулл (Albius Tibullus, 50—19 до н. э.) — римский поэт эпохи Августа, автор двух книг элегий (до середины XIX в. Тибуллу также приписывались III и IV книги так называемого Тибуллианского корпуса). В 1810-х и в начале 1820-х годов Тибулл в России благодаря переводам Батюшкова был наиболее популярным латинским элегиком. О Боратынском и Тибулле см. комментарии к № 34.

Цѣвницей в поэзии XVIII—XIX вв. называли, во-первых, свирель, во-вторых, струнный инструмент — как правило, лиру (см. комментарий к № 13, ст. 17). С рустической элегией Тибулла могли ассоциироваться оба инструмента: лира — как символ элегической поэзии, свирель — как символ поэзии буколической (см. комментарий к № 34, ст. 48).

45.1, ст. 38—41. <...> *Когда же любишь стукъ мечей, // Съ высокой музою Омира // Пускай поетъ вражды царей // Твоя воинственная лира.* Любовно-пасторальная поэзия Тибулла противопоставлена в стихотворении Боратынского *высокой* и *воинственной* (то есть эпической и героической) поэзии Гомера. *Омиръ* — чтение имени Ὅμηρος 'Гомер' по системе Рейхлина, основанной на византийском произношении. В 1820-е — 1830-е годы этот вариант транскрипции постепенно переходит в разряд поэтизмов, а стилистически нейтральным становится эразмовское чтение *Гомер*. *Муза Омира* — Каллиопа, муза эпической поэзии (греческая мифология).

45.1, ст. 42. *Равны всѣ музы красотой.* Комментаторы Изд. 1936 (Т. II. С. 249) сопоставляют эту строку со знаменитым афоризмом Вольтера из предисловия к комедии «L'Enfant prodigue» («Блудный сын», 1737): «<...> tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux» = «Все жанры хороши, кроме скучного» (Voltaire. Éd. 1876—1891. T. III. P. 3).

45.1, ст. 45. *Фебъ* — Аполлон (см. комментарий к № 22.2, ст. 33).

45.2, ст. 11. *Утѣхъ любовникъ постоянной.* Ср. у Пушкина в «Послании к Галичу» 1815 г. («Где ты, ленивец мой?..», ст. 2): *Любовник наслажденья!* <...> (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 134). О перифрастических сочетаниях с опорным словом *любовник* и словами, обозначающими действия и состояния, в поэзии первой четверти XIX в. см.: ПФП. С. 23, 26—27.

45.2, ст. 14. *Покаловъ звонъ.* Покал (нем. *Pokal*) — то же, что бокал (франц. *bocal*; см.: СлРЯ XVIII в. Вып. 2. С. 94).

45.2, ст. 16. *Толпа младыхъ забавъ.* То же, что *толпа красавицъ* в ст. 45.2, ст. 12.

45.2, ст. 24. *Неисповѣдимъ Фебовъ судъ.* О «суде» Феба-Аполлона см. комментарии к № 71.

45.2, ст. 44. *Возвышенная лира.* «Возвышенность» (франц. *sublimité*, эквивалент греч. ὕψος) — одна из важнейших эстетических категорий французского классицизма (это понятие восходит к трактату Псевдо-Лонгина «О возвышенном»).

«Возвышенным» (sublime) должен быть, в том числе, стиль эпопеи (см., например: *Marmontel J.-F.* Poétique françoise. Paris, 1763. P. 28—30, 123, 126—137 и др.).

И. А. Пильщиков

46

46.1. «Пріятель строгой, ты не правъ...»
46.2. Булгарину («Нѣтъ, нѣтъ, Булгаринъ! ты не правъ...»)
46.3. Къ .... («Нѣтъ, нѣтъ! мой Менторъ, ты неправъ...»)

Послание адресовано Фаддею Венедиктовичу Булгарину (1789—1859) — писателю, журналисту, в скором будущем издателю «Литературных Листков» (1823—1824) и соиздателю (с 1825 г. — совместно с Н. И. Гречем) журнала «Северный Архив» (1822—1829) и газеты «Северная Пчела» (1825—1859).

По всей видимости, Боратынский познакомился с Булгариным в мае 1821 г. на собраниях Вольного общества любителей российской словесности (так, они оба присутствовали на заседании, состоявшемся 30 или 31 мая 1821 г. — см.: Сомов. Дневник 1821. С. 105, 345; Летопись С. 106—107). Тогда же (не позже первых чисел июня) было написано комментируемое стихотворение, опубликованное в «Сыне Отечества» 11 июня 1821 г. (ценз. разр. нóмера — 7 июня). По предположению Е. Н. Купреяновой и И. Н. Медведевой, послание Боратынского «является ответом на устное высказывание Булгарина, в духе порицания эпикурейства и легкомыслия поэзи́и молодых поэтов пушкинского круга» (Изд. 1936. Т. II. С. 252). Однако Булгарин сам был большим жизнелюбом, и порицать «эпикурейство» как таковое вряд ли мог. Расхождения между Булгариным и Боратынским, по-видимому, были связаны с тем, что Булгарин по-иному понимал предназначение художественного творчества (по своим взглядам Булгарин — поздний просветитель, явно предпочитающий литературу дидактическую; ср. излюбленный им жанр нравописательного романа). В это время Булгарин и Боратынский по-приятельски близки. Известно, например, что 13 июня 1821 г. после собрания ВОЛРС Боратынский и Дельвиг вместе с другими «соревнователями» отправились к Булгарину на чай (см.: Сомов. Дневник 1821. С. 133—134, 369; Летопись С. 108). Отношения испортились, когда после ссоры Булгарина с А. А. Дельвигом в июне 1824 г. Булгарин напечатал в «Литературных Листках» (1824. 8 сентября. № 16) памфлет «Литературные призраки», направленный против Дельвига и Боратынского (см.: ЛН. М., 1954. Т. 59. С. 147—152; Вацуро. СЦ. С. 28—29, 255; Летопись С. 139, 142—143).

Начиная с Изд. 1827 в републикациях комментируемого послания имя Булгарина снято. В рецензии на Изд. 1827 Булгарин писал: «Изъ *Посланій* лучшія къ Н. И. Гнѣдичу, къ Дельвигу <...> и *ко мнѣ*. Посланіе ко мнѣ было напечатано въ

Сынѣ Отечества и перепечатано въ Образцовыхъ Сочиненіяхъ съ моимъ именемъ: *къ Булгарину*; имя мое было даже въ стихѣ. По переселеніи Поэта въ Москву, онъ сталъ писать ко мнѣ Посланія другаго рода, а въ прежнемъ, имя мое замѣнено точками въ заглавіи, а въ стихѣ, я пожалованъ въ *Менторы*. Пользуюсь этимъ почетнымъ званіемъ, и совѣтую Поэту болѣе слѣдовать внушенію своего генія, нежели внушеніямъ Журнальныхъ сыщиковъ. Это будетъ лучше, и для него и для публики» [Северная Пчела. 1827. 8 декабря. № 147 (подпись: *Ѳ. Б.*)]. Посланиями «другаго рода» рецензент называет адресованную ему эпиграмму Боратынского «Что ни болтай, а я великой мужъ!..» (№ 115) и совместную эпиграмму Боратынского и А. С. Пушкина «Журналистъ Фигляринъ и Истина» (см. в настоящем издании раздел «Коллективное»). Кроме того, Булгарину адресованы эпиграммы Боратынского «Въ своихъ листахъ душонкой ты кривишь...» (№ 114), «Повѣрьте мнѣ — Фигляринъ моралистъ...» (№ 148) и «Такъ, онъ лѣнивецъ, онъ негодникъ...» (№ 157). Об отношениях Булгарина с Боратынским и кру́гом Пушкина — Дельвига см. комментарии к упомянутым произведениям, а также комментарии к эпиграмме «Въ восторженномъ невѣжествѣ своемъ...» (№ 149).

И. А. Пильщиков, А. И. Федута

46.1, ст. 3. *Друзья веселья и забавъ.* См. комментарий к № 37.1, ст. 36.

46.1, ст. 4. <...> *Мы не повѣсы записные!* По характеристике Ю. М. Лотмана, слово *повѣса* «имело в 1810-е гг. почти терминологическое значение. Оно применялось к кругу разгульной молодежи, в поведении которой сочетались бесшабашная веселость, презрение к светским приличиям и некоторый привкус политической оппозиционности» (Лотман 1980. С. 121). Ср. у А. С. Пушкина: «Пирующие студенты» (1814, ст. 42, 65), «Послание к кн. Горчакову» («Питомец мод, большого света друг...», 1819, ст. 12), «Юрьеву» («Любимец ветреных Лаис...», 1817—1820, ст. 22) и др.

46.1, ст. 8. <...> *Пока дышалося, дышали* <...> Эффектная контаминация двух латинских поговорок: «Dum vivimus vivamus» («Будем жить, пока живем») и «Dum spiro spero» («Пока дышу, надеюсь»). См. также комментарий к № 90.2, ст. 23—24.

46.1, ст. 9. <...> *Любили шумные пиры* <...> Автобиографическая деталь и литературная автореминисценция: когда создавалось послание «Булгарину», уже увидела свет прославившая Боратынского поэма «Пиры», зачитанная в собрании Вольного общества любителей российской словесности 13 декабря 1820 г. и опубликованная в «Соревнователе Просвещения и Благотворения» в конце марта 1821 г. (Журналы ВОЛРС. С. 390; Летопись. С. 101, 105).

46.1, ст. 10—11. <...> *Гостей веселыхъ той поры, // Забавы, шалости любили* <...> Эти стихи могут быть поняты двояко: либо «мы любили веселых гостей той поры, а также забавы и шалости», либо «мы любили веселых гостей той поры — забавы и шалости». Именно в последнем смысле истолковал это место редактор «Нового собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах»

(1821), где соответствующие строки напечатаны с такой пунктуацией: <...> *Гостей веселыхъ той поры — // Забавы, шалости любили* <...> В первопечатном тексте послания («Сын Отечества», 1821) в конце ст. 10 вообще нет знака препинания (<...> *Гостей веселыхъ той поры // Забавы, шалости любили* <...>), что de facto означает: «мы любили забавы и шалости веселых гостей той поры».

46.1, ст. 14—15. <...> *Во имя лучшихъ изъ боговъ, // Во имя Вакха и Киприды* <...> См. комментарии к № 19, ст. 17; № 22.2, ст. 7—8; № 37.1, ст. 24.

46.1, ст. 16. *Шалуны.* См. комментарий к № 37.1, ст. 18.

46.1, ст. 23. *Въ душѣ больной отъ пищи многой* <...> Ср. у Вольтера в «Изложении Экклезиаста» («Précis de l'Ecclésiaste», 1759, ст. 27): *J'accablai mon esprit de trop de nourriture* <...> = *Я обременил свой дух слишком многой пищей* (Voltaire. Éd. 1876—1891. T. VIII. P. 403).

46.2, ст. 36—38. *Подумай, мы ли // Перемѣнили жизнь свою, // Иль годы насъ перемѣнили?* Ср. в стихотворении «Товарищамъ»: *Перемѣняютъ годы насъ // И съ нами вмѣстѣ наши нравы* (№ 38, ст. 5—6). Реминисценция латинской пословицы «Tempora mutantur et nos mutamur in illis» = «Времена меняются, и мы меняемся с ними» (об этой паремии см.: Бабичев, Боровский 1997. С. 792—793).

46.2, ст. 23. *Душа примѣтно отцвѣтала.* См. комментарий к № 41.1, ст. 12.

46.2, ст. 35. <...> *Педанта школы появленье.* Слово *педантъ* (ср. франц. *pédant*) использовано здесь в буквальном значении 'учитель' (Словарь современного русского литературного языка. М. — Л., 1959. Т. IX. Стб. 350; ср.: Dictionnaire de l'Académie françoise. 4e éd. Paris, 1762. T. II. P. 334). О значениях, которые слово *педант* имело в пушкинскую эпоху, см.: *Добродомов И. Г., Пильщиков И. А.* Из заметок о лексике и фразеологии «Евгения Онегина» // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 256—270.

46.3, ст. 1. *Менторъ* (Μέντωρ) — в греческой мифологии друг Одиссея и воспитатель его сына Телемаха.

И. А. Пильщиков

47

47.1. Цвѣтокъ («Съ восходомъ солнечнымъ Людмила...»)
47.2. Цвѣтокъ («Порою утренней Людмила...»)

По наблюдению М. И. Шапира, главным и чуть ли не единственным художественным приемом в этом стихотворении является композиционная симметрия. Примитивная лирическая тема излагается в семи катренах; три первых и три последних четверостишия имеют по одной тавтологической рифме (*цвѣтокъ* : *цвѣтокъ*), а в центральном катрене тавтологичны обе рифмы (*знаю* : *знаю*; *цвѣтокъ* : *цвѣтокъ*).

47.1, ст. 1. *Людмила* — условное поэтическое имя, заимствованное из «русской баллады» В. А. Жуковского «Людмила» (1808).

47.1, ст. 21. *Усладъ* — имя «древнеславянского» языческого бога, появившееся на свет благодаря ошибке далматинского историка М. Орбини, автора книги «Славянское царство» (1601; русский перевод: «Книга Историография...», 1722). Только в 1833 г. А. Ф. Вельтман разъяснил, что имя *Усладъ* возникло в результате неправильного прочтения словосочетания *усъ златъ* 'золотой ус' из «Повести временных лет» (*Вельтман А. Ф.* О лжеидолах Усладе и Зимицерле // Телескоп. 1833. № 16. С. 569—570; см. об этом: *Добродомов И. Г.*, *Шувалова Е. И.* Окна в забытый мир прошлого // Русский язык в школе. 2000. № 2. С. 101). Услад — распространенное условное имя в русской поэзии первой четверти XIX в. По наблюдению М. В. Акимовой, ближайшую параллель к именам героев стихотворения Боратынского дают баллада Н. Ф. Грамматина «Услад и Всемила» (Вестник Европы. 1810. Ч. L. № 6. С. 113—116) и баллады П. А. Катенина «Певец Услад» («Певец Услад любил Всемилу...», 1817).

47.1, ст. 28. *Увянулъ*. См. комментарий к № 24, ст. 5—6.

И. А. Пильщиков

48

«Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовластитель...»

Заглавие в Изд. 1827: **«Римъ»**.

Тема римских развалин занимает прочное место среди традиционных тем западноевропейской поэзии (см.: *Rehm W.* Europäische Romdichtung. 2. Aufl. München, 1960). Во второй половине XVIII и в начале XIX в. «преромантический» интерес к руинам развивался параллельно растущему увлечению «ночными» и «кладбищенскими» мотивами (см.: *Van Tieghem P.* Le Préromantisme: Études d'histoire littéraire européenne. P., 1948. [T. II]. P. 3—203; *Mortier R.* La Poétique des ruines en France: Ses origines, ses variations de la Renaissance à Victor Hugo. Genève, 1974). О римских руинах писали, в частности, Г. Легуве в поэме «Les Souvenirs, ou les Avantages de la Mémoire» («Воспоминания, или Преимущества Памяти», 1798) и Ж. Делиль в поэме «Les Jardins, ou L'Art d'embellir les paysages» («Сады, или Искусство украшения пейзажей», 1782—1801). Эти произведения послужили источниками «отрывковъ» из поэмы Боратынского «Воспоминанія» (см. комментарии к № 13), с которыми элегия «Римъ» имеет целый ряд общих мотивов (отмечено: Изд. 1936. Т. II. С. 228; Изд. 1957. С. 340). Ф. В. Булгарин в рецензии на Изд. 1827 писал: «Элегія *Римъ* — истинно Бейроновская піеса» (Северная Пчела. 1827. 6 декабря. № 146); критик имел в виду посвященные Риму строфы из поэмы Дж. Байрона «Childe Harold's Pilgrimage» [«Странствие Чайльд-Гарольда», песнь IV (1818),

строфа XLVI и далее (см. об этом: *Купреянова Е. Н.* Примечания // Е. Баратынский. Стихотворения. Л., 1948. С. 276; Colucci 1999. P. 162)].

О «римской» теме в творчестве Баратынского см.: Potthoff 1978. S. 373—375; *Топоров В. Н.* Италия в Петербурге // Италия и славянский мир: Советско-итальянский симпозиум in honorem Professore Ettore Lo Gatto. M., 1990. C. 61—64, 73—76. Трудно согласиться с Л. Г. Фризманом, увидевшим в «Риме» Баратынского «аллегорию аракчеевского Петербурга» (Фризман 1966. С. 12).

48, ст. 1—2. *Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовластитель, // Ты былъ-ли, о свободный Римъ?* Эти же эпитеты (*гордый* и *свободный*) Боратынский использовал в отрывках из поэмы «Воспоминанія»: *Свободный, гордый Римъ!* (№ 13, ст. 86); *Смотрите, — какъ вѣка незримо пролетая* <...> *Остатки гордые являютъ Рима намъ* (№ 13, ст. 117—120). Второй из процитированных фрагментов «Воспоминаній» заимствован из «Les Jardins» Делиля (песнь IV, ст. 504—507): *Voyez* <...> *comment le cours des âges* <...> *déchirant de précieux lambeaux* <...> *De Rome étale au loin la ruine immortelle* (Delille 1801. P. 108; см. комментарий к № 13, ст. 117—120). Ср. это же место в очень точном переводе А. Ф. Воейкова («Сады», 1807—1815; песнь IV, ст. 530—534): *Смотри, времен потоки* <...> *рвут* <...> *древности остатки драгоценны, // И открывают Рим в развалинах нетленный* (Делиль. Изд. 1988. С. 159). Боратынский заменяет прилагательные *précieux* 'драгоценный' и *immortel* 'бессмертный' (у Воейкова — *нетленный*) прилагательным *гордый* (у Воейкова оно использовано в следующем стихе: *громады гордые*). Поздний Боратынский сохранил верность этому эпитету: *Рвется душа, нетерпѣньемъ объята, // Къ гордымъ остаткамъ падшаго Рима!* («Небо Италіи, небо Торквата...», 1844, ст. 5—6).

48, ст. 3. *Къ нѣмымъ развалинамъ твоимъ* <...> Ср. в отрывках из поэмы «Воспоминанія»: *Но не ужель для насъ языкъ развалинъ нѣмъ? // Нѣтъ, нѣтъ, лишь понимать умѣйте ихъ молчанье* <...> (№ 13, ст. 144—145). К теме «языка руин» Боратынский вернулся в стихотворении «Предразсудокъ» (№ 192; см.: Пильщиков 1992б. С. 6—7, 13—16).

48, ст. 5—6. *За что утратилъ ты величье прежнихъ дней? // За что, державный Римъ! тебя забыли боги?* Ср. в элегии К. Н. Батюшкова «Умирающий Тасс» (1817, ст. 85): <...> *Я пел величие и славу прежних дней* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 328). У Боратынского в «Воспоминаніяхъ»: *Поля Авзоніи! державный пепелъ Рима! // Глашатаи чудесъ и славы прежнихъ лѣтъ!* (№ 13, ст. 114—115). У него же в ранней редакции элегии «Финляндія»: <...> *Люблю воспоминать о сильныхъ прежнихъ дней* <...> (№ 25.2, ст. 26). Об этом топосе см.: Пильщиков 1995а. С. 367—368.

48, ст. 7. *Градъ пышный, гдѣ твои чертоги* <...> Прилагательное *пышный* употреблено здесь в значении 'великолепный' (САР. Ч. V. Стб. 756); ср.: «ПЫШНОСТЬ <...> Тщеславное великолѣпіе» (Там же). Этот эпитет относил к Риму

Батюшков (Potthoff 1978. S. 369): *пышный град* («Тибуллова элегия III. Из III книги», 1809, ст. 32), *пышный Рим* [«Умирающий Тасс», ст. 29; статья «Нечто о поэте и поэзии» (Батюшков. Изд. 1977. С. 220, 326, 24)]. В русской поэзии первой трети XIX в. (в частности, у Пушкина и у самого Боратынского) эпитет *пышный* нередко употреблялся применительно к русским столицам — Петербургу и Москве. Устойчивая корреляция между эпитетами *пышный* и *гордый* поддерживается вторым значением прилагательного *пышный* — «спесивый, чванный, гордый, надутый, надменный» (Даль. Изд. 1903—1909. Т. 3. Стб. 1440; ср. также польск. *pyszny* 'гордый').

<...> *гдѣ твои чертоги* <...> Ср. мотив «ubi sunt» в эпиграмме Антипатера Сидонского из «Палатинской Антологии» (IX, 151), переведенной Батюшковым (перевод опубликован в 1820 г.): *Где слава, где краса, источник зол твоих?* <...> *Где зданья пышные и храмы горделивы* <...>*?* [ст. 1—3, о Коринфе (Батюшков. Изд. 1977. С. 345)]. *Чертоги* — ср. у Боратынского в «Воспоминаніяхъ»: *Чертоговъ, портиковъ вездѣ я зрю обломки, // Гдѣ начерталъ рѣзецъ Римлянъ дѣянья громки* (№ 13, ст. 125—126). Это перевод двустишия из «Les Jardins» Делиля (песнь IV, ст. 508—509); в оригинале упомянуты *арки* (*arcs*), а не *чертоги* (ср. *своды врат* в переводе Воейкова; см. комментарий к № 13, ст. 121—126).

48, ст. 8. *Гдѣ сильные твои?* Ср. у Батюшкова («На развалинах замка в Швеции», 1814, ст. 97): *Где ж вы, о сильные* <...>*?* (Батюшков. Изд. 1977. С. 205) — и ранее у В. А. Жуковского («Песнь Барда над гробом Славян-победителей», 1806, ст. 34): *Как пали сильные?* (Жуковский. Изд. 1999—2000. Т. I. С. 80; см. также комментарий к № 25.1, ст. 32). Общий протоисточник — 2 Книга Царств, гл. 1, ст. 19, 25, 27: «**ка́кѡ падо́ша си́льнїи**». Ср. стихотворный перевод этого библейского эпизода: *Такъ пали Сильные, какъ кедры распростерлись! // Саулъ, Іонаѳанъ, мнѣль васъ не вспоминать? // Не отъ одной руки Могущіе низверглись — // На васъ обрушилась вся вражеская рать!* (*Ободовский Пл.* Плач Давида о смерти Саула и Ионафана // Благонамеренный. 1822. Ч. XIX. № XXXVIII. С. 461). *Сильные* (в значении существительного) — 'могучие воины, богатыри' (калька греч. οἱ δυνατοί; см.: СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 29. С. 143).

48, ст. 11. <...> *Стоишь въ позорищѣ племенъ* <...> Слово *позорище* употреблено здесь либо в значении 'вид, зрелище' (САР. Ч. V. Стб. 1383), либо в значении 'собрание' (СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 16. С. 124).

48, ст. 13. *Кому еще грозишь съ твоихъ семи холмовъ?* «Семихолмным» (*septicollis*) называют древнейший палатинский Рим, в честь которого в античности справляли «праздник Семихолмия» (*Septimontium*), а также более поздний Сервиев Рим (часть города, обнесенную Сервиевой стеной), куда входили Палатин, Эсквилин, Капитолий, Авентин, Квиринал и др. возвышенности (список семи «главных» холмов варьируется по разным источникам). См.: *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1994. [Т.] I: До битвы при Пидне. С. 56—61.

И. А. Пильщиков

49

49.1. «Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышетъ...»
49.2. Эпиграмма («Его творенье скукой дышетъ...»)

Адресат эпиграммы неизвестен. Гипотеза Е. Н. Купреяновой и И. Н. Медведевой о том, что эпиграмма направлена против Д. И. Хвостова, «отличавшегося не только графоманией, но и страстью всем читать свои стихи» (Изд. 1936. Т. II. С. 245; предположение об адресате повторено: Изд. 1951. С. 552; Изд. 1957. С. 338; РЭ. С. 767; Изд. 1982. С. 604; Изд. 1989. С. 395; Изд. 2000. С. 466), не находит документальных подтверждений. Еще меньше убеждает сделанное теми же исследователями сопоставление эпиграмм «Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышетъ...» и «Поэтъ Писцовъ въ стихахъ тяжеловатъ...» (см.: Изд. 1936. Т. II. С. 244—245) — Е. Н. Купреянова и И. Н. Медведева исходили из предположения, что р а н н я я редакция эпиграммы «Поэтъ Писцовъ...» была адресована Хвостову, а это неверно (см. комментарии к № 16).

И. П.

50

«Вчера ненастливая ночь...»

Заглавие в Изд. 1827: **«Случай»**.

По жанру стихотворение близко к альбомному экспромту. Републикация стихотворения в Изд. 1835 вызвала негативную реакцию В. Г. Белинского: «Чем это сантиментальное стихотворение лучше „Триолета Лилете“, написанного Карамзиным? <...> И это поэзия?.. И это хотят нас заставить читать, нас, которые знают наизусть стихи Пушкина?.. И говорят еще иные, что XVIII век кончился!..» (Телескоп. 1835. Ч. 27. № 9; цит. по: Белинский. Изд. 1953—1959. Т. I. С. 326).

И. П.

50, ст. 2. *Лилета*. См. комментарий к № 18.1, ст. 29—32.

50, ст. 11—12. <...> *Побрелъ по слякоти, друзья, // И до зари сидѣлъ у Паши.* Ср. первоначальный вариант ст. 12, записанный в альбом П. Л. Яковлева: <...> *И вечеръ весь провелъ у Саши.* Остроумную интерпретацию сюжета стихотворения предложил Г. Хетсо: «Ненастная погода застает его <поэта. — *А. П.*> у любимой им Лилеты. Девушка уговаривает его остаться у нее переночевать, подливая ему в стакан вина <...> Но вино разжигает в нем повышенную жажду к наслаждениям, и все кончается тем, что он проводит остальную часть ночи в обществе еще одной девушки» (Хетсо 1973. С. 296). Однако такая интерпретация противоречит смыслу ст. 11—12: *Побрелъ по слякоти* и *сидѣлъ у Паши* не есть выражение жажды наслаждений, а, напротив,

ирония над собственной любовной неудачей. Соответственно, имена *Паша* и *Саша* — это, в данном контексте, не женские, а мужские имена (ср. с условно-поэтическим именованием героини стихотворения: *Лилета*). Не исключено, что для Изд. 1827 стихотворение передал А. А. Дельвигу не сам Боратынский, а Павел Яковлев, в чей альбом оно было вписано, — тогда замена имени *Саша* (в автографе) на *Паша* (в Изд. 1827) вполне объяснимо. Определение конкретного лица, названного в автографе именем *Саша*, более проблематично, особенно если учитывать неопределенную датировку стихотворения. Ранняя датировка — 1819 — позволяет предполагать по меньшей мере трех человек из круга, в который входили тогда одновременно и Яковлев и Боратынский: Александр Рачинский (см.: Летопись.С. 89), Александр Крылов (см. комментарии к № 19) и Александр Пушкин (в том же 1819 году в тот же альбом Яковлева Пушкин записал стихотворение «Веселый пир»).

А. М. П.

51

«Полуразрушенный я самъ себѣ не нуженъ...»

Обстоятельства сочинения этого экспромта и записи его в альбом П. Л. Яковлева неизвестны.

51, ст. 1. *Полуразрушенный я самъ себѣ не нуженъ* <...> Этот эпитет использовал К. Н. Батюшков в элегии «Умирающий Тасс» (1817, ст. 25): *Полуразрушенный, он видит грозный час* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 326; о прилагательном *полуразрушенный* см.: *Фридман Н. В.* Поэзия Батюшкова. М., 1971. С. 205).

И. П.

52

Моя жизнь

Альбомное стихотворение, не предназначавшееся автором для печати. В стихотворении перечисляются основные поэтические темы раннего Боратынского: домашнее счастье, дружеские пиры, вино, любовь. С заглавием «Моя жизнь» ср. строки из экспромта «Въ пустыхъ разщетахъ, в грубомъ снѣ...», также вписанного в альбом П. Л. Яковлева: *Честные люди, вѣрьте мнѣ, // Меня и жизнь мою полюбятъ* (№ 7, ст. 3—4).

52, ст. 2. <...> *Съ моей семьею домовитой* <...> Ср. этот же эпитет, примененный к Музе поэта, в элегии «Прощай, отчизна непогоды...»: <...> *Своею Музой домовитой // Онъ не былъ позабытъ!* (№ 35.2, ст. 15—16).

52, ст. 5. *Люблю пировъ веселой шумъ* <...> Автореминисценция из элегии «Унынiе» («Разсѣеваетъ грусть веселый шумъ пировъ...», № 29.2). Ср. комментарий к № 41.3, ст. 20.

52, ст. 8. *Вакхическая* ('хмельная, алкогольная') *отвага.* Прилагательное *вакхическiй* образовано от имени Вакха, бога виноделия и вина (см. комментарий к № 19, ст. 17).

52, ст. 9. <...> *съ красоткой записной* <...> Прилагательное *записная*, вероятно, употреблено здесь в значении 'известная, общепризнанная' (ср.: СП. Т. II. С. 84).

И. П.

53

<Элегiя> («Нѣтъ, не бывать тому, что было прежде!..»)

Первая половина элегии Боратынского по теме и настроению напоминает элегию Э. Парни «Cesse de m'affliger, importune Amitié...» («Poésies érotiques», 1777—1781; кн. IV, элегия 14). Эта элегия Парни уже сопоставлялась со стихотворениями Боратынского, написанными в 1821 г. (см.: Хетсо 1973. С. 299—300). Ср.:

Cesse de m'affliger, importune Amitié;
C'est en vain que tu me rappelles
Dans ce monde frivole où je suis oublié;
Ma raison se refuse à des erreurs nouvelles.
Oses-tu me parler d'amour et de plaisirs?
Ai-je encor des projets! ai-je encor des désirs?
Ne me console point: ma tristesse m'est chère;
Laisse gémir en paix ma douleur solitaire.

<...> Le chagrin dévorant a flétri ma jeunesse,
Je suis mort au plaisir, et mort à la tendresse.
Hélas! j'ai trop aimé; dans mon cœur épuisé
Le sentiment ne peut renaître;
Non, non: vous avez fui, pour ne plus reparaître,
Première illusion de mes premiers beaux jours,
Céleste enchantement des premières amours.

(Ст. 1—8, 20—26; Parny. Éd. 1862. P. 122—123)

(Перевод: *Перестань докучать мне, назойливая дружба; // Тщетно ты призываешь меня обратно // В этот беспечный мир, где я забыт; // Мой разум отказывается от новых заблуждений. // Ты смеешь говорить мне о любви и удовольствиях? // Разве у меня еще есть замыслы? разве у меня еще есть желания? // Не утешай меня: мне дорога моя грусть; // Оставь вздыхать в покое мою одинокую скорбь.*

<...> Моя юность увяла от неутолимой печали, // Я мертв для удовольствия, и мертв для нежности. // Увы! я слишком сильно любил; в моем обессиленном сердце // Не может вновь родиться чувство; // Нет, нет: вы улетели, чтобы вновь не появиться, // <Вы —> первая мечта моих первых прекрасных дней, // Небесное очарование моей первой любви.)

53, ст. 9—10. *Давнымъ-давно простился я со счастьемъ, // Желательнымъ слѣпой душѣ моей!* Об эпитете *слѣпая* ср. комментарий к № 54, ст. 9.

53, ст. 11. *Съ унылымъ сладострастьемъ.* Повышенная частотность слова *сладострастье* в элегическом лексиконе раннего Боратынского (примеры см.: Shaw 1975. P. 365) стала предметом пародии М. Н. Загоскина (см. комментарий к № 54, ст. 14).

53, ст. 12. *<...> Гляжу я вдоль моихъ минувшихъ дней.* Галлицизм (ср. франц. *au long des jours*).

И. А. Пильщиков

54

Разувѣреніе («Не искушай меня безъ нужды...»)

Одна из самых популярных элегий Боратынского, на слова которой был написан известный романс М. И. Глинки (1825). Указание С. А. Рачинского, что элегия адресована Варваре Николаевне Кучиной [см.: Материалы 1916. С. VI (2-й паг.)], не находит документальных подтверждений.

П. А. Плетнев, характеризуя творчество Боратынского в «Письме к графине С. И. С. о русских поэтах», в качестве наиболее яркого примера приводил «Разувѣреніе»: «Между тѣмъ, какъ мы воображали, что языкъ чувствъ уже не можетъ у насъ сдѣлать новыхъ опытовъ въ своемъ искусствѣ, явился такой поэтъ, который разрушилъ нашу увѣренность. Я говорю о *Баратынскомъ*. Въ элегическомъ родѣ онъ идетъ новою, своею дорогою. Соединяя въ стихахъ своихъ истину чувствъ съ удивительною точностію мыслей, онъ показалъ опыты прямо классической поэзіи. Составъ его стихотвореній, правильность и прелесть языка, ходъ мыслей и сила движеній сердца выше всякой критики. Онъ ясенъ, живъ и глубокъ <...> Игривое и важное, глубокое и легкое, истинное и воображаемое: все онъ постигнулъ и выразилъ. Разсмотрите его элегію: *Разувѣреніе*» (Северные Цветы на 1825 год. С. 65—67). Свои рассуждения Плетнев пояснял в письме к А. С. Пушкину от 7 февраля 1825 г.: «Мне хотелось сказать, что до Баратынского Батюшков и Жуковский, особенно ты, показали едва ли не все лучшие элегические формы, так, что каждый новый поэт должен бы непременно в этом роде сделаться чьим-нибудь подражателем, а Баратынский выплыл из этой опасной реки — и вот, что особенно меня удивляет в нем» (Пушкин. Ак. Т. 13. С. 140).

Композицию стихотворения проанализировал М. Л. Гаспаров. Начальные слова элегии представляют одновременно и экспозицию, и «ложный ход чувства», которые к тому же «совмещены с отказом, или, точнее, вмещены в отказ» от ложного хода (ст. 1—2). Далее следует истинный ход — «характеристика действительного состояния души» (ст. 3—8). Затем схема удваивается (что характерно скорее для романса, чем для элегии): «за истинным ходом вновь следует совмещение экспозиции, ложного хода и отказа» (ст. 9—12). Заключительные стихи (13—16) представляют новый истинный ход (Гаспаров 1989. С. 45).

О композиции «Разувѣренія» см. также: Семенко 1970. С. 276; Хетсо 1973. С. 307—309. О звуковой организации стихотворения см.: Хетсо 1973. С. 310—311. Мотивный анализ см.: Альми 1961. С. 39—41; Семенко 1970. С. 233—234; Песков 1995. С. 24, 29. Лингвостилистический анализ см.: Шестакова 1996. Сопоставление элегии Боратынского и романса Глинки см.: *Макарова С. А.* Е. А. Боратынский и М. И. Глинка: моделирование элегической эмоции // Венок. С. 148—150.

54, ст. 2. <...> *Возвратомъ нѣжности твоей.* Ср. фразеологию французского *retour* 'возвращение, возврат' (*un retour de tendresse, un retour d'affection*).

54, ст. 9—12. Первоначальная редакция этих строк была гораздо менее удачной: *Слѣпой тоски моей не множь // Прелестнымъ призракомъ былаго; // Воображенія больнаго // Въ его дремотѣ не тревожь!* («Соревнователь Просвещения и Благотворения», 1821). Субстантивированное прилагательное *больнаго* (род. пад. ед. ч.) воспринимается как адъектив, определяющий существительное род. пад. ед. ч. *воображенія* («больнаго воображенія»).

54, ст. 9. *Слѣпой тоски моей не множь* <...> (в автографе РГАЛИ: *Тоски души моей не множь!*). Ср. в «Романсе» В. Н. Григорьева (1820; подражание «La Chute des feuilles» Ш.-Ю. Мильвуа) <...> *Не умножь ее тоски* <...> (ст. 29; ФЭ. С. 476). *Множить тоску* — сочетание, образованное на основе библейской фразеологии: «**Скѡ́рби се́рдца моегѡ̀ оумно́жишасѧ**» (Пс 24, 17).

Словосочетание *слѣпая тоска* вызвало насмешки у пародиста из «Благонамеренного»: «И въ слѣпой тоскѣ моей я исчезаю, я терзаюсь! Увы и ахъ!» [Прозаическая Галиматья: (Подражание новейшим Элегическим Поэтам) // Благонамеренный. 1822. Ч. XIX. № XXXVII. С. 439 (подпись: *У. и А.* <*Увы и Ахъ*>)]. Об эпитете *слепой* в лирике Боратынского см.: Коровин 1980. С. 61.

54, ст. 10—12. <...> *Не заводи о прежнемъ слова, // И другъ заботливый, больнова // Въ его дремотѣ не тревожь!* Написание генитивной флексии (*-ова*) поддерживает графическую точность рифмы (о «глазных» рифмах см. комментарий к № 34, ст. 27—28).

54, ст. 14. *Бывалыя мечты* — это словосочетание было процитировано в сатирическом «Послании к Людмилу» М. Н. Загоскина (ср.: Летопись. С. 124—125):

Короче, модныхъ словъ, талантомъ освященныхъ
Будь полнымъ Словаремъ — описывай всегда

Души растерзанной всѣ бури и ненастья,
Цвѣтъ жизни молодой — грядущаго обѣтъ,
Бывалыя мечты — а пуще *сладострастье*:
Безъ этого словца, въ стихахъ спасенья нѣтъ.

[Соревнователь Просвещения и Благотворения.
1823. № I (Труды ВОЛРС. Ч. XXII. Кн. I). С. 78]

54, ст. 15—16. <...> *Въ душѣ моей одно волненье, // А не любовь пробудишь ты.* По наблюдению В. И. Коровина (см.: Коровин 1996. С. 432—436), в заключительных строках «Разувѣренія» перефразированы слова Сен-Пре из романа Ж.-Ж. Руссо «Julie, ou La nouvelle Héloïse» («Юлия, или Новая Элоиза», 1761; ч. VI, письмо VII): «Enfin je la vois, et c'est bien assez; elle ne m'a pas laissé de l'amour, mais de l'inquiétude» = «Наконец я ее вижу и этого вполне достаточно; она не оставила во мне любви, но <только> беспокойство» (*Rousseau J.-J.* Œuvres complètes. Paris, 1793. T. VI. P. 183). О приеме «неполного контраста» в лирике Баратынского (<...> *волненье, // А не любовь* <...>) см.: Альми 1961. С. 41—42.

И. А. Пильщиков

55

«Дало двѣ доли Провиденіе...»

Заглавие в «Новостях Литературы»: **«Стансы»**. Заглавие в Изд. 1827: **«Двѣ доли»**.

Размер элегии — 4-стопный ямб; эффект чередования длинных и коротких стихов, поддержанный втяжками четных строчек, создается благодаря чередованию дактилических и мужских окончаний. Ямбическим тетраметром с такой редкой рифмовкой у Баратынского написан также сонет 1824 г. «Мы пьемъ въ любви отраву сладкую...» (№ 86; см.: Гаспаров 1984. С. 148—149).

55, ст. 7. *Молва* названа *разновѣщающей* в соответствии с эпическим топосом: она разносит как правдивые, так и лживые вести (см.: Вергилий, «Энеида», песнь IV, ст. 188—190; Т. Тассо, «Освобожденный Иерусалим», песнь I, октава LXXXI, ст. 1—4; Вольтер, «Генриада», песнь I, ст. 368; песнь VIII, ст. 477). Составной эпитет *разновѣщающая* — по-видимому, новообразование Баратынского (об эпитетах в стихотворении «Две доли» см. также: Мазепа 1960. С. 71—73). С тем же вергилианским топосом и его французскими вариациями связаны другие эпитеты *молвы* у Боратынского (см. комментарий к № 35.1, ст. 13).

55, ст. 8. Образ «насмѣшливой судьбы» появляется также в стихотворении «Порою ласковую Фею...» (см. комментарий к № 152, ст. 14).

55, ст. 9. *Юноши кипящіе.* Прилагательное *кипящіе* употреблено здесь в соответствии с переносным значением франц. *bouillant* 'кипящий; кипучий'. Ср. образ *кипящей молодости* (*ma bouillante jeunesse*) в начальном стихе вольтеровского «Изложения Экклезиаста» («Précis de l'Ecclésiaste», 1759; Voltaire. Éd. 1876—1891. T. VIII. P. 402), отразившийся также у А. С. Пушкина в XXXIII строфе 1-й главы «Евгения Онегина»: <...> *Кипящей младости моей* <...> (Пушкин. Ак. Т. 6. С. 19; см.: Barratt 1969. P. 447). Сочетание *кипящая младость* было процитировано в сатирическом «Послании к Людмилу» М. Н. Загоскина (см. комментарий к № 54, ст. 14):

<...> Оплачь потерю дней, въ *чужбинѣ* проведенныхъ,
Кипящей младости отцвѣтшіе *года*.

[Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1823. № I (Труды ВОЛРС. Ч. XXII. Кн. I). С. 78]

55, ст. 12. <...> *И сердца пламенные сны.* Слово *сны* употреблено в соответствии с семантикой франц. *rêves* 'сны; мечты, грезы'.

55, ст. 17. <...> *ихъ* <сновъ> *рой прельстительный.* См. комментарий к № 32, ст. 9.

И. А. Пильщиков

56

«Когдабъ вы менѣе прекрасной...»

Стихотворение обращено к Софье Дмитриевне Пономаревой (см. о ней комментарий к № 42) и вписано в ее альбом. Датировка стихотворения определяется либо временем знакомства Боратынского с Пономаревой (20-е числа февраля 1821 г.; см.: Летопись. С. 103), либо временем возобновления знакомства и начала их романа (осень 1821 г.; см.: Летопись. С. 109). Одна из записей в альбоме П. Л. Яковлева прямо относится к завязке этого романа и дает реальный комментарий к первым трем стихотворениям «пономаревского цикла» (№№ 56—58): «Mr Boratinsky s'etait avisé de dire a table que lorsqu'il aurait des cheveux blanc il viendrait faire sa cour à Madame, <elle> repondit — *Monsieur Vous serez plutot gris que blanc*» (ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 2. Л. 14 об.; см. также: Медведева 1936. С. 117—121; Вацуро. СДП. С. 180). Перевод: «Г-н Боратынский как-то за столом сказал, что станет ухаживать за Мадам <Пономаревой>, когда волосы его побелеют; она отвечала: *Сударь, Вы прежде будете пьяны, нежели белы*» (каламбур построен на полисемии франц. *gris* 'серый; пьяный').

А. М. П.

56, ст. 2. Слово *Молва*, начинающееся с прописной буквы, возможно, следует толковать как имя собственное мифологического персонажа (лат. *Fama*; см. комментарии к № 35.1, ст. 13 и к № 55, ст. 7).

56, ст. 3—4. <...> *Когда-бы прелестью опасной // Не столь опасны были вы....* Мотив «опасной красоты» появляется уже в ранних стихотворениях Боратынского и затем транспонируется в «пономаревский цикл». Ср. сочетание *огнь опасной* в стихотворении «Любовь и Дружба» (№ 4, ст. 8) и стих <...> *Опасны сердцу ваши взгляды!* в мадригале «Финскимъ красавицамъ» (№ 26, ст. 6). Этот стих Боратынский повторил с небольшим изменением в послании к Пономаревой «О своенравная Софія!..»: <...> *Опасны сердцу ваши взоры* (№ 58.2, ст. 30; № 58.1, ст. 29). В позднейших произведениях Боратынского ср. начальную строку из стихотворения 1832 г. «Н. Е. Б........» («Двойною прелестью опасна...», № 171) и ст. 99 из поэмы «Бал» в редакции Изд. 1835: *Страшись прелестницы опасной* <...> (см. в настоящем издании раздел «Поэмы»). Сочетание *прелестью опасной* и рифму *прекрасной : опасной* повторил А. А. Дельвиг в стихотворении «Жалоба», обращенном к С. Д. Пономаревой: *Вас боги создали прекрасной, // Хвала и честь за то богам; // Но вместе с прелестью опасной // Они холодность дали вам* (Дельвиг. Изд. 1986. С. 44; отмечено: Вацуро. СДП. С. 202).

56, ст. 10. *Цитерской богъ* — Эрот (греческая мифология), или Купидон (латинская мифология), бог любви (см. комментарии к № 10.2, ст. 30; № 23.1, ст. 14—15); от названия о. Цитера (см. комментарий к № 10.1, ст. 5—6).

56, ст. 13. *Предаться нѣжному участью // Мнѣ тайной голосъ не велитъ...* Автореминисценция из послания к Н. М. Коншину («Повѣрь, мой милой другъ, страданье нужно намъ...»): *Щастливцы мнимые! способны ль вы понять // Участья нѣжнаго сердечную услугу?* (№ 28.2, ст. 13—14). Ср. начальные строки стихотворения А. А. Дельвига «К Софии», обращенного к С. Д. Пономаревой: *За ваше нежное участье // Больной певец благодарит: // Оно его животворит* <...> (Дельвиг. Изд. 1986. С. 162; совпадения отмечены: Вацуро. СДП. С. 184—185).

56, ст. 16. *Отъ стрѣлъ любви* <...> Лук и стрелы — атрибуты Эрота-Купидона.

И. А. Пильщиков

57

57.1. «Когда неопытенъ я былъ...»
57.2. «Слѣпой поклонникъ красоты...»
57.2. Л—ой («Слѣпой поклонникъ красоты...»)

Стихотворение обращено к Софье Дмитриевне Пономаревой и позднее переадресовано Анне Васильевне Лутковской (см. о них комментарии к № 42 и 32). О других

стихотворениях Боратынского, переадресованных Лутковской, см. комментарии к №№ 3 и 42.

Стихотворение «Слѣпой поклонникъ красоты...» тематически примыкает к элегиям «Нѣтъ, не бывать тому, что было прежде!..» (№ 53) и «Не искушай меня безъ нужды...» (№ 54), адресованным, разумеется, не Пономаревой, но осенью 1821 г., когда они были литературной новостью, рассчитанным прежде всего на ее внимание. Так же, как в этих элегиях, здесь говорится о разочаровании в надеждах на любовное счастье и о невозможности этого счастья в будущем. С другой стороны, стихотворение «Слѣпой поклонникъ красоты...», как и предшествовавшие ему «Вы слишкомъ многими любимы...», «Приманкой ласковыхъ рѣчей...» и «Когдабъ вы мѣнѣе прекрасной...» (см. №№ 42, 43, 56 и комментарии к ним), провоцировало Пономареву на дальнейшее развитие любовного сюжета, тем в большей степени, что помимо стихов о душевном охлаждении («Не искушай...» и проч.), у посланий к Пономаревой был дополнительный контекст — стихотворения Боратынского, записанные в альбом П. Л. Яковлева, с которыми Пономарева, несомненно, была знакома: «Вчера ненастливая ночь...» (№ 50) и «Моя жизнь» (№ 52).

57.1, ст. 10. *Купидонъ.* См. комментарий к № 23.1, ст. 14—15.

57.1, ст. 12. *Геликонъ.* См. комментарий к № 30.1, ст. 2.

57.2, ст. 2. *Любви и нѣги сынъ безпечный.* См. комментарии к № 28.1, ст. 1—4; 45.1, ст. 11.

А. М. П.

58

58.1. «О своенравная Аглая!..»
58.2. «О своенравная Софія!..»

Заглавие в «Полярной Звезде» и в Изд. 1827: **«Аглаѣ»**.

Стихотворение обращено к Софье Дмитриевне Пономаревой (см. о ней комментарий к № 42) и относится к началу ее романа с Боратынским (см. комментарий к № 56). *Аглая* (греч. Ἀγλαΐα 'сияющая') — греческое имя, в том числе имя одной из трех Харит (богинь красоты в греческой мифологии). Характерна замена реального имени *Софія* условным поэтическим *Аглая*: С. Д. Пономарева не названа своим настоящим именем ни в одном из посвященных ей печатных стихотворений Боратынского (ср. комментарий к № 43). Начиная с Изд. 1914—1915 (Т. I. С. 54—55) в основном корпусе текстов печатная редакция заменяется первоначальной рукописной редакцией со ссылкой на якобы «цензурный» характер правки, внесенной авто-

ром (см.: Изд. 1936. Т. II. С. 249; Изд. 1951. С. 557; Изд. 1957. С. 344; Изд. 1982. С. 604; Изд. 1982. С. 401; и др.). Однако в действительности никаких фактов цензурного вмешательства в историю текста этого произведения до сих пор обнаружено не было, и речь должна идти в лучшем случае об автоцензуре; кроме того, часть переделок, безусловно, носит стилистический характер (см., например, комментарии к № 58.1, ст. 8 и ст. 15). В особенности неправомерна подмена печатной редакции рукописной в корпусе текстов Изд. 1827 (см.: Изд. 1936. Т. I. С. 98—99) и Изд. 1835 (см.: Изд. 1982. С. 85—86) — это вторжение в авторский текст, деформирующее его «антропонимическое пространство» (термин А. Б. Пеньковского).

58.1, ст. 8. <...> *ни на сердце, ни на умъ*. В первоначальной редакции: <...> *Ни на умѣнье, ни на умъ* (№ 58.2, ст. 8); в промежуточной: <...> *Ни на безумье, ни на умъ* («Полярная Звезда»). Пароним к слову *умъ* — *умѣнье* (слово, связанное с *умомъ* дальним этимологическим родством, навряд ли ясным поэту) — был заменен общеязыковым антонимом (*безумье*), а затем окказиональным антонимом (*сердце*).

58.1, ст. 15. <...> *И остроумью и уму* <...> Figura etymologica (игра с однокоренными словами *умъ* и *остро-ум-ье*) заменяет первоначальное перечисление: <...> *Разсудку, шалости, уму* <...> (№ 58.2, ст. 16).

58.1, ст. 29. <...> *Опасны сердцу ваши взоры*. См. комментарий к № 56, ст. 3—4.

58.1, ст. 32. <...> *Отъ упоенія слѣпаго* <...> Ср. комментарий к № 54, ст. 9.

58.1, ст. 35. <...> *пасмурный душой* <...> Это сочетание было перенесено в позднюю редакцию послания к А. И. Шляхтинскому: *Одинъ, и пасмурный душою* <...> (№ 41.1, ст. 1).

58.2, ст. 11. <...> *Бранимъ Указы и псалмы* <...> О политическом и религиозном вольнодумстве молодых посетителей салона Пономаревой см.: Вацуро. СДП. С. 181—182.

И. А. Пильщиков

59

59.1. «Мнѣ съ упоеніемъ замѣтнымъ...»
59.2. Къ — («Зачѣмъ живыя выраженья...»)

Заглавие в Изд. 1827: **«Къ....»**.

Стихотворение обращено к Софье Дмитриевне Пономаревой (см. о ней комментарий к № 42) и относится ко времени ее романа с Боратынским (о начале романа см. комментарий к № 56).

59.1, ст. 9—10. *Не терпитъ Богъ младыхъ проказъ // Ланитъ увядшихъ, впалыхъ глазъ.* «Богъ младыхъ проказъ» — Эрот (греческая мифология), или Купидон (латинская мифология), бог любви (см. комментарии к № 10.2, ст. 30; № 23.1, ст. 14—15). Хотя орфографическая норма требовала писать с заглавной буквы только «наименованія истиннаго Бога», тогда как «слово *Богъ*, въ означеніи божествъ языческихъ, начинается строчною буквою» (*Греч Н.* Практическая Русская Грамматика. СПб., 1827. С. 546), многие писатели и издатели первой трети XIX в. нарушали это правило (ср.: Пильщиков, Шапир 2002. С. 78).

59.1, ст. 20—22. *Межъ мудрецами былъ чудакъ: // «Я мыслю» пишетъ онъ, «и такъ // Я несомнѣнно существую.»* Имеется в виду Рене Декарт (Réné Descartes, 1759—1650) и аксиома, сформулированная в IV части его «Рассуждения о методе» («Discours de la méthode pour bien conduire sa raison, et chercher la vérité dans les sciences», 1637): *я мыслю, следовательно, существую* (франц. *je pense, donc je suis*; лат. *cogito ergo sum*).

59.1, ст. 23—25. *Нѣтъ! любишь ты, и потому // Ты существуешь: я пойму // Скорѣе истину такую.* Непосредственный источник афоризма не установлен. Е. Н. Купреянова и И. Н. Медведева приводят без ссылки слова́ Вольтера: «Декарт говорил: мыслю, следовательно существую. Я же скажу: я вас люблю, следовательно существую» (Изд. 1936. Т. II. С. 255). Г. Хетсо указывает в этой же связи на Ж.-Ж. Руссо (Хетсо 1973. С. 303).

59.1, ст. 26—31. *Огнемъ похищеннымъ съ небесъ // Япетовъ сынъ, гласитъ преданье, // Одушевилъ свое созданье, // И наказалъ его Зевесъ. // Неумолимый, Прометея // Къ скаламъ Кавказа приковалъ* <...> Греческий миф о создателе людей Прометее (Προμηθεύς), сыне титана Иапета (Ἰαπετός), Боратынский пересказывал в послании «Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найдти...» (см. комментарий к № 36, ст. 4). Ср. в этом стихотворении аналогичную реинтерпретацию античного мифа, согласно которому Прометей украл у богов огонь и дал его людям: *Похищенной искрой созданье свое // Дерзнулъ оживить безразсудный* <...> (№ 36, ст. 5—6; см. комментарий к этим стихам). Разгневанный Зевс (верховный олимпийский бог; см. комментарий к № 37.1, ст. 48) наказал Прометея, приковав его к Кавказскому хребту. О местонахождении этих скал сообщают Павсаний («Описание Греции», кн. V, гл. XI, § 6) и Аполлодор («Библиотека», кн. I, гл. VII, § 1).

59.1, ст. 32. <...> *И сердце вранъ ему клевалъ.* Древние греки полагали, что Зевс каждый день присылал к Прометею орла, выклевывавшего ему печень, которая за ночь отрастала вновь (Гесиод, «Теогония», ст. 521—525; Аполлодор, «Библиотека», кн. I, гл. VII, § 1). По наблюдению А. Б. Пеньковского, в русской рецепции античного мифа о Прометее печень заменялась «грудью» или «сердцем», а орел — коршуном, ястребом и, наконец, вороном («враном»); ср. у И. И. Дмитриева («Филемон и Бавкида», 1805, ст. 3—4): <...> *Когда дух зависти, несчастным овладея, // Терзает грудь его, как вран у Промефея* [Дмитриев. Изд. 1967. С. 150; см.: *Пеньковский А. Б.* Пушкинский текст и текст культуры: «...видел врана и голубицу излета-

ющих, символы казни и примирения»: («Путешествие в Арзрум») // Проблемы семантического анализа: Пятые Шмелевские чтения. М., 2002. С. 77—79].

59.1, ст. 45. <...> *Еще беру прельщенья мѣры* <...> Галлицизм (франц. *prendre des mesures*; ср. соврем. рус. *принимать меры*).

59.1, ст. 47. Написание *сжетъ* вместо этимологически корректного *жжетъ* отражает неустойчивость орфографии этого слова в первой половине XIX в. (встречалось также написание *зжетъ*).

59.2, ст. 5 и далее. Запутанный синтаксис этого фрагмента производил впечатление невнятицы, усугубленной опечаткой в тексте журнальной публикации (отсутствие запятой в конце ст. 5). В рецензии на IX книжку «Новостей Литературы» (1824) Ф. В. Булгарин писал: «<...> жаль, что Издатели испортили пьесу Г. Б—скаго, подъ заглавіемъ: Къ — (см. стр. 40) неправильною разстановкою знаковъ препинанія. Отъ пятаго до четырнадцатаго стиха нѣтъ никакого смысла» (Литературные Листки. 1824. Ч. III. № XVII. С. 166). Подготавливая Изд. 1827, Боратынский переделал начало стихотворения (см. № 59.1, ст. 1—10).

59.2, ст. 9. *Душа полна тоски ея* <...> — то есть тоски любви (слово *любовь* находится в ст. 7). Местоимение *ея* (род. пад.) читается [jejo] и рифмуется с *мое* (ст. 11). Расхождение между фонетикой и орфографией не позволяет сделать рифму точной и фонетически, и графически. Аналогичный случай — в ст. 46: *Я захожу въ пріютъ её* <...> (рифма: *своё*, ст. 45). Здесь графическая точность рифмы достигается благодаря неверному написанию местоимения род. пад. — *её* (вместо *ея*). В первом случае орфография победила фонетику, во втором — фонетика орфографию.

59.2, ст. 36. *Вранъ сердце грызть ему леталъ*. См. выше, комментарий к № 59.1, ст. 32.

59.2, ст. 43. <...> *И также ради мстить, ей ей!* «К характерным особенностям морфологии первой половины XIX века должна быть отнесена сказуемая форма множ. числа **ради**, постепенно выходящая из употребления и заменяемая формой *рады* в ближайшие десятилетия» (Булаховский 1954. С. 109).

59.2, ст. 46. См. выше, комментарий к № 59.2, ст. 9.

И. А. Пильщиков

60

«Неизвинительной ошибкой...»

Заглавие в «Полярной Звезде» и в Изд. 1827: **«Къ жестокой»**.

Стихотворение обращено к Софье Дмитриевне Пономаревой (см. о ней комментарий к № 42) и относится ко времени ее романа с Боратынским (о начале романа

см. комментарий к № 56). В послании сконцентрированы мотивы, характерные для стихотворений Боратынского, связанных с Пономаревой. Определение *жестокая* калькирует французский эпитет-клише *cruelle*. У Боратынского (см.: Shaw 1975. P. 225) оно встречается только в послании «Я безразсуденъ — и не диво!..» (Дельвигу о Пономаревой): *Уже-ль обманутъ я жестокой?* (№ 61, ст. 24) — и в элегии «Оправданіе»: <...> *прощенья у жестокой // Не вымолю!* (№ 89.2, ст. 10—11); ср. в поздней редакции: *Не вымолю прощенья у жестокой!* (№ 89.2, ст. 6).

60, ст. 9. *Ко мнѣ примѣрно нѣжной ставъ* <...> Наречие *примѣрно* использовано здесь в значении 'образцово'.

60, ст. 11—13. <...> *Дурачить плѣнниковъ другихъ // И гордой быть, какъ прежде были, // Къ толпѣ соперниковъ моихъ?* Автореминисценция из стихотворения «Приманкой ласковыхъ рѣчей...», обращенного к Пономаревой: *Вамъ дорогъ я, твердите вы, // Но лишній плѣнникъ вамъ дороже* <...> *Съ толпой соперниковъ моихъ // Я состязаться не дерзаю* <...> (№ 43, ст. 9—10, 13—14). Другие употребления слова *плѣнникъ* в значении 'преданный поклонник' у Боратынского см.: Shaw 1975. P. 317.

60, ст. 15. *Любви простое упоенье* <...> Ср. в стихотворении «Къ —» («Зачѣмъ живыя выраженья...»), обращенном к Пономаревой: <...> *Но радъ, что сердце нахожу // Еще способнымъ къ упоенью* (№ 59.2, ст. 22—23).

60, ст. 21—22. <...> *Быть съ вами запросто въ диванной, // Въ гостиной быть у вашихъ ногъ.* Противопоставление *гостинной* (комнаты для приема гостей) и *диванной* (комнаты для отдыха, обставленной диванами) как мест более официального и более интимного общения находит параллели в литературе первой трети XIX в. См., например, цитату из «Московского Меркурия» (1803. Ч. IV. С. 23): «Никогда самый приятный круг в Гостиной — даже в Диванной — не одушевляет так к разговору, как компания четырех, пяти человѣк в каретѣ» (цит. по: СлРЯ XVIII в. Вып. 6. С. 126). Ср. также в повести А. С. Пушкина и В. П. Титова «Уединенный домик на Васильевском»: «„Но не в одной гостиной, — продолжает графиня, — есть новые уборы", и вставая с кресел: „Не хотите ли, — говорит она, — заглянуть в диванную <...>"» (Пушкин. Изд. 1977—1979. Т. 9. С. 361).

И. А. Пильщиков

61

«Я безразсуденъ — и не диво!..»

Заглавие в «Полярной Звезде»: «Д — у». Заглавие в Изд. 1827: «Д—гу».

Четвертое послание Боратынского к Антону Антоновичу Дельвигу (см. также комментарии к №№ 10, 18, 36, 68). Об отношениях Боратынского и Дельвига см.

комментарии к № 10. Биографической основой послания стал любовный роман Боратынского с Софьей Дмитриевной Пономаревой (см. о ней комментарий к № 42) — отсюда тематическая и хронологическая связь послания к Дельвигу со стихотворениями «пономаревского цикла» (см. №№ 56—59, 62, 64 и 66; ср. №№ 42—43).

61, ст. 6—7. *Одно коварное искуство // Я вижу въ Деліи твоей.* По замечанию В. Э. Вацуро, «на короткий срок в посланиях 1822—1823 годов Баратынский и Дельвиг закрепят за Пономаревой два условных имени — „Дорида" и „Делия"» (Вацуро. СДП. С. 193); см. стихотворение Боратынского «Поцѣлуй. (Доридѣ)» (№ 64.2), его же послание «Доридѣ» (№ 65.2), в Изд. 1827 озаглавленное «Деліи» (№ 65.1), и стихотворение Дельвига «К птичке, выпущенной на волю» («Во имя Делии прекрасной...», 1823). *Делія* (*Delia*) — поэтическое имя возлюбленной Альбия Тибулла, героини первой книги его элегий. О Боратынском и Тибулле см. комментарии к № 34 и № 45.1, ст. 35—37.

Коварное искуство. См. комментарий к № 65.2, ст. 12.

61, ст. 8. *Не вѣрь прелестницѣ лукавой!* Ср. ст. 99 из поэмы «Бал» в редакции Изд. 1835: *Страшись прелестницы опасной* <...> (о связи этого стиха с фразеологией «пономаревского цикла» см. комментарий к № 56, ст. 3—4). В слове *прелестница* совмещены два значения: «1) Кто прельщаетъ, собла<з>няетъ, вовлекаетъ въ заблужденїе коварными и вредными своими правилами, примѣромъ, обѣщанїями <...> 2) <...> красавица; кто прельщаетъ кого красотою своею, и страсть любовную возраждаетъ» (САР. Ч. V. Стб. 218).

Лукавый — здесь в значении 'коварный, хитрый' (ср.: САР. Ч. III. Стб. 618). Ср. эпитет *лукавый* в стихотворении «О своенравная Софія!..», обращенном к Пономаревой: <...> *Опасны сердцу ваши взоры. // Они лукавы, я слыхалъ* <...> (№ 58.2, ст. 30—31).

61, ст. 19. <...> *Огонь ланитъ, огонь очей* <...> См. комментарии к № 62.2, ст. 3, ст. 11; № 96, ст. 6; № 107, ст. 9—10.

61, ст. 24—27. *Я перечитываю строки, // Гдѣ, увлеченія полна, // Въ любви счастливые уроки // Мнѣ самому даетъ она* <...> Возможно, речь идет о несохранившейся любовной переписке между Боратынским и Пономаревой (Песков 1998. С. 21).

61, ст. 29. *Уже-ль обманутъ я жестокой?* См. комментарии к № 60.

61, ст. 40—42. *Пойду я странникомъ тогда // На край земли, туда, туда, // Гдѣ вѣчный холодъ обитаетъ* <...> Пародийный парафраз песни Миньоны «Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn...» («Ты знаешь край, где цветут лимоны...») из романа И.-В. Гёте «Wilhelm Meisters Lehrjahre» («Годы учения Вильгельма Мейстера», 1796) с ее знаменитым рефреном *Dahin, dahin!.. = Туда, туда!..* (отмечено: Пильщиков 2000. С. 386; см. также комментарий к № 14.1, ст. 8).

61, ст. 53—55. <...> *Какъ здравымъ смысломъ я убогъ! // Уже-ль обманщицу другую // Мнѣ не пошлетъ въ отраду Богъ?* Пародийный парафраз финальных строк из II эклоги Вергилия: *A, Corydon, Corydon, quae te dementia cepit!* <...> *Invenies alium, si te hic fastidit, Alexim* = *Ах, Коридон, Коридон, каким ты безумием охвачен!* <...> *Найдешь и другого Алексиса, коль отверг тебя этот* (ст. 69—73).

И. А. Пильщиков

62

62.1. «Любви примѣты...»
62.2. Догадка («Любви примѣты...»)

Стихотворение связано с С. Д. Пономаревой (см. о ней комментарий к № 42) и относится ко времени ее любовного романа с Боратынским (см.: Вацуро. СДП. С. 192—193; ср. комментарии к №№ 56—61).

62.1, ст. 11—14. *Въ душѣ твоей // Ужь нѣтъ покоя; // Давнымъ давно я // Читаю въ ней.* Эта метафора была перенесена в «Догадку» при подготовке Изд. 1827 из стихотворения «Размолвка» (см. комментарий к № 75.2, ст. 6). В ранней редакции «Догадки» соответствующее место звучало иначе (см. № 62.2, ст. 11—14).

62.2, ст. 11. *Ты вся въ огнѣ* <...>; ср. также: <...> *И жаръ ланитъ* <...> (№ 62.2, ст. 6; № 62.1, ст. 6). Те же мотивы находим в послании «Я безразсуденъ — и не диво!..»: <...> *Огонь ланитъ, огонь очей* <...> (№ 61, ст. 19). См. также комментарий к № 96, ст. 6.

И. П.

63

«На кровы ближняго селенья...»

Заглавие в «Благонамеренном» и в Изд. 1827: **«Возвращеніе»**. Заглавие в Изд. 1884: **«Возвращеніе (Подражаніе Мильвуа)»**.

Перевод элегии Ш.-Ю. Мильвуа «Le Retour» («Élégies», 1812—1815; кн. I). Подражание той же элегии Мильвуа позже опубликовал П. Г. Сиянов («Сумерки», 1829). По словам современного исследователя, Боратынскому «удалось сохра-

нить удивительный лаконизм» французского стихотворения, «не пожертвовав при этом точностью» (Заборов 1983. С. 118). В Изд. 1827 и в Изд. 1835 «Возвращеніе» напечатано вслед за переводом из Парни «Она придетъ! к ея устамъ...» (см. в настоящем издании № 106). О Боратынском и Мильвуа см. комментарии к № 73.

Приводим текст французского подлинника по изданию: Millevoye. Éd. 1843. P. 43.

Sur le chaume de ces demeures
Déjà le soir s'est abaissé:
Sortons de l'asile où les heures
Comme des instants ont passé.
Souris, Amour, si la bergère,
Quittant la grotte bocagère,
En rapporte, selon mes vœux,
Un doux souvenir dans son âme,
Dans ses yeux une douce flamme,
Une feuille dans ses cheveux.

63, ст. 1—2. *На кровы ближняго селенья // Нисходитъ вечеръ; день погасъ.* Слово *кровы* употреблено здесь в прямом значении 'крыши' (Словарь русского языка: В 4 т. Изд. 3-е. М., 1986. Т. II. С. 131). *День погасъ* — переводческая амплификация; ср. у Мильвуа: *На солом<енные кровы> этих жилищ // Уже опустился вечер* (ст. 1—2).

63, ст. 3—4. *Покинемъ рощу, гдѣ для насъ // Часы летѣли какъ мгновенья!* Ср. в «Le Retour»: *Покинем убежище, где часы // Проходили как мгновения* (ст. 3—4).

63, ст. 5. *Лель улыбнись <...>* Во французском оригинале (ст. 5): *Улыбнись, Амур <...>* (об этой замене см.: Изд. 1936. Т. II. С. 233; Заборов. С. 118; и др.). *Лель* — бог любви в составленном русскими мифологами XVIII в. «древнеславянском» пантеоне, в котором римскому Амуру соответствует Лель (Леля), а богине любви Венере — Лада (Ладо); см. «Краткий Мифологический Лексикон» (1757) и «Словарь (Абевегу) Русских суеверий» (1782—1786) М. Д. Чулкова, «Описание древнего Славянского языческого Баснословия» М. В. Попова (1768, 1772) и др. Псевдославянской мифологией насыщены «Русские сказки» В. А. Лёвшина (1780—1783) и поэмы А. Х. Востокова на темы из «древнерусской» жизни (см.: *Востоков* [*А.*]. Стихотворения / Ред., вступ. ст. и примеч. Вл. Орлова. Л., 1935. С. 389—390). Имя Леля было впервые введено в список «древних» богов польским историком XVI в. М. Меховским (Иванов, Топоров 1982. С. 454). *Лада* упоминается у Боратынского в мадригале «Финскимъ красавицамъ» (см. комментарий к № 26, ст. 7—8).

<...> изъ ней — то есть из рощи. В оригинале (ст. 6): *<...> Покидая лесной грот <...>* (*la grotte bocagère* — буквально 'грот, находящийся в роще').

63, ст. 6. В Изд. 1884 (С. 130) в ст. 6 неправомерно изменено время глагола: *<...> Случится дѣвицѣ моей <...>* (вместо *<...> Случилось дѣвицѣ моей <...>*).

Этот вариант был безоговорочно принят позднейшими редакторами (см. текстологические примечания). Е. Н. Купреянова даже назвала чтение прижизненных изданий «грамматической ошибкой» (Изд. 1957. С. 342). Между тем ощущение аграмматизма возникает лишь при неверной интерпретации союза *когда*, употребленного поэтом не во временно́м, а в условном значении — в соответствии с французским *si* 'если', которое находим в подлиннике Мильвуа: *Улыбнись, Амур, если пасту́шка* <...> *уносит из него* <...> (ст. 5—7; далее следует перечисление: *воспоминание, пламень в глазах, листок*).

63, ст. 7. <...> *Унесть во взорахъ пламень томный* <...> В русских переводах XVIII—XIX вв. сло́ва *взор, взоры* нередко выступают как эквивалент франц. *les yeux* 'глаза' (см.: СлРЯ XVIII в. Вып. 3. С. 137—138); ср. в «Le Retour»: <...> *Dans ses yeux une douce flamme* <...> = <...> *Нежный пламень в своих глазах* <...> (ст. 9). Эпитет *томный* связывает перевод из Мильвуа с фразеологией «пономаревского цикла» — ср. в стихотворении «Когдабъ вы мѣнѣе прекрасной...»: <...> *И томной пламень сихъ очей* <...> (№ 56, ст. 6); в ранней редакции стихотворения «Догадка»: <...> *Сихъ взоровъ томность* <...> (№ 62.2, ст. 13).

63, ст. 8. <...> *Мечту любви въ душѣ своей* <...> В подлиннике Мильвуа: <...> *Нежное воспоминание в своей душе* <...> (ст. 8).

63, ст. 9. <...> *И въ волосахъ листокъ нескромный.* Эпитет *нескромный* принадлежит Боратынскому. У Мильвуа сказано просто: <...> *Листок в своих волосах* (ст. 10).

И. А. Пильщиков

64

64.1. «Сей поцѣлуй, дарованный тобой...»
64.2. Поцѣлуй (Доридѣ) («Сей поцѣлуй, дарованный тобой...»)

Заглавие в Изд. 1827: **«Поцѣлуй».**

Стихотворение связано с С. Д. Пономаревой (см. о ней комментарий к № 42) и отражает кульминационный момент в развитии ее любовного романа с Боратынским (см.: Вацуро. СДП. С. 193—194; Песков 1998. С. 21; ср. комментарии к №№ 56—62).

У истоков темы поцелуя в европейской лирике стоят V и VII стихотворения Катулла. По их образцу голландский поэт Ян Эверардс (1511—1536), писавший на латинском языке под именем Иоанна Секунда (Iohannes Secundus), создал книгу стихов «Basia» («Поцелуи»). Во Франции тему поцелуев подхватили поэты Плеяды, позже отвергнутые школой Буало. Влияние Иоанна Секунда возвращается во второй половине XVIII столетия. Сборник стихов Клода-Жозефа Дора́ «Les Baisers» («Поцелуи», 1770) стал значительным литературным событием и в свою очередь

вызвал волну подражаний. Сюжету об одном-единственном поцелуе, подаренном поэту его возлюбленной и возбудившем в нем неутоленное желание, посвящен III «поцелуй» Иоанна Секунда («Da mihi suaviolum, dicebam, blanda puella...»). Стихотворение с аналогичным сюжетом, озаглавленное «L'Étincelle» («Искорка»), есть у К.-Ж. Дора́ (см.: *Dorat C.-J.* Les Baisers, précédés du Mois de Mai: Poème. Paris, 1970. P. 59).

Дорида — условное поэтическое имя греческого происхождения (Δωρίς, род. пад. Δωρίδος 'дорийская'). О посвящении «Доридѣ» см. комментарий к № 61, ст. 6—7. О звуковой организации стихотворения Боратынского см.: Семенко 1970. С. 285—286.

64.1, ст. 1. *Сей поцѣлуй, дарованный тобой* <...> Ср. у Дора́ в «L'Étincelle»: *Donne-moi, ma belle maîtresse, // Donne-moi, disois-je, un baiser* <...> *Tu n'osas me le refuser* <...> = *Подари мне, моя прекрасная подруга, // Подари мне, сказал я, поцелуй* <...> *Ты не осмелилась мне в нем отказать* <...> (ст. 1—4).

64.1, ст. 7. *Обманъ исчезъ, нѣтъ счастья!* <...> Ср.: <...> *Mais que ton bonheur fut rapide!* = <...> *Но как скоротечно было мое счастье!* (Дора́, «L'Étincelle», ст. 5).

64.1, ст. 7—8. <...> *и со мной // Одна любовь, одно изнеможенье.* Ср. финал «L'Étincelle»: *Ton baiser m'échappe, cruelle! // Le desir seul m'en est resté* = *Твой поцелуй ускользнул от меня, жестокая! // От него мне осталось одно желание* (ст. 13—14).

<...> *Одна любовь* <...> Мотив восходит к заключительному стиху из элегии Э. Парни «Que le bonheur arrive lentement!..» («Poésies érotiques», 1777—1781; кн. IV, элегия 11, ст. 22): <...> *J'ai tout perdu: l'amour seul est resté* = <...> *Я всё потерял: осталась одна любовь* (Parny. Éd. 1862. P. 117; отмечено: Вацуро. СДП. С. 193; см. также комментарий к № 20.1, ст. 5—8).

И. А. Пильщиков

65

65.1. «Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя, ты...»
65.2. Доридѣ («За чѣмъ нескромностью двусмысленныхъ рѣчей...»)

Заглавие в Изд. 1827: **«Деліи»**.

Адресат стихотворения указан в копии Н. Л. Боратынской (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 14 об.): «С. Д. П.», то есть Софья Дмитриевна Пономарева (см. о ней комментарий к № 42). Ранняя редакция, озаглавленная «Доридѣ», относится к завершающей стадии любовного романа Боратынского и Пономаревой (см. настоящее

издание, с. XXIII; ср. комментарии к №№ 56—62, 64). Об имени *Дорида* см. комментарий к № 64. Об имени *Делія* см. комментарий к № 61, ст. 6—7 (см. там же о стихотворениях Боратынского и А. А. Дельвига, в которых именами *Дорида* и *Делія* названа С. Д. Пономарева).

Главная тема стихотворения Боратынского — предсказание строптивой подруге любовных неудач в старости — традиционна для античной поэзии (см., например, XXV оду из I книги Горация). Вариацией на эту тему является, в том числе, прощальное обращение Тибулла к Делии (Тибулл, кн. I, элегия VI, ст. 77—84). Тема эта обычна и для французской эротической поэзии XVIII в. (ср.: Изд. 1936. Т. II. С. 232) — так, пассажем, переведенным из Tibull. I, 6, завершается VII элегия II книги «Les Amours» А. Бертена (1780—1785).

65.1, ст. 1—4. *Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя, ты // Игрой любви и сладострастья // Исполнить силишься мучительной мечты // Недосягаемаго счастья?* П. О. Морозов (см.: *Пушкин А. С.* Сочинения и письма. СПб.: Просвещение, 1903. Т. 1. С. 531) указывает на зависимость этих строк от послания А. С. Пушкина «Прелестнице» (опубликовано в 1820 г.): *К чему нескромным сим убором, // Умильным голосом и взором // Младое сердце распалять // И тихим, сладостным укором // К победе легкой вызывать?* (ст. 1—5; Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 71).

65.1, ст. 20. *Цирцея* (см. комментарий к № 30.1, ст. 18) — здесь в нарицательном значении 'кокетка, прелестница'. Эпитет *безчарная* — по-видимому, неологизм Боратынского (см.: *Изотов В. П., Панюшкин В. В.* Новые слова Е. А. Боратынского'и ненормативное словообразование // Венок. С. 141).

65.1, ст. 23. *Дитя крылатое* — Эрот (греческая мифология), или Купидон (латинская мифология), бог любви, которого изображали ребенком с крыльями за спиной и с луком и стрелами в руках (см. также комментарии к № 10.2, ст. 30; № 23.1, ст. 14—15).

65.2, ст. 3. <...> *Притворнымъ пламенемъ коварныхъ сихъ очей* <...> Мотив «огня очей» появляется в послании «Я безразсуденъ — и не диво!..»: <...> *Огонь ланитъ, огонь очей* <...> (№ 61, ст. 19; см. ссылки в комментарии к этому стиху). Эпитет *коварный* является общим для характеристик, которые поэт дает Делии-Дориде в упомянутом послании и в комментируемом стихотворении (ср. ниже, комментарий к № 65.2, ст. 12). Кроме того, мотив «коварных очей» хорошо увязывается с образом кокетки — Цирцеи или Армиды; ср., например, у К. Н. Батюшкова в послании «К Дашкову» (1813, ст. 43—44): *Мне петь коварные забавы // Армид и ветреных Цирцей* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 238; о синонимии этих имен в поэзии первой четверти XIX в. см.: *Пильщиков И. А.* Армида // Онегинская энциклопедия. М., 1999. Т. I. С. 62—64). В этом отношении показательно, что обо-

рот *для двухъ коварныхъ глазъ* в стихотворении Боратынского «Въ Альбомъ N. N. на другой день его свадьбы» (№ 107, ст. 9) напрямую связан с посланием Батюшкова «Ответ Тургеневу» (опубликовано в 1817 г.), где эти слова отнесены к кокетке, названной *Армидой*: <...> *Забудет для Армиды, // Для двух коварных глаз* (ст. 5—6; Батюшков. Изд. 1977. С. 278).

65.2, ст. 10—12. *Тебѣ невѣдомое чувство // Вливаетъ въ душу ихъ, невольницу страстей, // Твое коварное искуство.* Порядок слов здесь инверсирован по отношению к нейтральному: «Твое коварное искусство // вливает в их душу (невольницу страстей) // неведомое тебе чувство». В поздней редакции основные мотивы этих стихов трансформировались в образ Цирцеи (№ 65.1, ст. 20).

65.2, ст. 12. *Коварное искуство.* Ту же характеристику Пономаревой находим в послании «Я безразсуденъ — и не диво!..»: <...> *Одно коварное искуство // Я вижу въ Делiи твоей* <...> (№ 61, ст. 6—7).

65.2, ст. 31. <...> *Исчезнетъ легкiй рой веселiй и забавъ* <...> О словосочетаниях с опорным словом *рой* см. комментарий к № 32, ст. 9. О сочетании *веселья и забавы* см. комментарий к № 37.1, ст. 36.

65.2, ст. 34. *Дщери ада — Евмениды* (в публикации «Новых Аонид»: *Эвмениды*). Эвмениды (Εὐμενίδες 'милостивые') — эвфемистическое название эриний, богинь мщения и охранительниц миропорядка в греческая мифологии (римляне называли их фуриями). Эвмениды обитают в подземном царстве (см. «Энеиду» Вергилия, песнь VI, ст. 280; и др.); в ранней редакции «Паденья листьевъ» Боратынский именует эвменид *Богинями Эрева* (см. 73.2, ст. 17).

И. А. Пильщиков

66

«На звукъ цѣвницы голосистой...»

Заглавие в «Полярной Звезде» и в Изд. 1827: **«Весна»**.

66, ст. 1. *Цѣвница* — здесь 'свирель' (САР. Ч. VI. Стб. 1219), символизирующая буколическую поэзию (см. комментарии к № 13, ст. 17; № 34, ст. 48; № 45.1, ст. 35—37).

66, ст. 2—3. <...> *Толпой забавъ окружена, // Летитъ прекрасная весна.* Весна приходит в сопровождении хоровода нимф и граций (*iunctae Nymphis Gratiae*) — см. у Горация IV оду I книги (ст. 5—6) и VII оду IV книги (ст. 5—6). В поздней редакции послания Боратынского «Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой...» словом *забавы* заменено слово *Хариты* (см. комментарий к № 18.2, ст. 43; о тождестве харит и граций см. комментарий к № 10.1, ст. 3). Ср. *забавы* в значении

‘красавицы’ в послании «Къ ***» («Кто жаждетъ славы, милый мой!..»; см. комментарий к № 45.2, ст. 16).

66, ст. 6—10. *Утихли вьюги и мятели, // Текутъ потоками снѣга <...> Опять зефиры налетѣли // На обновленные луга.* Вольное подражание стихам из «Георгик» Вергилия: *Vere novo, gelidus canis cum montibus umor // liquitur et Zephyro putris se glaeba resolvit <...> = С новой весной, когда с седых гор холодная вода // стекает, и от Зефира земля становится рыхлой <...>* (кн. I, ст. 43—44). Ср. вергилианскую реминисценцию в начальных строках VII главы «Евгения Онегина»: *Гонимы вешними лучами, // С окрестных гор уже снега // Сбежали мутными ручьями // На потопленные луга* (Пушкин. Ак. Т. 6. С. 139). Сопоставление стихов Пушкина, Боратынского и Вергилия см.: Nabokov 1964. Vol. 3. P. 69—70.

Слово *Зефиры* в тексте «Полярной Звезды» и в Изд. 1827 начинается с прописной буквы. Зефир (Ζέφυρος) — в греческой мифологии бог западного ветра. Французские и русские поэты XVIII — первой трети XIX вв. называли *зефирами* (*les zéphyrs*) мягкие теплые ветры.

66, ст. 15. *Наяда* (греч. Ναϊάς, род. пад. Ναϊάδος) — в греческой мифологии нимфа ручья (ср. № 66, ст. 15: <...> *Заговорилъ ея ручей*).

66, ст. 21. *Климена.* См. комментарии к № 43.

66, ст. 24—25. *Тобою младости измѣна // Еще судьбѣ не прощена!* То есть: «Ты еще не простила судьбе измену молодости (= наступление старости)».

И. А. Пильщиков

67

67. Сестрѣ («И ты покинула семейный, мирный кругъ...»)

Стихотворение обращено к Софии Абрамовне Боратынской (1801—1844), родной сестре поэта (домашние имена — Соша, Сошичка). С. А. Боратынская почти безвыездно жила в имении Боратынских Мара Кирсановского уезда Тамбовской губернии; замужем не была. Она «покинула семейный, мирный кругъ» и приехала в Петербург в последних числах мая 1822 г. В течение двух следующих месяцев она жила в столице, общаясь с родственниками, в том числе с дядей П. А. Боратынским и с братом Евгением, а также его друзьями и знакомыми. Сведения об этом содержатся в письмах С. А. Боратынской к матери из Петербурга в Мару за 30 мая — 11 августа 1822 г. (см.: Лямина 1990. С. 209—219; Летопись. С. 113—118). По всей видимости, в это время и было написано стихотворение «Сестрѣ».

67, ст. 6—8. *Наперсница души отъ колыбельныхъ дней; // Не тщетно нѣжности я вѣровалъ твоей, // Тогда еще, тогда достойный ихъ цѣнитель!....* Притя-

жательное местоимение *ихъ* в сочетании *ихъ цѣнитель* относится к существительному *дни*: «цѣнитель колыбельныхъ дней» (см.: Винокур 1927. С. 77). Это место можно толковать не только как автобиографическую, но и как литературную аллюзию: о своих «младенческихъ дняхъ» и «невинномъ, безоблачномъ дѣтствѣ» поэт писал в отрывках из поэмы «Воспоминанія» (см. № 13, ст. 149 и далее).

Наперсница души отъ колыбельныхъ дней. Ритмико-грамматическая формула, знакомая по 6-стопным ямбам К. Н. Батюшкова; ср.: <...> *В беспечности златой от колыбельных дней* <...> («Тибуллова Элегия XI из I книги», 1810, ст. 20); <...> *Наперсник Муз, познал от колыбельных дней, // Что должен быть жрецом Парнасских олтарей* («Послание И. М. Муравьеву-Апостолу», 1815, ст. 7—8); <...> *Главы изгнанника, от колыбельных дней // Карающей богине обреченной...* («Умирающий Тасс», 1817, ст. 71—72; Батюшков. Изд. 1977. С. 224, 281, 328).

67, ст. 13—15. *Какъ чистая роса живитъ своей прохладой // Среди нагихъ степей спасительной усладой — // Такъ оживишь мнѣ чувства ты.* Два существительных в творительном падеже не разделены запятыми, поскольку не являются однородными членами предложения. В первом случае творительный падеж имеет орудийное (то есть объектное) значение (*живитъ своей прохладой* ‘живит с помощью прохлады’); во втором случае тот же падеж имеет квалифицирующее (то есть определительное) значение (*спасительной усладой* ‘будучи спасительной усладой, в качестве спасительной услады’).

И. А. Пильщиков

68

68.1. Дельвигу («Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой...»)
68.2. Къ Дельвигу («Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой...»)

Последнее из пяти посланий 1819—1822 г., обращенных к Антону Антоновичу Дельвигу (см. также комментарии к №№ 10, 18, 36, 61).

68.1, ст. 5—8. *Ты помнишь-ли, въ какой печальный срокъ // Впервые ты узналъ мой уголокъ? // Ты помнишь ли, съ какой судьбой суровой // Боролся я, почти лишенный силъ?* Дельвиг познакомился с Боратынским в конце 1818 или в начале 1819 г., когда Боратынский, исключенный из Пажеского корпуса за кражу (1816), снимал квартиру в Семеновских ротах и ждал зачисления на военную службу (8 февраля 1819 г. он был определен рядовым в лейб-гвардейский Егерский полк). Подробнее об отношениях Боратынского и Дельвига см. комментарии к № 10.

68.1, ст. 11. *Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ Музъ.* Дельвиг был инициатором первых публикаций Боратынского (см. комментарии к № 1) и его первым «поверенным в поэзии и любви» (Дельвиг — Боратынскому, 8 января 1826 г.).

8 февраля 1826 г., вспоминая о былом, он писал Боратынскому: «На то ли я тебя свел к музам, чтоб ты променял их на беззубую хрычовку Москву» (Дельвиг. Изд. 1986. С. 310, 313). В сонете «Н. М. Языкову», созданном примерно в то же время, что и комментируемое послание (сонет был зачитан на заседании ВОЛРС 11 декабря 1822 г., а затем опубликован в «Соревнователе Просвещения и Благотворения»), Дельвиг говорит об А. С. Пушкине и Боратынском:

Я Пушкина младенцем полюбил,
С ним разделял и грусть и наслажденье,
И первый я его услышал пенье

И за себя богов благословил.
Певца *Пиров* я с музой подружил
И славой их горжусь в вознагражденье.

(Дельвиг. Изд. 1986. С. 49)

Об этом сонете Пушкин писал Дельвигу из Одессы (16 ноября 1823 г.): «Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной музе Баратынского» (Пушкин. Ак. Т. 13. С. 74).

68.1, ст. 13. <...> *Я-ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ* <...> Типичная для Боратынского удаленная постановка местоимения (Винокур 1927. С. 78—79): притяжательное местоимение *ея* относится к существительному *судьба*, которое находится в ст. 7 (*Ты помнишь ли, съ какой судьбой суровой* <...>).

Свинцовый грузъ <*судьбы*>. В. В. Виноградов (см.: Виноградов 1935. С. 305) сравнивает такое употребление с фразеологией французского *fardeau* 'груз, ноша, бремя' и приводит параллель из «Беседки Муз» К. Н. Батюшкова (1817), где к слову *груз* применен тот же самый эпитет: *Пускай забот свинцовый груз // В реке забвения потонет* <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 334).

68.1, ст. 19. <...> *Забытые фортуною слѣпой* <...> Реминисценция из «Моих Пенатов» Батюшкова (1811—1812, ст. 135—136): <...> *Богинею слепою // Забыт я от пелен* (Батюшков. Изд. 1977. С. 264). См. комментарий к № 25.2, ст. 3—4.

68.1, ст. 32. <...> *и въ ведро и въ ненастье* <...> Об этих метафорах см. комментарий к № 30.1, ст. 28—29.

68.1, ст. 34. <...> *Не полное безъ раздѣленья счастье.* Существительное *раздѣленье* выражает действиие по глаголу *раздѣлять* в значении 'принимать участие в чем-л.' (см.: САР. Ч. V. Стб. 347). Ср. в послании В. К. Кюхельбекера «К моему Гению» (1818, ст. 17—18): <...> *Но было время — раздѣленья // Отъ братій ждалъ я, отъ друзей* <...> (Невский Зритель. 1820. Генварь. С. 97). У самого Боратынского в стансах «Судьбой наложенныя цѣпи...»: *Ко благу пылкое стремленье // Отъ неба было мнѣ дано; // Но обрѣло-ли раздѣленье, // Но принесло ли плодъ оно?...* (№ 129.1, ст. 17—20).

И. А. Пильщиков

ПРОИЗВЕДЕНИЯ БОРАТЫНСКОГО, ЧИТАННЫЕ В СОБРАНИЯХ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ в 1820—1822 гг.

1820

Журнал ученых упражнений Высочайше утвержденного С.-Петербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности. 1820 год (ПД. Ф. 58. Оп. 1. № 97).
Дела цензурного комитета Высочайше утвержденного С.-Петербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности. 1820 год (ПД. Ф. 58. Оп. 1. № 36).

19 января

[1] — «Посланіе къ Д.....гу. Соч. Г. Баратынскаго. Дост. Барономъ А. А. Дельвигомъ»

Резолюция: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 6 об.).

См. в настоящем издании № 18.2: Посланіе къ Б... Дельвигу («Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой...»).

[2] — «Посланіе къ К....ву. Соч. его же. Дост. тѣмъ же»

Резолюции: «Исправить. Избрано» (Журнал. Л. 6 об.). 17 марта 1820 г. цензор поэзии ВОЛРС (и адресат послания) А. А. Крылов одобрил стихотворение к напечатанию в «Соревнователе» (Дела. Л. 227 об.).

См. в настоящем издании № 19: К—ву («Любви веселой проповѣдникъ...»).

23 февраля

[3] — «Посланіе къ Л... Соч. Е. А. Баратынскаго»

Резолюции: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 11). Вероятно, именно к этому стихотворению относится резолюция цензора поэзии ВОЛРС А. А. Крылова от 17 марта 1820 г. — одобрив к напечатанию в «Соревнователе» «Посланіе къ К....ву»

Настоящий указатель составили Р. А. Евстифеева и А. Р. Зарецкий.

(см. выше: [2]), Крылов отметил: «Другое же его посланіе можно отложить до времени» (Дела. Л. 227 об.).

См. в настоящем издании № 22.2: Лидѣ («Твой дѣтской вызовъ мнѣ пріятенъ...»).

22 марта

[4] — «Весна. Элегія. Соч. Е. А. Баратынскаго»

Резолюции: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 15).

См. в настоящем издании № 24: Весна (Элегія) («Мечты волшебныя, вы скрылись отъ очей!..»).

19 апреля

[5] — «Финляндія. Соч. Е. А. Баратынскаго»

Резолюции: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 18); «16 изб., 1 не изб. Одобрено» (Дела. Л. 253; запись от 28 апреля).

См. в настоящем издании № 25.2: Финляндія («Громады вѣчныхъ скалъ, гранитныя пустыни...»).

[6] — «Мадригалъ Финскимъ красавицамъ. Соч. его же»

Резолюции: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 18); «16 изб., 1 не изб. Одобрено» (Дела. Л. 253; запись от 28 апреля).

См. в настоящем издании № 26: Финскимъ красавицамъ (Мадригалъ).

10 мая

[5а] — «Финляндія» зачитана секретарем общества А. А. Никитиным в собрании для посетителей ВОЛРС (Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. № IV. С. 104).

22 ноября

[7] — «О заблужденіяхъ и истинѣ. Соч. Е. А. Баратынскаго»

Резолюции: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 39 об.); «7 изб., 2 не изб. [Препровождается]» (Дела. Л. 527).

См. в настоящем издании раздел «Проза».

13 декабря

[8] — «Пиры. Соч. Е. А. Баратынскаго»

Резолюция: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 42 об.).

См. в настоящем издании раздел «Поэмы».

[9] — «Дельвигу. Соч. его же»

Резолюция: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 42 об.).

См. в настоящем издании № 36: «Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найдти...».

1821

Дела цензурного комитета Высочайше утвержденного С.-Петербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности. 1821 год (ПД. Ф. 58. Оп. 1. № 37).

28 февраля

[8а] — Поэма «Пиры» зачитана Н. И. Гнедичем в собрании для посетителей ВОЛРС (Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № III. С. 420; Благонамеренный. 1821. Ч. 13. № IV. С. 252).

7 марта

[10] — «Въ Альбомъ. Соч. Е. А. Баратынскаго»

Резолюция: «Всѣ избр. Препровождается» (Л. 82).

См. в настоящем издании № 42.2: Въ Альбомъ («Вы слишкомъ многими любимы...»).

[11] — «Бдѣніе. Его же»

Резолюция: «Всѣ избр. Препровождается» (Л. 82).

См. в настоящем издании № 41.2: Бдѣніе («Одинъ съ любимою мечтою...»).

[12] — «Къ К....о. Соч. его же»

Резолюция: «Всѣ избр. У Г. Сочинителя» (Л. 82).

См. в настоящем издании № 43: «Приманкой ласковыхъ рѣчей...».

16 мая

[13] — «Водопадъ. Соч. Е. А. Баратынскаго»

Резолюция: «14 избр., 1 не избр. Препровождается» (Л. 139).

См. в настоящем издании № 44.2: Водопадъ («Шуми, шуми съ крутой вершины...»).

[14] — «Элегія. Соч. его же»

Резолюция: «14 избр., 1 не избр. Препровождается» (Л. 139).

См. в настоящем издании № 30.2: <Элегія> (Н. М. К.) («Пора покинуть, милый другъ...»); № 35.2: <Элегія> («Прощай, отчизна непогоды...»).

8 августа

[15] — «Посланіе. Соч. Е. А. Баратынскаго»

Резолюция: «19 избр., 2 не избр. У Г. Сочинителя» (Л. 188).

О каком послании идет речь, неясно.

[16] — «Элегія. Соч. Е. А. Баратынскаго»

Резолюция: «Всѣ избр. Препровождается» (Л. 188).

См. в настоящем издании №№ 30.2: <Элегія> (Н. М. К.) («Пора покинуть, милый другъ...»); № 35.2: <Элегія> («Прощай, отчизна непогоды...»).

[17] — «Цвѣтокъ. Соч. его же»

Резолюция: «Всѣ избр. Препровождается» (Л. 188).

См. в настоящем издании № 47.2: Цвѣтокъ («Порою утренней Людмила...»).

22 августа

[18] — «Къ Риму. Соч. Е. А. Баратынскаго»

Резолюция: «Всѣ избр. У Г. Сочинителя» (Л. 193).

См. в настоящем издании № 48: «Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовластитель...».

12 сентября

[19] — «Посланіе I. Соч. Е. А. Баратынскаго»

[20] — «Посланіе II. Соч. его же»

Резолюции по обоим посланиям: «16 избр., 1 не избр. Препровождается» (Л. 198).

См. в настоящем издании № 53: <Элегія> («Нѣтъ, не бывать тому, что было прежде!..»); № 54: Разувѣреніе.

[21] — «Прощаніе. Соч. его же»

Резолюция: «Всѣ избр. Препровождается» (Л. 198 об.).

См. в настоящем издании № 12.2: Ш—му (Въ Альбомъ) («Пускай измаранный листокъ...»).

1822

Журнал ученых упражнений Высочайше утвержденного С.-Петербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности. 1822 год (ПД. Ф. 58. Оп. 1. № 98).

Дела цензурного комитета Высочайше утвержденного С.-Петербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности. 1822 год (ПД. Ф. 58. Оп. 1. № 38).

16 января

[22] — «Къ Другу. Соч. Е. А. Баратынскаго»

Резолюции: «Одобрено. Избр. больш. гол.» (Журнал. Л. 6); «16 изб., 1 не изб. У Г. Сочинителя» (Дела. Л. 25).

См. в настоящем издании № 61: «Я безразсуденъ — и не диво!..»; № 68.2: Къ Дельвигу («Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой...»).

17 апреля

[23] — «Весна. Соч. Е. А. Баратынскаго»

Резолюции: «Одобрено. Избр. больш. гол.» (Журнал. Л. 14); «25 избр., 2 не избр. Препровождается» (Дела. Л. 103).

См. в настоящем издании № 66: «На звукъ цѣвницы голосистой...».

ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ СТИХОТВОРЕНИЙ БОРАТЫНСКОГО ДЛЯ ИЗДАНИЙ 1827, 1835 И 1842 ГГ.

Впервые Боратынский собрался издать свои стихотворения отдельной книгой в 1823 году.

Летом 1823 г. К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев предложили ему выпустить сборник стихотворений и выплатили аванс — см. в письме Бестужева к П. А. Вяземскому от 23 сентября 1823 г.: «Здесь был Баратынский, у которого мы купили его сочинения за 1000 рублей» (Литературное наследство. М., 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 207).

Видимо, осенью — в начале зимы 1823 г. Боратынский, живя в Роченсальме, отредактировал стихотворения, предназначенные для публикации, и отправил рукопись в Петербург своим будущим издателям. Вскоре он написал им письмо, в котором просил их взять на себя труд распределения стихотворений внутри разделов (очевидно, что в рукописи было, по крайней мере, два раздела элегий): «В первой тетради они у меня переписаны без всякого порядка, особенно вторая книга элегий имеет нужду в пересмотре; я желал бы, чтобы мои пьесы по своему расположению представляли некоторую связь между собою, к чему они до известной степени способны. Второе: уведомьте, какие именно стихи не будет пропускать честная цензура: я, может быть, успею их переделать» (Цит. по: Летопись. С. 127).

В январе 1824 г. в Петербурге начались усиленные хлопоты об освобождении Боратынского от принудительной солдатской службы. Во время хлопот сложилось убеждение в том, что публикация его стихотворений освобождению препятствует — см. в письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 24 марта 1824 г. из Петербурга в Москву: «<...> спешу пересказать о Боратынском. Закревский говорил и просил: обещано или почти обещано, но еще ничего не сделано, а велено доложить чрез Дибича. На этого третьего дня напустил я князя Голицына <...>. Страшусь отказа за Боратынского, ибо он устал страдать и терять надежду; но авось! <...> Повторяю просьбу: не объявлять нигде его имени под стихами» (Цит. по: Летопись. С. 137). Судя по последним словам, требование не подписывать стихотворения Боратынского при их публикации Тургенев высказывал не впервые.

В тот же день, когда Тургенев писал Вяземскому это письмо, вышел очередной номер «Литературных Листков» Ф. В. Булгарина с объявлением: «Многіе любите-

ли Поэзіи давно уже желаютъ имѣть собраніе стихотвореній Е. А. Баратынскаго, котораго прекрасныя Элегіи, Посланія, Воспоминанія о Финляндіи и Пиры, снискали всеобщее одобреніе. К. Ѳ. Рылѣевъ, съ позволенія Автора вознамѣрился издать его сочиненія, и это будетъ истинный подарокъ для просвѣщенной публики» (Литературные Листки. 1824. Ч. I. № 5. С. 194—195; ценз. разр. 15 марта; ценз. билет 24 марта — см.: Вацуро. СДП. С. 413).

В начале апреля 1824 г. Александр I, получив докладную записку начальника Главного штаба И. И. Дибича о представлении Боратынского к производству в офицеры, вопреки общим надеждам, постановил: «Не представлять впредь до повеления» (см.: Летопись. С. 137).

Такой ход событий принудил отложить издание стихотворений до лучшей поры.

Летом 1824 г. Боратынский был в Петербурге и, попросив у Рылеева и Бестужева свою рукопись, увез ее с собой в Финляндию — «будто нечаянно», как жаловался Бестужев, подозревавший здесь козни А. Ф. Воейкова (см. его письмо к Вяземскому от 20 сентября 1824 г.: Литературное наследство. М., 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 223).

Перерабатывал ли Боратынский свои стихотворения в ближайшее время после того, как забрал рукопись у своих издателей, — неизвестно.

В начале мая 1825 г. он наконец был произведен в офицеры, и уже ничто не мешало ему печатать стихотворения с полной своей подписью. Но к этому времени его литературные отношения с Рылеевым и Бестужевым совсем разладились — см. в письме Бестужева к Пушкину от 9 марта 1825 г.: «Что же касается до Баратынского — я перестал веровать в его талант. Он исфранцузился вовсе. Его Эдда есть отпечаток ничтожности, и по предмету и по исполнению, да и в самом Черепе я не вижу целого — одна мысль, хорошо выраженная, и только. Конец — мишура» (Пушкин. Ак. Т. 13. С. 149—150).

В начале октября 1825 г., при встрече с Рылеевым в Москве, Боратынский вернул ему аванс (см.: Летопись. С. 163).

В эту пору А. А. Дельвиг готовил в Петербурге отдельное издание поэм Боратынского «Эда» и «Пиры» (вышло в середине февраля 1826 г. — см.: Летопись. С. 176), и, очевидно, уже тогда было решено, что издателем собрания стихотворений Боратынского станет он.

Издание 1827 г.

Стихотворенія Евгенія Баратынскаго.
М.: Въ типографіи Августа Семена, при Имп. Медико-Хирургической Академіи, 1827.

В издание вошли стихотворения, написанные в 1818—1826 гг.

В начале апреля 1826 г. Дельвиг писал Пушкину: «<...> я купил у Баратынского <...> его “Сочинения”» (Дельвиг. Изд. 1986. С. 315).

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЕВГЕНІЯ БАРАТЫНСКАГО.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1827.

Титульный лист издания 1827 г.

Когда именно Боратынский отправил свои стихотворения из Москвы, где он теперь постоянно жил, в Петербург Дельвигу, — неясно.

В марте 1826 г. Дельвиг еще не получил рукопись — см. в его мартовском письме к Боратынскому: «<...> свадебные издержки посадили меня в долг около пяти тысяч. Скорая присылка твоих стихов в три месяца избавит меня от оного и доставит тебе столько же на прожиток» (Дельвиг. Изд. 1986. С. 315).

К ноябрю 1826 г. рукопись стихотворений Боратынского, предназначенных для издания, несомненно, уже давно лежала у Дельвига — см. в ноябрьском письме Боратынского к Н. В. Путяте в Петербург: «Доставил ли ты письмо мое Дельвигу? Я не получаю от него ни строчки. Сделай милость, попеняй ему и узнай, печатаются ли мои сочиненья или нет. Скажи Дельвигу, что я на него очень сердит. Три письма мои к нему остались без ответа» (Цит. по: Летопись. С. 184).

В начале января 1827 г. Дельвиг утешал Боратынского: «Твои стихотворения в цензуре, в феврале выйдут в свет. Справься у ваших книгопродавцев, сколько экземпляров им надобно, не уступай им более двадцати процентов и напиши мне. Я их тебе и пришлю, и ты сейчас по получении будешь иметь деньги» (Дельвиг. Изд. 1986. С. 322 — здесь письмо ошибочно датировано: 3 декабря 1826; передатировку: 3 января 1827 — см.: Летопись. С. 188).

Однако на самом деле Дельвиг отдал рукопись в цензуру только через две недели, 16 января 1827 г. — см. его прошение в Главный цензурный комитет: «По поручению отставного прапорщика Евгения Абрамовича Баратынского предполагая издать в свет при сем прилагаемую рукопись под заглавием «Стихотворения Е. Баратынского», имею честь представить оную на основании §§ 50 и 51-го высочайше утвержденного 10-го июня прошлого 1826 года устава о цензуре, прося покорнейше дать мне позволение к напечатанию оной» (Дельвиг. Изд. 1986. С. 323).

Как шло издание после этого — можно только предполагать.

По неизвестным причинам рукопись «Стихотворений Евгения Баратынского» была отправлена в Москву.

17 марта 1827 г. она была представлена в Московский цензурный комитет и к 21 марта — процензурована; было исключено одно стихотворение — «Леда» (см.: Оксман 1922. С. 339). Согласно указанию на обороте титульного листа книги, цензурное разрешение выдано 28 марта 1827 г. цензором И. М. Снегиревым.

В Москве изданием ведал Н. А. Полевой (условия и подробности перепродажи прав на издание неизвестны).

К 21 сентября 1827 г. книга была отпечатана — в этот день выдан цензорский билет на ее выход (см.: Летопись. С. 197), но до публики она дошла только через полтора месяца — см. объявления о выходе и продаже «Стихотворений Евгения Баратынского» в конторе «Московского Телеграфа»: Московские Ведомости. 1827. № 90. 9 ноября. Приложение; Московский Телеграф. 1827. Ч. XVII. № 19. Отд. I. С. 225 (номер «Московского Телеграфа» вышел к 19 ноября — см.: Московские Ведомости. 1827. 19 ноября. № 93. С. 3789). К 25 ноября 1827 г. Боратынский,

находившийся в это время в Маре, получил экземпляры книги — см. его благодарственное письмо к Полевому (Летопись. С. 198).

Издание 1835 г.

Стихотворенія Евгенія Баратынскаго.
Часть I <Стихотворения>; Часть II <Поэмы>.
М.: Въ типографіи Августа Семена, при Имп. Медико-Хирургической Академіи, 1835.

В издание вошли стихотворения, написанные в 1818—1832 гг. (Часть I), и поэмы (Часть II).

В 20-х числах сентября 1832 г. в Москву приезжал А. С. Пушкин. О его встречах с Боратынским в это время см. в письме к Н. Н. Пушкиной: «Кто тебе говорит, что я у Баратынского не бываю? <...> Мы всякой день видимся» (Пушкин. Ак. Т. 15. С. 37; письмо, датируемое 28—30 сентября 1832). Очевидно, именно тогда Пушкин обещал Боратынскому поговорить с петербургским книгопродавцем А. Ф. Смирдиным об издании его нового собрания сочинений.

2 декабря 1832 г. Пушкин писал П. В. Нащокину в Москву: «Скажи Баратынскому, что Смирдин в Москве и что я говорил с ним о издании *полных Стихотворений Евг. Баратынского.* Я говорил о 8, и о 10 тыс., а Смирдин боялся, что Баратынский не согласится; следственно Бар<атынский> может с ним сделаться. Пускай он попробует» (Пушкин. Ак. Т. 15. С. 37).

Очевидно, что Боратынский быстро договорился со Смирдиным. В «Реэстре книгам, печатаемым на собственное иждивение книгопродавца Смирдина в 1833 году» значатся «Стихотворения Евгения Баратынского, 3 части, <число листов> 45, <число экземпляров> 2000, за право оригинала 7000 <руб.>, <издержки для печатания> 5000 <руб.>, <цена продажная> 12 <руб.>» (Светлов 1984. С. 123).

7 марта 1833 г. (согласно указанию на оборотах титульных листов книги) было подписано цензурное разрешение.

14 марта 1833 г., при рассмотрении рукописи на заседании Санктпетербургского цензурного комитета, по представлению цензора Н. И. Бутырского были запрещены к печати фрагменты из стихотворений «Завыла буря; хлябь морская...» (см. № 92 в настоящем издании); «Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций...»; в итоге стихотворение в Изд. 1835 не вошло — см. № 10.1); «К чему невольнику мечтания свободы?..» (см. № 179); «Как много ты в немного дней...» (см. № 98); в стихотворении «Сердечным нежным языком...» (см. № 140) была запрещена 8-я строка (см.: Оксман 1922. С. 13—14). Вероятно, в марте 1833 г. в цензуру была представлена рукопись только стихотворений — характерно отсутствие цензорских претензий к поэмам.

После цензурования рукопись была отправлена из Петербурга к московскому книгопродавцу и издателю А. С. Ширяеву (условия и подробности перепродажи Смирдиным прав на издание неизвестны).

Во второй половине мая 1833 г. Боратынский с семейством уехал в Мару и вернулся в Москву только в марте 1834 г. (см.: Летопись. С. 309, 322). В течение второй половины 1833 г. Ширяев порциями высылал Боратынскому корректурные листы для вычитки и правки — см. письмо Боратынского к И. В. Киреевскому из Мары в Москву от 4 августа 1833 г.: «Ежели увидишь Ширяева, сделай одолжение, скажи ему, что я весьма неисправно получаю корректуру. Лист должен обоpотиться в три недели, а он оборачивается в пять. Ежели все так пойдет, то я не напечатаюсь и к будущему году» (Цит. по: Летопись. С. 314).

Несомненно, это была корректура только первой части книги — со стихотворениями, а до поэм дело еще не дошло. Так можно думать по двум причинам: во-первых, потому, что обе части «Стихотворений Евгения Баратынского» (Часть I: Стихотворения; Часть II: Поэмы) вышли в свет не «к будущему году», а почти через два года — только в апреле 1835 г.; во-вторых, потому, что единственное свидетельство о том, что Баратынский вычитывал корректуру поэм, датируется значительно более поздним временем — ноябрем следующего, 1834 года (см. ниже).

Стихотворения были полностью набраны к концу 1833 г. и, очевидно, тогда же был получен цензорский билет. Сохранился экземпляр книги (ГЛМ, инв. № 92742) с дарственной надписью: «Александру Ивановичу Тургеневу Е. Боратынскій». Видимо, именно этот экземпляр и был представлен в цензуру в конце 1833 г. — на нем сохранились следы от красных сургучных печатей, которыми, очевидно, был прикреплен к книге цензорский билет.

Особенности этого экземпляра в том, что первая часть книги — со стихотворениями — напечатана на бумаге, имеющей водяные знаки только 1833 года, а на титульном листе первой части стоит дата: *1833* (см.: Светлов 1984. С. 123—128). Титульный лист второй части, где напечатаны поэмы, утрачен.

Из истории подготовки к печати второй части известно лишь то, что в ноябре 1834 г. Боратынский завершал чтение корректуры последней из поэм, вошедших в эту часть, — см. его ноябрьское письмо к свояченице Соничке Энгельгардт из Мары или Казани в Москву: «Вот тебе, моя душенька, корректура. Похлопочи обо мне. <...> Вот тебе еще поручение. В 4-й главе Наложницы я было уничтожил последнюю тираду со стиха: Елецкой, проводив гостей. Я ее возобновляю и пишу об этом в типографию, но боюсь, что меня не поймут. Прежде, нежели мне пошлешь корректуру, взгляни на нее и, ежели мое желание не исполнено, отошли назад и вели им растолковать, в чем дело» (Цит. по: Летопись. С. 324).

К 20-м числам января 1835 г. обе части книги получили цензорское разрешение на выход — см. дневниковую запись А. И. Тургенева от 22 января 1835 г.: «Баратынский привез ко мне экз<емпляр> нового издания своих сочинений» (цит. по: Гиллельсон 1964. С. 476; речь идет об экземпляре, хранящемся сейчас в ГЛМ).

Тираж издания был отпечатан к 20-м числам апреля (см. объявление о продаже книги: Московские Ведомости. 1835. 20 апреля. № 32. С. 1580).

А. Р. Зарецкий, А. М. Песков

СТИХОТВОРЕНІЯ

Евгенія Баратынскаго.

Часть I.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургичес. Академіи.

1835

Титульный лист Части I издания 1835 г.

Издание 1842 г.

Сумерки. Сочиненіе Евгенія Боратынскаго.
М.: Въ типографіи А. Семена, при Имп. Медико-Хирургической Академіи, 1842.

В издание вошли стихотворения, написанные во второй половине 1834 — 1841 г.

Книгу «Сумерки» Боратынский издавал без посредников. Очевидно, в начале января 1842 г. рукопись была отдана Августу Семену — содержателю той московской типографии, где в свое время печатались два предыдущих собрания стихотворений Боратынского.

14 января 1842 г. рукопись поступила в цензуру.

Цензурный экземпляр «Сумерек» (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 43) представляет собой тетрадь в 4-ю долю листа, в синей обложке; стихотворения записаны неизвестной рукой, одним почерком; рукопись содержит правку Боратынского и вставки, сделанные рукой Н. Л. Боратынской.

На обложке рукописи — запись неизвестной рукой: «Изъ типографіи А. Семена Г. Цензору Флорову».

На титульном листе (Л. 1) рукой Боратынского написано:

Сумерки
[Сонъ зимней ночи]
Сочиненіе
Евгенія Боратынскаго.
Москва
1842го Года

Первоначальное заглавие — «Сонъ зимней ночи» — было зачеркнуто и над ним вписано новое — «Сумерки» — очевидно, после возвращения рукописи из цензуры.

Вверху титульного листа запись неизвестной рукой: «№ 14 генваря 14 1842 года» — день поступления рукописи в цензуру; внизу той же рукой, что на обложке: «Изъ Типографіи Семена».

Рукопись содержит цензорские пометы на стихотворениях «Последний поэт», «Недоносок», «Тщетно, меж бурною жизнью и хладною смертью, философ...», «Бокал», «Толпе тревожный день приветен, но страшна...», «Рифма»; стихотворения «Были бури, непогоды...» и «Еще, как патриарх, не древен я; моей...» отмечены к исключению целиком. Запретительные пометы цензора вызвали ответную реакцию Боратынского: у стихотворений «Бокал», «Были бури, непогоды...», «Еще, как патриарх, не древен я; моей...», «Толпе тревожный день приветен, но страшна...», «Рифма» он указал журналы, где эти стихотворения были опубликованы. Кроме

СУМЕРКИ.

СОЧИНЕНІЕ

Евгенія Боратынскаго.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи

1842

Титульный лист книги «Сумерки»

того, Боратынский внес требуемую цензурой поправку в заключительной строке стихотворения «Недоносок» и сделал в нескольких стихотворениях ряд поправок, не связанных с цензурными требованиями. Более подробное описание цензурного экземпляра «Сумерек» см. в комментариях к разделу «Сумерки» в третьем томе настоящего издания.

Цензурное разрешение, согласно указанию на обороте титульного листа книги, было выдано 10 марта 1842 г. И. М. Снегиревым — старым знакомым Боратынского, цензуровавшим еще издание 1827 года.

К 20 мая 1842 г. «Сумерки» поступили в продажу (см. объявление о выходе книги: Московские Ведомости. 1842. 20 мая. № 40. Прибавление. С. 589).

Е. О. Ларионова, А. М. Песков

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКОВ 1827 И 1835 ГГ.

Изд. 1827

Элегіи

Книга первая

Книга вторая

Книга третья

Смѣсь

Посланія

Изд. 1835. Часть I

О ПРАВОПИСАНИИ ФАМИЛИИ ПОЭТА

Фамилия поэта, как известно, пишется различно. В частных письмах он сам и почти все его родственники обычно ставили в 1-м слоге — **о**, в последнем — **і**: *Боратынскій*. В произведениях, опубликованных при его жизни за полной подписью, — в журналах, альманахах, в собраниях стихотворений 1827 и 1835 гг. и в отдельных изданиях поэм «Пиры», «Эда» (1826), «Бал» (1828), «Наложница» (1831) — в первом слоге его фамилии — ***а***, в последнем — ***і***: *Баратынскій* (в некоторых журналах начала 1820-х гг. — *Баратынской*). Исключение составляют одна из первых журнальных публикаций (три стихотворения, напечатанные в «Благонамеренном» в марте 1819 г. — см. №№ 2; 3.2; 4) и последний сборник стихотворений «Сумерки» (1842), где фамилия означена через о в первом слоге: *Боратынскій*. В официальных бумагах Пажеского корпуса, л.-гв. Егерского полка, Отдельного Финляндского корпуса, Межевой канцелярии, где он числился на службе, его именовали, а иногда и сам он подписывался: *Баратынскій*. Так же писали его фамилию друзья и знакомые.

Традиция правописания фамилии поэта с ***а*** в первом слоге сохранялась после его смерти на протяжении всей второй половины XIX в., благо эта традиция была поддержана его собственными сыновьями: подготовленные ими первые посмертные собрания сочинений отца назывались «Сочиненія Евгенія Абрамовича Баратынскаго» (см. Изд. 1869 и Изд. 1884), хотя в биографической справке Л. Е. Боратынского и было оговорено, что «правильнее Боратынскій» (Изд. 1869. С. 391; Изд. 1884. С. 475). В конце XIX — начале XX в. утвердилось правописание *Боратынскій* (см., например: Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899; Изд. 1900; Изд. 1914—1915; М. А. Боратынский 1910; Филиппович 1917), причем даже при публикации рукописей, в которых фамилия обозначалась через *а*, ставилось *о* — так, в «Остафьевском архиве» правописание *Баратынскій*, характерное для П. А. Вяземского и А. И. Тургенева, исправлялось на *Боратынскій*.

После 1917 г. это обыкновение сохранилось лишь в немногих сочинениях русских эмигрантов первой волны, но по эту сторону границы оно было нарушено, и к 1930-м гг. общее предпочтение вновь было отдано ***а*** в первом слоге (с обусловленной новым алфавитом заменой ***і*** на ***и*** в последнем): *Баратынский* (см., например:

Пигарев 1935; Медведева 1936; Изд. 1936). Первым нарушил советскую традицию К. В. Пигарев, снова поставивший ***о*** в первом слоге (Изд. 1951). Но то был единичный случай: в большинстве советских изданий последующего времени (в том числе тех, что составлял Пигарев) фамилия поэта печаталась через ***а***.

Публикация в 1958 г. воспоминаний Н. М. Коншина, в которых подчеркивалось, что «поэт всегда употреблял **о** и горячо отстаивал честь этого ***о***» (Коншин. Изд. 1958. С. 390), отозвалась только в 1970-е гг., когда в защиту **о** были написаны отдельные статьи (Валерианов 1970; А. Л. Боратынский 1971; Кожинов 1975), и правописание *Боратынский* стали использовать некоторые исследователи (см.: Песков 1974; Лебедев 1985). Новые и новейшие аргументы в пользу ***а*** (Фризман 1982. С. 575—576) и **о** (Андреев 1994) вопроса о единственно верном правописании не решили.

В настоящем издании принято правописание *Боратынский* — как соответствующее последнему авторскому решению, зафиксированному в заглавии последней книги поэта: «Сумерки. Сочиненіе Евгенія Боратынскаго».

А. М. Песков

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ К ПЕРВОМУ ТОМУ

I

ВОЛРС — Вольное общество любителей российской словесности.

ВОЛСНХ — Вольное общество любителей словесности, наук и художеств.

Л. — Лист рукописи.

прим. — примечания.

С. — Страница.

Ст. — Строка.

Стб. — Столбец.

Ценз. разр. — Цензурное разрешение.

Ценз. билет — Цензорский билет на выпуск издания из типографии.

II

Алексеев 1967 — *Алексеев М. П.* Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967.

Альми 1961 — *Альми И. Л.* Элегии Е. А. Баратынского 1819—1824 годов (К вопросу об эволюции жанра) // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1961. Т. 219.

Альтшуллер 1995 — *Альтшуллер М. Г.* Записки Пушкина и Баратынского в публикациях А. Е. Грена // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1995. Вып. 26.

Список сокращений составил А. М. Песков.

Андреев 1994 — *Андреев В. Е.* О начертании фамилии поэта: Еще раз о букве «о» // Венок Боратынскому. Мичуринск, 1994.

Бабичев, Боровский 1997 — *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов. М., 1997.

Батюшков. Изд. 1964 — *Батюшков К. Н.* Полное собрание стихотворений / Издание подготовил Н. В. Фридман. М.; Л.,1964.

Батюшков. Изд. 1977 — *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе / Издание подготовила И. М. Семенко. М., 1977.

БдЧ — Библиотека для чтения.

Белинский. Изд. 1953—1959 — *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953—1959.

Богаевская 1938 — *Богаевская К. П.* Пушкин в печати за 100 лет (1837—1937) / Под редакцией М. А. Цявловского. М., 1938.

А. Л. Боратынский 1971 — *Боратынский А. Л.* И все-таки Боратынский! // Литературная газета. 1971. 28 июля. № 31.

Л. Е. Боратынский 1869 — *Боратынский Л. Е.* Материалы для биографии Е. А. Баратынского // Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. М., 1869.

М. А. Боратынский 1910 — *Боратынский М. А.* Род дворян Боратынских. М., 1910.

Н. Е. Боратынский 1884 — [*Боратынский Н. Е.*] Примечания // Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. Казань, 1884.

Бочаров 1985 — *Бочаров С. Г.* «Обречен борьбе верховной...» // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М., 1985.

Брюсов 1899 — *Брюсов В. Я.* О собраниях сочинений Е. А. Баратынского; [Приложение]: Шесть стихотворений Е. А. Баратынского // Русский архив. 1899. Кн. III. № 11.

Брюсов 1900а — *Брюсов В. Я.* К столетию со дня рождения Е. А. Баратынского // Русский архив. 1900. Кн. I. № 4.

Брюсов 1900б — *Брюсов В. Я.* «Цапли»: Шуточные стихи старого времени // Русский архив. 1900. Кн. II. № 5.

Булаховский 1954 — *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика; Морфология; Ударение; Синтаксис. М., 1954.

Буслаев 1858 — *Буслаев Ф. И.* Опыт Исторической Грамматики русского языка. М., 1858. Ч. I—II.

Бычков 1887 — Бумаги В. А. Жуковского / Разобраны и описаны И. Бычковым // Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1884 год. СПб., 1887.

БЭ — Библейская энциклопедия [Репринтное издание]. Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1990 (Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия: В 4 вып. / Труд и издание Архимандрита Никифора. М., 1891).

Валерианов 1970 — *Валерианов В.* [*Кожинов В. В.*] Необходимое уточнение: Имя писателя // Литературная газета. 1970. 9 декабря. № 50.

Вацуро 1972 — *Вацуро В. Э.* Из истории литературных полемик 1820-х гг. // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1972.

Вацуро 1979 — *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750 — 1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979.

Вацуро 1986 — *Вацуро В. Э.* Из записок филолога: [2]. Заметка к тексту Баратынского // Русская речь. 1986. № 3.

Вацуро 1988 — *Вацуро В. Э.* Из литературных отношений Баратынского // Русская литература. 1988. № 3.

Вацуро 1994а — *Вацуро В. Э.* Коншин Николай Михайлович // Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3.

Вацуро 1994б — *Вацуро В. Э.* Крылов Александр Абрамович // Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3.

Вацуро. Записки комментатора — *Вацуро В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994.

Вацуро. Лирика пушкинской поры — *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994.

Вацуро. СДП — *Вацуро В. Э.* С. Д. П.: Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989.

Вацуро. СЦ — *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978.

Вейс 1962 — *Вейс А. Ю.* К избранию Е. А. Баратынского в Санкт-петербургское Вольное общество любителей российской словесности // Пушкин и его время. Л., 1962. Вып. 1.

Венок — Венок Боратынскому: Материалы I и II Российских научных чтений «Е. А. Боратынский и русская культура» 21—23 июня 1990, 20—23 мая 1994. Мичуринск, 1994.

Виноградов 1935 — *Виноградов В. В.* Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935.

Виноградов 1941 — *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941.

Виноградов 1989 — *Виноградов В. В.* История слова *подвиг* в русском языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1989. № 3.

Винокур 1927 — *Винокур Г. О.* Критика поэтического текста. М., 1927.

Винокур 1941 — *Винокур Г. О.* Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений (Ответ В. И. Чернышеву) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Вып.] 6.

Вяземский. ПСС — *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1878. Т. 1; 1883. Т. 8.

Вяземский. Изд. 1935 — *Вяземский П. А.* Избранные стихотворения / Издание подготовила В. С. Нечаева. М.; Л., 1935.

Вяземский. Изд. 1963 — *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848) / Издание подготовила В. С. Нечаева. М., 1963.

Вяземский. Изд. 1982 — *Вяземский П. А.* Сочинения: В 2 т. / Издание подготовил М. И. Гиллельсон. М., 1982.

Вяземский. Изд. 1984 — *Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика / Издание подготовила Л. В. Дерюгина. М., 1984.

Вяземский. Изд. 1986 — *Вяземский П. А.* Стихотворения / Подготовка текстов и примечания К. А. Кумпан; вступительная статья Л. Я. Гинзбург. Л., 1986.

Гаевский 1853 — *Гаевский В. П.* Дельвиг: Статья вторая // Современник. 1853. Т. XXXIX. № V—VI. Отд. III.

Гаевский 1854 — *Гаевский В. П.* Дельвиг: Статья третья // Современник. 1854. Т. XLIII. № I. Отд. III.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

Гаспаров 1984 — *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика; Ритмика; Рифма; Строфика. М., 1984.

Гаспаров 1989 — *Гаспаров М. Л.* Три типа русской романтической элегии (индивидуальный стиль в жанровом стиле) // Контекст-1988. М., 1989.

ГБЛ — см. *РГБ*.

Гиллельсон 1964 — *Гиллельсон М. И.* А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А. И. Хроника русского; Дневники (1825—1836 гг.). М.; Л., 1964.

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва): Отдел письменных источников.

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ГПБ — см. *РНБ*.

Грен 1861 — *Грен А. Е.* Биографические заметки // Петербургский вестник. 1861. № 13—14.

Грот, Плетнев. Переписка — Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / Под редакцией К. Я. Грота. СПб., 1896. Т. I—II.

Давыдов. Изд. 1984 — *Давыдов Д. В.* Стихотворения / Издание подготовил В. Э. Вацуро. Л., 1984.

Даль. Изд. 1903—1909 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е, исправленное и значительно дополненное издание под редакцией И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М., 1903—1909. Т. 1—4.

Делиль. Изд. 1988 — *Делиль Ж.* Сады / Издание подготовили Н. А. Жирмунская, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, И. Я. Шафаренко. Л., 1988.

Дельвиг. Изд. 1986 — *Дельвиг А. А.* Сочинения / Издание подготовил В. Э. Вацуро. Л., 1986.

Державин. Изд. 1864—1883 — *Державин Г. Р.* Сочинения: В 9 т. / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб., 1864—1883.

Державин. Изд. 1933 — *Державин Г. Р.* Стихотворения / Редакция и примечания Г. А. Гуковского; вступительная статья И. А. Виноградова. Л., 1933.

Державин. Изд. 1957 — *Державин Г. Р.* Стихотворения / Подготовка текстов, общая редакция и вступительная статья Д. Д. Благого; примечания составил В. А. Западов. Л., 1957.

Дмитриев. Изд. 1967 — *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений / Издание подготовил Г. П. Макогоненко. М., 1967.

Документы ВОЛРС — Журнал ученых упражнений высочайше утвержденного С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности: 1820 год; 1822 год; 1824 год; Дела цензурного комитета высочайше утвержденного С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности: 1821 год; Подробная ведомость сочинениям и переводам в прозе и стихах господ членов высочайше утвержденного С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности и посторонних особ в течение 1823 года // *Базанов В. Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949.

Дризен 1894 — *Дризен Н. В.* Два неизданных стихотворения Е. А. Баратынского // Вестник Европы. 1894. Т. II (167). Кн. 3.

Дьяченко 1900 — *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений). М., 1900.

Жуковский. Изд. 1959—1960 — *Жуковский В. А.* Собрание сочинений: В 4 т. М.; Л., 1959—1960.

Жуковский. Изд. 1995 — *Жуковский В. А.* Розы Мальзерба: Европейская новелла в переводах В. А. Жуковского / Издание подготовили Е. Е. Дмитриева и С. В. Сапожков. М.; Париж; Псков, 1995.

Жуковский. Изд. 1999—2000 — *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1999. Т. I; М., 2000. Т. II.

Журналы ВОЛРС — Журнал ученых упражнений высочайше утвержденного С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности: 1820 год; 1822 год; 1824 год; Дела цензурного комитета высочайше утвержденного С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности: 1821 год; Подробная ведомость сочинениям и переводам в прозе и стихах господ членов высочайше утвержденного С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности и посторонних особ в течение 1823 года // Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964.

Заборов 1983 — *Заборов П. Р.* Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях первой трети XIX века // Взаимосвязи русской и зарубежной литератур. Л., 1983.

Иванов, Топоров 1982 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1982. Т. 2.

Изв. АН — Известия Академии наук.

Изд. 1827 — Стихотворения Евгения Баратынского. М., 1827.

Изд. 1835 — Стихотворения Евгения Баратынского: В 2 ч. М., 1835.

Изд. 1869 — Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского / Издание подготовил Л. Е. Боратынский. М., 1869.

Изд. 1884 — Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского / Издание подготовил Н. Е. Боратынский. Казань, 1884.

Изд. 1894 — Полное собрание сочинений Е. А. Баратынского: В 2 т. / Под редакцией И. Н. Божерянова. СПб., 1894 (Приложение к журналу «Север»).

Изд. 1894а — Полное собрание сочинений Е. А. Баратынского / Издание Ф. А. Иогансона. Киев, 1894.

Изд. 1900 — Стихотворения Евгения Абрамовича Боратынского: В 2 ч. / Издание подготовил Л. Е. Боратынский. Казань, 1900.

Изд. 1914—1915 — Полное собрание сочинений Е. А. Боратынского / Издание подготовил М. Л. Гофман / Издание Разряда изящной словесности Имп. Академии Наук. СПб., 1914. Т. I; 1915. Т. II (Академическая Библиотека Русских Писателей; Вып. 10, 11).

Изд. 1936 — *Баратынский.* Полное собрание стихотворений / Издание подготовили Е. Н. Купреянова и И. Н. Медведева; вступительная статья Д. С. Мирского; биографические статьи Е. Н. Купреяновой и И. Н. Медведевой. [Л.], 1936. Т. I—II (Библиотека поэта. Большая серия).

Изд. 1937 — *Баратынский Е.* Стихотворения / Издание подготовила Е. Н. Купреянова. Л., 1937 (Библиотека поэта. Малая серия).

Изд. 1945 — *Баратынский.* Стихотворения / Издание подготовила И. Н. Медведева. М., 1945.

Изд. 1948 — *Баратынский Е. А.* Стихотворения / Издание подготовила Е. Н. Купреянова. Л., 1948 (Библиотека поэта. Малая серия).

Изд. 1951 — *Боратынский Е. А.* Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма / Издание подготовили О. В. Муратова и К. В. Пигарев; вступительная статья К. В. Пигарева. М., 1951.

Изд. 1957 — *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений / Издание подготовила Е. Н. Купреянова. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая серия).

Изд. 1982 — *Баратынский Е. А.* Стихотворения; Поэмы / Издание подготовил Л. Г. Фризман. М., 1982 (Литературные памятники).

Изд. 1983 — *Баратынский Е. А.* Стихотворения. Проза. Письма / Издание подготовили В. А. Расстригин и А. Е. Тархов; вступительная статья С. Г. Бочарова. М., 1983.

Изд. 1987 — *Баратынский Е. А.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Издание подготовили С. Г. Бочаров и Л. В. Дерюгина; вступительная статья Л. В. Дерюгиной. М., 1987.

Изд. 1989 — *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений / Издание подготовил В. М. Сергеев; вступительная статья И. М. Тойбина. Л., 1989 (Библиотека поэта. Большая серия).

Изд. 2000 — *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений / Издание подготовил Л. Г. Фризман; вступительные статьи Е. В. Невзглядовой и Л. Г. Фризмана. СПб., 2000 (Новая Библиотека поэта).

Ильин-Томич 1994 — *Ильин-Томич А. А.* Креницын Александр Николаевич // Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3.

ИП — *Песков А. М.* Боратынский: Истинная повесть. М., 1990.

ИПБ — Императорская Публичная Библиотека, Санкт-Петербург (впоследствии: *ГПБ*, *РНБ*).

Истомин 1895 — *Истомин В.* Главнейшие особенности языка и слога произведений Евгения Абрамовича Баратынского // Русский Филологический Вестник. 1895. Т. XXXIV. Педагогическое отделение.

Капнист. Изд. 1973 — *Капнист В. В.* Избранные произведения / Издание подготовили Г. В. Ермакова-Битнер и Д. С. Бабкин; вступительная статья Г. В. Ермаковой-Битнер. Л., 1973.

Карамзин. Изд. 1966 — *Карамзин Н. М.* Полное собрание стихотворений / Издание подготовил Ю. М. Лотман. М.; Л., 1966.

Катенин. Изд. 1954 — *Катенин П. А.* Стихотворения / Издание подготовил В. Н. Орлов. Л., 1954.

Кирпичников 1897 — *Кирпичников А. И.* Н. М. Коншин, 1793—1859 (Эпизод из истории русского романтизма, по неизданным документам) // Русская мысль. 1897. № 5.

Кирсанова 1995 — *Кирсанова Р. М.* Костюм в русской художественной культуре 18 — первой половины 20 вв.: Опыт энциклопедии. М., 1995.

Кожинов 1975 — *Кожинов В. В.* Легенды и факты // Русская литература. 1975. № 2.

Коншин. Изд. 1958 — *Коншин Н. М.* Воспоминания о Боратынском, или Четыре года моей финляндской службы с 1819 по 1823 / Текст подготовил П. С. Бейсов // Краеведческие записки Ульяновского областного краеведческого музея. Ульяновск, 1958. Вып. 2.

Коншин. Для немногих — *Коншин Н. М.* Для немногих [Фрагменты] / Текст подготовили С. Г. Бочаров и Л. В. Дерюгина // Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1987.

Коровин 1980 — *Коровин В. И.* Читателя найду в потомстве я // Русский язык в школе. 1980. № 1.

Коровин 1996 — *Коровин В. И.* Две заметки о стихах Баратынского // Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1995—1996.

Креницын 1898 — *Креницын Н. В.* А. Н. Креницын // Русский архив. 1898. Кн. II. № 8.

Кюхельбекер. Изд. 1939 — *Кюхельбекер В. К.* [Сочинения: В 2 т.] / Издание подготовил Ю. Н. Тынянов. [Т.] I: Лирика и поэмы. Л., 1939.

Кюхельбекер. Изд. 1967 — *Кюхельбекер В. К.* Избранные произведения: В 2 т. / Издание подготовила Н. В. Королева. М.; Л., 1967.

Кюхельбекер. Изд. 1979 — *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи / Издание подготовили Н. В. Королева, В. Д. Рак, [М. Г. Альтшуллер]. Л., 1979.

Лебедев 1985 — *Лебедев Е. Н.* Тризна: Книга о Е. А. Боратынском. М., 1985.

Левин 1980 — *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе: Конец XVIII — первая треть XIX века. Л., 1980.

Лермонтов. Ак. — *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: В 6 т. М.; Л., 1954—1957.

Летопись — Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / Составитель А. М. Песков; текст подготовили Е. Э. Лямина и А. М. Песков. М., 1998.

ЛН — Литературное наследство.

Ломоносов. Изд. 1959 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: [В 11 т.]. М.; Л., 1959. Т. 8.

Лонгинов 1864 — *Лонгинов М. Н.* Материалы для полного собрания сочинений Баратынского // Русский архив. 1864. № 1.

Лонгинов 1867 — *Лонгинов М. Н.* Баратынский и его сочинения // Русский архив. 1867. № 2.

Лонгинов 1869 — Библиографический список напечатанных стихотворений Баратынского в хронологическом порядке / Составил М. Н. Лонгинов // Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. М., 1869.

Лотман 1980 — *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980.

Лямина 1990 — *Лямина Е. Э.* Журнал Софи [Письма Софьи Абрамовны Боратынской к матери за июнь—июль 1822] // Песков А. М. Боратынский: Истинная повесть. М., 1990.

Мазепа 1960 — *Мазепа Н. Р.* Е. А. Баратынский: Эстетические и литературно-критические взгляды. Киев, 1960.

Манн 1976 — *Манн Ю.В.* Поэтика русского романтизма. М., 1976.

Маркевич. Изд. 1980 — *Маркевич Н. А.* Из воспоминаний / Текст подготовила И. Б. Мушина // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 2.

Маслов 1912 — *Маслов В. И.* Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912.

Материалы 1916 — Е. А. Боратынский: Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских / Издание подготовил Ю. Н. Верховский. Пг., 1916.

Медведева 1936 — *Медведева И. Н.* Павел Лукьянович Яковлев и его альбом // Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.; Л., 1936. [Т.] VI.

Милонов. Изд. 1983 — *Марин С. Н., Милонов М. В.* Стихотворения. Драматические произведения. Сцены и отрывки. Письма / Издание подготовил Б. Т. Удодов. Воронеж, 1983.

Мироненко 1988 — Декабристы: Биографический справочник / Составитель С. В. Мироненко. М., 1988.

Могилянский 1956 — *Могилянский А. Я.* К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. I.

Модзалевский 1911 — *Модзалевский Б. Л.* Список рукописей и некоторых других предметов, принадлежащих Пушкинскому Дому // Известия Имп. Академии Наук. VI серия. СПб., 1911. № 7.

Мураново — Музей-усадьба Мураново: Научный архив.

НБ КГУ — Научная библиотека Казанского государственного университета: Отдел рукописей.

НБ МГУ — Научная библиотека Московского государственного университета: Отдел редких книг и рукописей.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских / Издание С. Д. Шереметева; под редакцией и с примечаниями В. И. Саитова. СПб., 1899—1901. Т. I—II; 1903. Т. III.

Озеров 1807 — *Озеров В. А.* Фингал: Трагедия в трех действиях, с хорами и пантомимными балетами. СПб., 1807.

Оксман 1922 — *Оксман Ю. Г.* Стихотворения Евгения Баратынского в цензуре: Выписка из журнала заседаний СПБ. Цензурного Комитета 14 марта 1833 г. // Литературный Музеум (Цензурные Материалы I[го] отд. IV секции Государственного Архивного Фонда). Пг., [1922]. [Т.] I.

ОНС — Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964.

Оссиан. Пер. Кострова — *Оссиан*, сын Фингалов, Бард третьего века. Гальские стихотворения / Пер. с Франц. Е. [И.] Костровым. СПб., 1792. Ч. I—II.

Отчет ИПБ 1884 — Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887.

Отчет ИПБ 1895 — Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1895 год. СПб., 1897.

Панов 1994 — *С. П.* [*Панов* С. *И.*] [Рецензия на издание: Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 1—2] // Новое литературное обозрение. № 4. М., 1994.

ПД — Пушкинский Дом (Институт русской литературы РАН; Санкт-Петербург): Рукописный отдел.

Песков 1995 — *Песков А. М.* Боратынский: Одинакие криле // Филологические науки. 1995. № 2.

Песков 1998 — *Песков А. М.* Взгляд на жизнь и сочинения Боратынского // Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. М., 1998.

Пешков 1974 — *Пешков В. М.* «Моя начальная любовь...»: Е. А. Боратынский в Маре. Воронеж, 1974.

Пигарев 1935 — *Пигарев К. В.* Е. А. Баратынский. Неизданная эпиграмма на Аракчеева // Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.; Л., 1935. [Т]. V.

Пильщиков 1992а — *Пильщиков И.* Debilitata Venus (Два стихотворения Е. А. Баратынского о старости и красоте) // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992.

Пильщиков 1992б — *Пильщиков И. А.* Понятия «язык», «имя» и «смысл» в концептуальной системе поэтического мира Баратынского // Wiener Slawistischer Almanach. 1992. Bd. 29.

Пильщиков 1994а — *Пильщиков И. А.* «Я возвращусь к вам, поля моих отцов...»: Баратынский и Тибулл // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53. № 2.

Пильщиков 1994б — *Пильщиков И.* О «французской шалости» Баратынского // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. (Новая серия). Тарту, 1994. [Вып]. I.

Пильщиков 1995а — *Пильщиков И. А.* «Les Jardins» Делиля в переводе Воейкова и «Воспоминания» Баратынского // Лотмановский сборник. М., 1995. [Вып.] 1.

Пильщиков 1995б — *Пильщиков И. А.* О роли версий-посредников при создании переводного текста (Дмитриев — Лагарп — Скалигер — Тибулл) // Philologica. 1995. Т. 2. № 3/4.

Пильщиков 1999 — *Пильщиков И. А. Отзыв* у Баратынского: слово и значение // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999.

Пильщиков 2000 — *Пильщиков И. А.* [Рецензия на издание: Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. СПб., 2000] // Philologica. 1999/2000. Т. 6. № 14/16.

Пильщиков 2002 — *Пильщиков И. А.* Финские элегии Баратынского: Материалы для академического комментария // К 200-летию Боратынского: Сборник материалов международной научной конференции. М., 2002.

Пильщиков, Шапир 2002 — Пушкин А. С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы /Издание подготовили И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М., 2002. (Philologica russica et speculativa; Т. II).

Плетнев 1842 — *Плетнев П.* Финляндия в Русской поэзии (Письмо к Цигнеусу) // Альманах в память двухсотлетнего юбилея Имп. Александровского Университета. Гельсингфорс, 1842.

Поляков 1918 — *Поляков А.* Н. М. Языков и Е. А. Боратынский // Литературно-библиологический сборник. Пг., 1918.

Поэты 1820—1830 — Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. / Вступительная статья и общая редакция Л. Я. Гинзбург. Л., 1972. Т. 1 (тексты подготовил, примечания и биографические справки составил В. Э. Вацуро).

Проскурин 1999 — *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999.

Путята. Изд. 1993 — Воспоминания Н. В. Путяты о Е. А. Баратынском / Текст подготовила Е. Е. Пастернак [Давыдова] // Лица: Биографический альманах. СПб.; М., 1993. Вып. 2.

Пушкин. Ак. — *Пушкин.* Полное собрание сочинений: В 16 т. [М.; Л.], 1937—1949.

Пушкин в восп. — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Издание подготовили В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон, Р. В. Иезуитова, Я. Л. Левкович; вступительная статья В. Э. Вацуро. М., 1974.

Пушкин. Изд. 1977—1979 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. / Издание подготовил Б. В. Томашевский. 4-е изд. Л., 1977—1979.

Пушкин. Изд. 1999 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 20 т. — Т. 1: Лицейские стихотворения, 1813—1817 / Редактор тома В. Э. Вацуро. СПб., 1999.

ПФП — Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969.

РБС. Т. 2. — Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 2.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Российская Государственная Библиотека (бывшая *ГБЛ* — Государственная Библиотека им. Ленина; Москва): Отдел рукописей.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

Рисунки рус. писателей 1988 — Рисунки русских писателей XVIII — начала XIX в. М., 1988.

Рихтер 1819—1820 — *Рихтер А. Ф.* Скандинавская Мифология // Благонамеренный. 1819. Ч. VIII. № XXIII/XXIV; 1820. Ч. IX. № I (подпись: *А—ъ Р—х—ъ*).

РНБ — Российская Национальная Библиотека (бывшая *ГПБ* — Государственная Публичная Библиотека; Санкт-Петербург): Отдел рукописей.

Рылеев. Изд. 1934 — *Рылеев К. Ф.* Полное собрание сочинений / Издание подготовил А. Г. Цейтлин. М.; Л., 1934.

РЭ — Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. / Издание подготовили В. Е. Васильев, М. И. Гиллельсон, Н. Г. Захаренко. Л., 1975.

Савченко 1926 — *Савченко С.* Элегия Ленского и французская элегия // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926.

САР — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806—1822. Ч. I—VI.

Сб. РИО — Сборник Имп. Русского Исторического общества.

Светлов 1984 — *Светлов А. П.* Об уникальном экземпляре «Стихотворений» Е. А. Баратынского 1833 г. // Книга: Исследования и материалы. М., 1984. Сб. XLIX.

Семенко 1970 — *Семенко И. М.* Поэты пушкинской поры. М., 1970.

Сендерович 1989 — *Сендерович М.* Поэтика инверсии Баратынского: Глава из Поэтики инверсии // Russian Language Journal. 1989. Vol. XLIII. № 144.

Синявский, Цявловский 1914 — *Синявский Н. А., Цявловский М. А.* Пушкин в печати, 1814—1837. М., 1914.

СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1986. Вып. 11; 1989. Вып. 15; 1990. Вып. 16; 1999. Вып. 29.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984—1991. Вып. 1—6; СПб., 1992—2000. Вып. 7—11.

Смирнов-Сокольский 1965 — [*Перцович Ю. С.*], *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965.

Собр. стих. декабристов 1862 — Собрание стихотворений декабристов. Лейпциг, 1862.

Сомов. Дневник 1821 — Дневник О. М. Сомова [1821] / Текст подготовила Е. Е. Дмитриева-Маймина // Вацуро В. Э. С. Д. П.: Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989.

Соревнователь — Соревнователь Просвещения и Благотворения.

СП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1957—1961.

Сумерки — Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского. М., 1842.

Тойбин 1988 — *Тойбин И. М.* Тревожное слово (О поэзии Е. А. Баратынского). Воронеж, 1988.

Томашевский 1922 — *Томашевский Б. В.* Пушкин — читатель французских поэтов // Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1922 (Пушкинист. [Вып.] IV).

Томашевский 1958 — *Томашевский Б. В.* Строфика Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. II.

Томашевский 1959 — *Томашевский Б. В.* Стилистика и стихосложение. Л., 1959.

Татевский сборник — Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899.

Тургенев 1854 — XV стихотворений Е. А. Баратынского / Публикация И. С. Тургенева // Современник. 1854. № X. Отд. I.

Тютчев. Изд. 1965 — *Тютчев Ф. И.* Лирика: В 2 т. / Издание подготовил К. В. Пигарев. М., 1965.

Филиппович 1915а — *Филиппович П. П.* Отчет о поездке в Петроград // Университетские известия. Киев, 1915. № 8.

Филиппович 1915б — *Филиппович П. П.* Об Академическом издании стихотворений Боратынского // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1915. Ч. 56. Март.

Филиппович 1916 — *Филиппович П. П.* О втором томе Академического издания сочинений Боратынского // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1916. Ч. 62. Апрель.

Филиппович 1917 — *Филиппович П. П.* Жизнь и творчество Е. А. Боратынского. Киев, 1917.

Фонвизин. Изд. 1959 — *Фонвизин Д. И.* Собрание сочинений: В 2 т. / Издание подготовил Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1959.

Фризман 1966 — *Фризман Л. Г.* Творческий путь Баратынского. М., 1966.

Фризман 1982 — *Фризман Л. Г.* Поэт и его книги; Проблемы текстологии Баратынского; Примечания // Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982.

ФЭ — Французская элегия XVIII — XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Издание подготовили В. Э. Вацуро и В. А. Мильчина. М., 1989.

Хетсо 1964 — *Хетсо Г.* Анастасия Львовна Боратынская о своем муже // Scando-Slavica. 1964. Т. X.

Хетсо 1973 — *Хетсо Г.* Евгений Баратынский: Жизнь и творчество. Oslo; Bergen; Tromsö, 1973.

ЦГАЛИ; *ЦГВИА*; *ЦГИА* — см. *РГАЛИ; РГВИА; РГИА.*

Цейтлин и др. 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

Цявловский 1936 — *Цявловский М. А.* Судьба тетради Всеволжского с 1825 г. // Летописи Гос. Лит. Музея. Кн. I: Пушкин. М., 1936.

Цявловский. Изд. 1991 — Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826 / Составитель М. А. Цявловский / Ответственный редактор Я. Л. Левкович. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Л., 1991.

Чернышев 1914 — *Чернышев В. И.* Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики. Издание 2-е, исправленное и дополненное. СПб., 1914. Вып. 1.

Шапир 2002 — *Шапир М. И.* Пушкин и Баратынский (Поэтические контексты «Медного Всадника») // К 200-летию Боратынского: Сборник материалов международной научной конференции. М., 2002.

Шарыпкин 1972 — *Шарыпкин Д. П.* Скандинавская тема в ранней романтической литературе // Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972.

Шахвердов 1979 — *Шахвердов С. А.* Метрика и строфика Е. А. Баратынского // Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979.

Шестакова 1996 — *Шестакова Л. Л.* Языковые приемы формирования текста в поэзии Е. Баратынского (на материале элегии «Разуверение») // Язык как творчество: К 70-летию В. П. Григорьева. М., 1996.

Шестакова 2000 — *Шестакова Л. Л.* Две «Весны» Евгения Баратынского // Русский язык в школе. 2000. № 2.

Шубин 1986 — *Шубин В. Ф.* Поэты пушкинского Петербурга. Л., 1985.

ЭиП — Эда, финляндская повесть, и Пиры, описательная поэма, Евгения Баратынского. СПб., 1826.

Языков. Изд. 1988 — *Языков Н. М.* Стихотворения и поэмы / Издание подготовили К. К. Бухмейер и Б. М. Толочинская; вступительная статья К. К. Бухмейер. Л., 1988.

Barratt 1969 — *Barratt G.* Eighteenth-Century Neoclassical French Influence on E. A. Baratynsky and Pushkin // Comparative Literature Studies. 1969. Vol. VI. № 4.

Bertin. Éd. 1879 — *Bertin A.* Poésies et œuvres diverses / Avec une Notice bio-bibliographique par E. Asse. P., 1879.

Boele 1994 — *Boele O.* Finland in the Work of Evgenij Baratynskii: Locus Amoenus or Realm of the Dead // Essays in Poetics. 1994. Vol. 19. № 1.

Colucci 1999 — Introduzione. Note // Baratynskij E. Liriche / A cura di M. Colucci. Torino, 1999.

Delille 1801 — *Delille J.* Les Jardins: Poëme. Nouv. éd. considérablement augmentée. Paris, an IX — 1801.

Guski 1982 — *Guski A.* E. A. Baratynskijs «Konšinu» // Russische Lyrik: Eine Einführung in die literaturwissenschaftliche Textanalyse. München, 1982.

La Harpe. Éd. 1821 — *La Harpe J. F.* Œuvres. Paris, 1821. T. III.

Legouvé. Éd. 1813 — *Legouvé G.* Le Mérite des femmes, et autres poésies. Paris, 1813.

Léonard. Éd. 1910 — *Léonard* [*N. G.*] Idylles et poèmes champêtres choisis. Paris, 1910.

Millevoye. Éd. 1843 — *Millevoye* [*Ch.*] Poésies / Avec une notice par M. de Pongerville. P., 1843.

Nabokov 1964 — *Pushkin A.* Eugene Onegin: A Novel in Verse: In 4 vols. / Translated from the Russian, with a Commentary, by V. Nabokov. N. Y., 1964.

Panofsky 1939 — *Panofsky E.* «Father Time» // Studies on Iconology. N. Y., 1939.

Parny. Éd. 1862 — *Parny* [*É.*] Œuvres: Élégies et poésies diverses / Nouv. éd. rev. et annotée par M. A.-J. Pons; Avec une préface de M. [C.] Sainte-Beuve. Paris, 1862.

Pigler 1974 — *Pigler A.* Barockthemen: Eine Auswahl von Verzeichnissen zur Ikonographie des 17. und 18. Jahrhunderts. Budapest, 1974. Bd. I—II.

Pilshchikov 1994a — *Pilshchikov I. A.* On Baratynsky's «French trifle»: *The Elysian Fields* and its Context // Essays in Poetics. 1994. Vol. 19. № 2.

Pilshchikov 1994b — *Pilshchikov I.* Notes and Queries in Poetics: I. Baratynsky and Delille // Essays in Poetics. 1994. Vol. 19. № 2.

Pilshchikov 1996 — *Pilshchikov I. A.* Notes on the Semantics of *Otzyv* in Baratynsky // Irish Slav. Studies. 1994 (1996). №15.

Potthoff 1978 — *Potthoff W.* Russische Rom-Dichtung im 19. Jahrhundert // Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa: Aus Anlaß des VIII. Internationalen Slavistenkongresses in Zagreb. Giessen, 1978 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen; Bd. 13).

Rakuša 1973 — *Rakuša I.* Studien zum Motiv der Einsamkeit in der Russischen Literatur. [Luzern; Bern; Frankfurt a. M.], 1973 (Slavica Helvetica; [Bd. 3]).

Seyffert 1957 — *Seyffert O.* A Dictionary of Classical Antiquities: Mythology; Religion; Literature; Art / Rev. and ed. by H. Nettleship and J. E. Sandys. N. Y., 1957.

Shaw 1975 — *Shaw J. T.* Baratynskii: A Dictionary of the Rhymes & A Concordance to the Poetry. Madison, Wis.; London, 1975 (Wisconsin Slavic Publications; 3).

Tribe 1992 — *Tribe T. C.* Word and Image in Emblematic Painting // Symbola et Emblemata: Studies in Renaissance and Baroque Symbolism. Leiden; New York; Köln, 1992. Vol. III: The Emblem in Renaissance and Baroque Europe. Tradition and Variety. Selected Papers of the Glasgow International Emblem Conference, 13—17 August, 1990. P. 247—271.

Voltaire. Éd. 1876—1891 — *Voltaire.* Œuvres complètes. Paris, 1870. T. I; 1877. T. VIII, X.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фотокопии автографов

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ БОРАТЫНСКОГО, ПОМЕЩЕННЫХ В ПЕРВОМ ТОМЕ

Указатель составила О. В. Голубева.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Евгений Абрамович Боратынский

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

Том 1

Стихотворения 1818—1822 годов

Издатель А. Кошелев

Подписано в печать 12.03.02. Формат $70 \times 100^1/_{16}$.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура Academy.
Усл. печ. л. 32. Тираж 2000 экз. Заказ № 1922.

Издательство «Языки славянской культуры»
129345. Москва, Оборонная ул., 6-105.

№ 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93, факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru
Каталог в Интернете: http://www.lrc-mik.narod.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.
Тел.: 3-01-60; 3-46-20; 3-46-05.